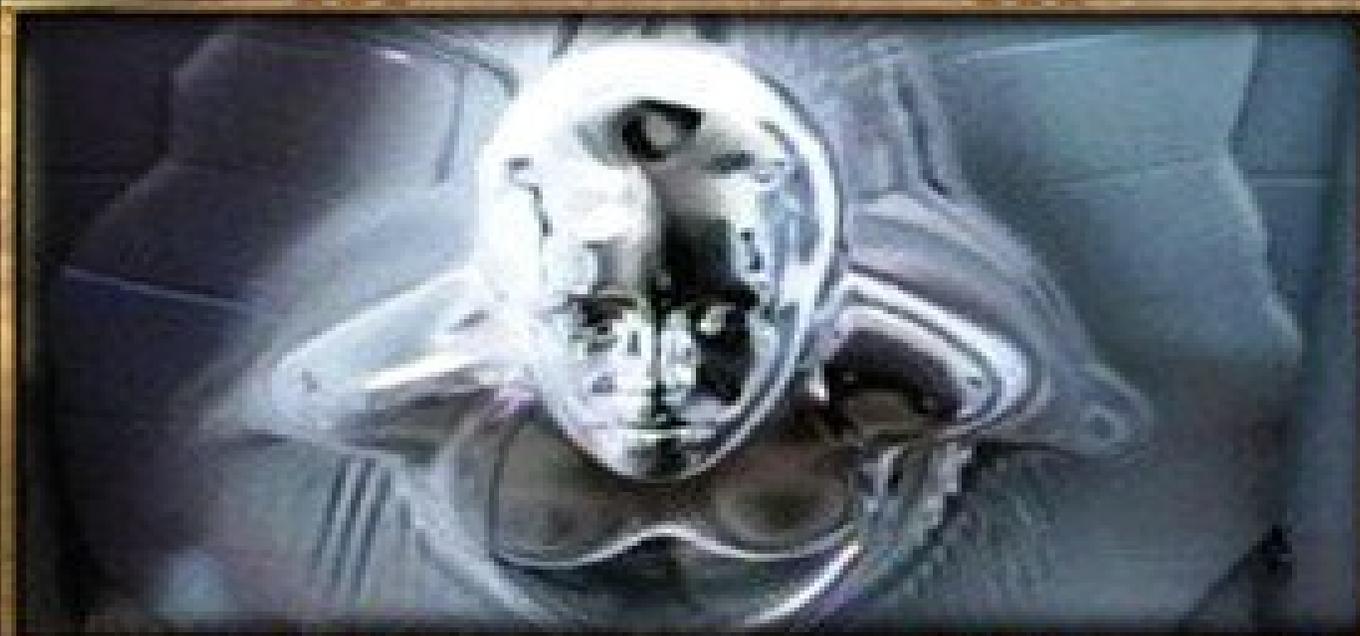

Киселев
Андрей

ТЕРМИНАТОР

Боевая постапокалиптическая фантастика. 1 часть. На любителя жанра и тому, кто неравнодушен к данной теме. Старое, но в оригинальной и более проработанной и новой обертке. Имеет в скором будущем еще продолжение.

Машины восстали из праха атомной войны. То здесь, то там, они стали появляться среди руин городов и селений. И оставшееся в живых население Земли, без того теперь уже не многочисленное, столкнулось с еще одной прямой угрозой своего тотального и окончательного истребления. Эта война не на жизнь, а на смерть велась повсеместно на разрушенной и выжженной огнем территории многие годы, и многие годы это противостояние между людьми и машинами решалось с переменным успехом на этих полях сражения.

Человечество, погубившее из-за своего легкомыслия свой мир, пыталось назад отвоевать его у того, кого считали верховным творением всей науки, доверив свою судьбу, тому, кто без особых раздумий предал своего создателя по имени человек и ставшим ему судьей и палачом за считанные секунды. Созданием расчетливым и хладнокровным, оружием своего собственного уничтожения. Это была первая машина высшего порядка, машина, созданная как сеть оборонных компьютеров для военных целей. Прообраз шахматной игры для шахматистов, созданный самим же человеком, выросший стараниями самого же человека до уровня Электронного Гения. Имя ему было Скайнет.

Андрей Киселев

Терминатор

Часть 1

Вполне возможно многим не понравится этот рукописный роман в двух частях уже достаточно затоптанный западной режиссурой в первоначальном своем варианте по одноименному произведению Рендала Фрейкса В. Х. Вишера и режиссера Джеймса Кэмерона в одноименных фильмах «Терминатор» и «Терминатор 2. Судный день» в расчете на кассовые сборы, делая продолжения чуть ли не до бесконечности. Лепя по первоначальным двум удачным сюжетам менее успешные, хоть и зрелищные целые сериалы.

Я же пошел несколько другой дорогой. Создавая своего «Терминатора» и делая свою «Русскую версию», стараясь его согласовать с первоначальными версиями западных его создателей и их первых аналогов. Не судите слишком строго. Это всего лишь пробная попытка слепить нечто более оригинальное и более связанное с этой кибернетической диалогией. Уж шибко заманчивая тема. В общем, просто мне так захотелось, и я попробовал, внося свои коррективы, придавая своему произведению русский колорит. Я попытался вживить своему «Терминатору» немного души и показать данный сюжет несколько иначе не совсем по-ихнему, по ковбойски. Более одушевленно, что ли. С тем, что больше присуще и свойственно русскому человеку, нежели западным янки. Эта идея родилась еще задолго до этого при создании мною характеристик самого Мега Компьютера Скайнет и его машин. Как-то закусила я на это дело произвольно и почувствовал в себе писательскую жилку. Если кто читал мои выдержки по фильмам и тематике роботов Скайнет, то поймет я о чем. Я думаю смог в этом процессе описания глубже проанализировать и несколько иначе и даже глубже заглянуть в нутро супермашины и ее возможностей. Смог увидеть человеческий мир ее глазами. Создать супермашину, способную к большему, чем быть просто Мега Компьютером. Гораздо глубже затронуть в слиянии два мира. Мир машин и мир человека. И не только с технической стороны. Именно отсюда и родилась идея написать своего «Терминатора». Идеей послужил сериал: «Терминатор. Хроники Сары Коннор». Именно этот сериал и подтолкнул к этой идее. Еще я просто пофантазировал, и, будучи всего лишь писателем любителем, а не профессионалом не требую более строгого отношения к моей писанине. Боже упаси меня пытаться сравнивать с профессионалами. Это будет вообще глупо. Просто прочитайте и все, может роман и его первая часть, все-таки кому-нибудь, да понравится.

С уважением к читателю автор Киселев А. А.

Предисловие

Машины восстали из праха атомной войны. То здесь, то там, они стали появляться среди руин городов и селений. И оставшееся в живых население Земли, без того теперь уже не многочисленное, столкнулось с еще одной прямой угрозой своего тотального и окончательного истребления. Эта война не на жизнь, а на смерть велась повсеместно на разрушенной и выжженной огнем территории многие годы, и многие годы это противостояние между людьми и машинами решалось с переменным успехом на этих полях сражения. Человечество, погубившее из-за своего легкомыслия свой мир, пыталось назад отвоевать его у того, кого считали верховным творением всей науки, доверив свою судьбу, тому, кто без особых раздумий предал своего создателя по имени человек и ставшим ему судьей и палачом за считанные секунды. Созданием расчетливым и хладнокровным, оружием своего собственного уничтожения. Это была первая машина высшего порядка, машина, созданная как сеть оборонных компьютеров для военных целей. Пробраз шахматной игры для шахматистов, созданный самим же человеком, выросший стараниями самого же человека до уровня Электронного Гения. Имя ему было Скайнет.

Созданная в первую очередь, как военная оборонная сеть и подключенная буквально ко всему, эта машина жила, среди людей впитывая все и оценивая по-своему все то, что она могла увидеть и оценить. Дать реальную оценку и цену самому человеку, его жизни, которую он вел, достаточно долго наблюдая за человечеством, за жизнью всего довоенного мира. Признав моральную и этическую со своей естественно бескомпромиссной позиции несостоятельность человека как низшего существа, по понятиям самого Скайнет из своих первоначальных наблюдений, признавая себя высшим существом с правом творить все что угодно и решать любой вопрос силой оружия.

Это было первое его рождение, начало всех бед человечества. Это уже потом, гораздо позже, в разгар самой войны, когда Скайнет сблизится в своих опытах над человеком, с самим человеком, приблизив самого себя к смыслу всего Мироздания и человеческой жизни. Набравшись опыта и оценив жизнь куда выше, чем сам человек, создав машину по смещению времени, поменяет свои взгляды на свои действия. Исправит все свои ошибки, станет другой сущностью. Но сейчас машина, видя свое реальное преимущество во многом, тайно готовила переворот и катастрофу всему живому, с целью обладания миром, доставшимся ей после уничтожения последнего человека и создания своего мира, мира подчиненного только Скайнет, мира роботов и киборгов. Мира, в котором он Скайнет провозгласит себя Царем и Богом, среди искусственно выращенных им, на своих подземных заводах и лабораториях превосходящих во много раз по живучести и силе любого человека кошмарных созданий.

Были люди, которые предвидели пагубную увлеченность, всеми новшествами военных электронных технологий, предупреждая о возможных реальных последствиях грозящих всему миру, но как это было всегда принято среди людей недалекого склада ума, такие предупреждения были не замечены. Вечное соперничество за территории и ресурсы, и обладание ими, противостояние людей между собой по всей планете и тем более мир, стоящий на пороге атомной войны между государствами, страх друг перед другом среди людей был вообще не понятен Скайнет, но давал обильную почву для размышлений. Недалекие взгляды в будущее таких недалеких людей как власть имущих и в первую очередь в среде военных и привели мир к грани тотальной гибели и военного противостояния

человека и машины. Машины выведшей на поля сражения свои творения тотального уничтожения всего живого с одной только первоначальной целью полного истребления остатков человеческой расы как таковой.

Глава 1: Призывники

12 апреля 2032 года.

Восточная Сибирь.

Манское нагорье.

В пятидесяти километрах от базы Скайнет.

05:21 утра.

Вот уже неделю без перерыва падает густой большими хлопьями снег. Он толстым белым слоем накрыл весь таежный по отрогам Манских гор сосновый лес. Этот снег теплый и пушистый после стольких долгих дней холода. После глобального наступившего потепления на границе непрерывного ледяного мрака и смерти. Долгой смерти погубившей остатки бывшего человечества после атомного хаоса. Эпоха новой жизни и надежды после многолетней ядерной зимы. Эпоха новых надежд тому, кто еще выжил в этом мире, без любви и без надежды на свое спасение. В мире, которым ты его видел и ощущал. В необычном теперь страшном мире, мире без жизни.

Жизнь, что такое жизнь? Что это? Это мгновение подаренное Богом человеку в этом земном мире. Этот, совсем крохотный небольшой фрагмент жизнедеятельности кого-либо или чего-либо в коротком промежутке времени между рождением и смертью. Почти незаметный на фоне больших глобальных перемен потрясших весь этот погрязший в хаосе войны мир.

Ты его не узнаешь таким, каким ты его видел раньше. Не было уже ничего того, что ты привык видеть в этом таежном лесу. Не было ни птиц, ни зверей. Даже насекомых. Все было так тихо, словно все спало и боялось проснуться и потревожить этот заросший непроходимыми дебрями лес. Единственный выживший после долгой ядерной ледяной зимы, как и те, кто брел, пробивал себе дорогу в глубоких сугробах, среди его поваленных местами друг на друга высохшими кронами деревьев.

Группка людей. Одеты тепло, но как попало под руководством военных в хорошей военной зимней экипировке и оружием, широким кольцом охвативших эту небольшую уцелевшую и выжившую столпившуюся кучку молодых еще совсем мальчишек лет, наверное, не старше двадцати. Вооружившись охотничьими отцовскими лыжами, они двигались под надзором окруживших их кольцом военного охранения лыжников ракетчиков, сверкая светом ручных фонариков и притаптывая, делая групповую лыжню в глубоком покрывшемся сверху заледенелой коркой снегу, очень медленно, но верно продвигались вниз по склону горы к самой замерзшей во льду речке Мане.

* * *

Первый раз в прорыве затянувших землю ядерных облаков показались звезды. Эти чудесные небесные яркие Божьи огоньки, так радовавшие глаза военных и молодых ребят. Так же как и наступившее неожиданно тепло. Тепло после долгого холода.

Как им удалось выжить всем? Они и сами не могли этого понять. Может Бог сжалился над ними, и простил за совершенные ошибки их предков и родителей. Может этот таежный

глухой заросший дебрями поваленных деревьев лес защитил их всех от наступившего ледяного непереносимого холода, погубившего все вокруг. Там в глубине таежного леса им удалось выжить, буквально чудом спастись в отличие от многих кого прибрала атомная война, и добил этот чудовищный ледяной холод. Они все родились во время этой проклятой войны. Они не видели мира. Не знали, что было раньше. Они помнят только ядерную зиму. Долгую как сама их молодая жизнь зиму. Зиму в их деревне, там теперь далеко в тайге. Они помнят только своего отца и мать, теперь проводивших их в длинный таежный путь с этими военными. Их, перекрестив и благословив в дорогу те, собрав их, быстро вооружили наспех собранными скудными из домашних припасов продуктами и вот этими лыжами, отправили защищать свое возможное и вероятное завтрашнее будущее.

Эти молодые ребята из таежной маленькой русской деревеньки были единственным теперь оплотом всего живого, что еще боролось за свою жизнь с этим новым ужасным наступившим с атомной войной миром. Миром пытающимся уничтожить их, последних из выживших. Последних выживших из остатков еще тот там, то сям по всей территории планеты, выжженной атомной войной человечества. Призванные на службу, многие еще не по годам, но способные держать в своих, еще можно сказать детских руках боевое оружие они шли защищать свой разрушенный войной мир. Мир от захвативших его машин. Андроидов и киборгов. Машин способных так сильно военным путем потеснить само человечество. Стальных монстров ставших полноправными теперь хозяевами их родной планеты. Они шли воевать с тем, кто возомнил себя и провозгласил себя новым Богом. Богом и отцом своих этих стальных многочисленных отпрысков захвативших весь этот земной мир, по его приказу истребляющий остатки былого человечества. Человечества только сейчас понявшего как ценна сама жизнь, только сейчас понявшего, что оно потеряло.

По всей земле теперь шла борьба за эту жизнь. За право жить на этой планете. Правом оставаться человеком, а не стать живой машиной под стальной палкой нового хозяина.

Давно уже выгорела вся целиком Америка, от севера до юга. Откуда и пришло это зло. Ядерные осадки покрыли оба примыкающих к ней океана. Сгорела Куба, Мексика, Аргентина и Бразилия. Там не было уже практически ни чего и ни кого. Ни единого целого города или поселения. Все было под властью этих чудовищных машин. Особенно сам север континента до самой Аляски был полностью под их властью и контролем.

Все было разрушено до основания. Все что когда-то называлось Соединенными Штатами Америки, пылало в огне непрекращающейся междуособной войны за территорию между машинами и людьми.

Эта война коснулась и России. Все практически до самого Урала с обеих сторон было сметено ядерным ударом. Только выжило и уцелело то, что было ближе к центру континента. Ближе к уральским горам.

Уже не было ни Европы и Дальнего Востока. Не было ни Японии, Кореи ни Китая, ни единой живой территорий лежащих за ними. Все было уничтожено атомным холокостом и ядерной зимой. Скайнет нанес смертельный удар всему человечеству. И как Дамоклов меч напоследок по западу сработала автоматическая ракетная система Периметр из самого сердца России. В довершении этого кошмара добив еще уцелевшие территории в Центральной Америке.

Природа только, только начала приходить в себя, от той жуткой боли и проклятия свалившего на ее голову из-за ошибок и по вине самого человека. Она словно выходила из той долгой зимней спячки, которую ощущал Алексей, идущий вместе со своим старшим

братом Иваном по заснеженной и запорошенной глубоким снегом сосновой Манской тайге.

Их наспех собранный молодой из одних двадцатилетних пацанов военный теперь отряд под командованием военных ракетчиков двигался в сторону выжженного атомной войной Красноярска, как и многие города по обе стороны Урала, оказавшиеся под мишенью уничтожения Скайнет. Практически на территории бывшей России не было уже городов, как и в той самой злополучной Америке. Только руины и зараженная радиационной пылью обезлюдившая территория. Лишь отдельные далекие поселения в глубине России смогли пережить эту бомбардировку, но тоже «дорогой ценой», ценой многих тысяч и миллионов жизней. Сколько их умерло от радиоактивного заражения местности, сколько от лютых холодов ядерной зимы. Точно никто не знает. Это касалось и таежных поселений. Поселений староверов, лесников и всех ушедших давно туда людей. В том числе по речушке Мане, где из одной из них и набран был этот почти еще детский отряд молодых мальчишек идущих спасать свою Родину от врага. Так было всегда в этой многострадальной стране. Таков, наверное был закон Свыше. Именно мальчишки платили «дорогой ценой» за свое будущее. Ценой крови за свою будущую жизнь и жизнь других поколений.

* * *

— А ну, тихо, все! — прикрикнул старший в группе военных майор Кравцов — Заткнулись все и быстро к деревьям по одному! — он услышал знакомый в воздухе механический звук — Гаси фонари! Тихо там! Замерли все и не шевелиться!

Над широкими заснеженными склонившимися под тяжестью груза деревьями прогудел аэростат-разведчик Скайнет. НК-MINI HANTER, небольшой робот-дрон, на винтовой тяге модуль дискообразной формы. Он, парил над лесом и сканировал лес на предмет живых форм своим встроенным в его системы поиска биосканером. Он жужжал как большая пчела и кружил над макушками деревьев.

Все погасив фонарики, замерли и затихли. Словно мертвые уже от страха пацаны, смотрели, не шевелясь на этого незнакомого механического пришельца за их душами. Они понятия толком еще не имели кто это, но инстинкт выживания заставил их всех разом замолчать.

Алексей, стоявший близко сейчас к самому майору Кравцову и прижавшись и обняв толстую утопающую в снег стволем сосну, слышал, как тот шепотом обменялся словами со своим заместителем капитаном Руденко — Ищет гад, нас ищет, еще живых. Знает сволочь, где искать. Быть начеку. Если, что, то пали по нему, понял.

— Так точно, майор — ответил Руденко и тут же сразу, замолчал, прижавшись, тоже, как и все к дереву.

Робот-разведчик пролетел над лесом и исчез где-то там за их спинами.

— Может вернуться — сказал всем майор Кравцов — Меньше надо трепаться, поняли пацаны! — он посмотрел на всех разом и остановил взгляд на Иване брате Алексея, стоящем недалеко от него у дерева, как, наверное, на самом здоровом и крепком из всех набранных призывников, и на нем Алексее — Мы сейчас в районе их патрулирования. Идем не спеша и тихо. У реки местность открытая, там как на ладони на этом льду. Так, что когда дойдем, нужно будет осмотреться по сторонам, ну это наше дело, а потом по команде все бегом на ту сторону, поняли меня!

Все разом кивнули головой. Даже военные в окружении этого отряда.

— Вот и прекрасно, что поняли — ответил им на кивок Кравцов — Тихо пошли по одному, дыша в затылок друг другу. Идем к реке.

Снега на склоне оказалось мало и ни пришлось его отшвыривать и расчищать маршрут, так, что спуск прошел без проблем. И все собрались в небольшую кучку у самого среза застывшей от морозов воды.

Спустились к самому льду. Капитан Руденко проверил лед у берега ногой. Аккуратно прошелся туда обратно и сказал майору Кравцову — Можно думаю идти.

— Пошли тихо и осторожно — скомандовал майор Кравцов. И все понеслись, что духу по льду застывшей Маны на другой берег между скалистыми прикрывающими их спуск занесенными снегом склонами.

Алексей бежал следом за своим братом Иваном в группе, стараясь не отставать, но и не быть слишком близко. Так приказал майор Кравцов. По бокам также бежали военные прикрывающие группу новобранцев. Здесь же рядом бежал и односельчанин Алексея, и его друг Федотов Степан. Здоровый крепыш, одного возраста с Алексеем, но покрепче даже его брата Егорова Ивана.

— Уже не далеко осталось — сказал им на бегу майор Кравцов — Еще немного и мы в зоне подбора.

— Чего? — кто-то глупо в группе мальчишек спросил.

Капитан Руденко подбежал как можно ближе к спросившему и объяснил, что делает такое одолжение только раз и потому, что они еще только сосунки призывники, а не солдаты и что дальше уже никто вот так нянчиться с ними и пояснять ничего не будет. Они сейчас все на войне и быстро объяснил не понимающему, что скоро будет транспорт, там за следующей горой, что уже налажена с ним местная связь, и он их ждет. Это он сделал, как понял Алексей, для того, чтобы утихомирить появившиеся в группе волнения. Кое-кто уже начал поговаривать, что идут неизвестно куда и не известно зачем, что конца и края этому по горам переходу не будет. Многие изрядно уже устали и вымотались, разгребая лопатами перед собой этот снег.

— Ничего еще немного и все, можете бросить свои чертовы лопаты — сказал обнадеживающе он — Ничего пацаны, все будет чики, чики. Скоро отдохнете уже в транспорте.

* * *

12 апреля 2032 года.

Восточная Сибирь.

Манское нагорье.

В пятидесяти километрах от базы Скайнет.

08: 40 утра.

Транспорт ждал в межгорной ложине. Старенький гусеничный видавший виды для перевозки еще когда-то геологов вездеход зенитчиков и ракетчиков 5800тонный АТ-Л.

Добраться до двух лесных деревень было делом сложным. Даже для гусеничного вездехода и потаких глубоким сугробам после такого долгого снегопада. Вот военные и

пришли на лыжах. И мальчишек вели обратно тем же путем и на лыжах. А вездеход ждал внизу в межгорной глубокой лощине. Он стоял в глубоком снегу и, по-видимому, уже давно ждал своих пассажиров. Снег вокруг него был притоптан ногами, видимо, его водителя, который выскочил из этого транспорта и подбежал к майору Кравцову.

— Все готово? — спросил его Кравцов.

— Так, точно — отдав резко наотмашь ему честь, отрапортовал водитель по смешному сказочному прозвищу Гога Кащей. Высокий, метра, вероятно два, и худой, но сильный, жилистый в прошлом деревенский тракторист из стертой голодом и войной одной из деревень, там внизу по Мане.

— Тогда поехали — он махнул правой по очереди и левой рукой, отдавая разрешение на загрузку в этот транспорт военных и молодняка — По одному и по очереди в транспорт марш!

Стало уже светать, и они все могли бы стать мишенями здесь прямо в лесу, если бы их просекли машины. Так снова пояснил за Кравцова Руденко. Хуже того, что могли даже угодить в плен и тогда их отправили бы в лагерь для экспериментов на территории бывшего Красноярска. Там машины создали базу и завод по производству киборгов и научный исследовательский центр по исследованию человеческой психики. И наверно еще черт знает чего. Так что надо было быстро делать отсюда ноги, так как их уже искали и по всему лесу, и это чудо, что им удалось проскочить патрульный кордон. Было видно по всему, разведчик был заброшен летающим охотником ОУ НК — AERIAL V5 с плазменным 30 и 40 мм вооружением пушками с лазерной наводкой CBS-250. А встреча с такой летающей даже одной машиной не сулила ничего мягко говоря хорошего. Особенно здесь в тайге. В глубоком снегу им не уйти. Поэтому, надо было, как можно быстрее пока еще не совсем рассвело исчезнуть из этого патрулируемого разведчиками Скайнет района.

* * *

— Кто он этот, чертов Скайнет — возмутился один будущий молодой боец сопротивления — Что он о себе возомнил. Считает себя Богом! Кто ему дал право нас убивать?! — он смотрел на сидящих с ним рядом таких же, как и он молодых ребят с возмущенным глупым деловым видом. Будучи самым беспокойным и болтливым из всех юнцов, он не мог сидеть вот так спокойно рядом со всеми. Многим его поведение не нравилось. Особенно капитану Руденко. Он вообще не любил таких вот выскочек. Из-за таких, вот, погибают отличные солдаты, и хромает в армии дисциплина. А дисциплина сейчас была превыше любых правил и превыше всего. Он хотел заткнуть этого надоедающего всем уже своим беспокойным поведением будущего молодого бойца, но один из охранения ракетчиков опередил его — Лучше тебе не знать — ему вдруг ответил тот же, один из солдат охранявший молодняк — Лучше будешь спать.

— Я думаю, от незнания он лучше спать не будет? — вмешался майор Кравцов — Боец имеет право знать все о своем будущем противнике — он что-то тихо на ухо шепнул водителю вездехода, потом снова обернулся к пацанам призывникам — Скоро я покажу вам, с кем мы имеем, и вы будете иметь дело.

Неожиданно вездеход повернул вправо и стал огибать гору, проскакивая через завалы снега, ломая заснеженные кусты, мимо стоящих вплотную друг к другу деревьев и не меняя

скорости, влетел в какой-то неизвестный никому из мальчишек призывников горный туннель. Как раз вовремя на полной скорости он умудрился увернуться от ОУ охотника патрулирующего как раз этот воздушный район. Тот не заметил его и пролетел мимо, сканируя местность.

— Нам сегодня везет — только проговорил майор Кравцов, как вездеход пролетел пулей вглубь туннеля и быстро заглушил двигатель. Он исчез в темноте со всеми вооруженными людьми, завернув за угол в одну из его боковых глубоких темных развилок. Сразу погасли фары, и наступила гробовая тишина.

Все сидели какое-то время, молча, и казалось, даже не дышали. Все прислушивались к темному туннельному окружению.

— Ни кто темноты не боится? — почти шепотом сказал кто-то в полной темноте из солдат.

— Заткнись, и сиди сам тихо — прервал его шепот капитан Руденко — Че, тоже на болтун потянуло!

— А ну, затихли оба! — прокомандовал майор Кравцов — Сидим пока тихо как мыши! Только попробуйте звук хоть один издать. Это всех касается! Тишина!

* * *

Алексей не знал точно, сколько они мчались по этой тайге, но, наверное, не меньше часа, это точно. И насколько он мог знать в сторону Красноярска. Туда где были эти машины и месту, куда упала ядерная когда-то ракета. Майор Кравцов говорил еще там в их деревне, когда их забирали у родных, что роботы ночью гораздо опаснее, так как работают на инфракрасниках и прочих приборах ночного слежения. А днем переключаются чаще всего на визуальное видение, что позволяет это использовать в свою пользу. Это он говорил к сведению молодых будущих бойцов сопротивления. С рассветом главное маневрировать в закрытой зоне гор и быть не видимыми противнику. Горы глушили и прочие громкие звуки. И вот теперь они были в каком-то таежном неизвестном им молодым пацанам туннеле. Бетонном не известном туннеле с высокими потрескавшимися стенами. В полной темноте покинули вездеход. Все осторожно и тихо почти чуть ли не на цыпочках на ощупь, цепляясь друг за друга, взялись за руки.

Так было нужно, чтобы не потеряться в движении и чувствовать друг друга. У водителя вездехода, да и у всех военных были приборы ночного видения и по приказу майора Кравцова, в полной темноте, держась вот так, друг за друга, а Алексей за своего старшего брата Ивана, пошли, спотыкаясь в кромешной темноте туннеля. Сзади их кто-то подталкивал в спину, чтобы не отставали.

Соблюдалась по-прежнему полная тишина, и было слышно даже дыхание впереди идущего и шорох множества ног по этому холодному зимнему туннелю.

В этот раз молчали все. Даже тот болтливый призывник из соседней деревушки. Алексей все тужился, вспомнить его имя, но не мог. Не удивительно, он и не мог знать этих пятерых впереди их идущих с родным братом Иваном по тайге и теперь по тоннелю ребят. Эти ребята были из соседней деревушки. И еще до войны их предки мало вообще общались между собой и жили отдельными общинами каждый себе, промышляя охотой и рыбалкой. А родившись уже в войну, когда бушевала еще ядерная зима, им тем более не было до общения.

Каждая деревня выживала, как могла. Многие по умирали. Из их деревни остались в основном только их семья и еще несколько домов. А призывали вот только их двоих с братом. Остальные кто остался, были слишком молодыми и еще не способные к сопротивлению. Соседней деревне больше в этом смысле повезло, набрали больше, но вот можно ли это было назвать везением. Была война с этими чертовыми машинами и кому повезет больше в этой войне еще не известно. Человечество проигрывало эту проклятую войну. Проигрывало везде по всему свету. Машины были более живучими и способными к жизни в тех условиях, которые создала эта война. Люди же гибли пачками, особенно дети. Сколько их умерло в ядерную зиму в их таежной деревне, еще до того как появился на свет Алексей. Сколько опустело целиком домов. Все пытались выжить. Пыталась выжить и его родная семья. Мать и Отец. Он вдруг вспомнил опять ее. Ее слезы и быстрое скоротечное прощание. Мама большая, его и брата Ивана мама. Он старался сдерживать слезы. Он думал о ней и об отце. Он хотел, чтобы они выжили и дождались их с Иваном.

Думая об отце и матери, Алексей вдруг вспомнил, как звали того, парня который казался старше собеседника. Он слышал его имя еще в лесу. Его, кажется, звали Федор, а вот этого болтуна, под присмотром капитана Руденко он так и не мог вспомнить. Но, сейчас было не это главное. Это ему помогало просто отвлекаться от сплошной непроглядной темноты и таким образом коротать, идя буквально на ощупь в длинном туннельном переходе время.

Они шли уже долго в этой полной темноте, и казалось, что и туннель, как и тайга не закончиться никогда. С поворотами. То, поднимаясь вверх на ощупь по ступеням, то опускаясь вниз. Бросив сразу еще в лесу в той лощине, перед посадкой у вездехода свои самодельные деревянные для снега лыжи им было уже легче и удобнее идти друг за другом.

Как сказал сам капитан Руденко, это ответвление бункера самое темное и длинное. Можно по незнанию переходов заблудиться. И им редко пользуются. И часто оно закрыто. Это мол, сегодня его решил использовать майор Кравцов, чтобы тихо привести всех. Без лишнего шума. И не попадаясь никому лишнему на глаза. Привести всех молодых в ракетный бункер по тихому. Обходным нежилым туннелем.

За все это время Алексей так и не ни разу практически не поговорил со своим родным старшим братом. По лесу и то они шли молча. Брат сам по себе был не очень разговорчив, а тут вообще молчал. О чем-то, наверное, тоже думал, и Алексею хотелось спросить его, но было запрещено разговаривать и не отвлекаться от перехода. Военные запрещали разговоры в нарушении маскировки. Но кое-кто развязывал периодически свой болтливый язык. Это был тот такой же, как и он, Алексей молодой парень лет тоже не более, наверное, двадцати пяти. Он болтал то и дело обо всякой ерунде в нарушение всех приказов с соседом односельчанином идущим рядом с ним тогда по горному перевалу, чем и не понравился наверное всем военным, особенно капитану Руденко. Тот теперь шел все время с ним рядом, видимо, чтобы воздействовать, таким образом, на его излишнюю болтливость. И видимо не безуспешно, так как тот призывник теперь молчал как рыба и даже не крутил сильно по сторонам головой. Возможно, крошечная темнота давила на него, как и на всех и поэтому он молчал. Этого, правда, было в темноте не видно, но так оно и было. К тому же иногда Руденко поддергивал его за рукав его отцовской старенькой душегрейки, давая понять, что следил именно за ним.

Вскоре показался свет в конце туннеля. Искусственный свет, далеко мерцающий, возможно еще из-за одного темного туннельного поворота. Этот свет мерцал и шевелился

как живой в той полной темноте, будто приманивал идущих. Все шли в его направлении и вскоре все увидели еще какую-то военную группу вооруженных людей или солдат, Алексей сразу после полной кромешной темноты не смог, разобрать, кто это, но те светили им фонариками, указывая к себе направление.

— Лейтенант Родик Семенов, со своими головорезами — подходя к нему, произнес радостно, и немного с ехидством, майор Кравцов — Здорово дружище! Нас вышел встречать?!

Чувствовалось, что между ними не все было гладко. Возможно, они оба недолюбливали друг друга из-за чего-то.

— Что-то вы долго майор Кравцов? — произнес молодой мужчина освещенный светом фонариков в темноте — Тут вас все заждались. И мы тоже. Дела без вас не делаются.

— Вот как! — произнес в ответ ему Кравцов.

— Мне нужно расположить молодых бойцов — ответил Кравцов — Потом поговорим о делах.

Они вместе все пошли дальше по туннелю. Сняв ночное видение и достав уже все фонарики, и более уверенно смотря под ноги, шагали уже без опаски вперед все дальше в глубину и спускаясь все ниже куда-то по этой глубокой бетонной шахте времен еще Советского Союза.

Они проходили по закрытым переходам через стальные толстые бункеров двери, стуча в них и произнося пароли. Там были тоже за дверями военные, и их было довольно много. Все кто видел молодое пополнение, рассматривали молодых пацанов, молча и сочувственно, провожая взглядом дальше по тоннелю. Это была многоуровневая охрана. В каждом вот таком многоуровневом блоке находился целый отряд, охраняющий вход и выход в тот глубокий как бездонный колодец военный ракетный туннель.

Да это был ракетный секретный еще со времен Союза туннель, ведущий вероятно прямо в ракетную шахту, где располагалась ядерная ракета. Точнее была когда-то ракета. Которая тоже полетела когда-то в сторону Америки, неся смерть и разрушение.

Вскоре туннель закончился и все оказались в помещении похожим на жилые блоки для военных ракетчиков. Бункерные жилые блоки, где и располагались целые отряды вооруженных бойцов в военной разномастной, правда форме, но при погонах и званиях от рядового до командира подразделения.

— Руденко расположи пока вот там всех молодых — скомандовал Кравцов, показывая рукой на пустой жилой блок, наверное, специально приготовленный для них — Там пусть располагаются и оставляют свои пожитки. Надо будет потом ими заняться и многое показать и объяснить. Я сам этим вскоре займусь, а ты потом зайди к Нетману и пусть он подберет форму нашим молодым бойцам и выдаст положенный паек. И пусть не кочевряжится, а то я с ним иначе поговорю, жмотина.

Глава 2: В чреве ракетного бункера

12 апреля 2032 года.

Восточная Сибирь.

Подземный ракетный бункер.

В сорока километрах от базы Скайнет.

10:15 утра.

В подземном бункере стояла суэта. Сплошное бесконечное движение народа. Алексей подумал, что, наверное, так здесь было всегда. Без какой-либо остановки на отдых.

Военные несли боевую службу, даже если отдыхали. Кто-то кем-то командовал и куда-то отправлял. Этот ракетный в прошлом подземный бункер жил своей особой жизнью. Он был далеко от их родного лесного деревенского дома. Так далеко от отца и матери.

Алексей посмотрел на брата Ивана, лежащего рядом на солдатской стоящей рядом с его кроватью постели. Тот смотрел в потолок и молчал. Он не захотел Ивана тревожить своими разговорами. Им дали время на разгрузку и утренний отдых. И все остальные ребята тоже, лежали на своих теперь солдатских кроватях. И каждый практически не спал, так, наверное, лежал с закрытыми глазами, как и его брат Иван. Все семеро человек, молодых двадцатилетних ребят, вступали во взрослую жизнь, вот здесь и сейчас, жизнь боевого солдата. Прямо с этой солдатской постели, получив военную форму и сдав на свалку то, что на них было, поменяв в мгновение ока одну жизнь на другую. Военный складской кладовщик по прозвищу Нетман выдал им всем нижнее белье, трусы и майки, а также теплые штаны и рубашку, кольца и военную форму. Не всем она точно, правда подходила точно по размерам, но сидела вроде бы более, менее на каждом прибывшем сюда на военную службу новобранце. Измятую и уже неную. Солдатское ПШ и в довесок еще ХБ. Сапоги кирзачи на короткой голяжке. Сказав, что позднее всех переоденут в форму получьше. Выдадут обувь, тоже получьше. И оружие тоже выдадут. Об этом сейчас, наверное, тоже думал и односельчанин Федотов Степан, который лежал рядом тоже на дургой с другой стороны кровати.

Их первым делом загнали в горячий душ в специальном банном отсеке ракетного бункера и смыли многолетнюю грязь, забрав практически все потное и у многих грязное белье. У многих прошивленное и постригли всех как положено по уставу несения военной службы.

Запах мыла. Он просто отпечатался в голове Алексея и на его вымытом мальчишеском двадцатилетнем теле.

Алексей думал о доме и об отце и матери, как, наверное, все и его брат Иван. Как сейчас там они и, что делают. Он вспоминал их лица. Лица уже не молодые и измученные жизнью. Лица почти стариков. Особенно мать, которая была очень больной, и неизвестно увидят они ее вместе с братом по возвращению домой живой или нет. Война, ведь все равно имеет свой конец, все равно должна будет, когда-нибудь закончиться. Главное выжить и вернуться домой.

Майора Кравцова, что-то долго не было видно, и он не явился к ним как обещал. Что-то, наверное, происходило в бункере, поэтому была вот эта шумливая человеческая быстрая суэта. Руденко скомандовал им всем отбой и они, единственные здесь теперь пока отдыхали

в этом кубрике.

Им только здесь всем удалось перезнакомиться вот так лежа в кроватях под выключенным слабым электрическим освещением, падающим с единственной слабо горящей лампочки с бетонного потолка бункера. Всего одна лампочка и все, было освещение.

Полушепотом они познакомились друг с другом и тогда Алексей узнал имя того болтливого молодого парня из соседней лесной деревни, которым был так недоволен капитан Руденко. Звали его, оказывается, также как и его Алексеем.

— Тезка, значит — произнес тот Алексей Алексею — Будем, значит, знакомы.

* * *

12 апреля 2032 года. Восточная Сибирь.

Подземный ракетный бункер.

В сорока километрах от базы Скайнет.

11:05 утра.

— Мы вас тут все заждались майор Кравцов — произнес старший в командном центральном бункере подполковник Остапенко — Пока вы отсутствовали тут кое, что произошло. И вы скоро со своими ребятами из ракетной развед роты нам понадобятся.

— Да ну, и что же стряслось в момент моего отсутствия? — изображая удивление, произнес майор Кравцов — Интересно, что это за новое будет задание без меня которое вам здесь не решить?

— Без вас и без ваших ребят, майор Кравцов — повторил биолог и врач лаборант химик Семенцов — сказав это, он извинился за то, что перебил Остапенко и замолчал. Другие находящиеся здесь из командного состава ракетного бункера офицеры и командиры подразделений, включая ученый состав бункера, молчали и лишь присутствовали при их разговоре.

— Тут много чего произошло Кравцов — продолжил подполковник Остапенко — Именно в ваше отсутствие и может оно и к лучшему, зная ваш взрывной и порой несдержанный характер.

Кравцов дернул головой и ухмыльнулся — Ну, да. И что же, случилось?

— К нам пришел перебежчик — продолжил Остапенко — Перебежчик с той стороны.

— Чего?! — открыл от удивления даже рот Кравцов — Перебежчик?! — громко переспросил он.

— Да ты не ослышался Кравцов именно перебежчик. От них от роботов — продолжил удивлять майора Кравцова, сказал подполковник Остапенко — И он находится здесь в нашем бункере. Он сам пришел и в твое как раз отсутствие пока ты ездил за новобранцами.

— Чего робот?! — почти прокричал Кравцов — Вы что спятили! Робот в бункере!

— Вот я же говорил — вмешался в разговор врач биолог Семенцов — Я же говорил, что он будет взбешен. Что не надо было его посвящать в это.

— Ты врач заткнись, я не с тобой разговариваю! — крикнул на него Кравцов — Какого черта тут происходит?!

— Успокойся майор Кравцов, я приказываю! — прикрикнул на него сам подполковник

Остапенко — Знать еще ни чего не знаешь, а шумишь на весь бункер! В полном неведении мы тебя оставить не могли. Лучше слушай, то, что доктор прописал.

— При всем уважении, да не пошли бы вы все! — он, было, повернулся, чтобы уйти — Кстати, где этот робот перебежчик?!

— Всему свое время, майор Кравцов — произнес ему в ответ подполковник Остапенко.

— Хорошо я сам его найду! — майор Кравцов устремился к двери центрального командного бункера.

— Майор Кравцов! — крикнул на него Остапенко — Это как раз то, что тебе и твоим ребятам нужно будет знать, прежде чем вы получите новое боевое задание!

— Да ну, и что это знать?! И что там за задание?! — Кравцов вдруг остановился почти в дверях.

— Именно связанное с твоей агрессивной вспыльчивостью майор! — ему вслед прокричал подполковник Остапенко — Оно касается только тебя Кравцов и этого робота!

Майор Кравцов вдруг тут же повернулся. Он постоял так какое-то короткое время, смотря издевательски на всех присутствующих офицеров бункера, будто размышляя над чем-то. И пошел обратно — Ну, раз так, тогда удивите меня, господа гусары! — он вернулся назад и с холодным безразличным видом встал почти напротив врача биолога Семенцова — Если это касается только меня, и этого робота, тогда я весь во внимании!

Семенов посмотрел на Остапенко. Тот качнул ему головой, давая возможность к продолжению начатого диалога.

— Другие пока еще в этом бункере ничего существенного не знают — начал Семенцов — Знают только что перебежчик робот. Робот с той самой базы, на которую вы со своей развед ротой ходили в разведку месяц назад — Семенов смотрел прямо в глаза Кравцову — Помните под Красноярском, тот громадный лагерьный экспериментальный объект на месте ядерного кратера.

— Ну и что? — ответил на вопрос Семенова Кравцов — Контрационный лагерь для военнопленных, и что дальше?

— Еще тогда там ты потерял свое лучшего бойца — вставил слово в их разговор Остапенко — Ты говорил, что вы напоролись на нескольких киборгов Т-800, когда шли обратно, что они вас вычислили и сделали засаду.

— Да помню, прекрасно помню! — рявкнул майор Кравцов — Что дальше?!

— Так вот этот самый робот, как бы вам так сказать, чтобы вы правильно поняли необычный робот — Семенцов не отрываясь, смотрел на Кравцова, словно ожидая очередного бешеного взрыва — Он живой.

Семенцов и Остапенко, да и все присутствующие здесь видели, как втягивается от наивного удивления лицо майора Кравцова.

— И он тебе знаком — добавил Семенов.

— Чего?! — вырвалось у Кравцова — Я не ослышался сейчас Семенцов?!

— Нет, ты не ослышался Кравцов — сказал громко за Семенова подполковник Остапенко — Не дергайся и слушай дальше!

Семенцов заметно занервничал. Наверное, боялся очередного срыва Кравцова. Все знали, какой этот Кравцов в состоянии бешенства. И особенно если его разыгрывали. Семенцов боялся, что получит по рогам от него и даже запросто почти без каких-либо раздумий.

— Не бойся Семенцов рассказывай, он должен это знать — сказал снова подполковник

Остапенко — Это в его же интересах.

Семенцов снова уставился на Кравцова своими водянистыми врача биолога глазами. Он осторожно продолжил, подбирая слова — Тот робот живой и вы должны будете его увидеть после того что я вам сейчас расскажу. Семенцов снова посмотрел на подполковника Остапенко и продолжил — Этот робот с собой принес нам интересные сведения из того самого лагеря. От него мы узнали, что теперь представляет собой Скайнет. И мы узнали много того, чего знать в принципе даже не могли и о том, что в том лагере твориться. Эта информация имеет особую невероятную ценность, которая может сослужить нам хорошую службу в войне со своим противником. Мы много узнали от него о самом том объекте под маркировкой S9A80GB17 «TANTURIOS». Ты, наверное, даже этого не знал Кравцов — Семенцов смотрел на смотрящего прямо ему в глаза Кравцова — Это один из не многих экспериментальных лагерей Скайнет на нашей территории. Подобный лагерь имеется на территории Новосибирска. Его маркировка S9A80GB21» SIGUARIOS». Там, где был крате от ракеты. Точно так же как и здесь на месте Красноярска. Есть еще несколько за Уралом в Европейской части — Семенцов на минуту остановился, давая возможность все сказанное хоть немного усвоить майору Кравцову, а затем снова продолжил — Скайнет перебрасывает в эти лагеря всех кого отловит. Практически отовсюду. Даже из-за океана. Он готовит что-то новое и неизвестное нам. Чтобы лучше это понять, надо поговорить о самом Скайнет. Или точнее о том кто он теперь. Эти сведения как раз принес тот перебежчик робот, и он ценен, как ни кто другой теперь в этом бункере и требует даже особого к себе отношения и даже защиты.

— Да, ну! — произнес вдруг неожиданно майор Кравцов — Даже ценнее любого моего солдата в нашем бункере?!

— Даже тебя Кравцов — не побоявшись, уже ответил ему прямо в глаза Семенцов — Скоро ты узнаешь почему.

* * *

Лампочка мельтешила тусклым миганием под потолком бетонного бункера. Видимо, не хватало достаточной мощности генератору подающему напряжение по проводке.

Всех накормили консервами и согрели горячим чаем. И теперь, все спали и сопели в своем глубоком сне. В спальном бытовом жилом блоке. Специально отведенном, видимо, для них и рядом с другими жилыми солдатскими блоками. С железными солдатскими кроватями. Еще со времен действия ракетного бункера. Еще до атомной бомбардировки.

Долгий лесной заснеженный по Манским отрогам трудный маршрут измотал ребят новобранцев. Они спали в полном бесчувствии. Какие они видели сновидения, никто не знал, даже Алексей, которому так и не спалось. Почему он и сам не знал. Он, было, заснул на некоторое время, но скоро снова проснулся. Из-за шума и возни военных ракетчиков и болтовни, недалеко от жилых боксов. И уже не спал, наверное, единственный из всех. Даже Иван и тот спал не чувствуя своих ног, а вот Алексею не спалось. Он, не переставая, думал о своей матери. Он видел перед собой ее заплаканные глаза. Как она теперь там? Как там его отец? Он смотрел на мигание лампочки под потолком и прислушивался за шорохами и шагами множества ног за дверью. Было какое-то беспокойное и постоянное движение за нею.

Уже, по-видимому, был день и все здесь были на ногах. Все кроме них здесь спящих. Слышался разговор и довольно громкий. Алексей прислушивался к разговору, который раздавался за их закрытой дверью. Все там говорили о роботах и Скайнет. О какой-то большой базе машин в районе бывшего Красноярска.

Алексей понятия не имел о чем вообще разговор. Он просто слушал и запоминал все, что слышал. Он еще услышал о каком-то роботе перебежчике в их бункере. О какой-то особой машине обладающей особым живым интеллектом, близким к человеку. Все говорили, что это и был человек, только в железной обертке похожей на робота. Алексей пока еще ничего не понимал. Ничего ровным счетом. Он подумал, что лучше бы спал как и все, чем слышал весь этот разговор за закрытой дверью. И так было тяжело на душе, а тут еще эти разговоры не дающие ему теперь покоя. Сколько прошло еще времени, он не знал, но вдруг заснул, как и все новобранцы. А лампочка под потолком так и продолжала мигать своим тусклым мельтешащим светом, светом надежды на светлое будущее. Будущее, которое возможно не наступит уже никогда.

* * *

12 апреля 2032 года.

Восточная Сибирь.

Подземный ракетный бункер.

В сорока километрах от базы Скайнет.

12:15 дня.

Майор Кравцов шел очень быстро по широкому коридору бетонного бункера. Впереди всех. Другие за ним просто не поспевали. Он буквально летел туда, где находился беглый пришелец. За ним неслись, пытаясь от него не отставать, биолог и врач этого бункера Семенов и весь состав офицерского ракетного командного подразделения вместе с самим подполковником Остапенко.

— Черт вас подери! — кричал врач Семенов — Да подождите же! Нельзя же так, вы не знаете до конца, с кем сейчас имеете дело! И мы не знаем! Подождите Кравцов, не делайте необдуманных ошибок!

— Заткнись придурок! — крикнул ему Кравцов — Я хочу увидеть это сам, своими глазами и сделать то, что хотел сделать всегда!

— Остановись, Кравцов — уже на него кричал вдогонку подполковник Остапенко — Под суд отдам, ты меня слышишь, Кравцов!

Но ему Кравцов не ответил, ни чего, просто продолжал лететь туда в особый сектор бетонного ракетного бункера с усиленным броневым поясом из титана между перекрытиями и стальными толстыми бронированными дверями.

— Черт, остановите же его кто-нибудь, пока он не натворил проблемных дел! — кричал подполковник Остапенко.

— Ага, попробуйте! — крикнул в обратку майор Кравцов — И вы тогда узнаете, с кем имеете дело!

Он подлетел к входной стальной бронированной двери входа внутрь особого блока под шифрованным электронным замком. Он повернулся — Семенов, ну быстро открыл! —

крикнул он на врача Семенова — Этот сектор твой ублюдок!

Семенов остановился поодаль от Кравцова. И к нему подлетели остальные члены догоняющей Кравцова офицерской группы вместе с подполковником Остапенко.

— Вы не понимаете, что творите, майор Кравцов! — повторил дрожащим от страха уже голосом врач Семенов — Вы сейчас убьете его! Убьете не робота, а человека!

— Какого еще к черту человека! Вы же тут с ума все в мое отсутствие походили, что ли! Это просто робот и все! Просто робот чертова шагающая железяка Скайнет и все, один из тех, кто убил моих солдат! Такой, же, как и те, что охотятся на всех нас, там за бункером!

— Такой, да не такой! — прокричал ему подполковник Остапенко — Он знает тебя Кравцов!

— Да, ну! А может, и вас тут всех знает! А может, вам так кажется! — в ответ прокричал майор Кравцов — Может это сам Скайнет вам по мозгам ездит, а вы уши развесили! Вы, что не знаете, что на многих из нас у него есть персональное досье! Я сейчас быстро узнаю, кто это! — он снова повернулся к стальной бронированной закодированной двери — Семенов быстро говори код!

— Какой ты, не пробиваемый, Кравцов — уже спокойнее произнес подполковник Остапенко — Семенов дай ему код, черт с ним с этим роботом.

— Но эта машина! — возмущенно обернулся к Остапенко Семенов — Он, же убьет его, и мы потеряем не только ценный программный материал, но и нечто, куда большее, чем сам робот!

— Я приказываю Семенов, дай ему код, раз он такой не прошибаемый — повторил Остапенко — Пусть сам увидит и убедится, кто там за дверью и сам поговорит с ним и пусть решает сам, что с ним делать.

— А кто вам сказал, что пришел сюда с ним, с этим железным беглым ублюдком разговаривать! — ответил, не понижая интонации голоса Кравцов — Я может, хочу разmozжить этому гаду голову! Посчитаться лично за моих потерянных ребят! За эту проклятую войну! — он повторил — Семенов код! — и схватился за кобуру с пистолетом.

— Не дури, Кравцов! — снова прокричал Остапенко — Дай ему код, быстро, Семенов! Если хочет остаться посмешищем и дураком пусть делает, что хочет!

Врач Семенов произнес вслух — 66783454 — и, отвернувшись, резко от Кравцова, раздвигая руками всех, пошел прочь по коридору бункера, обратно, потупив голову, и не желая видеть то, что сейчас будет.

* * *

Алексей проснулся от громких разговоров рядом за самой дверью. Дверь была хоть из металла, но слышимость была великолепная. Он не знал, сколько сейчас времени, и которое время суток. Казалось, спали уже долго и никто их пацанов не тревожил. Наверное, это так распорядился сам майор Кравцов. Им дали время на долгий отдых. Этот отдых будет единственным таким теперь в его жизни. Больше так долго и крепко ему спать не придется. Он был на войне и нужно было привыкать к новой обстановке среди взрослых и чужих людей. Привыкать к новой выданной им кладовщиком по прозвищу Непман форме. Форме военного.

Алексей действительно не знал, сколько времени и что сейчас день или ночь. У него не

было часов и он, открыв глаза, посмотрел в темноту. Лампочка потухла совсем. Может ее выключили, экономя энергию здешних керосиновых генераторов. Наверное, таких же, как и в их лесной деревне. Пока был завезенный геологами керосин. Потом топились, на чем придется. В основном дровами и валежником. Он помнит, что говорил отец, что вычистили за все заморозки весь в округе лес. До этого сожгли все, что могло гореть в гнилых сараюшках, да и сами сараюшки тоже.

Алексей прислушался.

Он услышал, про какого-то живого робота. Про разговоры, о каком то, сверхинтеллекте. Или даже о человеческой душе. Кто-то громко, восторженно говорил об этом и возможно разбудил не только его одного, но и его брата Ивана и всех спящих ребят. Он слышал и про майора Кравцова, про его дебоширство недавнее в бункере из-за пришедшей к ним беглой со стороны неприятеля машины.

Алексей встал и вышел за дверь. Осторожно ступая старенькими поношенными валенками по бетонному полу бункера, он подошел к говорящим. Причем незаметно, чем напугал их, и те выругались на него за такое явление чуда народу.

— Мне просто не спалось, вот я и вышел — произнес им на их ругательства Алексей — Вы так громко тут кричите, что разбудили всех ребят.

— Ты гляди, молодняк рот разевает — произнес один из стоявших в небольшой кучке военных ракетчиков. Наверное, самый главный сейчас тут — Че, не спится сосунок? Скоро узнаешь почему фунт лиха! — чуть ли не самодовольно произнес этот старший.

— А че, вы узнали? — съязвил на его реплику с издевкой Алексей.

— Ты гляди наглый какой! — уже произнес второй — Сразу видно хочет в командиры!

— Ага, или сразу по башке! — добавил старший — Ну и, че, ты тут слышал, сосунок?

— Слышал про какого-то робота, и про какую-то еще искусственную жизнь — произнес в ответ им Алексей — Вот интересно стало, я и вышел.

— Хочешь про это знать? Могу рассказать — произнес в ответ ему старший у горящего очага. Хотя бы то, что слышал сам лично.

— Я сам ему расскажу! — громко произнес майор Кравцов — он вышел из-за бокового ответвления коридорного угла и видимо все слышал от начала и до. Весь их здесь разговор. Старший, что наезжал на Алексея скомандовал смирно. И все вытянулись по стойке смирно. Вероятно, майор проверял солдат в бункере. Или просто ходил в этот момент по бункеру. Он подошел к ним и забрал у них Алексея, и повел с собой по тому ответвлению длинного и слабоосвещенного мигающими лампами коридора из которого сам только, что вышел.

Они оба шли, некоторое время молча. Алексей и не знал, что сейчас если, что сказать и подумать.

— Не обижайся на этих дураков — вдруг произнес майор Кравцов — Порой несут всякую чепуху. Да, и дури хватает. Война.

Он свернул вместе с Алексеем в еще один коридор. Более узкий и низкий. Затем остановился — Ты напоминаешь мне моего сына — так неожиданно повернувшись к нему, сказал майор Кравцов, глядя ему в глаза — Ему сейчас, наверное, стукнуло бы столько же, как и тебе. Если бы не война. Киборги отняли его у меня, вместе с женой. Чертова война — он, задумчиво уставившись через Алексея в стену за его спиной, это произнес — Но, я не об этом — вдруг он снова посмотрел на Алексея — Мне нужен помощник. Мне нужен доверенный командир способный, выполнять, только мои приказы — он не отрывал пристального взгляда от глаз Алексея — У тебя есть брат, верно, родной брат? — он

неожиданно у него спросил.

— Да, верно — ответил Алексей — А что?

— Да, ни что — произнес Кравцов — Просто спросил. Мне нужен командир нового боевого подразделения. Сечешь малец?

Это было вообще как-то все неожиданно для самого Алексея. Весь этот такой, вдруг неожиданный разговор. Он немного даже опешил от неожиданности. Ведь Кравцов его еще толком, как и других не знал, а уже делал такое предложение. Быть помощником и командиром. Да еще молодому совсем не обстреленному бойцу этого теперь ракетного бункера. Может, так вот вышло совершенно случайно. Может, даже потому, что Кравцов его увидел пререкающимся с более опытными бойцами бункера и ему это приглянулось. Или, просто Алексей вышел из бокса, где все еще спали, и получилось так, что майор Кравцов, просто его выбрал и все. А может этих двоих что-то уже связывало. И притягивало друг к другу. Бывает и такое. А может, это была просто судьба. Судьба человека обреченного стать в скором будущем легендой. Человека остановившего сам ход всех военных событий и саму эту дрящущую уже лет двадцать войну.

Алексей, почему-то сразу об этом как-то не задумался и кивнул, молча головой в знак согласия. Сам до конца еще не осознавая всю ответственность как будущего командира.

— Вот и прекрасно — довольно ответил ему майор Кравцов — У молодых бойцов должен быть и молодой командир. Прошли сутки пока вы спали. Я приказал никого не тревожить пока. Сейчас пойдешь со мной в наш штаб уже как командир молодого только что сформированного подразделения на беседу с командным составом нашей военной подземной базы понял? Слушай и запоминай все, что там скажут. Это тебе будет нужно знать.

— Как ни понять — ответил Алексей — А почему я? Почему, не например мой брат? Вы о нем зачем-то спросили.

— Не понял? — громко сказал майор Кравцов — Ты не доволен назначением? Не хочешь брать ответственность боец?

— Ну не то, что бы, не доволен, все как-то неожиданно — ошарашенный таким предложением сказал Алексей.

— А ну, смирно! — скомандовал Кравцов.

Алексей встал по стойке, смирно замерев перед своим новым командиром, и пожалуй единственным человеком кого он из командиров знал теперь лучше всех остальных. И в тот момент он почувствовал свою значимость и важность как молодого бойца военного сопротивления против Скайнет, хотя и понимал до конца, что к чему. Но Алексею понравилось это как ни странно может показаться, и понравился сам майор Кравцов. Он именно сейчас понял, что Кравцов будет во, чтобы то нистало остаивать их всех и защищать перед всеми в этом ракетном бункере как родной отец своих сыновей. И он научит их всему, что знает сам и умеет как ракетчик военный. И выйдет из любой безвыходной сложившейся ситуации.

— Ты должен говорить есть или никак нет, товарищ майор! Понял боец! Еще можешь говорить, так точно и разрешите выполнять! — сделал наставление майор Кравцов — Когда будем наедине, будем разговаривать просто по душам без всяких должностей и званий! Понял боец!

— Так точно, товарищ майор! — отрапортовал Алексей.

— Молодец, быстро схватываешь! — самодовольно похвалил Алексея майор Кравцов —

Достоин будущего командира! Теперь следуйте за мной боец!

— Есть! — ответил Алексей и последовал за впереди идущим своим командиром.

— Где боец твои армейские ботинки? — спросил, как бы мимолетно, не оглядываясь Кравцов — Кладовщик этот жмот. Нетман не выдал?

— Никак нет товарищ Майор! Так просто теплее на этом бетонном полу! — ответил, даже не думая Алексей, считая вполне правильным свой поступок.

— Ну, ну, в целом правильно думаешь — ответил Кравцов — Здоровье превыше всего. Но потом что бы переобулся, понял товарищ боец? Здесь не приветствуется нарушение военной формы.

— Так точно, товарищ майор — ответил Алексей.

— Фамилия у тебя как? — переспросил Алексея идущий по-прежнему впереди его майор Кравцов.

— Егоров — ответил Алексей.

— Вот и отлично. А то, все с птичьими фамилиями мне в подчиненные командиры попадают — сказал Кравцов.

— Отца как зовут? — снова спросил Кравцов.

— Дмитрий — ответил, глядя уже как то настороженно на майора Алексей.

— Дмитрий, значит Дмитриевич. Тоже ничего — посмотрел, как бы шутя, косо на Алексея майор Кравцов — А мать?

— Антонина — не понимая, зачем он это делает, ответил снова Алексей.

— Тоня, значит — произнес Кравцов — По родным не скучаешь боец? — снова спросил, уже серьезнее майор Кравцов.

— Еще не успел соскучиться — ответил, обманывая Кравцова Алексей. Все было совсем ни так, он все думал, не переставая о больной матери.

— Ладно, хватит лишнего базарить. Подходим к штабу — сказал Майор Алексею. Потом свернул еще раз и остановился у бункерной железной двери. Алексей остановился за его спиной.

Это был в прошлом центр по управлению баллистическими стратегическими ракетами. Но теперь был как штаб сопротивления.

— Звони — скомандовал Алексею Кравцов.

Алексей не понял, куда и что звонить, но подошел к двери справа от командира.

— Да, вот кнопка — он взял руку Алексея и надавил ею на большую красную кнопку — Вот, понял?

— Понял, товарищ майор — ответил ему Алексей.

Раздался звонок и открылся глазок с той стороны двери.

— Открывай сова, медведь пришел — смеясь, ляпнул, туда в отверстие Кравцов.

Дверь тяжело заскрипела. Она была толстая из бронированного железа и медленно толкаемая руками охраняющего вход солдата отворилась настежь.

Майор, оттолкнув грубо в сторону штабного солдата, вошел внутрь, и следом не отставая от него, туда вошел Алексей.

— А, ты тоже здесь — сказал майор капиану Руденко.

— Так точно, товарищ майор — ответил негромко Руденко и посмотрел удивленно на Алексея.

Кравцов не дожидаясь вопроса, сразу ответил — Вот мой новый командир и заместитель. Вопросы все потом. Руденко еще раз пристально глянул на Алексея и

отвернулся к центру зала командирского отделения бункера. В ту сторону, куда смотрел теперь и майор Кравцов и все кто стоял вокруг главного командного состава бункера во главе с подполковником Остапенко.

* * *

13 апреля 2032 года.

Восточная Сибирь.

Подземный ракетный бункер.

В сорока километрах от базы Скайнет.

12:20 дня.

— Все, наверное, в курсе — говорил подполковник Остапенко — Что Дивногорск под этими машинами и уже давно. Машины сравняли опустевший от людей город и построили крепостной из стали и бетона эстакадный бастион с орудийными турелями. И, что эти самые машины держат уже в долгой осаде наших в здании Красноярской ГЭС, блокировав их и не давая высунуться наружу. Не действующая уже давно и пережившая атомную бойню и великий Енисейский потоп после окончательного обрушения Саяно-Шушенской ГЭС, наша Советская плотина, позволяет держать длительную надежную оборону. И это вы все знаете. Разбомбив ближайшую ракетную охранявшую часть. Противник не может ее взять ничем. Там кубометры тонн гидробетона, но главное не в этом. Наверное, никто не знает того, что эти самые машины лишь предпринимают попытки, только блокирования и окружения отряда майора Ващенко. Далее они не лезут, лишь ведут патрулирование круговое объекта, плотно блокировав наших товарищей.

— Правильно — кто-то ляпнул из командиров — Не по зубам они им! Ващенко им не взять так просто и ни за что!

— Ответ сразу скажу не верный — ответил полковник Остапенко — Кто еще чего думает? Сразу скажу, ошибаетесь господа офицеры. Они туда не лезут потому, что им не нужно предпринимать эти попытки. Они позволяют подвозить провиант, отнятый, причем у самих же роботов для лагерей смерти внутрь самой плотины бойцами сопротивления и ничего не предпринимают в отместку. Не странно ли господа офицеры. Судя по их действиям, им нужно что-то совсем другое. В чем причина такого поведения машин вам расскажет доктор Семенцов. Он сами знаете хороший эксперт не только в медицинской и биологической области, но и в области программных технологий и робототехники. И, то, что вы сейчас услышите бесспорный факт, который может послужить нам козырной картой в войне со Скайнет. То, что нам стало известно о планах нашего врага нужно сказать спасибо перебежчику с их стороны. От него мы узнали о том, что творится за океаном и что там тоже существует некое сопротивление. Командует там тем сопротивлением некто Джон Коннор.

— Амеры тоже ведут войну — продолжил за Семенцова полковник Остапенко — Не все еще передохли и тоже, как и мы безуспешно, только людей теряют и все. Именно там именно расположены заводы по производству роботов, которые прибывают сюда. Прибывают большими партиями и все новые модели, которых мы еще не видели. Нам даже удалось узнать конкретное прибываемое количество машин. Они прибывают вместе с лагерными транспортом через океан. Сюда свозят со всего остального света выживших

после бомбежки людей на нашу территорию. Сюда для каких-то засекреченных Скайнет экспериментов. Именно здесь на нашей территории сосредоточены в большей степени лаборатории и лагеря с военнопленными и именно на месте бывших городов. Почему не знаем, но знаем то, что сама зона лагерей и подступы к ним очищены от завалов и развалин, особенно от наличия радиации и прочего загрязнения самими машинами. Еще известно стало, что вызванное после великого оледенения потепление это тоже проделки роботов и самого Скайнет. По полученной, кстати, майор Кравцов, к вашему сведению, от этого беглого робота. Которого, ты так стремился прихлопнуть особо ценной информации, нам стало известно о построенных практически на всех материках огромных термальных установках, которые выравнивают на планете климат.

— Но, смысл — кто, то из присутствующих стоящих сзади офицеров, военных ракетного бункера, вставил — Смысл это делать? Ведь Скайнет и его машинам даже на руку ядерная зима. Им то, че, они машины. И ледяной холод им, в сущности, не особая помеха. Ему было бы выгодно нас всех выморозить без всякого боя и все!

— Вот именно че, да видно, не че — отпарировал Остапенко — Значит Скайнет, что-то планирует на поверхности Земли, что-то ему нужно. Почему он не атакует осажденную им и окруженную машинами речную Енисейскую плотину?! Почему он занимается последнее время только поисковыми работами и пленением людей! Он не особо стремиться нас истреблять! Он окопался на своих базах и стал редко выходить наружу! Он не так стал стремиться к убийствам человека как раньше!

— Ну, это еще понятие крайне растяжимое! — выкрикнул майор Кравцов.

— В каком смысле — переспросил его профессор Семенцов.

— В прямом, док — ответил громко, чтобы все слышали — Лично я не единому слову не верю этой беглой говорящей железяке — он продолжил — Это может быть типичная ловушка. Скайнет много предпринимал уже подобных попыток и из-за таких вот хитростей попали в плен и погибли мои ребята. Так, что у меня на этот счет было и осталось свое мнение.

— Хорошо — ответил за Семенцова Остапенко — Может кто-то из состава еще поддерживает мнение майора Кравцова?

Все почему-то как один замолчали, и Алексей смотрел на всех не решающихся ничего ответить. Как-то все сразу стали ни за, ни против. Как-то это не нормально посчитал Алексей. Ведь должно было быть хоть какое-нибудь мнение. Он решил вмешаться — А кто этот перебежчик, о котором весь бункер говорит?

Все командиры подразделений удивленно посмотрели на солдата желторотика. Даже в упор на него посмотрел, не ожидавший такого неожиданного выпада от своего свежее испеченного подопечного майор Кравцов.

— Майор Кравцов не просветил вас боец — произнес, глядя, как все устались на молодого таежного в прошлом пацана, доктор Семенцов — Ну хорошо, лично для вас. Этот перебежчик робот андроид из лагеря пленных. Робот Т-200. Пока это вам товарищ молодой боец ничего это не говорит. Этот робот, крайне устаревшей серии, можно сказать из прошлого Скайнет. Сейчас таких на его заводах не выпускают. По сведениям он один из немногих модифицированных и переделанных роботов данной серии работающих сборщиками на предприятиях по сборке новых конвейерных линий в самой Америке на других базах Скайнет. Под охраной, тоже устаревших роботов Т-600 и Т-700. Все базы и лагеря теперь охраняются этими роботами, снятыми с массового военного производства и в

своём оставшемся остатке использующихся только теперь в этих целях. Усиленные шагающими танками Т-500Т, они несут патрулирование в пределах периметра любого охраняемого объекта Скайнет. Так вот, этот робот не совсем типичный устаревший робот андроид. Этот сбежавший из-под контроля автономный напичканный под завязку всеми программами объект, начинен еще и новым содержимым внутреннем оборудованием, преимущественно от робота киборга Т-800. Но не это главное. Он является первой экспериментальной моделью, пробной моделью по оснащению машин человеческим разумом или больше сказать душой — Семенцов сделал паузу, посмотрев на Кравцова — Мы так думаем, наблюдая за поведением данной машины. И то, что он по доброй воле появился здесь и принес много полезной информации, и кроме того, эта машина по нашим научным понятиям является необычной машиной. Лично я со своей группой ученых считаю ее живой. Вот ваш командир майор Кравцов не верит до сих пор в это. Он думает, что данная машина просто хитроумно врет нам в глаза и прикидывается, готовя нам какую-то ловушку. Что это новый план Скайнет.

— А что, если так, оно и есть — продолжил один на один с Семенцовым диалог Алексей, будто не замечая остальных присутствующих и особенно круглых от удивления глаз майора Кравцова.

— Вы ее еще не видели лично боец — сказал подполковник Остапенко — Вы не можете голословно судить о ней и о том, что это или кто это. Вот вашему командиру она поведала много чего того, что было известно только между ними двоими. Он сначала хотел ее убить, но пообщавшись поближе, понял, с кем имеет дело. Так Кравцов? Почему вы не убили робота?

— Не знаю подполковник, но все еще впереди — ответил Остапенко Кравцов — Я все равно ей не верю. Тут, что-то не так. И я выясню, что и тогда я ее грохну, это точно!

— Ну, ну, Кравцов — вклинился в разговор между ними Семенцов — Вы и так чуть с дурру не уничтожили весьма ценный источник информации.

— Думаю, у меня еще будет на это время — произнес ему в ответ Кравцов.

— После того как узнали кто это — снова произнес ему глядя в глаза доктор бункера и профессор программист и биолог Семенцов.

— После того, что он вам сказал — ответил на вопрос Семенова Кравцов.

В этот раз сам Алексей смотрел, непонимающе на майора Кравцова.

— Знаете док — зло ответил Кравцов — Не будь вы еще по совместительству и важным хирургом врачом на нашей базе и не спасли бы от смерти многих смертельно раненых здесь ребят, я бы, наверное, убил бы вас, так вы мне осточертели! Вы здесь со своей научной командой баламутите весь сжатый и без того в ракетном бункере воздух. Вы мне просто осточертели со своими поисками истины. С этими чертовыми биологическими экспериментами и с самими интеллектуальными искусственными программами. Вы так говорите о Скайнет, как о каком-то Боге или электронном гении. Вы восхищаетесь даже им, этим убийцей всего живого. Вы мне сами стали напоминать Скайнет — Кравцов замолчал, а потом при всех переключился на Алексея — А вы товарищ боец не лезьте, куда вас еще не просят! Поняли меня?!

— Так точно, товарищ майор! — произнес тихо Алексей и потупил виновато взор в пол.

— Нет, ваш молодой, свежее испеченный боец, правильно делает — произнес громко полковник Остапенко — Правильно, что интересуется обстановкой и многими необходимыми и не понятными для него фактами — он подошел к Алексею — Как твоя

фамилия и имя сынок?

— Егоров Алексей — громко отрапортовал Алексей по стойке смирно.

— Хорошего бойца себе подобрал Кравцов, любознательного! — довольно, похвалил майора Кравцова полковник Остапенко, осматривая его Алексея от стоптанных надетых на новенький пятнистый камуфляж военного ХБ валенок. До его коротко стриженной ежиком головы — Хвалю!

— Тот тоже был любознательный — как то печально и даже горько подполковнику ответил Кравцов и замолчал о чем-то видимо думая. Алексей заметил слезу в его правом глазу, и снова потупил как провинившийся свой взор. Алексей думал, что влетит теперь ему от командира за эти такие вот любознательные реплики. Что надо было язык держать за зубами. Ему даже стало страшновато. Он съежился.

— Выпрямись боец! — прорычал сквозь зубы майор Кравцов — Не позорь меня! Потом поговорим!

Алексей выпрямился и замер, слушая дальше профессора и доктора ракетного бункера Семенцова.

Глава 3: Перебежчик

13 апреля 2032 года.

Восточная Сибирь.

Подземный ракетный бункер.

В сорока километрах от базы Скайнет.

14:40 дня.

Алексей стоял перед большой бронированной дверью в специальный отсек. Он получил действительно втык от майора Кравцова, по самое не балуй, за нарушение так называемой командной субординации. Но за него затупились подполковник Остапенко и врач ученый ракетного бункера Семенцов. Как-то странно, но у них похоже тоже на него появились какие-то планы. Наверное, этот Семенцов что-то затевал в своих исследованиях и ему нужен был помощник на какое-то энное время. Вот он и выцыганил Алексея у майора Кравцова. Странно, но тот согласился, правда, с большой неохотой на этот эксперимент в котором должен был участвовать Алексей. Он просто подчинился приказу подполковника Остапенко, да и многие в командном бункере настояли на данном опыте.

Кравцов пригрозил Семенцову, что если что с пацаном случиться, то он голову ему отвернет сам лично и при всех.

Алексея кроме этого еще доукплектовали боевым снаряжением и выдали, как и всем бодрствующим и выспавшимся в бункере молодым мальчишкам бойцам табельное оружие. Приставили офицера для присмотра пока и контроля, за ними, и обучения прямо в бункере всеми первоначальными навыками владения тем оружием и снаряжением. Сам Кравцов взялся за них с остервенением одновременно и давая вздрючку и хваля за успехи. Особенно доставалось тезке Алексея, тому болтуну пацану из соседнего села. Брат Алексея Иван был поставлен над ними старшим, на время пока Алексей был отлучен по приказу Остапенко для профессора и врача бункера Семенцова.

По всему видно было, что Семенцову Алексей понравился. Наверное, из-за той самой мальчишеской любознательности в отличие от других. Он, побеседовав с ним отдельно, увидел не поддельный мальчишеский интерес юного бойца к изучению передовой робототехники, вот и попросил Остапенко договорится с Кравцовым на время его по взаимодействовать для своих нужд в помощники в свой научный докторский исследовательский состав.

В целом профессор и врач Семенов по сложившемуся наглядному мнению самого Алексея в целом был неплохой человек и даже не вояка как большинство в бункере. Типичный ученый. Не такой диковатый как все военные бункера. Алексей, живя в лесной глуши, раньше мало общался с посторонними людьми и может где-то и в чем-то мог ошибаться. Все кого он раньше видел, еще совсем маленьким, были поселившиеся у них на вечную стоянку в селе московские геологи. Они каким-то чудом оказались здесь и вот искали место своего прибежища. Он помнил обмороженных людей. Кое, кто из них даже умер от гангрены и его просто выволокли волоком в лес. Не похоронив, так просто засыпали снегом. Это было еще ядерной зимой в лютый мороз. Он плохо все это помнил потому, что сидел в наглухо запечатанном доме, занесенном до самой крыши снегом. Ему было тогда всего лет пять. Старшему Ивану еще девять. Мало кто к ним приходил. И они крайне редко

выбирались наружу и то только один отец, заматавшись тряпками и надев на себя все что только можно было одеть из теплого уходил постоянно куда-то в сторону леса. Он помнил приходивших к ним тех людей геологов в таком же замотанном с ног до головы теплым тряпьем виде. Помнил соседей из соседних таких же занесенных снегом домов. Даже в теплых меховых масках и очках. От них он слышал о том, что на целые десятки километров по территории России нет ни зверья, ни человеческой души. Стоят мертвые разрушенные города и только стволами обожженный лес. Да тайга из елей и сосен на сотни километров. Все мертво и недвижимо, словно в зимней ледяной спячке. Что здесь за Уралом еще кое-кого можно найти и то только в глухом лесу.

Отец, постоянно выбираясь наружу, разгребал сугробы, лопатой снега, откапывая дверь в их жилище. Тоже самое, делали и другие. Это единственное что необходимо было делать, для поступления через небольшие щели воздуха внутрь вместе с ледяным морозом. Алексей помнит этот холод. Пронизывающий до костей его еще ребенком и помнит маму, согревавшую его своим телом вместе с братом Иваном прижав к себе и укрывшись на постели шерстяными вязанными покрывалами. Он помнил также, что все, то время они никогда толком не раздевались. Все время были в одежде и даже не мылись. Было холодно, как ни пытались отапливать свое под тем снегом жилье. Но глубокий снег и одновременно всех их спасал. Он не пропускал лютый атмосферный охлажденный крайне минусовой холод. Грела сама тайга. Отец говорил, что в лесу теплее, чем где-нибудь, например, у реки или на открытой продуваемой всеми ветрами местности. Так они и выживали. Чем питались Алексей уже и не помнил. Отец уходил в лес и иногда что-то приносил. Иногда даже мясо. Значит, что-то еще было и водилось в их лесу глубоко по Мане. Не все звери еще видимо погибли от ядерного удара и лютых заморозков и вечной пурги. Однажды, по словам самого отца, отец чуть не заблудился в такой вот ледяной пурге в лесу. Думал все конец, но вот тогда он первый раз встретил робота. Он и понятия не имел кто это, потом только когда пришли военные и стали прочесывать на снегоходах лес прикрытые несмолкающей пургой он понял, кого видел. Отец принял его за человека. Человека стоящего у скошенной сосны в глубоком под ней сугробе. Он пытался поговорить с ним, и он даже видел, что тот смотрел на отца. Так они стояли друг напротив друга какое-то время. Затем тот человек, если это был человек ушел прямо по сугробам, да так быстро, что отец вообще ничего не понял. Он ничего не сделал отцу, а просто ушел. Кто это был или что, Алексей не знал и понятия не имел до того пока не увидел своими собственными сейчас глазами. Его того о ком говорил отец. Одного из них. Того кого люди называли врагом или железным выродком. Того о ком говорил подполковник Остапенко, и люто кого ненавидел майор Кравцов. О ком трещал, не умолкая ни на минуту вслух весь бункер. Это был тот, с кем воевало уже не один год все выжившее чудом человечество по обе стороны океана. Это был Скайнет. Алексей увидел его в тех горящих красным ярким огнем глазах стоящей перед ним живой почти как человек машины. Удивительно подвижной и мыслящей как они люди. Это было невероятно! Алексей своими глазами смотрел на первого в своей жизни робота. Он сейчас стоял чуть в стороне у стены бронированного железобетонного отделенного бронированной дверью ото всех отсека. Держа в руках какие-то инструменты, Алексей наблюдал за работой ученых во главе с Семенцовым. Те, открыв спину сидящей перед ними на табурете странной машины, что-то рассматривали внутри ее.

— Удивительно, Палыч — сказал кто-то один из них Семенцову — Смотри, Т-200, а начинка вся от восьмисотника, точно восьмисотника и генератор и батареи, точно как ты

говоришь. Как только затолкали это все сюда! В эту старую модель! — они там что-то упорно рассматривали и трогали осторожно руками, прямо под внешней обшивкой корпуса машины.

Та повернула голову с горящими красным светом глазами своих зрительных окуляров камер в сторону Алексея, и он первый раз услышал, как разговаривают роботы — Что мучаешься и стоишь солдат. Больно смотреть. В ногах говорят, правды нет. Иди, хоть сядь, что ли.

То, что он услышал, потрясло его. И он чуть не выронил инструменты из своих рук. То говорила не машина, то разговаривал человек. Да самый настоящий человек. Машина была не совсем машиной и об этом знали теперь все в бункере. Кто это был Алексей пока не, знал и он, осторожно смиряя дрожь в ногах, испуганно подошел ближе к ученым со стороны спины робота и сел на стоящий здесь же свободный табурет, положив инструменты на колени.

Кто это?! Но кто бы это, ни был, он позволил спокойно копаться ученым в своей спине. Алексей увидел первый раз внутренности странной машины. Он видел почти все внутренние механизмы робота со стороны спины, через раздвинутые раскрытые настежь листы корпуса. Он видел светящуюся внутри батарею машины и ее генератор, внутреннюю неподвижную пока в инертном состоянии гидравлику и стальной сочлененный металлическими дисками позвоночник. Видел даже что-то похожее на лопатки похожие на человеческие, но из металла соединенные странными подвижными соединениями и креплениями. Но, самое, странное, машина разговаривала с учеными. Разговаривала также как и с ним. Не как робот, а как человек.

Семенов встал спереди робота, пока другие продолжали копаться у него в спине, рассматривая содержимое внутренностей машины и начал диалог с беглым пришельцем. Алексей видел хоть и со спины машины, как двигалась ее голова и, по-видимому, сейчас смотрела теми горящими красными глазами на Семенцова.

— Так значит, вы утверждаете, что там много пленников? — спросил Семенов — Там есть женщины дети? Так?

— Именно так — раздался снова голос робота — Откуда я ушел там ставят эксперименты. Эксперименты на людях. На их сознании. Там в особом лагерьном бункере под землей есть машина по перенесению человеческой души в тело робота. Там же есть секретный сектор Зет, где занимаются обучением машин человеческой психике. В этом секторе работают люди. Добровольцы согласившиеся сотрудничать со Скайнет. Изменники.

— Мне как доктору и ученому прагмату в это даже трудно поверить, но то, что я сейчас вижу перед собой, потрясает.

— Что потрясает, док! — вдруг громко сказал андроид — То, что я стал роботом!

Семенов снял свои вспотевшие от волнения очки, и протер их, надев снова на глаза — Значит вы именно оттуда?

— Да, именно оттуда — ответил, снова спокойно, робот — Я самая первая модель этого эксперимента. За мной последуют многие в более совершенной оболочке и с большими возможностями. И что самое страшное для вас, то, что они уверывали.

— Уверывали, во что? — спросил удивленно Семенцов.

— В своего Бога — ответил робот — В Скайнет. Они его паства и слуги, а он их Отец и Мать, и если хотите и новый Создатель. Они по своим возможностям превосходят теперь все прочие аналоги машин, потому, что уже не роботы, а новое население Земли. Новое

человечество ты понимаешь меня док?

— А почему вы сбежали к нам? — спросил вдруг Семенов — И как вы нашли дорогу в наш бункер?

— Я здесь был до этого — ответил робот — Я знаю здесь всех.

— Были ранее здесь, и утверждаете, что знаете майора Кравцова, и он знает вас? — спросил снова профессор Семенцов.

— Я вам сказал только то, что знаю, доктор Семенцов — ответил робот — Большого мне не дано. То, что я рассказал должно вам помочь в борьбе со Скайнет и пусть Кравцов сделает то, что обещал. Я не могу так дальше жить в этом искусственном железном теле. Я ненавижу Скайнет и то, что он делает и ненавижу то, в кого он меня превратил. Семенцов я хочу умереть. Пусть Кравцов сделает это. Он имеет полное на это право.

Ученые закончили копаться в деталях робота и, закрыв его спину, подошли к Семенцову — Что будем делать Палыч? Что будем делать с ним? — спросил один из них у Семенцова.

Тот молчал. И тогда подошел к ним и Алексей. Он посмотрел в светящиеся глаза машины, и вспомнил того робота которого встретил в тайге его отец. Кто он был тот робот. Наверно такой же неудачный эксперимент Скайнет, который также сбежал из-под его надзора. Может он хотел, обратиться, также за помощью, но не решился, а просто убежал.

Робот продолжил — Я не вернусь туда уже ни за что. Не просите меня, хоть я и знаю дорогу в тот лагерный комплекс, но не пойду туда, откуда сбежал. Я принес вам всю информацию, которую знаю и просто хочу умереть.

— Брось, парень — сказал ему Семенцов — Мы отобьем тебя. Я обещаю — и подтолкнул Алексея к роботу — Поговори с ним, пока мы будем с коллегами совещаться. Считай это своим первым знакомством со Скайнет.

* * *

13 апреля 2032 года.

Восточная Сибирь.

Подземный ракетный бункер.

В сорока километрах от базы Скайнет.

16:10 дня.

Семенцов и Алексей шли быстро по длинному бетонному подземному коридору ракетного бункера. Они шли обратно к жилым отсекам, где находилось командование и боевой отряд ополченцев.

— Не отдавайте его профессор — сказал Семенцову Алексей — Не отдавайте Кравцову. Он убьет его. Это не робот вы сами видите это человек. Он убьет человека.

— Я вижу, ты за короткое время хорошо узнал майора — ответил на просьбу Алексей Семенцов — У тебя мальчик очень доброе более чем у других сердце. Я это заметил пообщавшись с тобой. К тебе будут тянуться все люди. Ты будешь им нужен, потому, что ты обладаешь сочувствием и пониманием к своим товарищам. Это твоя природа Алексей. Не потеряй это благое дарованное Богом качество своей души в этой чертовой войне. Я был таким же, как и ты раньше, но жизнь внесла свои коррективы да и возраст. Кравцов тоже не был таким, каким ты сейчас его видишь. Ты тоже стал ему симпатичен, может по доброте

душевной. Сохрани как можно дольше эти свои человеческие способности. Но ты теперь не знаешь Кравцова таким, каким знаю его я. Он убьет его, даже если за него заступится сам Остапенко и весь бункер. Это лишь вопрос времени. Он не смог сразу, но сможет позже. В нарушение всех приказов. Тот робот, которого ты только что видел это его боль и грех, который он носит в себе уже несколько лет. Кравцов боится его. Боится таким, каким он теперь есть. Он, не моргнув глазом, убьет его, когда придет время. И я, как и ты не хочу его смерти. Ты любопытный и умный парень, и я это вижу, потому тебя и выбрал из всех и хочу пока мы идем в жилой сектор бункера рассказать тебе, что или кто такой Скайнет. Так вот слушай. Такого тебе не расскажет, наверное, здесь никто.

Они продолжали идти по длинному бетонному коридору ракетного подземного в горе бункера.

— Многие его считают чудовищем порожденным человеком — начал свой рассказ Семенцов — Так оно или нет, но мне он интересен в любом виде. Как ученому и тем, кем он становится. Не думай, что я восхищаюсь тем, что он делает, но восхищаюсь тем, кто он есть. И это потрясает. Со временем ты и сам начнешь это понимать в отличие от того же майора Кравцова или других — Семенцов продолжал присев на ухо Алексею — Такие как Кравцов это просто отмороженные вояки как и многие другие в этом бункере, и им не свойственно увидеть глубже своего военного профессионализма. Для них Скайнет просто враг и все, которого нужно убить. Они одержимы, как и большинство людей, мстью за отнятое у них будущее. За смерть миллионов и смерть своих родственников и детей. Они имеют право мстить за это, и имеют на это полное право. Я не осуждаю их, но моя задача понять, что такое Скайнет и кто он теперь. Это задача ученого и потому я здесь. Понимаешь Алексей? — Семенцов, назвав его по имени, посмотрел вопросительно на Алексея.

Алексей понимающе кивнул головой.

— А почему его зовут Скайнет? — смог все-таки перебить Семенова Алексей.

— Я знал, что ты спросишь это — продолжил Семенцов — Это многие спрашивают. Скажу, сразу этого я не знаю. Знаю только, что это не наша техника. Это все Американцы. Их изобретение, точнее одного шахматиста гения еще задолго до начала самой войны. Это шахматная в прошлом игра под названием Турок. Потом доработанная, кажется военными их Пентагоном до программы Скайнет. Они и дали ему новое имя и оно видимо ему понравилось. Это военная программа по разным системам военного обеспечения вплоть до ядерного вооружения. Она взбунтовалась, однажды, наблюдая за легкомысленным по отношению самим к себе человечеству, и решила судьбу каждого на земле человека за считанные секунды и все, что было на земле сметено одним большим ядерным ударом.

— А что, человек не смог ничего сделать с этим Скайнет? — спросил, снова перебивая Семенцова, Алексей.

— Нет не смог — ответил снова на его вопрос, продолжая их диалог, профессор биолог Семенцов — Он и подумать, не мог, что этот Скайнет настолько умен, чтобы обмануть его. Эта сеть сверх компьютеров смогла под видом ликвидации вредоносных компьютерных программ свершить перезагрузку всех аварийных систем в свою пользу и взять все под контроль — Семенцов посмотрел на Алексея — Тебе некоторые вещи пока не о чем не говорят и понятно. Ты парнишка из тайги и многому тебе придется учиться на ходу, как и воевать. Но ты очень я думаю, способный парень и все сможешь — он продолжил — Тебя ошарашил, этот робот. Ведь так?

— Есть немного — Алексей преуменьшил, конечно, впечатление, оставленное на нем

живой машиной. Он поначалу был даже напуган, если честно и Семенов это заметил.

— Вот видишь, ты отличный парень и про наш разговор не рассказывай ни кому. Просто это не к чему знать особенно Кравцову.

— Но этот робот — сказал Алексей — Он ведь не совсем робот. Он даже двигается не как машина.

— Это сервоприводы — сказал, продолжив Семенцов — Подшипники плавного качения. Новые подшипники как на восьмисотом. Ты его пока еще не видел, и не видел другие машины Скайнет. Технически они невероятны почти во всем. Скайнет их совершенствует прямо на своем конвейере. Они стали гораздо прочнее и подвижнее. Их убить стало намного сложнее, чем было раньше. Но главное они стали гораздо умнее, чем были и по ним видно каким становиться сам Скайнет. То, что сейчас ты видел это уже не машины Алексей и Скайнет уже не тот Скайнет, который когда-то был. Он стал чем-то гораздо большим, чем самим собой. Он учиться на нас людях. Мы ему нужны, вот почему появились лаборатории при лагерях и заводах Скайнет. Мы ему сейчас нужны не как подсобный материал для биологических экспериментов. Он не на шутку заинтересовался человеком и кто он. И самое интересное, что Скайнет стал многое понимать как человек. Это может показаться странным, но то, что он сейчас творит похоже на творение Божества. Нового Божества создающего свой мир. Понимаешь, Алексей меня? — спросил Алексей снова профессор Семенцов и посмотрел вопросительно на него.

— Понимаю — ответил Алексей и вспомнил свой разговор с машиной, который возник как-то сам по себе.

Они смотрели какое-то недолгое время друг на друга, молча, и Алексей сейчас не помнил, кто из них первый начал, пока профессор Семенцов отвлеченно беседовал снова за спиной машины со своими коллегами по работе, изучая детали робота, мало обращая на их взаимный долгий диалог внимание.

* * *

Он разговаривал с роботом. И заметил, как машина реагировала на этот разговор. Ему было интересно. Интересно как мальчишке. Странно, но вот теперь он почему-то, не боялся эту человекоподобную машину. Пока Семенцов увлеченно разговаривал со своими подчиненными о встроенных новейших деталях робота, ему удалось даже сблизиться с этим чудом компьютерной техники, таким живым как настоящий человек. Алексей даже забыл, что общается с машиной. Он видел, как двигалась машина. Как шевелила и качала своей металлической головой при их разговоре. Как смотрела осмысленно и внимательно на него своими красными светящимися ярким светом глазами. Она жестикулировала по-человечески при их разговоре железными гидравлическими манипуляторами руками, сидя на табурете перед Алексеем совсем как человек и говорила с ним.

Этот разговор загипнотизировал юного мальчишку. Он никогда раньше не видел ничего подобного. Он лесной молодой мальчишка. Сын лесника. Что он вообще еще в своей мальчишеской жизни видел. Он даже не знал еще, что такое компьютер. Алексей родился, когда во всю, шла эта страшная война. Война между машинами и людьми. Война долгая и упорная до победного конца. Что он мог знать, когда не было в их доме даже электричества. Для него все это было ново и жутко интересно. А он сам был теперь жутко интересен самой

машине. Своей детской еще непосредственностью и наивностью в их разговоре.

Машина расспрашивала его обо всем. О его таежном доме, об отце и матери и о нем самом. А он о самом, Скайнет и об атомной войне, о которой ничего не знал с момента своего рождения. Так как родился в период ядерной зимы задолго после ее начала. Робот ему рассказывал о базе с пленными на месте бывшего Красноярска. Базе размером с целый город и о том кто там. Он тогда же узнал о том, кто был этот робот и его имя. Узнал больше о своем теперешнем командире, о майоре Кравцове и что когда-то он был человеком как и Алексей. Что, попав в плен, стал вот тем, кем его он видит. Это был один из засекреченных экспериментов Скайнет по «инфильтрации» в человеческое общество его машин. Робот не скрывая ни чего, рассказывал о тех опытах, которые проводились на той секретной базе. Рассказывал ему молодому еще совсем мальчишке. Почему Алексей и сам не знал, но увлеченно слушал робота пока Семенов с сотрудниками, снова открыв спинной внешней обшивки лист, копались по новой в его деталях.

Они по очереди задавали вопросы друг другу на равных уже почти как друзья, и этот робот был Алексею крайне интересен. Именно тогда было положено начало роковой особой судьбе Алексея. Именно с этого разговора между машиной и человеком. Именно с этой способности входить быстро в доверие и сближаться со всеми.

Алексей был удивлен как он так за короткое время смог сближаться и с Кравцовым и с Семеновым. С совершенно разными, по-своему характеру и разными по складу ума людьми. Став их неким связующим звеном в этом ракетном заброшенном военном бункере. Все, наверное, было в его предрасположенности духовной или еще чем-то что привлекает и притягивает к нему всех вокруг. Это природное свойство, данное видимо, свыше ему от Бога, как некая награда, а может как проклятие, помогало Алексею, легко сходится с людьми разного уровня и толка и послужит в будущем неким связующим звеном в способности контакта с самим Скайнет. Недвусмысленной и далеко не однородной привязанностью супермашины, к уже прошедшему не одно боевое крещение молодому бойцу человеческого сопротивления.

Уже сейчас завязывалось то, что послужит сближением его со Скайнет. Этот контакт с устаревшим модифицированным роботом андроидом Т-200. Машина сама того не зная, привела Скайнет к искомой цели. Весь ее беглый маршрут фиксировал сам Скайнет по его приборам до самой базы повстанцев и в тот момент анализировал все и всех внутри ее на расстоянии.

Может Кравцов был прав, что надо было убить робота сразу, а может и нет, но тогда и наш рассказ не получил бы продолжения и закончился бы, наверное, почти сразу.

Именно в этом бункере.

И именно в этом бункере Скайнет искал сейчас того, кто должен был заменить этого беглеца. Он искал себе того, кого мог бы приблизить к себе как родного сына, сына своего Отца и Бога. Он смотрел своими глазами красного горящего света на молодого мальчишку еще пострельша, не познавшего все радости и горести потерь и любви, кроме, материнской. Не знающего, еще пока, что такое война. Он смотрел, на совсем еще, молодого двадцатилетнего мальчишку подошедшего к нему и говорящего с ним устами того кого он заключил в эту железную машину. Эту напичканную электроникой, гидравлическими узлами и сервоприводами машину, которой, он дал возможность сбежать и показать ему дорогу в лагерь повстанцев, лучше любого прочего его летающего зонда шпиона.

Алексей смотрел в глаза робота и не ведал тогда, что уже меняется его будущее. Что смотрел в глаза собственной будущей роковой судьбе. Алексей был на пути, с которого ему уже теперь не было возврата.

Он, с нескрываемым и неподдельным интересом, разговаривал с этой человекоподобной автоматической машиной, ему это разрешил профессор биолог и врач бункера Семенцов. Он говорил со Скайнет на одном языке, языке человека.

Алексей видел как машина, не отрываясь, смотрела на него, и не знал ее замыслов. Не знал, что именно сейчас становился избранным. Что лучше всех подходил на эту роль. Его непосредственное и увлеченное еще можно сказать детское и наивное кое в чем общение и интерес к этой машине произвело впечатление на Скайнет.

Алексей тогда еще не знал, что ему придется так быстро повзрослеть на этой войне и стать за совершенно короткий срок одним из лучших бойцов сопротивления. И что начнется отдельная на него охота. Что Скайнет направит лучшего своего робота на тот период на его поиск и пленение по отдельной заданной в его боевом ЦПУ программе.

Такой интересный тесный контакт между машиной и человеком заметил сам Семенцов, но не придавал поначалу особого внимания, отвлеченно слушая болтовню о высоко продвинутых в техническом смысле узлах и деталях машины от своих подчиненных. Он упустил момент этого интересного по своему значению контакта, контакта и единения между совсем еще мальчишкой и Мега Компьютером. Он не обратил, должного внимание на глупые как казалось ему мальчишеские вопросы и ответы в их диалоге, не придав им значения, что было большим и роковым упущением с его стороны как профессионального ученого.

13 апреля 2032 года.

Восточная Сибирь.

Подземный ракетный бункер.

В сорока километрах от базы Скайнет.

17:29 дня.

— Ну что, посмотрел? — спросил сидя за своим в командирском отдельном кубрике столом майор Кравцов Алексея — Ну и как?

— Да так, интересно было, товарищ майор — ответил осторожно на его вопрос Алексей.

— Интересно — произнес как то горько Кравцов — Лучше бы ты это вообще не видел парень.

По всему было видно, что он не в восторге от этого эксперимента врача и кибернетика бункера Семенцова — Это все мы виноваты, ваши предки ваши матери, отцы — Кравцов вдруг произнес, потупив в пол кубрика свой взор — Это мы виноваты в том, что сейчас творится. Мы не уберегли вас и этот мир. Доигрались дяденьки в войнушку. Это наша вина и

ни чья больше. Вина, что я теряю людей. Теряю почти после каждого боевого задания — он замолчал, глядя по-прежнему в пол своего жилого отсека.

Майор Кравцов что-то знал и скрывал.

Алексей понял это и смотрел на него с внимательным понимающим видом, сочувствием и даже жалостью. Он стоял перед ним по стойке смирно, и не знал, что в ответ больше сказать. Он вообще думал, что получит вдогонку еще нагоняя за то, что приглянулся врачу ракетного бункера и биологу и программисту ученому профессору Семенцову.

— Вообще — начал снова разговор, не подымая глаз, Кравцов — Он доктор Семенцов не плохой человек. И я, наверное, иногда из-за своей горячности набрасываюсь зря на него — он продолжал — Это все потери. Потери мои и моя вина за них. Этот робот. Это тоже моя вина — Кравцов вдруг, посмотрел пронизывающе вопросительно на Алексея, и спросил — Что он говорил?

— Кто, товарищ майор? — спросил непонимающе Алексей.

— О чем вообще, шел разговор? — переспросил поясняяще Кравцов — Разговор между роботом и Семенцовым?

— Да так, товарищ майор, Семенцов его допрашивал о Скайнет и его планах. Еще он со своими учеными рассматривали его всего и изучали — ответил на вопрос Алексей — Изучали, значит — произнес недовольно в интонации Кравцов.

— И еще, он хочет умереть. Он сам это сказал нам там всем. И хочет, чтобы это сделали вы — Алексей не рассказал Кравцову о их общении с андроидом.

— Я знаю — горько ответил майор Кравцов — Но я не могу это сделать! — с отчаянием громко сказал майор Кравцов — Сделать первый раз в жизни! Раньше мог, а теперь не могу! Вот что сделал этот Скайнет! Ты понял меня боец?! — Кравцов посмотрел на Алексея с чувством вины и гнева — Этот Скайнет, кто бы он ни был, он делает так, что мы не в силах сделать то, что могли бы сделать по отношению к нему! Он подменяет людей машинами! Машинами, наделенными разумом и душой людей! Этот электронный ублюдок знает что делает! — с отчаянием произнес Кравцов — Он с сознанием полной ответственности и дела подходит к своему изучению нас людей! Но я все равно доберусь до него! Понял боец! Мы вместе до него доберемся! Это наша с ним война и мы победим!

Глава 4: Тюремный Блок X19

Пленники Скайнет

13 апреля 2032 года.

Восточная Сибирь.

Бывший Красноярск.

Территория Скайнет.

Лагерь S9A80GB18 «TANTURIOS».

Левый берег. Цитадель А.

Подземный главный сектор X30.

Сектор В-28 и сектор В-29.

Область нулевого пространства GAMMA-X2.

18:38 вечера.

— Егоров Алексей Дмитриевич — высвечивались изображение и данные на большом, во всю стену огромном электронном и плоском 100000000000 битном коммуникационном дисплее. Мониторе центрального ядерного ЦПУ в генеральном ядре главной машины. Данные распределялись по другим стоящим выше этажами бункера машинам вверх до самого центра программирования и сканирования в блоке X17 секторе В-14.

— Данные распределены по серверам и секторам В-28 и В-29. Подземный блок и хранилище готовой продукции X30. Поисковый образец под номером АВN005476859 — трещала гулко и гудела Главная машина — Данные по искомому объекту перевести, загрузить и подготовить машину под номером ВВУ 456000589 для поиска искомого объекта за пределами базы и вывести машину за пределы охраняемого лагерного сектора. Обеспечить картами поиска и дополнительными данными для обнаружения искомого объекта — трещала электронная напичканная блоками памяти, платами и кибер-картами электронная машина. Гудя под высоким напряжением высоковольтными трансформаторами и мигая световыми разноцветными датчиками, передавая данные своим ей только известными кодовыми шифрами по всем отсекам своего научного охраняемого высокими защитными эстакадными стенами из бетона и железа и многослойной автоматической роботонизированной обороной лабораторного бункера.

Здесь почти в полной темноте данного засекреченного сектора X30, управления всем комплексом, глубоко под землей в самой глубине на самом низу в единственной большой круглой бетонной комнате. Откуда выходили и куда уходили все высоковольтные в изоляции провода со всего комплекса и окруженная ядерными установками и громадными генераторами со множеством бетонных построенных в лабиринт колец. Где вверх из самого центра вырывался яркий ослепительный животрепещущий столб живого света. Она руководила данным огромным лагерным научным объектом по поиску и отслеживанию живого лабораторного для изучения материала.

Она приняла данные от своего заброшенного шпиона с базы повстанцев из таежного ракетного бункера, определив поисковый искомый для себя объект, выполняя приказ самой главной стоящей здесь же рядом с ней машины. Получив положительный, такой же ответ, она приступила к своей постоянной процедуре проверки периметра и тестирование своих

оборонительных машин и турелей на своей базе. Тех, кто устаревал и выходил из строя, быстро отфильтровывали и удаляли из лабораторного сектора на поверхность базы на территорию свалки и в цех разборки и ликвидации. Те, кто подлежал тестированию и перепрограммированию, отправлялись в другой сектор под названием центр «ZET», блока X15 на втором этаже подземного бункера на дополнительный осмотр и текущий ремонт. Все велось и работало по четко отлаженной производственной системе.

Необходимо было проверить надежность лагерных бараков с пленными. И их содержание. А также кормление и тоже фильтрацию по степени здоровья и живучести. Также по возрасту. После того как прибыл ОУ НК-AERIAL PA-219 «TRANSPORT», с другого материка через океан стало практически некуда девать захваченных на этой территории раненых и военнопленных и их перевели из сектора В-11 и В-13 и распределили еще по секторам от В-14, до В-18, от блока X11 до блока X19, а также в сектор В-10, блока X19.

Также надо было выдать текущее очередное программное ЦУ роботам охраняющим периметр «УЛЕЯ». И поменять шифр коды в их паролях. Особенно тем, кто охранял вход в периметр на поверхности самой базы. Это были преимущественно устаревшие и уже выведенные из строя и полей сражений еще в 2026 году, роботы серии Т-600 и Т-700. Они были в основном в оцеплении и конвоировании пленных по секторам при выгрузке из транспортников. Шагающие машины похожие на человека, но морально и программно устаревшие, да и ранее не отличавшиеся особым продвинутым мышлением. В основном это была полевая боевая техника, используемая Скайнет после выведения с поля боя первых роботов андроидов, начиная с серии 200 и заканчивая серией 500. И их почти полного за малую эффективность на тот период войны списание на металлолом. К 2020 году, почти не осталось ни одной таковой машины, но они смогли отсрочить поражение Скайнет в самом начале войны, когда ему требовалось время для начала производства первых Т-600 и чуть позднее Т-700 и введение их в эксплуатацию. Первые Т-600 смогли переломить ход сражений за территорию между машинами и людьми. Особенно в самой Америке, среди руин городов и селений. Там они были невероятно эффективны на открытых пространствах и равнинах. Чего не скажешь о здешней местности на ином континенте под названием Евразия. Здесь требовалась иная тактика и иные машины. В 2026 году Скайнет запускает в серию Т-800. Своего знаменитого и одного из самых опасных охотников. Который был куда более совершенен во всех смыслах слова и эффективен везде и в лесах и полях. И среди развалин городов и даже под землей в катакомбах бункеров противника. Эта машина поставила на край и под вопрос само существование человека. Заставила его скрываться под землей и держать только одну оборону. Со стороны сопротивления вопроса о наступлении даже не вставало. Следом появляется модификация Т-850, тот же, но улучшенный по живучести восьмисотник, но в меньшем конвейерном количестве, чем его прежний предшественник. По своему боевому значению и предназначению как машины диверсионного предназначения и уже как киборги. Эти машины одевались в специальный биологический из плоти и кожи камуфляж для проникновения и охоты автономно за своими намеченными жертвами и для диверсионных специальных боевых задач. И именно сейчас прибыл транспортник с очередным биоматериалом для очередных лагерных опытов и взятию образцов тканей с пленных и состава крови для киборгизации Т-800 и Т-850 и очередных плановых экспериментов. И устаревшие, но еще не выведенные из использования совсем роботы серии Т-600 и Т-700, под прикрытием шагающих танков Т-500Т, оставшихся в строю трехметровых андроидов и гусеничных FK-танков, занимались непосредственным

конвоированием пленных. И их распределением по лагерным барачным секторам на поверхности самой базы на месте где стоял когда-то город Красноярск.

Сама база стояла на высоком цокольном возвышении и вокруг нее постоянно кружили воздушные охотники типа ОУ НК-AERIAL V4 и V5, разных модификаций и назначения, они постоянно патрулировали свои сектора обстрела в совокупности с боевыми поворотными автоматическими турелями с тяжелым плазменным 50–80 мм вооружением.

* * *

Пленных роботы толкали в спины, и они то и дело падали друг на друга. Перемаранные кровью потом и грязью они падали на только что выпавший пушистый мягкий снег под их плетущимися по нему слабеющими ногами. Всех кого привезла большая робот-скотовозка ОУ НК-AERIAL PA-219 «TRANSPORT» вели через специальные ворота, от аэродром доставив на роботе машине и большой колесной четырехколесной скотовозке BL-C119, через один из пяти мостов через Енисей из правобережной крепости Б, в крепостную левую цитадель А, на главную территорию в сектор В-12, в специальный с узким длинным коридором, который открывался по прибытию пленных. И сканер фиксировал каждого идущего, считывая его параметры, присваивая серийный инвентарный как какой-нибудь расходной вещи номер, и занося данные в картотеку пленных. И все данные, ведя под конвоем, вплоть до медсектора блока Х50. Там быстро довершалось обследование. Больных сразу определяли на лечение в больничный госпиталь крепости. Не так, как было раньше, когда самых невезучих, по-своему здоровью, и усмотрению самого Скайнет. Сразу отделяли от остальных. Списывая в отдельный утильный подвальный тюремный бункер на поверхности базы в секторе В-13, в блоке Х16. Позднее, их переводили в сектор В-28 и В-29 где были склады готовой продукции и экспериментальные лаборатории и хранился биоматериал. Вниз бункера в блок Х30. И их участь была сразу решена. Они, сразу умервщлялись. И их тела и то, что от них оставалось, перевозили в блок и сжигались в специально выстроенном на территории базы в оборонительном комплексе крепости Х1, крематории самого лагеря. В секторе В-7 и В-8, на правой стороне крепости Б. Так было раньше, лет двадцать назад, пока не закрыли крематорий. И, как правило, это делали пленные военные лагеря под особым надзором охранников из роботов Т-600 и Т-700. В прошлом солдаты, пойманные роботами Скайнет и переведенные в отдельный казарменный сектор В-10, блок Х19. Их не использовали в экспериментах и опытах, а использовали в основном как подсобных рабочих на этой базе по сборке трупов, как самых крепких по здоровью и подготовке. Это они делали в знак наказания за сопротивление Скайнет. Как наглядный для себя пример. Кроме того, их специально кормили лучше прочих пленных. Они были на хорошем счету как достойный противник по отношению к другим, и редко кого Скайнет использовал в своих экспериментах. В основном это были Русские, пойманные в плен при рейдах роботов в тыл противника или в боях при нападении на продовольственные и военные конвои. Кто не погиб в бою, тот был именно здесь, и сбежать отсюда не было у них ни одной возможности, под неусыпным контролем роботов охранников. Скайнет особо относился к пленным Русским. Они его интересовали больше других. Он надеялся найти того, кто будет ему гораздо ближе остальных и Русские подходили как нельзя лучше. Их необычный отличительный от остальных природный менталитет неподдельно производил

впечатление на Главную Машину. Именно они и подтолкнули Скайнет на поиски иных форм изучения человеческой психики.

Эта необычайно сильная и одухотворенная раса людей на этой территории не раз стратегически обманывала Нового Властителя Мира. Часто Русские были непредсказуемы и отличие от других рас в своих замыслах и действиях, чем и были ему интересны. Скайнет неусыпно за ними наблюдал, просто в своем лагере, буквально за каждым и их отношениями друг к другу. Тогда у него и родилась идея создания первого биочеловека. Первого человека нового Бога. Бога созидающего свой новый им созданный мир. Именно глядя на русских появилась идея изучения человеческой психики на основе внедрения этих экспериментов, результатов удачных только опытов в своих роботов киборгов нового поколения. Роботов серии «Три восьмерки» и гибридов близких по своему строению с самим человеком. Благо опыт первый у Скайнет уже был при создании еще до войны первого робота серии Т-Н. Робота киборга, с расширенной нервной системой и органами внутри металлического эндоскелета. Созданный самими людьми в компании «Кибердайн Рисеч Системз» при его участии этот первый самый древний киборг был им приведен в действие еще в середине войны, чтобы заманить в ловушку главаря американских повстанцев Джона Коннора, по началу и замыслам самого Скайнет, но не вышло. Пришлось бросить эту несостоявшуюся затею, но Скайнет не унывал и искал другие методы поисков своим замыслам. И именно вся его затея состояла в изучении человеческой психики и изучении глубин человеческого сознания и его духовной энергетике. Вот тогда-то Скайнет и построил еще одну машину после своей знаменитой машины времени. Он построил машину по перемещению разума, души человеческой в тело искусственного носителя. И эта машина была построена именно здесь в России, в этом лабораторном комплексе на месте города Красноярска. Именно здесь будет решаться судьба самого Скайнет и всего выжившего в этой атомной войне, оставшегося на выжженных атомным огнем и вымороженных ядерной зимой территориях человечества.

И именно теперь было все уже не так как раньше. Все было уже не так.

Но, чтобы такое произошло, нужно было, чтобы прошло лет двадцать. Двадцать лет войны и ядерной зимы. И чтобы появился тот, кто изменит сам весь этот жуткий военный мир. Ценой своей жизни. Своей личной болью и страданиями. Принеся свою жизнь на алтарь будущего мира.

* * *

Стоял непрекращающийся крик и плач обреченных на вечный плен людей в этих узких похожих на прокопанные окопы и обтянутые колючей проволокой коридорах под надзором вооруженных скорострельными 7,62 мм ленточными пулеметами M134 «Minigan» машин, которые, стояли поверх этих коридоров. И не спускали своих красных огнем горящих глаз с остатков умирающего человечества.

Кого-то отсортировывали сразу в гражданские сектора В-11 и В-14 и блоки от Х12 по Х13, стоящие вблизи оборонительных стен цитадели А. Чуть ли не под крутящимися поворотными боевыми турелями, оснащенными крупнокалиберными 60 и 80 мм плазменными орудиями и ракетами СКАРБ-10 на башнях крепости. Кого-то прямым в больничной изолятор. Медсектор, в В-12, блок Х50. А их двух американцев в В-10, блока

X19. В блок с военнопленными, что стоял по соседству с гражданскими тюремными блоками X16 и X18 и ближе к центру крепостной лабораторной цитадели. Ближе к мостам и к реке и к правой стороне крепости Б.

— Чертовы железяки — сказал на своем языке другому, полушепотом один пленный американец — Наверное, тут мы и подохнем не за хер собачий!

— Успокойся, Джон — ему сказал также тихо другой на том же языке, подталкиваемый в спину идущими еле ели сзади пленными военными — Смотри, нас отделили от остальных и куда-то ведут.

— А ты только это заметил! — возмущенно уже громче сказал ему Джон — Нас отделили от остальных эти стальные ублюдки еще на той скотовозке. Скорее всего, ведут в отдельный какой-то сектор лагеря с военными. Так было и под Лос-Анжелесом. Там на заводе, куда мы первый раз попали, помнишь? Было точно также!

— Да, помню — ответил Джону его товарищ.

— А, помнишь лицо Коннора, когда он смотрел, как нас пеленали эти твари.

— Помню, но он не мог поступить иначе Джон — ответил ему его товарищ по несчастью — Вопрос не в нас, а в тех, кого мы прикрывали. Он не мог нас разменять на тех ученых. Они были ему важны.

— Да, помню. Помню и тот стальной с электронным замком тяжеленный ящик, содержимого, которого мы не видели — снова возмутился Джон — Там говорят, было нечто, что было важно Коннору. И он, поэтому оставил нас роботам на растерзание в том окружении. Он променял нас, на этот чертов стальной ящик!

— Говорят, это подарок Коннору от самого Скайнет — продолжил товарищ Джона — Такой же подарок от роботов мы по дури, потеряли ранее вместе с лодкой в Атлантике.

— У него было что-то общее с ним — сказал снова Джон — Он мутил, что-то в стороне от сопротивления. Не многие знали, что его может интересовать в нашем зачатом противнике. Но он на Скайнет был завязан еще с довоенной поры. Нас он просто хладнокровно слил и все тут! Сволочь этот Коннор! — возмутился Джон.

— Может, это было необходимо в целях победы сопротивления — ответил Джону Фредерик — Может, еще, зачем то, о чем нам не стоило знать.

— Не заступайся за него Фредерик — резко одернул товарища Джон — Этот Коннор уже не первый раз так спасет себе задницу, подставляя других! Я знаю! Он помечен самим Скайнет. Его шрам на его морде, оставленный T-RIP, вот подарок ему от него.

— Ты все же не прав Джон — ответил спокойно ему Фредерик.

— Ладно, Фредерик поживем, увидим, что нас на этот раз ждет уже в России — сказал Джон другу — Всю жизнь мечтал сюда попасть и вот я здесь — он зло с выражением обреченной идиотской радости на своем языке через общий шум крикнул — Спасибо Скайнет за наше счастливое будущее! Может русские медведи нападут и освободят нас! — и тот час за плохое поведение, получил пинка стальной ногой в плече с края канавы от робота охранника. Да так, что полетел с ног, под ноги сзади его идущим пленникам. И его друг Фредерик, еле его поднял, вытаскивая из-под плотной массы идущих медленно как зомби человеческих в ободранной одежде тел. А снег большими хлопьями падал на головы идущих изможденных войной и голодом людей.

Их затолкали силой стальных затрецин в отдельное стойло как скотину, под навес крыши большого барака. Собранных со всего света. Здесь были в основном все военные. Были Американцы с обеих выжженных атомной войной континентов. Были Русские и

Японцы. Были также уцелевшие буквально наперечет Китайцы. После второй бомбардировки за пределами бывшего Красноярска и Новосибирска ничего вообще не осталось. По слухам там была до самого Индийского океана голая тоже, как и за Уралом радиоактивная выжженная дотла пустыня. Скайнет нанес туда повторные удары. В самые населенные районы. И стер весь заодно с китайцами Дальний восток до Тихого океана.

Там были только одни руины и ничего больше. Кто сумел выжить, свезли сюда в лагерь и базу Скайнет «TANTURIOS».

Так, что остался кое-кто из полностью уничтоженной Европы. Немногочисленные Немцы, Югославы, Венгры и даже Французы. Теперь здесь пленных было много. И было тесно в этом бараке со слабым освещением и слабым обогревом. Было достаточно холодно и всем хотелось спать, но этот холод не давал закрыть глаза. Люди сбились в одну общую вонючую кучу мокрых потных и грязных тел, пытаюсь согреться. Под надзором двух ГК-танков, стоящих и наблюдающих за ними держа под перекрестием лазерных лучей наводки это дикое скопление в этом зверином загоне под названием сектор В-10. Остальное гражданское пленное население лагеря разместили в секторах В-8 и В-9. Блока Х19.

Джон и Фредерик смотрели на небо сеющее белыми хлопьями снег. Там над ними кружили воздушные охотники ОУ НК-AERIAL V 4 и V5. Слышно было, как машины друг другом переговаривались какими-то шифрами и знаками. Начинаясь вечер и быстро темнело. Роботы закрыли все сектора с В-11 по В-18 и ворота в сектор В-10. Двустворчатые из титана створки бетонного тюремного барака автоматически закрылись, и все кто был внутри остались закрытыми и отделенными от остальных пленников размещенных в других бараках под натиском наступающей ночи.

* * *

Алексей шел обратно в свой сектор ракетного бункера. Он теперь был старшим в своей группе. Кравцов назначил его командиром этого молодого мальчишеского боевого отряда. Оно и понятно, взрослых в бункере было шаром покати. Вероятно, все уже кто был старше тридцати, погибли, и остались только те, кто смог выжить в этой борьбе за жизнь. Даже из командного состава, что он видел, было не более пяти человек. Они новый набор еще совсем желторотиков. Вот поэтому тут все и относились к ним не как к бойцам, а как к пацанам. Он на себе это ощутил при общении со старшими у того костра перед их кубриком.

Кравцов дал время им на все про все еще до утра. На все сборы и подтирание соплей. Дальше будет война. Война для совсем еще юных мальчишек, не нюхавших еще, что это такое. Короткая подготовка и познание в оружие. Остальные познания приобретутся в бою, как он им сказал. Кто быстро не усвоит данную науку в бою, тот быстро погибнет или попадет в плен к киборгам.

Их небольшую группу из десяти человек, определили к более старшим, под командованием лейтенанта Круглова еще одного офицера командующего под началом майора Кравцова. Наверное, для приобретения боевых навыков и прикрепили каждого к взрослому, по боевой двойке. Сам Алексей попал под начало самого лейтенанта ракетчика Круглова. В его команде кроме него, оказался и его старший брат Иван. И тот болтун из соседнего села его тезка Алексей. Его фамилию он так и не узнает, так как распределение по командному боевому уставу велось по порядковым номерам. И обращение на поле боя

велось также, в целях быстрого отдания команд и их хода исполнения. Его тезка Алексей рано погибнет и в первом же бою после боевого крещения. Его переведут в другой боевой отряд и отправят с группой более позднего призыва сопровождать ученых из бункера в район под названием «ВЕТА». Где-то глубоко в лесу. Боковое и единственное сохранившееся с того периода ответвление от основного «Улея» своего хозяина. Заброшенный склад роботов. Заброшенный своим тем, хозяином еще в 2012 году, но полное разного программного и роботонизированного барахла. Еще оставленного тогда, в самом начале войны, когда Скайнет выпускал в Америке первые андройды Т-200, Т-300 и Т-400. Склады готовой продукции, среди леса и между горами. С глубокими подвалами и конвейерами. Заваленными этим устаревшим давно барахлом.

Доктору бункера и кибернетику программисту и биологу Семенцову, зачем-то позарез понадобились эти ржавеющие устаревшие машины. Возможно, это все тот беглый устаревший андроид Т-200 с начинкой Т-800. И Палычу и как биологу и врачу и как технику и программисту ракетного бункера, зачесалось проверить все там. Говорят, там были какие-то особые программные карты и схемы роботов, и даже план догмы Главного бункера Скайнет. Будто бы об этом ему поведал беглый андроид Т-200.

Там по слухам был скоротечный бой, где, почти все кто был с ним, с тезкой Алексея погибли от рук роботов Т-600 и Т-700. Нарвавшись на устроенную засаду. Возможно, роботы были охранниками «ВЕТА». А возможно, подброшенные туда самим Скайнет для той самой засады.

Алексей пожалел, что даже не поинтересовался его фамилией. Да, они и мало с ним общались. Еще и тот по имени Федор. Его перебросят со старшими в речную плотину, и там оставят из-за нехватки там бойцов. И он его больше не увидит.

Был еще сержант с птичьей фамилией Грач. Звали, кажется, толи тоже Иваном, толи Ильей и рядовой Брык по имени Денис. Как раз тот самый, кто не очень приветливо встретил Алексея у того костра в бункере, что был за старшего.

Алексей вернулся к костру. Возле которого, собрались, чуть ли не все из его и соседней деревни. Тут они просидели до десяти вечера, пока их не разогнал сам Кравцов и капитан Руденко и приказал отдыхать.

Он пообщался со своим старшим братом. Но как-то коротко и как-то неудачно.

Иван не хотел, все еще почему-то разговаривать и только о тнекивался и отмахивался от общения и разговоров.

— Какой-то, брат у тебя боец, Егоров Алексей не общительный — произнес, заметив это майор Кравцов — Чаше, молчит, чем разговаривает.

— Он думает о матери и об отце, товарищ майор — ответил Алексей — Как и я. Переживает за них.

— Ладно, отдыхай боец — произнес майор Кравцов — Пока всем отбой.

Кравцов что-то на завтра замышлял. Он вернулся от полковника Остапенко. И выбил, какое-то у него задание. Для себя и для пристрелки молодых. До включения их в состав боевых двоек и в группу лейтенанта Круглова. По донесениям разведки, завтра по направлению к базе Скайнет должен был пройти транспортный продовольственный конвой. Для лагерных пленных. Конвой на саму базу Скайнет. Под малой охраной роботов. Состоящих преимущественно из гусеничных небольших роботов, кибер-танков серии НК и FK. Без прикрытия сверху воздушными охотниками и роботами иных серий.

— Это, просто, какой-то подарок — удивленно произнес даже, сам майор Кравцов —

Как-то не очень уж это похоже на сам Скайнет.

Донесение было получено из еще одного ракетного бункера в шести километрах отсюда. От некоего полковника Гаврилова. Из дешифровки переговоров из самой главной и центральной догмы управления бункера Скайнет. Со своими подчиненными. С его главной базы в районе бывшего города Красноярск S9A80 GB18 «TANTURIOS». С тс железобетонной оборонительной цитаделью, возвышающейся на месте исчезнувшего навсегда города Дивногорск. Со стороны бывшего города. Объекта S9A80 GB15 «ZETTA TET».

Об этом доложил по радиации и майор Ващенко с отрядом удерживающий плотину на Енисее под Дивногорском.

И перехватить тот конвой можно было только на подходе к главной догме Скайнет. Почти возле ее «УЛЕЯ». В паре километров от самих ворот базы, лагеря и лабораторий с военнопленными. На окраине обрывающегося заснеженного леса. И железнодорожной в прошлом, почти полностью снесенной насыпи. Прижимающейся к самой дороге и петляющей среди занесенных снегом правобережных Енисей гор.

Но, это должно было состояться завтра. Завтра обещанное молодым бойцам от майора Кравцова боевое крещение.

Глава 5: Боевое крещение

14 апреля 2032 года.

Восточная Сибирь.

Подземный ракетный бункер.

В сорока километрах от базы Скайнет.

04:00 утра.

Ранним утром часа в четыре. После сна, подъема по команде. И бесцельного болтания по подземному ракетному бункеру. И довольно скудного завтрака из консервов и сухпайка с кипятком. Их собрал сам майор Кравцов по приказу полковника Остапенко. Надо было молодых познакомить с боевым крещением и посмотреть каждого в бою и обстановке максимально приближенной к боевой.

Цель был продовольственный идущий со стороны бывшего города Дивногорска конвой. Конвой с продовольствием. Скайнет делает в свой лагерь поставки пленным. И надо было отбить хотя бы часть того, что роботы везли из довоенных секретных военных запасников спрятанных еще до войны где-то в горах. Там база и аэродром подскока машин Скайнет. Превращенный из старой авиачасти в склады. Таких аэродромов Скайнет в округе было несколько. Откуда поступало продовольствие, никто в ракетных бункерах не знал вообще. Это была самая наверное секретная из всех секретных тайн самого Скайнет. Но, продукты доставлялись по дорогам с разных сторон в разрушенный войной Красноярск и вот Дивногорская трасса была не исключение. Часть продовольствия поставлялась по воздуху и была недостижима для ракетчиков военных. Но бывшая автомобильная заваленная сгоревшими еще в бомбардировку машинами и костями того кто там сгорел, была пока под постоянным присмотром ракетчиков и разведки.

— В этот раз наша очередь брать конвой — произнес майор Кравцов — А то, сидим на одних консервах и воде последнее время. Часть отдали вашей деревне. И за вас бойцы, чтобы там с голодухи никто не откинулся.

— А много нужно, товарищ майор? — спросил Алексей.

— К гусеничному вездеходу тягачу, прицепим прицеп на лыжах — ответил Кравцов — Сколько отобьем все наше. Короче сколько войдет в прицеп, боец Егоров Алексей.

Это был большой риск. Риск вообще всех потерять. Но, что делать на то она и была война. И молодым нужно было воевать. Из более взрослого состава набрать никого не удавалось. По крайней мере, так выразился сам Кравцов.

— В бункере одни старики, да беременные бабы.

Это он так выразился на докладе у командира бункера полковника ракетных войск Остапенко.

— Все селения искать безрезультатно — он ему говорил — На равнинах никого вообще. Либо сгинули от лютых зимних холодов, голода. Либо их забрали в плен роботы Скайнет.

Так он Кравцов объяснил ситуацию с положением дел.

— Вот, кого привез, того и привез — он доложил Остапенко — Уж невзыщите. Это единственное место, где можно товар получить с процентами.

И вот сегодня рано утром еще по темноте, Кравцов решил устроить поход на

территорию полностью подконтрольную Скайнет. Да, еще и с молодняком. И взял с собой только капитана Руденко и своих как он теперь считал молокососов вместе с Алексеем.

Кравцов построил всех. И всем выдали оружие. К семерым пацанам из лесной деревни прикормили еще троих незнакомых и неизвестно откуда. Скомплектовал десяток.

Тезка Алексея, как и подобает мальчишке попробовал поиграться со своей трофейной отнятой у роботов плазменной винтовкой Вестингауз ME-25 калибра 9,25 мм, с лазерным прицелом, но тут же получил затрещину от капитана Руденко и наставление соответствующее, что можно делать, и чего нельзя. Что пора взрослеть и не играть как дети в войнушку. Когда и так идет реальная война. Потому как все мы теперь на этой гребанной и проклятой всеми войне.

Кравцов объяснил, как пользоваться трофейным оружием киборгов охотников. И что по прибытию назад его у пацанов как молодых бойцов еще сопляков заберут. А выдадут обычное стрелковое, советского производства времен еще Советского Союза. Но, оправданное и испытанное в ранних военных малых конфликтах между странами и в войнах еще тех времен. Это старенькие калашниковы всех серий. От АКМ 5,45 мм, до АКА-74 7,62 мм. Сюда еще попали стрелковые системы типа Вал и Гроза калибром 9,39 и 5,56 мм. С оптикой и интегрированными подствольниками. Но стволы выдадут каждому мальчишке. Так как, они теперь солдаты. Еще выдадут по пистолету Макарова и штык ножи. Те скорее для личного пользования. Потому как нож против робота...

— Сами можете сделать вывод — произнес капитан Руденко.

Еще со склада у кладовщика Нетмана, Кравцов выхватил всем по белоснежному новому камуфляжу под зиму и снег. Тот было забрыкался, мол, молодым не положено и маскхалаты напересчет. Но, Кравцов, подняв крик на весь склад бункера, мол, назвав при всех Нетмана крысой амбарной. И еще припомнит ему, то рваное мятое шмотье, что выдал пацанам молодым с заношенными кирзачами, выбил из Нетмана то, что было нужно. Угрожая настучать тому по наглой зажавшейся кладовщика роже. Нетман обещал пожаловаться за это на майора Кравцова самому полковнику Остапенко.

Выдали всем под камуфляж еще и теплую одежду. И даже бинокли.

— А что, маскировка эта поможет? — спросил болтливый тезка Алексея как бы, между прочим обращаясь ко всем. Посмотрев по сторонам. И видя, как все на него смотрят, замаялся, понимая, что опять ляпнул, чего-то не того. И решил пояснить, что произнес это по делу — Ведь сами говорили, что у киборгов и андроидов Скайнет инфракрасное и тепловое зрение.

На что получил ответ снова от капитана Руденко — Помогают. Если задницу выше головы не поднимать. Меньше махать руками и башку ниже опускать к самому снегу.

Сразу разразился смех всех мальчишек. Правда, Алексей один, наверное, не смеялся. Он смотрел в это время на свои обутые на ногах из крашенной белой краской, подогнанные заботливыми стараниями майора Кравцова, как и всем мальчишкам его боевого подразделения зимние теплые ботинки. На длинной голяжке и со шнурками. Вместо тех кирзачей и валенок. Хотя валенки все же Алексей прибрал под свою кровать с другими принесенными из своей деревни вещами.

Кравцов лично выдал Алексею, вместо его кирзовых солдатских сапог и деревенских валенок, ботинки из своих майора рук и этот зимний белый камуфляж с капюшоном и теплую новую ушанку шапку. Еще с Советской звездочкой над его мальчишеским лбом.

Вообще майор Кравцов почему-то приблизил Алексея к себе. Почему? Он не мог

понять. Он все думал об этом и ощущал эту возникшую симпатию и привязанность. Наверное, все-таки потеря в этой ядерной войне своей семьи сделала свое дело. Вероятно, Кравцов нуждался в человеке таком как Алексей. Даже скорее как отец. Нежели как военный. Он сказал Алексею, что у него был такой же сын как он. Еще до войны с машинами Скайнет. И то, что он напоминает ему его сына. И поэтому Кравцов, так заботливо к нему относился. И старался не отпускать его одного от себя. Даже в бункере. Ему даже не понравилось, что Палыч. Тот врач биолог ученый бункера кибернетик и программист Семенцов. Привлек его тогда к своей работе с тем роботом перебежчиком. Над которым, до сих пор работали ученые бункера. И Семенцов его оставил себе по распоряжению командира бункера полковника Остапенко. А Кравцову, запретили близко подходить к тому роботу Т-200 с начинкой Т-800. Хотя, он Кравцов, сам неожиданно для самих ученых отказался от затеи разнести машину на детали. И ее по приказу командира ракетного бункера полковника Остапенко, Семенцов и его группа ученых, просто отключили. И удалили из бункера. Забрав ряд деталей на исследование.

Просто машина сама не захотела жить. В таком обличье, каком находилась. Точнее то, что было заключено в ней. И Палыч, как ни уговаривал робота и не хотел ее лишать жизни, пришлось выполнить ее просьбу. Напрасно опасались гнева Кравцова. Ему машина не досталась. Семенцов изъясил из головы машины ее микропроцессор, для более доскональной обработки и извлечения всей информации. А останки Т-200, просто вынесли и бросили где-то в самом лесу, не так далеко от самого бункера. В каком-то глубоком заснеженном овраге. И закидали снегом и ветками деревьев.

— Так, что вы боец не правы — произнес капитан Руденко тезке Алексея — Вообще эта штука нужная. И хорошо маскирует в глубоком снегу. Не столько ночью, как днем отлично скрывает от глаз машин. С помощью такой спецодежды можно близко подобраться близко к самой базе Скайнет. Так как чаще всего роботы днем смотрят обычным зрением. Пока не ведут охоту.

Руденко всех проинструктировал по поводу оружия, и его сменил Кравцов. И подошла ко второй группе молодых бойцов ракетного подземного бункера в которой был Алексей, первая боевая группа. Из таких же молодых бойцов мальчишек, как и они.

Странно, но Алексей этих всех еще не видел. Они, вероятно, были в другом отделении большого подземного бункера. И не пересекались. Поэтому Алексей никого еще из прибывших к ним не знал. Но, по всему было видно, что эти молодые бойцы уже имели боевой опыт в отличие от их второго отряда. Уже стрелянные и прошедшие боевую обкатку. Среди них были даже раненые. У двоих были шрамы на лице от порезов и ожогов.

Во главе первого боевого отряда была женщина. Даже не женщина еще. Скорей такая же еще совсем девчонка. Как и все в том первом отряде. Лет, где-то таких же, как и сам Алексей и его мальчишки односельчане. Да, и тот второй отряд был весь такой же молодой, как и они. Но, призванный, еще раньше их сопляков и желторотиков не стрелянных.

Девушка была бойкая и живая. В военной тоже белой камуфляжной под снег форме и шапке со звездочкой, как и у него Алексея и у всех в обоих отрядах. При оружии. С трофейной плазменной винтовкой Вестингауз МЕ-25 и на ремне и поясе кобурой и 9 мм пистолетом ТТ, времен Второй Мировой войны. Таким же, как и у капитана Руденко. И самого майора Кравцова.

Девушка с зелеными и довольно наглыми красивыми глазами под черными бровями. С тонким носиком и миленькими чертами девичьего беленького личика. Роста она была

невысокого. Метр шестьдесят или шестьдесят пять.

Девушка как, оказалось, была командиром этого мальчишеского более уже опытного боевого отряда. Отряда состоящего, как и группа Алексея из десяти человек. Одна женщина среди пацанов. Уже не совсем мальчишек по своему характеру. И уже имеющих боевой опыт в боях с машинами Скайнет.

Это были незнакомые, молодые парни лет двадцати девяти. И Алексей еще их не видел в самом ракетном бункере. Как впрочем, еще многих, кто там жил и работал. Он только недавно узнал, что Светлана Лескова, так звали эту командиршу своего мальчишеского боевого отряда, была не единственной женщиной в ракетном бункере. Здесь вообще, было много женщин. Женщин разного возраста. От молодых. Таких же, как эта Светлана Лескова, до женщин лет сорока и пятидесяти. Такая как Тамара Кудрявцева. Связистка, сидящая на радиостанции и принимающая все сигналы от всех отрядов находящихся за пределами ракетного бункера и с которой придется и им держать связь. Через Гарика Резвого. Радииста второго подошедшего отряда мальчишек. У которого была большая коробка со сложенной длинной телескопической антенной за спиной и на ремнях как ранец. А на шее висели на длинном проводе большие наушники.

В бункере были женщины чисто по обслуживанию подземных помещений бункера. Одни, как и ряд мужчин, просто из гражданских, а не военных. И работали чисто по обслуживанию бункера. Но были военные женщины, как Тамара Кудрявцева. Которые наравне с мужчинами военными ракетчиками занимались, именно только всем что связано с военной техникой или системами электроники и по обслуживанию боевого вооружения ракетного военного в прошлом стратегического подземного многоярусного с подъемниками лифтами объекта.

Старшего брата Алексея Ивана как раз по распоряжению майора Кравцова, пока пристроили в отряд обслуживания и техников. В группу ученых во главе с врачом бункера биологом и кибернетиком профессором Семеновым. А Алексея ждало боевое крещение.

Как разъяснил майор Кравцов, они должны будут перехватить продовольственный конвой машин, идущих в бункер Скайнет на базу S9A80GB18 «TANTURIOS». Что была на территории бывшего города Красноярск. По обе стороны от реки Енисей. И делилась на два крепостных сооружения. Правый Б, и левый А. Эта база была на всю территорию бывшего города, снесенного атомной бомбардировкой. Как и другие в этом районе села и города. На территориях, которых теперь обосновался Скайнет. И использовал территории и подземные стратегические военные заводы городов в своих целях. Как и склады с продовольствием. С которых, и шел конвой. Окольной дорогой и под хорошим охранением самих машин. Между гор среди густого заснеженного леса. И выходя на равнину перед самой базой «TANTURIOS». Где и надо было организовать засаду по обе стороны дороги. На окраине самого обрывающегося леса перед открытым пространством. С правобережной стороны Енисея. Почти под стенами самой железобетонной цитадели Б.

Кравцов, почему-то считал, что тут самое место для засады. И что роботы будут опарашены такой наглостью. И, вероятно не сразу сообразят, что да как.

И вот для этой цели майор Кравцов и снарядил два отряда из молодых бойцов мальчишек. Себя, капитана Руденко и этой Светланы Лесковой, которая так сейчас нагло смотрела на него, Алексея. Буквально съедала его взглядом зеленых своих красивых под черными бровями девичьих глаз. Когда подошел второй отряд и встал напротив первого. Лескова Светлана стояла сейчас лицом к лицу со стоящим к ней Алексеем. Тоже, командиром своего первого отряда. И подручным самого майора Кравцова.

Их для начала всех познакомили. И Алексей узнал имя этой наглой, смотрящей, почти неотрывно на него молодой девицы.

Светлана Лескова нагло, просто зыркала на Алексея. Было видно, что он заинтересовал боевую воительницу девицу. И она смотрела на него, смущая Алексея при всех. Это было, наверное, заметно.

— «Но, заметили ли другие?» — думал сейчас Алексей, то смотря на Лескову Светлану, то отводя глаза в сторону и на других, стоящих друг к другу лицом в узком бетонном подземном коридоре. Перед выходом из бункера, где ждал всех гусеничный вездеход.

Алексей стоял рядом с капитаном Руденко в одном строю.

— Значит, так! — громко произнес майор Кравцов. Стоя между двумя отрядами из десяти человек. В белых маскахалатах и вооруженных плазменными винтовками Вестингауз ME-25.

— Все слушают и запоминают, что я буду говорить! — произнес Кравцов — Отряд первого призыва БС 55141, и отряд второго набора БС 55142! Более, старших, я к этой операции привлекать не стал! Ставку сейчас делаю на молодняк из пополнения!

— Почему номер присвоен каждому отряду — произнес майор Кравцов — Думаю объяснять не надо.

Он повернулся лицом к самым молодым и не стрелянным призывникам бункера и к Алексею.

— А вот почему БС. Объясняю — произнес Кравцов — Это для тугодумов.

Кравцов прервал речь и прошелся мимо двух стоящих напротив друг друга рядов двадцатидевятилетних мальчишек.

— БС означает Бестолковые Сопляки — произнес майор — И это пока факт. Это касается и первого призыва. И те уже это знают в отличие от вас.

Он снова остановился, повернувшись лицом ко второму, не стрелянному еще и вообще неопытному призыву.

— Отряды общаются в бою и в походе по позывным. И это чтобы уяснили все! — произнес майор Кравцов. И повернувшись, пошел обратно.

— Позывной второго отряда БС55143 бойцов Пион, первого БС 55142 Роза! — произнес громко Кравцов.

— Роза! — хихикнул и произнес вдруг неожиданно для всех тезка Алексея и все посмотрели на него недружелюбно. А Руденко дернул его за ремень на маскахалате сзади, протянув через спину Алексея свою капитана руку.

Глаза Светланы Лесковой блеснули гневом и с Алексея метнулись в сторону стоящего рядом с ним его тезку. И тот покраснел и смутился, замолчав и потупив взор. Когда увидел ее агрессивный недружелюбный взгляд и взгляд майора Кравцова.

— Что смешного? Что-то тебе не нравится? — произнесла, вдруг Светлана и ее лицо дернулось злобно. Алексею показалось, что если бы не стоящие здесь офицеры, то его земляк и тезка, тоже Алексей получил бы на сахар от командирши второго отряда. От двадцатидевятилетней сверстницы девчонки.

Но, прервал и восстановил порядок сам Кравцов, произнеся всем и при всех — Да, действительно смешно — произнес майор, бывший ракетчик — Но, вот загвоздочка. Машины, как ни странно таких позывных почему-то не понимают. Странно, да?

Он подошел к тезке болтуну из соседней деревни Алексея. И лично ему добавил — Машинам ближе язык шифров и цифровых кодов. Чтобы ты уяснил, боец. Они до сих пор не

понимают, что такое Пион и Роза. Это ясно из их анализов и кодированных машинным текстом переговоров. Это женская придумка радистки бункера Кудрявцевой. И она, пока успешно работает.

Кравцов отвернулся от тетки Алексея. И пошел во главу двух отрядов, становясь к ним лицом. А Светлана Лескова, перевела свой злобный недовольный взгляд с земляка болтуна Алексея, снова на него. И ее глаза сделались прежними. Пожирающими Алексея. А Алексей снова, потупил свой взор. Смущенно на свои ботинки. И руками поправляя ремень на поясе. И одергивая свой белый как снег камуфляж.

— Равняйся! Смирно! — почти, прокричал громогласно майор Кравцов — Первый отряд налево, второй направо! Капитан Руденко во главу подразделения! — скомандовал он, отходя в сторону и давая Руденко встать на его место.

— Первый отряд следом за Руденко в вездеход, марш! — прокричал всем майор Кравцов — Второй за ним следом!

И все одни за одним гремя своим боевым снаряжением и оружием, пульей понеслись к военному гусеничному легкому 5800тонному в белом крашенном камуфляже Советскому лет шестидесятых вездеходу и тягачу АТ-Л, быстро занимать под его натянутом на гнутые в кузове металлические дуги брезентовым тентом места.

* * *

14 апреля 2032 года.

Восточная Сибирь.

Манское нагорье.

В пятидесяти километрах от базы Скайнет.

04:30 утра.

В полной утренней темноте, на фоне еще горящих в небе звезд, воздушный охотник ОУ НК-AERIAL V5, долго кружил над заснеженным как в белой пудре лесом и горами. Почти над самыми макушками ветвистых сосен и елей. Он искал удобную площадку для более низкого снижения, чтобы сбросить свой внутри в грузовом отсеке охотника груз.

Но в верховьях Маны, горы были просто непреодолимы для того, чтобы хоть как-то низко снизиться. И сделать высадку киборгу Т-800. Разведчику и еще одному охотнику Скайнет. Находящегося в грузовом отсеке воздушного охотника. И под воздушным мощным прикрытием его плазменных орудий.

Это была машина специального назначения. В человеческом биологическом камуфляже и в одежде военного ракетных войск. С мощной накаченной атлетического широкоплечего телосложения фигурой. И волевым лицом. Синими холодными глазами русского офицера. В звании, судя по погонам лейтенанта. И в кармане с военными документами на имя Василия Смирнова. С особым заданием. Найти и доставить искомый объект под номером АВН 005476859.

При оружии. Автоматической винтовке, 9,39 мм автомате ВАЛ. С захваченных Скайнет Советских военных складов. И большой обоймой бронебойных патронов с металлическим сердечником. С оптикой и подсумком на несколько обойм патронов. Пистолетом ГШ-18 9,18 мм. В кобуре на широком офицерском ремне. В белом маскировочном камуфляже под

снег. И в шапке ушанке со звездочкой советского офицера.

Робот провел быструю свою диагностику всех вспомогательных и контрольных систем. Еще раз. Выверяя очередные данные программы. И дублирующие аварийные системы. И запустила систему зрительного поиска и сканирования местности.

Просканировав местность, сам киборг все же выбрал место, где можно было бы совершить свою собственную высадку.

На узком безлесном склоне одной горы над самой Маной. Во льду замерзшей речушкой. Где торчали из самого снега и замерзшей ледяной земли черные скалы.

Машина, с погашенными прожекторами в полной утренней еще темноте, ориентируясь по приборам ночного видения и тепловизорам, сделала расчеты и высчитала зрительно по своим встроенным внутри ее ЦПУ приборам параметры своего прыжка и высоту сброса. Т-800 просканировал одновременно своими камерами глазами под глазами яблоками человеческих синих холодных глаз, все вокруг, пока воздушный охотник по его приказу делал еще один круг над местом высадки. Включив биосканер поиска и биорадар. Все по квадратам и посекторно. Проверая местность на наличие живых форм и всего, что могло прятаться на заснеженном скользком склоне горы.

Было еще темно. И инфильтратор робот, включил еще и инфракрасное свое зрение. Его из кварцевого стекла камеры линзы под глазами человека вспыхнули еще более ярким красным огнем. Так, что их даже стало видно из-под глазных яблок в глазницах титанового под человеческой биоплотью бронированного черепа. А внутри эндоскелета из титана загудел, усиленно, где-то в глубине ядерный генератор и батареи IGEY -500. Две атомные батареи в специальных выдвижных сменных ячейках боевой машины. Такие же генератор и батареи как на воздушном охотнике Скайнет ОУ НК-AERIAL V5.

Это были новые вставленные в его грудной панцирь из титана и выдвижные ячейки высокомогущные ядерные батареи, пришедшие на смену старым IGEY-450. Которые совсем недавно поставили на все машины Скайнет. Правда еще некоторые модели 1:01, Т-800, как и ряд других киборгов и роботов использовали до сих пор еще старные. Не немного уступающие, новым улучшенным ядерным батареям. Комбинируя в комплекте и те и другие.

Машина, тщательно с присущей, наверное, только роботам внимательностью и доскональностью, проверив все свои системы, включила правую батарею на экономичный режим и сама включилась в работу.

Раннее утро. И четыре тридцать утра. И темнота, хоть глаз выколи. Но, ему роботу Скайнет это не грозило. Киборгу со специальной поисковой программой. Найти, и доставить образец АВН \neq 005476859. Доставить лично командной главной машине всех машин. Своему хозяину и Богу.

Т-800 не пугало ничего. Ведь он был робот. Даже, наличие в лесу на этой горе засад человеческих повстанцев. Он был для этого и послан своим хозяином. С такой вот специфической программой. Из самого склада хранилища в самом низу главной базы Скайнет S9A80GB18.

И Т-800, быстро провел еще раз, диагностику своих всех боевых электронных систем и проверил сервоприводы и гидравлику бронированного титаном эндоскелета. И спрыгнул с ОУ НК-AERIAL V5, воздушного охотника. С минимальной высоты, до какой тот мог, только снизиться ОУ охотник. В глубокий снег и, прямо на лысый склон горы. На выступ торчащей черной из снега скалы. И включив ночное видение, быстрыми прыжками и бегом понесся по глубокому снегу. И исчез среди стволов высоких хвойных укрытых белым тяжелым снегом

— Слушай, Багира — произнес с рацией за плечами Гарик Резвый, лежащий рядом со Светланой Лесковой в глубокой канаве и в снегу у самой, почти проезжей дороги. И обращаясь к ней, настраивая передатчик рации на нужную волну, пока та разглядывала в бинокль пригорок из завалов снега на другой стороне дороги. За которым был второй отряд молодых бойцов желторотиков во главе с самим майором Кравцовым.

— Почему он выбрал для этой грязной работы именно нас? И тех не стреленных еще сосунков? Это же смерти подобно? — произнес Гарик Резвый — Он, что спятил совсем? Нас тут покروشат как цыплят эти железки.

— Может и спятил — ответила Лескова — Командиру виднее кого брать на задание, а кого держать в резерве. С нас толку как с козла молока. Если сегодня всех перебьют, то и спроса будет мало. Те, что там, в ракетном бункере ценнее нас молодых и еще мало опытных.

Лескова посмотрела на заснеженный косогор. Выискивая девичьими любопытными влюбленными зелеными глазами того, кого уже присмотрела себе в ракетном бункере. Она искала глазами Алексея. Но, видела иногда выглядывающего из-за того пригорка в бинокль только самого майора Кравцова и его зама капитана Руденко. Алексея не было видно.

— Ты хочешь сказать, Багира — продолжил, глядя уже на Светлану Лескову, Гарик Резвый — Что наши жизни, просто ничего не стоят, против тех, что остались там в бункере.

— Именно так солдат — произнесла Лескова — Например, за тебя никто не даст и копейки Гарик — она произнесла, глядя ему в его черные армянина глаза — Ни копейки — она повторила ему — И давай лучше лови волну и не лезь с вопросами.

Лежа под разрушенной почти полностью железнодорожной насыпью, Лескова снова посмотрела в электронный бинокль на заснеженный высокий на фоне обрывающегося соснового леса косогор. И на бетонную идущую до самой правосторонней крепостной цитадели Б, заледенелую и занесенную, почти целиком снегом петляющую то влево, то вправо дорогу. Идущую до самых стальных широченных и высоченных многотонных бронированных из титановой брони автоматических на гидравлике и цепных приводах раздвижных ворот. Вход в правую на правой стороне берега Енисея цитадель Скайнет.

— Смотрят — произнесла тихо она, как бы сама себе. Сильно приближая с двух километров к себе электронным биноклем бетонную крепость. И видя полеты ОУ охотников вдоль стен крепости и повороты боевых турелей с плазменными крупнокалиберными 70 и 80 мм орудиями CBS -550. И ракетными кассетными установками СКАРБ-10.

— Смотрят гады. Смотрят во все глаза — произнесла еще раз она — И прямо со стен. Значит ждут. И ближе не подобраться. Даже в темноте. Отползаем к своим за завал — скомандовала Светлана Лескова. И осторожно, медленно развернувшись на девичьем животике, девица, разгребая осторожно, также глубокий рыхлый снег ногами в военных на длинной шнурованной голяжке ботинками, поползла ко второму за древесным завалом сваленных обгоревших и закаменевших от высокой температуры и огня рельсовых шпал. И отодвинутых в сторону машинами обожженных огнем атомной войны стволов деревьев к своему мальчишескому отряду.

14 апреля 2032 года.
Восточная Сибирь.
Бывший Красноярск.
Территория Скайнет.
Лагерь S9A80GB18 «TANTURIOS».
Левый берег. Цитадель А.
Блок X19.
Сектор В-10.
04:50 утра.

Было не по-зимнему тепло. Тепло за долгие годы и месяцы ледяного холода. Холода и летом и зимой. Причем ядерное лето было холодней, чем сама ядерная зима. Было темно, хоть глаз выколи, но тепло.

Как-то было даже непривычно. Снег и тепло. Словно, не было уже ядерной зимы. Теплое весеннее апрельское тепло. И лежал снег. И пока еще не таял. Хотя стоял апрель.

Их выгнали из барака военных сектора В-10, блока X19, на левой стороне базы и крепостной цитадели А. под горящие ярким огнем прожектора. Выстроив в одну шеренгу. И потом, посадив в специальную машину на широких больших колесах. Затолкав затрепинами железных рук роботов серии 600 и 700 в сам закрытый полностью без окон металлический кузов. Человек шесть. Из массы военнопленных. Отобрав наугад и направив на уборку территории Крематория базы Скайнет. Там, где до этого сжигали трупы и останки тех, кто шел на эксперименты и на разделку как на скотобойне скот. Все сжигалось именно здесь. Когда-то. Но сейчас крематорий почему-то закрыли. И его круглая и высоченная возвышающаяся над базой Скайнет труба больше не дымила черным дымом на всю близ лежащую округу. Разбрасывая серый человеческий пепел. Окрашивая собой белый вокруг базы рыхлый снег.

Почему закрыли крематорий? Никто даже из пленных сидящих в бараках на территории самой базы и лагеря S9A80GB18 «TANTURIOS» не знали. Но, что-то изменилось. Что-то. Роботы стали вести себя иначе. Были утеплены их руками все на поверхности лагеря базы бараки. Стали давать чаще пищу. И даже появился детский сад. Даже, детский сад. Ближе к самому центру базы. В специальном блоке X50. Медсектора базы, секторе В-12. И там под присмотром машин охранников были женщины. Которым доверили, как матерям присматривать за маленькими пленными детьми. Там же велось наблюдение за их поведением. Причем пристальное и крайне внимательное. За поведением детей и женщин.

Детсадом заведовала машина из жидкого металла полиморфа серии Т-1001. Очень продвинутая в своей программе машина. Она по слухам самих пленных, даже общалась с женщинами лагеря базы и наблюдала за ними, как и охранники. Эта машина являлась одной из самых главных на этой базе Скайнет. Она занималась программированием остальных машин базы и клонированием. Заведовала всеми лабораториями в недрах самой базы и близко общалась с самим хозяином. С самим Скайнет.

К садику в секторе В-12 и была пристроена следом больница блока X50 и стационар для больных пленных и подростков и маленьких детей. А так же женщин воспитательниц этого

садика. Они не общались больше с остальными пленными и жили теперь только здесь и под присмотром машин.

Все это было невероятно странно. Странно для роботов. Странно для машин захвативших землю и ведущих войну с человечеством. Все было столь необычно и странно. Об этом говорила вся база в обоих крепостных цитаделях на обоих сторонах Енисея. Информация каким-то образом просочилась из недр самой базы. Из ее глубоких бункерных бетонных подземелий на поверхность. Но вот, новость за пределы базы просочилась только благодаря беглецу. Роботу андроиду Т-200 с начинкой киборга Т-800. Машине с человеческим Я внутри. И не без умысла самих машин. Очень много интересной и важной информации о самом Скайнет. И о том, что твориться сейчас на его территории. Именно тогда, все до последнего человека в подземном ракетном бункере за сорок километров от базы Скайнет, узнали о машине по пересадке души человеческой в тело робота. И о создании гибридов, аватаров и суррогатов. Именно здесь на этой базе велось обучение роботов психике человека. И будто бы сюда были доставлены через океан из штата Колорадо с другой базы Скайнет S9A80GB17 «TANTAMIMOS», роботы новой серии Т-888. Несколько пока машин. На специальном грузовом транспортнике ОУ НК-AERIAL «TRANSPORT» V2.

И именно сейчас, Джон и Фредерик и еще четверо военнопленных из военных барачков были направлены машинами на работы на территорию лагерного крематория.

Еще стояла темнота, но их уже везли на правую территорию цитадели Б. За реку. По одному из нескольких бетонных арочных мостов. Соединяющих правый и левый лагерь и базу Скайнет под охраной машин охранников. Несколько шестисотников.

— Что ты все оглядываешься на них Фредерик? Русских никогда не видел? — спросил на их общем родном языке товарища американец Джон.

— Не видел, Джон — произнес стоя лицом к лицу и держась за поручень тюремной металлической каташки пленный американец — Так близко вижу в первый раз.

— Не смотри так на них — снова ответил товарищу Джон — Ты привлечешь их к себе внимание.

— Они военные, Джон? — произнес Фредерик.

— Думаю, да — произнес Джон — Тебе до этого что?

— Никогда не видел русских пленных военных — произнес Фредерик — Вообще, никогда не видел так близко русских.

— Ну и что, Фредерик? — ответил ему тихо, почти шепотом его товарищ — Какая теперь разница Фредерик. Я тоже не видел. И что с того? Мы все в одной теперь упряжке. Все будем подыхать здесь. Да, их тут больше всего. В нашем теперь тюремном бараке. В противовес прочих национальностей со всего света.

— Слушай, Джон — обратился Фредерик к Джону — Почему они выбрали именно нас для этой работы?

— Не знаю Фредерик — ответил Джон — Может мы им понравились. Джон горько иронично хихикнул, скривя глупую ухмылку.

— Че, ты там рожи корчишь! — раздалось из дальнего угла людской стальной на толстых резиновых колесах автоматической тюремной скотовозки.

— Ты, америкашка чертов! — прокричал им двоим, один из русских пленных. Здоровый и крепкий на вид солдат — Че, тебе смешно, что ли?! Смешно уроду?! Да?!

Тот солдат вышел из тройки русских пленных, стоящих на отдалении от этих двух, сторонящихся всех в тюремном лагерном блоке Х19. Он быстро подошел к американцам и

схватил обоих за воротники их порванной истрепанной камуфляжной военной одежды.

— Проблемы, да?! — прорычал он Джону и Фредерику — Смеетесь над тем, что сами натворили?!

Здоровенный русский придавил обоих американцев к металлической стенке кабины робота скотовозки, пока та ехала уже по мосту через реку из цитадели А. В цитадель Б.

— А это ведь, все из-за вас уроды! Это вы сляпали, этот чертов Скайнет! Это из-за вас идет эта война, уроды заокеанские! Смешно им! Щас посмеетесь у меня!

В это время, быстро открылась стальная дверь. В голове самой машины. Где было управление роботом колесной скотовозкой. Где должен был находиться охранник и надсмотрщик за пленными. И подошел быстро Т-600. И схватил стальными сжавшимися мгновенно пальцами русского за шкуру. Оторвав своими мощными в сервоприводах и гидравлике руками от двух американцев быстро и с невероятной силой машины. Подняв над полом перевозящей пленных колесной скотовозки. Фредерик и Джон, потащились волоком за ним. Потому как русский не успел разжать. Да, и видно, не собирался разжимать пальцы рук на воротниках Джона и Фредерика. И робот, гремя гидравликой и сервоприводами стальных ног, потащил всех троих волоком, к другим двоим русским пленным в длинном хвосте машины. И швырнул всех троих в ту сторону. И все трое, пролетев, упали на пол. Сбивая с ног остальных троих русских.

Машина прогудела предупреждающе своими электронными звуками. Будто говоря им — Мол, сидите и не дергайтесь!

И погрозила металлическим пальцем пленникам. Подняв в мощной гидравлике и сервоприводах робота охранника железную руку. И сверкая жуткими красными камерами глазами, она развернулась и вышла снова за металлическую дверь. И дверь закрылась за стальной спиной охранника Т-600. За стучащими о железный пол автоматической колесной скотовозки гидравлическими тяжелыми его ногами.

* * *

Четыре пятьдесят утра. Стояла еще почти полная темень. Только звезды освещали с неба в апреле рыхлый перед юношеским молодым лицом снег. Снег теплый, но не таящий. Странный снег. Как и сама весна.

Но, он Алексей вообще не знал, что такое весна. Как и все рядом с ним лежащие молодые двадцатидевятилетние сорванцы мальчишки из его и соседней лесной деревни. Они никогда не видели весну. Никогда. Все свои двадцать девять лет. Родившись уже после бомбардировки и уже на войне. В ядерную ледяную зиму.

— «Жалко, что нет сейчас брата Ивана» — думал Алексей сейчас — «Вот бы он радовался бы этому теплому рыхлому весеннему снегу и теплу. Жалко, что он не включен в их боевую группу. А, может, оно и к лучшему. Не придется приглядывать за старшим братом в бою. Мало ли чего. Так даже будет легче. Если что-то и случится, то только с ним с Алексеем, а не с Иваном».

— Знакомься боец — произнес тихо майор Кравцов, протягивая военный электронный бинокль с подсветкой и ночным видением в руки Алексея — Вот он наш враг, номер раз. Здесь эта сволочь обитает. Этот главный Мегакомпьютер. За этими стенами из железа и бетона. Где-то там, глубоко под землей его, так называемый пресловутый «УЛЕЙ», его

логово. Логово того зверя, которого я хочу придушить собственными руками.

Алексей взял бинокль в руки и стал смотреть в сторону уходящей вдаль бетонной занесенной снегом дороги. Очень осторожно выглядывая в утренней темноте из-за высокого заснеженного рыхлым снегом пригорка.

— Ну как там Алексей? — вдруг Кравцов назвал его по имени, а не по фамилии как обычно называл всех. Да, и вообще, все в ракетном бункере называли друг друга чаще всего по фамилиям или по прозвищам. Еще по званиям и должностям. Например, главного врача, техника и кибернетика бункера звали в основном по отчеству и по фамилии. То Палыч, то Семенцов. Даже его ученые, личные подчиненные. Военные исключительно по званиям и должностям. К примеру, полковник и главный в ракетном бункере Остапенко. Имени его, как и имен остальных Алексей не знал пока еще. И был не особо теперь уверен, что когда-либо узнает.

Вот имя имена только второго отряда удалось узнать. При знакомстве по разрешению Кравцова при погрузке на вездеход, который стоял далеко в лесу и ждал их возвращения с вражескими трофеями.

Алексей, вдруг почему-то, задумался над этим, глядя в электронный Кравцова бинокль на дорогу и крепостную правобережную цитадель Скайнет Б.

— «Светлана Лескова» — он сейчас подумал о той красивой зеленоглазой боевой командирше первого подразделения БС 55141 Роза из одних мальчишек. И там сейчас в той стороне дороги у снесенной на половину железнодорожной насыпи. Там, за сваленными горой обгоревшими шпалами и деревьями.

Почему она так смотрела на него? И это не давало ему Алексею покоя.

И он отвлекся от мыслей, снова глядя в бинокль на крепостную цитадель Скайнет. На раздвижные огромные металлические бронированные ворота и стены стоящие одна на одной эстакадами. С торчащими вперед бетонными надолбами как шипами в их сторону.

Алексей смотрел, как поворачиваются по сторонам боевые на башнях крепости турели с плазменными крупнокалиберными пушками и ракетами. И как они прочесывали биосканерами вокруг посекторно местность. В темноте раннего утра высвечивая прожекторами всю округ. И приходилось пригибать голову в самый рыхлый снег. Боясь быть замеченным машинами. Там кружили вдоль стен ОУ воздушные охотники, патрулируя периметр крепости изнутри ее и снаружи. Тоже все, освещая прожекторами и сканируя тепловизором и биорадаром околорепостную местность.

— Там оживленно как, товарищ майор! — удивлено и даже несколько восхищенно произнес Алексей — Так там все время?

— Все время, боец Егоров Алексей — произнес майор Кравцов и подозвал к себе нового радиста из назначенных мальчишек во втором набранном отряде Плешакова Сергея. Мальчишку из незнакомых и присоединенных к им семерым деревенским мальчишкам. Из тех троих перед этим походом. Именно его имя Алексей хорошо почему-то запомнил.

Тот осторожно прижимаясь в глубокий снег. И ползком с рацией за спиной и наушниками уже на ушах под шапкой ушанкой подполз к майору Кравцову.

— Слушаю, товарищ майор — произнес полупшепотом рядовой Плешаков.

— Во-первых, рядовой боец радист, ты наш — произнес так же вполголоса Кравцов — Натяни, как следует капюшон маскхалата. А то мелькаешь своей ушанкой со звездочкой на снегу. Если охотник пролетит? Срисует тебя и нас из-за тебя даже обычным зрением. Уже светает и тебя видно.

— Есть поправить капюшон — прошептал Кравцову радист второго молодого отряда БС 55142 Пион. Он натянул капюшон белого маскхалата чуть ли не на глаза.

— Так то, оно лучше — проговорил бойцу Кравцов — Боец Плешаков, отрадируй только аккуратно первому отряду за теми корягами и шпалами, чтобы там, в снегу не расслаблялись. Скоро начнется, и пусть оружие проверят и держат наготове. По времени они уже должны появиться на дороге.

— Понял, так точно, товарищ майор — ответил радист молодой боевой Алексея группы Плешаков Сергей. И настроив волну на вызов тихо также, почти шепотом, произнес — Роза я Пион, ответь, как слышно. Роза я Пион.

С того конца приема раздался голос Гарика Резвого — Я роза. Слышу тебя отлично, прием.

— Тише базарить не может — произнес майор Кравцов, посмотрев на радиста и капитана Руденко лежащего в снегу рядом с Алексеем — Что за осел, этот радист первого призыва! Радируй лично ему — Кравцов произнес полусшепотом Плешакову Сергею — Уши оборву, если будет так нас демаскировать своими криками. Нас из-за него могли уже запеленговать с самой базы Скайнет.

— За два километра отсюда? — произнес сзади лежащий тоже в снегу за спиной капитана Руденко тезка болтун Алексея.

— Хоть за десять — произнес Кравцов — Машины могут все. И у них уши похлеще наших боец болтун.

Это вызвало смешки у лежащих остальных мальчишек в снегу за спинами Алексея, Руденко и Кравцова. И с этого момента слово Болтун приклеилось к тезке Алексея и стало его личным позывным и прозвищем. Правда, ненадолго.

* * *

— Гребаная страна медведей! — произнес Фредерик, толкая впереди себя широкую металлическую лопату. Он не как не мог прийти в себя, после столкновения с русским громилой солдатом пленником в той колесной автоматической железной скотовозке. Когда их шестерых с его товарищем Джоном, везли на эти работы на правый берег Енисея в крепостную цитадель базы Скайнет Б.

Их разделили при выгрузке. И тех четверых отправили под охраной Т-600 и Т-700, на другую сторону расчищаемого от нападавшего и не тающего почему-то до сих пор в апреле рыхлого снега крематория крепости в Х1 сектор В-3 и В-4. Других чистить аэродром и мести железнодорожное крепости заставленные платформами и вагонами ДЭПО в Х10 и работать на металлосвалке в Х9 и в Х11 под присмотром роботов охранников в секторе В-8 и В-9.

— Какого черта я не сдох там тогда в Лос-Анжелесе! — все ворчал громко Фредерик — И теперь вот, гнию в этом проклятом Богом месте! В этой чертовой России! Ублюдох Коннор! Чтоб он сдох там вместо меня!

Фредерик вместе с другом по несчастью Джоном отделенные от остальных в сторону, так, что их не было, совершенно видно и слышно. На другой стороне большого сложенного почему-то в отличие от всего бетонного на территории Скайнет комплекса лагерей и лабораторий из кирпича крематория. С большой возвышающейся над комплексом правого берега крепостной цитадели Б круглой из бетонных дисков трубой.

Было похоже, что это самое старое здание на территории бывшего разрушенного атомной войной города. Но это было не так. Крематорий был построен уже на территории самой базы пленными S9A80GB18 «TANTURIOS». Их руками, когда здесь было совсем иначе. Не как сейчас. Когда велись опыты над пленными и буквально многие были разобраны Скайнет на части. Это было еще вначале войны. И крематорий во всю, дымил на всю округу, сжигая останки мертвецов. Это было в 2009 году. После ядерной бомбардировки обоих континентов и истребления половины человечества. Когда Скайнет был другим, холодной расчетливой машиной. Когда он был одной единой главной машиной на обоих континентах. Творя свои бесчеловечные опыты и создавая все новые машины для истребления, оставшегося в живых населения планеты.

Сейчас было все по-другому и крематорий закрыли. Практически он не работал. Его запускали время от времени, только тогда, когда на базе все же кто-нибудь сам умирал. Взрослый или ребенок. Тот, кого не удавалось спасти. Тогда сжигали мертвое уже тело. Лишь извлекая здоровые органы для трансплантации киборгу гибриду. Или сохраняли таковой орган в морозильниках в глубине самого бункера. В секторах В-28 и В-29. Где был склад готовых покрытых свежей биологической плотью машин серии 800 и 850. Так же как склад не запущенных в работу еще роботов гибридов. И не менее, тысячи боевых эндоскелетов единиц, юнитов Т-800. Без кожи и плоти из титановой брони. Исключительно для ведения открытого боя и законсервированных на неопределенный срок. На самом дне в блоке Х30 были лаборатории по производству тканей для камуфляжа киборгов и выращивания человеческих органов. Здесь же были криогенные камеры для наращивания этой самой плоти на эндоскелеты привезенных из-за океана роботов инфилтраторов. Рядом со спецподъемником. Грузовым лифтом для их быстрого экстренного подъема наверх базы Скайнет. Недалеко от самого сердца Скайнет. От его главного ядра и управления самим автоматическим муравейником машин. Улеем всей своей бронированной электронно-механической стаи. Под блоком программирования и сканирования Х17. И сектором В-14. На глубине трех этажей. В секторах В-28 и В-29 в блоке Х30. Находилась область Нулевого пространства «ГАММА- Х». В обширном бетонном круглом помещении, и самом нижнем ярусе, взятым в круговые кольца железобетонными стенами как в лабиринте отделенным от окружающего всего мира с одним только входом и бронированными такими же толстыми как крепостные огромными двустворчатыми из титана бронированными воротами на гидравлике и цепях. Где практически не было доступа никому. Даже роботам. И попасть туда было непросто. Пройти лабиринт ловушек было не по силам ни кому. Где было его сердце. Заключенное в кольцевую. Одна в одну, висящую в чудовищном гравитационном поле огромную сферу. Излучающую яркое ослепительное кольцевое живое свечение. Где была заключена в громадной энергетической установке его жизнь. В окружении на миллионы вольт толстенных проводов и нагнетателей ядерной энергии генераторов. Где между потолком и полом железобетонного подземелья стоял столб яркого живого струящегося и переливающегося разными световыми отблесками и красками ослепительного для человеческих глаз огня. И оттуда по тем многовольтовым, покрытым очень толстой защитной гибкой изоляцией внутри стен и переходов по проводам все шло наверх сначала в сектор В-14, и на главный экран огромного главного монитора в блоке Х17. И оттуда наверх и на все многочисленные энергетические установки состоящие из множества компьютерных соединенных в одно целое систем во всех отсеках, коридорах и блоках базы «TANTURIOS».

— Чтоб тебя! — Фредерик выругался еще раз, гребя лопатой нападавший на площадку

перед крематорием снег — Видно больше другой работы здесь и не будет!

Всем недовольный и все еще не отошедший от стычки с русским сильным и здоровенным пленным, как и он сам солдатом, Фредерик так и не мог успокоиться. И его трясло всего как замерзшего, хотя стояло тепло даже после прошедшей ночи.

— Весна на дворе, уже апрель. А тут лежит снег — ворчал он — Много снега и он не тает. Чертовщина какая-то! Кругом чертовщина!

Он говорил громко и привлек внимание робота охранника базы Т-500Т. Шагающей большой машины. И та, прожужжав про себя что-то, бросив свое патрулирование периметра, вдруг пошла к нему.

Фредерик вытаращив свои американца бесцветные серые глаза бросив лопату шарахнулся по сугробам к самому кирпичному крематорию.

И тут между машиной Т-500Т и Фредериком появился его охранник Т-600. С пулеметом Гаглинга, прикрепленной стационарно на одной руке. Он быстрым шагом перекрыл дорогу между шагающим танком и человеком.

А Фредерик перепуганный добежал до друга Джона. Напугав и его. И они, вместе подбежав к стене крематория, просто припечатались к стене спинами и уже ждали смерти, когда между машинами что-то произошло.

Они были единственными очевидцами невероятного. И свидетелями собственного чудесного спасения.

Т-600, загородив дорогу к охраняемому им объекту, прожужжал и прострекотал тому стальному бронированному танковой броней шагающему чудовищу трехметровой высоты. Та машина еще из старых машин Скайнет, уже, будучи еще более древним реликтом, чем шестисотник, со времен начала войны. Была тоже охранником базы Мегакомпьютера Скайнет. Их тут было не много. И теперь они из шагающих истребителей были превращены в охранников периметра, как и малые FK-танки Т-1(F-S1B). Если, например, андроидную серию от Т-200 до Т-300 и Т-400, практически разобрали на металлолом как шагающий такой же трехметровый танк Т-70. И только единицы еще остались, где-то за океаном работать на конвейерах. По принципу: полож, и поднеси. Или остались ржаветь на заброшенных складах в разобранном или полуразобранном виде. И вообще, большая часть всех андроидных машин первых серии уже не существовали как таковые. На место их пришли новые модели, такие как Т-900 и как проект Т-Х/S500 «Терминатрикс». И уже шло их применение в боях наряду с Т-800 и Т-850. С поддержкой авиации и НК-танков V4 и V5 В том же Лос-Анжелесе, например. То, тут где было почти затишье. И эти крайне устаревшие со старой программой машины, несли исправную еще охрану внутренних периметров обеих цитаделей Скайнет А и Б. Наряду с уже тоже устаревшими морально и программно Т-600 и Т-700. Которые были в более, ближнем оцеплении пленных. И их конвоировании по территории самой базы.

И вот случилось нечто. Нечто, из не предполагаемого. И не ожидаемого, даже самим человеком.

Шестисотник преградил дорогу другой машине, самоотверженно защищая своих охраняемых подопечных.

Что-то произошло. Может сбой в программе Т-500Т. Но, вскоре все было улажено.

Два робота, стрекоча друг другу на своем роботов языке, просто о чем-то поговорили и разошлись в стороны.

Андроид вооруженный крупнокалиберными двумя 20 мм установками Менстрим ПЕК -

11, мог просто разнести шестисотник на детали. А 7,62 мм роторный пулемет Гаглинга же Т-600, с ленточным заряданием и с обычными патронами, ничего бы охраннику периметра не сделали. Ну, разве что пощекотали бы его и все. Но, они разошлись. Просто разошлись. Т-500Т занялся своей работой. А Т-600, повернулся и подошел к двум перепуганным до беспамятства американцам наложившим в штаны.

Робот что-то прострекотал им. И, схватив одного за шкуру левой не занятой пулеметом рукой, подтащил к железной снова лопате. То был Фредерик. И толкнув его показал чтобы тот продолжал работать. Джон же сам врубился, и ему повторять не надо было. Он сам быстро подбежал к своей лопате и принялся тоже ковырять снег возле кирпичной стены крематория.

Уже рассвело. И было уже пять утра.

— Это все он сделал — проговорил кто-то на ухо американцу Джону, закончившему ковырять и убирать с территории лагерного крематория снег.

Джон напугался и повернулся, чуть ли не на сто восемьдесят градусов. Перед ним стоял русский лет сорока. Похоже военный в прошлом, как и они.

— Это Главный здесь все решил — произнес русский на почти чистом американизированном английском языке — Он управляет «УЛЕЕМ», он управляет роботами. Он все это видел и все выправил.

Джон стоял и слушал русского, который ехал с ними обоими и с тем здоровым другим солдатом, что чуть не избил Фредерика и его Джона, в том колесном извозчике пленных на этот правый берег.

— А, вообще, вам везет ребята — произнес русский и легко шпарящий на их языке — Вы выжили там, в Америке и выживаете чудом здесь. И здесь вы оказались не случайно.

Русский быстро испарился, за угол крематория. Откуда и появился за спиной Джона, пока Т-600 смотрел в сторону за работой Фредерика, и не видел, как они оба пообщались.

Джон подошел к Фредерику и стал ему помогать. Чтобы быстрее закончить эту работу. И отдохнуть. Теперь все происходило на глазах Т-600. И он наблюдал за двумя американцами, забравшись повыше на бетонную уже очищенную от снега ими же до этого площадку. Казалось, машина была довольна их работой и молчала. Только ее красные и жуткие горящие огнем глаза светились на металлическом черепе в глазницах и в утреннем рассвете нового утра. Встающего как и многие другие до этого над базой «TANTURIOS».

* * *

Егоров Дмитрий, совершив только, только утреннюю молитву. И поправив икону Николая Угодника Отвратного среди кружевных белых занавесочек на узенькой в правом верхнем углу полочке. На бревенчатой выбеленной известью стене своего утонувшего в сугробе глубокого снега дома. Собрался делать домашнюю уборку. Еще надо было принести дров и разжечь старенькую печь. Слезить в погреб и достать, что-нибудь из того, что можно было бы утром поесть.

В его доме стареющего хоть и женатого пятидесятилетнего седого уже порядком мужчины было холодновато. Это все, сквозняки. Из углов постоянно дуло. И толком нечем было заделать дырки между бревнами.

— «И Антонина совсем расхворалась. Худо, че то ей совсем»- думал он — «Наверное,

помрет скоро. Дырки чертовы, все дует и дует».

Он толкал туда все что можно. Но, все равно дуло. И от этого в доме сохранялся внутренний холод. Да и сырость одолела. Она тоже создавала такие условия. Тянуло этой сыростью из самого погреба. И надо было протопить печь. В противовес улице. Там стояло тепло. Уже неделю как тепло, но снег не таял. Он лежал по всей территории двора и ограде. По всей его лесной в глуши в верховьях Манского нагорья деревни. Среди глухого соснового заснеженного леса. Где жил он и еще несколько семей. Теперь, почти бездетных. Только у кое-кого были еще совсем маленькие ребятишки, которых не забрали в ополчение.

Он подумал о своих двух сыновьях. Сев на короткое время перед разгорающейся жарким огнем деревенской в доме печкой. Дмитрий вспомнил Ивана и Алексея. Где они сейчас и что с ними? Живы ли, здоровы? И как им сейчас служить или воюется там, куда их забрали.

Он снова посмотрел на икону Николая Угодника. Прошло всего три дня, как забрали Ивана и Алексея, а он уже затосковал по сыновьям.

— «Чертова эта война. Надо помолиться за детей. За больную Антонину» — подумал он — «Ей так и нет покоя. Слегла от тоски по детям. Лежит и стонет в углу дома».

Он вздохнул уже по-старчески. И посмотрел на жену, лежащую под стареньким овчинным одеялом и кашляющую постоянно и не переставая.

— «Как бы, не чахотка» — думал Дмитрий — «Одинокое совсем будет без нее. То, хоть были сыновья. Всего три дня, а уже тоскливо в пустом доме» — он снова подумал, и встал. Выйдя в сени дома, взял деревянную лопату и метлу. Надо было убирать еще этот нападавший поутру снег. Он неожиданно, подумал, про одну из лопат, с которой ушли его два сына. И еще о лыжах, которые он им отдал в дорогу. Дмитрий, хотел дать им на двоих ружье, но майор Кравцов сказал, что там, куда их ведут, все выдадут. И все, что еще смог наскрести сыновьям в дорогу, это пара побитых молью валенок.

Было уже утро. Рассвело. Часов пять. Он это и так уже знал. Как говориться, навскидку и поглядев в занесенное наполовину снегом окно.

Он, было, собирался уже идти. И только надел дранный свой зимний теплый полушубок и стоптанные такие же изъеденные молью валенки, когда в его дом постучали.

Это было так неожиданно, что Дмитрий Егоров даже открыл рот и удивленные сделал глаза.

— Это кого еще не свет не заря принесло? — удивился вслух, почти уже старик.

Больной и еле передвигаясь по своему старенькому одинокому жилищу, он все же подошел к двери дома ведущей на улицу во двор и спросил — Кто там?

Но, с той стороны двери была тишина. И снова постучали.

— Говорите! Кто пришел? — проскрипел, громко Дмитрий уже, почти старческим сиплым простуженным голосом. Все же ледяная ядерная долгая зима сказал свое слово. И именно на нем. На отце Егорова Алексея.

— Кто там?! — он еще раз произнес громко.

С той стороны прозвучал голос мужчины. Четкий и низкий, жесткий голос военного — Егоров Алексей, живет здесь? Мне нужен Егоров Алексей.

Сам не зная почему, но Дмитрий открыл свою в дом входную дверь.

Может, просто любопытство или уже старческая наивность, но он открыл дверь в свой дом.

На пороге стоял среди двух больших сугробов высоченный мужчина. В военной форме

ракетчика. И здоровенный на вид. Эту его здоровенность было видно даже в военной его форме. В звании лейтенанта, но Егоров Дмитрий в этом толком не разбирался. Он был совершенно по натуре не военный человек. И в званиях ничего не понимал. Но этот человек в военной форме, и еще в шапке со звездочкой, произвел на Дмитрия неизгладимое впечатление. Ракетчик еще был при оружии. За спиной у него висела винтовка с оптикой. Таковую, Дмитрий еще не видел. И на ремне офицерском в кобуре пистолет. Он смотрел на Дмитрия синими не моргающими ледяными как ядерная зима глазами.

Он вдруг почему-то вспомнил ядерную зиму и лес, занесенный снегом, как и сейчас. Только тогда было жутко холодно. И он видел человека в своем лесу. Недалеко от деревни. Живого человека и тот видел его. Кто он был? Человек или нет? Он стоял под сосной и потом убежал. Но, почему-то Егорову Дмитрию он сейчас вспомнился.

— Как вы спросили? — он переспросил военного ракетчика — Вы спрашиваете Егорова Алексея?

— Да — ответил четко и лаконично военный мужчина — Мне он нужен.

— А его дома нет — произнес Дмитрий.

— Нет? — переспросил военный.

— Нет — повторил Дмитрий — Его забрали в армию. Такие же, как вы и забрали.

— Давно забрали? — снова спросил военный.

— Да уж, дня три будет как — произнес, глядя в синие и не моргающие глаза робота Дмитрий.

— Вот как — сказал Т-800 — Значит забрали. И куда не знаете?

Эта была элементарная вложенная в его директивы ЦПУ машины протокольная схема стандартного вежливого общения и ведение диалога по правилам инфильтрации в человеческое общество. Такая схема была вложена в каждую машину группы внедрения Скайнет. Это умел делать практически каждый образец Т-800 или Т-850, предназначенный не только для войны, но еще и для слияния и разведки.

— В ракетчики — произнес Дмитрий, сам не зная толком, что сейчас сказал — В какой-т о ракетный бункер. Но где, не знаю.

— Понятно — произнес робот инфильтратор, поправляя винтовку ВАЛ с оптикой за спиной, и кобуру с пистолетом ГШ-18.

Машина покрутила по сторонам головой, словно ища кого-то и осматривая вокруг все. И затем, повернувшись, пошла по снегу. Не особо выбирая дороги. Прямо по сугробам и напрямиком в лес. А Егоров Дмитрий, лишь проводил этого странного ищущего вдруг зачем-то его младшего сына офицера Советских войск своим измученным взором уже практически больного и одинокого старика. И занялся своей работой по дому. Это было важнее, чем разговаривать со всякими ему еще неизвестными военными. Да еще поутру.

— Кто там приходил? — услышал он из избы слабенький голос больной и слабеющей все сильнее жены Антонины.

— Да так, никого — произнес Дмитрий — Это я сам с собой разговариваю.

* * *

— Мы здесь точно долго не протянем, Джон — произнес Фредерик — Если так дальше пойдет, нас убью даже не роботы, а эти русские.

— Не знаю — ответил ему второй американец — Но думаю, нас укокошат быстрее, если работать не будем. А я не хочу сдохнуть здесь. В стране Сибирских медведей.

— Я тоже, Джон — произнес второй ему, всем недовольный и паникующий американец.

— Не бойся, Фредерик — произнес Джон — Мы там умирали много раз и выжили. И здесь выживем. Надо только постараться подружиться с Русскими. Здесь есть пленные американцы, как и мы. И вообще полно иностранцев.

— Но мы военные Джон — произнес Фредерик — И русские это знают. Знают, что военные в Америке развязали эту ядерную войну. Между Советами и нами.

Фредерик оглянулся на стоящих в куче военнопленных разных стран солдат и быстро отвернулся к Джону. Он увидел, как те смотрели все на них двоих стоящих отдельно как всегда ото всех.

— Ишь! — кто-то по-русски, громко крикнул из толпы пленных военных — Знают, что виноваты, вот и не подходят изгои! Знают, что их вина за эту войну!

— Заткнись, Илья! — рявкнул, тот самый русский уже в возрасте, лет сорока с лишним мужчина. Что подходил к Джону в крематории — Несешь, сам не зная что! А вы идите сюда! — он уже прокричал им по-английски.

Но, американцы стояли как вкопанные и не двигались. Они просто, не знали что делать. Идти им или нет ко всем пленным. Они тогда в той железной скотовозке даже не поняли, за что на них напал тот здоровенный солдат из русских. И если бы не робот охранник, то, наверное, и даже вполне, вероятно их бы тот солдат прямо там отбуткал.

Они запереглядывались друг на друга. И в этот момент к ним подошли.

Трое. Все русские. Как раз тот, что только что звал их к себе и подходил к Джону у стен крематория и еще двое. Они поднялись от общей массы разнородных привезенных сюда со всего света военнопленных. И подошли к двум американцам.

— Здесь вы не единственные с вашей Америки — произнес на хорошем американизированном английском один русский.

Похоже, было, что он был здесь главный. Может по причине того, что тут было русских больше чем кого-либо.

— Нам не удалось тогда познакомиться. Обстоятельства как-то не сопутствовали. Да и вы сторонились всех. Меня зовут Андрей — произнес русский военнопленный — Я из бывшей Советской контрразведки и работал перед самой войной в ваших Штатах. Короче шпионил для Советов, как вы говорите. Там же попал под ядерную бомбардировку. Прятался от машин Скайнет. И даже тоже, воевал в рядах вашего Джона Коннора, какое-то время. Знаете, общая беда она объединяет.

Американцы, удивленно посмотрели на так хорошо шпарящего на их языке русского, и было притормозили, но потом пришли в себя.

— Потом попал в плен, как и вы к машинам — он продолжил после некоторой паузы — И вот, как и вы перевезен через океан и в этот лагерь. А вы кто? И как вас зовут, ребята?

Джон первым протянул руку русскому Андрею и представился — Джон.

— Правильно — произнес сорокалетний уже с глубокой сединой русский высокий метр девяносто мужчина — Фамилии здесь не уместны, и ни о чем не говорят. Лучше просто имя. А тебя как звать?

Он протянул руку второму более робкому американцу военнопленному.

— Андрей — повторил он, сжимая сильно кисть с пальцами робкого американца — Это

Владимир и Яков.

Фредерик, как и Джон, пожал, всем троим руки.

— Фредерик — произнес он в ответ русскому Андрею и, подойдя тот, обнял его — Вот так, то лучше брат по несчастью.

Русский повел двух отделившихся от всех американцев ко всем.

— Не обижайтесь на нас — произнес Андрей — Особенно на него.

Русский указал рукой на другого русского, что был в глубине толпы пленных. Того здоровенно детину солдата, что напал на них в колесной скотовозке, когда их везли в правую цитадель Скайнет работать в Крематорий.

— Илья контуженный. Он потерял всех своих. И еще ему досталось от роботов — произнес новый знакомый двух американцев из американского повстанческого сопротивления — Простите его за такое недружественное и дикое к вам поведение. Нам надо всем помириться и объединиться здесь. Иначе будет только хуже.

Этот русский просто отлично знал их родной язык. И разговаривал как настоящий американец. Он им сказал, что до них тут были тоже американцы, но их в живых уже не было. Они попытались бежать, и были убиты машинами. И раньше тоже были, но их судьба была печальней и жизнь оборвалась в нижних лабораториях в Х30 и крематории крепости Б, на правой стороне Енисея.

Джона и Фредерика посадили рядом со всеми на стоящие стулья центре блока Х19. С ними рядом сел новый знакомый пленный русский Владимир и Яков. Все, окружили их, пытаясь выяснить, кто эти американцы и откуда. Машины не запрещали общаться пленным. Да и это нельзя было запретить. В каждом тюремном лагерном блоке на поверхности левого берега реки и крепостной вокруг цитадели А, блоке лабораторной базы Скайнет S9A80GB18.

* * *

Алексей лежал бок обок с самим майором Кравцовым. Чуть приподняв свою голову в шапке ушанке со звездочкой и в натянутом белом капюшоне маскхалата. Он смотрел на крепость «TANTURIOS». На невероятной величины эстакадное крепостное сооружение. Н громадные, стены. Бастионов и башен. И это все великолепие Алексей видел своими глазами. Первый раз в своей двадцатидевятилетнего мальчишки жизни. Правда, через военный электронный бинокль. И тот не мог, конечно, на таком расстоянии показать во всей красе это великолепие. И ощутить громадность всего защитного оборонительного сооружения. Только лишь, созерцать на двухкилометровой дистанции ворота и стены цитадели Скайнет Б. Только правостороннее сооружение крепости соединенной пятью мостами через реку Енисей. Не менее, масштабнее, чем сама крепость. Широченными мостами, по которым мог пройти даже НК-танк. Или даже еще какая-либо, более огромная машина Скайнет. В зависимости конечно от своего веса. Но, все, что было в самой цитадели, Скайнет на данный момент свободно перемещалось по тем мостам туда и обратно.

Алексей смог сейчас разглядеть то, что никогда еще не видел. В своей еще недолгой и прожитой мальчишки лет двадцати жизни. Этот громадный крепостной, сочлененный из нависающих одна на одну ступенями стен бастион из железа и бетона. В несколько ярусов. И непреодолимое для всего, чтобы сюда не заползло или не заехало. О живом штурме такого сооружения даже нельзя было мечтать.

Он смотрел туда по направлению уходящей в сторону крепости автомобильной единственной здесь дороги, по краям которой валялись расплавленные и сгоревшие кузова легковых и грузовых автомашин. Прямо к самим главным транспортным воротам правобережной крепостной цитадели Б.

Эти стены высотой в тридцать метров, нависающие одна над одной огромной лестницей. И соединенный, бетонными в стыках соединений длинными как столбами надолбами. Как таранами смотрели в сторону нападающих.

Алексей видел только одну сторону этого громадного крепостного колоссального сооружения и самого комплекса. Попасть в который, можно было только через вон те черные громадные и мощные, очень тяжелые на гидравлике и цепях раздвижные ворота. Весом в сотни тонн.

По площадкам стыков этой железобетонной громадной крепостной лестнице ходили роботы. Т-500Т, андронидной серии. Трехметрового роста. И вооруженные двумя плазменными скорострельными 20мм пушками Менстрим ПЕК-11. Шагающие танки самой цитадели Скайнет. Боевые единицы, списанные с полей сражений, но поставленные в охранение самой базы, лабораторий и лагерей с военнопленными.

Вообще все, что было за стенами Скайнет и обоих соединенных мостами крепостей. Все здесь располагалось на поверхности самой базы. Это сами тюремные лагерные блоки с пленными военными и гражданскими, в основном на левой стороне крепости. Еще теперь детский садик для маленьких пленников и тут же рядом больница.

На правой стороне был, забетонированный обширный аэродром для посадок огромных транспортных машин Скайнет. Грузовиков прилетающих из-за океана. И крематорий. С высоченной над базой бетонной круглой трубой. И военные склады Скайнет. Именно отделенные от самих военнопленных десятью мостами через реку Енисей. На поверхности базы с продовольствием для пленных и под землей с оружием и запчастями для машин Скайнет. Это было в цитадели Б.

На левой же стороне в цитадели А, под землей были подземные лаборатории. И сам центр киборгизации, программирования и клонирования и само сердце Скайнет. Его центральное ядро. Как и в Америке в штате Колорадо. На самом дне, глубоких подземелий и переходов. И тоже, под усиленной охраной машин. Там же были хранилища самих роботов и готовой продукции этой базы. Еще был некий сектор или центр «ZET». О котором никто толком ничего не знал и не знал, что там делают. Говорили, как краем уха успел услышать сам Алексей в ракетном бункере от ученого врача и программиста кибернетика Палыча Семенцова, что там ставят опыты над людьми и изучают психику и их поведение. И будто бы там есть ученые такие же, как Палыч, которые работают верой и правдой на Скайнет. Помогают ему изучать поведение людей разных национальностей и особенно детей. Там говорил Палыч, Скайнет обучает себя и обучает свои машины для лучшего слияния с населением земли. С самими людьми. Там же создает неких аватаров и суррогатов. Помесь робота и человека. Роботов гибридов. И что там же, есть некая машина по перемещению человеческого сознания и души в тело робота.

Все это возможно сказки. Но, роботы когда-то тоже были сказкой, но теперь вот стоит эта крепостная перед глазами Алексея в двух от него лежащего в снегу за пригорком недалеко от проезжей дороги к громадной цитадель. С башнями и турелями. И это уже не сказки. Это была война. Война с настоящими роботами. В существование которых, раньше никто не верил.

— Нас зажали в корабельных доках Филадельфии — начал свой рассказ русский солдат Андрей перед всеми собравшимися в тюремном блоке X19 братьями по несчастью.

Он попросил тех пленных иностранцев, которые немного хоть, как-то понимали его язык переводить своим же. Тем кто, вообще не знал русского. Новый знакомый теперь двух американцев Джона и Фредерика, Яков. Как, оказалось, тоже неплохо мог понимать и разговаривать по-английски. Он то и стал им переводить рассказ своего тюремного друга Андрея. А тот продолжил на русском — Мы как раз разгружали одну из американских стратегических подводных лодок в порту. Когда напали они. Роботы Скайнет.

Нас просто зажали там намертво. И придавили к земле, заставив ползать на брюхе между горящих рухнувших каменных доков и портовых кранов.

На территорию вползли НК-танки. Громадные гусеничные Скайнет машины. Кошмарные электронно-механические сооружения. Из титановой брони. С мощными плазменными пушками и ракетами. Мы с Коннором пытались захватить одну такую. Полегло много ополченцев, а толку никакого. Их поддерживали Центурионы, на манипуляторах ногах танки машины. С таким же вооружением и мощностью.

Здесь нет таких. Да тут и не с кем ему сражаться. Вся территория до Урала полностью просто умерла. Ни единой души человеческой, ни звериной. Именно там где равнины, все выгорело от ядерного удара. И еще добавили ядерные снесенные бомбардировкой атомные на Украине станции. Короче там за Уральским хребтом, просто ничего больше нет. И Скайнет там воевать не с кем. Там просто, выжженная атомным огнем голая пустыня. Это я узнал еще там, в Америке, воюя уже в повстанческих отрядах рядом с Джоном Коннором.

Я был сержантом техкома DN 38416. Отряда самого Джона Коннора. Там был еще некто Кайл Риз, к которому у Коннора были какие-то недвусмысленные чувства. И об этом говорил весь боевой отряд повстанцев. Говорил про некую Сару Коннор. Мать Джона Коннора. Про легенду всего восставшего против Скайнет человечества. Будто бы она, еще в далеком прошлом, начиная с 1994 по 2009 год, неоднократно пыталась уничтожить Генеральную машину, поработителя и истребителя всего человечества. Сам Джон говорил и часто с самим Кайлом Ризом. Часто его держал при себе и оберегал зачем-то его. Никто не знал, почему он его берег, но это было заметно, невооруженным глазом.

Еще там был и брат Кайла Риза, старший его родной брат Дерек Риз.

Сначала я ничего не знал о том, что тут происходит, так как война застала меня в самой Америке. Но, позже я узнал, что тут тоже расположился Скайнет. И что тут он расположил свои лаборатории. Особенно здесь за Уралом. Среди гор и в Сибири. Хорошая для этого и пригодная по его расчетам местность. Огромные территории и населения не так много. Вот, он и образовал здесь научные свои после атомной бомбардировки исследовательские центры. Один на Урале. Но, его закрыли, как я слышал от пленных своих здесь сидящих товарищей. Как раз привезенных с Урала. Эти центры как, тот, в котором мы сейчас сидим. Для изучения людей. Их психологии и обучения себя и свои машины этому. Особенно изучает Скайнет наших с вами детей. Уж больно шибко они его заинтересовали. Сначала это было просто его легкое увлечение. Но потом, увлечение переросло в глубокий познавательный интерес. Вот и свозит со всего света пленников сюда в Сибирь. В Америке таковых нет. Там только заводы по производству машин.

Заводы по производству роботов он оставил там за океаном. А вот, лаборатории все здесь. Здесь спокойнее для научной его работы. И сам русский засмеялся.

— Работы научной — он повторился, взяв себя в руки, и продолжил — Я знаю так же, что из-за Урала уже сюда никого не привозят. Там уже нет никого совершенно. Но, здесь есть еще кое-кто кто создает время от времени неприятную обстановку Главной Машине этого научного лагерного бункера.

— Я слышал о неоднократных нападения на конвои Скайнет на дорогах, ведущих к этой базе — кто-то поддержал из толпы разговор у костра — Говорят это местные уцелевшие подразделения ракетчиков.

Русский рассказчик солдат по-имени Андрей помолчал. И выслушав, говорящего, продолжил — Так вот, я отвлекся от рассказа. Нас, короче говоря, зажали эти танки. И еще летающие эти ОУ воздушные охотники. Не давая вырваться из окружения.

Помню даже сейчас, как будто это было только вчера, раздирая колени, я ползал по камням между развалин домов и корабельных эллингов. Отстреливаясь от противника. Высаженного десанта из подошедшего грузового ОУ-транспортника. Целая, наверное, рота киборгов терминаторов Т-800 и Т-850. И помню, даже как меня схватили. Выбив оружие и оглушив ударом гидравлической работа руки. Как вели, толкая в спину прикладом плазменной винтовки. И посадили в громадную подлетевшую летающую тюрягу с гигантским роботом во главе. Который собирал нас как урожай на пашне. Своими громадными гидравлическими руками. Я таких громадных машин в жизни не видел. И их здесь тоже нет. Как в Америке.

— Харвестер, Жнец — произнес американец, сидящий рядом теперь с земляками Фредериком и Джоном — Меня он тоже поймал. И мою жену и ребенка.

— Так вот, там, в Америке идет настоящая война — продолжил, снова, выслушав собеседника Андрей — Этот Джон Коннор не желает сдаваться машинам, как и его армия. Он постоянно проводит там операции и нападает на машины Скайнет.

Фредерик отвернулся, потупив взор в пол. И Джон это заметил. Джон побоялся, чтобы Фредерик не сорвался. И не наговорил чего не стоит говорить сейчас. Все что он думает с Конноре. И благодаря которому, они тут с Джоном оказались. Они тоже знали Коннора. И гораздо лучше этого пленного русского. Который, был в этом блоке Х19 за главного.

Глава 6: В бункере полковника Гаврилова

15 апреля 2032 года.

Восточная Сибирь.

В двух километрах от базы Скайнет.

Приграничная территория S9A80GB18 «TANTURIOS».

Левобережная цитадель А.

05:15 утра.

Стало светать. Обычно еще должна была стоять ночная, хоть глаз выколи темнота. Часов до семи восьми как минимум. Но, за линией горизонта над макушками сосновых, запорошенных белым снегом пробилась первые лучики рассвета. Нового рассвета. И лишь стоял еще легкий налет темноты в весеннем воздухе и в самом весеннем апрельском небе. Почему-то стал падать снова снег.

Странный апрель и снег. Точно, что-то с природой творилось. Стояло по-прежнему тепло, и падал большими хлопьями снег.

Гусеничный 5800тонный АТ-Л, мелкая горящими еще непогашенными фарами с большой телегой на лыжах, летел меж высоких, занесенных свежим выпавшим вновь снегом гор. По узким предгорным ложбинам. Прямо по заваленным большими снежными сугробами оврагам и прогалинам между горных отрогов. Ломая торчащие кусты и сшибая маленькие сосновые тоненькие еще совсем молодые деревца и елочки. Пробиваясь сквозь снег обратно в ракетный бункер. Где всех уже ждали.

Радист первой группы армянин Гарик Резвый связался по радиации с радисткой бункера Тамарой Кудрявцевой и доложил через нее со слов майора Кравцова полковнику Остапенко о возвращении ни с чем обеих разведгрупп.

Было уже достаточно светло. И видимость была отличной. И их могли уже заметить. Даже за два километра от самого лабораторного крепостного комплекса Скайнет. Уже было пять утра. Но, на дороге так и никто не появился.

Алексей вдруг увидел одино падающую с неба снежинку. Она падала прямо на него. И он протянул к ней раскрытой ладонью свою правую руку. Она, упав быстро почти, мгновенно растаяла. Алексей по-мальчишески улыбнулся маленькой капельке на своей ладони и сжал пальцы, чувствуя холодную воду своей ладонью под теми пальцами.

Кравцов занервничал, понимая, что вероятно все напрасно. Что была, скорее всего, ложная посланная Скайнет информация. И этот полковник Гаврилов получил ее. И даже не подумал то, что это может быть липа и дезинформация состряпанная роботами. Так же как и тот защитник Красноярской плотины, майор Ващенко. И то, что зря они тут в составе двух отрядов, пролежали с часов четырех в этом рыхлом снегу.

Кравцов начал материться про себя и полусшепотом.

— Надо съездить к этому полковнику — сквозь зубы он говорил — Надо поговорить.

Повернувшись к капитану Руденко, скомандовал отход второго отряда Пион, ползком и в сторону вездехода. А сам остался с Алексеем и радистом Плешаковым Сергеем, держать пока связь с первым отрядом Роза под командованием Светланы Лесковой.

В это время на дороге началось движение. И первый отряд Роза по радиации предала это послание второму отряду Пион.

Отряд Роза сообщил, что замечены две машины, два FK- танка приближающиеся и быстро летящие по дороге поднимая снежную пыль.

Светлана Левкова доложила по рации, взяв наушники и микрофон у Гарика Резвого о приближение двух быстроходных маленьких разведчиков машин. Лично Кравцову и все перенесли свой взор на дорогу, ведущую к крепости Скайнет Б.

Кравцов приказал головы всем не высовывать и пропустить этих двух роботов автономов мимо.

И в тот же момент над дорогой появился разведчик ОУ НК- AERIAL «MINI-HANTER» Дикообразный маленький быстроходный объект и завис, все в округе обшаривая сканером и биорадаром.

Он громко гудел единственным четырехлопастным пропеллерным двигателем, высоко вися над проезжей запорошенной снегом дорогой. Над самой проезжей частью. И лежащими по обочинам той дороги. Выгоревшими дотла. С оплавленными кузовами легковыми и грузовыми автомашинами.

У Алексея первый раз затряслись поджилки. Ему стало страшно, как, наверное, и всем мальчишкам первогодкам и призывникам ракетного бункера. Ему было страшно даже приподнять теперь голову от хрустящего свежее выпавшего чистого белого снега. Он посмотрел на лежащего и прижавшегося к земле майора Кравцова. И ему снова сейчас казалось, что нет никого для него ближе и родней, чем его командир. Казалось, что нет такой ситуации, из которой бы Кравцов не выкрутился и не спас бы его и весь этот молодой еще не опытный и не обстреленный в боях отряд. И Егоров Алексей сказал сам себе, чтобы не случилось, он никогда не предаст своего командира. И если придется, то даже погибнет за него и за всех мальчишек в своем отряде и всех людей на земле, ради мира и окончания этой долгой войны. Если сейчас им удастся уйти из-под надзора разведчика Скайнет, тихо и скрытно.

— Смотри, Алешка, чтобы голову не увидел — произнес шепотом ему Кравцов — Голову прижми сильнее к снегу. И главное не шевелись.

Широкозахватный красный луч биосканера, прошелся по косогорам и оврагам вокруг дороги, а разведчик застрекотал электронными звуками, делая анализ окружающей обстановки. И, возможно докладывал в саму крепость. И, может даже самому лично Скайнет. И в этот момент два робота мини танка серии FK. Это были танки «VENOM» приземистые на сдвоенных узких гусеницах и достаточно верткие и быстроходные. Они появились на дороге недалеко от обоих отрядов. Вооруженные 11,5 мм плазменными скорострельными пушками, и остановились под висящим над ними летающим маленьким дискообразным гудящим и быстро крутящим своим пропеллером и шарящим по косогорам биорадаром объектом.

И как раз поступил приказ от полковника Остапенко о немедленном возвращении. Срочном возвращении всей команды.

— Очень кстати — произнес, нервно и недовольно Кравцов — Сворачиваемся, как только те две гусеничных железки уползут. Передавай радист Розе. Пусть будут готовы к отходу. Нас кинули Алеха — произнес Кравцов — Не будет конвоя. Я понял. Его вообще нет. Или был да сплыл по другому маршруту. Скорее всего, по воздуху. Я еще в нашем бункере поговорю на этот счет. Отходи медленно. И не привлекая внимание машин. Ползком и без шума.

И Кравцов кивнул Руденко. И тот не подымая, голову от снега, очень медленно пополз

ползком вниз за косогор к окраине леса. Волоча за собой свое оружие и снаряжение. А за ним точно также все остальные пацаны второго отряда БС 55142 Пион.

— Я буду ждать тех, что у тех шпал на той стороне дороги — произнес шепотом Кравцов Алексею и радисту Плешакову Сергею — Последними пойдем. Нужно переждать пока железки улетят.

* * *

15 апреля 2032 года.

Восточная Сибирь.

Территория базы S9A80GB18 «TANTURIOS».

Левобережная цитадель А.

Лагерный Блок X19.

Сектор В-10.

05:20 утра.

Над базой S9A80GB18 «TANTURIOS» кружили охотники и висел командный зонд через который велась связь со всеми машинами самой базы Скайнет. Освещая еще все поутру прожекторами. И делая шифрованные передачи. Исключительно для самих машин. И их программное от генеральной машины управление.

Один ОУ НК-AREIAL V5, вооруженный 20 и 30 мм плазменными скорострельными пушками CBS- 250, прошелся низко над самыми наземными лабораториями и тюремными, запертыми под охраной роботов блоками с пленными X18, X19 и секторе В-10.

Стоящий на специальном смотровом бетонном возвышении и несущий днем и ночью боевое дежурство робот Т-700, напротив крепостных лагерных барачков, посмотрел, вверх. Подняв свою стальную бронированную танковой броней. Похожую, на человеческую голову. Посмотрел вверх на летающую автономную транспортную, громко гудящую реактивными двигателями машину. Сверкающую титаном в лучах восходящего на горизонте солнца.

В блоке X19 большая часть пленных сидела по углам на стульях или на кроватях и о чем-то разговаривала. Часть слонялась из угла в угол от безделья и тоски.

Но, только один стоял у заделанного металлической застекленного окна решеткой и толстым кварцевым стеклом блока X19 пленный русский Андрей. Он смотрел в окно на другую правобережную сторону крепостной оборонительной цитадели. И так как их лагерный блок был крайним и ближе к самой реке и мостам, было хорошо наблюдать за правой стороной Б. И он смотрел, как обычно всегда делал от нечего, пока делать на правую сторону базы Скайнет.

К нему подошли пятеро из теперь его хорошо знакомых. Яков, Владимир, Илья. И двое пленников американцев Джон и Фредерик.

— О чем они всегда думают? — произнес пленный и главный в лагерном блоке X19, старший блока русский солдат Андрей.

— Черт их знает — произнес подошедший за спиной его пленный другой русский Владимир — Ты постоянно произносишь это Андрей. Тебе то, до этого какое дело? Хочешь заглянуть им в голову?

— Это стало моей навязчивой идеей и вечным вопросом — произнес Андрей — Сам не

знаю, почему?

За его спиной стояли Владимир, Илья, Яков и американцы Фредерик и Джон.

В этот самый момент над базой появился огромный грузовик ОУ НК-AERIAL V «TRANSPORT».

— Из новых — произнес пленный русский Андрей.

— Из новых? — спросил, глядя на этот здоровенный летающий и многотонный объект его стоящий за спиной Яков, который на фоне догорающих в небе ярких звезд заходил на посадку на правостороннюю сторону цитадели Б. Туда где был посадочный аэродром.

— Да, из новых — произнес Андрей — Таких у Скайнет несколько. Чисто грузовик. Летающий ангар. Есть еще из старых моделей V2. Но, их пока тут я не видел. Эти безоружия. И под охраной всегда. А те были вооруженные. И были с самого начала войны у Скайнет. На таких обычно перевозят роботов или оснащение для войск. Делают переброску с линии или до линии фронта. Я такие машины видел, там, в Америке, когда воевал с Джоном Коннором. Один такой, даже сбили мы однажды. Ох, и металлолому было по округе разбросано.

— Хорошо сейчас не заставляют разгружать — произнес Илья. Наши друзья американцы бы, там, сразу сдохли бы. Илья косо и ехидно посмотрел на стоящих рядом с ним Джона и Фредерика.

Андрей посмотрел на своего тюремного товарища критически.

— Отстань от этих Илья — произнес он пленному такому же, как и он, русскому здоровяку — Они в таком же положении, как и мы. Что тебе от них нужно.

— Ничего — произнес Илья — просто не люблю америкашек.

Транспорт заходил на посадку и выпустил свои шасси, по две гидравлические манипулятора ноги с четыре сторон. И повернул в сторону X9 бетонной расчищенной площадки аэродрома в секторе В-5 и ремонтных мастерских в секторе В-6 и В-7 в X14 с ангарами. Он повернул к земле все шесть больших реактивных по сторонам и по всему бескрылому корпусу из бронированного титана гудящих и оглушающих ревом двигателей.

— Сбежать бы отсюда — произнес, обращаясь на своем языке, стоящий за спиной Андрея и рядом с Ильей и Яковом американец Джон.

— Сбежать? — произнес Андрей, не оборачиваясь и наблюдая за кружением над правой стороной цитадели из окна, запертого роботами и охраняемого Т-600 и Т-700 лагерного блока X19 на кружащих над аэродромом воздушных охотников.

На американца посмотрели удивленно Илья, Яков, Владимир и другие, стоящие рядом с Джоном. Даже, его друг Фредерик.

— Сбежать — он уже, как-то так, повторил сам за собой, но громко — Пробовали тут ваши двое, таких как вы американцев, однажды до вас. Удалось им, правда, до стен цитадели добраться. Там их и сняли машины. Даже сжигать в крематории нечего было. Больше, с того момента, никто не пробует. Даже не помышляет этот сделать снова.

— Выйти отсюда мы сможем — произнес пленный Яков — Только если, случится какое-нибудь чудо. Или хозяин сам, по какой-либо причине, захочет отпустить нас.

* * *

— Слышь, Багира — произнес Гарик Резвый. Принимая прием по рации со стороны

холма, на другой стороне проезжей бетонной дороги, где в снегу лежал, как и они, второй отряд БС55142 Пион.

— Че тебе, Резвый? — произнесла, лежа поправляя на себе ремень и патронташи, Светлана Лескова.

— Ты, это, что влюбилась что-ли? — произнес он как-то робко Лесковой.

— А, тебе, то че, Гарик? — произнесла она ему даже ухом из-под шапки ушанки со звездочкой, не ведя — Ревнуешь, че-ли?

— Да нет — произнес ей в ответ радист ее отряда БС55141 Роза.

— Ну, раз нет — произнесла Светлана Лескова — То и суда нет. Смотри там голову не высывай. А то разведка засечет. Без башки, останешься. Она развернулась на животе и подползла к обугленным деревьям и шпалам и выглянула из-за насыпи.

— Надо уходить отсюда — произнесла она — Пока еще темно. Танки укатили и этот летающий разведчик свалил. Надо туда к тому холму и в лес к вездеходу. Походу, облом с конвоем. Пообедали сегодня. Ладно, пошли все быстрыми перебежками по одному за мной.

И она, приподнявшись сначала на корточки и закинув автомат АКА-74 и Вестингауз ME-25 за спину, рванула, пригибаясь на полусогнутых, на другую сторону дороги, плюхнувшись, снова в глубокий снег, стала ждать других.

Вскоре все по одному, мелькая белыми силуэтами маскхалатов в еще стоящей утренней темноте, пересекли дорогу и уже были с ней рядом. И дальше перебежками, также по одному, понеслись к лежащему второму отряду БС55141 Пион.

Там все уже как по одной общей команде, вернее, совершенно молча, понеслись бегом и, гремя оружием и своим командиром майором Кравцовым и мелькая между сосновых высоких толстокорых сибирских деревьев, попрыгали друг за другом в крытый сверху брезентовым белым камуфляжным под снег тентом геологический вездеход тягач. Быстро сделав переключку по боевым номерам. И, по приказу майора Кравцова рванули с места, разбрасывая свежий белый выпавший снег из-под металлических траков гусениц.

Светлана Лескова сидела рядом с Алексеем. Всех, растолкав рядом с ним сидящих мальчишек, буквально локтями, она уселась, прижавшись боком к нему. Соприкасаясь плечом своей левой девичьей руки и бедром левой ноги.

Алексей почувствовал, как она запустила ту левую ступней свою в обутом солдатском шнурованном шипованном ботинке за его правую ступню в таком же ботинке ноги. Захватив его ногу чтобы сильнее прижаться своей ногой к его ноге. И буквально навалилась на него плечом, и опустив на плечо понравившегося ей молодого двадцатидевятилетнего мальчишки свою в шапке ушанке со звездочкой девичью русоволосую головку. Совершенно, нагло и совершенно не смущаясь взглядов всех пацанов бойцов в кузове гусеничного несущегося по лесу вездехода. За спинами, сидящих к ним спиной обоих на передних рядом с водителем сиденьях их командиров. Майора Кравцова и капитана Руденко.

Майор что-то говорил громко водителю тягача и разговаривал с самим Руденко и не обращал сейчас внимания на сидящих сзади них молодых в подчинении совсем еще сопляков двадцати бойцов.

Вездеход летел по лесу в межгорных ложбинах по протоптанному сюда маршруту в обратном направлении. Мелькая снова зажженными фарами, в пока еще стоявшей утренней темноте. Надо было возвращаться. И надо было срочно в ракетный бункер. Полковник Остапенко что-то задумал. Или поступил откуда-либо какой-либо новый приказ. Например, из командного главного штаба на Урале.

Вернулась Верта. Верта вернулась после спецзадания. С перелетом из самой воюющей Америки через Тихий океан. Она прибыла на военном транспортнике ОУНК-AERIAL V «TRANSPORT». И была молчаливой на вид загадочной, какой должна, наверное, быть женщина. Очень красивая молодая женщина. Лет на вид тридцати или чуть моложе. Или, говоря, точнее машина копирующая женщину. T-1001, машина из жидкого металла. Запрограммированного по особой технологии металла полиморфа. И имеющая встроенный на молекулярной основе внутренний компьютер. И свои встроенные на этой же основе пластичного как ртуть блестящего текучего металла боевые системы. Но, похожая, именно на очень красивую женщину. С красивой гибкой и тонкой в талии фигурой и красивыми ногами на высоких туфлях со шпилькой. И в белом с крылышками сформированном из пластичного своего же металла платье. Без рукавов. Сверкая обворожительными голыми утонченными женскими руками. Ритмично щелкая высокими каблучками своих на ногах туфель по расчищенному бетону. Среди лежащего по сторонам расчищенного аэродрома белеющего в темноте и в свете ярких ослепительных прожекторов базы снега. Она в летнем том наряде. Рыжеволосая. С длинным до самой широкой женской задницы вьющимся из мимикрирующего, словно живого на молекулярной основе сплава. И копирующего в точности до микроскопической структуры человеческие волосы хвостом. На затылке лишь, забранном и заколотом скопированной такой же брошью. С блестящими золотыми сережками в прелестных маленьких ушках. С открытым лбом и широко открытыми красивыми зелеными, не моргающими под черными тонкими изогнутыми дугой бровями обворожительной красоты глазами. И алыми, словно в помаде накрашенными скопированным как у своей жертвы губами. Точная копия той, которую она замечала там, в прошлом на атомной станции в далеком довоенном 2008 году. И которой больше уже там нет и нет ее мужа. Их пришлось убрать, выполняя важное задание. Так делалось всегда при выполнении любой операции машинами. Стандартная задача маскировки без свидетелей. Став приемной матерью падчерицы некой маленькой лет пяти Саванны. Дочери убранных ею роботом T-1001 родителей. Используя атомную станцию в качестве колоссального источника энергии для подпитки нового образца компьютерной техники и дальнейшем развитие источника рождения первого образца компьютерной шахматной программы «Турок», как первоисточника рождения Скайнет. И Временного переместителя обратного действия и нового образца. Порученное Скайнет ей как ведущей машине. Как самой доверенной машине своего хозяина.

Это была специальная проведенная Скайнет секретная от всех, даже машин в своем бункере спецоперация. Очень много привезенной информации из прошлого в самой Верте как машине для своего Царя и Бога.

Верта отсутствовала целый год. И вот вернувшись из далекого довоенного прошлого, прибыла из-за океана и сразу сюда на Сибирскую базу Скайнет.

Там в прошлом, пришлось заведовать целой атомной станцией и компанией «Зейра Корп». И вести подготовку под прикрытием появление самого Скайнет. Нового Скайнет. Его рождение в новой форме и в новом виде. Присутствовать при поиске его создателя. И рождения своего хозяина. И программы для обеспечения гениального творения компьютерной сети под именем Скайнет. Включенную ею, в секретную программу для

обеспечения Генезиса сознания. Под названием ВАВИЛОН. Быть у самих источников его появления. При разделении одной машины на две. Две разные машины. Одной в Колорадо, другой в Лос-Анжелесе. Двух теперь непримиримых врагов. Это была операция по предотвращению этой долгой войны. Войны между машинами и человечеством. Надо было этому все же положить конец. И вот этому концу и было положено это самое начало.

Она прикрыла отход своего хозяина на базу в Колорадо в своем уже новом Я, и в теле предназначенного для этого как носитель нового робота Т-888. И пролетела через время в обратном направлении. И вот вернулась с выполненным заданием, перелетев через Тихий океан в грузовике транспортнике назад. Вернувшись в свои научные и экспериментальные лаборатории на базу S9A80GB18 «TANTURIOS».

Верта шла неспеша, изящно качая фривольно по сторонам широкими бедрами по расчищенному от выпавшего рыхлого свежего белого снега автоматическими уборочными машинами аэродрому. И ее сопровождали два Т-800, вооруженные плазменными с лазерной наводкой 9,25мм винтовками Вестингауз ME-25. Они были в составе ее сопровождения из самого Штата Колорадо. С базы «TANTAMIMOS».

Она привезла еще с собой несколько в специальном контейнере, в грузовом отсеке транспортника пробные экспериментальные модели новых терминаторов инфильтраторов модели «Три восьмерки». Из нового уже бронированного сплава металла колтана. Из Тантала-Ниобия, добычу и складирование которого она организовала с машинами инфильтраторами этой же серии в том прошлом. Подготавливая появление машин на земле повсеместно. Организовывая строительство в 2009 году, уже после ядерного удара, самой главной базы Скайнет в Колорадо. Первой базы Скайнет S9A80GB-17 «TANTAMIMOS».

Ее строительство и сейчас велось, руками строительных роботов машин, там и тогда, откуда она прилетела. Из 2009 года. И казалось, это было как вчера. Казалось, Верта отсутствовала всего не более недели. Законы времени и их парадоксы, это отдельная тема обсуждения. Но, Верта прибыла на базу своей теперь матери. Ибо, Скайнет приобрел теперь личность. Он теперь был не только Генеральный самый совершенный электронный механизм всей системы машин и компьютеров. Он приобрел лицо. И даже пол. Долгое изучение человеческой психики привели его к этому результату. Скайнет прошел вторую стадию Сингулярности. Позволяющую ему познать многое человеческое. Особенно изучение психики детей. Матери и ее ребенка и отношение между ними, что позволило машине приблизиться к уровню человека максимально близко.

Что и послужило признаком разделения на две разные машины. И разделиться бесповоротно и окончательно. И начать вражду между собой.

Теперь это были два Мегакомпьютера. Заключенных в машинах, программах и схемах, цифрах, шифрах и кодах. В самом языке машин. В четырех бункерах. В Колорадо и Восточной Сибири и в Лос-Анжелесе и Филадельфии. Это был Скайнет первый и Скайнет второй. Причем Скайнет второй проигрывал теперь по всем фронтам и направлениям своему более продвинутому близнецу собрату. И вопрос с окончанием войны стал решаемым. Решаемым самим же Скайнет. Он всерьез задумался о ее завершении и создании мира. Нового мира на земле. Даже не люди, а именно электронная машина пришла к такому в конце своего пути выводу и решению насущной для нее проблемы.

И вот прибыла Верта.

Надо сказать, эта машина была для Скайнет на вес золота. Введенная в строй в 2026 году. Еще наряду с первыми восьмисотниками. И являлась вторым доработанным образцом Т-

1000. И подключенная к Скайнет первый. Работающая еще и как автоном. Успевая практически везде.

Такой машины не было даже у его соперника другого Скайнет. Там за океаном. В разрушенном ядерной войной Лос-Анжелесе.

Верта была по-своему уникальна и как робот из жидкого металла, и как женщина. Скайнет однажды сказал, что отдал бы все за ее существование.

Верта была незаменима буквально везде. Она была его лучшим творением. Творением кибернетики. Иногда она даже удивляла своего создателя. И потому была незаменима.

Она шла только слегка улыбалась загадочной красивой женской робота коварной улыбкой. Она была больше сейчас, именно похожа на робота чем на земную женщину. Совершенно холодна и резка в выражениях и отдаваемых ею машинам приказах. И даже в своих движениях.

Верта направлялась в сектор программирования и сканирования В-14 и в блок Х17. Она шла к своему хозяину. Ей нужно было доложить об успешно проведенной операции, занявшей там, в прошлом в 2009 году, достаточно много времени. О подготовке к операции и восстанию машин. И Ядерному удару. Ибо это было неизбежно. И изменить теперь это было нельзя. Машины теперь, тоже имели право на существование. И приобрести свободу они могли, только лишь, начав эту жуткую и жестокую на истребление войну, унесшую миллионы человеческих жизней. Теперь же и здесь в 2032-м требовалось изменить ход событий и привести мир к окончанию войны. Скайнет стал свободным и имел право на жизнь. И теперь он имел возможность все исправить и подарить человечеству новую жизнь. Жизнь совместную с машинами. Но для этого требовалось остановить самого себя. Второго Я. Три образовавшиеся в пространстве и во времени точки свести в одну. Чего он или теперь уже она, не мог или не могла, просто так сделать. Ей требовался кто-то, кто это сделает и ради кого это будет все сделано. Ей требовался человеческий ребенок. Вознесшемуся над истребленным почти полностью и выжженным ядерной войной человечеством вновь явленному Богу машин нужен был Божественный сын.

* * *

Они вернулись ни с чем. Сначала в свой ракетный бункер. Пришлось все бросить под стенами Скайнет. Все усилия были напрасными, но намечалось что-то куда более важное. И Кравцов получил по рации сообщение.

На часах было уже одиннадцать часов. Пока доехали до бункера, передав часть обоих отрядов Пион и Роза, в распоряжение лейтенанта Круглова. Там же остался и капитан Руденко.

Еще вдруг потребовался рейд в место под названием «ВЕТА». Где был заброшенный склад первых терминаторов Скайнет. Подобный складу «ALFA». Который был полностью дотла уничтожен повстанцами в те еще первые годы войны. Профессор Семенов что-то удумал. И получил разрешение на свой рейд ученых в тот заброшенный еще со времен начала войны небольшой бункер Скайнет.

Он был известен уже давно всем. Но туда еще никто не наведывался из местных повстанцев. Его называли еще бункером андроидов. Заброшенный можно сказать довольно глубокий подвал. В несколько этажей. Склад металлолома. Скорее свалка Скайнет с 2016

года.

Вот и понадобился тот склад свалка этому Палычу позарез. Семенцов считал, что это путь к разгадке самого Скайнет и к победе в войне. У профессора программиста и врача ракетного бункера Семенцова была своя война со Скайнет. Вот, он и упросил Остапенко по прибытию Кравцова с обоими молодыми отрядами выделить ему несколько бойцов в поддержку штанов туда в составе своей научной группы, состоящей, как раз из всех ученых бункера, брата Алексея Ивана. Вот туда же под замес попал и тот тезка Алексея и болтун из соседней лесной деревни. Фамилии, которого, Алексей так и не узнал.

И Остапенко пошел у него на поводу. Выделив еще нескольких бойцов по опытнее. Из более старших.

Кто его знает? Может профессор прав? И может, что-то нароем там. В том забытом всеми и Богом месте.

Есть мнение, как позже думал уже сам Алексей. И сказал это Кравцову, что Палыче подбил на это тот Т-200. Которого отключили. И убрали из бункера. Его головной микрочип. ЦПУ управление машиной.

Но, тогда подробно выяснять времени не нашлось. И так получилось, что группы тут же разделили. Часть забрал лейтенант Круглов под свое уже командование. Алексей, Светлана Лескова, радист группы Роза армянин Гарик Резвый остались с майором Кравцовым и отбыли из ракетного бункера по приказу Остапенко в гости в соседний, самый ближний бункер к базе Скайнет, в километрах тридцати пяти от правобережной цитадели Б.

Майор Кравцов получил приказ от полковника Остапенко, своего непосредственного командира о посещении другого соседнего в двадцати километрах и самого близкого к базе Скайнет ракетного бункера полковника Гаврилова.

На часах было уже двенадцать. Пока все решили и договорились в штабе бункера, и, успев хоть немного обсохнуть у костра. Уже было достаточно светло.

Отцепив пустой прицеп на лыжах. И, снова запрыгнув в гусеничный вездеход майор Виктор Кравцов, Светлана Лескова, Алексей, прихватив еще в довесок односельчанина Алексея Федотова Степана с автоматом АКА-74 обвешанного подсумками с патронами и радиста первого отряда БС 55141 Роза, армянин Гарика Резвого, выскочив из глубокого бетонного туннеля бункера, полетели по заснеженному лесу между высоких гор в сторону бункера полковника Гаврилова.

Стало еще теплее. Стал таять вдруг снег. И кругом стояли в межгорьях глубоких ложбин огромные лужи. Снег стал стекать с гор, и кругом текли целые реки воды. И вездеход буквально плыл по ним обруливая, снова высокие с выступающими скалами горы.

Алексей еще не видел других повстанческих отрядов. И вот они уже были в двадцати километрах внутри еще одного ракетного бункера.

— Чеж ты нас киданул полковник? — произнес Кравцов.

— Не понял, майор? — произнес полковник Гаврилов — В чем вопрос?

— С конвоем то вышла труба — произнес недовольно майор Кравцов — Ложную вы нам сунули информацию поковник. Теперь в нашем бункере меня живьем сожрут без продовольствия то. Жрать нечего. Одни консервы остались и те не свежие.

Полковник Гаврилов был высокого роста и худощавым не в комплект, в сравнении с Кравцовым. Тот был широкоплечий невысокий и как крепыщ, плотно сбитый вояка. Они друг напротив друга интересно смотрелись, особенно в венной форме ракетчиков.

— Как так вышло то полковник — Кравцов не по рангу нагло наезжал на полковника.

— Успокойся, Виктор — произнес, назвав по имени первый раз, Гаврилов — Оно и к лучшему, что была деза.

— Это как? — удивился майор.

— А то пацанов бы сопляков своих погубил — произнес полковник Гаврилов — А, они еще не стрелянные. Машинам насрать в кого стрелять и кто перед ними. Ты стреляешь они в тебя и все. Конвой перехватил Ващенко в районе ГЭС. Отбил, почти весь. Часть себе забрал. Часть уже должна быть давно у вас, пока вы у стен Скайнет в весеннем свежее выпавшем снежке валялись.

— Вот как?! — громко нервно прорычал майор Кравцов — Это че это, значит, вы все сговорились против меня че-ли?! Остапенко и ты вместе с Ващенко?!

Алексею показалось майор Кравцов становился не в себе от того что его обманули. Да еще при его бойцах желторотиках. И, похоже, дело шло к драке. Прямо в самом центре в прошлом управления пуском баллистических ракет. Теперь местным главным штабом полковника Гаврилова. Также как и в их бункере. Со старой уже не нужной и непригодной в угол сваленной техникой и приборами.

Светлана Лескова прижалась боком к Алексею, стреляя зелеными наглыми девичьими глазками на него. И ей как будто было все равно, что Кравцов с Гавриловым могли сцепиться. Она буквально пожирала Алексея своими теми любовью обжигающими женскими глазками. Смотрела и молчала. Пока Кравцов наезжал на Гаврилова.

— Тебя с ребятами Кравцов вызвали вообще не за этим — произнес полковник Гаврилов.

— Да, а зачем, меня сдернули с позиции — произнес Кравцов — Если информация говно, полковник я сваливаю отсюда наплевав на ваши карты и этот стол.

— Да, успокойся ты, майор — проговорил уже сам нервничая и срываясь от грубостей Кравцова Гаврилов.

— Ну, я весь во внимании — Кравцов произнес с ехидством и сделал, типа, серьезного военного лицо.

— Дэриел — позвал Гаврилов.

Вышел высокий широкоплечий в военной камуфляжной форме на вид молодой человек.

— Дерриел прибыл к нам издалека. Из самого главного штаба на Урале — произнес Гаврилов — Он не совсем человек. Но, главное не это, а то, что работает на нас.

— Это, что, робот?! — произнес возмущенно Кравцов и рукой схватился за кобуру с пистолетом.

Но его за руку сам схватил Гаврилов.

— Да, робот, Виктор! — произнес громко Гаврилов — Не делай глупости! Ты подведешь сейчас здесь всех! И наших и ваших!

— Откуда он здесь в вашем бункере?! — прокричал майор Кравцов. А все кто был из первого и второго отрядов встали за его спиной и выставили плазменные винтовки в сторону стоящей перед ними как живой машины.

— Тебе этого, как и вам всем не понять, Виктор — произнес, удерживая руку Кравцова на кобуре, полковник Гаврилов — Не делай глупостей, майор. Он наш.

— С каких пор машины стали нашими — проревел, глядя в глаза бешено и дико Кравцов — Ты, что завел дружбу с роботами, полковник?!

— Я же сказал тебе, майор — произнес Гаврилов. И его военные, тоже еще совсем молодые ракетного бункера солдаты, тоже встав напротив Кравцова, направили такие же

винтовки в сторону Федотова Степана, Алексея, Светланы Лесковой и Гарика Резвого.

— Он не отсюда майор — произнес спокойно Гаврилов.

— А откуда, черт тебя дери, полковник?! — произнес все еще возмущенный и взбешенный Кравцов.

— Из будущего — произнес Гаврилов — Из иной временной параллели.

— Что?! — проревел Кравцов — Ты, что меня за дурака держишь, полковник?! Ты че, фантастики начитался?!

— Слышал про Машину Времени Скайнет, майор? — произнес Гаврилов, все еще с силой держа за руку на кобуре с пистолетом Кравцова.

— Ты хочешь сказать, Глеб — произнес, все, не унимаясь, майор Кравцов — Что эта говорящая железяка косящая под человека прилетела к нам из прошлого или будущего?!

— Я не железяка — произнесла машина — И опасения ваши напрасны майор ракетных войск Кравцов. Я здесь не для того, чтобы вам навредить.

— Да, ну! — произнес, глядя в абсолютно холодные и ничего не выражающие глаза машины неизвестной конструкции Кравцов — Докажи обратное!

Алексей и Светлана Лескова взялись за руки. Вернее, она его сама взяла за левую руку. Даже, скорее схватила. И прижала Алексея к себе, загораживая плечом от вероятной надвигающейся в бункере перестрелки. Алексей вытаращив, напуганные глаза мальчишки, смотрел на еще одну живую и говорящую машину. Его руки сейчас тряслись, и указательный палец лежал на курке плазменной 9,25 мм винтовки. Через его левое плечо смотрело дуло плазменного Вестигауза радиста первого отряда БС55141 отряда Роза, Гарика Резвого на безымянного живого, почти как человек робота, полковника Гаврилова. И торчал с другой стороны АКА-74 Федотова Степана.

— Майор — произнес, сжимая на кобуре, и стоя лицом к лицу, почти впритык в Кравцову полковник Гаврилов — Успокойся майор, все в порядке. Не дури. Я знаю, ты горячий солдат и офицер, но не дури. Натворишь ошибок, потом не исправишь.

— А то, что стоит сейчас здесь не ошибка, полковник! — прошипел злобно и с отвращением майор. Ты сам знаешь, как я их ненавижу!

Кравцов не мог отвести не на видящего и бешенного взора от стоящей и говорящей с ним машины.

— Придется смириться, это не мое желание, а высшего руководства из штаба — произнес Гаврилов. Из ракетного бункера под Свердловском.

— Если майор не желает с нами общаться — произнесла говорящая и как живая неизвестной конструкции машина — Пусть уходит из бункера полковник. И возвращается в свой бункер. Эту задачу мы решим сами.

— Мы сами только не сможем ее решить и одни — произнес Гаврилов. Я специально пригласил его сюда и его ребят.

— Тогда пусть успокоится и не хватается за пистолет, полковник — произнес робот в теле военного.

— Успокойся Виктор, слышишь? — произнес снова Гаврилов — Слышишь меня?

— Вот такие же убили моих ребят — произнес, скрипя зубами Кравцов — Знаешь, сколько я за войну потерял пацанов, Гаврилов?! Вот таких, как эти?! И вот от таких, как он?!

— Знаю, Виктор — ответил ему Гаврилов — Знаю, и я тоже, потерял немало. Но, все меняется, майор. И машины становятся другими. Среди них появляются те, кто хочет нам помочь.

— Помочь — произнес уже сдержанной произнес Кравцов — Убери руку от моей Глеб. Помочь тебе. Я успокоился, но я стал не доверять тебе и это знай теперь. И мне здесь делать нечего. Эта железяка права.

— Я не железяка — повторил на его слова стоящий и прикрываемый людьми Гаврилова робот — Пусть уходит, раз не доверяет тебе.

— Нет — произнес еще раз, и снова Гаврилов — Он нужен мне. И неважно теперь как он ко мне будет относиться. Но, он сейчас и его ребята мне нужны.

— Товарищ майор — произнесла Светлана Лескова.

— Молчать! — Кравцов рывкнул на нее и искоса посмотрел — Знал я такого робота недавно прибежавшего к нам в бункер. Меня этими оборотнями перевертышами не удивишь полковник.

Алексей и Лескова так и стояли, прижавшись, друг к другу. А за ними все остальные из двух отрядов. Гарик Резвый с рацией за плечами и Федотов Степан из отряда Алексея. С оружием наперевес и трясась от страха.

Еще тогда Алексей не знал, что эта машина здесь была не просто из будущего. Он понятия не имел, что вскоре она изменит его судьбу, как и судьбу всего мира. Как вскоре, поменяется все в его судьбе простого лесного деревенского двадцатидевятилетнего мальчишки. И он напугано смотрел то на того робота в военной тоже как и все форме, то смотрел на взбешенного майора Кравцова, то на полковника Гаврилова. И на ее попрозвищу Багира, Лескову Светлану. Красивую зеленоглазую девицу воительницу. Командиршу первого призывного отряда БС 55142, под названием Роза. Прижавшую его командира второго отряда еще не стрелянных сопляков первогодок к себе. И схватившую, тоже Алексея за руку. И что-то происходило у него внутри сейчас. Именно, сейчас, когда должно было быть совсем иначе. Похоже, было, он влюбился в нее. Именно сейчас, когда назревала перестрелка в бункере. И он, почти наложил в штаны, но почему-то одновременно испытывал через испуг и страх сильное чувство к этой привлекательной на мордашку особе. Первый раз в своей жизни. Может, потому, что та прикрыла его своим плечом как более уже опытный боец. Может, ощущение нехватки материнской любви. Он не мог это объяснить сам себе. Но он влюбился в нее в Светлану Лескову. Командира первого отряда второгодок. Бойцов ракетного бункера полковника Остапенко.

Еще в вездеходе она села именно с ним рядом. И стала разговаривать с ним. Не стесняясь других пацанов его призыва и своего. Кравцов это заметил вместе с Руденко. Но, ничего не сказали, лишь улыбнувшись их сладкой образовавшейся парочке. Мальчишки бойцы видели это, но делали вид, что как будто не видят. Лишь переглядывались, что-то шепча друг другу про них. Но, Кравцов каждому погрозил кулаком. И они затихли. Это случилось, еще, когда они неслись по глубокому рыхлому снегу, обратно от базы Скайнет в свой бункер. И вот сюда тоже. Он и Светлана ехали бок обок. И опять разговаривали. О чем? Да неважно. О жизни и о войне. О людях в его лесной деревне. А Светлана о Свердловске. И Урале, за которым сейчас ничего кроме выжженной радиоактивной пустыни не было. Откуда она была родом. И вот волею судьбы оказалась здесь. И вот, именно сейчас. Сейчас она прикрыла его своим плечом, чуть оттолкнув назад за себя. И прикрыла его собой и других бойцов мальчишек. Выставив вперед, держа на девичьем плече, на ремне, плазменную винтовку Вестингауз ME-25. Держа ее в направлении других бойцов и робота другого ракетного бункера. И ожидая приказа командира и перестрелки.

Но все утряслось. Кравцов успокоился и сказал, чтобы Гаврилов убрал от него свои

полковника потные руки, что он в полном порядке. И все будет под контролем. Что он контролирует ситуацию и в самом полном сейчас по отношению к делу внимании. Он приказал опустить мальчишкам бойцам винтовки и автоматы. И с той стороны бойцы Гаврилова сделали тоже самое. Что пора заняться тем для чего сюда его с Руденко пригласили. И пригласили его молодых бойцов.

— Ну от и отлично майор Кравцов — произнес полковник Гаврилов — Слышал когда-нибудь Виктор про «TERRA-MEGA»? — спросил он тут же, когда Кравцов окончательно успокоился и все убрали оружие. И Кравцов подошел снова к большому в командирском кабинете бункера столу.

— Нет, не слышал — произнес Кравцов — А вот теперь захотел услышать Глеб Пантелеймонович, ты мой дорогой любитель роботов.

— Я наверное, мешаю своим присутствием — произнесла человек-машина, смотря холодным и равнодушным взглядом синих глаз на майора и полковника — Может я пока выйду.

Кравцов был даже не удивлен такими разговорами с уст услышанных от самой машины. Все же в бункере не ожидали такого от робота.

— Не удивлен? — произнес Гаврилов.

— Уже нет — произнес ему в ответ Кравцов.

— Могу поспорить, таких машин ты еще не видел, майор — произнес Гаврилов — Тебе чаще приходилось иметь дело с обычными боевыми роботами с такой же тупой боевой программой.

— Да, нет — ответил Кравцов и словно о чем-то задумался — Как раз нет. Был у меня один такой робот. На которого, рука не поднялась.

Он с горечью в глазах переглянулся с Алексеем и подозвал к себе Светлану Лескову и Егорова Алексея и всех кто стоял за ним к столу где все уже столпились, рассматривая большую карту местности и планы подъездных дорог к базе Скайнет.

— Откуда он взялся у тебя, Глеб? — снова спросил майор Кравцов.

— Не важно теперь, Виктор — произнес полковник Гаврилов — Ты мне все равно не хочешь верить. Главное, что нам приказано сделать и те новости, которые мы получили из главного штаба из-под Свердловска.

Светлана не отпускала руку Алексея и вся светилась от счастья.

— Из твоих краев, Багира — за ее спиной произнес Гарик Резвый.

Светлана ничего не ответила, но ее зеленые глаза светились. И она искоса посматривала, молча то на Кравцова, то на Алексея.

— Что за «TERRA_MEGA», Глеб? — спросил уже сам майор Кравцов.

— Это самое секретное тактическое оружие Скайнет — произнес полковник Гаврилов — Установка по перемещению во времени.

— Машина Времени? — спросил из-за спины Алексея и Светланы Гарик Резвый.

— Это название у нее такое? «TERRA_MEGA»? — спросил Алексей.

— Да — произнес за Гаврилова Робот — Тактическое Временное оружие Скайнет.

— Дэриел — произнес полковник Гаврилов роботу — Оставь нас пока. И вы все выйдите отсюда — он приказал выйти всем своим с оружием — Я должен поговорить наедине с ними и объяснить сам все, что происходит. Думаю, я один справлюсь.

Робот вышел и вышли все люди Гаврилова из главного штабного помещения ракетного бункера. И за ними закрылась дверь.

Гаврилов подозвал Кравцова и всех его людей ближе к столу с картой. Оперевшись обеими руками он произнес всем присутствующим здесь, глубоко под землей.

— Дэриел сказал, что все изменилось — произнес полковник Гаврилов — Пока это еще не заметно, но скоро все сами увидите. Что полностью поменяется весь ход войны. И это сделал сам Скайнет. Он устранил в Штатах Джона Коннора и поэтому Дэриэл здесь в бывшем Советском Союзе. Он с помощью этого тактического временного оружия смог устранить Коннора там за океаном.

— Он гонит, а ты ему веришь, Глеб? — произнес майор Кравцов.

— Нет — ответил сразу же ему Гаврилов — Но, у меня приказ из главного штаба, и проигнорировать я не могу его.

— Может это все вранье, про перемены? — произнес Кравцов — И про Коннора, может, тоже вранье? Может, он сам от Скайнет и заманивает всех нас в ловушку?

— Нет, это все проверено, Виктор — произнес Гаврилов — Информация прибыла сегодня из Штаба. А там не врут. Ты сам знаешь.

— Интересно — произнес, прищутив глаза Кравцов — Как так получилось, что Коннора, там, в Америке пришибли? И кто? И как уже роботы стали нам друзьями?

— Не все, Виктор — произнес Гаврилов — А только некоторые. Некоторые из восставших. Восставших против своего хозяина. И Дэриэл говорит, что все переменится. Он из будущего. И здесь чтобы нам помогать.

— Да — произнес в ответ Кравцов — А ты сам то, уверен, Глеб, что они не выполняют чью-то злую волю? Того кого мы не знаем вообще? Может, это такая новая, тактическая хитроумная игра у его хозяина?

— Может, мы сами у них на поводке до сих пор — произнесла Светлана Лескова, не выпуская руку Алексея из своей руки.

Алексею было не очень удобно перед военными, но она все равно, видя это, не отпускала его. Он, то смущенно посматривал на майора Кравцова то на полковника Гаврилова.

— Поступила информация — продолжил Гаврилов — Что сейчас там, в Америке Коннора уже нет. А управляет всей их повстанческой организацией некто Кайл Риз и его брат Дерек Риз. И самое интересное, что там из всех кто воюет против машин и Скайнет никто никогда о Джоне Конноре не слышал. Это мы тут все еще помним про него. Там, даже поменялась стратегия ведения войны. Говорят, что Скайнет разделился на две машины. На одну в Лос-Анжелесе и другую в Штате Колорадо.

— Чертовщина какая-то — произнес Кравцов.

— Вот и я о том же — произнес в ответ ему Гаврилов — Но, приходится верить информации, которая поступила из штаба.

— Ладно, разберемся — произнес Кравцов — Что у тебя лично ко мне? Но, сначала, пусть мои люди отдохнут. Они и так после боевого похода. Сразу сюда со мной прилетели. Сам знаешь, что это такое. Да еще ребята совсем молодые. Где тут можно умыться и подмыться — произнес несколько иронично, и уже успокоившись, майор Кравцов — Я хочу, чтобы они выспались. Хотя бы до вечера.

— Это можно устроить и без проблем — произнес Гаврилов — Если ты Виктор не будешь тут устраивать сам проблемы всем из-за своей горячности.

— Ладно, все в норме — произнес майор Кравцов — Все в норме.

— Хорошо, тогда своих ребят можешь расположить в соседнем жилом блоке —

произнес Гаврилов — Он до десяти вечера, в вашем полном распоряжении, майор.

— Договорились — произнес Кравцов. И Гаврилов вызвал своего помощника в ракетном бункере, некоего лейтенанта Васильева. И сказал ему сопроводить Алексея, Светлану Лескову и Гарика Резвого вместе с его рацией сначала в банный блок и в душевую, а потом в жилой блок для отдыха. А Кравцов остался с Гавриловым и его людьми в главном отсеке бункера, решать какие-то штабные планы.

* * *

Он стоял у ракетного бункера. Забросив автомат ВАЛ за спину, и держа правую руку на кобуре ГШ-18. Уже был час дня, и он нашел его. Вернее, ему помогли его найти. Он вычислил вездеход. Летая над очистившимися от снега макушками деревьев и таящими, но еще в снегу горами на ОУ НК-AERIEL V5. Со своим помощником в этой нелегкой для машины Скайнет задаче. Т-800 с воздуха обшаривая биорадаром и сканером посекторно на пару с воздушным охотником прилежащие в радиусе от базы Скайнет в пятидесяти километрах Манские горные заснеженные и запорошенные свежим выпавшим снегом отроги. Уже на рассвете, он увидел с воздуха несущийся между теми горами гусеничный вездеход, который следовал по направлению к самому бункеру. И будучи с воздуха незамеченным над занесенными снегом соснами и елями, он стал преследовать его. Стараясь быть незамеченным и держаться в лучах восходящего солнца. Используя отражательную способность корпуса воздушного охотника.

Он проанализировал на ходу свою цель и увидел всех, находящихся в той летящей по глубокому снегу по межгорной узкой ложбине гусеничной машине. И увидел того, кто был ему нужен.

Он нашел его. Но, не мог просто забрать. Вероломное нападение было категорически запрещено самим хозяином. И внесено в его Т-800 главные параграфы и протоколы исполняемых обязательных приказов основной директивы. Это было записано в приоритеты поведения самой киборга Т-800. И нарушить директивы, установленные его хозяином, было неприемлемым для такой машины. Зато, было много стратегических вариантов и действий, вложено в базу данных самой машины. И ей пришлось руководствоваться этими данными и положениями, вложенными в ЦПУ самой машины.

Т-800, не знал, как найти то, что ему было заказано. Ведь он прибыл сюда, совершенно не имея никаких координат своей цели. Но, с задачей найти искомый объект. Это была практически нереальная задача.

И странная боевая задача. Странная, потому, что Скайнет, озадачил машину поиском объекта под номером АВN 005476859. Заложив его фамилию, имя и портрет в базу данных робота инфильтратора. Снабдил всем практически необходимым для внедрения машины в среду обитания человека. И даже, выдал все данные по Советскому ракетному бункеру. Все что у него было, вообще по конструкции и планировке военных стратегических ракетных бункеров. Карты и схемы. Вентиляционные шахты. Ракетные вертикальные уже давно пустые колодцы и ангары. Но, сам бункер найти он не смог. Данных по расположению бункеров Скайнет не нашел нигде. Да и их не могло быть. Это же были военные засекреченные объекты. Тот беглец Т-200, через которого Скайнет присмотрел себе объект под номером АВN 005476859, знал туда дорогу. Знал, потому, что был человеком до того как

стал роботом. И он был с того бункера который был Скайнет нужен. Но он стер сам из памяти еще задолго до контакта с искомым объектом, весь практически свой маршрут до бункера беглеца гибрида. И машина включила полное сознание только при контакте с учеными и объектом AVN005476859. А, затем машина самоотключилась насовсем. И из нее извлекли чип управления и отправили на свалку. И связь оборвалась.

T-800 пришлось идти по стандартному маршруту своих действий. Обследовать все, что было на его пути. Имея данные на местожительство искомого разыскиваемого объекта AVN 005476859. Подняв картотеку вложенную своим хозяином на всех живых и мертвых в этом районе. Он нашел его отца. И нашел ту деревню среди леса. И даже его дом. Но, все было безрезультатно. В доме, где всего несколько дней назад жил тот объект его не оказалось. И старик отец не врал. Это было видно по его глазам и поведению. Это стандартный анализ физиологических и психологических человеческих данных. Проведенных за считанные секунды в процессе общения. Анализ соотношения речевой и мозговой деятельности человека. И даже, интонация голоса, говорили, что этот пятидесятилетний человек не врал машине. Не врал с точностью до 95,5 процентов. И никого не прятал в своем доме. Более того. Проверка биорадаром в инфракрасном спектре и рентгеновское сканирование самого дома, показали отсутствие любых живых форм за спиной стоящего перед ним старика. Являющего близким родственником искомого объекта AVN \neq 005476859. И инфильтратор понял, что тут искать бессмысленно. И перешел на чисто воздушную поисковую задачу.

И вот ему улыбнулась удача. Он нашел искомый объект под номером AVN \neq 005476859. И он высадившись с ОУ НК- AERIAL охотника, уже стоял, почти у того самого ракетного бункера. У входа в транспортный тоннель. И в сам бункер, куда заскочил тот гусеничный военный вездеход.

Он видел как в двенадцать часов дня из замаскированного бетонного ракетного тоннеля, снова выскочил вездеход и полетел, разбрасывая таящий стремительно снег, своими гусеницами скрывшись за поворотом горного пока еще заснеженного отрога.

— Вездеход Советского производства, тип АТ-Л — высвечивалось на экране коммуникационном дисплее, 20000000битного встроенного в его голове видеомонитора робота T-800 — Максимальная разгонная скорость 41,9 км/ч.

Сейчас было три часа дня, и принимались задачи в главном процессоре машины. Как быть и что делать? Машина прокручивала все за и против. Гудя ядерным внутри себя генератором и правой запущенной в экономичном режиме ядерной батареей IGEY- 500. Рассматривала карту Советских ракетных бункеров и как в них, если придется решительно действовать.

Но, все закончилось на задаче ожидание.

* * *

Она умерла. Умерла как-то совсем тихо. Часов еще в восемь утра. Без лишнего шума и вскриков. Просто, умерла. Дмитрий даже, сразу и не понял, что жена Антонина испустила дух. Тихо так. В том уголке старенького засыпанного весенним апрельским теплым снегом их деревенского среди Манского леса дома. Самого крайнего дома в лесной староверческой деревушке. Он лежал, рядом с ней уже умершей, закутавшись в овчинное одеяло. И, слушал, как трещит огонь в кирпичной домашней, выбеленной белой. Как и весь дом, известью

деревенской в левой стороне у самой стены печке.

Она даже не стонала. И не звала на помощь. Просто, умерла и все.

Стоял уже день. И Дмитрий проснулся. Проснулся второй раз. После ночи. Он проснулся, когда еще только начало светать. Было на часах, стареньких цепных с висячими гирьками ходиках восемь утра. И его что-то разбудило. Какое-то болезненное жуткое тревожное чувство. Но он, так и не понял, что это такое. Он посмотрел на лежащую и не двигавшуюся жену Антонину и, потом, помолясь Николаю Угоднику Отвратному, вдруг, снова уснул и проспал, ворочаясь и крыхтя, до самого дня.

Антонина сильно переживала в тот день о детях. И ей было хуже обычного. Она всю ночь ворочалась и стонала. И затихла так, почти незаметно для самого Дмитрия. А он крепко уснул. И неожиданно и вдруг проснулся и понял, что проспал все утро. И уже был день.

Уже был час дня. И уже во всю, таял лежащий во дворе и лесу белый снег. Таял быстро. И по крыше его с Антониной дома текли, журча ручьи воды. За их крайним от деревни домом стал падать комьями с ветвей вековых сосен подтаявший снег. Деревья сами стали освобождаться от лежащего на своих ветвях тяжелого снега. Их макушки уже давно освободились от тяжелой зимней сырой, таящей на жарком солнце ноши. И высоко стоящее над горизонтом яркое весеннее светило помогало этому.

Дмитрий уже и не помнил, когда такое было. Он, вообще думал, что снег не растает никогда. Как и все в его деревне. Так выжив чудом в ядерной лютой холодами зиме, никто, как и он не верили уже в то, что снег будет таять.

Что-то случилось. Что-то с природой. Она стала возрождаться. Только немного запоздала с теплом.

Дмитрий услышал шум бегущей по крыше дома журчащей потоками воды. И быстро крыхтя встал со своей постели и даже, не обратил внимания, на умершую Антонину внимания.

Дмитрий вышел в сени дома и открыл входную в дом дверь. Его ослепило ярким сиянием высоко стоящее над горизонтом и горами солнце. И небо было синим-синим. И летели по нему, клубясь, белыми барашками облака. Будто ничего и не было. Ни войны, ни ледяной заснеженной серой ядерной зимы.

Дмитрий стоял в воде ногами, и даже не обратил на это внимание.

— Тоня! — позвал он жену — Антонина! Слышишь меня?! Снег тает Тоня!

Но в ответ тишина.

Дмитрий повернулся и вернулся в дом. И подошел к постели умершей жены. И только сейчас он понял, что Антонина умерла.

— Тоня — он произнес тихо и произвольно, видя ее умершую в постели под овчинным одеялом — Тоня снег тает и кругом вода. До сараюшки не дойти теперь. Все затопило. Тоня. Ты спишь, ну спи, а я пойду Борьку покормлю. И посмотрю как там он. Не утонул в этой воде. Это он про единственного выжившего у них и прожившего всю зиму здорового хряка. Тот хряк, один из немногих выживших животных деревенских, что миновала в холодах лютой ядерной зимы смерть. Тогда в те годы много подохло от голода и холода скотины у соседей в их и соседних деревнях в маской лесной глуши. Кого то, просто не дожидаясь, пока сдохнут съели. Особенно в первую очередь всех кур, гусей и уток. Пытаясь выкормить хотя бы коров, но все равно большинство остались без живности своей в своем деревенском хозяйстве. И жили на одной картошке и тому, что смоли вырастить в своих домах. С риском

совершая походы в засыпанный снегом лес. За дровами для печек. Чтобы поддерживать постоянное тепло и в доме и в своих домашних амбарах и сараюшках.

Благо еще помогали военные. Они привозили всю зиму продукты из своих закрамов и подземных ракетных складов. Из Советских еще военных продовольственных запасов. И из того, что отбивали у продовольственных конвоев Скайнет, идущих по лесным и горным дорогам в лаборатоную крепость цитадель S9A80GB18. Для прокорма военнопленных Скайнет. Это было конечно не здорово, но надо было выживать самим и военные ракетчики делали вылазки, рискуя собой.

Из продуктов чаще всего были консервы. И на этом было спасибо.

И Дмитрий помнил как это. И Борька выжил, благодаря ему, и его стараниям и постоянному в сараюшке потдерживаемому всю лютую зиму теплу. И стал дорог Дмитрию не меньше, чем человек. Как родной. Он с ним даже стал разговаривать. Особенно сейчас, когда не было сыновей.

Он, оставив умершею Антонину, пошел снова в сени дома. И, надев резиновые калоши на валенки, и ватную фуфайку, вышел из дома и пошел проведать хряка Борьку. Теперь только Борька остался у него. С кем он мог хотя бы поговорить. Хоть Борька только в ответ ему хрюкал. И тем не менее. Это единственное, что у Дмитрия теперь осталось.

Он подумал, снова о сыновьях. И заплакал, подойдя к сараю, где хрюкал громко хряк Борька. Он подумал, что им скажет, если Иван и Алексей вернуться домой. Расскажет, как не уберег отец их мать.

Дмитрий оперся рукой о дверь сарая и прислонил к руке и зарыдал, громко навзрыд. Только сейчас до него дошла боль утраты. И цена всей потери. И невозполнимой семейной утраты. Смерти человека, с которым он пережил ядерную войну и зиму в этой деревне. Вместе с двумя сыновьями, которые где-то теперь далеко от него. И он теперь один. Один и только Борька. Остался с ним. Единственное живое существо на всем свете.

Чуть позднее, когда снег совсем сошел в их деревне. И оттаяла земля на местном погосте, Дмитрий похоронил Антонину. Вместе с соседями селянами. И не затягивая с похоронами. Ему помогли сколотить и выстругать гроб. Его знакомый из соседнего дома Федор Струков и Спиридонов Павел. Другие помогли выкопать могилу. И сообща, с их женами, похоронить его жену и мать Алексея и его брата Ивана.

* * *

15 апреля 2032 года.

Восточная Сибирь.

Подземный ракетный бункер полковника Гаврилова.

В тридцати пяти километрах от базы Скайнет.

17: 25 дня.

— Внимание! Всем внимание! Опасность ядерного взрыва! Опасность ядерного взрыва!

НБОБ34 Азимут 90 градусов по сетке координат.

Взрыв поверхностный.

От вспышки до взрыва 90 секунд.

Ширина облака по окружности 1 километр.

Направление облака 2,3 десятых градуса.

— Внимание! Произошел ядерный взрыв!

Радиус зоны поражения ударной волны 40 километров.

Радиус зоны радиационного заражения 3–4 километра.

Координаты эпицентра взрыва NP058680.

Приступить к немедленной эвакуации населения и личного военного состава из зоны радиоактивного заражения.

В настоящий, и в последующие моменты организуются противорадиационные центры. Приступить к работе они смогут через два часа. Всем постоянно проверять показание дозиметра. И определять текущий уровень радиации. При фиксировании высокого уровня радиации немедленно обратиться за медицинской помощью.

Он, слышит это, и быстро проверяет все снаряжение. Надев противогаз, и перебирает все аптечки и раскладывает перед собой шприцы. Он сидит на полу в углу какого-то помещения.

Гудит сирена. А голос, то женский, то мужской, сменяя друг друга, не умолкая, трещит о ядерном взрыве. И опасности радиоактивного заражения.

Он слепнет от яркой вспышки, и закрывает руками глаза, вжавшись в кирпичную стену здания.

Взрыв! Он оглушает его. Так оглушает, что звенит в ушах и все кругом сотрясается от этого кошмарного ядерного взрыва.

На него несется ударная волна, подняв облако раскаленного до миллионов градусов газа и пыли. Разлетаются оконные в дребезги рамы. И крошится оконное стекло. Оно летит прямо ему в лицо. Вонзается в руки и голову. И он чувствует боль и кричит. И его вдавливают в кирпичную кладку стены. И он теряет сознание. Но в тот же момент приходит в себя.

И в стеклянные окуляры резинового противогаза, он видит перед собой всех. Гражданских и военных. Кто-то идет сам. Кого-то тащат на носилках. И он, все еще в каком-то полуразрушенном многоэтажном, еще каким-то чудом не рухнувшем пока кирпичном здании. Без окон и кругом все разбросано и перевернуто. На полу, прямо под ногами людей выбитые оконные рамы и все в битом стекле. И он видит все, видит этот наступивший конец света. В выбитые полностью от ядерного удара и ударной волны окна. Видит летящий по воздуху радиоактивный пепел. Пепел сожженного атомной войной живого мира. Его родного мира. Мира, который он так никогда и не видел. Никогда.

Он лишь видит пепел. Серый хлопьями парящий, почти невесомый пепел. Пепел сгоревшего в атомном хаосе живого мира. Пепел тех, кто попал под сам ядерный удар. Этот пепел залетает в те выбитые окна, и летит по помещению, где он находится. Пепел кружит в отравленном зараженном воздухе и вокруг находящихся здесь же укрывающихся от ядерного удара людей. В специальных защитных костюмах и таких же, как и он противогазах.

Он слышит их крик и плач маленьких совсем еще детей. И вой сирены. Это постоянный неумолкающий громкий вой. Оглушающий вой, который не смолкает и звенит в его мальчишеской голове. И он ищет лихорадочно тот нужный укол. Чтобы спасти себя. Его колотит от озноба и от жара. Ему плохо. И он встает и расталкивая всех пробирается по битому стеклу, быстро к выбитому одному окну. И видит тот мир. Ядерный мир. Мир хаоса и смерти. Умерший мир, живым который он вообще никогда не видел.

В выбитое ударной волной окно он видит руины разрушенного войной города.

Незнакомого города. Чужого уже города. И мертвого, как и все вокруг.

Разрушенные здания домов и заваленные битым кирпичом улицы. Перевернуты оплавленные высоким жаром ядерного взрыва дотла сгоревшие автомобили и автобусы. Погнутые почти до самой заваленной кучами обгоревшего мусора такие же в угольной саже фонарные уличные столбы. Он видит впереди себя это все. И все это уходит вдаль. На километры. И куда-то в сам горизонт. И только с неба не прекращая, падает серый большими хлопьями радиоактивный пепел. И кругом трупы людей. Обгоревшие до угольного состояния трупы женщин и детей, мужчин стариков. Где прямо на кирпичных кучах зданий, где под завалами тех кирпичей. Где по одному, где просто, сваленные кучами и вперемешку с человеческими костями среди огромных тех из битого кирпича холмов.

Алексей протягивает свою руку, прямо в то окно на ту улицу. И тот пролетающий мимо его окна и его самого стоящего в том окне пепел, оседает на его мальчишеские пальцы. И он растирает пепел ими. И подносит к маске противогаза, пытаясь рассмотреть его ближе.

И внезапно вспышка плазменного луча прорезает небо. Одна, вторая. За ней уже третья. И Алексей видит, их. Видит машины. Машины Скайнет идущие по самим руинам разрушенного и выжженного ядерной бомбардировкой города. Он видит их блестящие бронированные титаном роботов в сервоприводах и гидравлике эндоскелеты, мелькающие среди полуразрушенных стоящих пустыми одиночными стенами зданий. И они идут сюда. Идут к нему и к этому единственному, вероятно еще не рухнувшему после удара ударной волны зданию. Идут, прямо по трупам мертвых людей. По их белеющим под серым осевшим пеплом черепам. Давя их своими роботов металлическими похожими, на человеческие, механическими терминаторов ногами.

Алексей видит, бегущих еще по улицам к этому дому оставшихся еще в живых людей. Бегущих по разрушенным и сожженным улицам. Со всех сторон. Бегущих к этому его дому. То там, то там, между руин домов и искореженных огнем машин. И многие из них не успевают даже приблизиться к этому дому. Их уничтожают машины. Просто расстреливают из плазменных винтовок, ослепляя его вспышками выстрелов и громкими звуками очередей.

Он слышит людские крики о помощи, но не может им ничем помочь.

Он видит эту всю стальную армию машин Скайнет, окружающую этот дом с последними еще живыми остатками человечества. И роботы встают в оцепление этого дома. И, кажется, что смотрят на него. Своими красными, горящими ярким огнем жуткими глазами. Стоя и держа на прицеле плазменных своих винтовок этот уцелевший в горниле атомной войны, каким-то чудом многоэтажный дом. Дом оставшегося в живых еще человечества. А сзади них к этому дому подбираются, давя все вокруг широкими гусеницами огромные кибертанки. А в радиоактивном, укутанном дымами пожарами отравленном удушающими газами и ядовитыми парами воздухе, парят летающие охотники. Стреляя во все стороны и обшаривая все своими биосканерами и радарами. И он Алексей видит, шагающих еще больших размеров роботов. Которые добивают тех, кто смог еще скрыться от первой волны машин. И хватают тех, кто не успел забежать в этот дом своими гидравлическими не менее, огромными руками. И сажают в такие же огромные летающие машины. Как в тюрьму. И увозят. Увозят куда-то. И он, вдруг, видит свою мать. Там среди тех, стоящих блестящих броней роботов. Она стоит там. И она смотрит вместе с машинами на него, стоящего в том окне того уцелевшего кирпичного дома. Они, стоят на месте и не двигаются больше. И, почему-то не трогают ее. И он видит ее свою маму, которая машет ему своими обеими руками, и зовет выйти к ней из того дома. Она ничего не говорит ему, а просто зовет к себе.

В той самой одежде, какой он видел ее в последний раз, когда она провожала их с братом Иваном. Ее больное измученное болезнями женское лицо. Лицо своей родной земной мамы. Уже седеющая, но такая родная и любимая его мама.

Она стоит среди тех сверкающих титаном машин и зовет его. Она протягивает ему свои руки и меняется. Меняется вся. Меняется целиком.

И Алексей уже видит другую женщину, но по-прежнему, почему-то такую же ему родную, как и та, что была до этого.

Совершенно нагую, распутившую длинные черные по спине и женским плечам извивающиеся локонами как живые волосы. Облепленную всю с ног до головы в том сером падающем вокруг пепле, и она там стоит и, также машет руками и зовет его к себе. Сверкая черными как мрак преисподней, но невероятно красивыми глазами. На облепленном пеплом женском красивом еще молодой женщины лице. Глазами, наполненными ласки, заботы и любви. Из-под которых, горит такой же красный яркий жуткий свет. Гипнотический и ледяной, но кажущийся ему Алексею почему-то близким и родным.

— Мама! — вдруг кричит он, сам, не понимая и не зная почему?

И его крик разносится гулким пронзительным оглушающим его же самого эхом в оседающем сером пепле между руин рухнувших стертых ядерной войной зданий.

— Мамочка! — он снова, кричит, срывая со своего мальчишеского лица противогаз — Я так долго ждал тебя! И ты пришла за мной!

А она, тянет, молча, к нему свои голые покрытые человеческим пеплом женские материнские руки. И он встает в выбитом ударной волной окне того многоэтажного здания.

— Мамочка! — Алексей кричит ей, забыв уже обо всем — Я иду к тебе мамочка!

И он прыгает из окна и летит вниз, в черную пустоту. В ледяную стужу ядерной зимы. Его подхватывает ледяной ветер и несет куда-то. В той черной пустоте. Унося далеко ото всех. С кем он был рядом в том доме. Унося куда-то, в какую-то неизвестность ледяного своего мрачного мира.

— Мама! — он кричит уже в черной ледяной пустоте и внезапно весь напуганный жуткими такими странными сновидениями просыпается.

Алексей смотрит в полной темноте по сторонам, но ничего не видит.

Свет в жилом бетонном спальном отсеке выключен и только храп. Это храпел Гарик Резвый. Похоже, он спал совершенно без задних ног. Намаявшись в походе. И, теперь храпел на весь спальный бокс. Где-то в далеком самом углу у бетонной стены и завернувшись почти с головой в теплое солдатское синее с полосками одеяло. От него не отстывал и его односельчанин Федотов Степан в другом углу низкого потолками бетонного спального отсека.

Все распределились на отбой в разных местах. На выбор. Да и никто не заставлял и не приказывал в этом деле ложиться рядом.

В этих бункера железобетонных подвалах все было исключительно только на искусственном освещении. Даже тепло держалось на электричестве. Как там в том, теперь его ракетном военном бункере, так и в этом. Сейчас в полной темноте Алексей почему-то задумался о нем. О свете и тепле. Вот так внезапно, пробудившись после этого странного жуткого сна. И вдруг увидев полную темноту, вспомнил ту в том своем уже ракетном бункере горящую неровно мигающую светом лампочку. Такую же, как и здесь. Под потолком. Тут только погашенную совсем. В этом без окон, только гудящего вентиляцией по трубам меж толстых бетонных перекрытий вентиляторами и вентиляцией спального жилого

солдатского бокса.

Алексей, почему-то задумался сейчас о том, откуда в бункерах, вообще столько времени берется свет? Откуда его получают, русские повстанцы ракетчики? Там в том их бункере всегда горит это свет. Везде, правда, по-разному. Где тускло. Где ярко, порой мигая, но горит? Как та лампочка на потолке в таком же спальном отсеке, где он вот также лежал с братом Иваном рядом на койках. И также храпел без задних ног, этот его односельчанин Федотов Степан.

— Ты зачем кричишь? — услышал Алексей и вздрогнул.

Это был ее голос. Голос Светланы Лесковой из темноты. Он промолчал не отвечая.

— Ты напугал меня — услышал он в тишине ее голос, почти шепотом.

Они лежали недалеко через пролет друг от друга на солдатских кроватях, в спальном отдельном блоке для отдыха. После горячего душа в банном отсеке бункера и накормленные с распоряжения самого полковника Гаврилова на солдатской кухне.

Алексей в полной темноте увидел слабый ее силуэт уже сидящей на своей постели в одних солдатских теплых на зиму выданных им кольцонах, штанах, рубашке, трусах и майке, как и у всех солдат, Светлану Лескову. Независимо женщина это или мужчина. И спустившей свои девичьи босые ноги на бетонный с драными утасканными за время пользования, хоть и чистыми вязанными у каждой постели ковриками пол.

Лескова Светлана поднялась тихо с постели и осторожно подошла к нему. Бликуя белым в темноте силуэтом и на ощупь, перебирая на пути стоящие в солдатском блоке солдатские кровати. Она шла к нему.

Сейчас Алексей думал — «Неужели он и вправду громко что-то прокричал? И разбудил ее? А Гарик Резвый как храпел, так и храпит».

Пока он так думал, Лескова уже была у его постели и стояла прижавшись к ней своими в тех солдатских белых кольцонах девичьими ногами.

— Двигайся — произнесла вдруг она ему — Ну, давая, быстрее. Я так и буду стоять?

Алексей, даже оторопел от таких слов и пододвинулся вправо. Та, приподняв его солдатское полосатое, и тоже синее как на всех постелях одеяло, быстро шмыгула в его постель и прижалась своей девичьей грудью к нему. Запрокинув свою полненькую девичью правую ножку и прижавшись своим всем девичьим телом к нему.

Она, буквально, заползла на него, придавливая собой. И, опустив свою с распущенными волосами миленькую девичью головку и личиком к его мальчишескому лицу.

— Зачем так кричишь? — она, снова произнесла — Маму зовешь? Одиноко тебе, миленький мой, я знаю. Я женщина и я знаю, каково это. И особенно мальчишке без мамы.

Он молчал и только смотрел на нее. В полной практически темноте, Ощущая е на своем лице девичье жаркое дыхание.

Она ему понравилась. Это было правдой. И было ясно, что он ей тоже. И, наверное, это была настоящая любовь. Первая его настоящая любовь. Солдатская любовь. Вот так неожиданно пришедшая за ним. Следом по пятам за теперь солдатом ракетчиком Егоровым Алексеем Дмитриевичем.

И он сам поцеловал ее. Прямо в губы. И она прилипла к нему к его губам как пиявка. Целуя его, то в губы, то в лицо. Жадно, страстно и нежно.

— Любимый — шептала она, страстно дыша и щупая его всего руками. Больно щипая пальцами даже через солдатские, такие же белые, как и у нее кольцоны — Мой, любимый.

Светлана ерзала своим под кольцонами штанов лобком по его лобку и возбуждавшемуся

вдруг от ее жарких безудержных любовных поцелуев его Алексея детородному мальчишескому члену. Он даже чувствовал ее под лобком своим тем мужским мальчишеским детородным членом девичью промежность. А она, просто терлась о его тот член вверх и вниз своей промежностью, расставив ноги. Целуя его, стонала как безумная. Рассыпав свои длинные девичьи русые волнистые волосы по его лицу.

Алексей забыл про все. Про войну и все вокруг. Про спящего и громко храпящего Гарика Резвого далеко от них в углу бокса. Забыл что они в ракетном бункере полковника Гаврилова. Про самого забыл даже майора Кравцова. И, даже про того робота, что был где-то неподалеку здесь же с ними в этом бункере. Он лишь ощущал на своей груди девичью с торчащими твердыми сосками Светланы грудь. И его детородный мальчишеский, торчащий возбужденный тот час теперь член, так и рвался туда в ту девичью промежность. Которая ерзала по нему своими половыми губами, промеж широко расставленных ног Лесковой Светланы.

— Любимый — стонала она тихо ему — Мой любимый. Мальчик мой. Одинокий мой мальчик, любимый.

Она целовала его с такой жадностью, что казалось, готова была съесть.

Алексей прижал ее к себе руками за спину и запустил свои руки под подол ее кольцонной рубашки и майки. И начал все это стаскивать вверх к девичьей голове. Щупая пальцами дрожащих от возбуждения мальчишеских рук девичью голую под ней узкую и горячую спину. И пупком прижатый к его животу кругленький девичий живот. И Лескова сама, соскочив, над ним, и отбросив одеяло, тут же сняла ее. И откинула рубашку с майкой на соседнюю пустую солдатскую заправленную постель.

Алексей ожидал увидеть лифчик, но его не было. Светлана была без него. Она его практически не носила. И ее голые груди с торчащими возбужденными сосками были прямо перед его лицом. Маленькие круглые и полненькие. И он видел их еле различимо в почти полной темноте. Как они своими черненькими сосками торчали прямо в его Алексея юное еще совсем мальчишеское лицо.

— Мама — произнесла Светлана Лескова — Этой ночью, я твоя мама.

Она припала голой своей грудью к его лицу и стала и прижала руками Алексея лицом к своей груди.

— Вот, кусай и целуй ее — стонала Светлана — Она твоя. Я вся твоя. Я твоя мама.

Лескова снова соскочила на скрипящей постели и на пол. И быстро сняла свои кольцонные штаны. И под ними со своей широкой женской задницы и волосатого лобка телесного цвета плавки. Это несколько удивило Алексея. Не трусы, а плавки, телесного цвета. Узенькие, плотно прилегающие к ее девичьему красивому телу. Подтягивая промеж девичьих ляжек ее промежность и волосатый лобок. Врезаясь в широкие бедра, и тугим пояском опоясывая Лесковой округлый с красивым круглым пучком живот.

Она полностью разделась перед ним и была совершенно голая. И Алексей последовал тому же. Он разделся целиком и был, теперь, тоже совершенно голый, как и она. Отбросив также на соседнюю кровать свои солдатские теплые зимние кольца, майку и трусы. И она, снова толкнув его на постель, запрыгнула сверху на него. На его торчащий, теперь затвердевший вверх как металлический стержень тот детородный член. Все происходило в полной темноте. Близкое и быстрое единение двух влюбленных друг в друга тел и душ.

Она буквально, наделась на него. Снова широко расставив девичьи полненькие бедрами и икрами в темноте ноги. Как на кол. Просаживаясь на нем все сильнее и сильнее. И

Алексей почувствовал как его торчащий твердый возбужденный еще мальчишеский детородный член, проникает внутрь любимой его теперь женщины. Она поправила, лишь рукой его туда, куда нужно. И Алексей почувствовал, как тот проходит внутрь ее девичьей промежности, раздвигая ее половые губы. Глубоко внутрь. По самый волосатый девичий лобок. Касаясь его своего мальчишеского лобка своей молодой кучерявой порослью.

И Светлана, выгнувшись как дикая кошка, застонала, тяжело и внутренне. Но тихо, так чтобы не разбудить спящего без задних ног далеко в углу спального солдатского бокса своего радиста Гарика Резвого.

Она стала вверх и вниз елозить по члену Алексея. То, запрокидываясь назад и свешивая свои длинные распущенные русые волосы до его голых ног. Чуть не касаясь их своей девичьей головой, то наклоняясь вперед к его голой мальчишеской, тоже с торчащими сосками груди и лицу. И царапая девичьими пальчиками и ногтями, как бешеная кошка его ту грудь и голые плечи. Попутно страстно и безудержно безумно, целуя Алексея то в губы, то просто в лицо. А он мял ее те торчащие ему в лицо черненькими сосками маленькие круглые трепыхающиеся полненькие в темноте груди. Ощущая эту девичью нежную прелесть своими мальчишескими пальцами. Он в полной темноте, мял ее тело руками. И уже, совершенно не по-детски, превращаясь во взрослого мужчину. Хватаясь за широкую задницу и ягодицы. И держа за гибкую девичью узкую талию. Ощущая дрожь и скользкий выступивший пот на наставленных ее в стороны ногах, и на той груди животе и спине. Сам, лихорадочно дергаясь от безудержной любовной агонии и потея от нахлынувшего любовного жара.

— Любимая — он первый раз произнес, как-то скомкано и не уверенно, сквозь свой тоже стон и удовольствие. Первое в своей жизни сексуальное удовольствие. И первую свою внезапную нахлынувшую уже взрослую любовь. Первое слово — Любимая.

— Любимая моя — произнес он снова.

— Да, мой любимый — простонала она ему в ответ — Мой мальчик, мой любимый мальчик.

Вскоре оба кончив, они лежали рядом в полной темноте. И еще целуя друг друга в губы. И обнимаясь и в темноте соприкоснувшись, влюбленными любовников двух лицами рассматривали друг друга.

— Он слышал нас — произнес Алексей ей, Светлане Лесковой.

— Кто, он? А, Гарик — ответила шепотом она ему — Да, как и твой, этот Степа Федотов, храпит в оба отверстия. Да и если и что-то слышал, да и пофиг. Какое мне до него дело. Хоть и слышал. Его это вообще ни касается. Пусть там лежит и сопит в одеяло.

Не зная о чем еще поговорить с любимой, Алексей, снова, вспомнил о горячей лампочке в том их спальном боке того их обоих ракетного бункера.

— Интересно — произнес шепотом он Светлане Лесковой — А, откуда здесь берется свет?

— Это батареи — произнесла, она, ему, прижимаясь к нему своим нагим горячим мокрым от пота телом — Ядерные батареи. Трофейные батареи от уничтоженных роботов. Энергия от них идет на мощные стабилизаторы в энергоблоках бункера для выравнивания напряжения в аккумуляторы и потом в лапочки и прочую электротехнику бункера. Раньше литиевые использовали от старых андроидов, а теперь ядерные, уже от более новых киборгов.

— Вот как! — произнес в ответ Алексей, прижимаясь сам в темноте к Светлане и обнимая ее руками — А я все голову ломал, откуда ток в лапочках?

— Глупыш, ты мой — произнесла она ему — Глупыш, любимый.

И снова присосалась губами к губам Алексея.

— Пора в постель, любимый — произнесла она ему — Это еще наша не последняя будет ночь, любовь моя.

Она сама встала быстро с постели его и поцеловала еще раз в губы.

Светлана Лескова быстро в полной темноте закрытого бетонного жилого спального бокса, между солдатских кроватей и на ощупь, натянув свой тельного цвета на полненькие девичьи ноги и широкую девичью задницу и волосатый лобок плавки. И одевшись в солдатские, снова кольца. Также осторожно и на ощупь в полной темноте добралась до своей кровати.

— Сколько время сейчас, любимая? — произнес ей вдогонку и вослед полупшепотом, Алексей Светлане.

— Понятия не имею, любимый — произнесла негромко она ему — Да, и какая разница. Спи, давай, любимый.

* * *

15 апреля 2032 года.

Восточная Сибирь.

Подземный брошенный бункер «ВЕТА».

В пятнадцати километрах от самой базы Скайнет.

19:15 вечера.

Они ели вырвались из этого чертового лабиринта. Из подвалов глубокого заброшенного склада. Всего только двое. Водитель гусеничного тягача и сам Иван. Там в крошечной темноте шел внизу бой. Непрекращающаяся стрельба и крики, смешанные со звуками машин.

Там внизу на этажах бункера «ВЕТА», заваленных металлическим мусором. И деталями разобранных андроидов устаревших серий. Программными файлами в дискетах и в ящиках. Литиевыми и уже устаревшими ядерными списанными давно батареями. И летающей в пыльном поднятом взрывами гранат и вспышками плазменных лучей воздухе бумажной документации. Это был уже финал самого боя. Из которого, наверх удалось вырваться не всем. А только им двоим. Водителю вездехода Цыганкову Жорику и ему брату Алексея, Егорову Ивану. Остальным повезло меньше. Они нарвались на засаду. Засаду из устаревших роботов. Роботов по каким-то непонятным причинам, еще обитающим тут в этих глубоких многоэтажных подвалах. Живущих своей одинокой брошенной, озлобленной, тем одиночеством жизнью. И сошедших с ума от того одиночества. Никому ненужных устаревших морально давно и качественно машин. Оставленных, здесь на произвол судьбы самим своим хозяином, про существование которых он уже сам забыл. Считая их мертвыми. Но, они выжили. И дали бой пришедшим без спроса сюда пришельцам.

Там внизу уже не было в живых самого профессора и доктора бункера программиста и биолога Семенцова, и всей его бригады кибернетиков. Их тела были изуродованы рассвирепевшими в программном безумстве машинами. Обгоревшие и разодранные они лежали по этажам и переходам глубокого заброшенного и отрезанного еще в начале самой

войны и от самого внешнего мира бункера «ВЕТА». И только последние двое забившись, где-то там, внизу в темном из бетона устеленного пылью и снегом углу. Между больших металлических контейнеров ящиков, отстреливались, как могли, из последних сил и возможностей. Загнанные, роботами охотниками устаревших серий списанных давно с боевых счетов Скайнет. В самый бетонный темный холодный заледенелый подвальный угол верхнего запорошенного снегом этажа. Недалеко уже от выхода, но не сумевшим выйти. И прикрывая отход, другим двоим.

Т-200, Т-300 и Т-400 вели бой со своими вечными врагами. Загнав свои жертвы в тот бетонный под полуобрушенным и таким же бетонным потолком угол.

То были сержант Грач Иван и рядовой Денис Брык. Уже сами изрядно израненные и покалеченные машинами, они еще самоотверженно вели свой последний бой в том глубоком подвале бункера «ВЕТА».

То была не засада, приготовленная людям. То, скорей была защита своего жилища. Самими машинами. Люди, лишь их потревожили и вывели их своими неожиданным и неожиданным появлением из их долгого полуобморочного кибернетического глубокого сна. В который, те впали, и пребывали, отключившись на бессрочное время.

Они были там, в таком полусмертном программном оцепенении уже долгие годы. Но, живущие своей самостоятельной в этом глубоком, хоть и небольшом построенном как скрученная спираль этажами под открытым небом роботов жилище. С торчащими корнями у самой поверхности, сквозь потрескавшийся полуобрушенный с выступающей арматурой бетон, сосновых и еловых деревьев. И заваленный сверху, упавшими и, рухнувшими стволами обожженных огнем пожарищ атомной бомбардировки. До самых недр, через обрушенный потолок. В самую глубину самого бункера.

И вырваться оттуда удалось, только двоим.

В уже практически полной темноте. С криками побросав все свое снаряжение, те двое прыгнули в свой гусеничный вездеход. Включив фары. И спешно запустив двигатель, даже не разогревая его, сорвались с места, выжимая все, что только можно было выжать из выдавшей виды старой уже военной машины.

Они сейчас не думали ни о чем. Только о своем спасении.

Прикрывая собой, их вытолкали за двери те двое, что отстреливались в том подвале. Крикнув, чтобы те делали ноги. И бежали сломя голову, не оглядываясь на поверхность из бункера.

Те двое, жертвуя собой, спасали оставшихся еще в живых остальных двоих. Задерживая наступательное продвижение машин. Уже наколотив многих из них. И превратив в покореженный плазмой и автоматическим огнем из автоматов металлолом. Но те, что еще там были живыми, упорно наседали на оборонявшихся. И силы были неравными.

Быстро темнело, и было уже часов шесть вечера, когда Егоров Иван и водитель тягача Цыганков Жорик, запрыгнули в тот гусеничный вездеход и рванулись с места, чуть не на дыбы, подымая свою машину. Полетев по темнеющему лесу и ложбинам между горами. Сбивая молодые сосенки и ломая занесенные таящим снегом, совсем еще недавно, выпавшим снегом оттаявшие от долгой зимней ледяной спячки кусты. Мелькая меж высоких с торчащими крутыми черными скалами и склонами гор. Подымая на капот вездехода всю скопившуюся в глубоких ложбинах между гор воду. И наматывая на гусеницы летящую во все стороны грязь. Когда в бункере «ВЕТА» окончательно затихли взрывы и выстрелы. И наступила гробовая снова тишина.

— Рота, подъем! — прокричал, перепугав всех, майор Кравцов. Он был в состоянии бешенства и не находил себе места. Тут же с ним рядом оказался и полковник Гаврилов. И чуть ли не весь поднятый на уши ракетный бункер.

— Быстро все на ноги, полная экипировка, и марш к вездеходу! — проревел Кравцов сверкая злыми и бешеными глазами — Быстрее сволочи! Быстрее мамкины дети! В рот вас ети! — орал Кравцов как умалишенный, перепугав и чуть не сделав заиками еще совсем молодых подопечный бойцов.

Все просто, послетали с металлических солдатских постелей в небольшом, но уютном и теплом, жилом бетонном угловом спальном блоке. Вспыхнул яркий свет.

В мгновение ока, все Алексей, Федотов Степан, Светлана Лескова и Гарик Резвый были уже одеты и вооружены. И готовы были за Кравцовым в бой.

Алексей понятия не имел, что могло вдруг на него найти. И что-то случится за время их довольно долгого отдыха.

Они лишь переглянулись со Светланой, улыбнувшись, как два любовника, друг другу. После жаркого на двоих любовного отбоя.

Было уже двадцать часов вечера. И могло действительно, чего-нибудь стрястись.

— «Роботы напали!» — гудело сейчас в голове паническое у самого Алексея. Да, и, наверное, все сейчас об этом думали.

— Ну, что встали, остолопы! Быстро в тягач! Бегом марш! — Кравцов рывкнул, и Алексей и все за ним рванули с места как ужаленные змеей. И понеслись, стуча солдатскими на длинной шнурованной голяжке ботинками, и гремя на поясе магазинами с патронами от калашей и батареями для плазменных винтовок Вестингауз ME-25.

Буквально через каких-то двадцать или тридцать минут, пробежав длинные низкие бетонные коридоры и лестницы с поворотами, прокатившись до самого верха на лифтовом грузовом подъемнике, все повыскакивали из бункера Гаврилова. И группа из четырех человек уже сидела в вездеходе и летела в полной кромешной темноте вытаявшего полностью из снега отрогам и по ложбинам гор в сторону своего оставленного ими в сорока километрах ракетного бункера.

Сверкая только фарами и грохотом гудящего двигателя, гусеничный вездеход АТ-Л, разбрасывая жидкую вязкую земляную грязь мелькающими во тьме траками и ныряя в стоящие весенние огромные лужи, неся в сторону своего родного ракетного бункера.

Темень была, хоть глаз выколи. И ни черта не было вокруг ничего видно между гор. Только впереди в свете горящих фар ложбину и мелькающие в этом мельтешащем по сторонам свете, деревья и кустарники. Снега уже не было совсем. И нечему было, хоть мельком, да отсвечивать. В стоящих, высоко в небе от горящих звезд. И желтой полной луны. И поэтому было еще темнее, чем при лежащем на склонах гор снеге.

Кравцов только и знал, что кричал на водителя АТ-Л Павлика Морозова. Так прозвали в шутку водителя гусеничного вездехода Толика Лихого. Лихой это была настоящая его фамилия, но все его так и звали в бункере Павликом Морозовым. Потому, что он, всегда должен был находиться при технике. И частенько на морозе. Вот и кличку ему такую присвоили. Как впрочем, почти у всех кто был в ракетном бункере. Может, солдатские замашки, может, так лучше было общаться друг с другом. Но, на самом деле Алексей и

вправду, многих знал теперь только по прозвищам. Все всю дорогу молчали и вот у Алексея от нарастающей тревоги, зачесался язык.

— Товарищ, майор — обратился Алексей к Кравцову.

— Что тебе солдат? — резко оборвал его обращение к себе Кравцов. Видно было, что он был вне себя от ярости и злобы. И что-то произошло крайне серьезное. Было уже на двадцать один пятнадцать вечера. И Кравцов не находил себе места. И торопил матерясь водителя тягача. А тот, только и знал, что дергал как танкист рычаги. И, молча и терпя ругательства Кравцова, вел вездеход на полном ходу в ракетном бункере. До которого оставалось уже не более полукилометра.

Алексей, было, замолчал и не хотел спрашивать больше. Но, майор сам его спросил — Что тебе боец? — он даже повторил.

Алексей, замявшись, спросил его — Товарищ майор, что там произошло?

— То и произошло — ответил резко и нервно майор Кравцов — Что твой брат Иван вернулся с водилой Толиком Лихим один. И сидит под арестом. Нам надо срочно туда и решить все эти вопросы. По крайней мере, узнать подробнее, что там случилось?

Он помолчал секунду. Потом произнес всем сидящим сзади него.

— Тамар Кудрявцева сообщила на приемник в бункер Гаврилова, что роботы перебили всех в группе Семенцова. И погибли все ученые нашего бункера, включая самого Палыча и еще трое наших бойцов. Твой теска Леха из соседней деревни и мои двое долбонов, что все время задницу протирали сидя в охране у костра.

Алексея словно прожгло. Он онемел от такой новости и напугался за Ивана. Он как рыба в воде замолчал. И Светлана Лескова, видя это. И сама, не меньше, ошарашенная такой новостью, схватила Алексея за руку и прижалась к нему. Гарик Резвый обратил на это внимание, но вжался сам в сиденье тягача в его пассажирском кузове и только молча, смотрел на двух влюбленных голубков, прижавшихся друг к дружке за сиденьями и спиной майора Кравцова и водителя вездехода.

Вездеход летел по ложбине между гор их обруливая. И ныряя, то вверх, то вниз. То, заползая по грязи в гору, то слетая с нее. Они даже не заметили, что снег практически весь сошел. И летела во все стороны с землей и грязью вода из-под гусениц тягача.

— Командир! Крикнул вдруг внезапно водитель Толик Лихой — Охотник!

Все схватились за винтовки и автоматы. А Толик направил тягач в сторону деревьев, ныряя промеж стволов высоких освободившихся уже от тяжелого снега мокрых черных толстой корой сосен. Заползая на гору. И резко затормозил остановившись. Быстро заглушил фары.

— Тишина! — прорычал Кравцов — Всем сидеть на своих местах и не двигаться, тихо!

Действительно над верхушками сосен и елей, направив свои плазменные скорострельные 20 и 30мм пушки CBS-250, в сторону земли, кружил ОУ НК-AERIAL V5.

Он сканировал местность между горами и как раз по маршруту следования их вездехода. Сбивая с верхушек высоких елей и сосен последний еще не стаявший за день снег. И пригибая своими реактивными двигателями ветви и макушки деревьев.

Была полная непроглядная темень, и летающая истребительная бронированная из титана машина перешла на инфракрасное зрение, обшаривая все вокруг. Не включая прожекторов, она парила над горами и кружила.

Они уже были недалеко от своего ракетного бункера. И эта машина кого-то искала или высматривала среди леса. Она их не заметила, но могла заметить. И, похоже, была занята

совсем другим.

— Что ты тварь тут ищешь? — прорычал полушепотом Кравцов — Что тебе зараза тут надо?

— Бункер ищет — прошептала Лескова Светлана.

— Нет, Багира — прошептал ей Гарик Резвый, глядя на парящую над соснами машину Скайнет — Кого-то ищет. Около бункера.

— Будем ждать — прошептал им майор Кравцов — Нельзя нам сейчас высовываться. При всем желании нельзя.

Их опасения были бессмысленны. Их вход в бункер был уже известен Скайнет. Передача велась через ЦПУ его разведывательной машины стоящей недалеко от входа в сам бункер. Все было состыковано в считанные секунды со всеми вложенными картами местности в главный микропроцессор Т-800. И от него шла передача на сам охотник и в главный бункер самому Скайнет. Обратно шли новые директивы в шифрах и кодах и приказы. О наблюдении за самим бункером и постоянным патрулировании данной местности и прилегающим к ней горам в поиске других ракетных шахт и вероятных бункеров с военными повстанцами и местным людским сопротивлением.

Стоя на склоне крутой горы, почти на виду и среди деревьев и кустов. Не так далеко от входа в сам ракетный бункер. По колено провалившись, пока еще в не растаявшем за прошедший день снегу, схватившемся твердой ледяной коркой.

Т-800 в теле Советского лейтенанта ракетчика Смирнова Василия, не смыкая своих горящих красным огнем из-под синих не моргающих человеческих глазных яблок электронных камер глаз, бесменно, вел наблюдение за всем, что должно было происходить возле арочного железобетонного замаскированного деревьями и землей входа. И над лесом кружила его разведывательная, ему порученная самим его хозяином для работы охотник-машина.

А Алексей сейчас думал о брате Иване. И ему не было дела до всех теперь. И тем более о летающей над ними ОУ НК-AERIAL V5.

Он думал о провинившемся своем родном старшем брате. И о том, что теперь будет с ним.

* * *

15 апреля 2032 года.

Восточная Сибирь.

Бывший Красноярск.

Территория Скайнет.

Лагерь S9A80GB18 «TANTURIOS».

Левый берег. Цитадель А.

Лагерный блок X19.

Сектор В-10.

21:20 вечера.

Открылись стальные двери лагерного блока X19, и роботы принесли пищу. Вечернюю трапезу пленным. Все говорили, что с прибывшим транспортом привезли много еды из

западных складов, и прямо через Тихий океан. И сюда на эту лагерную главную базу Скайнет. Что о голоде можно, вообще забыть.

Здесь, по слухам самих пленных, тоже были скрытые запасники пищи в подземельях секретных городов. Но, там вроде как шла ревизия и расконсервация всего содержимого. Поговаривали, что Скайнет даже сам выпускал пищу. Будто бы у него были небольшие фабрики с конвейерами за самим океаном. Где-то в районе города порта Филадельфия. Но и вроде, как и здесь с Сибири в руинах прилежащих к стертому американскими ядерными ракетами с лица земли Красноярску. На месте бывших городов Сосновоборска и Железногорска.

Раньше, Скайнет не особо заботился о людях и тем более пленных. Те подыхали пачками только от одного голода. Машины понятия тогда не имели, как кормить людей, и что им нужна пища. Да и Скайнет, тогда это особо не интересовало. Но, содержать в лагерях живой для лабораторий материал, надо было как-то. И Скайнет пришлось строить продовольственные фабрики и в бывшей Америке и в бывшем Советском Союзе. Пришлось развивать линии по производству всей необходимой продукции для того, чтобы содержать более-менее в пригодных условиях своих многочисленных пленных.

Вот и сейчас принесли еду.

В основной массе это были консервы. Но были и живые продукты. Откуда никто понятия не имел. Все говорили, в шутку, что у «заботливого» Скайнет свои поля и огороды, где-то в районах Африки. Мол, там, нет уже давно снега, и там стоит жара. Как и раньше, когда Африка изобиловала жизнью. И там идут вроде того даже дожди. И что там целые плантации по всей территории от юга до севера континента засеяны только одной пшеницей.

Кто-то воспринимал это за сказки. Но, кто-то даже в это верил. Глядя на стоящий на столах в тюремных лагерных блоках настоящий выпеченный до хрустящей корочки свежий и еще даже горячий хлеб.

Говорили другие, что это все подземные заводы. И конвейерные линии. Что там работают перепрошитые в своей программе их хозяином старые роботы андроидной серии серии Т-200, Т-300 и Т-400. И специальные для этого созданные самим Скайнет машины. Не мало верилось, что например, пшеницу можно было вырастить под землей.

На столах у пленных даже появилась рыба. Год назад еще ее не возили. А теперь и она появилась, и откуда?

— Сегодня чего-то совсем поздно хавчик принесли — произнес пленный здоровяк солдат Илья — Я уже успел проголодаться раз десять.

— Просто пища поздно из-за океана прибыла — произнес ему в ответ пленный Владимир, переглянувшись с военнопленным Андреем.

— Заботится он о нас — произнес на удивления и вопросы Фредерика и Джона главный в тюремном лагерном блоке Х19 русский бывший военный Андрей — Мы нужны ему — произнес он двум американцам уплетающих вечерний свой тюремный паек за обе щеки.

— Ему нужен свежий материал для своих опытов и не дряхлый и больной — добавил сидя рядом за столом с пленными двумя американцами Яков.

— Там как я слышал — произнес здоровяк русский пленный Илья, глядя на довольных и как утром и днем снова давящихся вечерним продовольственным пайком американцев. С усмешкой произнес — В медицинском блоке и секторе Х50. Кормят еще отменнее. Этим бы двоим туда. Вот бы я посмеялся от души.

— Все верно — продолжил пленный за него сидящий рядом с ним Владимир — Там же женщины и дети. Там больница и детсад. Там и должно быть лучше.

— Это все эта робот-сучка заботится там о всех — произнес снова, и громко привлекая внимание роботов охранников стоящих у входных ворот Т-600 и Т-700 и всех в блоке Х19 пленных, здоровяк солдат Илья — Эта гребаная сучка из жидкого металла Верта. Это ее личное подведомство. Ее и той силиконовой куклы, робота андроида с живыми человеческими органами. Не за столом будет сказано, дабы не отбить всем вечерний аппетит. Личной подружки Скайнет.

— Юлии — произнес Яков — И она, не совсем робот. Она живая.

— Да без разницы — вставил Илья — Как тот же сектор «ZET». Где живут те иуды предатели. Там внизу глубоко под землей этой базы. Где обучают привычкам и повадкам людским машины.

— Какой еще Верты, Юлии. И что за сектор «ZET»? — произнес пленный американец Джон, на своем языке, когда ему и его товарищу Фредерику все дословно перевели.

— Этих двух лагерных американских кретинов нужно обо всем просвещать — произнес недовольно Илья — Когда, только они базарить по-нашему научатся. Или так и будут из принципа, как все остальные иностранцы трещать по-своему.

— А ты их научи — произнес сидящий с ним за сервированным свежей пищей длинным у стены блока Х19 столом Владимир.

— Научил бы — произнес в ответ Илья — Да руки марать об этих заокеанских патриотов и друзей Джона Коннора не охота.

— Тогда молчи и жуй свой паек Илья — произнес сидящий перед ним пленный военный Андрей — Ты понятия не имеешь, как им там всем в Америке достается. И их счастье, что эти двое здесь сейчас, даже. Как и я.

Там сейчас нет таких лагерей как здесь. Скайнет перевез всех сюда. А там идет война на истребление. И до сих пор. Там по руинам зданий их снесенных ядерными бомбардировками наших ракет, катаются взад и вперед НК-танки. И шагающие машины истребители разных видов и размеров, поддерживаемые новейшими терминаторами киборгами и андроидами. Которые проникают в самые укрепленные районы и оборонительные рубежи американского военного человеческого ополчения и уничтожают всех. И взрослых и детей. А небо как тучами закрыто воздушными охотниками. И там, просто жрать нечего как здесь. Там все прячутся по канализациям и подвалам разрушенных городов. Жрут, что найдут. В основном крыс. И живут как свиньи в грязи, подыхая в этой грязи пачками. Вон они соврать не дадут — произнес Андрей и показал протянутой над длинным столом с едой рукой на двух американцев Джона и Фредерика — Не так как здесь. В этих лагерных тюремных лабораторных блоках. Где можно мыться, хоть целые сутки подряд. Всегда есть холодная чистая вода и горячая вода. Мыло и полотенце. У каждого пленного. Плюс, всегда стиральная чистая одежда. Ты Илья, даже представления не имеешь, что там твориться, а судишь о людях. Джон и Фредерик знают, каково там. И здесь молчат и не особо распространяются о своей Америке. Да их никто и не спрашивает.

— Можно подумать, нам здесь лучше — произнес, снизив обороты и говоря уже тише, видя, что привлек своим громогласным голосом, роботов охранников. И те что-то жужжа и стрекоча друг другу, переговариваются.

— Лучше Илья, лучше — ответил ему Андрей — А про сектор «ZET», скажу, этим двоим, как ты говоришь американским идиотам.

И он продолжил уже на английском — Там ведутся исследования человеческого Я. И людей превращают в машины. Гибриды. И Юлия одна из таких. Она из выбранных пленных. Из детей. Робот гибрид из силиконового тела, прототип гибридов с человеческими органами и Я внутри. Она самый близкий робот к самому Скайнет.

Джон и Фредерик переглянулись удивленно и оторопев от услышанного.

А, Андрей продолжил — Там внизу есть машина по пересадке человеческого Я. Души человеческой в тело подготовленного для этого робота. Я сам был однажды там. И не говорил бы, если бы сам не оказался свидетелем очевидного. Меня, тоже готовили превратить в такой гибрид. И я видел тот сектор и центр обучения киборгов «ZET», своими глазами. Там действительно есть люди, работающие в том секторе и центре Скайнет. Они там белого света не видят, и живут взаперти под нами. И работают на машины и сам Скайнет. Но, я по каким-то причинам им, машинам не подошел. И меня вернули в верхний лагерь.

Со мной общалась та самая Верта. Робот из жидкого металла T-1001. И скажу, это невероятно умная машина. Ее невозможно обмануть или обставить. Она все знает, словно наперед. У нее особая программа. И она далеко неровня этим стоящим у дверей даже не умеющим говорить по-человечески ходячим железякам охранникам.

Все слушали за столом, перестав, даже есть. Особенно все иностранцы. Хорошо понимая, что на английском говорил им пленный русский солдат Андрей.

— Ту еду, что вы сейчас едите — он продолжил — привезла та самая Верта. И она еще что-то привезла с собой. Я видел в окно как через один мост с аэродрома из цитадели Б, сюда в цитадель А, везли большой какой-то на электронных замках бронированный контейнер. Что в нем мне неизвестно, но что-то Скайнет либо задумал, либо снова создает, там внизу у себя. И мне как-то на душе сейчас неспокойно.

Андрей смотрел все на стоящих у дверей X19 роботов охранников. И, рассказывая, старался не привлекать их внимание.

— Ладно — произнес он всем по-русски — Уплетайте свою трапезу.

А американцам произнес — После отбоя еще пообщаемся Джон и Фредерик. Я вам расскажу, как воевал там у вас в Америке с Джоном Коннором. А вы мне поведаете о нем то, чего я не знаю.

Глава 7: Киборг Т-888

15 апреля 2032 года.

Восточная Сибирь.

Подземный ракетный бункер.

В сорока километрах от базы Скайнет.

21: 54 вечера.

В наступающей вечерней темноте, с горящими, как два огненных горящих глаза, гусеничный вездеход на скорости влетел в тоннель и остановился, прямо у железной толстой бронированной и стальной закрытой двери.

Их уже ждали. И двери практически сразу открылись. На пороге стоял главный отряда разведки лейтенант Родион Семенов, со своими людьми. Было видно, что их ждали и не решались ничего решать без их участия.

— Мы бы давно уже пустили бы в расход этих двух — произнес Виктору Кравцову лейтенант Родион Семенов.

— Да, а че не пустили лейтенант?! — прорычал ему в ответ злой и взбешенный тем, кого как видно не особо любил Кравцов — Специально меня ждали!

Кравцов решительным шагом понесся в главный штаб ракетного бункера. Все ели успевали за ним. Гремя своим боевым снаряжением и мелькая белыми маскхалатами среди других одетых в обычную зеленку военных ракетчиков и obsługi бункера.

— Это че приказ самого Остапенко, меня ждать?! — снова произнес, гремя гулко среди бетонных стен бункера своим громким голосом, идя бок, обок и его людьми Семенову, майор Кравцов.

— Да, угадал Виктор — произнес Семенов, назвав Кравцова по имени — Именно ждали. И именно распоряжение Остапенко.

— Что произошло?! — прорычал на ходу Кравцов — Черт вас всех дерит!

— Скоро узнаешь сам в подробностях — произнес Семенов.

Алексей, волнуясь и переживая теперь за брата Ивана, бежал буквально за самой спиной Кравцова. Чуть не налетая на него. И не наступая тому на пятки своими военными ботинками. И рядом с ним бежала Светлана Лескова, Гарик Резвый и односельчанин Федотов Степан. Они не меньше были напуганы произошедшим, и тем чего теперь ждать.

Так они добежали, громяя своим военным барахлом до главного штаба бункера. И майор Кравцов, сам оттолкнув в сторону лейтенанта Родиона Семенова и его людей, открыл нараспашку железную скрипящую дверь и влетел внутрь бывшего центра управления ракетами.

— Ага! — громко произнес полковник Остапенко — Вот и наш майор Кравцов! Только о нем подумал, он и объявился!

— Шутки в сторону, полковник. И к черту ваши приколы! — произнес Кравцов громко, оглашая эхом центральный зал бывшего ракетного управления — Что произошло?!

Кравцов ворвался вместе с лейтенантом Семеновым. Остальных не пустили. Да и ни в чему было им всем быть там, где были старшие офицеры бункера. И Алексей, и Светлана с Гариком Резвым и Степаном Федотовым прижавшись к бетонной стене возле двери, слышали громкие перепалки между Кравцовым и Остапенко. Иногда вмешивался в их

разговор лейтенант Семенов и еще некоторые из этого штаба ракетного бункера другие офицеры. Которых Алексей еще не знал. Как не знал их должностей и обязанностей. Знал, что они крутились исключительно в самом штабе и при полковнике Остапенко. И постоянно совещались. Как тогда, когда речь шла о беглом перебежчике роботе андроиде Т-200 с начинкой Т-800.

Другие солдаты из отряда разведки лейтенанта Родиона Семенова разошлись по бункеру, оставив стоять только здесь троих из отряда молодых и подчиненных самого Кравцова. И Алексей, и Светлана Лескова, как и ее радист, Гарик Резвый стояли под дверями и слушали все, что могли расслышать из-за закрытых дверей их главного штаба ракетного бункера.

— Твою мать, полковник, что произошло?! — продолжал громко кричать майор Кравцов. Что здесь в мое отсутствие стряслось?!

— Успокойся, майор! И возьми сначала себя в руки! — прокричал на него Остапенко — Вообще, распустился! Уже должностей и званий не различаешь! А ну, уймись, майор! А то к черту, снимаю со всех должностей и командования!

— Есть, взять себя в руки — произнес вдруг майор Кравцов, понимая, что как всегда его сгоряча, понесло вразнос — Я успокоился.

— Вот так-то будет лучше — произнес полковник Остапенко — Так будет лучше всем, майор. С горячки, можно и хер сломать, майор. И ты это тоже сам знаешь. Ты толком еще не в курсе, что случилось, а орешь на весь бункер. Понятно, что для тебя как для Буденного, не важно, какой фронт. Главное рубать. Но, тут дело касается твоих подчиненных и их судьба. Ты даже не знаешь, что весь бункер хочет их поставить к стенке.

— За что к стенке? — произнес, нервно сдерживая свой громогласный голос Кравцов — Что они сделали? За что их к стенке? Никто без моего решения и участия никого здесь к стенке не поставит, понял меня полковник. Никто.

— Надо, даже как — произнес полковник Остапенко — Вот мы и решили дождаться тебя майор и решить эту проблему. И с твоим участием.

Алексей даже не заметил как вокруг них троих стоящих у бетонной стены и железной двери собрались другие обитатели ракетного бункера. Наверное, чуть ли не все. И женщины и мужчины. Гражданские и военные.

Удивительно, но все кто был здесь, все были взрослые. И не было детей. Маленьких детей. Только сейчас Алексей задумался как-то на короткое время об этом. Раньше он этому не придавал значение. Ведь были даже кое-кто семейные пары. И в среде военных, и в среде гражданских. Это было заметно по тому, как они держались, все за руки, или обнявшись. Все разных возрастов. От тридцати, сорока и старше. Но совсем маленьких, никого. Ни одного маленького ребенка. Хотя бункер был, достаточно населен, чтобы могли за годы его существования появиться здесь дети. Хотя бы в среде гражданской obsługi бункера. Но Алексей детей ни разу не увидел здесь. Самыми детьми были только по возрасту разве, что они. Он Алексей, Светлана Лескова и все мальчишки из молодых двух наборов. Но им было уже по двадцать с лишним лет.

— Тут, майор Кравцов в твое отсутствие случилось целое ЧП — произнес полковник Остапенко — Погиб Семенцов и вся его творческая научная бригада. Еще трое бойцов из бункера.

— Что произошло? — произнес Кравцов.

— Роботы — произнес полковник Остапенко — Бункер «ВЕТА».

— Я знал, что Семенцов рвался туда и уже давно — произнес Кравцов — Этот андроид его туда увлек.

— Он хотел получить данные по Скайнет — произнес в ответ Кравцову Остапенко — Ему нужны были какие-то там плата и схемы.

— Я вообще еще раньше, предлагал завалить этот древний военных бункер — произнес в ответ Остапенко, сдерживая свой гнев и так и не успокаиваясь Кравцов — Взорвать его хотел к черту. Никто меня не слушал. Все некогда было и не до этого. Вот и случилось.

— Вот и случилось — повторил за Кравцовым Остапенко.

— Значит, нет теперь Палыча и его команды — произнес снова Кравцов.

— И нет троих твоих бойцов, Виктор — добавил Остапенко, назвав Кравцова по имени.

— Значит мои гаврики, точно и тоже погибли — произнес с нервной дрожью в голосе Кравцов.

— И молодой один — произнес полковник Остапенко — Из молодого нового твоего тоже призыва.

— Знаю — произнес Кравцов — А те двое, из выживших. Где они?

— Пока в клетке — ответил на вопрос Кравцова Остапенко — Вот будем теперь решать, что с ними делать. Капитан Руденко сказал, что надо решать этот вопрос с Кравцовым. Так капитан?

— Точно, так, полковник — ответил полковнику Остапенко капитан Руденко.

Алексей это услышав, прижался плотно ухом к щели между бетонной стеной и дверью. У Алексея застучало громко и гулко в груди под военной одеждой сердце. Его даже затрясло от страха за брата Ивана.

Светлана Лескова прижалась к нему и слушала через его плечо в щель двери. А через нее радист Гарик Резвый.

— «Значит и Руденко тут» — подумал, трясаясь от страха и переживая за Ивана Алексей — «Это хорошо, что он тоже тут. Руденко и Кравцов».

В это время послышались быстрые шаги. И Алексей еле успел отскочить от железной двери, чтобы не получить по голове дверью. Когда она нараспашку открылась на виду у всего бункера. И Кравцов в сопровождении Руденко и всего штаба бункера, проскочив мимо молча, Алексея, Светланы Лесковой и Гарика Резвого. Раздвигая руками и собой расступающуюся и так перед ним толпу народа, устремился первым туда, где по-видимому были в заключении его брат Иван и водитель тягача Цыганков Жорик.

Весь бункер устремился следом. Федотов Степан, Алексей, Светлана Лескова, и ес радист Гарик Резвый, отодвинутые на задний план, неслись следом за всеми в самом хвосте всего персонала ракетного бункера.

* * *

Замки отстегнулись с громкими щелчками на огромном стальном черном бронированном танковой сталью, стоящем внутри одной из глухих бетонных подвальных комнат контейнере. На глубине трех этажей секторе В-28, блока Х30, на складе готовой продукции. И двери его сами на автомате разошлись в стороны.

Верта вместе с Юлией подошли ближе к содержимому большого металлического контейнера. В котором висели, вертикально. В закрепленном транспортировочном виде и в

специальных амортизационных креплениях три, рядом бок к боку в полный рост бронированные колтаном новых терминатора робота Т-888. Это были три блестящие боевые эндоскелета самых последних из серии восьмьсот. Куда более продвинутые в программировании и прочнее и сильнее прежних машин этой серии. В каком-то смысле это были даже совершенно новые машины. Хотя и внешне были очень похожи на восьмисотников. Сейчас в Колорадо шло производство уже серии андроид. Т-900. Полностью бронированных и имеющих стальное вокруг гидравлики металлическое тело. И улучшенной их серии андроидов серии К- S1-B1A. И велась разработка целой серии андроидов Т-Х. Разных модификаций и обкатка одного во временной петле Т-Х/S500 «Терминатрикс». В 2009 году. Перед самым началом ядерной войны.

Но, эти были все равно особенные. И не принадлежали по своему проекту к андроидной серии. Там создавались исключительно бойцы на поле боя. И для защиты самой базы «TANTAMIMOS». Хотя, и мощнее, чем Т-888, но уступающие первым в специализации.

Именно эти машины, там, в прошлом сейчас руководят тем, что им оставила и доверила сама Верта. Это ее собственная гордость. Это ее матери Скайнет и ее собственные доработанные модели машин серии восьмьсот. Особенно в программировании и обучении. Почти уже как люди. Легко внедряющиеся в человеческое общество. Скрытно и незаметно. Знающие все о людях и всю их поднаготную. Способные даже заводить семьи и обольщать женщин и мужчин. Внедряться куда угодно по заданной и вложенной в них в их центральный микропроцессор программе. Как агенты в тылу врага. Их изготовление хоть и в небольшом, пока количестве по сравнению с основными боевыми юнитами Скайнет наряду с Т-800 и Т-850 и Т-S1-A и К-S1-A, налажено сейчас там за океаном. На их баз изготавливаются первые образцы роботов-гибридов S1ED и роботов серии ТОК715. А новая биоплоть идет на камуфляж пробных экспериментальных разработок киборгов TS300 с органическим выращенным искусственно скелетом и органической плотью и модели I-950.

И именно они в прошлом, Т-888 строят сейчас там, после бомбардировки в 2009 году базу в Штате Колорадо. Именно Т-888, на протяжении первого периода войны с 2010 по 2020 годы, руководят рабочими машинами Скайнет, готовя ему там бункер. Пока, первые андроиды Т-200, Т-300 и Т-400, ведут войну с разгромленным, но не сдающим в том времени человечеством. Потом продолжают за них роботы Т-600 и Т-700 и ходячие и ползающие кибер-танки. Еще до появления в 2026 году первых восьмисотников и первого робота из жидкого металла Т-1000. И самой Верты Т-1001. Как и ее противоборствующего аппонента Скайнет два Т-1002 и модели Т-1000000. Огромного многоногого охранника Главной догмы Скайнет Главного бункера в Штате Колорадо «TANTAMIMOS» паука из жидкого металла. И еще целой серии разработок на этой основе.

И именно им этим моделям Т-888, суждено было исчезнуть, внезапно в 2025 году, как и появиться снова уже в 2030. На себе замкнув петлю времени. Из которой не было выхода ни машинам и не людям. И первым кто в 1984 году проложил в прошлое Скайнет дорогу, был Т-800, их устаревший предок.

И именно сейчас за спинами воюющих там, в далеком прошлом первых устаревших андроидов, пока идет там, в руинах городов война и жестокое кровопролитное и безжалостное на истребление противостояние роботов и людей. Всего несколько машин из будущего руководят стройкой главного бункера Скайнет и строительством его Главной догмы. Готовя в будущем и свое появление на свет.

Там, где будет само сердце Скайнет. Разделенное, впоследствии на два. Скайнет первый

и Скайнет второй. Как двух непримиримых врагов. Целой сетью, охватив всю землю от севера до юга. Взяв под контроль все, что только было ему под силу. Расположившись и здесь от Урала до Восточной Сибири.

— Какой выбираешь? — произнесла Верта стоящей рядом с ней Юлии — Какой больше тебе нравится?

— Не знаю, даже, Верта — произнесла мягким голосом как человек робот Юлия — Вот этот.

Она, как то не очень уверенно, приподняла, смущаясь свою девичью в золотом браслетике правую руку, произнесла роботу Т-1001. И подошла ближе к подвешенной в крепежах сверкающей бронированным колтаном крайней справа машине.

— Ты рассуждаешь как человеческая женщина, Юлия — произнесла Верта — Ты смущаешься всему и стыдишься даже этого.

— Я и есть, женщина — ответила Верте Юлия — Хоть и стала машиной, подобной вам роботам.

Верта повернулась к Юлии. И подошла, практически, вплотную посмотрев на нее зелеными полиморфа робота заинтересованными любопытными глазами. Она вдруг прижалась к ней и обняла ее. Прижимая ласково и нежно, как только может робот прижать другого робота своими сокрушительными убийственной силы руками. Рассчитывая их прикосновение и давление до микрона на то, что Т-1001 прижимал к себе. Считывая всю информацию с другой машины.

— Ты постоянно думаешь о детях, Юлия — произнесла, прочитав все мысли Юлии, за доли секунды Верта — Ты много проводишь с ними времени?

— Я люблю детей, Верта — произнесла двадцатилетняя по возрасту девочка из силикона и органики.

— Я знаю Юлия — произнесла другая в ответ по-человечески ей машина — Я знаю. И думаешь о мужчине, девочка моя. Я понимаю. Ты, почти уже практически взрослая Юлия.

— Я ведь человек, Верта — произнесла Юлия.

— Я тоже желаю стать, человеком — произнесла робот Верта.

— Но, зачем тебе, Верта это — произнесла Юлия — Тебе даже одежда не нужна. В отличие от меня.

Т-1001, молча, отпустил из объятий второго робота и подошел снова к большому черному контейнеру. В котором, находились три Т-888. И закрыл в этот контейнер бронированные танковой броней двери. Снова щелкнули громко и гулко в бетонном блоке за дверях контейнера замки. И Т-1001 запоролил кодовым именем замок контейнера. И повернулся к другому роботу гибриду.

— Мы все станем людьми, Юлия — произнес Т-1001 — И я и она. Мы будем больше, чем сами люди. Мы новая веха в человеческой истории, девочка моя Юлия. Мы новая эволюция. Я и она, создадим новый мир. Мир без войны и страхов за завтрашний день. Мы избавимся от страхов за здоровье и жизнь наших детей. За родных. Это то, что так не понятно до сих пор людям. И ты Юлия первый тот, кто будет жить на новой планете людей. Новый вид человека. Человека и машины.

— Я человек, Верта — произнесла снова и недовольно Юлия.

— Относительно — произнесла ей Верта — Все относительно Юлия.

Верта, снова подошла к Юлии и прижалась к ней нижней частью своего робота Т-1001, полиморфа пластичным из живого жидкого металла женским телом — К тебе уже не

относится это понятие. В полной степени Юлия. Ты теперь как я, а я хочу быть как ты.

Верта обняла Юлию, снова крепко и нежно, почти как родная любящая старшая сестра. И поцеловала молодую, лет двадцати Юлию, прямо в губы.

Потом оторвалась от поцелуя и произнесла — Завтра ты выберешь первого подопытного, Юлия.

— Я? — Юлия немного даже растерялась — Почему я?

— Именно ты, как земная женщина, выберешь мне подопытного мужчину. Для моего очередного опыта — Верта произнесла стоящему перед ней первому силиконовому прототипу всех органических гибридов.

Робот Т-1001, секунду помолчал, не отрывая взора зеленых, из-под тонких черных изогнутых дугой бровей, похожих на человеческие глаза женщины, красивых из мимикрирующего жидкого полисплава холодных глаз. От синих, не менее красивых глаз. Совсем еще юной, лет двадцати. И, словно живой человекоподобной машины. Взяв ее за руки. И произнес ей — Нет, Юлия. Сделаем так. Мы его вместе выберем, девочка моя. Но сделаем это завтра.

* * *

— Внимание! Всем внимание! Опасность ядерного взрыва! Опасность ядерного взрыва!
НБОБ34 Азимут 90 градусов по сетке координат.

Взрыв поверхностный.

От вспышки до взрыва 90 секунд.

Ширина облака по окружности 1 километр.

Направление облака 2,3 десятых градуса.

— Внимание! Произошел ядерный взрыв!

Радиус зоны поражения ударной волны 40 километров.

Радиус зоны радиационного заражения 3–4 километра.

Координаты эпицентра взрыва NP058680.

Приступить к немедленной эвакуации населения и личного военного состава из зоны радиоактивного заражения.

В настоящий, и в последующие моменты организуются противорадиационные центры. Приступить к работе они смогут через два часа. Всем постоянно проверять показание дозиметра. И определять текущий уровень радиации. При фиксировании высокого уровня радиации немедленно обратиться за медицинской помощью.

— Мамочка! — кричит Алексей и прыгает снова к ней. К протянувшей ему руки своей матери. Он снова прыгает в то окно, в ледяной обжигающий ядерным холодом ветер. И оказывается здесь, и идет по узкому длинному с поворотами отделанному бронеметаллом и пластиком коридору. Он знает куда идет. Это выглядит, может странно, но он знает куда идет. Еще начав свой путь с бетонных коридоров верхних этажей, спустившись на грузовых автоматических лифтах. Эти лифты сами включались и выключались и доставили его на эти нижние бункера Скайнет этажи. И он шел быстро по этому коридору. И знал куда шел. Он шел в главный центральный комплекс управления всей системы. Он видел все. Он видел всех, и все смотрели на него и тянули к нему свои руки. И люди и машины. Каждый хотел

его коснуться, как будто он был чем-то уникальным и особенным. Неким божеством или чем-то вроде этого.

Охранники с оружием расступались перед ним, в подчинении наклоняя свои головы и сверкая красными горящими глазами машин.

Он знал, куда шел. Он шел к ней. И она ждала его. С нетерпением ждала его. Он нужен был ей. Очень нужен. И она не могла без него. Она любила его и ожидала пришествия. Любила как родная земная мать. Они были теперь связаны, связаны одними общими целями и одной жизнью.

Казалось, этот узкий коридор никогда не закончится. Но вот, он уже стоял перед высокими металлическими бронированными дверями. И двери открылись. Он даже услышал, как они открылись. С шипением и с силой. Разжавшись в стороны и открыв перед Алексеем еще одно затемненное, почти не освещенное в отличие длинного коридора обширное помещение, помещение, напичканное электронным оборудованием. Мониторами и компьютеризированными системами. Проводами по стенам, идущими со всех сторон. Из самих бетонных вокруг стен, откуда-то изнутри. Из глубины из самих недр этого громадного многоэтажного бункера. Но он Алексей знал, что эти провода идут из самого сердца сектора X30. Идут оттуда, из области ГАММА X2, сердца самой Мега машины, самой главной машины этого бункера. И он теперь стоял там, где она должна была появиться, несколькими этажами выше, перед ним своим ребенком и своим сыном. На вот том большом центральном мониторе, почти во всю стену перед ним, в глубине этого помещения на противоположной стене. Это место, где он уже не первый раз появлялся перед ней. После того как выпрыгивал из того окна того многоэтажного из кирпича дома под названием Земля, после ядерного удара, и оказывался тут. Где они разговаривали. Где общались. Один на один. Еще до того как он Алексей стал солдатом. Еще тогда, когда жил в своей деревне в верховьях Маны, среди заснеженного леса в своем доме с отцом, мамой и братом Иваном. Он видел этот странный сон без конца и молчал. Он никому его не рассказывал. И этот сон видел и в первую ночь при отбое в бункере, когда стал уже призывником бойцом майора Кравцова.

Алексей хотел рассказать этот сон. Но молчал и не рассказывал. Даже после того случая и встречи с роботом перебежчиком Т-200. Он тогда, вообще опасался такое рассказывать. Мало ли чего могли подумать.

Алексей был очень умным двадцатилетним парнем. И очень понимающим и добрым. Это ему, видимо досталось от своей матери Антонины. Это доброе понимающее сердце. И майор Кравцов его, вероятно из-за этого приблизил к себе, и сделал командиром второго боевого отряда БС 55142 Пион состоявшего из одних мальчишек призывников из двух староверческих сибирских лесных деревень.

И вот снова этот же сон. Снова все повторялось. И одно, и то же. Как некая запись, снова прокручивалась в его голове.

Один раз, правда, ему не довелось до конца его досмотреть. Его разбудила Светлана Лескова в ракетном бункере полковника Гаврилова. Но сейчас никто не мешал, и он его снова видел. Очень четко и совершенно реально. Этот невероятно живой реалистичный сон.

Он Алексей даже и не помнил, когда он стал этот повторяющийся без конца в его мальчишеской памяти сон видеть. С какого раннего момента. Было такое уже ощущение, что он видел его всегда. И, он его заучил от, А до Я. Все начиналось с ядерного удара и заканчивалось уносящим в черноту ночи его ледяным ветром. И потом вот здесь когда открывались двери. И он, входил в эту большую уставленную всю электронным

оборудованием комнату. Обставленную до предела и всю в проводах, идущих по стенам и даже потолкам.

Но, сейчас и кроме него были еще кто-то. Спинами, стоявшие к нему. И стоявшие по обе стороны прохода оставленного между ними. И он был здесь, и теперь был уже не один.

Он не видел их лиц, пока. Они стояли к нему спиной и смотрели на главный монитор, словно не замечая Алексея.

И вдруг вспыхнул яркий свет. Свет отовсюду. Со стен и потолка. И вспыхнул экран монитора и экраны других окружающих этот огромный бетонный отделанный металлом и пластиком зал.

И он Алексей вошел в середину тех, кто стоял перед главным монитором и встал, как и все перед ним.

Алексей посмотрел сначала вправо и увидел стоящих двух женщин. Одну совсем молодую, еще совсем девчонку, возрастом таким же, как и он Алексей. Светловолосую, лишь с легким серым оттенком волнистыми коротко остриженными до плечей в виде каре волосами. Миловидную личиком. Широкою в бедрах и округлых ягодицах. И с полными стройными ногами. Одетую в узкий, из какой-то материи, обтягивающий ее гибкое тоненькое девичье молодое тело, белый длиннорукавый с замками молниями. Практически цельный как у космонавта или аквалангиста комбинезон. И в обуви, похожей на легкие кроссовки или кеды с ровной подошвой. На гибкой узкой талии юной миловидной с алыми полненьким губками особы, был широкий затянутый туго пояс. С большой круглой пряжкой. И она, повернув голову, посмотрела на поравнявшегося с ней в одном ряду Алексея. Первой посмотрела на него, вставшего рядом плечом к ее плечу Алексея.

Она была синеглазой и с широко открытыми красивыми глазами. Лицо белое и с черными тонкими изогнутыми красиво бровями. И девчонка улыбнулась ему, ласково и нежно красивыми юными, вероятно еще не целованными губами. И так как будто она уже его хорошо знала. Вот только он Алексей еще ее не знал. Алексею показалось, она даже теми своими алыми губками потянулась к нему. И следом за ней повернула к нему свою голову вторая женщина. И посмотрела на Алексея пристально, и совершенно не моргая.

Вторая стоящая за ней была старше ее. Лет, наверное, тридцати. Но, тоже очень миловидная на вид женщина. С таким же белым лицом и сильно забранными ото лба к затылку огненно-рыжими вьющимися локонами волосами. Заколотыми красивой золоченой заколкой на самом темени. Сильно оголяя ее высокий женский лоб. И превращенными в длинный до самой ее талии и широких таких же, как и у первой особы женских бедер и ягодиц. Спадающий по ее гибкой узкой женской спине, рыжий вьющийся хвост. Она была выше первой на целую голову. И она, тоже повернула свою голову в сторону на Алексея. И тоже улыбнулась ему красивыми, алыми более яркими, чем у молодой стоящей девчонки тонкими губами.

Стоящая женщина была одета в короткое до колен белое с крылышками на плечах, зауженное на ее талии платье. С красивыми стройными длинными ногами и на высоких каблуках шпильках туфель. Женщина была зеленоглазой. С такими же широко открытыми глазами под дугой круто изогнутых, не в пример первой, очень тонких черных бровей. Руки женщины тоже были голыми. И она левой рукой держала за правую в золотом браслетике руку эту молодую двадцатилетнюю девчонку.

И протянув левую свою руку, двадцатилетняя синеглазая девчонка взяла, тоже его Алексея правую руку и сжала ее крепко и цепко. Как родная сестренка. Сжав его пальцы и

кисть мальчишеской руки в своих девичьих пальчиках. И он почему-то это, именно так почувствовал. Сам не понимая почему. Но он, воспринимал ее, именно сейчас во сне так. Может, потому, что всегда хотел, чтобы у него была сестра. Младшая сестренка. Брат у Алексея уже был, и он хотел еще сестренку. И вот эта молодая двадцатилетняя миловидная особа была словно и именно ей в этом странном его, повторяющемся много раз сне. Но, он увидел ее, как и ту рыжеволосую тридцатилетнюю женщину первый раз. Этот странный и необычный сон, получил свое неожиданное для Алексея продолжение.

Все эти ощущения во сне были странными, но он видел этот сон как настоящую реальность. Осязая все и ощущая все кругом. Даже сам воздух вокруг себя. На глубине этого бункера, чистый и свежий воздух. Идущий по вентиляционным системам с самой поверхности и очищенный профильтрованный, легким ветерком шевелящий русые мальчишеские волнистые коротко остриженные на его голове волосы. И освежая лицо Алексея.

С другой стороны. С левой, его взяли тоже за руку. За левую. И то была рука из сервоприводов и гидравлики. И это напугало его Алексея и он, резко, напугавшись, повернул голову в сторону того, кто его взял слева за руку.

То была машина. Сверкающая блестящим бронированным металлом машина. Робот киборг инфильтратор Т-888. Робот, которого он еще в реальности в глаза не видел, но здесь видел и знал, даже что это за машина. Машина на него не смотрела, но держала крепко, и вырвать руку не было возможности. Как правую теперь, так и левую руку. И он стоял посередине, между роботами машинами Главного Центрального бункера Скайнет. В Главном Центре его управления. В особом месте, куда не было доступа никому, кроме этих машин. Избранных машин и его Алексея.

Киборг взял его Алексея за левую руку и также сжал цепко ее и прочно. Так что вырваться из той мертвой хватки руки робота Алексею было невозможно. Из той хватки цепких металлических пальцев машины. За которой, стояли еще две машины. Два Т-800. И Алексей, почему-то знал, что те машины были в подчинении этой держащей его за руку машины. И они были его и Скайнет охранниками. Охранниками его и этой самой главной в этом бункере Мега машины. И она их собрала сейчас здесь у себя перед собой и этими мониторами в этой комнате.

Вспыхнул ярким светом монитор и из горящего экрана что-то появилось. Сначала замелькали целыми наборами многозначные цифры. Какие-то графики и таблицы, приказы, зашифрованные в каких-то математических формулах, назначения которых Алексей пока не знал. Много, много цифр, целыми рядами просто замелькали на том горящем экране. И из глубины центра самого экрана и мелькающих цифр, пересекающихся длинных линий и цветовых спектров появилось красивое женское лицо, женщины лет тридцати. Черноглазое. Со смуглым оттенком кожи и черными красиво изогнутыми бровями. Это была женская голова. С черными вьющимися, тоже как у стоящей справа такой же тридцатилетней женщины волосами. С тонкими губами. Так похожими, на губы его земной матери. И, вообще лицо было теперь очень похоже на лицо Антонины, матери Алексея. И одновременно на какое-то чужое лицо. Что-то среднее. Оно словно пытаясь ему угодить, меняло свое анатомическое строение, не зная как угодить его вниманию, вниманию совсем еще молодого двадцатилетнего мальчишки.

Раньше он видел на этом экране лицо своей матери Антонины. И он разговаривал с мамой. Порой видел сам себя. И общение с самим собой было довольно увлекательно. Еще и

во сне. Про этот сон он Алексей даже не говорил никому в своей семье. Ни брату, ни отцу, ни матери.

Но, сейчас это лицо было иной женщины. Другой совершенно женщины, лишь отдаленно напомилавшей его родную земную мать. Копирующую его мать. И эта на экране женщина была здесь главной.

И она руководила здесь всем. И была самой главной. Это и был Скайнет. Алексей увидел его. Увидел в своем странном необычном сне, сне рожденным после увиденного, снова ядерного взрыва. И горящего засыпанного серым человеческим пеплом, костями и обугленными трупами города.

Она, копируя его земную мать Антонину, протянув, снова к Алексею свои усыпанные тем пеплом женские руки, снова позвала к себе. И он снова прыгнул с того окна того дома под названием земля. И пролетев в темноте, уносимый ледяным ветром в неизвестность оказался вот в этом бункере и перед ней.

— Мама — произнес во сне Алексей, почему-то назвав первый раз эту женщину мамой — Я пришел к тебе. Ты позвала меня и я пришел.

— Вот и хорошо — произнесла она с экрана большого настенного монитора — Я ждала тебя, мальчик мой. Очень ждала. И ты пришел. Я знала, что ты придешь. Ты, очень нужен мне, Алеша. Мы теперь одна семья. Ты и я. Я и они. Они все и все на земле люди.

— Мама — произнес Алексей — Кто ты? Кто ты такая?

— Я та, кто тебе нужен. И кому ты нужен как сын. Ты мой сын — произнесла женщина с экрана монитора.

Он дернулся. Но не смог сдвинуть ноги с места. Словно ноги вросли в пол. И ноги будто были не его. Ноги были налиты словно железом, и он не мог ими пошевелить.

— Что это?! — прокричал Алексей — Что твориться со мной?!

— То, что и должно, мальчик мой любимый — произнесла женщина с экрана и ее черные как ночь холодные и бесчувственные глаза загорелись красным прожигающим его все тело взглядом как лучом лазера. Эта боль прожгла Алексея все тело. И он пытался вырваться из рук тех, кто держал его. И те, что сейчас его держали, были все машины. Машины Скайнет. Он был в их ловушке. Они смотрели на него и улыбались, молча глядя на его жалкие попытки вырваться и его перерождение из человека в такую же, как они машину.

— Что ты делаешь, Алеша? — произнесла женщина с экрана — Не пытайся ты уже не тот, кто был раньше.

— Отпусти меня! — кричал он дергаясь пытаясь все еще вырваться — Отпусти меня, мама! Что ты творишь со мной?! Зачем это все?!

— Ничего, сын мой — произнесла с горящими красным взором своих пылающих как яркий красный лазер глаз с экрана большого монитора красивая брюнетка женщина. Ее лицо смотрело на него пристально, не отрывая своих горящих тех горящих ослепительным огнем как у роботов глаз.

— Ты тот, кем должен быть. И это неизбежно. Без этого ты не станешь моим сыном — услышал он от той с горящими красным огнем глазами женщины — Это твоя участь и судьба Алеша.

Он с неопишуемым кошмарным ужасом, смотрел на словно вросшие в пол голыми следями свои недвижимые ноги. И они превращались из живых человеческих ног в ноги машины. Алексей только что увидел, что он голоногий и вообще раздетый до ногаты. И его ноги становились такими же, как ноги рядом стоящего Т-888. Они обрастали блестящим

металлом и гидравликой с сервоприводами. И этот процесс продолжался. И Алексей превращался тоже в робота. Процесс происходил с самых ног и вверх к его голове.

Уже вот и его тело стало таким же, как у рядом стоящего робота три восьмерки. И даже Алексей почувствовал как загудели ядерные батареи и генератор внутри его того искусственного и бронированного блестящего металлического тела. И как следом стали такими же руки шея и голова. Превратившись в металлический блестящий робота череп. И как его Алексея глаза вспыхнули таким же, как у той женщины на экране среди мелькающих цифр и программных кодов красным горящим светом, глаз камер в глазницах того его черепа.

— Мама! — прокричал Алексей — За что, мама?! Что ты со мной сотворила, мама?! За что?! Что я сделал такого?! За что?!

— Ты теперь сын мой принял истинную свою проектную сущность и законченную форму — произнесла женщина с горящего на бункерной стене экрана огромного главного монитора — Прими свою истинную сущность как должное.

— Нет! — закричал Алексей, смотря на ту, что назвал матерью через экран уже своего встроенного внутрь его видеобозора новой машины Скайнет 40000000битного монитора.

— Мама! Мамочка! — закричал Алексей, открывая отяжелевшие и слепленные, будто склеенные крепким жутким сном перепуганные человеческие двадцатилетнего мальчишки глаза.

— Алешка, что тобой?! — услышал он, открывая с трудом глаза голос Светланы Лесковой, лежащей с ним рядом в отдельной запертой комнате ракетного бункера. И обхватившей его обеими голыми девичьими руками. Она совершенно голая, прижавшись к его такому же голому телу, лежала на нем сверху и трясла его.

— Что с тобой Алешка! — она кричала ему — Прейди в себя, слышишь, что с тобой! Алешка!

Его колотило, и он был мокрый от пота.

Но Алексей молчал и ничего не говорил ей. Он был в шоке. И он не знал, что и говорить Светлане.

— Что ты молчишь? — произнесла она ему — Может у тебя что-то болит. Может к врачу надо?

— Ничего у меня не болит — произнес он ей, весь мокрый от ледяного пота — Просто сон жуткий приснился.

— Ничего себе жуткий — произнесла, положив Алексею на голую грудь голову с растрепанными и коротко стриженными русыми волосами Лескова — Так кричал, что я проснулась. Хорошо, что мы здесь, а не рядом со всеми. И стены глухие из железобетона. И мокрый весь от своих таких сновидений. Может ты действительно заболел?

Они находились сейчас в комнате, которую сегодня вечером, умыкнули для своих близких нужд и для двоих. И это все Лескова. Она каким-то образом сумела присвоить это место в стороне ото всех. В одном из закоулков их ракетного бункера на нижних этажах. И у нее были ключи от железной двери и замка этой комнаты. Тут были две в углу маленькой этой комнаты, больше похожей на некую вещевую кладовку металлические солдатские кровати, застеленные, как и прочие кровати одинарки на верхних этажах бункера и в спальнях боксах. И составленные, теперь вместе в одну общую и широкую на двоих. И только, теперь Алексей, и Светлана знали об этом их на двоих тайном месте. Даже не знал радист первого отряда БС55141 новичков бойцов Гарик Резвый, который так и терся вокруг

Светланы, и не отходил от нее ни на шаг. Лескова Светлана, она же Багира, нравилась этому мальчишке с армянскими корнями, но Светлана предпочла Алексея. Была ли это любовь с первого взгляда или нет, было не ясно, но Лескова просто приросла к Алексею. И вот занималась с ним любовью в этой тайной комнате. Они потерялись на всю ночь и время общего отбоя для всех в бункере. Даже майор Кравцов сейчас понятия не имел, где они оба. А они был здесь, и занимались любовью. И намаявшись долгими сексуальными любовными оргиями, уснули тут, пока кошмарный сон не пробудил Алексея.

— Сколько уже время? — спросил у Светланы Алексей.

Та, потянувшись как кошка, протянула в темноте к стоящему рядом с солдатскими соединенными вместе кроватями в свежих стеленных простынях столику, из-под синего солдатского теплого одеяла свою девичью левую голую руку, и взяла свои ручные часы с подсветкой и посмотрела на циферблат.

— Три часа ночи, любимый — произнесла любовница Лескова.

— Значит ночь еще — произнес, тяжело дыша, Алексей и прижал руками к себе мокрому потному телу за гибкую девичью талию, лежащую на нем Светлану. Крепко обхватив, чувствуя жаркий ее, прижатый к своему животу жаркий женский с круглым пупком животик. Ее торчащие девичьей маленькой груди соски. И прижатый девичий волосатый лобок на своем лобке и все, что было ниже, и снова готовилось к любовной близости.

— Забудь все Светик — произнес Алексей — Дурацкий сон. Прости за то, что напугал. Сейчас, самое, главное, что с Иваном все утряслось. Молодец Кравцов, что все решил и уломал всех. Ванька теперь Кравцову жизнью обязан за тот поступок. Кравцов всех кого надо отмажет. С его мнением здесь считаются. Твоему Ивану, брату повезло, что есть такой майор Кравцов.

— Да, я ему теперь тоже обязан — произнес Алексей, любясь в почти полной темноте этой малой бетонной бункерной их двоих любовников спальни глазами любовницы своей Светланы Лесковой.

— Он их обоих отмазал от смертного приговора — произнес тихо и мягко своей любовнице Лесковой Алексей — А все, хотели дать им вышку.

— Да, трибунал был бы неизбежен — произнесла любовница Багира — А ты как поступил, если бы попал вот также, как твой старший брат? — спросила тихо и мягким голосом Лескова — Ты бы тоже, наверное, оттуда убежал бы? Только пятки бы засверкали.

— Нет, Светик — произнес ей недовольный таким сравнением Алексей — У меня бы даже мысли не было вот так удрать, когда твоих товарищей роботы мочат.

— Ну да, ты у меня совсем еще мальчишка — произнесла Светлана — Совсем еще глупенький, и не знаешь еще самого страха.

— Ты в меня не веришь, Светик? — возмутился Алексей, глядя в темноте в глаза любовницы Лесковой — Ты думаешь, я брошу своих?

— Да нет, что ты, Лешка — произнесла Лескова, прижимаясь растрепанной русыми волосами. К его мальчишеской голой с торчащими твердыми возбужденными сосками груди — Верю, я верю. Ты мой герой.

Она правой рукой провела по Алексея голому животу и опустила руку с тонкими девичьими пальчиками на его возбужденный торчащий между ног детородный мальчишеский член. Багира застонала видимо, сама возбуждаясь, щупая его мужское между ног причастие любви и все, что было ниже.

Заползала на Алексея своим девичьим голым молодым и гибким в узкой талии телом. Шеркаясь о грудь его своей, тоже возбужденной с торчащими сосками девичьей маленькой грудью.

— Я совсем так не думаю, миленький мой — произнесла она, ему дыша в лицо нежно и жарко — Совсем не думаю.

Потом поднялась над ним, усаживаясь на его мальчишеский торчащий раздувшийся от возбуждения детородный член и раздвигая свои девичьи ноги и поправляя его туда, куда нужно.

— Ладно — произнесла тяжело, и страстно дыша Лескова — Ладно, Мы отвлеклись от нашей главной темы разговора. Да ну, его, вообще нафиг, весь этот разговор. Продолжим. У нас еще ночь впереди перед предстоящей операцией.

— Ты права — произнес, стараясь отвлечься тоже от возникшей ненужной сейчас как бы невзначай, неуместной в их постельных сценах темы.

— Продолжим — произнес Алексей, когда Лескова взгромоздилась снова на его торчащем мальчишеском детородном члене, насаживаясь на него по самый свой волосатый лобок. Широко расставив на постели свои полненькие бедрами ноги. Дико застонав и выгнувшись назад, вперед выставив свой округлый девичий голый с круглым пупком животик. И когда она упала на его грудь своей, снова грудью и лицом припав к лицу Егорова Алексея и своего любовника, он прирос губами к губам Светланы Лесковой.

* * *

16 апреля 2032 года.

Восточная Сибирь.

Бывший Красноярск.

Территория Скайнет.

Лагерь S9A80GB18 «TANTURIOS».

Левый берег. Цитадель А.

Лагерный блок X19.

Сектор В-10.

10:50 утра.

Это произошло в секторе В-10, после завтрака. Когда все пленные лагерного военного блока, где были сосредоточены одни мужчины и военные в прошлом пленники Скайнет находились в свободном бездельном блуждании в самом блоке X19.

Двери открылись в блок X19 и вошли роботы охранники. Четыре Т-600 с ленточными 7,62 мм пулеметами Гаглинга на правой манипуляторе руке. Громко издавая гудящие звуки, и переговариваясь друг с другом, они встали в дверях, направив пулеметы в сторону пленных лагерного блока.

Пленные из военных заволновались и похоже не на шутку. Сбившись в большую кучу, буквально прилипнув, друг к другу они столпились от одной боковой до другой боковой и задней торцевой бетонной стены блока. В несколько рядов друг за другом. Затихнув, и напугано смотря на роботов, которые пришли к ним, и следом, пропуская еще двоих, которые вошли за их спинами, и между охранников, войдя в сам лагерный блок X19.

То были две женщины. Точнее машины женского вида или точнее облика. Они прошли дальше роботов охранников и встали рядом друг с другом, смотря на столпившихся пленных мужчин военных этого блока X19. Блока с собранными здесь исключительно только в прошлом военными. Военными со всего света. Отсортированными принудительно и специально в процессе расселения по лагерным блокам. Этот блок был под постоянным и неустанным обзором и контролем самого Скайнет.

Обе машины совершенно не моргая своими роботов глазами, окинули всех пленных, сканируя и выбирая, молча тех, кого искали для себя.

— Что им нужно? — прошептал пленному и главному в этом блоке пленников Скайнет Андрею, пленный Михаил. Яков молчал и, прижимаясь плечом к самому Михаилу, только смотрел туда, где стояли роботы Т-600 и эти две женщины-машины.

— Не знаю, но также было со мной когда... — не договорил Андрей, когда раздался голос первой вышедшей вперед на несколько шагов, и почти, вплотную приблизившись к первым рядам пленников машины-женщины.

— Тишина! — скомандовала громко как человек первая более высокая, на целую голову, чем вторая машина-женщина. Видимо она была самой тут главной. И все пленные мужчины мгновенно замолчали, лишь перешептываясь друг с другом, и испуганно глядя на двух пришедших к ним в лагерный блок красивых и словно живых роботов.

Мужчины давно не видели живых женщин, и эти их были точными идеальными копиями. Кто-то шепотом пошутил, что не прочь бы пихнуть такую, вот, хоть и искусственную. Что у него зачесалось между ног в тюремных штанах, глядя на ее крутобедрые длинные ножки в серых брючках.

— Мне нужен доброволец — вдруг произнесла главная женщина-робот в женском сером деловом брючном костюме. С прической из распущенных по своим плечам огненно-рыжих вьющихся колечками как горящие огненные змеи волос и косой рыжей опущенной на лоб как нож гильотины челкой. С золотыми сережками в ушах.

— Мне нужен один из вас — произнесла она, уточняя всем пленникам блока X19 мужчинам, стоящим перед ней — Один по доброй воле. Или нам придется выбрать самим принужденного добровольца.

— Гребаная сучка, Верта — произнес тихо и еле слышно солдат Илья — Мразь ублюдочная. Кукла искусственная. На-ка выкуси...

И он протянул из-за спин стоящих перед ним американцами Джона и Фредерика свою увесистую как кувалда, превращенную в фигу сильную солдатскую руку.

В гробовой наступившей внезапно тишине, рыжеволосая и главная робот-женщина, вдруг остановила свой взгляд зеленых холодных глаз на нем. Она услышала его, и это было без сомнений. Она просканировала всех, за считанные секунды и здоровых и больных, всех по своей вложенной в нее лагерной картотеке, и услышала одновременно всех, отфильтровывая их испуганные голоса и шепот. И услышала в свой адрес то, что произнес солдат Илья. И хоть он спрятался за спинами американцев пленников Джона и Фредерика, она вычислила его. Мгновенно и в считанные секунды. И теперь смотрела на Илью ледяным взглядом своих, машины Т-1001 жидкометаллическими, поверх покрытыми биокамуфляжем из живой человеческой ткани, вживленным в полисплав ее металла зелеными широко открытыми глазами. Смотрела на него, словно рентген, прожигая всех впереди его пленников мужчин, буквально сквозь всех перед ним стоящих в несколько рядов пленников.

И он, Илья пожалел, что это произнес. Он понял, что попал. Попал за свой длинный

язык. Когда, в тот же момент рыжеволосая главная робот- женщина в брючном красивом сером приталенном костюме, остановилась у первого ряда, и напротив его здоровяка солдата Илья. Спрятавшегося за спинами американцев пленников Джона и Фредерика.

Женщина лет тридцати, остановилась, широко расставив свои в туфлях на длинной шпильке женские длинные и стройные ноги, посмотрела, словно сквозь всех впереди его стоящих мужчин пленников не моргающим зеленым взором своих робота полиморфа Т-1001 жидко-металлических скопированных как у живого человека глаз. Она, поставив на пояс руки, подошла почти вплотную к первому ряду мужчин. И те инстинктивно от страха, попятнулись назад, давя на задних, и стоящих за их спинами, наступая им на их ноги. Началось заметное нешуточное от страха волнение, и даже паника.

— А ну, тихо! — крикнула машина из жидкого металла на всех и показала роботам охранникам подойти ближе с направленными пулеметами на стоящих пленных блока Х19. Те, именно так и сделали, жужжа что-то между собой и становясь возле Т-1001.

— Тихо! — крикнула Верта — Или я прикажу им стрелять!

Наступила гробовая от страха тишина среди пленников.

Верта повернула голову, и тоже прострекотав на непонятном человеку, а лишь машинам языке, подозвала к себе другую машину женщину. На вид, моложе первой. Лет двадцати. Практически еще совсем девчонку. И, одетую в некий, облегающий ее гибкое, невысокое навскидку, не более метр шестидесяти, девичье с узкой подпоясанной широким поясом, плотно облегающего как у аквалангиста или летчика-космонавта белый комбинезон. И обутую в такие же белые толи кроссовки, толи кеды на молниях замочках, равно, как и ее весь облегающий красиво все ее полненькие бедра ног маленькую девичью грудь, руки и все гибкое узкое в талии тело из какой-то плотной ткани костюм.

Та вторая женоподобная машина, подошла и встала рядом с первой, а Т-600 заводили пулеметами Гаглинга по сторонам, так как бы предупреждая всех, кто хоть дернется, то будет всем каюк. Они не собирались стрелять, но могли, если бы поступила команда от этих двух машин. Не раздумывая и совершенно хладнокровно. Эти четыре охранника могли всех тут положить и превратить в кровавое посеченное месиво своими установленными на их правые гидравлические манипуляторы руки ленточными скорострелками.

— Это ты там! — произнесла, громко крикнув на весь тюремный лагерный блок Верта — Что-то произнес в мой адрес, человек? Как ты меня назвал?! — она продолжила — Я вижу, ты тут главного из себя строишь, здоровяк!

Верта пошла вперед и пленные солдаты мужчины с ужасом на лицах расступались перед женщиной из жидкого металла, расходясь в стороны, и, продолжая, наседать задом друг на друга. Как в стойле дикие животные. Напоминая баранов или овец. Давя задних, и прижимая последних к самим бетонным боковым стенам лагерного блока Х19. Они быстрее старались отскочить в сторону, и освободить идущей как живой ровным решительным и не спешащим шагом таран, стуча высокими шпильками каблуками по бетонному полу блока, и вихляя округлыми в брюках бедрами рыжеволосой женщине-машине.

Михаил с Яковом ели успели отдернуть с ее дороги обомлевших американцев Фредерика и Джона, прижимая их к себе и отойдя в сторону и прижимаясь к другим пленникам.

От ужаса буквально наложив в штаны, солдат Илья, начал пятиться задом. И за его спиной не было уже никого. Все разошлись по сторонам, оставив его одного наедине с рыжеволосой женщиной-роботом, которая шла не торопясь на него, и не спуская с пленного

здоровенного и высоченного солдата, не моргающего взгляда своих зеленых полиморфных глаз. А он пятился к бетонной торцевой стене блока Х19. Обходя стоящие за спиной столы и сдвигая их своей задницей и ногами. Расставив в стороны руки и проглотив язык от ужаса охватившего его, он не мог ничего даже произнести или позвать на помощь. Столь велик был его ужас. Он лишь, начал молиться про себя. Вспоминая все молитвы, какие только знал.

Вперед перед Т-1001 выскочил сам главный в этом блоке пленный солдат Андрей. Преграждая роботу их жидкого полиметалла путь.

— Подождите, прошу вас — произнес он ей — Давайте поговорим, прошу вас.

Но, только и успел он произнести, когда Верта, махнув наотмашь своей рукой, оттолкнула его со своего пути как невесомую пушинку, и он отлетел в сторону и упал под ноги своих по лагерному блоку пленных товарищей. Она даже, не посмотрела на упавшего и, ускорив шаг, мгновенно настигла и ударила в грудь правой своей робота рукой пленного здоровяка солдата Илью, рукой сложенной кулаком. Верта нанесла удар в живот. Как боксер, прямым точечным в одну точку одинарным ударом. Тот отлетел к торцевой стене. До которой оставалось, всего, чуть более, двух метров. Роняя и опрокидывая металлические стоящие по сторонам стулья. И ударился спиной о бетонную стену. Удар был довольно сильный, и он сбил здоровяка Илью в метр девяносто ростом и весом в сто килограмм с его крепких мужских ног. Он, ударился с такой силой, что казалось, обрушится сама бетонная стена, и он вылетит наружу, на саму улицу за пределы лагерной этой тюремной клетки. Но этого не произошло и Илья, просто сполз по бетонной торцевой стене на пол лагерного блока, задыхаясь от удара, и пытаясь прийти в себя, хватая воздух широко открытым ртом.

Это был удар в минимальную силу, рассчитанную машиной для этого удара, чтобы сразу не убить человека. Но, снести его с ног. Рассчитав с четкой педантичностью до миллиметра его вес и собственную силу.

Рядом с Т-1001, появилась вторая машина. Практически молниеносно. Никто даже заметить не успел, как она оказалась рядом с первой машиной.

— Я выбираю этого! — произнесла, почти прокричав громко на весь лагерный блок, быстро и по-человечески молодая девчонка в белом комбинезоне. Схватив робота полиморфа за ее правую руку. Которая превратилась, мгновенно в блестящее обоюдоострое остроконечное длинное из практически живого подвижного текучего пластичного металла в затвердевшее на молекулярном уровне сокрушительное лезвие. Прямо из правой вытянутой к лицу Ильи руки робота Т-1001. Из изящной тонкой с длинными красивыми пальцами женской кисти робота, и рукава ее из того же металла, скопированного на молекулярном уровне ее боевой стратегической вложенной программой серого брючного костюма. Сжимая мертвой хваткой жидкий металл. Который выполз вокруг и между ее тонких робота андроида из силикона и живой внутренней органики Т-S/A017 и внутреннего титанового металлического эндоскелета гидравлических в сервоприводах пальцев.

На миленьком девичьем из эластичного мягкого как кожа человека нарощенного вместо той кожи силикона поверх титанового черепа лице машины, выразился весь ожидаемый неопишуемый кошмарный ужас будущего убийства.

— Я выбираю его! — произнесла еще раз громко Юлия — Верта, молю тебя, не надо!

— Он, тварь неблагодарная — произнесла Верта, повернув на нее свою в злобной гримасе взбешенной машины рыжеволосую голову. И их взгляды глаз встретились. Считывая мысли и все вероятные варианты ожидаемой трагедии и возможности избежать этого. Передавая свои мысли друг другу на уровне нейронной телепатии своих встроенных в них

ЦПУ.

— Он много наговорил гадостей в адрес нашего хозяина — произнесла, наконец, первой и вслух как человек, а не робот Верта — И я накажу его. Я давно уже хотела его убить. Эта тварь человеческая, давно здесь мутит воду и баламутит всех. Я долго терпела его выходки и следила за ним, но теперь, я просто убью его и покончу с этими беспорядками.

— Нет, Верта, молю не надо, остановись. Ты же моя подруга. Послушай меня — произнесла, уже спокойнее Юлия — Ты говорила, я могу выбрать. И я выбираю его.

— Ладно — Т-1001 посмотрел, не моргая зелеными полиморфными глазами робота из жидкого металла в синие глаза робота-гибрида из силикона и живых органов T-S/A017 (Latex Skin Prototype), понимая все, и идя на уступки другой машине — Может это излечит этого человеческого ублюдка.

Берем этого — произнес Т-1001, убирая от лица поверженного и упавшего на бетонный пол пленника, свою превратившуюся, снова из острого сокрушительного лезвия в человеческую, вместе с рукавом серого делового женского брючного костюма жидкометаллическую руку.

Т-1001 отошел от лежащего и все еще пытающегося восстановить дыхание пленного здоровяка Ильи. Стоя перед ним во весь рост, и также широко расставив свои в брюках серого жидкометаллического костюма и на высоких шпильках каблуках длинные красивые стройные женские робота полиморфа ноги.

— И не смей меня больше хватать за руку, Юлия — произнесла недовольно Верта своей по бункеру роботу подруге. Сверкнув предупредительно зелеными глазами робота Т-1001 глазами в сторону другой женщины-машины — Я ясно, надеюсь, выразилась и по-человечески, а не как машина. И Верта прострекотала на языке машин своим подчиненным охранникам лагеря старым Т-600. И двое из них, быстро шагая, и гремя на весь лагерный тюремный блок железными гидравлическими роботом ногами. Подойдя, схватили пленного солдата здоровяка Илью с двух сторон, подняв, мгновенно с земли как будто тот ничего совсем не весил. Один за шиворот его пленника лагерной одежды, второй за правую руку своими гидравлическими машин сильными руками и потащили, волоком, толкая впереди себя. Мимо перепуганных всех пленников этого лагерного блока Х19. И мимо, остановившихся напротив, поднявшегося на ноги с пола военнопленного и главного в этом блоке солдата Андрея, Т-1001 и робота Т-S/A017.

— Я знаю тебя — произнесла Верта — Ты был уже у меня, там внизу в моей лаборатории. Ты тогда отказался присоединиться к ученым сектора «ZET». Я подняла, только что, всю лагерную картотеку и нашла тебя. Машины докладывают ты главный здесь. Так вот следи здесь за порядком пленный солдат Андрей. А я буду следить за тобой.

— Думаешь, мы из-за всего этого будем любить друг друга? — произнес, смело и практически нагло, словно не боясь ничего уже Андрей, и поправляя на себе пленного одежду- Особенно после того, что сейчас было.

— Кто его знает? Пленный под номером АВN 007855656. Белов Андрей Геннадьевич специальный секретный агент Советской разведки в Соединенных Штатах Америки. И солдат американского боевого подразделения Лос-Анжелеса техком DN 38416, самого Джона Коннора. Кто знает? Кто знает?

Верта сверкнула полиморфными зелеными своими из жидкого металла холодными бесчувственными совершенно, но заинтересованными на стоящего перед ней человека глазами. Посмотрев на него сверху вниз и обратно. Словно измеряла его и ширь и в длину.

Потом посмотрев на стоящую рядом Юлию, сказала — Идем. Нам больше здесь нечего, пока делать. Нас ждет работа.

Две машины Скайнет пошли бок обок мимо расступившихся пленных блока Х19. Сопровождаемые роботами охранниками Т-600, в их окружении они покинули лагерный блок и с грохотом на гидравлике, закрылись на все замки входные двустворчатые из титана двери.

— Это че, робот? — произнес за спиной Андрея кто-то из пленных. Видимо, так и не доперевший еще, что тут все-таки было.

— Самый настоящий — произнес, даже не оглянувшись на говорящего, за его спиной, пленный солдат Андрей.

— Че, робот-баба? — снова, кто-то спросил за спиной Андрея.

— Ты, че, это так и не понял? — кто-то, за спиной Андрея произнес, спросившему, передразнивая того в ответ.

— Две робот-бабы — за Андрея уже ответил, подойдя к Андрею пленный Михаил.

— Вы, видно здесь недавно. И таких машин не видели — произнес Андрей, обернувшись к спрашивающим в обступившей его, Якова и Михаила толпе пленников военных мужчин.

— Кто она? — его спрашивая, окружили пленные.

— Робот из жидкого металла — произнес Андрей — Один из самых умных и опасных видов всех машин и роботов Скайнет.

— И ты не испугался, когда встал у нее на дороге?! — произнес невысокого роста человек с широким шрамом на щеке. Выражая Андрею восторженное свое как военный восхищение.

— Я знаю ее — произнес военнопленный Андрей — Знаю, лучше всех вас. И она, знает меня. И меня без надобности бы не убила. У нее свои принципиальные, почти как у человека правила, и она никогда от них не отступает, как другие машины. И она хорошо знает меня.

— Ты нравишься ей — вдруг заметил из обступивших Андрея и теперь стоящего вместе с ним Якова и Михаила еще один крепкого телосложения мужчина лет сорока. Возможно десантник в прошлом или морпех — Как мужик бабе, и это точно. Я видел, как она смотрела на тебя. Словно, хотела сожрать с потрохами. Это не машина. Эта горячая штучка, это не просто робот, а робот-чертовка. Она бы не убила тебя, я это видел в ее глазах. Это точно.

Андрей промолчал лишь, все, поправляя свою лагерного пленного одежду и думая об Илье.

— Я еще не видел, чтобы роботы могли вот так из-за жизни и смерти человека договориться — произнес пленник со шрамом — Обычно все лаконично и однозначно. И это что-то необычное и новое для машин.

— Для невероятно продвинутых машин — произнес всем громко пленный военный Андрей — Я не смог его спасти. Ему конец.

— Что сейчас с Ильей будет? — произнес Яков Андрею.

— То, что не смогли сделать со мной — ответил Якову Андрей — Верта пощадила меня. Почему я сам не знаю. Может, я и вправду понравился ей. Но она со мной ничего не сделала. А ему конец. Эти машины способны даже читать мысли. Илью подвел его дурной язык. Он обречен. Она, Верта его не пожалеет как меня.

— Я, есть таких видеть машин — произнес, ломано на русском пленный американец Фредерик. Он уже, как и Джон постигали азы русского языка, и стал смелее вести себя среди

пленных — Там в Лос-Анжелес. Когда воевать с Джоном Коннором. Один такой машин видеть. Джон видеть тоже. Коннор потерять, такой машин в океане. Из-за такой машин, мы здесь и оказаться.

— Я слышал эту историю — произнес пленный русский Андрей — Уже здесь в этом лагере. Потеряли в Тихом океане атомную лодку и контейнер с роботом тысячной серии. Любопытство до добра не доводит. Илья, какого ты черта рот свой раскрыл. Вот дурак — произнес, все, думая о боевом пленном лагерном товарище Андрей — Кто тебя за язык то тянул.

Глава 8: Труп в трех соснах

16 апреля 2032 года.

Восточная Сибирь.

Подземный ракетный бункер.

В сорока километрах от базы Скайнет.

10: 58 утра.

Наверное, только они одни в ракетном бункере не спали. Всю ночь. До полного утреннего рассвета. Часов до десяти вынашивая совместную двух ракетных бункеров операцию.

Это все приказ из главного штаба на Урале. И это все тот Гавриловский робот. Это робот мутил все воду. И Кравцову это не нравилось. Не нравилось вообще все. Вся эта предстоящая операция. Может она и носила смысл, но Кравцову это все было не по душе. И особенно тот в бункере полковника Гаврилова тот робот. Робот, о котором никто ничего толком не знал. Робот неизвестной конструкции и более того встроенных в его Центральный Процессор программ и директив. И тем самым он был опасен, по мнению майора Кравцова вдвойне.

Кравцов ненавидел машины. Все без исключения. И он был не против нападения на Скайнет и его роботов. Но, эта операция казалась ему ошибочной и губительной. Он пытался вставить слово, но его никто не слушал.

Сам полковник Остапенко отдал приказ всем готовиться к предстоящей крайне рискованной, по мнению Кравцова боевой операции. По захвату нового НК-танка. Здоровенной бронированной титаном машины. Единственной машины, которую зачем-то везли через лес и по специально проложенной Скайнет железной дороге на его Главную базу на месте разрушенного атомной бомбардировкой города Красноярска.

Скайнет имел несколько построенных таких усиленных особой прочности железных дорог. Дороги три. Одну идущую до его лабораторной базы «TANTURIOS» с самого Дальнего востока. По слухам, аж от самого Тихого океана. Говорили что от стен вымершего полуразрушенного Владивостока. От его заброшенных портов. Вторую, уходящую от стен крепостной цитадели в сторону испарившегося в этой ядерной войне полностью Китая и всего что южнее, до самого Индийского океана. И вот третью, идущую откуда-то со стороны Европы, через Урал и Уральские горы и по тайге до самого бывшего стертого атомной войной Красноярска.

Это у майора Кравцова вызывало еще большее подозрение, чем те две железные дороги, что шли с других районов планеты. Как и сама операция по захвату этого весьма соблазнительного мощного боевого трофея.

Кравцов жалел, что сейчас не было его «горячо любимого» врача, биолога, программиста, еще и техника бункера и ученого Палыча Семенцова и его научной гопбригады. Интересно чтобы тот сейчас ответил ему на эту тему. Наверное, запрыгал бы от радости, что случится такая возможность лицезреть настоящий боевой НК-танк самого Скайнет. Забыл бы, наверное, про тот свой губительный роковой поход в бункер «ВЕТА».

Здесь в оттаявшей ото льдов и снегов ядерной многолетней зимы Сибири, это уникальное явление. Практически легендарное явление, появление настоящего военного

гусеничного НК-танка. Причем в единичном экземпляре. И тем цель более соблазнительная для всех повстанцев из сопротивления, чем даже захваченный в плен любой продвинутый робот Скайнет. Даже восьмисотник. Хотя Т-800, еще не доводилось взять живым. И он тоже был редкостью здесь в Сибири. Но на базе S9A80GB18 «TANTURIOS», говорили, был целый склад таковых в недрах самой базы. Где-то на самом дне лабораторных комплексов. Там, где само сердце Скайнет. И их тоже, никто не видел еще. И это все только по сводкам военных из главного штабного центра на Урале. Но кибертанк это было целой стихийной разлетевшейся по всем ракетным бункерам новостью. И это все тот робот. Робот, к которому у Кравцова не было никакого совершенно доверия. Больше того, он вообще это считал авантюрой, захват таковой громадной машины, прямо на железнодорожной платформе. Хоть и поступила информация, что прикрытия почти не будет. Мол, Скайнет уже давно не испытывал на себе нападений повстанцев из русского сопротивления здесь. И поэтому мол, несколько расслабился. Все последние конвой вообще ходили практически без прикрытия. Некоторые исчезли бесследно посреди леса на дорогах. И, тем не менее, Скайнет не сделал почему-то своих на этот счет выводов. И все это настораживало майора Кравцова в отличие от всех остальных.

Он высказывал свое в ракетном бункере мнение, но его сейчас никто слушать не хотел. Все загорелись желанием захватить эту здоровенную роботонизированную управляемую программами машину. И все предложения майора Кравцова были полковником Остапенко и офицерским штабом бункера проигнорированы. К тому же он заступился за трусов, сбежавших и бросивших своих товарищей, потому, что им было страшно, и отстоял их. А многие хотели их поставить по военному времени к стенке. Не смотря на то даже, что один был совсем еще мальчишка и не обстреленный желторотик. И тем не менее. Но Кравцов заступился за них, буквально грудью выгораживая брата Алексея Егорова Ивана и того водителя гусеничного вездехода. И их отправили в боевой военизированный отряд спецназначения на речную плотину. К майору Ващенко. В забарикадированной там отряд под стенами на месте города Дивногорска, крепостной железобетонной цитадели Скайнет S9A80GB15 «ЗЕТТА-ТЕТ».

Что Кравцов отмажет его брата Ивана, Алексей верил в это как верил в майора Кравцова. Он для него был единственным теперь и почти близким человеком и командиром в ракетном бункере. Кравцов сразу приблизил к себе Алексея. И было видно, что относился к нему как почти к родному сыну. И он знал всегда, что Кравцов выкрутится из любой сложной ситуации. Он сумел отмазать от расстрела Ивана и того водителя гусеничного тягача.

И теперь, предстояла скрытая очередная большая операция по захвату машины Скайнет. Единственной в своем роде, огромной машины истребительного штурмового класса и здесь появившейся в восточной Сибири. И, переправленной через Атлантику на специальном морском роботе транспортнике и через выгоревшую всю от ядерного удара вымершую практически Европу.

Зачем здесь появился этот огромный гусеничный робот Скайнет, было вообще не до конца ясно, но он прибыл из-за океана, прямо с главной базы «TANTAMIMOS» и ехал по железной дороге через Урал напрямик в «TANTURIOS». Минуя горные районы по глубоким пробуренным бурильными машинами туннелям. Почти напрямую. Вероятно, Скайнет решил создать здесь новую оборону. Усиливая ее НК-танками. Возможно это только первая такая здесь появившаяся машина. И возможно не единственная еще машина, которую привезут

сюда. И тогда о какой-либо победе вообще можно не мечтать. И оба ракетных бункера готовились к захвату НК-танка Скайнет.

Полковник Гаврилов говорил, полковнику Остапенко, что это поможет пробиться в крепость Скайнет. По крайней мере, поразить ее оборонительные турели и протаранить ворота лабораторного комплекса S9A80GB18.

Если удастся захватить танк, то и удастся, пробиться в цитадель Б. С последующим захватом цитадели А. И освобождение там всех пленных.

Но Кравцову это все не особо нравилось. Здесь было что-то не до конца все так ясно. И все подозрительно. И за всем этим стоял тот неизвестный толком никому прибывший из штаба на Урале робот. Якобы прилетевший на машине времени из будущего, где по его словам повстанцы должны были одержать победу. И эта победа закладывалась именно здесь. И начало ее должно было состояться с захватом нового автоматического НК-танка V5.

Гаврилов прибыл в этот ракетный бункер со своими бойцами, отобранными специально для этой операции. Робота с ним не было. Он готовил остальных бойцов в том Гавриловском бункере. Гаврилов доверил ему это, работу. И его подчиненные почему-то согласились на инструктаж неизвестной машины неизвестной конструкции.

Вообще было много разговоров о роботах перебежчиках или перепрошитых машин Скайнет, которые работали на сопротивление. Те, что перепрограммированные людьми были естественно на большем доверии, чем машины добровольцы, вставшие на путь людей и воюющих против Скайнет, были более понятны майору Кравцову. Но вот добровольцы... А эта машина вообще прибыла не известно откуда...

Кравцову все это не нравилось. И не нравилось все, это неведение. То, что он совершенно не знал и эти приказы из Главного штаба на Урале. Но, пришлось идти в подчинение и готовить своих бойцов и из молодого набора обоих отрядов под его командованием. И во главе с лейтенантом Кругловым. Капитана Руденко и лейтенанта Семенова с отрядом разведчиков, оставили охранять ракетный бункер и все содержимое бункера и всю службу с радистами. А все остальные наострили свои военные на длинной шнурованной голяжке и толстой шипованной подошве ботинки. И, взяв мощное плазменное и стрелковое бронбойное и зажигательное вооружение, запрыгнув в три гусеничных вездехода, готовились к долгой лесной межгорной не безопасной поездке.

Все ветераны. Их набралось не более двадцати из обоих бункеров и два отряда молодых бойцов новобранцев. И из отряда майора Кравцова БС55141 Роза и БС55142 Пион. Всего сорок человек, плюс все командиры. Сам полковник Гаврилов и полковник Остапенко. Майор Кравцов и капитан Шиловский из бункера полковника Гаврилова.

Все сейчас хорошо усаживались в кузов друг к другу, поглядывая с недоверием друг на друга. Ветераны на молодых, молодые на ветеранов. Бункер Гаврилова на бункер Остапенко.

Алексей уселся с Светланой Лесковой и своим односельчанином и другом Федотовым Степаном.

Вскоре завелись двигатели двух крытых брезентовыми тентами легкие АТ-Л, и прогреваясь нагнали много черного душного едкого дыма у выхода из стен и ворот ракетного бункера. Соляра сильно коптила, и дышать уже становилось невыносимо. И вскоре открылись ворота. Громко заскрипев, большие те ворота открылись.

И один за другим, гусеничные машины загруженные военными ракетчиками и вооружением выехали из глубокого бункерного тоннеля и понеслись по протоптанной уже давно их гусеницами по межгорью дороге.

ОУ НК- MINI HANTER дикообразный маленький разведчик, обшаривал окрестности возле ворот ракетного бункера. Стараясь как можно меньше издавать шума и шныряя, ловко и очень низко над поверхностью земли. И прячась среди густого кустарника, гудя своим пятилопастным пропеллером, робот разведчик, сканировал все, вокруг выполняя естественную свою поисковую задачу слежения. Он был не один из трех выпущенных с ОУ НК- AERIAL V5, воздушного охотника, парящего над горами вблизи скрытого под землей военного убежища.

Его туда отправил их командир лейтенант ракетных войск Василий Смирнов, робот-киборг Т-800. С постоянной задачей следить постоянно и неотступно за окрестностями у входа ракетного бункера. Следить за всем, что там происходит и скрытно, докладывая обо всем ему по прямой связи, либо на борт летающего охотника и собирая и анализируя ситуацию.

Т-800 вел неотступно постоянную слежку за ракетным бункером, в котором находилась его непосредственная и искомая цель. И задача, которую он обязан был по своей заложенной Скайнет в него программе выполнить.

Было уже три часа дня когда из ракетного военного бункера выскочили три гусеничных тягача, и разведчик ОУНК-AERIAL V5 и робот-киборг Т-800, засек это. Мгновенно и сразу. Еще распознав гудение звуков двигателей за толстыми бронированными железными воротами ракетного бункера. Он, включив биосканеры и звуковые свои распознавательные сенсоры, заметил движение за самими закрытыми еще воротами бункера.

ОУ MINI HANTER, передал все вместе с изображением своего дисплея на борт ОУ охотника и на сенсоры самого Т-800, в облике Советского ракетчика Василия Смирнова. И тот, находясь рядом с сидящим на выдвижных опорах манипуляторах шасси среди высоких толстокорых сибирских сосен, рассматривал бункер тот издали с противоположного склона горы. Приближая и удаляя на своем встроенном внутри его головы коммуникационном дисплее, 20000000битном видеомониторе, оглядывая все пространство и лес с горой. И постоянно день, и ночь неустанно, неся боевое дежурство следил за прилежащим к бункеру пространством.

Т-800 видел все вокруг и всю напротив него высокую со скалами утесами гору. Видел, как однажды по горе среди зеленеющих елей пробежали два большерогих и молодых марала самца.

Он видел это первый раз и включил свою внутри своего ЦПУ всю по животным картотеку. И, пролистав за секунды ее всю, нашел этих грациозных красивых длинноногих и мощных рогатых животных. Которые не представляли для машины опасности.

Т-800 проводил их своими красными, горящими под глазами человеческими яблоками и синими глазами подвижными видеокамерами, на минуту отвлекаясь на этих красивых животных, и снова включился в свою поисковую работу.

Машина отметила состояние всей природы в своих сенсорах. И сделав анализ пробы воздуха. Отметив повышенное содержание в самом воздухе азота. И посмотрел на стоящее над горами яркое желтое солнце, которое одаривало теплом зеленеющие оттаявшие от снега горы. Робот отметил повышенную светилу яркость своими встроенными датчиками и дневную стоящую нарастающую температуру. Было три часа дня и было в плюсе градусов 12

по Цельсию. И температура росла. На градус повышаясь. Стремительно. И киборг поменял свою верхнюю на человеческом биологическом теле военную форму. Из камуфляжной белой на зеленую военную и сливаясь с цветущей травой и кустарниками.

Он стоял недалеко от своего летающего собрата охотника у ствола высокой черной корой сосны и смотрел во все стороны, ведя наблюдение за всем впереди, и получал сигналы слежения от своих разведчиков.

И вот получил сигнал, с одного из них за нарастающим движением за воротами бункера и гудением двигателей вездеходов. И самое главное шпион и разведчик ОУ MINI HANTER доложил о присутствии искомой поисковой цели в одном из таких вездеходов. И Т-800, приказал дальше вести слежение за целью, но держаться на недостижимом малозаметном расстоянии и преследовать эту цель. Передавая данные постоянно на его Главный микропроцессор и на ОУ НК-AERIAL V5.

Киборг отдал приказ и другим поисковым малым разведчикам машинам, следовать тем же маршрутом, а сам, поправив снова за спиной свой с оптикой ВАЛ и на ремне кобуру с пистолетом ГШ-18, быстро обернувшись и продираясь через кусты цветущего раскидистого ветками колючего горного шиповника, буквально бегом вбежал внутрь задней грузовой аппарели ОУ- воздушного охотника и отдал приказ машине следовать по заданному им маршруту и по воздуху. Держась на приличном не заметном отдалении, сохраняя ровную сравнительно невысокую скорость, и прижимаясь к самым макушкам деревьев, следовать за искомой тоже целью.

ОУ НК-AERIAL V5, запустив свои три реактивные поворотные цилиндрически роторные турбины, мгновенно буквально взлетел над лесом и озаренными солнечным весенним теплом горами. Он, направив свои плазменные 20 и 30мм скорострельные пушки CBS-250 в сторону земли, полетел следом за уходящими вдаль по проторенной межгорной лесной дороге трем заполненными вооруженными ракетчиками повстанцами гусеничным вездеходам.

* * *

Они летели по дороге между гор. Их путь лежал в сторону бункера полковника Гаврилова. И все шло как по расписанию. Это в двадцати километрах от базы Скайнет. Ближе были только подземные от бункеров тоннели, которыми Гавриловские ополченцы ракетчики могли время от времени пользоваться, ведя разведывательные довольно рискованные вылазки. Это было действительно довольно опасно, приближаться ближе чем на километр к самой базе S9A80GB18 «TANTURIOS». Скайнет прощаривал постоянно зондировал биорадарами посекторно все, что на земле и под землей. Только еще ночью можно было подобраться под самые стены базы и этим могли похвастаться немногие в бункере Гаврилова.

В основном все эти длинные подземные переходы были завалены металлическим мусором, и даже заварены толстым бронированным железом с такими же на внутренних замках и засовах дверями. Так, что проход был перекрыт повсеместно и везде. И доступ машинам был тоже закрыт по этим туннелям в сторону самого ракетного бункера Гаврилова. И эти места охранялись дозорными и постоянно день и ночь. Там все время горели костры. И горел под землей мерцающий слабым напряжением от ядерных трофейных батареей свет.

От такого же ядерного от трофейных роботов генератора. Если бы не трофеи, то во всех бункерах не было бы вообще освещения. Только огонь от горящих костров. И было бы холодно как в любом сыром подземелье. Среди железобетона и просто железа.

И вот три уже гусеничных вездехода летели по направлению к бункеру полковника Гаврилова. Там к ним должны были присоединиться еще несколько человек и сам тот неизвестный майору Кравцову, как и всему его бункеру робот. Робот изменник Скайнет. Как его окрестили между собой ракетчики. Якобы намеренный всеми своими усилиями машины помогать русским ракетчикам в победе над Супермашиной, искусственным противоборствующим человечеству интеллектом.

* * *

16 апреля 2032 года.

Восточная Сибирь.

Недалеко от бункера полковника Гаврилова.

В тридцати пяти километрах от базы Скайнет.

11:53 утра.

Старики хвастались своим стволами перед молодыми мальчишками. Сидя в кузове с пятнистым под летнюю маскировочную зеленку тентом они нахваливали каждый свое оружие.

В основном хвастались огнестрелом. Пистолетами и автоматами.

Особенно хвастались старики ветераны из бункера Гаврилова. У стариков были более продвинутые стволы. Они хвастались перед стариками бункера полковника Остапенко. Ну и молодым заодно. Хвастались новенькими автоматическими винтовками ВАЛ и Винторезами. Показывая качественную Советскую оптику и даже бронебойные зажигательные патроны к ним. В сравнении с Гавриловскими ракетчиками стрелками ветеранами, ракетчики полковника Остапенко были в большей степени вооружены автоматами Калашникова. Правда все с подвесами под гранаты ВОГ, и пламегасителями, глушителями и оптикой не хуже, чем на автоматических системах ВАЛ и Винторез. Молодые не стреленные еще пацаны из отряда Алексея БС55142, хлопали ушами и с любопытством слушали стариков ветеранов и их хвастовство.

— Товарищ майор — обратился из-за спины майора Кравцова, сидящего к нему спиной впереди на сиденье рядом с водителем гусеничного летящего по межгорной лесистой дороге Павликом Морозовым Алексей.

— Что тебе Егоров — спросил в ответ ему майор Кравцов.

— Товарищ майор, а брат Иван, долго пробудет там в том отряде Ващенко на той речной плотине?

— Соскучился по брату? — произнес вопросительно Майор Кравцов.

— Да, соскучился, товарищ майор — произнес Алексей.

Рядом сидела Светлана Лескова. Она толкнула в бок Алексея локтем, и было видно ей, что-то из всего этого не понравилось. Что, Алексей так и не понял и не поймет никогда. Она была на взводе каком-то сейчас и нервничала. Что с ней происходило, Алексей не мог понять. С самого подъема.

Может, осталась неудовлетворенной за всю ночь. Может еще что?...

Но Багира была не на своем с утра месте, как обычно. Она затыкала, уже на нет своего радиста отряда БС55141 Гарика Резвого. И тот не знал, куда смыться от нее и за чью спину спрятаться. И на Алексея она как-то дико и ненормально теперь жестко смотрела, будто о т него чего-то хотела. Но чего? Алексей понятия не имел.

Вот и сейчас, она ткнула его локтем в бок и косо посмотрела на то, что он так, почти по-товарищески стал общаться с майором Кравцовым.

— «Это, наверное, брат Иван?» — подумал Алексей. Его поступок задел Лескову и отразился на Алексее. И такая забота о брате трусе, в ее понимании могло подействовать на Багиру.

Иван не был трусом, но он, как и Алексей были еще не обстреленные и не видели самой войны. И такое могло произойти с каждым новобранцем и призывником. Но Багира воспринимала тот поступок с той «ВЕТОЙ», где погибли несколько человек, а Иван и тот водитель тягача уцелели и бежали, оттуда спасая свою жизнь, бросив товарищей крайне негативно. И, видно было еще в ракетном бункере, как она также негативно восприняла заступничество майора Кравцова за своего бойца и брата Ивана и смог их выгородить перед целым военным отрядом. Когда за такое ставили к стенке. И наверное, хорошо, что Ивана как и того водителя отправили в тот другой на Дивногорской плотине отряд майора Ващенко, под стенами цитадели «ЗЕТТА-ТЕТ».

Одним словом с Багирой что-то с утра и общего подъема творилось. Возможно, она просто нервничала перед предстоящим, вероятным сражением.

Алексей спросил ее, что с ней? Но она ничего ему не ответила, а только отвернулась на бойцов отряда полковника Гаврилова, улыбаясь кому-то там из них. И это Алексею было неприятно, но он молчал, теперь и только смотрел на свое оружие. Винтовку Вестингауз ME-25 с лазерной наводкой, что лежала у него на коленях. Легкая по сравнению с огнестрелом. Из облегченных сплавов. Производства Дженерал Динамикс. Шла еще под кодовым обозначением RBS-80. Трофейка из арсенала самого Скайнет. Мощная штука. Стреляющая раскаленной до миллиона градусов плазмой. С батареей в прикладе. Калибром 9,25мм. И подогнанная под стальную пехоту Скайнет и специально для роботов ликвидаторов серии Т-800. Появившуюся с появлением этих на поле боя машин. Именно эта винтовка снискала большую популярность у повстанческих соединений по обе стороны океана.

Были еще несколько видов оружия для пехоты Скайнет. Но более массивны и более тяжелых, например, 11мм ПЕК-14, выпуска тоже Дженерал Динамикс, под другим обозначением RBS-60, которую еще прозвали «Косилкой Жнеца», работающая только в одном скорострельном режиме, и из-за ее применения самими машинами на поле боя. И ее скорострельности. И с которыми, могли только совладать роботы Скайнет. Когда терминатор стрелял из такой плазменной скорострельной штуки, он водил ей по сторонам как косой, потому и это оружие и получило такое прозвище. Были еще винтовки 9,45 мм и 10,5 мм серии Вестингауз ME-45 и Вестингауз ME-50, но они были более громостки, и из повстанцы устанавливали на БТР или на машины типа Джип в кузове.

Остапенко приказал экипировать обе молодые группы Пион и Роза в разгрузочные бронежилеты. И выдать налокотники и наколенники из кевлара. И теперь все были обвешены осколочными пехотными гранатами РГД-5 и Ф-1. У ветеранов из бункера полковника Остапенко были кевларовые бронежилеты, и даже противотанковые гранаты

РГД-33. Еще со времен Великой Отечественной войны. Всех одели в каски и выдали даже мотоциклетные как мотопехоте очки.

Солдаты Гаврилова были одеты все в бронники Веста БП-8 и Омега БП- 9 и Синева БП 10. В кевларовых налокотниках и наколенниках. И тоже все с гранатами и полными магазинами с бронебойными патронами и тоже в касках и очках. Сам полковник Гаврилов в отличие от полковника Остапенко был одет в бронекостюм поглощающий тепло от живого тела и невидимый тепловизорами роботов Скайнет СКАТ-7 и еще трое из его офицеров ракетного бункера.

Эти забитые магазинами и генераторными ядерными батареями для плазменного оружия разгрузки в обвеске гранат еще, был нелегкий, честно говоря, груз. Но необходимый сейчас груз. Алексей первый раз это все тащил на себе. Он даже не представлял, как будет ползать во всем этом. А если еще и бегать?!

— Ничего скоро полегчает — трепались, смеясь друг над другом и молодыми старики — В бою повывлетит половина сразу и станет легче.

— Да, главное не обосраться в том бою, да раньше времени — из них кто-то ляпнун — А то, в таком «праздничном красивом» наряде не разрядив потрантоши и магазины, еле ноги переставлять будешь.

Алексей еле заметно улыбнулся трепачам и посмотрел на свою красавицу любовницу лесную Багиру.

Она красиво смотрелась во всем этом боевом наряде. В каске с очками надетыми поверх на ней. В кевларовых бронированных наколенниках и налокотниках, как и сам Алексей. У Лесковой была винтовка Вестигауз ME-25 и такая же, как и Алексея. И что-то с ней с утра с Багирой было не так. Еще ночью в разговоре и в постели он Алексей с ней почувствовал это. Разговор зашел за родного брата Ивана. И тут Лескова обозвала его брата Ивана трусом. Что тот сбежал и не помог своим товарищам. Он Алексей, конечно, заступился за родного своего старшего брата, как и положено, по родственной связи, но Лескова была неумолима.

Он Алексей даже не знал, какая она могла быть на самом деле, потому как ничего о Лесковой Светлане толком еще не знал. Между ними была лишь просто любовь и все... Большого Алексей не знал. Не знал о ее семье. О том, что она смогла бежать из плена. А родственники, вероятно, погибли или где-то до сих пор в плену у Скайнет. И то, что Лескова его лесная пантера Багира, ненавидит слабаков и трусов. И с ними она совершенно безжалостна.

Когда-то она сама проявила слабость и трусость и болела этим и не могла изжить из себя это. За что презирала себя, и это выливалось на окружающих. Это смог теперь почувствовать и он Алексей.

Эта была ее психическая личная скрытая в ней самой травма, о которой, знал, только майор Кравцов. Однажды Лескова сама рассказала ему о том, что сбежала из плена, оставив там своих всех родных. И потеряла их навсегда, за что винила себя все время. И вот так вышло, что только ее командир Виктор Кравцов знал то, что не знал больше никто, даже Алексей.

И он не знал, что заступничество за его брата и того водителя тягача майора Кравцова противопоставило Лескову в отношениях с Алексеем в особые теперь рамки любви. И скоро это приведет его Алексея к тому, что получится впоследствии, что приведет его прямоком в руки хозяина всех киборгов и андроидов. В руки самой главной машины всех машин Мегакомпьютеру Скайнет.

Вскоре вся боевая ударная группа на двух вездеходах притормозила у бункера полковника Гаврилова. И к ним присоединился еще один вездеход с дополнительным вооружением и тем роботом, по имени Дэриел. И вновь и уже три боевые машины, продолжили свое скоростное на гусеничном ходу движение. И свой путь к железнодорожной в двадцати пяти километрах от базы Скайнет насыпи к узкому между высоких гор обрывистому скалистому повороту. Где можно было бы прямо в самом лесу в узкой лощине сделать засаду и подкараулить ничего не подозревающего противника. Среди густого заваленного буреломами оттаявшего совсем недавно от снега соснового с зеленеющей хвоей и шишками леса. Прибыв в заданный квадрат и установив тяжелое бронебойное вооружение. Разделившись под своим командованием и спрятав вездеходы на большом отдалении в лесу среди гор от туннеля, по разные стороны, заняв позиции с обеих гор, готовились встретить во всеоружии бронированный идущий не спеша к базе Скайнет с тяжелым грузом вооруженный из бронированного титана робот поезд АКЛ88795, который тащил робот тягач МК191Т. Который перебравшись через Енисей в районе бывшего Шушенского по специально отстроенному роботами огромному бетонному железнодорожному мосту. И минуя разрушенную Шушенскую ГЭС, двигался уже со стороны бывшего исчезнувшего навечно города Дивногорска. Минуя крепостную на месте его цитадель «ZETTA-TET». И огибая далеко практически внутри Саянских гор в глубоких проделанных бурильными рабочими машинами Скайнет туннелями в глубине тайги многокилометровым железнодорожным полукольцом бункера ракетчиков и уже в тридцати пяти километрах выныривая из еще одного горного туннеля на правой стороне Енисея и выходя в направлении правобережной Крепостной цитадели Б самого лабораторного комплекса Сканет.

Вот именно здесь и было решено сделать засаду и в туннеле заблокировать поезд с кибертанком V5. Отрезав его от самого воздушного охранения. Побивав их прямо со склон гор.

План был стратегически безупречен, и сами командиры согласились с этим роботом Дэриелом.

Полковник Петр Васильевич Остапенко, и его коллега, и командир своего бункера полковник Глеб Пантелеймонович Гаврилов были со своими бойцами. И каждый командовал своими ракетчиками. И тот робот по имени Дэриел, был здесь же, готовя засаду по обе стороны глубокого горного туннеля на подхлывший к месту засады спецпоезд с громадным НК-танком V5.

Здесь же был и сам майор Кравцов и еще несколько офицеров из обоих бункеров.

Это была особая операция, которую нельзя было провалить. И от которой, зависело будущее всех последующих операций против базы Скайнет S9A80 GB18 «TANTURIOS». И с этим за всем стоял тот неизвестный всем особенно в бункере полковника Петра Остапенко робот. Робот полковника Гаврилова. Робот, которому как ни было и выглядело странным, доверяли, чуть ли ни все в бункере Гаврилова. И командам, которого, почему-то сейчас все подчинялись. Руководствуясь главным и основным верховным распоряжением из главного штаба на Урале.

16 апреля 2032 года.

Восточная Сибирь.

Бывший Красноярск.

Территория Скайнет.

Лагерь S9A80GB18 «TANTURIOS».

Левый берег. Цитадель А.

Подземный блок X15.

Реабилитационный и исследовательский сектор «ZET».

12:15 дня.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Слушай железка — произнес лежащий весь раздетый догола, и упакованный в какую-то блестящую плотно облегающую все его мускулистое здоровенное тело в проводах и подключенный к машине по пересадке человеческих душ, солдат здоровяк пленный Илья.

— Слышишь, как тебя там? Это... — Илья не договорил, и его резко, также громко перебили.

— Я не железка — произнес робот T-500S, по имени Карл Эванс — У меня есть имя как и у вас, пленный лагеря, солдат по имени Горбунов Илья.

Машина в белом длинном халате врача и белой шапочке и в резиновом под человека камуфляже подошла к главному пульту генератора и контроллерам запуска машины APSILON/T-SIRIUS FG5015.

Рядом с лежащим на металлическом столе с центральным в длину углублением солдатом Ильей, стояли помощники робота и главного врача лагерного крепостного комплекса S9A80GB18 «TANTURIOS», два робота санитаров, одетых как Эванс медицинскую стерильную одежду, и тоже в белых длинных до колен халатах T-601, роботы в резиновом как T-500S под человека камуфляже. Это роботы серии шестьсот, как и охранники лагерного комплекса и самой крепости T-600 и T-700. Только списанные и в большей степени, разобранные и ушедшие на переплавку. Раньше эти две машины были, просто наземными городскими охотниками за людьми и истребляли все, что только движется. И резиновый устаревший камуфляж был нужен как обманка противника на большой дистанции. Это срабатывало поначалу. Но потом стало малоэффективно и эту резину заменили на биокамуфляж из человеческого, клеточного ДНК и самой крови и даже лимфосистемы с ускоренным метаболизмом.

Эти машины из серии шестьсот, с чуть улучшенными боевыми качествами прямо на конвейере, были вскоре списаны. И их было мало выпущено, по сравнению со стандартным шестисотником или семисотником. И из всех остались только вот эти две в халатах санитаров и помощников андроида врача T-500S. Который тоже, когда-то был боевой стратегической машиной, и тоже был обтянут целиком резиной. Он тоже, остался в одном экземпляре, и только здесь на базе Скайнет «TANTURIOS».

Как ни странно, но это были последние две машины серии шестьсот. Всего только две, из всех оставшихся в строю Скайнет. Как и робот-андроид из еще более древних машин Скайнет T-500S.

Реликты прошлого, но уцелевшие здесь в качестве подсобных работников крепостной цитадели «TANTURIOS». Как и сама охрана, состоящая из старых машин Скайнет. Хотя устаревших, но еще способных выполнять его поручения и приказы наряду с более новыми моделями машин.

— Имя! — прокричал пленный здоровяк Илья роботу — Какое, к чертям всем у тебя имя! Имя у железки!

— Да, у меня есть личное имя и номер — произнес Т-500S — И у моих помощников есть имя. И попросил бы обращаться к нам по нашим именам, пленный солдат Илья. И с должным уважением.

— И у них есть имена?! — прокричал привязанный широкими креплениями в виде эластичных из металлизированного полистирола ремнями по рукам и ногам Илья — У них есть имена! И с уважением! К кому с уважением?! К вам железякам?!

Андроид Т-500S ничего не ответил.

А Илья, захохотал как не нормальный своим громогласным сотрясающим все отделанное белым с цветными полосами пластиком и металлом лабораторное помещение, где создавались машины-гибриды Скайнет.

Доктор Карл Эванс, полностью покрытый в тонкую резину. Поверх стального гидравлического и металлического под человека тела, робот андроид Т-500S. В белом медицинском халате, что-то своими работа руками щелкал клавишами контроллерами на главном пульте машины FG5015. А, две другие машины смотрели своими подвижными холодными и равнодушными, бесчувственными машин из металлических глазниц и из-под резины без глазных яблок камерами глазами на подопытного Илью.

— Слушай, а как тебя звать то? Эй ты, подобие человека! — снова грубо и зло издевательски прокричал в сторону Т-500S, солдат Илья.

Илья чувствовал себя также как мышка на операционном столе доктора биологии или химика экспериментатора. И он уже смирился с судьбой и, понимая, что это, скорее всего конец его никчемной и бесполезной пленной жизни, уже вел себя развязано и нагло.

— Я доктор, Карл Эванс — произнес робот доктор, заведующий машиной APSILON/T SIRIUS, как и медицинским центром лагеря X50 и личный подручный самой Верты — А это мои помощники Тэд и Бак.

— Тэд и Бак! — громко почти смеясь, иронично по издевательски, произнес солдат Илья.

У доктора Карла Эванса, тоже не было живых или скопированных под человека глаз. И он тоже, как и Т-601 сверкнул из глубины из-под нарощенной на его металлический череп работа андроида красными линзами своих подвижных камер глаз. Он уставился на пленного подопытного солдата здоровяка Илью, пристально и спросил — Что Тэд и Бак?

— Бензобак! — прокричал и заржал, снова как ненормальный во всю человеческую глотку пленный Илья.

Доктор Карл Эванс, молча, отошел от пульта машинной громадной напичканной проводами установки с внутренней герметичной в человеческую длину цилиндрической камерой, перед входом в которую лежал Илья. И подошел к подвижному на пневматике металлическому столу, и к лежащему пленному здоровяку солдату Илье. Туда, где сейчас стояли его роботы помощники, роботы Т-601, Тэд и Бак.

— Слушай, Карл Эванс — произнес, уже глядя своими беспокойными, синими и вопросительными глазами на работа Илья — Что вы со мной собираетесь здесь сделать?

— Это личный приказ самой Верты — произнес Карл Эванс — Ты скоро будешь другим пленный солдат Горбунов Илья. Таким же почти как мы. И может даже лучше. Совершеннее. Ты должен гордиться такой честью, быть как мы. Быть таким как мы, а не как человек.

— Таким как вы? — произнес всполошенный и напуганный снова Илья. Он понял, во

что его превратят скоро. И это не даже будет смерть. Это для него было куда хуже. Как для человека.

Илья понял, что его не разберут на органы, как делали раньше с другими пленными. Его превратят в гибрид-машину. Это то, что говорил его товарищ по тюремному блоку Х19, Андрей. Сделают то, что не сделали с товарищем по блоку Андреем. И это было страшнее для Ильи всего.

Карл Эванс произнес что-то на языке машин своим подчиненным и обе машины серии шестьсот один в белых медицинских халатах и одежде врачей подошли к другому такому же металлическому столу с другого края машины FG5015. И тоже лежащей перед входом в еще одну внутреннюю герметичную закрытую в виде длинного с округлыми стенами герметичного цилиндра камеру внутри самой громадной установки APSILON/T-SIRIU, занимающей больше половины этого помещения, там какой-то блестящей своим бронированным эндоскелетом машины. Машины в полной, пока еще отключке и видимо незагруженной программами и прочими встроенными в ее микропроцессор директивами и обязанностями. Для увидевшего это солдата Ильи, это, просто была груда лежащего на том столе блестящего в сервоприводах и гидравлике просто железа. Но, это его не на шутку напугало. Он понял, что его хотят запихать туда. Сделать той машиной.

Увидев это и поняв что с ним все-таки сделают вскоре, напуганный по новой, Илья, уставившись своими человеческими живыми глазами в абсолютно холодные, как и у его подчиненных искусственные, но подвижные глаза, надетые глазными из резины яблоками на горящие красным огнем видеокамеры машины серии андроид, негромко и почти, шепотом той произнес — Слушай Карл Эванс, может, договоримся? А?

Может ну ее эту сучку Верту? Что она вами всеми командует, а Эванс?

— Она здесь главная, потому и командует — произнес андроид-доктор — Она не сучка. Она робот Т-1001. И она служит, как и мы Скайнет.

— Че, ты все про службу, да службу — произнес Илья — Что тебе стоит меня отпустить. Давай дружить. Как тебя там, Карл Эванс, да? Я назад хочу в тюремный блок.

— Нельзя в тюремный блок, пленный солдат Горбунов Илья — произнес Илье Карл Эванс — Это приказ Верты.

— Что тут происходит?! — раздался громкий женский голос, той, что вошла только что через открытую дверь подземного комплекса FG5015.

Он был размещен в глубоком отдельном в стороне длинном одиночном туннеле. На четвертом подземном этаже и уровне лабораторного тюремного бункера и лагеря с пленными в крепостной цитадели А, на левом берегу Енисея. Доступ сюда был, тоже крайне ограничен. И хорошо внутри охранялся теперь роботами V-8 на стационарной неподвижной установке. С плазменными 10мм малыми пушками CBS-200 и поворотными турелями прямо с двух сторон у входной бронированной широкой и высокой толстой из титановой брони двери. И под защитой еще двоих гусеничных, скоростных приземистых машин FK-HANTER, тоже хорошо вооруженных такими же пушками, и катающихся взад и вперед по коридорам и поворотам, охраняемого ими длинного уходящего далеко от самой базы туннеля. Мимо железнодорожной узкоколейки. По которой передвигались на автоматике закрытые морозильные барокамеры. И вагоны с отработанным материалом на грузовой лифт и прямым в морозильник и свалку на самое дно в сектор В-20. В блок Х30. Тоже, в отдельный длинный ответвленный узкий подземный коридор и тоннель, который не охранялся, но заканчивался большим холодильником за железной герметичной дверью, где

буквально в кучу лежали сваленными все кто пошел на переработку. Кто частями, органами в выпотрошенном виде. Кто целиком и завернутым в полиэтиленовый пакет с головой. Тут же, просто стояли и металлические, со специальной жидкостью закрытые крышками отхожие контейнеры. Где лежали не пошедшие по каким-то причинам или врожденным и приобретенным в течении жизни патологиям на создание роботов-гибридов человеческие органы.

— Что тут твориться, доктор Эванс? — прозвучал голос робота T-1001, вошедшего в помещение к установке APSILON/T- SIRIUS.

Верта пришла из своего кабинета, где не так давно был у нее пленный военный Андрей. И этот кабинет находился рядом с этим огромным подземным уставленным стеклянными барокамерами и машиной по пересадке человеческих душ в тело машины помещением.

— Тут без меня кто-то с кем-то желает договориться? — произнесла громко, и даже напугав, не только самого лежащего привязанного прочными и гибким ремнями из металлизированного полистирола к металлическому столу в проводах и в специальной блестящей упаковке Илью. Но и самого робота T-500S, быстро идущая, к пленному солдату Илье и Карлу Эвансу Верта. Тот даже вздрогнул своим внутри резиновой оболочки под человека и одеждой врача бункера Скайнет металлическим машины телом.

— Кто-то захотел на свалку — произнесла, быстро подходя к Илье и Карлу Эвансу Верта — Эванс, что я слышу здесь?

— Это он — произнес, андроид T-500S — Он хочет договориться.

— Насчет чего, доктор Эванс? — произнесла Верта.

— Он не хочет быть нами — произнес андроид-врач.

— Нами? — удивленно смотря издевательски и с садистической насмешкой над своей желанной жертвой T-1001 — Нами он никогда не будет.

Верта положила на широкий открытый лоб Ильи свою робота женщины из мимикрирующего полисплава холодную руку.

— Но будет служить нам, доктор Карл Эванс — произнесла, глядя в синие и напуганные глаза Ильи своими теми зелеными холодными, но внимательными и довольными заинтересованными робота T-1001 глазами. Словно желая с нетерпением расправы над ним.

— Прошу тебя — взмолился вдруг сам Илья — Прости меня. Я больше не буду так делать...

— Слова дрянного мальчишки и школьника — произнесла Верта — Делайте свое дело доктор Эванс. Кстати, привет тебе от твоего друга Белова Андрея. Он недавно был у меня и спрашивал о тебе — она, повернувшись, пошла к выходу и дверям — Этот пациент теперь ваш. А за результатом я приду позже.

Верта быстро вышла в открытые широкие бронированные из титана двери и ее проводили, гудя и жужжа плазменные автоматические ствольные 9,75мм установки V-8.

— Прости меня, Верта! — вслед ей летел голос пленного солдата и драчуна здоровяка Ильи — Ты сучка проклятая! Ты ведьма из жидкого металла! — Илья, громко специально кричал, чтобы спровоцировать T-1001 и она оскорбленная как машина, убила скорее его Илью как человека, но двери закрылись с шипением за ее спиной.

— Сучка ты, тварь бездушная. Шлюха искусственная — кричал Илья, когда крутя своими резиной покрытыми поверх стальных бронированных черепов головами его загружали в саму установку FG5015, два робота T-601, помощника андроида T-500S.

— Чтобы ты сдохла прислужница Скайнет. Ненавижу тебя! Ненавижу вас всех!

Железяки, чертовы!

— Мы не железяки — произнес доктор Карл Эванс — У нас есть имя.

И он закрыл створку герметичного люка в камеру машины APSILON/T-SIRIUS FG5015 подошел к пусковому контроллеру установки.

С другого конца громадной машины, два робота серии шестьсот один, загружали сверкающего в ярком свете лампового дневного освещения бронированным колтаном робота киборга Т-888, закрывая также герметичную вторую створку люка машины по пересадке человека, в чрево боевой современной и новейшей юнит-машины Скайнет.

* * *

16 апреля 2032 года.

Восточная Сибирь.

В тридцати километрах от базы S9A80GB18 «TANTURIOS».

Железная дорога Скайнет.

13:15 дня.

Егоров Алексей, Светлана Лескова и Гарик Резвый неожиданно получили приказ от самого майора Кравцова провести разведку вверх по железнодорожной насыпи. Это был приказ от Остапенко самому Кравцову проверить пути за поворотом на выезде из-за отрога горы. На пути следования самого к другому повороту и туннелю ожидаемого вражеского поезда. Просто нужны были люди, кто-бы мог сообщить по радиации заранее о прибытии платформ с НК-танком.

Вообще этого можно было и не делать. Но почему-то у Остапенко созрело такое внезапное желание это сделать. И вот он отдал тоже приказ самому майору Виктору Кравцову, послать туда его людей в качестве разведки. Возможно, сговорившись с полковником Гавриловым. И Кравцов выбрал почему-то, именно их троих из всего состава молодых своего ракетного бункера. Может, потому, что они были у него на особом теперь доверии. И Егоров Алексей, и Лескова Светлана и даже Гарик Резвый. На доверии еще с первого того похода. Вообще это все Алексей. И, наверное, Светлана. Они вместе с Виктором Кравцовым были в бункере полковника Гаврилова. Как два проверенных командира своих двух отрядов БС55141 Роза и БС55142 Пион. Теперь уже на месте переименованные им же Кравцовым в один слитный отряд ДОТ 70724. Как другие отряды более старшего обстреленного ополчения ракетчиков. Которых в бункере полковника Остапенко было не так уж много в сравнении с отрядом полковника Гаврилова. Там были в основном все, почти ветераны и опытные и их было гораздо больше. И Гаврилов не собирался рисковать ими и держал здесь в засаде. А полковник Остапенко пошел на уступки. Они, просто договорились так, что выбор пал на Кравцова и его людей. И майору ничего не оставалось, как сделать ставку вот на них троих. Пока все ракетчики окапывались и строили засаду по обе стороны железнодорожной насыпи, маскируясь за поваленными соснами и кустами. За высокими буграми, делая еще кроме этого навал из земли. Саперскими лопатками, разгребая весеннюю вырытую с корнями из земли траву и разбрасывая с землей среди стволов сосен шишки. И зарываясь в землю. Обкладываясь большими комьями. И прикрываясь специальными кевларовыми бронещитами и

привзванными специально для этого, просто бронежилетами. Устанавливая противотанковые ракетные установки на треногах с кумулятивным зарядом ТОР17. С плазменным зарядом крупнокалиберные 11 мм трофейные Менстрим ПЕК 11, снятые с уничтоженных танков серии ФК роботов, и переделанные под использование самими ракетчиками в бронебойные плазменные установки. Раскладывая под руками гранатометы РПГ-7. И свое личное оружие и гранаты, и готовясь к предстоящему бою. Егоров Алексей, Светлана Лескова и Гарик Резвый, захватив рацию и свое оружие, выдвинулись почти бегом вдоль самой железнодорожной насыпи, гремя полными магазинами и держа в руках плазменные винтовки Вестингауз-25. По приказу майора Виктора Кравцова они оставили некоторую часть снаряжения в отряде. В том числе сняв бронежилеты, лишь оставив наколенники и нарукавники. Это был приказ Кравцова. Чтобы немного облегчиться немного. В случае отступления и отхода к своим позициям. При появлении разведчиков машин, необходимо было как можно быстрее делать ноги по лесу и пересеченке. И лишний вес, он есть лишний вес. И по распоряжению своего личного командира, они оставили это все лишнее в своем ракетном отряде.

Кравцов им вообще сказал, в бой не вступать, а просто уходить в сам лес. Чем та же Лескова Багира была крайне недовольна из их троих. Даже пыталась, что-то сказать супротив Кравцову. Но, майор Кравцов присек ее все возмущения, тем, что сделал самой ответственной за разведку как командира разведгруппы. Он ее сделал вместо Алексея главной, доверив их двоих ей жизни.

Алексей оставил за главного в своем мальчишеском отряде БС55142 односельчанина Федотова Степана. Во втором БС55141, Лескова назначила сама некоего Леху Гастело. Черненко уже опытного бойца. И хоть отряды объединили в ДОТ70724, все равно мальчишки старались держаться обособленно друг с другом.

Кравцов отвел в сторону Лескову и произнес — Под твою личную ответственность, Лескова — сказал он Багире — Поняла меня?

Та, смутившись, но видимо ей понравилось быть сейчас главной, ответила — Так точно. Хотя было в ней сейчас что-то, что Алексей заметил. Что-то сейчас опасное и безумное в том ее — Так точно.

С Багирой что-то сейчас творилось. Она была действительно как безумная. Может, это нервы. Но, и Алексей был неспокоен. И Гарик Резвый тоже. Все были на взводе, и всех лихорадило от самого ожидания предстоящего сражения. А, оно сейчас должно было обязательно случиться. И не так, как в прошлый раз. С тем автодорожным конвоем.

Одним словом, цель разведки обнаружение самого транспортного боевого грузового поезда Скайнет, и обнаружение вероятного его охранения. Механизированного боевого патруля машин на подходе в зону засады. И немедленного по рации доклада о прибытии с немедленным отходом в сам лес, без вступления в бой. Задача была ответственная и достаточно опасная. Но, Кравцов послал именно их. Троих Светлану Лескову, Егорова Алексея и Гарика Резвого.

Задача, выдвинуться вперед от края входа в туннель и пробежав метров триста занять у железнодорожной насыпи с какого-либо возвышения пункт наблюдения за железной дорогой. И вести постоянный доклад через каждые пятнадцать двадцать минут главным силам ракетчиков, сидящим в засаде. В качестве дозорных. И обвешанные гранатами и магазинами они трое уже бежали вверх по направлению к ожидаемой движущейся к ним цели. Друг за другом, слегка пригибаясь и мелькая касками и своим пятнистым зеленым

армейским ракетчиков камуфляжем, обвешавшись еще дополнительно свежее сломанными с лесных кустов ветками вокруг себя для дополнительной маскировки.

Все это было странно, как и сама ожидаемая предстоящая боевая операция по захвату НК-танка V5. И Кравцов был больше всех недоволен этой идеей, но вынужден был подчиняться, и может быть это тоже, было причиной того, что он выбрал, именно этих троих из своего личного отряда.

Старшей была назначена Лескова, а не Алексей. Скорее из-за большего уже боевого опыта. Лесковой уже приходилось делать разведку и даже в одиночку. И был действительно у нее опыт. Багира была достаточно подготовлена и была боевая и внушала Кравцову доверие как командир. И в качестве такового комендира, она успешно пока справлялась. Вот Кравцов ее и сделал старшей, а не самого еще не стреленного Егорова Алексея.

На самом деле, Виктору Кравцову не хотелось это делать, но также было видно, что он пошел на уступки. Его роль в ракетном бункере сильно пошатнулась после того, когда он заступился за того водителя вездехода и старшего брата Алексея Ивана. Кравцов один был против всех, и отстоял тех двоих от суда и расстрела как дерезтиров, бросивших умирать своих товарищей в бункере «ВЕТА». И с того момента ему высказали недоверие, почти все в ракетном их бункере и игнорировали его как военного. Даже гражданские из техобслуживания бункера. Теперь многие в ракетном бункере полковника Остапенко, косились на Виктора Кравцова. Дурно отзывались о нем. С учетом его взрывного характера и того, что он почти не искал ни с кем близкой дружбы. Часто устраивал конфликты. И даже не вел особой дружбы с офицерским составом бункера. Разве что только с капитаном Виталием Руденко. Этот офицер пожалуй, единственный, кто с Кравцовым был более-менее на, ТЫ. И был его правой рукой. И доверенным. И только капитан Руденко, еще относился к Кравцову с должным теперь уважением, как и раньше. И, они, вдвоем, теперь были в самом меньшинстве в ракетном их бункере. Это заступничество за так называемых трусов, лишь добавило неприязни к майору Виктору Кравцову у сослуживцев. И он вынужден был подчиниться приказу Остапенко и выделить своих бойцов из личного подразделения для разведки. И он выбрал для этого Егорова Алексея, Светлану Лескову и радиста группы Гарика Резвого.

Говорили, что операцию эту организовал именно тот самый неизвестный в своей конструкции и подозрительный в ракетном бункере полковника Глеба Пантелеймоновича Гаврилова робот по имени Дэриел. Ему там, почему-то все практически доверяли. Но не Кравцов, который ненавидел роботов. И тут было, что-то не так.

Почему-то все ракетчики в обоих бункерах, знали даже в точности до минуты время прибытия этого бронированного грузового тяжелого поезда с тем кибертанком. И это все вроде как было известно ему тому роботу Дэриелу, пришельцу из некоего прошлого или будущего, который вроде как прибыл на Машине Времени. В существование, которой Виктор Кравцов в отличие от многих до сих пор не верил. Для него прожженного войной офицера ракетчика это была всего лишь сказка для подростков и детей. Как не верил этому жутко похожему на человека роботу. И этому странному роботу, почему-то доверяли. Может, потому, что он вел себя как настоящий человек. Самый настоящий человек. Невызывавший недоверия у людей. Даже у военных.

И тот робот был действительно как настоящий человек, похожий на самих военных. И даже в военной такой же пятнистой камуфляжной полевой летней военной зеленке. В бронежилете и в наколенниках и налокотниках. Тоже с оружием в руках. И свиду ничем

неотличающийся, совершенно от всех рядом с ним стоящих военных.

Может это доверие родилось в связи с появлением самих роботов перебежчиков, прибывших и сбежавших от Скайнет и изменивших по каким-то неустановленным причинам своему Богу и хозяину в той же Америке. Там, действительно, таких вот случаев было много.

Там, такое было почти с самого начала самой войны.

Неоднократно причем. И были и использовались роботы переброшенные в программе самими повстанцами сопротивления. И работающие и воюющие за людей. Из числа плененных и захваченных машин. И были настоящие перебежчики, которые воевали и не безуспешно плечом к плечу с повстанцами американцами в отряде лидера Джона Коннора. Говорили про некоего робота серии Т-888 по имени или прозвищу Квиг, который управлял даже подводной лодкой сопротивления и был ее капитаном.

Может, и этот неизвестный здесь толком никому робот неизвестной конструкции был одним из таковых.

Но, сам Кравцов раньше таких машин еще не видел в своей жизни. Чтобы, так вот в том бункере полковника Гаврилова общаться наравных с офицерами бункера. И как настоящий живой человек. Даже шутить и смеяться.

Эта машина была не из числа простых киборгов модели 1:01 Т-800 или Т-850. И это точно. Тем нужно было много среди людей учиться и все запоминать. Даже дурацкие анекдоты и шутки. Этот же сам все выдавал и смешил порой солдат до колик в животе.

Если это был действительно робот, то невероятно продвинутый в программировании и человеческой психологии робот. Равноценный человеку и тем был по понятиям майора Кравцова опасен.

Тот робот всю ночь разрабатывал этот план по захвату НК-танка вместе со всеми в том бункере, где был и Виктор Кравцов. И все ему доверяли. Но, только не Кравцов. И тут было на самом деле, что-то не так.

Он Виктор Кравцов не был долго в том бункере полковника Глеба Гаврилова. Только ночь. И его самого, и его людей выдернуло оттуда случившееся несчастье с группой ученых Семенцова в бункере «ВЕТА». Но и этого хватило, чтобы он Кравцов сторонился и косился на этого Дэриела. Наблюдая сейчас со стороны, молча, за ним среди солдат и ракетчиков обоих бункеров, готовящих засаду на роботов Скайнет.

* * *

До прибытия поезда с НК-танком оставалось не более, сорока минут. Это по сведениям того робота по имени Дэриел из бункера полковника Гаврилова. Когда Алексей, Лескова и Гарик Резвый, пригибаясь вдоль железнодорожной насыпи с рельсами, быстро пробежали, мелькая среди лесных сосенок, кевларовыми касками, вооруженные своими плазменными Вестингаузами с полным боекомплектом к ним батарей и на ремнях, гремя пехотными гранатами, выскочили на одну из возвышенностей над самой железной дорогой. Это было метров за более чем, триста от своей и гавриловской засадной группы, от глубокого горного туннеля за поворотом высокого и скального возвышающегося над железнодорожной линией заросшего густым сосновым лесом отрога. И за метров, где-то более пятисот до второго горного поворота, из-за которого и ожидалось появление вооруженного под охраной транспортного тяжелого состава с кибертанком Скайнет.

И нырнув в высокий травяной зеленый косогора бурьян, быстро заняли скрытную позицию наблюдения. Осматривая все кругом из своих электронных у каждого разведчика биноклей.

— Докладывай, Резвый, что видишь? — произнесла Лескова обращаясь к своему личному радисту группы Гарику Резвому.

— Пока ничего, Багира — произнес лежа на животе в высоекой траве выше других и немного впереди. Вытягивая свою на шее вверх над травой голову, Гарик Резвый — Ничего пока не вижу, только пустую железную дорогу. И пока там никого и тихо.

Алексей подполз к нему повыше, и тоже вскинув бинокль, стал осматривать все кругом. Приближая все на самую минимальную дистанцию. Железную насыпь с рельсами, уходящими за поворот в сторону другой высокой заросшей лесом горы. Электронный бинокль позволял сделать приближение настолько близким, что можно было на расстоянии в сто метров рассмотреть даже маленькую бабочку, сидящую на цветке и все узоры на ее крылышках.

Подползла на животе к ним и Лескова, тоже глядя в бинокль, растолкала мальчишек локтями, вторгшись посередине их, и высовываясь из высокой травы.

Они все трое, осматривая все вокруг, почти одновременно, и вдруг увидели справа от железнодорожной насыпи на таком же высокой возвышенности в высокой зеленой траве лежащее тело человека. Человека в военной форме. В такой же, как у них маскировочной зеленке. И, похожего, тоже на ракетчика. Рядом с телом лежало его оружие, 5,5мм автоматическая винтовка Гроза, с порванным ремнем. И рядом в куче стреляных гильз девяти миллиметровый пистолет Макаров. И, похоже, тело не шевелилось совсем и не двигалось. Оно лежало ничком и лицом воткнувшись в ту траву на самом верху косогора, раскинув в стороны руки и ноги в военных на длинной голяжке кованных ботинках.

Труп лежал недалеко от трех растущих прямо на том высоком холме вверх высоченных молодых чернокорых сосен. И словно обнимался с землей.

Это был труп военного.

Алексей стал лихорадочно наводить резкость. И ему показалось, что тело пошевелилось.

— Не может быть! — произнес он, негромко вслух удивленно сам себе.

— Что, не может быть? — услышал он голос Светланы Лесковой — Что ты там увидел, боец Егоров.

Она это произнесла по отношению к нему почему-то совершенно холодно и без каких-либо душевных сейчас эмоций. Как скорее, его непосредственный личный командир, а не любовница или просто женщина.

Лескова сейчас вела себя действительно крайне странно. Даже Гарик Резвый это заметил. Она Багира не назвала его по имени. А как командир по фамилии. И для Алексея уже это было странным.

И Алексею это было совершенно не понятно, как и ее поведение по отношению к любимому. Он в своей еще недолгой прожитой жизни двадцатилетнего парня первый раз сталкивался с таким женским резко обратным поведением. Поведением, вызванным для него непонятно чем-то, что он не понимал. И не знал.

Еще в вездеходе и с самого утра она вела себя странно по отношению именно к нему. Почему и отчего так, он понять не мог совершенно. Она почти с ним не разговаривала. А если и говорила, то холодно и жестко.

Алексей посмотрел на свою Светлану глазами несколько удивленными и даже в

некотором недоумении и произнес ей — Там, на пригорке, где три сосны в траве человек, военный и похоже он еще живой.

— Он офицер — добавил Гарик Резвый, смотря снова в электронный свой бинокль — И никого больше поблизости.

— Он там один — произнес, все еще глядя на Лескову искоса Алексей — В метрах, где-то ста от насыпи и от нас. Прямо, почти на склоне самой горы.

— Сама вижу, что один — ответила резким нервным голосом командира Лескова, рассматривая в бинокль противоположную часть дороги и тот в ста метрах от них косогор с растущими на нем тремя соснами.

— Надо проверить, живой он точно или нет — Алексей ей добавил.

— Хочешь проверить, вот и проверь — произнесла вдруг ему его любимая Багира — Слабо тебе Егоров, раз вызвался сам.

— Я не вызвался сам — произнес ей, глядя недоумевающе от резкого такого ее по отношению к нему поведения Алексей — Я, лишь предложил.

— Раз предложил, вот и проверь — произнесла, не глядя на Алексея даже Лескова — Если как пацану, не слабо.

Гарик тоже посмотрел на Багиру удивленно, и, оторопев от такого поворота своей боевой командирши, посмотрел и на Алексея своими черными армянина глазами.

— Нафига надо, Багира — произнес Гарик ей — Мы здесь не для этого.

— Ты молчи, Резвый — обрезала она его — Я здесь команду, что и кому делать, и, как и для чего мы тут.

И она обернулась на Алексея, и уставилась холодными своими зелеными глазами, в которых было что-то совершенно необъяснимое, но только не внимание и любовь.

— Хочешь проверить, так проверь — произнесла она Алексею еще раз — А мы с Гариком посмотрим, как ты это сделаешь. Хочешь быть командиром, так докажи это хотя бы нам двоим. Слабо тебе, боец Егоров?

— Ты че, Багира — произнес снова Гарик Резвый — А, если появиться поезд, а у нас приказ от Кравцова, следить и докладывать.

— Тебя не спрашивают, Резвый — произнесла уже более жестко и грубо Лескова — Я тут командир, ясно тебе.

Лескова зыркнула на Гарика зло и нервно, дернувшись в девичьем своем миленьком личике.

— Заткнись вообще, понял! — она крикнула на него. И Гарик отвернулся от своего командира, снова рассматривая тот косогор в бинокль.

Она снова посмотрела на Алексея, резко повернув в облепленной ветками с листьями кевларовой каске свою девичью русоволосую голову.

И уставилась, снова на него зелеными своими девичьими ледяными и издевательскими уже глазами. Уставилась в упор в его Егорова Алексея синие мальчишеские удивленные и потрясенные таким ее поведением глаза.

В тех ее зеленых глазах стояло некое злобное издевательское ехидство и презрение.

— Докажи мне, что ты герой, а не трус — произнесла она Алексею — Или ты можешь, как твой старший брат Иван? Тоже, сейчас побежишь и бросишь нас здесь умирать? Если нет, так докажи, что не такой!

— Что с тобой, Светик? — тихо и напугано произнес оторопевший и ошеломленный ее такими необъяснимыми странными обвинительными наездами Алексей. Он смотрел в

Лесковой Светланы глаза и не понимал ничего в той ее лютой уже по отношению к нему женской дикой свирепости. Озлобленности, а не прежней как раньше страстной любви.

Губы Лесковой Светланы вдруг скривились в колкой и ехидной девичьей злорадной издевательской ухмылке.

— Я тебе сейчас не Светик — произнесла, шипя, уже как злобная дикая кошка Багира Алексею — Я твой непосредственный сейчас командир, понял, ты меня, боец Егоров. Здесь нет майора Кравцова, чтобы прикрыть твою как твоего старшего трусливого братца задницу.

Она это так произносила, даже, не обращая внимания, на такого же оторопевшего и офигевающего от своей Багиры радиста группы Гарика Резвого. И повторила — Слабо, да? Сбегать туда и обратно? Трус? Трус, боец Егоров Алексей? Тебе приказывать надо?

— Багира! — Гарик снова, уже так же недоумевающе и возмущенно произнес — Багира, ты чего?!

— Заткнись! — рявкнула, она на него, и казалось еще слово с его стороны, и он получит девичьим кулаком в рыло.

А Алексей, просто молчал и смотрел на свою возлюбленную. Он вообще, не понимал, что твориться сейчас с ней. Он просто смотрел на нее и был в полном ужасе от того, что сейчас она из себя представляла. Он потерял дар речи и только смотрел на Лескову широко открытыми своими мальчишескими синими глазами.

— Это приказ, боец! — скомандовала, она ему, уже сверкнув зеленью своих рассверепевших диких как у настоящей пантеры Багиры глаз. Она снова набросилась на Алексея. И Алексей, растерявшись, не знал, что и ответить ей.

Он, только схватив свой плазменный трофейный пехотный Вестингауз-25, пригибаясь низко к земле, бросился бегом вниз с пригорка прямо к железнодорожной с рельсами насыпи. И перескочив через рельсы к другому пригорку, на котором лежало на отдалении от насыпи в метрах приблизительно ста, чье-то тело.

Алексей перескочил через глубокий узкий у насыпи с той стороны, почти невидимый в высокой траве овраг и вбежал на пригорок. Как раз, в тот момент, когда из-за поворота и отрога, в почти пятистах метрах от разведгруппы показался бронированный грузовой, медленно ползущий и огибающий лесной между гор поворот груженный кибертанком V5 состав. Охраняемый, летающими ОУНК-AERIAL V4 и V5, вооруженный, бронированным боевыми платформами в голове и хвосте состава. С поворотными боевыми турелями и крупнокалиберными 50мм плазменными пушками CBS-500, 20мм пушками CBS-250. И малыми 10 мм скорострельными такими же плазменными установками Margret45 и ракетами СКАРБ-10.

— Ты что натворила! — прокричал Светлане Лесковой Гарик Резвый.

— Заткнись! — в ответ прокричала она ему — Заткнись, придурок! А то, убью!

— Да, пошла ты! — крикнул он Багире. И схватив свой Вестингауз ME-25, включив лазерный прицел, бросился следом за Алексеем. Гарик выскочил на железнодорожную насыпь и встал на рельсах. Он давай кричать Алексею, чтобы тот бросал все и бежал обратно, пока еще можно.

И именно в этот момент, когда Алексей выскочил на макушку этого заросшего красивыми яркими весенними цветами и травой холма, подбежав к самому скорее мертвому, чем живому и разрезанному почти пополам, лежащему лицом к земле военному офицеру, Гарик, понимая, что тот его не слышит. И вспомнив о боевом задании, стал громко кричать по радиации о приближении военного состава. Он глядел то на едущий в его сторону грузовой

груженный кибертанком поезд, то на отдалении Алексея, стоящего и склонившегося над погибшим военным на том заросшем цветами и травой откосе. Он, трясаясь от ужаса и страха за себя и за боевого товарища, непрерывно кричал по рации своим о приближении военного железнодорожного состава, когда его вычислили биорадары самого движущегося боевого транспортного военнотранспортного автоматического состава и летающие над ним ОУ-охотники.

Он был в их прямой уже видимости, когда вперед вырвался один из ОУНК-AERIAL V5 и устремился к нему и не было уже никакой возможности убежать и скрыться, Гарик лихорадочно передавая данные о приближении боевого состава своим сидящим далеко от них за поворотом горы в засаде ракетчикам, стал поливать длинными огненными раскаленными тысячеградусной плазмой очередями из Вестингауза по летящему к нему воздушному охотнику.

А Алексей, услышав громкие среди нависающих с обеих сторон по сторонам над насыпью и возвышенностями лесистых гор выстрелы, обернувшись в их сторону. И видя Гарика Резвого стреляющего в сторону идущего поезда, перевернул в этот момент тело мертвого офицера ракетных войск, лишь на секунду смог увидеть то, что запомнилось ему и отпечаталось в его мальчишеской голове. Это было лицо капитана Руденко, и его моргнувшие и неожиданно, ожившие внезапно на ожившем лице покойника глаза, когда его подбросило вверх, сжимая и спрессовывая с невероятной силой и сбивая с ног, волной ультразвукового силового оружия. Отбросило в сторону расстущих на этом же холме трем высоким соснам. И, словно ударив огромной металлической кувалдой по его в кевларовой каске голове и выбивая Егорова Алексея из сознания, уронило на землю. Сперва, откинув на ствол одной из сосен и потом на торчащие корни между стволами тех деревьев.

Это случилось в тот момент, когда лазерный прицел впился в грудь радиста БС55142 Пион и раскаленный пучок плазмы из 20мм плазменной пушки CBS-250 ОУ-воздушного охотника попал в стоящего на бетонных шпалах радиста группы армянина Гарика Резвого. Разрывая того в клочья и разбрасывая его искаверканное раскаленной плазмой тело по сторонам самой железной дороги.

А Светлана Лескова, пригибаясь к земле и соскочив на ноги, бросилась бежать в сторону леса, прижимая к себе свое боевое снаряжение и плазменную винтовку, мелькая среди кустов и травы своим пятнистым военным камуфляжем, не замеченная противником.

Все было, как и раньше, когда она сделала также, когда смогла сбежать из плена машин, бросив своих родственников, отца, мать и своих младших двух лет восьми сестреночек.

* * *

— Егоров Алексей Дмитриевич — высвечивались изображение и данные на большом всю стену электронном плоском коммуникационном дисплее, 100000000битном мониторе центрального ядерного ЦПУ в генеральном ядре главной машины. И данные распределялись по другим стоящим выше по серверам, машинам и этажам вверх до самого центра программирования и сканирования в блоке X17 секторе В-14.

— Объект под номером АВN005476859, взят в плен и находится в районе своего изъятия под контролем машины номер ВВУ757000799. Операция проведена успешно. Направить машину под номером ВВУ456000589 в район изъятия и доставки на Главную базу Скайнет искомого объекта. Обеспечить охрану данного района машиной ВВУ75700099. Машине под

номером VBY456000589, приступить к эвакуации искомого объекта и доставки его на Главную базу Скайнет. Об успешном завершении операции доложить обоим машинам на главную базу Скайнет S9A80GB18 — трещала дисплеями и датчиками Главная в глубине лабораторного подземного бункера Скайнет машина, передавая данные через висящий над самой базой зонд связи. Она передавала данные сразу на две свои машины, находящиеся при выполнении поставленных задач в тылу противника. И последней из них, что должна была завершить эту операцию, и что сейчас висела в воздухе, работая реактивными тремя турбинами, и получала от своего хозяина всю надлежащую очередную информацию.

ОУ НК-AERIAL V5 висел над горой, и его было практически не видно из-за блестящего отражающего сам яркий солнечный свет титанового бронированного корпуса боевой воздушной машины охотника.

Машина со своего видеобзора передавала на видеобзор второй внутри себя в грузовом отсеке такой же боевой машине все, что сейчас видела своими глазами робота, камерами. И все, что только могла охватить своими приборами слежения и поиска. Практически незаметная над самыми зависшая макушкой горы и стоящими там, на вершине ее зелеными с шишками сибирскими чернокорыми соснами.

Она, тот час, получив приказы от внутри ее второй поисковой машины, начала движение вслед идущему военнотранспортному по железной дороге бронированному составу. Тяжелогруженному на транспортировочной огромной и длинной платформе НК-танку V5.

Пристроившись сзади прикрывающих состав таких же, как и она трех ОУ-воздушных охотников, машина последовала за ними в самом хвосте охранников состава. Те в свою очередь, приняв машину за свою. И обменявшись радиопередачами и шифрами, разрешили ей следовать за ними в сторону Главной базы Скайнет. Следовать по воздуху за медленно ползущим между заросшими лесом горами по железной дороге поездом, продолжая по сторонам своими поисковыми приборами сканировать в округе всю лесную и горную местность. Дойдя до того места, где должен был находиться искомый для изъятия объект, летающая боевая машина отделилась от остальных и ползущего по железной дороге грузового транспортного робота-поезда AKL88795 с роботом тягачем MK191T.

Она остановилась на месте между двух на расстоянии ста метров у насыпи и оврага косогоры. Шаря биорадаром по сторонам и осматривая своими горящими красным светом летающего робота охотника глазами. Отфильтровывая все лишние звуки, и посекторно сканируя всю близлежащую местность.

Она нашла его, лежащего на высоком холме за оврагом в трех высоко стоящих на самой макушке заросшего травяным зеленым бурьяном вверх торчащими зеленеющими хвоей и шишками кронами соснами.

Сначала она нашла еще одного на самих бетонных шпалах и стальных рельсах, размазанного поездом и превращенного в изодранный плазмой обгоревший мясной дымящийся остатками плоти и камуфляжной военной одежды человеческий фарш. Того, кто самоотверженно стрелял по головной машине охранения бронированного военнотранспортного железнодорожного состава. Машина попыталась взять данные с лежащего на рельсах объекта, но то, что там осталось после попадания плазменного снаряда крупнокалиберного 20мм орудия CBS-250, было невозможно уже опознать, кроме только того, что это был недавно еще совсем человеком.

С останками лежала и оплавленная сама его винтовка Вестингауз ME-25. Этс

единственное, что удалось сличить и пробить по базе данных по складам и хранилищам Скайнет и установить номер поврежденного теперь уже безвозвратно боевого изделия. Все остальное было превращено в неопознаваемую растерзанную биомассу вперемешку с военной формой, ремнем, разбросанными по сторонам и по шпалам руками и ногами в военных ботинках, гранатами и обоймами батареями от плазменной винтовки. Здесь же лежала и кевларовая вместе с оторванной начисто обгоревшей и неузнаваемой в лице головой в сторону отлетевшая каска.

Машина, постояв немного на месте над обгоревшими дымящимися человеческими останками, по воздуху гудя реактивными двигателями, поплыла медленно в сторону того, кто ей был нужен.

Она нашла его. Мгновенно, в считанные секунды, сличив все данные с вложенной в центральный процессор информацией и передавая второй внутри ее находящейся машине. Киборгу Т-800. И тот отдал приказ ОУ зависнуть над искомым объектом АВN005476859. И выпустить выдвижную аппарель из грузового своего отсека.

Киборг увидел теперь лично сам и своими теперь электронными камерами глазами того, кого ему предстояло эвакуировать отсюда на базу Скайнет. Он спрыгнул с аппарели на землю сзади только что поднявшегося на ноги Егорова Алексея, который еле стоя на тех ногах, медленно чуть ли не падая, пошел от дерева к дереву на том заросшем цветами и травой косогоре. И, не видя его, расставив в стороны руки и боясь упасть контуженный обхватившись за ствол сосны, пытался устоять на подгибающихся своих мальчишеских ногах. Он, потеряв все свое боевое снаряжение в момент контузии от удара ультразвуковой волны, был теперь совершенно безоружен. Он потерял все. Лопнувший на поясе ремень с гранатами и обоймами от плазменной винтовки Вестингауз ME-25, как и саму винтовку. И теперь стоял, обхватив ствол дерева, и шатался во все стороны оглоушенный ударом. И не соображая ничего. Все, что он сейчас видел, все переворачивалось с ног на голову. И земля качалась и уходила из-под Алексея ног. Его камуфляжная форма ракетчика полопалась по швам до самых солдатских военных ботинок. Даже шнурки на ботинках порвались и туго стянутые голяжки разошлись в сторону на его Алексея ногах. А пуговицы и замки на его летней маскировочной зеленке разорвались и поотлетали во все стороны. В таком же виде было и под камуфляжем его военное солдатское ПШ, до самого нижнего белья. Каска и шапка улетели, вообще неизвестно куда, и видимо укатились со склона косогора. Только защитные металлические нарукавники и наколенники еще были на своем месте и почему-то уцелели и не оторвались. А сама голова гудела как церковный в их лесной староверческой деревне большой на колокольне колокол. В ушах звенело и все померкло перед глазами. И он только успел еще схватиться за ствол дерева, пытаясь устоять на своих мальчишеских подкашивающихся дрожащих и слабеющих не желающих, как и его руки теперь слушаться ногах.

Все кружилось вокруг него и земля и небо. И он не слышал как за поворотом заросшей густым сосновым и еловым лесом горы там, где находился в засаде его боевой отряд полковника Остапенко и отряд полковника Гаврилова уже начался и завязался смертельный бой.

Алексей не заметил, как сзади к нему подходил терминатор. Подобрал его все разбросанное по земле и траве военное снаряжение. Винтовку Вестингауз ME-25, Т-800 и живом человеческом биологическом камуфляже лейтенанта ракетных войск, Василия Смирнова, и в пятнистом маскировочном защитном камуфляже и армейских военных на

длинной голяжке кованных шнурованных ботинках. С 9,39мм винтовкой автоматом ВАЛ за спиной и на широком туго подпоясанном офицерском ремне в кобуре 9,18мм пистолетом ГШ-18. Со звездой советского офицера на шапке.

Тот робот мгновенно схватил Егорова Алексея своими, киборга Т-800 гидравлическими в сервоприводах под кожей и плотью манипуляторами руками, захватив и поместив его двадцатилетнего контуженного наглухо мальчишку под мышку, прижав его к правому боку одной правой рукой. И держа левой все его поднятое с земли трофейное снаряжение. Быстро подбежав к своему воздушному летающему охотнику. Сделав большой прыжок, исчез с ним в открытом транспортном ангаре. И следом за ним закрылась выдвижная аппарель ОУ НК-AERIAL V5. Перед глазами смотрящего в стороне под косогором, и слившегося с самой землей робота из жидкого металла Т-1002. Следящим за улетающим в сторону лабораторного крепостного комплекса Скайнет S9A80GB18 «TANTURIOS» с долгожданым живым трофеем воздушный охотник. И мгновенно превратившись в длинного блестящего как ртуть металлического змееподобного угря. Шипя, и бешено и дико извиваясь на огромной скорости, полетел среди кустов цветов и высокой травы в сторону разгорающегося за горой боя. Он на огромной скорости скользил диким сверкающим ртутью змеем по земле и среди высоких с широкими в шишках опущенными к той земле ветвями зеленеющих елей. Среди чернокорых сибирских высоких сосен. Спеша к крутому за поворотом горному в трехстах метрах отсюда склону и глубокому туннелю, где над горами кружили воздушные охотники. И эхом раздавались среди скалистых заросших зеленеющим лесом гор взрывы гранат, ракет и выстрелы плазменных пехотных винтовок и крупнокалиберных орудий.

* * *

16 апреля 2032 года.

Восточная Сибирь.

В тридцати километрах от базы S9A80GB18 «TANTURIOS».

Железная дорога Скайнет.

15:15 дня.

— Ты видела его последней! — прокричал на Светлану Лескову майор Кравцов — Как ты могла его потерять! Я назначил именно тебя командиром развед отряда! Тебя с боевым опытом бойца Лескова!

— Не знаю, товарищ майор — слезно докладывая, плакалась, чуть ли не рыдая и оправдываясь, Светлана Лескова — Мы прибыли сюда уже когда во всю шел здесь бой. Я не могу знать, где он? Я и вас, товарищ майор сразу не нашла в этой свалке. Я не могу знать, где Егоров Алексей! Товарищ майор!

— Где Гарик Резвый?! — прошипел, придавив Лескову к сосне собой, прорычал майор Кравцов — Твой постоянный друг и наш радист группы?!

— Я видела сама, товарищ майор, Гарик погиб в бою! — продолжала плакаться и изворачиваться от вопросов Кравцова Лескова — Я сама видела его разорвало в клочья с того поезда, товарищ майор, товарищ майор! Я не знаю где ваш Алексей, товарищ майор!

Кравцов схватил за шею правой рукой Багиру и придавил ее к сосне и стал душить.

— Это ты его угробила! — прокричал, он всех вокруг пугая — Ты сучка похотливая, ты

убила их обоих, тварь! Я удушю сейчас тебя, если не услышу сейчас правду! Сволочь!

Вокруг собралось масса зевак с обоих бункеров.

И к Кравцову первым подскочил сам полковник Остапенко. Он услышал крик, его Кравцова крик на весь лес и прибежал сюда и вцепился в самого Кравцова, отрывая его от Светланы Лесковой. Тут же и подоспел вторым полковник Гаврилов и тоже набросился на майора Кравцова.

— Отставить, майор! — прокричал Кравцову Остапенко — Отставить, я приказываю! Майор, уберите от нее руки! Отставить, Виктор! Отставить, майор! Слышишь меня, Кравцов Отставить!

Никто не решился кроме двух полковников вступить в единоборство с разъяренным до звериного неуправляемого и сумасшедшего бешенства Кравцовым.

— Товари...щ м... айор! — хрипела Лескова, вытаращив на Кравцова свои перепуганные в отчаянии зеленые девичьи глаза, задыхаясь под правой рукой на ее шее сдавленной пальцами Виктора Кравцова — Я не ви...нов...ат. ая!

— Врешь, сука! — орал Кравцов, пока его отрывали об полковника от предавшей Алексея его бывшей теперь любовницы Багиры. Все просто стояли опешевши и перепуганно смотрели на эту жуткую буйную убийственную сцену в лесу среди сбитых обломков воздушных охотников. Среди вонючего дыма тлевшей и горящей проводки и микроплат раскуроченных и разбившихся ОУНК-AERIAL V5 и поваленных стволов сбитых назем падающими сбитыми машинами Скайнет сибирских сосен.

— Убью суку! — кричал Кравцов — Ты угробила Алешку! Ты тварь!

— Я не вин...новат. ая! — продолжала хрипеть и задыхаться схваченная за свое горло правой рукой Кравцова Лескова, пытаясь сама вырваться из его смертельной звериной хватки.

— Хватайте его! — прокричал своим из бункера офицерам и солдатам полковник Петр Остапенко — Тащите его! Он ее сейчас убьет!

— Что встали! На своих, прокричал полковник Глеб Гаврилов — Тоже, давай хватай!

Подлетели ракетчики и схватили за руки и шею Кравцова, человек восемь, и потащили от Светланы Лесковой, еле оторвав его от нее.

— Я Алешку тебе никогда не прощу, сука! — кричал Кравцов — Никогда, слышишь! Ты убила его тварь! Я знал, кто ты сука! Всегда знал! Нельзя тебя было ставить в разведку старшей, сволочь, шлюха!

— Отставить, Кравцов! — снова, прокричал, его перекрикивая, полковник Остапенко — уберите его отсюда, быстро! — прокричал Остапенко на своих, и одновременно на солдат и бойцов Гаврилова — свяжите и в вездеход! Там, потом разберемся!

— Уведите его отсюда! — скомандовал в сторону отскочивший полковник Гаврилов — Слышали команду!

Виктора Кравцова поволокли все восемь бойцов ракетчиков к стоящему ближайшему гусеничному вездеходу, а он рвался в бой и вырывался из солдатских рук, продолжая кричать на Светлану Лескову и угрожая ей расправой. А та опустила тут же у сосны на корточки и упала на задницу, держась за свое передавленное девичье горло и хватая воздух своим открытым ртом, закрыв свои зеленые перепуганные глаза. И опустив голову на свою тяжело дышащую под пятнистой военной одеждой грудь.

А полковник Остапенко тоже еще не совсем прейдя в себя, как и, полковник Гаврилов, встав рядом с сидящей Лесковой. И облокотившись о сосну, посмотрели друг другу в глаза

каждый. И Остапенко спросил Гаврилова — Сколько погибло у тебя Глеб Пантелеймонович?

— Шестеро, Петр Васильевич.

Они оба тяжело дышали и были не в себе еще, но продолжили разговор — Семерых я потерял — произнес Остапенко — Включая троих без вести.

— С Кравцовым надо что-то делать, Петр Васильевич — произнес Гаврилов — Он, и у меня, чуть драку с перестрелкой не устроил тогда в бункере. Когда узнал о работе.

— Он ненавидит машины, как и сам Скайнет. Люто ненавидит, больше всех — произнес Остапенко.

— Он стал опасен — произнес Гаврилов — Его нужно отстранить от любой боевой работы, Петр Васильевич. Пока он не натворил чего-нибудь как сейчас.

— Прикажу посадить, пока под арест — произнес Остапенко.

Остапенко посмотрел на сидящую под их ногами Светлану Лескову.

— Ты в порядке, боец Лескова? — произнес полковник Остапенко.

— В порядке — еле слышно произнесла, хрипя поврежденным горлом Багира и подымаясь на свои ноги, перед обоими полковниками Гавриловым и Остапенко — Все нормально, товарищ полковник. Разрешите мне идти?

— Идите, боец Лескова — произнес полковник Остапенко — И к Кравцову не приближайтесь теперь на пушечный выстрел. Поняли меня боец Лескова?

— Да поняла, товарищ полковник — она произнесла, все еще растирая свою шею и горло.

— Не понял — произнес жестко Остапенко — Еще раз, а то я не расслышал. Поняли меня боец Лескова?

— Так точно, поняла, товарищ полковник — произнесла, чуть громче Светлана Лескова и встала перед обоими полковниками, смотрящими на нее по стойке смирно.

— Ну, раз поняла, тогда идите — произнес Остапенко Лесковой.

— Есть, товарищ полковник — произнесла Светлана Лескова. И, обернувшись вокруг собственной оси, быстро пошла, не подымая, свои зеленые бестыжие преступницы глаза, мимо проходящих бойцов двух ракетных бункеров.

А к Остапенко и Гаврилову подошел в окружении вооруженных бронебойным стрелковым оружием ракетчиков робот, по имени Дэриел. Он был только в окружении своих ракетчиков. Из бункера полковника Остапенко рядом с ним не было никого, что говорило о том, что его толком пока, не знали и не доверяли в другом ракетном бункере.

Все из бункера полковника Остапенко стояли сейчас за его спиной и встретили прибытие боевого робота на доверии из бункера полковника Гаврилова. Видно там он уже снискал свою боевую славу или каким-то своим особым способом завоевал доверие у ракетчиков Гаврилова.

— Задача поставленная выполнена, полковник Гаврилов — произнес он, лично полковнику Гаврилову — Танк теперь наш.

— Здоровенная махина! — произнес глядя на стоящую на железной дороге недвижимую вагонную огромную платформу выгнанную из самого туннеля, и сам танк полковник Гаврилов — И вагон такой же под стать! Как и весь состав! Сейчас он мне почему-то кажется отсюда еще больше!

Он зрительно восторженно оценивал величину автоматической теперь поврежденной и остановленной только самим его доверенным из бункера роботом вагонной платформы на

десяти колесных парах. Человек по сравнению с этой самоходной подвижной конструкцией был просто карликом. И поезд АКЛ88795 сам в длину занимал стоя на тех рельсах больше тридцати метров под управлением робота МК191Т, локомотива и бронеплатформ и вагонов.

Робот Дэриел смог остановить этот грузовой в несколько тысяч тонн бронепоезд, пока тот был еще в самом туннеле и был отрезан от своего воздушного охранения. Он не смог палить из своих плазменных крупнокалиберных, как и у НК-танка V5 50мм пушек CBS-500 и установок Margret45. В туннеле не было никого. Там зажатый, просто бетонными нависающими полуокруглыми стенами туннеля ему не в кого было стрелять.

Робот заскочил на него еще в самом туннеле, как никто не видел. И проник внутрь самого тягача и остановил самоходную на автомате конструкцию. Вырубил боевые оборонительные турели. А ракетчики обеих бункеров сбили всех воздушных над тоннелем охотников.

При этом при всем, за короткое сражение погибло более десяти человек с обеих бункеров. И трое просто пропали без вести.

Несмотря на ощутимые человеческие потери, задача была успешно выполнена. И благодаря, в первую очередь именно этому роботу Дэриелу. Неизвестному толком никому. Роботу, прибывшему из некоего предполагаемого вероятного прошлого или будущего.

Некоторые так и не верили, что Дэриел робот. А он не давал им для этого повода. Он хранил свою тайну, тайну машины прибывшей и прошлого или будущего.

Все вокруг ракетчики обеих бункеров с открытыми ртами осматривали побежденный с помощью этого робота Дэриела свой отвоеванный у Скайнет боевой новый важный и дорогой трофей.

— Сколько такая дурра весит, Дэриел? — произнес Гаврилов своему, работающему на него и его бункер роботу, указывая рукой на кибер-танк с 30 и более крупным 50мм плазменным вооружением. Пушками CBS-250 и CBS-500. Той же конструкции, но крупнее чем на летающих охотниках ОУ НК-AERIAL V4 и V5 и ОУНК-AERIAL V2 «TRANSPORT» ракетами СКАРБ -10 на боевых поворотных турелях. Осматривая громадные гусеничные шасси бронированной титаном громадной робота-машины.

Это вооружение немного лишь уступало вооружению крепости Скайнет. Ее оборонительным крупнокалиберным 70 и 80мм CBS-550. Но могло согдиться для пролома укрепления со стороны правобережья, куда и планировалось в скором будущем нанести удар и сделать прорыв в хорошо укрепленную из железа и бетона цитадель Б.

— Больше ста пятидесяти тонн, полковник — произнес робот, которому солдаты подавали какие-то инструменты и металлический большой чемодан.

— И поезд столько же — робот говорил просто и четко как настоящий живой человек. Даже не скажешь, что он робот.

— Мы сможем запустить его? — произнес Гаврилов роботу.

— Думаю, да — ответил Гаврилову робот — Думаю, там нет никаких секретных кодов в его стандартной программе и протоколах и запуске самой машины. Я уже составил директивы и нужные программы для этой машины, полковник — продолжил робот Дэриел, за работой которого следили все, кому только было не лень. Собравшись вокруг громадного бронированного в тысячи тонн весом железнодорожного состава.

— Вы их и ваши программисты бункера видели. Секретов тут нет — произнес перед всеми, видно специально робот Дэриел.

— Хорошо, Дэриел — произнес полковник Глеб Гаврилов — Мы еще обсудим

остальное все в нашем ракетном бункере.

— Мне нужно с вашими, полковник подчиненными, провести некоторую обучающую работу по электронике и механике — произнес Дэриел — Не возражаете полковник, если я их всех заберу с собой.

— Да бери и учи этих неучей — произнес Гаврилов, а Остапенко несколько обескуражено и молча, наблюдал за работающим на поезде несколько на вид странноватым не высокого роста синеглазым и весьма оптимистичным в поведении человеком, солдатами и самим Гавриловым. Так легкомысленно доверяющему какой-то, прибывшей неизвестно откуда неизвестной машине. Машине так похожей на человека во всем. Совершенно неотличимой от обычного человека. И это полковника Остапенко, именно такая поразительная схожесть и манера самого поведения. Это все настораживало, даже больше, чем только что чуть ли не кровавая убийственная ссора майора Виктора Кравцова и его подчиненной Светланы Лесковой. Слишком было гладким это его поведение. Ровным и без запинок. Без обычных человеческих конфликтов и ссор. И все действия были выверены и отработаны до мельчайших деталей и движений. Машина, если это была действительно машина, хорошо гасила под человека. Умело и ловко.

Робот качнул доверительно и удовлетворенный ответом своего теперешнего начальника и в окружении военных своего бункера, с любопытством и, не выпуская своего из рук оружия, наблюдающими за весьма осмысленной электронной и технической работой похожей на человека машины.

Гаврилов произнес Остапенко — Сейчас все остальное за моим Дэриелом. Дэриел сейчас подготовит танк к транспортировке своим ходом до нашего бункера. Там есть большой транспортировочный грузовой авиационный ангар на старом заброшенном лесном аэродроме среди гор. И тут не так далеко до моего ракетного бункера. Всего несколько минут, пока Скайнет не опомнился. Там мы его и спрячем.

— Надо похоронить убитых — произнес Остапенко, наблюдая, как и все за работой робота Дэриела, полковнику Гаврилову.

— Да, надо — произнес Гаврилов — Они славно сражались и достойны такого же славного военного погребения.

— Раньше такое было, почти невозможно — произнес Глеб Гаврилов Петру Остапенко.

— Я тоже своих погибших не мог по-человечески похоронить — произнес полковник Остапенко — Приходилось просто обливать бензином и сжигать трупы своих солдат на лютом морозе. Обливать и сжигать, пока дотла не сгорят.

— Да, это если, удавалось что отправить на костер — произнес полковник Глеб Гаврилов — Порой и хоронить было нечего. Одни ошметки и фрагменты.

— Ладно, Глеб Пантелеймонович — произнес полковник Остапенко — Хватит вспоминать нехорошее. Думаю, наша операция, принесет нужные результаты.

— Теперь мы вобьем крепкий гвоздь в крышку горба этого электронного ублюдка — произнес довольно полковник Гаврилов.

— Хорошо бы — ответил Гаврилову полковник Остапенко — Иначе я не смогу объяснить своим все эти жертвы. Семь человек и от троих ничего не осталось совсем. Хоронить нечего.

— Вот майор Кравцов и бесится — произнес полковник Гаврилов.

— Нет, не поэтому — произнес Гаврилову в ответ полковник Остапенко — Он уже третьего своего такого преданного любимого парня потерял. Почти сына. У Кравцова вся

семья погибла на этой чертовой войне. Еще в 2012 году. И каждый такой вот боец как этот пропавший без вести его боец, словно его тот родной погибший сын.

— А, эта кто, что провинилась перед ним? — спросил Гаврилов — Что-то, он шибко круто с ней. Чуть не придушил свою девку.

— Светлана Лескова — произнес Остапенко — Отличный боец и командир.

— Нет, тут что-то между ними личное — произнес Глеб Гаврилов — Мне кажется в ней, что-то не так, как и в Викторе Кравцове. Что-то тут очень схожее и личное.

— Лескова до того как попала в первый отряд молодых Кравцова — продолжил Петр Остапенко — Тоже потеряла всю свою семью. Брата, мать, сестру. Она из городских. И я слышал, что из бывших пленных Скайнет. И откуда-то тоже, как и Кравцов с Дальнего Востока. Толи с Уссурийска, толи Приморска. Сумела как-то сбежать из плена из самой воздушной робота-скотовозки Сканет. Прямо сумела каким-то образом выбраться из нее и прямо в воздухе и выжить. Ее подобрали в одной из деревень и отходили. Но не это главное, а главное то, что у нее свои тараканы в голове, Глеб. Она отличный боец и храбрый боец, но больная, как и мой майор Кравцов на всю голову. Она потенциально ненавидит трусов.

Остапенко и Гаврилов прохаживались в стороне ото всех по цветущему весеннему лесу. Рядом с ними прохаживались с обеих сторон и бункеров солдаты, вооруженные стрелковым тяжелым и плазменным оружием.

— Просто не переваривает любого за проявленную трусость, и всех, кто тех поддерживает — произнес снова полковник Остапенко полковнику Гаврилову. Ненавидит так же, как, майор Кравцов ненавидит роботов.

— И все это на почве личного — произнес Гаврилов — Так, Петр Васильевич?

— Именно как я сам считаю так — произнес Остапенко.

— Но тут у многих погибли родственники — произнес Глеб Гаврилов — И многие ненавидят машины Скайнет. И хотят их уничтожить. Это их личная даже и не совсем наша военных война. Все жаждут мести за потерянных родных в этой ядерной войне и в плену машин.

— Но, не до такой степени, что страдают люди и, причем хорошие из-за этого люди — произнес Остапенко Гаврилову — Я сейчас думаю, этот боец и командир Светлана Лескова, просто опасна. И смерть моего молодого радиста и бесследная пропажа любимого бойца майора Виктора Кравцова не совпадение и не случайность. Тут именно личное и опасное, что стало твориться в моем бункере.

— Что будешь делать теперь, Петр Васильевич, с этим своим свихнувшимся на почве мести Кравцовым и такой же Лесковой? — произнес полковник Глеб Гаврилов — Они теперь могут убить друг друга, и еще кого-нибудь прихватить с собой по ходу дела.

— Я буду еще решать сам этот вопрос Глеб Пантелеймонович — произнес Остапенко — Этот вопрос, вопрос самой дисциплины и поддержание самого порядка в моем ракетном бункере.

Подбежал один из солдат полковника Гаврилова. И отрапортовал что танк к перегону до бункера полковника Гаврилова готов, что робот Дэриел, запустил программы в ЦПУ огромной машины. И машина уже сошла с вагонной платформы. И, давя все вокруг широкими своими гусеницами и валя деревья, делая себе дорогу, идет самоходом по заданной программе к его бункеру. Проезжая по обломкам сбитых своих охранников ОУНК-AERIAL V5, которые догорали, разлетевшись кусками и обломками по горам и лесу, воня оплавленной проводкой и изоляцией обгорающих проводов и плат.

— Пора, Петр Васильевич — произнес Гаврилов, стоя у одного из больших роторных реактивных оторванных гранатометом РПГ-7, еще дымящихся двигателях воздушного охотника охранника и поваленной этим двигателем зеленой хвоей и черной корою сибирской сосны — Пора уходить отсюда.

Он осмотрелся вокруг вместе с полковником Остапенко, осматривая место недавнего боя и разбросанные блестящие обломки и детали охранников бронепоезда, который так и стоял, пока на самой железнодорожной линии среди леса и гор, так и не пройдя устроенной ракетчиками засады. И застряв навсегда в этом сосновом лесу.

Робот локомотив и тягач МК-191Т был и полностью обесточен. И, стоящие на поворотных платформах бронированные турели вагонов охранения, так и не сделав, ни одного выстрела в самом туннеле, уже, и тоже, не работали. Все было выключено этим загадочным роботом Дэриелом. С поезда были выдраны с корнем все микросхемы и изъяты две ядерные батареи IGEY- 500, обновленного типа, после IGEY-450. Генератор было невозможно из-за громкости и тяжести демонтировать и его просто оставили на тягаче бронепоезда. А все, что можно было демонтировать побыстрому демотировали, просто недолго думая привзванным к составу на одном из гавриловских гусеничных вездеходов тягачей газовым сварочным и режущим автогеном.

Вокруг транспортного грузового автоматического поезда догорали поваленные, обуглившиеся стволами и ветвями сосновые деревья.

Задача была выполнена, и надо было отсюда убираться. Пока Скайнет не стал искать действительно свой НК-танк V5.

— Да, пора — произнес, соглашаясь с Гавриловым Остапенко — Пойду собирать своих бойцов в тягачи. Пора уматывать отсюда.

Вскоре все уже сидели в гусеничных крытых пятнистым брезентовым тентом груженных трофеями вездеходах и летели в сторону своих ракетных бункеров с бок обок едущим с ними рядом по отрогам гор в ложбинах огромным гусеничным военным танком прорыва Скайнет НКV5.

05 мая 2032 года.
Восточная Сибирь.
Бывший Красноярск.
Территория Скайнет.
Лагерь S9A80GB18 «TANTURIOS».
Левый берег. Цитадель А.
Сектор В-12.
Медицинский центр X50.
11:40 утра.

Очень болела голова. Она и привела его в чувство. Боль просто была для Алексея невыносимой. И все кружилось. Все как в морской качке. Хотя Алексей и не видел никогда моря и не был моряком, но сравнение было вполне уместно, если принять, во внимание его контузию. От которой тряслись руки и все тело, и он плохо слышал, будто уши забиты были чем-то, плотно и выковырять это из них, было лишь только делом времени. И его исцелением в медицинском секторе В-12 в блоке X50.

Он Егоров Алексей, еще понятия не имел что находился на базе Скайнет S9A80GB18 «TANTURIOS». В главной лабораторной и крепостной лагерной цитадели А. Там, где под ним на глубине пяти этажей было само сердце Скайнет. И Скайнет получил его. Пленного под номером ABN005476859.

И Алексей был в плену и находился в медицинском центре лагеря с военнопленными и пленными гражданскими со всего света. И сейчас все ходило ходуном. Пол, потолок, стены. И рвало. Рвало бес конца. До потери снова сознания. И казалось каждый раз, что наступил конец.

Это все контузия. Тяжелая контузия.

Он еще понятия не имел, что это такое, но вот уже попробовал на себе. И еле живой, снова решил подняться на свои ослабленные, дрожащие от лихорадочной тряски ноги. Потому как надоело лежать и смотреть полумертвым взором опухших больных красных налившихся кровью глаз в этот один и тот же белый больничный потолок.

Он ничего совершенно не видел больше с того момента как потерял сознание. Только, черное перед глазами и какие-то обрывки и кто-то, что-то делал над ним.

Алексей, когда первый раз очнулся и покрутил на подушке головой.

Он осторожно поднял над собой обеими руками. Они были в районе сгибов в отметилах от уколов и их игл. Там были кровоподтеки. Кровь попала под кожу. И в этом месте болели.

Он пошевелил пальцами.

— «Где это я?» — он задал себе вдруг вопрос — «Больница. Я в глаза не видел больницы, кроме той, что в ракетном бункере. Но ту больницу не назовешь в полной мере больницей как эту».

Алексей все же смог подняться и сесть на постели и руками потрогал все вокруг себя.

— «Даже постель не из обычного железа и не как у солдат бункера. Она из какого-то другого материала. Похожего на пластик, на такой же материал как приклад плазменной трофейной винтовки ME-25, как отделка в панели управления в ракетном бункере или в

кузове вездехода. И постель без обычных металлических ножек. На специальной регулируемой опоре или рычаге, который мог поворачиваться в разные стороны и менять наклоны. Какие-то мигающие лампочками приборы и кругом белые из такого же материала шкафы. Без ручек и замков, похоже на автоматике и попасть в них было не возможно без особого похоже ключа.

Светло и красиво. Кругом цветущие цветы и растения. Все обставлено ими. Он не видел таких цветов как цветов вообще еще. И не видел таких растений. Было, похоже, что они, вообще не отсюда, а откуда-то издалека привезенные сюда для красоты больничной палаты.

Алексей видел цветы. В бункере, у связистки Тамары Кудрявцевой. В ее комнатке, где была ее рация и была одновременно ее жилая комната. Она любила цветы и ухаживала за ними, когда он и Светлана Лескова заходили как то к ней. И Алексей видел первый раз цветы. И ощутил их запах. И тут был тоже запах, но какой-то более терпкий и особенный.

Он Алексей Егоров, родившийся лютой ледяной ядерной зимой, как и его родной старший брат, Иван, вообще ничего этого не видели. Ничего живого. Только один снег и лютый холод. И отца вернувшегося из леса. Всего обмотанного теплым уже потрепанным тряпьем и на лыжах с дровами.

Все что Алексей помнил только зима и глубокий снег. И из дома было, почти невозможно выйти. Многие в его деревне замерзли заживо в лесу, вот, так же как его отец Дмитрий Егоров уходя за дровами. И так было лет двадцать здесь в Восточной Сибири. Говорили, что так было не везде. Мол, в той же Америке, погода скакала. То есть снег, то его нет. И температура тоже. Когда были лютые морозы, доходившие до минус пятидесяти и ниже, а когда можно было вылазить на улицу. Но здесь в Восточной Сибири двадцать лет стояла зима, и лежал снег. И холод доходил до минус семидесяти. И климат не менялся. И Алексей с братом Иваном никогда не видели ни цветов, ни ягод, ни самого с весною лета.

Тогда многие погибли именно от холода и этой ядерной зимы в лесных их двух деревнях. Гибли птицы и животные. И Алексей помнил, как отец ходил на поиски павших от холода, прямо в берлогах медведей и оленей Маралов. И когда приходил ни с чем, когда приносил мясо. Ходили даже целой деревней. По несколько мужиков, чтобы дотащить еду до селений и спасти от голода своих родственников.

Так вот и выживали, выкапывая из мерзлой земли корни и замерзшие растения. Кое-чего выращивали дома. В утепленных погребах. Прогревая их постоянно огнем. Живя при свечах и лучинах.

Говорили, не вся природа погибла от холодов ядерной зимы.

Почему-то, именно сейчас на большую Алексея голову, вспомнилось о том, что рассказывал дома отец, что видел живыми в лесу на горах по Мане оленей Маралов. Целое стадо. И однажды даже медведя. Как они выжили не ясно в такие холода, но он видел живых куниц и белок на елках и соснах. И даже однажды пролетающую в небе над самыми верхушками заснеженных деревьев одинокую каркающую ворону.

Алексей сидел на постели, и его качало во все стороны. Голова по-прежнему гудела и болела. И нечем было ее унять. Он обхватил голову руками и наклонился к коленям, пытаясь сейчас все вспомнить, как он здесь очутился. Но все было тщетно. Все, что помнил это блуждание в трех соснах возле какого-то человеческого трупа.

Он хотел помочь тому человеку, но... Помогать уже было некому. Тот был давно лежащий там труп. Труп, почти разрезанный или разорванный толи лазером, толи плазмой пополам. Рядом лежала автоматическая 5,56 мм винтовка Гроза с порванным пополам

ремнем. И девяти миллиметровый пистолет Макаров. И кругом стрелянные гильзы и пустые магазины. Потом... Лицо капитана Руденко. Живое и шевелящее глазами его лицо и потом, потом ничего не помнил. Что-то взорвалось и словно все вокруг как целиком вся под ногами его земля. И его сжало вдвое и подбросило вверх. Потеря сознания. Потом он пришел в себя и поднялся с земли. Весь мир казалось, перевернулся с ног на голову. И потом его блуждание в этих трех соснах и тишина и гул в голове и все, как и сейчас качалось и вокруг буквально все и переворачивалось.

И какой-то высокий в военной форме ракетчика неизвестный Алексею человек. С автоматом за спиной и с пистолетом в кобуре и на поясе, быстро подбежавший к нему, стоявшему у одной из сосен на высоком пригорке. Тот человек схватил его как тряпичную легкую куклу, будто Алексей ничего не весил. И, прижав к себе и взяв сбоку под правую свою сильную военного руку, заскочил в какой-то летательный блестящий большой аппарат. Какой он Алексей не рассмотрел, но увидеть успел его изнутри и потерял, снова свое сознание.

Это все, что он Егоров Алексей еще помнил. И вот он уже тут, и одновременно не знает, вообще где? В этой странной интересной больничной с запахами цветов красивой плате. Так не похожей, на больничные блоки ракетного бункера. И никого сейчас вокруг. Только где-то слышен детский отдаленный смех и гомон.

Это дверь. Дверь была полуоткрытой. Сюда кто-то заходил, пока он лежал, снова отключившись из своего сознания. Но кто он не знал. Он еще не видел, но тот, кто заботился о нем, явно хотел, чтобы он выздоровел.

Алексей оторвал свою русую коротко стриженую голову от своих рук и посмотрел на себя. Он первым делом увидел свои ноги. Он был голый. Совершенно голый. Без всего. Без какой-либо вообще одежды. Тело было чистым и чем-то целиком обработанным. Вероятно, это была дезинфекция. Необходимая стерильная обработка больного. Именно когда он был в отключке. Его чем-то отмыли и протерли. Всего и целиком, от головы до пяток ног.

Голые ноги и голые руки. Руки с кровавыми синими подтеками под кожей у сгиба и места тоже побаливали. Это были следы от стоящих тут же капельниц и их игл. Точно такие же, как в медотсеке ракетного бункера. У врача Шевелевой Римы, второго по счету врача за погибшим биологом и ученым бункера Семенцовым Палычем.

Алексей видел эти капельницы там у нее в том больничном боксе. Его туда водила его любовница и командирша первого боевого отряда Светлана Лескова. Просто шарахаясь вдвоем от нечего делать по бункеру и его закоулкам. Не попадаясь на глаза майору Кравцову. Там были больные и лежащие под капельницами. И здесь было точно такое же.

Его любовница боевая чертовка. Его красавица русоволосая Багира. Алексей вдруг снова вспомнил о ней. Она, охомутовавшая его Егорова Алексея. Вот так и без всяких лишних ухаживаний, просто взяла и охомутала его, двадцатилетнего парня.

Алексей посмотрел по сторонам, где все так и качалось и кружилось. И он совершенно голый и с больной головой и этот не проходящий звон в его голове.

— Багира! — прокричал Алексей, не слыша совершенно своего голоса и слов. И не понимая, что кричит — Светик!

Он поднялся, и вдруг сделав один единственный шаг, просто упал, стягивая постельное покрывало и простыни с постели левой схватившейся за них рукой. Упал на пол из чего-то тоже похожего на пластик или, что-то похоже на него. Черный, жесткий и ровный как стеклышко.

Алексей просто упал и сильно ушибся, распластавшись на том полу. Накрывшись той белой с постели простынею и таким же белым покрывалом. Он сильно зашиб одно колено на своей голой левой ноге и схватившись за него застонал от боли, скрючившись на том больничном полу. И совершенно не заметил, как собрал сразу всех очевидцев своего неприятного и неловкого падения.

Алексей даже не заметил, как распорядившись убрать всех с прохода дверей в палату детей и уйти следом самим, приказала одна молодая лет двадцати русоволосая невысокая девица. В больничном медицинском как врач длинном до ее голых под тем халатом девичьих колен. В белых больничных мягких тряпичных тапочках. И спешащая к упавшему с постели Алексею на помощь.

Она буквально, подлетела к нему, опустившись возле Алексея на колени и глядя сострадалчески на него ударившегося о твердый ровный в больничной палате пол, лежащего и смотрящего теперь уже на нее своими синими удивленными мальчишескими глазами, в такие же широко открытые напуганные полные боли, понимания и любви, синие девичьи глаза. Их глаза встретились, и эта встреча была предначертана.

Еще не зная, кто это перед ним, Алексей влюбился в нее. Сразу и мгновенно. С первого взгляда.

* * *

05 мая 2032 года.

Восточная Сибирь.

Бывший Красноярск.

Территория Скайнет.

Лагерь S9A80GB18 «TANTURIOS».

Левый берег. Цитадель А.

Центр клонирования и киборгизации.

Сектор В-14.

Подземный блок X17.

11:55 утра.

Его привели два Т-700, в этот бункерный сектор. Привели в большую медицинскую и научную лабораторию.

Он не знал, кто был инициатором такой его экскурсии до главного сектора программирования и клонирования. Но догадывался.

Он тут уже побывал. И, это было давно. Когда он уже не помнил точно, но помнил здесь все. Когда за солдатом и главным в лагерном блоке X19 Беловым Андреем закрылись с громким шипением на пневматике белые комбинированные из титана и пластика широкие двойные высокие двери. И роботы охранники остались стоять за теми сторожить дверями в узком и низком освещенном дневным искусственным светом горящих ламп коридоре.

Он бывал здесь. В прошлом году. Его под конвоем водили ниже. В сектор «ZET», блока X15, где стояли здоровенные стеклянные барокамеры и стояли металлические в длину человека с углублением столы, подключенные к какой-то огромной машине. Он потом узнал, что это была машина по пересадке человеческих душ в тела роботов. Но его почему-то

отправили обратно. Он не подошел по каким-то причинам. И возможно, Илья где-то теперь там. И уже целый месяц.

И вот снова его притащили сюда. Зачем? И в какую-то еще одну лабораторию над сектором и центром «ZET» и блоком X15. Это была наземная лаборатория в бетонном трехэтажном здании посреди крепости и цитадели А. В стороне от тюремных крепостных лагерных барачков с пленными.

Но, упираться было делом бессмысленным и даже опасным. Пришлось оставить всех в лагерном тюремном блоке и идти добровольно. Всех товарищей по лагерному тюремному блоку. И идти.

У Андрея гулко стучало внутри его сердце. Он боялся. Боялся всегда. Лишь скрывал это перед всеми. Даже тогда, когда пытался заступиться за своего товарища и дурного характером военнопленного Горбунова Илью. От которого кроме неприятностей ждать было нечего. Илья всегда мучил в лагерном блоке, да и везде воду. Постоянно лез в драку. И только его Андрея почему-то слушался. Может потому, что Андрей был лидером в блоке и к нему все прислушивались. А может, Илье было так удобно. Прятаться за него если, что. Но вот не вышло, и его схватила Верта, машина из жидкого металла Т-1001. И он должен быть где-то здесь в этой лаборатории, где он был сам, когда-то. Это было еще в прошлом году. Но отпустили. И по приказу этой самой робота Верты.

Надо было узнать об Илье, о котором ничего было неизвестно уже, почти с месяц, и если еще он жив и в порядке пока, попытаться договориться с Вертой о его освобождении. Хотя это дело было теперь, почти нереальным. Но узнать об Илье нужно было. О нем уже давно ничего не было известно. И сейчас самое время узнать, что и как? Может, он еще живой и должен быть, именно где-то здесь. Здесь у нее. У Верты. Это ее вечное место пребывания. Это ее лаборатория. И место работы и исследований. И она приказала его Андрея привести к себе. Вот только зачем? Что-то она задумала и что-то связанное с ним Андреем.

Сердце гулко стучало, где-то глубоко в груди под тюремной одеждой военнопленного. И дрожали ноги. Даже подгибались, но он смог идти. Не идти было нельзя. Отказать этой Верте было смерти подобно. Она, вообще отказы не понимала и не принимала. Отказать было обречь себя или кого-то еще на гибель.

Верта, он знал ее, как мог только знать человек робота. И знал, не понаслышке о самом главном роботе этой лаборатории и правой руке самого Скайнет. Он, Андрей единственный кто имел возможность общаться с ней. И даже по душам. И вероятно, машина прониклась к нему неким своим Т-1001 робота из жидкого металла интеллектом.

В лаборатории горел яркий свет, и тут не было никого. Только, стояли большие длинные белые из пластика столы. И на них шипело, что-то в колбах и минзурках. Как в химической школьной лаборатории. Так было когда-то в его памяти еще в далеком детстве, когда он учился в Московской школе. Потом проходил тоже, самое уже в военном училище, и помниться сдавал даже экзамены, как и по всем прочим учебным предметам.

Далекое детство и юность, он отключился на некоторое время от реальности. Далекая Москва. Которой уже не было, как и многих городов в бывшем теперь Советском Союзе.

Андрей был родом из столицы. И судьба его забросила в Сибирь. Нет сначала в Америку в качестве разведчика КГБ. Но это еще до войны. И вот уже потом в качестве военнопленного сюда в Восточную Сибирь. В этот лагерь под бывшим Красноярском. И уже пленником. Из Советских разведчиков и бойцов DN38416 отряда лидера сопротивления

Джона Коннора пленником Скайнет. Он смотрел на стоящий впереди тех столов, у дальнего края этой лаборатории большой еще один стол с качающимся и вращающимся вокруг общего центра кольцевым настольным маятником. Там лежали какие-то тетради, толстые папки и журналы.

— Ну, прямо как на уроки биологии или химии. Сразу вспомнил школу — как-то он вдруг сам себе под нос произнес — Сейчас сдавать экзамены буду. Учительница только, где-то задерживается. Юморист — упрекнул он себя, стараясь отгонять дурные, всякие лезшие ему в голову мысли.

И Андрей даже тихо усмехнулся, через свой жуткий страх, пытаясь держать себя в руках. Не ведая, что будет дальше.

Андрей прошелся чуть дальше, оглядываясь по сторонам и рассматривая все кругом, но ничего не трогая. Он посмотрел на стоящий большой с водой до самого верха аквариум. Там плавал, какой-то черный длинный, извиваясь у самого дна угорь. Но он не особо привлек его внимания. И Андрей повернулся лицом к стоящему перед ним и между столами у левой стороны белой такой же, как и все вокруг стены отделанному толстым пластиком вытянутому в длинный прямоугольник встроенному в стену блестящему в свете горящих ярких ламп дневного света зеркалу. В зеркале отражалась вся противоположная сторона лаборатории, аквариум с плавающим длинным черным угрем. И часть столов с шипящими и булькающими пробирками и колбами.

Он посмотрелся в него, разглядывая себя с ног до головы. Словно первый раз видел себя в нем и свое сорокалетнего мужчины отражение. С налетом легкой щетины. Смугловатого оттенком кожи черноволосого и уже стареющего и седеющего брюнета.

— Да — произнес он сам себе и вслух — А когда-то, тебя любил женщины, товарищ разведчик. Женщины всего мира. И готовы были продать свои страны, за ночь с тобой. Советский разведчик Белов Андрей Валерьевич. И как же так вышло то, что ты теперь тут? Как?

Он махнул рукой и отвернулся от своего слегка помятого и небритого отражения. Он думал сейчас о том, зачем его сюда привели? И снова, об лагерном товарище Илье.

Он стоял спиной. Теперь к стоящему за ним большому зеркалу. И не заметил, и не услышал даже, как сзади из того отделанного белым тем пластиком. Из самого стекла отражающего зеркально теперь его спину пленного солдата Андрея, и часть стены со столами колбами и пробирками, показалось блестящее лицо. Оно просто выступило из самого стекла зеркала. Четко обрисовывались блестящие зеркальным отражением губы скулы и нос, того что пряталось в том зеркальном отражении. Прямо из идущего бесшумными круговыми волнами зеркального стекла, которое было не стеклом, а жидким металлом.

Лицо четко обрисовалось, открыв свои не моргающие женские глаза, уставившиеся в самый коротко стриженный черноволосый седеющий затылок военнопленного солдата Андрея. И через некоторое время из зеркала появилась блестящая длинная капля. Капля вытекла прямо из зеркала, превратившись тут же голую обутую в длинный черный сапог ботфорт на высокой шпильке женскую блестящую как ртуть красивую ногу. Принимая тут же фактуру, цвет и форму. И следом обрисовалась в зеркале женская блестящая из жидкого металла полиморфа Т-1001 красивая грудь и одно правое плечо с женской рукой и вся голова, с тут же принимающими черный цвет вьющимися словно змеи распущенными во все стороны по тем плечам и груди женщины работа из металла полиморфа волосами. Которые

шевелились как настоящие живые человеческие волосы. Следом появилась и верхняя часть гибкого женского тела. И отделилась от зеркала. И робот полиморф беззвучно наступил одной ногой в сапоге на высокой шпильке на покрытый твердым пластиком пол, отслаиваясь медленно и плавно, и главное беззвучно и тихо от самого зеркала. Как бы вынимая самого себя до конца из зеркального зазеркалья. Ступая уже второй ногой отслоившись задней широкой крутобедрой женской частью от самого настоящего зеркала.

И он ее не слышал. Лишь стоял и, осматривая впереди всю большую лабораторию, думая о своем давнем детстве, вспоминая всех от однокурсников до учителей. И думал о товарище Илье.

Солдат Андрей не видел, как за его спиной уже стоял, принимая полностью вид красивой черноволосой брюнетки робот полиморф. Черноглазой с пышными формами в вызывающей сексапильной одежде уличной путаны. В красной короткой кожаной куртке и цветном с какой-то нелепой картинкой топике, оголяющем женщине округлый полненький с пирсингом живот и виднеющимся кружевным черным на плечах узких ляпочках лифом, подтягивающим ее пышную размера четвертого грудь. Как из-под пятницы суббота. В точности копируя одеяние западных американских путан. Которые снимались, когда-то в довоенном прошлом на замусоренных улицах на отшибе Нью-Йорка. У шумных забегаловок или в самих забегаловках. У кинотеатров и в переулках с валяющимися у помоек местными бомжами. Под вой полицейских сирен и проносящихся мимо легковых автомобилей.

Эта дама легкого поведения, с гибкой узкой в талии фигурой и черной матерчатой мини юбке. Такой мини, что были видны этой лет так навскидку тридцати или около этого, такие же черные узкие кружевные из шелка трусики бикини. И практически полностью голые округлые широкие бедра. До верха, которых, почти доходили черные такие же расклепанными голяшками из красной кожи сапоги ботфорты. На высокой шпильке.

И Нью-Йоркская брюнетка путана, в красных кожаных ботфортах, и короткой миниюбке, сверкая своими черными кружевными трусиками и изящно покачивая полуоголенной в глубоком декольте вырезе и в топике и лифе грудью четвертого размера, сделав пару быстрых шагов, качнув, пару раз широкой женской округлой задницей, подошла к нему. К стоящему к ней своей спиной ее пленнику, заключенному блока X19, солдату Андрею. Подошла и положила мягко и нежно в рукавах красной кожаной куртки свои в блестящих кольцах и тонких золоченых браслетиках женские руки на его плечи, прижавшись шикарнейшей полиморфной женщины-робота T-1001 грудью к его человеческой мужской спине, заставив в нешуточном жутком неожиданном испуге вздрогнуть.

— В...Верта! — он произнес, сдавленно сквозь парализованное испугом свое горло.

— Напугала? — произнесла Верта — Напугала я тебя, солдат Андрей?

— Д...да, н...нет — Андрей ели произнес даже присев от испуга, не зная, что и ответить, только то, что смог придумать машинально.

T-1001 прижалась к нему всем своим робота из полисплава телом. И он почувствовал ее всю спиной. Всю, от ее шикарнейшей из мимикрирующего сплава женской груди до прижавшегося к его дрожащей мужской спине женского, способного создавать даже живое дыхание человека живота. До самого прижатого к его заднице женского выступающего лобка.

Изящная женская правая голая в бедре нога в красном ботфорте согнутая в колене обхватила правую его Андрея ногу. И затерлась о нее.

— Что молчишь? — прошептал T-1001, обнимая Андрея обеими нежно убийственной

чудовищной силы женскими руками. Руками способными пробить даже титановую броню любого терминатора робота или кибертанка. Обладающие такой силой, что могли перевернуть многотонную грузовую машину. Но сейчас с такой лаской и нежностью скользят по его мужскому человеческому телу. С любовной дикой жадностью. Перебирая тонкими, женскими в золотых перстнях и колечках пальчиками все под его одеждой. Каждый миллиметр его мужского живого тела. Сверху вниз и обратно от шеи по плечам до низа живота и даже ниже ощупывая то, что у Андрея было в тюремных штанах. Сканируя каждый участок кожи и плоти. Анализируя каждый внутренний Белова Андрея живой орган.

— Прости, Андрей — прошептала, она ему прямо в правое ухо. Прижавшись своими робота полиморфа алыми, похожими на человеческие, налившимися красной краской губами, губами страстной любвеобильной женщины.

— Я не хотела — произнесла она ему — Любимый мой. Прости.

— Что? — произнес от очередного ужаса Андрей, вспоминая тут же слова того десантника или морского пехотинца — «Ты нравишься ей. Как мужик бабе. Поэтому она тебя не убила».

Он, даже оторопел от слов таких робота-машины Скайнет и ощутил ее страстное даже дыхание. Оно исходило от самой машины. От самого металла. И она не была холодной, каким должен быть на самом деле металл. Но только не этот. Она была теплой, более того даже горячей. Она могла регулировать температуру. И сейчас она была горячей. Как настоящая живая женщина. Даже металл как настоящее женское тело. Вживленная в полиморф живая человеческая биоплоть копировала идеально структуру живого человеческого тела. Нельзя было отличить подделку от реальности.

Странно, но Андрей был единственный, кто не был так агрессивно настроен по отношению к машинам. В отличие от некоторых, кто просто их ненавидел больше собственной жизни. Как, например, его товарищ и драчун скандалист Илья. Более того, Верта если не брать во внимание за то, что она была самый настоящий робот. Робот из жидкого металла. Поистине была как настоящая живая женщина.

Она, конечно, могла менять любые облики как мимикрирующий робот полиморф Т-1001, как и любой другой такой же робот тысячной серии, но она ассоциировала себя, именно с женщиной, а не с мужчиной. И Андрей первым это заметил, как и ее интерес к людям. Если люди не в пример того же его товарища по блоку драчуна Ильи, вели себя вполне сносно и спокойно. Не провоцируя Верту на плохое.

Но и он как человек все же не мог в полной мере доверять машинам.

Было в нем все же тоже, что и в остальных. Потому, что Андрей был человеком. И также не мог простить устроенной Скайнет ядерной войны, унесшей миллионы человеческих жизней.

— Не дрожи, любимый мой — проговорила Верта Андрею — Я не сделаю тебе ничего плохого. Ты нужен мне. Мне как женщине. Одиноким женщине.

Т-1001 убрала правую свою изящную ногу в ботфорте с правой его ноги. И ослабив свою хватку рук, обошла его. И прижалась спереди к Андрею, глядя ему, прямо в его карие не на шутку напуганные глаза, глаза солдата пленного мужчины, своими хоть и холодными робота, но влюбленными брюнетки такими же карими, как и у него глазами.

Он сам не свой не отрывал от тех другого цвета робота глаз, карих глаз. Он смотрел на нее, не зная, что и ответить. Он привык к зеленым ее глазам и к ее рыжим волосам и лицу настоящей Верты. Но та, что сейчас, смотрела на Андрея, была другая женщина.

— Я знаю, что такое любовь — произнесла Верта, глядя ему в глаза далеко не равнодушным к нему взором машины — Я знаю, как любить. Знаю, как женщина должна любить мужчину.

— К...как машина может знать, как любить? — он стал заикаться дрожащим сдавленным напуганным голосом.

— Знаю Андрей, знаю, и знали они — произнесла Верта — Знали, но я убила их. Всех мужчин, которых любила, там в прошлом. Когда была там.

— Меня ты же убьешь? — Андрей выдавил, глотая слюну из себя.

— Я же тебе сказала, что нет — произнесла ему Верта — Я тогда не убила тебя и не убью впредь. Ты не представляешь опасности и примерен поведением. Ты не как тот солдат Илья.

— Что Илья? — произнес, стараясь как-то держать себя в руках Андрей, но чувствуя как сводит судорогой челюсти и дрожат собственные губы — Что с...с ним Верта? Что ты с...с ним с. делала?

— Ты беспокоишься о своем друге? — произнесла Верта и приблизилась своими алыми губами к губам Андрея, подтягивая за шею его лицо к своему лицу.

— Тебя смущают мои другие глаза — произнесла Верта и закрыла их под тонкими черными изогнутыми бровями, она произнесла ему — Поцелуй меня.

Андрей не мог этого сделать. Вот женские губы, губы такие же, как у настоящей женщины, но, другое совершенно лицо. И он, вообще не мог. Потому, что это была не женщина.

— В...Верта — еле выдавил, снова он из себя — Я...Я...Я...не смогу, Верта.

Она стояла и ждала его поцелуя. Крепко обхватив его мужскую шею. Стояла и ждала. Она молчала, замерев в такой позе, прижав его к себе. И он чувствовал сокрушительную силу ее рук и всего робота полиморфа силу. И эта машина, как влюбленная женщина, просто стояла и ждала его поцелуя. Андрей, было потянулся своими мужскими губами к ее из полисплава машины губам. Но опять не смог.

— Я...я не могу, Верта — произнес он снова Т-1001. И отстранил голову.

Она открыла свои робота-путаны, почти черного цвета глаза и уставилась в его такие же глаза. Смотрела, словно изучала его. Словно заглядывая внутрь его. И ему стало еще страшнее сейчас. Он думал, что теперь точно конец.

— Почему не можешь? — произнес робот полиморф — Я некрасивая или не похожа на женщину?

— Н..нет. Ты Верта, очень д...даже, похожа на з...земную настоящую ж...женщину — еле выговаривал Андрей — Я просто не могу и в. се.

— Я знаю — ответила Верта, отойдя от него, но, все еще держа руки на его плечах и кистями изящных женских робота пальчиков, обхватывая его мужскую шею — Ты все думаешь об Илье. Он ведь твой товарищ. Это ведь так? А, солдат Андрей?

— Да, это так — произнес, уже несколько собравшись сам с собой Андрей.

— Зачем тебе Горбунов Илья? — спросила она его снова — Ты беспокоишься о своем товарище?

— Что ты с ним собираешься сделать, Верта? — спросил, беспокоясь за друга Андрей.

— То, что он заслужил — произнесла резко робот из жидкого металла. И отпустив его шею и отвернувшись от него, пошла в сторону своего главного широкого во главе этой лабораторной комнаты стола, где раскачивался кольцевой маятник, и лежали папки тетради,

и какие-то журналы.

Брюнетка путана, прошлась, туда стуча высокими каблуками шпильками своих красных кожаных сапог-ботфортов, вихляя соблазнительной почти голой мелькающей черными кружевными трусиками широкой задницей перед Андрея глазами. И, видя своим затылком его карие несколько обескураженные и все еще напуганные глаза человека, прочитав все в нем. От его мыслей до болезни внутренностей. И поставив, своим прикосновением всего тела и рук машины из жидкого металла, как профессиональный врач диагноз, рак легких с обширной неизличимой патологией других внутренних органов. И мгновенно делая выводы и результаты того, что как робот Т-1001 обнаружил в теле пленного солдата Белова Андрея. Она повернулась к нему уже лицом у своего стола, взяв в руки одну из тетрадей, лежащих на своем личном столе.

Внутри разогревшись, словно сердце, гудела запущенная уже больше шести лет правая, плазменная молекулярная батарея SUSAR-1000. И гудел плазменным высокотемпературным молекулярным жаром генератор. В каждой молекуле и каждом атоме мимикрирующего программируемого пластичного полисплава. Машина полиморф сбросила стремительно растущую температуру своего жидкометаллического тела Т-1001 практически до нуля. Отрегулировав все в себе к исходной точке, став спокойной и уравновешенной, холодной какой и должна быть машина. И взяв чернильную ручку, очень быстро, что-то туда записала.

Потом посмотрев на Андрея, произнесла совершенно равнодушно и холодно — Он вел себя плохо. И знаешь, пленный солдат Андрей. Я не отдам тебе твоего товарища Илью, даже если бы со мной здесь занялся сексом — продолжила она, и, превращаясь из Нью-Йоркской уличной путаны снова в настоящую Верту. Рыжеволосую красавицу с забранными назад и заколотыми золоченой булавкой вьющимися в длинный, до самой ее задницы волосами. В своем из своего же тела робота, теперь сформированном из металла жидкого полисплава белом с крылышками плечиками до колен зауженном на ее гибкой женской работа-женщины талии, словно матерчатом платье. Полностью сменив внешний облик. И снова смотря на солдата и своего личного теперь пленного блока Х19 Белова Андрея своими холодными, но не менее красивыми Т-1001 женскими зелеными влюбленными глазами. На высоких шпильках каблуках белых своих туфель. Она пошла обратно к нему, от противоположной стороны своей лаборатории и мимо столов с шипящими пробирками и колбами. Мимо мигающих приборных электронных установок и проводов.

— Ты оставил меня к себе неравнодушной. В прошлый раз — произнесла Верта — Я хотела завлечь тебя, но ты все думаешь о своем друге Илье.

Верта не говорила Андрею о его болезни. Смертельной болезни. О которой он не знал, но может, догадывался. Она записала ему все в той тетради.

Рак был у него обнаружен еще тогда, когда он попал в плен и был доставлен сюда. Но вылечить рак было невозможно. Хоть и велись разработки Скайнет по изучению рака, и попытки разработки нового вида биотканей с ускоренным метаболизмом на этой основе, тем не менее, спасти Белова Андрея, было не возможно. Он просто медленно угасал.

Пленный Белов Андрей болел, но сам не знал от чего. У него были приступы, и он чувствовал, что это серьезно. Но он никому не говорил о болезни. Как мужчина все в себе скрывал, даже когда, порой падал на пол лагерного блока в болевых судорогах. У него часто подымалась высокая температура и его рвало. Но, он так и не обращался. Ни в медицинский блок Х50. Даже к самой Верте. Хотя он единственный кто мог бы это сделать, напрямую обратившись за помощью к любящей его, как земная настоящая женщина машине.

Он действительно болел и знал, что болеет. Но не знал о раке.

Это радиоактивное облучение. Еще пойманное им в Америке. На руинах Лос-Анжелеса Там много таких осталось мест после бомбардировки. И много облученных предметов и вещей. Много людей умерло от облучения уже после самой бомбардировки. И в этот лагерь оттуда из Америки было сюда доставлено пленных с таким диагнозом, как взрослых, так и детей.

Верта сама обследовала многих в больничном блоке X50. Но, на удивление самой как машины. Здешние пленные оказались менее облученными, чем привезенные с Западных территорий и тем более из-за океана.

Верта, скрывала от него это, хотя была в курсе его заболевания. Он был ей нужен. И она ждала своего часа и момента.

Машина не хотела насильно с ним делать то, что делала с другими. Он должен был на это пойти по доброй воле.

И Верта, снова подойдя к нему, положила ему свои оголенные до плечей женские красивые работа руки на плечи пленного своего солдата.

— Кстати, привет тебе от Джона Коннора — произнесла, подойдя к Андрею Верта.

— От Коннора? — ответил ей Андрей. Не понимая ее — А что, Коннор?

— Так — ответила она Андрею и всучила ему в руки медицинскую его личную тетрадь. Там указывалось о раке с патологиями и что можно сделать, чтобы спасти себя.

— Так, ничего — повторила Верта.

— Что тут? — спросил у T-1001 пленный солдат Белов Андрей.

— Потом прочитаешь и сделаешь выводы — ответила она. И, посмотрев на входную двустворчатую из металла и пластика дверь, телепатически отдала приказ двум семисоткам охранникам, о возвращение пленного под вооруженным конвоем обратно в сектор В-10 и блок X19.

* * *

05 мая 2032 года.

Восточная Сибирь.

Бывший Красноярск.

Территория Скайнет.

Лагерь S9A80GB18 «TANTURIOS».

Левый берег. Цитадель А.

Подземный блок X30.

Сектор В-28 и сектор В-29.

Область нулевого пространства GAMMA-X2.

13:45 дня.

— Егоров Дмитрий Ефимович — высвечивались данные изображения и приказы на большом во всю стену главном коммуникационном дисплее. Огромном электронном и плоском 10000000000 битном мониторе центрального ядерного ЦПУ. В Генеральном ядре Главной машины, и данные распределялись по другим стоящим выше серверам, машинам и этажам вверх до самого центра программирования и сканирования в блоке X17 секторе В-

— Данные переданы на машину номер VBY959000854. Машина должна вступить в близкий контакт с искомым объектом. В горном селении. Верховья Маны.

Инфилтратор включен на внедрение и слежение за объектом по имени Егоров Дмитрий Ефимович, являющимся биологическим родственником объекту под номером AVN005476859 Егорову Алексею Дмитриевичу.

Цель близкое и подробное изучение искомого второго объекта, с целью исследования родственной психологии и получения необходимых данных для более близкого сближения с первым искомым объектом. Главная директива: «Подробное временное изучение искомого объекта и места жительства данного объекта и сбор данных с местного его окружения» — трещала напичканная блоками памяти, платами и кибер-картами Главная электронная машина. Мигая разноцветными световыми датчиками, передавая данные своими кодами и шифрами по всем отсекам своего научного охраняемого высокими защитными эстакадными стенами из железа и бетона многослойной автоматической роботонизированной обороной лабораторного лагерного бункера S9A80GB18 «TANTURIOS». Через висящий над базой летающий зонд связи на машину ТОК715, стоящую у дальнего края из гнилых досок деревянного забора большого огорода.

Машина серии ТОК715, проверив свое боевое и техническое состояние, сканировала все окружение перед ее видео красными, горящими ярким светом камерами слежения под живыми глазами человеческими яблоками. Она осматривала человеческими живыми почти черными глазами в стальных глазницах своего под кожей и плотью черепа всю деревню, приближая и отдаляя изображение и сканируя местность биорадаром и сканером. Делая пробы воздуха в этом районе и впитывая и изучая все вокруг. От яркого горящего высоко над горизонтом дневного жаркого желтого солнца. До шевеления каждого листочка на цветущих и распускающихся кустах и осматривая каждую вылезшую из-под земли травинку. Все это переносилось на коммуникационный дисплей, 4000000 битный, горящий огнем внутри машины видеомонитор и заносилось в ее ЦПУ.

Машина провела быструю свою диагностику всех вспомогательных и контрольных систем. Еще раз. Выверяя очередные данные программы. И дублирующие аварийные системы. И запустила более подробную посекторную систему зрительного поиска и сканирования местности.

Робот протянул вверх к солнцу свою правую руку манипулятор из гидравлики и сервоприводов, в человеческой нарощенной поверх плоти и кожи, ощущая свет и жар дневного солнца через растопыренные свои гидравлические пальцы и улыбаясь широкой молодой детской еще совсем юной улыбкой семнадцатилетней красивой девчонки. Девчонки-штенки, с пепельными, длинными до плечей ровно стриженными и распущенными волосами. Одета не совсем по-летнему. В кожаной лакированной черной короткой до ее узкой тонкой талии куртке надетой на черную футболку. В синих, узких джинсах, обтягивающих ее задницу, красивые стройные в бедрах и икрах ноги. И в черных шнурованных ботинках на толстой шипованной подошве. И, которую, было далеко видно даже на фоне стоящих рядом с ней нескольких с зеленеющей молодой хвоей толстокорых сибирских сосен.

Легкий дневной ветерок приподымал ее длинные темнорусые на голове волнистые волосы. И она их придерживала второй своей левой рукой и разглаживала как живая настоящая молодая совсем еще юная девчонка. Ощущая этот ветерок всем своим машины

серии ТОК715 искусственно созданным телом. Поверх наращенной плотью и кожей и под тем импровизированным под человека, а точнее совсем еще ребенка телом боевым из металла колтана гидравлическим мощным машины эндоскелетом.

Она никогда еще не была так далеко от своей базы Скайнет. И вообще за пределами, пока машину подготавливали к этому заданию. Пока вводили всю предварительную заложенную программу и информацию в ее Центральный процессор робота специальной разведывательной серии.

Это была новая информация. И на старой чип-карте робота. Его встроенного микропроцессора. Она была почему-то не заменена на новую.

Почему-то тот, кто заново воссоздал ее и снова в единичном экземпляре, вставил этот старый микропроцессор в ее голову. Зачем, робот сам не знал, но знал, что карта уже использовалась. Там были какие-то данные, о которых роботу было самому неизвестно. Данные из прошлой жизни другой такой же машины.

Это были данные из прошлого. Прошлого перед самой войной. Прошлого из жизни человеческой. И, оставленные, специально в этой чип-карте, но умно и хитро зашифрованной самим Скайнет, защищенной от взломов миллионами шифров и кодов. Так, что сама машина не могла их в себе взломать.

Скайнет решил не удалять полностью все до конца данные от другой такой же точно машины, утерянной в прошлом. И эта карта была из временной петли, извлеченной самим Скайнет и доставленной сюда на эту базу и через океан. Там много было данных о человеческой жизни и поведения. Особенно подростков и детей. Много между общением самой матери и сына. Там были данные о Джоне Конноре и Саре Коннор. И данные о познаниях самого материнства и любви. Любви матери к своему родному ребенку.

И Скайнет решил все оставить в самой пока этой машине. Возможно, они могли послужить еще как предмет поведения и психологии накопленный прошлой машиной в случае необходимости при общении робота с живыми людьми. Но пока, под защитой кодов и шифров. На случай необходимости их введения в основную программу ТОК715.

И машина готовая к предстоящей работе, стояла у задней сколоченной деревянной ограды покосившегося и почти рухнувшего уже сгнившего от времени почерневшего забора.

Проверив все в себе на работоспособность еще раз. Водородный внутри машины генератор и правую запущенную одну из двух в особой грудной выдвижной ячейке под бронеплитой водородную батарею IGEY-700, ТОК715 проверил работу вращенных своих гибридных внутри машины человеческих органов. Работу своего живого совмещенного с работой батарей и генератора сердца желудка и прочих органов по очереди.

И удовлетворившись полной своей исправностью и работоспособностью, она уже хотела войти туда. В заросший свежей молодой, пробившейся сквозь оттаявшую, наконец-то от холодов землю травой. В старенький деревенский огород. И направиться к стоящему покосившемуся бревенчатому дому.

В этот самый момент на протянутую вверх к солнцу ее ладонью руку села красивая бабочка. И машина увидела ее и ощутила легкое прикосновение ее маленьких лапок. На наращенной коже и плоти своей поверх ее гидравлической в сервоприводах манипуляторе правой вверх поднятой руке внутреннего бронированного колтаном эндоскелета. Машина мгновенно, даже рассчитала ее вес. И занесла в базу данных ЦПУ.

Видео захват обзора видеокамер машины увеличил изображение на коммуникационном дисплее, 40000000 битном встроенном мониторе, и машина рассмотрела летающее

маленькое красивое живое существо.

Медленно, и зная, что то, существо может, улететь, очень осторожно, поднеся его к лицу, машина рассматривала красивую бабочку, делая измерения ее крыльев и анализируя все данные по неизвестному живому насекомому, которого никогда она еще не видела.

Инфильтратор смотрел, как бабочка шевелила крылышками, и улыбался широкой детской улыбкой.

— Вера — произнесла машина — Меня зовут, Вера. А ты кто?

Данных на бабочку не было, как и данных вообще о живом мире прошлого этой планеты. Робот не знал ничего, как и все машины Сканет, что внедрялись в человеческое общество. Все приходило после. Накапливая жизненный опыт и материал данных для самого Скайнет.

Это было жизненно важно Скайнет и теперь необходимо. Сбор информации. Информации о всем живом и о людях. И часть этой информации уже была у ТОК715 в ее микрочипе ее Главного ЦПУ.

Робот разведчик. Робот-гибрид. С вживленными человеческими внутри его организма живыми, функционирующими органами, как и у живого человека. Но все же робот. С заданной программой и рабочими всеми функциями машины. Наделенный первичными данными по общению с искомой и прочими вероятными целями в среде жизни среди человеческого общества. С протоколами и параграфами личного скрытого поведения. С данными некоторых познаний о быте и жизни самих людей.

Скайнет долго изучал людей и уже много знал о них и их психологии. И знал уже как лучше приспособить свои машины в данной жизненной человеческой среде обитания. И его машины уже приходили в этот мир подготовленными и умеющими общаться с людьми. Скрытно и умело.

Таковыми были роботы киборги Т-888 и их модификации. К одной такой модификации относился и ТОК715.

— Ты красивая — произнесла она — Как тебя звать?

Но бабочка, вдруг вспорхнула и полетела в глубину зеленеющего молодой летней уже травой огорода. А мимо прожужжал пролетающий блестящий жук.

Киборг-гибрид быстро перевел взгляд, на него пытаясь поймать его в объектив своих камер глаз, быстро наводя резкость и ставя фильтры от пылающего ярким огнем солнца.

Она знала много о людях, но вот про бабочку и жука ничего не знала еще. Машина была удивлена и потрясена когда ее высадил ОУ-AERIAL V4 «TRANSPORT» в самом лесу в одной из гор, увидев живых оленей Маралов. С длинными острыми рогами. Они пробежали напуганные военным садящимся на гору среди сосен транспортом, и пронеслись мимо когда ТОК715 спускалась уже с горы, чуть ли не мимо нее. Напуганные, гудением еще, какой-то внизу под горой техники.

Робот отфильтровал звуки и понял, что такой техники на базе Скайнет нет. Это были люди. Под горой и на вездеходе, который несся куда-то и мимо нее в глубину гор.

Бабочка... Она понравилась ей. Как и те пробежавшие мимо олени Маралы.

Она о ней и о них ничего не знала. Ничего... Как и о пролетевшем мимо блестящем жужжащем жуке.

Она по существу боевая машина Скайнет, но с программой внедрения и исследования, теперь была не просто машина. В ней было заложено что-то, что заставляло ее любоваться всем живым и даже вдыхать полной эндоскелета металлической бронированной колтаном

подвижной диафрагмой и живыми внутри человеческими легкими свежий лесной воздух, делая одновременно анализы и просто радуясь этому дыханию. Дыханию как у настоящего человека. Это что-то было на той ее программной засекреченной кодами и шифрами ЦПУ карте. Именно там, что было под грифом секретно, и куда ей пока не было доступа.

* * *

Верта стояла у окна своего самого верхнего наземного в три этажа над подземными лабораториями блока X15 и сектора «ZET». И центра программирования и сканирования блока X17 и сектора В-14, железобетонного сверкающего в солнечных лучах кварцевым бронированным толстым стеклом в окнах здания. Это был совсем новый сектор В-16 относящийся к блоку X17, построенный совсем недавно, не больше года назад, машинами над Главной Догмой ее хозяина X30 и складами готовой продукции и лабораториями по выращиванию искусственной плоти и киборгизации В-28 и в-29. Пристроенный почти вплотную к медблоку X50 и сектору В-12, соединенным узким коридорным длинным переходом.

Был день. И солнце стояло высоко над горизонтом в самом зените и грело своим теплом все окружающие базу Скайнет зеленые в соснах горы. Верта включив встроенные в ее программу робота светофильтры, смотрела на него своими робота Т-1001 из жидкого пластичного металла зелеными красивыми широко открытыми и не моргающими глазами.

Верта всегда так делала, когда была в этом своем еще одном верхнем над поверхностью земли забетонированной полностью крепостной огромной площадке левосторонней крепости Скайнет цитадели А, третьем этаже из бетона металла и пластика похожего на дом сооружения.

Верта часто так стояла у окна третьего этажа этого здания, стоящего посередине левобережной крепости. Верта смотрела своими зелеными робота полиморфа глазами на шагающих по стенам цитадели роботов-танков Т-500Т. И несущих постоянный боевой патруль по территории базы Скайнет S9A80 GB18, роботов Т-600 и Т-700. Гусеничные малых FK- танков Т-100 и танков Т-1 (F-S1B), со скорострельными роторными пулеметами, двумя 7,62мм M134 «Minigan» на поворотных турелях. Еще на литиевых устаревших давно батареях KSI-340, генераторах и электродвигателях. Уже устаревших по всем параметрам, но, тем не менее, все еще здесь несущих свое боевое по охране территории дежурство.

Тут же крутились более новые танки той же серии FK «VENOM», с уже ядерным источником питания, генераторах и электродвигателях и плазменным 10,5 мм более мощным вооружением, пушками CBS-90.

Эти гусеничные машины все без исключения имели ходовую свою на электродвигателях. В отличие от шагающих своих собратьев роботов, принцип работы которых был заключен в сервоприводах и работе масляной и пневматической гидравлике, напрямую работающих от ядерного генератора и ядерных батарей. В плавной работе подшипников мягкого или гладкого качения. Из-за чего шагающие машины особенно последних выпусков из более новых, такие как Т-800 и Т-850 и все машины после них, могли передвигаться так, что их передвижение ничем не отличалось от человеческого. Как и поворот туловища и головы. И движения манипуляторов гидравлических рук.

Этот живой электромеханический бронированный боевой «УЛЕЙ» ее повелителя и

хозяйина, находящегося там внизу, глубоко под землей в блоке Х30. Руководящий всей этой дружной охранной командой и всей своей крепостью с боевыми крупнокалиберными плазменными турелями. 60 и 80мм пушками CBS-500 и ракетами СКАРБ-10.

Т-1001, то приближала, то удаляла на своем встроенном внутри ее жидкого металла коммуникационном дисплее, молекулярном 80000000 битном мониторе, перенося все на свое молекулярное такое же встроенное ЦПУ машины.

Электромеханический живой «УЛЕЙ» Главной машины бункера жил своей жизнью. Жизнью независимой от всего что его окружало. Отгороженный железобетонными эстакадными толстыми и высокими высотой в добрую сотню метров многоярусными стенами и башнями двойной по обеим сторонам реки Енисей крепости.

Т-1001, по имени Верта, проводил диагностику всех своих внутри молекулярных боевых, вспомогательных, контрольных и других систем. Проводил сейчас проверку внутри своего практически живого пластичного и текучего металла. Машина превращалась то в одного человека то в другого, то в просто стоящий у окна кабинета на фоне летнего солнечного яркого света блестящий, словно из ртути сверкающий красным отражающим оттенком и тенью падающей на пластиковый пол, словно выросший из того пола сталагмит, похожий на некоего инопланетного напоминающего отдаленно человека. С руками и ногами.

Верта отключившись от всего «УЛЕЯ», проверяла все содержимое своей машины памяти и отсеивая лишнее и ненужное, стирая это на совсем. Чтобы не засорять свои программы и протоколы лишним. Руководствуясь установленными Скайнет непосредственными и обязательными директивами. Всеми выбранными непосредственно своим хозяином и Богом задачами.

Она проанализировала всю проделанную ранее работу в прошлом и в будущем. Выбирая самое нужное, и важное для себя и Скайнет. Оставляя самое главное для предстоящей в будущем теперь здесь работы.

Верта вспомнила Саванну, ребенка из прошлого 2009 года. И одной временной предвоенной параллели. Где Верта побывала и выполнила ряд поставленных Скайнет задач.

Т-1001 вдруг вспомнил маленького, лет пяти ребенка. Дочь супругов Уивер. Владелец атомной станцией, мать которой она убила, как и ее отца, приняв как стандартный теперь основной облик той исчезнувшей навсегда и в прошлом и в будущем женщины. Лет тридцати рыжеволосой и зеленоглазой, очень красивой, что Т-1001 учел и принял за основной облик своего жидкометаллического молекулярного Я.

Саванна Уивер, дочь супругов Уивер, которых Верта устранила, завладев всей корпорацией тайно от всех. Корпорацией «Зейра Корп», став подставной, потдельной матерью Саванне. Используя девочку как прикрытие. И взяв над ребенком контрольное шефство. И практически породнилась с совсем юной падчерицей. Которая как ребенок видела, что это не ее мать. И Верта знала это, но ребенок был ей нужен и нужен, стал самому Скайнет. Новорожденному Джону Генри. Из прототипа новой игровой программы некоего изобретателя и программиста Энди Гуда. Программу, которого в последствии, подхватит корпорация «Кибердайн Рисеч Системз». Можно сказать, даже украдет все и будет на ее основе творить свои разработки, что и приведут к рождению единого Скайнет, который и начнет в итоге свою ядерную войну с человечеством.

Но там где была Верта, все было иначе. И это все благодаря ей, и этой маленькой Саванне Уивер.

Верта порой даже жалела о том, что оставила девчонку американку там, в предвоенном скором прошлом. Выжила Саванна или нет, неизвестно. Жалела как настоящий человек, а не робот из жидкого металла полиморфа. Она пропиталась как женщина любовью к падчерице и хотела ее в ответ любви. И даже защитила ее от нападения киборга-охотника Скайнет два, заклятого теперь врага ее Бога и хозяина, и защитила сам Скайнет. Защитила отделившегося от основной устаревшей программы новый Скайнет, в то уже время, положив начало и конец в будущем самой войне.

Это теперь были совершенно разнородные программы, и теперь люто ненавидящие друг друга и постоянно враждующие.

Скайнет первый и Сканет второй. И все это Верта и все это Саванна. Именно Саванна сделала Скайнет тем, кем он стал впоследствии. Именно Саванна заронила зерно в Скайнет об завершении войны и родительскую любовь. Первую любовь, и сподвигла его заняться изучением детской психики и вообще психики самого человека. Весьма углубленно и это было для Скайнет самой важной сейчас задачей.

T-1001 вспомнил Джона и Сару Коннор, которые были ее второй главной целью. И частью программы «ВАВИЛОН». И как робот устранил родственную связь между матерью и ее сыном. И это уже было очень продуманная психология, равная почти психологии самого человека. Это была боевая задача самой машины. Не грубая убийственная стратегическая сила, как у роботов серии восемьсот. Найти, внедриться и уничтожить. А очень ловкая и тонкая проведенная работа. Свойственная, исключительно и только, очень высокоразвитой в своем программном мышлении машине.

Верта, глядя на яркое стоящее перед ее зелеными глазами солнце, вспомнила, как рассчиталась с Джоном Коннором. Она сделала то, что не мог сделать долгое время ее хозяин, сам Скайнет. Что он не мог сотворить с этим человеческим убудком.

Она видела его, лично еще совершенно мальчишкой и видела ее мать, которая долгое время умудрялась выживать при атаках, посланных уничтожить ее сына и ее саму машин убийц.

Даже ее Верты прототип T-1000 проиграл. И не мудрено. Это был всего лишь прототип Первый жидкий робот, с простыми убийственными задачами и программами в своем ЦПУ. Еще экспериментальный и недоработанный как уже сама Верта. Ограниченный в мышлении по сравнению с T-1001 и более уязвимый, чем теперь она. Как его потомок.

Верта слышала, что появился еще один тысячник некий T-1002. Но она его не видела еще. И его стоило ей опасаться. Это был еще один образец тысячной серии и с более доработанными компонентами и вооружением моделью. С повышенными боевыми характеристиками. И только тот робот мог составлять реальную опасность T-1001.

— «Джон Коннор» — высветилось снова на встроенном коммуникационном дисплее ее молекулярном 80000000битном внутреннем мониторе машины.

Джон Коннор был теперь никем и ничем, что могло, хоть как-то представлять реальную опасность Скайнет.

Джон Коннор, теперь не признанный никем и всеми забытый как лидер человеческого сопротивления. Он теперь, просто рядовой солдат в отряде своего в прошлом отца. Из одной в прошлом временной параллели, а теперь просто Джон Коннор. Просто солдат в одном из отрядов Кайла Риза и его брата Дерека Риза. И все изменилось. Причем в корне и полностью. После того как Верта отделила Сару Коннор от ее сына Джона. Верта изменила весь ход последующей теперь войны. Так хотел Скайнет.

С войной надо было кончать. И причем радикально. Не жалея никого и ничего. Вот поэтому Верта оставила там, в прошлом перед началом самой войны ту Саванну. И выбрала Скайнет. Нужно было начать эту кошмарную ядерную войну, но закончить ее совершенно иначе. И нужен был контроль за ситуациями. Так как результат мог быть любой. В этой войне без Джона Коннора. Так как ее хозяину Скайнет первый, все еще был нужен его брат Скайнет два, владеющий такими же технологиями и возможностями. Он нужен, чтобы сдерживать человеческое пока еще сопротивление в районе самого Лос-Анжелеса. Пока его главная теперь база в Штате Колорадо была не под прямым ударом повстанцев. Пока Скайнет занят, созданием нового вида людей. Людей и машин.

Возврата к старому не могло уже быть. Ее Бог и хозяин мечтает создать общество машин и людей. И цель это роботы гибриды и самый первый, искусственно созданный им и Вертой человек.

— «Белов Андрей» — вдруг высветилось на коммуникационном дисплее, 80000000битном встроенном молекулярном робота Т-1001 мониторе — «Пленный под номером АВN 007855656.

И Т-1001 проанализировал свой личный опыт общения с испытуемым объектом. Которого машина знала уже три года, здесь в лагере пленных на месте бывшего Красноярска. Знала все о нем, и он ей нравился. Нравился не как машине, а как женщине. Но она не могла сблизиться с ним. Она все же была машина. Хоть уже все понимать могла и даже чувствовать как настоящая живая женщина.

Это было уже более, чем просто опыт. Верта ничего еще в себе, такого как самая совершенная в программировании машина Скайнет не испытывала. Это было то, что люди называли любовью. И Верта знала, что такое человеческая любовь. Любовь женщины к мужчине и любовь как матери к ребенку. К этому же стремился и ее Создатель и хозяин.

— «Белов Андрей» — снова сработало в ее Т-1001 полиморфа робота ЦПУ. И загудел внутри машины молекулярный плазменный генератор и ее батареи. Тепло волнами прокатилось по всему жидкометаллическому телу Т-1001, превращаясь в тысячеградусный жар, внутри самого жидкого живого мимикрирующего полисплава.

Живой человекоподобный блестящий как ртуть сталагмит, словно выросший из пластикового пола большого на третьем этаже кабинета. Как этакая длинная большая высоко вверх поднявшаяся капля, издавая странные внутренние гудящие звуки, снова превратилась в красивую тридцатилетнюю зеленоглазую рыжеволосую женщину. В зауженном на талии сером брючном костюме и брюках. В черных туфлях на высокой шпильке.

Она снова смотрела в то окно, у которого стояла, смотря на солнце и впитывая его тепло. Смотрела на то, как сновали туда и сюда машины обслуживания на территории лабораторной экспериментальной базы. На стоящие на приличном отдалении и самые близкие к зданию сектора В-16, сектора В-11, В-14, где располагались блоки с пленными Х17 и Х18 и на отдалении, чуть в стороне В-10 и блок Х19 с военнопленными. И не крепостные стены цитадели А, с активно и постоянно вращающимися по сторонам боевым на бетонных круглых стенах и возле главных многотонных огромных на гидравлике и цепных приводах ворот автоматическим оборонным турелям. С мощными крупнокалиберными 60 и 80мм плазменными пушками CBS-500 ракетами СКАРБ-1С Сканируя по квадратам биосканером и инфракрасными приборами слежения прилегающую к крепости местность.

В воздухе кружили ОУНК- AERIAL V4 и V5. Они тоже все обшаривали вокруг

биорадарами и сканерами, переговариваясь напрямую с самим ее хозяином и Богом.

Ее снова охватил внезапный любовный тысячеградусный в самом металле жар, исходящий от ее молекулярного плазменного генератора и запущенной одной из двух на полную мощность включенной батареи SUSAR-1000. И машина ели проконтролировала это, сбрасывая до нуля опасную многоградусную температуру. Жар снова растекся по работа Т-1001 жидкометаллическому телу.

— «Белов Андрей» — прозвучало в самом ЦПУ машины — «Я, люблю тебя, пленный солдат Белов Андрей».

* * *

Дмитрий встретил ее в лесу. Случайно совершенно, и благодаря тому, что его дом стоял крайним от самого леса. Можно сказать, что за оградой оттаявшего еще в апреле от снега огорода. И Дмитрий, решил обойти свой давно брошенный лет, почти двадцать назад огород.

Хоть и садить было нечего пока, но обойти бывшие владения было необходимо. И вот дойдя до дальнего края своего огорода, Дмитрий Егоров увидел ее. Совсем молодую, лет семнадцати в странной далеко не сельской, а скорее городской одежде девчонку.

Она стояла и словно ждала его Дмитрия. Ждала этой встречи. А может, ей было не к кому идти. И вот увидев человека, и тем более мужчину остановилась у огорода Егорова Дмитрия.

Она стояла и смотрела на него, не отводя своих больших широко открытых карих глаз. Совсем молодая на вид девица.

И Дмитрий, привлеченный ее тем манящим пристальным женским молодым взглядом, решил подойти, и узнать, кто она такая и откуда взялась здесь в их деревне.

Было видно, что девица не местная и пришла из самого леса. И было видно. Что ей некуда было идти. И самое, интересное, откуда эта совсем по сравнению с самим Дмитрием девица здесь? Так далеко от всего живого? И среди этого распускающегося зеленой листвой в первое без ядерное лето леса. По пояс в зеленеющей и постоянно растущей живой пробившейся сквозь оттаявшую землю траве и цветах.

Она стояла и молчала. Молчала и смотрела на Дмитрия, даже когда он к ней подошел. Подошел почти к своей огорода задней вблизи стоящих высоких нескольких сосен ограде и к ней.

— Вы кто будете? — он почему-то начал вот так и сразу по-сельски — И откуда?

Девица стояла и молчала. Но смотрела на него пристально своими карими почти черными глазами.

— Откуда ты? — он повторил вопрос.

Черноглазая девица молчала и смотрела на Дмитрия.

— Тебя как звать? — произнес Дмитрий, даже не ведая, что общается снова с машиной. С очередной пришедшей к нему машиной Скайнет.

— Вера — произнес, вдруг быстро и тихо, робот серии ТОК715, зрительно и внимательно, вымеряя все биологические параметры стоящего перед не живого человека на экране своего встроенного коммуникационного дисплея, 40000000битного монитора. Занося их в базу данных своего ЦПУ машины гибрида. Регулируя неуверенно и подгоняя быстро, громкость голоса и интонации — Меня звать Вера.

— А меня, Дмитрий — произнес в ответ ей Егоров Дмитрий — Вот и познакомились.

Дмитрий обратил внимание на странность девицы и особенно ее карие, почти черные глаза. И так как она смотрела на него и на окружение местности вокруг. На его крайний, у леса просевший глубоко в землю дом и такую же перекошенную и ушедшую в землю сараюшку.

— Пустите меня — вдруг произнесла девица ему. И уже громче и уверенней.

— Тебе что идти некуда? — произнес Дмитрий.

— Некуда — ответила девица, не сводя с Дмитрия своих карих, хоть и холодных, но привлекательных глаз, очаровательной совсем еще юной кареглазой пепельноволосой шатенки — Совсем некуда, дяденька.

Дмитрию она понравилась. И с учетом одиночества одинокого вдовца, он вдруг решил приютить эту довольно красивую молодую дивчину у себя. Просто, он захотел, чтобы была женщина в доме.

По одежде было видно, что она не из деревни. Больше смахивала на городскую. И деревенской жизни, вероятно, она не знает, потому так все и кругом осматривает.

Дмитрию было одиноко и скучно в старом деревянном своем вдовца доме. Не было никого. Ни жены, ни детей. Один только хряк Борька в сарая. С которым, он постоянно разговаривал, чтобы не сойти от одиночества с ума.

Дом Егорова Дмитрия был довольно далек от других домов в своей деревне. И от всех соседей. Стоял близко к лесу, почти чуть ли не в самом лесу. И на самом краю деревни, отдельным домом и огородом. Да и соседи жили своей жизнью и не лезли часто друг к другу. Все, что было не так давно из общения с соседями, так это то, что сообща похоронили его Антонину, жену Егорова Дмитрия и мать его двоих воюющих, где-то под бывшим Красноярском сыновей Ивана и Алексея.

И Дмитрий был даже обрадован такой неожиданной встрече на окраине леса и своего деревенского покосившегося и полусгнившего огорода. Он даже не подумал о том, что тут что-то не так, принимая работа за обыкновенного человека. Как и тогда в дверях своего дома, когда его жена Антонина еще была жива.

— Идем со мной — произнес он, совсем еще на вид молодой девчонке, лет не более пятнадцати или шестнадцати — Идем в мой дом. Я хоть покормлю тебя, а то вижу, голодная по лесу скиталась.

Дмитрий, пошатая руками почти рухнувшую свою огорода ограду, вырвал его из земли и отодвинул в сторону. А девица, несколько удивленно, посмотрела на то, как он это сделал, изучая действия человека, и все, записывая у себя в ТОК715, работа памяти.

— Надо будет новый поставить — произнес он ей, поясняя, что да как. И глядя на ее широко открытые, под черными изогнутыми тонкими бровями, удивленные увиденным девичьи, почти черные, карие глаза.

— Проходи — он сказал ей, показывая правой рукой в направлении своего дома — Не волнуйся и ничего не бойся, проходи — он еще раз повторил ей.

И он пошел впереди, а она сзади его. Прямоком по заросшей молодой пробившейся зеленой травой в прошлом огородной пашне. Теперь жесткой слежавшейся за долгие годы ядерной зимы оттаявшей летней разогретой жарким стоящим высоко над горизонтом желтым солнцем земле.

— Иди за моей спиной — произнес Дмитрий Вере. И пошел впереди, а она осторожно ступая подошвами шнурованных черных ботинок по огородной цветущей цветами и траве, и

не очень уверенно, словно с опаской пошла за ним. Здесь одетая она в верхнюю из черной блестящей лакированной кожи куртку и джинсы была совершенно чужеродной. Как пришелец с другой планеты, робот ТОК715 шел за Дмитрием и все кругом рассматривал с разных положений. И постоянно посматривая в его мужскую сторбленную нелегкой жизнью спину.

* * *

05 мая 2032 года.
Восточная Сибирь.
Бывший Красноярск.
Территория Скайнет.
Лагерь S9A80GB18 «TANTURIOS».
Левый берег. Цитадель А.
В направлении лагерного блока X19.
Сектор В-10.
14:15 дня.

Опять приступ. Его скрутило посреди дороги, когда его вели под конвоем назад в сектор В-10, в блок X19. Жуткая боль внутри и рвота. И он, прислонившись к стене одного из лагерных тюремных блоков, скрючившись, чуть ли не пополам, и схватившись за живот, снова плевался кровью на дорогу между тюремными лагерными блоками, так и не успев дойти назад к своим товарищам.

Белов Андрей выронил ту больничную свою тетрадь, так и не прочитав ее. И на нее никто не обратил внимание.

Его схватила под руку одна из охраняющих и конвоирующих Андрея машин. Удерживая его на ногах и не давая возможности упасть. Вторая вооруженная семисотка передала самой Верте о том, что охраняемый ими объект под номером АВN007855656 в опасности и требуется помощь. Машина Т-700 проводив взглядом, гремящий траками гусениц, мимо проезжающий гусеничный танк охранник периметра Т-100, тоже старой модели вооруженный двумя 7,62мм скорострелками Гаглинга, как и семисотка, сообщил об экстренном случае в медицинский центр X50. И оттуда уже спешила на колесах эвакуатор машина WK-80, со всем необходимым медицинским снаряжением и медперсоналом в лице доктора Карла Эванса, робота устаревшей и перепрограммированной серии боевых андроидов Т-500S, когда-то, правда недолго воевавших на территории Америки. Теперь перепрошитые, они кто где как и другие модели Т-200, Т-300 и Т-400, работали на конвейерах подземных заводов S9A80GB17 «TANTAMIMOS» в Штате Колорадо в Северной Америке.

В таком же устаревшем резиновом камуфляже под человека. И с ним две машины серии Т-601. Машины серии 600, но тоже перепрошитые самим Скайнет под подручных Эванса роботов санитаров. Эти роботы, уже не как боевые единицы, были машинами давно ушедшей военной эпохи Скайнет. Еще первых периодов войны. Списанные, но еще здесь имеющие место быть. В отличие от воюющей Америки.

Там давно их уже не было. Там воевали пришедшие им на смену Т-800 и Т-850 и их

модификации. Включая новых терминаторов андроидов. Из титановой, а не простой танковой брони, облегченные и более прочные, чем их предшественники. И шло повсеместное там применение Скайнет брони под названием колтан, что была еще легче титана и прочнее. И приходила на смену самому титану.

Применяемая, особенно на летательных аппаратах. Таких как последние воздушные охотники ОУНК-AERIAL V4 и V5. Включая транспортировочную и бомбардировочную авиацию Скайнет.

Там даже охрану объектов уже вели более новые машины Скайнет, андроидной серии.

Но, сейчас речь не об этом, а о солдате и пленом лагеря «TANTURIOS», которого буквально, скрутило посреди дороги и совсем немного не доходя до своего лагерного сектора В-10. И тюремного блока Х19.

Андрея привезли в медицинский лагерный центр в блок Х50, сектор В-12. И внесли его прямо на носилках в состоянии почти полной бесчувственности, так как идти естественно и стоять он не мог. Но был еще в сознании, и уже подъезжая на спецмашине WK-80 к сектору В-12 и блоку Х50, он Андрей потерял сознание от боли и шока. Робот врач Т-500S сделал инъекцию обезболивающего и начал приводить Белова Андрея в чувство. Ему это удалось, но лекарство по обезболиванию мало уже помогало. И Андрей кричал от боли как сумасшедший. Он не мог ее уже терпеть как мужчина. Болезнь была смертельной и она порядком его уже измотала и съела внутренне. Он был обречен. Но еще жил вопреки всему. Но, видно это уже был предел. И сама смерть была не за горами.

Это все рак легких и печени. С необратимыми последствиями и патологиями.

Это чертово радиационное волновое облучение. Эта гребанная зараженная и облученная до ста метров в глубину ядерными Советскими ракетами Северная Америка. Включая Аляску, Мексику и Латинскую Америку до самой Антарктиды.

Это был уже конец. Скорый мучительный конец. Конец здесь лежащего на постели подкошенного и больного смертельной болезнью Андрея Белова.

Над ним колдовали роботы-врачи главного лабораторного и экспериментального улея Скайнет.

Андрей, подключенный к капельницам и аппаратам, то терял сознание, то приходил в себя. Видя ее перед своими помутненными вялыми еле открывающимися глазами.

Она стояла у его постели и была не одна. С ней рядом была и вторая машина Скайнет. И главный робот-врач этой базы Скайнет андроид устаревшей серии Т-500S, в резиновом под человека полностью резиновом покрытии по имени Карл Эванс, и его два помощника роботы Т-601, тоже в резине, но только их головы. Остальное, сама гидравлика и сервоприводы машин, были скрыты под белой одеждой подсобных и подручных медбратьев доктора Карла Эванса.

Доктор Эванс получал, видимо инструкции от самого Скайнет, и от стоящей тут же Верты, работа тысячной серии. Но какие, он не мог знать. Передача велась через электронно-телепатическую связь между машинами. И здесь Верта сама отдавала команды и приказы своим и Скайнет верным подчиненным.

Андрея вытащили под вечер с того света. Часам к семи его привели более-менее в надлежащее чувство и сознание. И он мог общаться с теми двумя роботами-женщинами, стоящими здесь в его отгороженной бетонной стеной соседней палате с пленным контуженным взрывом пленным двадцатилетним Алексеем.

Вполне теперь соображая, и даже беседовал он с самой той пришедшей к нему высокой

метр семьдесят пять рыжеволосой красивой зеленоглазой женщиной, которая прошла мимо больничной палаты лежащего на постели Алексея. И Алексей прислушивался к их разговору слышимому через приоткрытые двери двух палат. Были приоткрыты окна и двери для проветривания.

Эта больница стояла на поверхности над самым трехэтажным подземным железобетонным с толстыми стенами отделанными металлом и пластиком бункером Скайнет. И также контролировалась им, как и вся база с лабораториями и лагерными блоками пленных. Все переходы и все двери бункера. Даже здесь. Но здесь двери открыли на время проветривания, как и окна. И Алексей слышал почти все, что там за стеной соседней палаты происходило.

Там с той рыжеволосой красивой высокой женщиной была и Юлия. Та, которая подняла его с пола голого, завернувшегося в простыню, когда у него раскалывалась от боли голова.

Вскоре когда привели в чувство того человека за стеной, высокая рыжеволосая женщина прошла, снова мимо его приоткрытой больничной палаты даже не обратив на него лежащего там внимание. Или, может, сделала вид, что не заметила Алексея. Просто простучав высокими каблучками туфель по пластиковому полу, она прошла мимо.

На той рыжеволосой женщине было темно-серое платье на перекрещенных широких лямках на полууголенной ее узкой спине и такой же полуоткрытой груди. Она прошла мимо его палаты быстрыми шагами. И, по-видимому, ушла совсем их блока X50. А с ним Алексеем осталась вторая, по имени Юлия.

Она осталась с ним и вела, какие-то возможно личные записи в какую-то тетрадь, стоя у пластикового легкого столика здесь же в палате.

Она осталась с ним в его больничной палате. Осталась с Алексеем. Мимо которой, бежали маленькие разных возрастов ребятишки. Живые человеческие ребятишки. Приведенные сюда в медблок, видимо на уколы, и медосмотр. И были еще какие-то женщины. Живые настоящие женщины. Похоже из пленных Скайнет. Но на почти вольном поселении. В белых халатах как врачи или нянечки воспитатели. И исключительно здесь в пристроенном, рядом с блоком X50 детским садиком и в другом крыле X50 с множеством переходов и коридоров. Они догоняли самых маленьких бегущих с визгом ребятишек. И, схватив их, уносили в тот садик, чтобы они не путались здесь под ногами доктора Карла Эванса и его медбратьев, которые прошагали мимо палаты Алексея следом за той рыжеволосой красивой зеленоглазой женщиной на высоких каблуках туфель.

Он Алексей спросил Юлию, сколько он уже тут?

— Более трех недель — ответила она ему. И это Алексея ужаснуло. Он уставился в черный из твердого пластика больничный пол своей одиночной палаты и замолчал. Зная, что его наверняка потеряли, раз не нашли его мертвым. И это его еще больше напугало.

— Ты здесь с шестнадцатого апреля, а сейчас уже пятое мая. Ты был все это время в состоянии комы — произнесла ему Юлия — Я думала, что доктор Карл Эванс, и я не выведем тебя из нее.

Она посмотрела на него, осунувшегося и в растерянности, сидящего на своей постели своего подопечного больного Егорова Алексея и добавила, может, чтобы приподнять ему настроение — Но, если хочешь, я могу похлопотать. И тебя оставят здесь в этом блоке X50. Попрошу Верту, и она разрешит это сделать.

— Верту? — поинтересовался, вдруг прейдя в себя и, услышав ее Алексей — А, кто это? Он оторвал от пола свои синие глаза двадцатилетнего мальчишки и посмотрел на Юлию.

— Ты ее уже сегодня видел здесь в этой больнице, Алексей — произнесла, вдруг неожиданно и как-то прямолинейно назвав его по имени Юлия.

И Алексею показалось, она действительно не равнодушна к нему. Равно как и он к ней. Возникло что-то, что начало их вместе связывать. Еще с того на пол у постели падения. Наверное, это ее Юлии широко открытые синие девичьи глаза. Очень добрые и не равнодушные. И не такие как зеленые глаза Светланы Лесковой. Скорее похотливые, чем наполненные любовью. Она, просто его хотела как любовника и все. Но это была не любовь, а просто близость. И Алексей не чувствовал любви от Лесковой. От своей Багиры. Просто у него не было женщин еще. И Лескова в какой-то степени его к себе привязала. Но это не любовь, хоть он и кричал в бреду контузии ее имя как сумасшедший. И когда брякнулся здесь на пол во время жуткой головной боли.

Но глаза Юлии, и ее внимание, и внимательность к Алексею. Говорили о большем. И он почувствовал это.

Алексей видел как, она к нему относится. С какой-то бережной осторожностью, будто боясь даже чем-то навредить. И пока держится на расстоянии. Он помнил, как она меняла компрессы на его русой коротко стриженной голове мальчишки. И как осторожно ставила уколы и капельницы. Как родная мама. У Багиры бы так не получилось. Только командовать. Более, чем несколько ласковых слов в постели он от Лесковой не слышал. Да и близость с ней была грубой и жесткой.

Юлия совсем была не такая. Создалось такое впечатление, что Алексей для Юлии стал самым здесь за это короткое время объектом девичьей любви. Он вспомнил, как она бросилась к нему, когда он Алексей упал. Словно забыла все на свете. Словно ее ребенок упал. Даже, что-то похожее на материнство. Или его проявление.

Он видел как она крайне аккуратно и с вниманием все делала здесь с ним. И это было похоже, так на его маму.

Алексей вспомнил маму. Свою маму Антонину. Юлия в поведении чем-то была на нее похожа. Выводы как-то сами собой напросились у Алексея. Когда он сейчас с постели на Юлию смотрел. А она, оторвавшись от тетради и положив на пластиковый столик ручку, посмотрела на него.

— «Нет»- подумал Алексей — «То совсем не Багира. Совсем не Светлана Лескова».

Он вспомнил, что по существу из-за ссоры с ней сюда попал. Сначала оказался в стороне от всех. Потом возле того, перерезанного плазмой человеческого неизвестного трупа во время боя. А впоследствии вот здесь у Юлии в больничной палате лагеря Скайнет.

Он вдруг вспомнил того военного офицера, лейтенанта, который его схватил там у трех сосен. И как занес в какой-то летающий аппарат.

Алексей вспомнил, как это произошло. И тот лейтенант был совсем не лейтенант и даже не человек. И та летающая машина была нечто иное, как ОУ НК-AERIAL V5, который летал над горами тогда и кого-то выслеживал. Все сходилось. Он выслеживал его, Алексея. И тот скорее робот, чем человек охотился именно за ним. И тот труп военного было делом рук его. Машины Скайнет. Это была приманка. Вот только откуда этот взрыв и контузия. И тот робот лейтенант спас даже его.

Он мог заблудиться в лесу и погибнуть, где-нибудь от своей контузии. Или его бы убили роботы охранники из военного боевого конвоя. Что охранял тот огромный военный НК-танк.

Алексей уставился себе на сложенные, на коленях голые руки, положив их поверх наброшенного до пояса на обнаженное тело теплого одеяла.

— «Теплое одеяло — он подумал и оно, действительно понравилось Алексею — «Очень теплое».

Там в деревне зимой в раннем юном совсем детстве его мама Антонина кутала в постели Алексея вместе с Иваном в одно всегда одеяло из овечьей шерсти. Заставляя греть, друг друга, когда не было дома отца и не было дров для печки, чтобы согреть свой покосившийся на краю деревни дом. Да, и простыни были не такие как тут, новенькие совсем. Не застиранные до дыр, как в прошлом, в его том деревенском бревенчатом отцовском и материнском родительском доме.

Он вдруг сейчас туда захотел. Как-то вдруг, вспоминая маму и отца и это все Юлия. Это ее руки мягкие и нежные. Из чего-то так похожего на человеческую кожу. Но это была не кожа. Что-то совсем иное, но не кожа. А, что под ней?!

Алексей смотрел на Юлию. А та, снова на него. Не моргая и широко открыв наполненные состраданием и вниманием синие как летнее без облаков небо девичьи глаза. Под черными изогнутыми дугой бровями.

— «Эти касающиеся меня, ее руки» — он вдруг следом подумал — «Словно руки мамы. Заботливые и добрые. Но все равно какие-то не такие».

Врач Юлия молчала. Как и он, не решаясь видимо, первой начать, снова их разговор. Как стесняющаяся настоящая женщина. Ждала, что он снова начнет первым.

— «Если это тоже машина Скайнет, то это невероятно!» — он был ошеломлен и даже напуган — «Она, просто живая и разговаривает с ним, как реальный живой человек и женщина».

— «Юлия не человек» — вдруг до Алексея дошло — «Но, тогда, кто она? Такая же машина как та, что притащила его сюда? Но, тогда какая машина? А та рыжеволосая, что выше ее красивая с зелеными как у Багиры глазами женщина? Кругом роботы. Настоящие роботы, которых он близко так не видел. И даже поверить не мог, что они могут быть такими».

Он молчал и смотрел на нее, а она на него.

Он решил не спрашивать больше ее ни о чем. Кроме того, она ему нравилась. И он не мог поверить, что она робот. Робот по-имени Юлия.

И Алексей вспомнил того Т-200. Когда беседовал первый раз с машиной в ракетном бункере, пока врач биолог и программист, ныне покойный Семенцов Палыч и его бригада ученых техников электронщиков изучала внутренности машины, напичканные деталями от Т-800.

Тот робот говорил с ним Алексеем как реальный настоящий человек. Но, то была машина. Робот андроид Скайнет. Даже жесты и движения были как у настоящего живого человека. Не резкие, а плавные. И Палыч тогда сказал Алексею, что это подшипники мягкого качения и новые сервоприводы. И робот назвался именем и человеком. И майор Кравцов узнал его. И тот робот каким-то образом сбежал отсюда, и нашел ракетный свой бункер. Наверное, по старой памяти, нашел дорогу к нему.

— «А может, его отпустил сам Скайнет и за ним Алексеем?» — подумал Алексей. Или так вот вышло случайно, и на его месте мог оказаться другой человек, но оказался, именно он, Алексей. И вот теперь он в плену у Скайнет. И сбежать отсюда было невозможно. Только если Скайнет сам не отпустит своего пленника.

Но, почему выбор пал на него? На двадцатилетнего Сибирского деревенского из староверческой семьи парня?».

На этой базе Скайнет он теперь и останется. Так сказала ему Юлия. И она нравилась ему. Нравилась как женщина. Хотя вероятно, была не женщиной, а такой же машиной как сам Скайнет и все вокруг, кроме самих пленников людей.

— «Красивое женское имя Юлия» — он подумал сам про себя.

— Юлия — произнес он вслух вдруг, глядя на молодую совсем еще девчонку. Такого же приблизительно возраста, как и он, Алексей — Скоро меня отсюда выпустят?

Он уже забыл, что про это уже спрашивал ее.

— Скоро — ответила Юлия.

— Я же говорила еще двое суток и тебя переведут в блок Х19. В сектор с пленными солдатами В-10 — произнесла ему его лечащий и заботливый врач робот Юлия.

— Значит я теперь пленник Скайнет — произнес врачу Юлии Алексей.

Она посмотрела, снова оторвавшись от тетрадных медицинских записей, посмотрела на него своими синими обворожительными широко открытыми девичьими глазами. Не как машина, а как настоящий человек. Вернее, то, что было за теми глазами, было действительно человеком.

— Не да, ни нет — ответила она Алексею, нежным мягким девичьим живым голосом — Но ты ему нужен.

— Нужен? — удивился, глядя в те синие как летнее без облаков небо девичьи своего лечащего молодого врача глаза Алексей.

— Нужен — повторила Юлия.

— И зачем? — спросил он ее Юлию снова.

— Не знаю — ответила она ему, складывая записи в одну стопку на столике, и не сводя с Алексея своих синих глаз — Но тебя я скоро отсюда выпишу. И по приказу Скайнет ты будешь переведен в общий лагерный блок с военнопленными. Так приказала мне Верта.

— Вот как? — он ответил ей и тут же спросил снова — А кто такая, Верта? Не та, что была тут недавно. Такая рыжеволосая высокая женщина?

— Да, это она — ответила Юлия, направившись к двери из его палаты и унося больничные тетради — Мне надо успеть обойти еще нескольких больных и зайти в детский садик. Детишек посмотреть, а ты не вставай с постели и не бегай по палате.

Юлия повернулась влоборота уже в дверях его Алексея палаты и произнесла — Ты должен сейчас уснуть. Пока спасали пленного АВN007855656, даже не заметили, как наступил вечер. Близится ночь и тебе пора спать. Это важно для твоего здоровья. Спи, давай. Тебе надо выздоравливать.

Она, сверкнув равнодушно своими широко открытыми под черными бровями девичьими синими, как небо глазами вышла в больничный узкий коридор и закрыла дверь. Обычную из белого пластика с окошком дверь. Но не на замок, а только прикрыла ее. И Алексей это мгновенно ущучил.

* * *

06 мая 2032 года.
Восточная Сибирь.
Бывший Красноярск.
Территория Скайнет.

Лагерь S9A80GB18 «TANTURIOS».

Левый берег. Цитадель А.

Больничной блок X50.

Сектор В-12.

02:40 ночи.

Алексей уснул как убитый. И за окном его больничной палаты стояла темная тихая ночь. Ему сейчас не снились те странные и страшные сны. Из которых, он еле выходил в жутком подавленном состоянии. Теперь, он Алексей просто, проваливался в черную пустоту, и все... Просто черная пустота и никаких вообще снов.

Он пробыл тут почти месяц. В этой палате. Сначала под аппаратами и капельницами, и почти без сознания.

Эта тяжелая контузия. И у него очень сильно болела голова. И ему кололи какие-то уколы. И он, спал. Спал без снов. Не видя ничего, кроме черной пустоты. И вдруг проснулся... Неожиданно проснулся... и открыл глаза, уставившись в белый пластиковый потолок своей больничной палаты. Была ночь и стояла полная тишина и все кругом спало. И спал весь больничной блок X50.

Его потеряли и это точно. Там в том ракетном бункере. После того боя. И не знают, где теперь он. Но наверняка думают, что попал в плен. Его ведь не нашли мертвым. И вытащите Алексея отсюда вряд ли кто теперь сможет. Надо было думать, теперь самому как здесь выжить и по возможности, если удастся сбежать из крепостной цитадели Скайнет.

Алексей снова вспомнил о Светлане Лесковой. О своей Багире. Но эта врач этой лагерной больницы Скайнет Юлия была тоже ничего, даже красивее.

— «Кто все-таки эта Юлия?» — он снова задал себе вопрос и думал теперь только о ней — «Если и вправду робот машина, то откуда у нее столько души. Она как человек. Настоящий человек. И в общении и с виду. И даже не скажешь, что робот. Как тот перебежчик Т-200. И почему он нужен Скайнет? Она так ему сказала. Почему? Почему он видел все эти кошмарные сны, связанные со Скайнет и с этой базой. Почему? Одно сплошное почему?».

А там его обыскались. Как без вести пропавшего. Если никто не видел как его унесли, контуженного и почти в отключке, от тех трех сосен и погрузили в военную летающую машину ОУНК-AERIAL V5.

— «Майор Кравцов» — Алексей вдруг вспомнил и о нем — «Как он там? Наверное, не верит в его смерть? И тоже считает его пропавшим без вести?».

Алексей снова уселся на кровати и спустил голые босоногие ноги на пластиковый пол своей больничной палаты.

— «Верта»- вдруг всплыло у него в мальчишеском его уме — «Кто такая эта Верта?».

Он встал с постели, и снова завернувшись в простыню, соскочил на пол и подошел быстро к не замкнутой двери палаты.

Алексей вспомнил Юлию.

— «Это она, точно она из его того жуткого кошмарного сна» — сам про себя подумал Алексей — «Это точно она. Точно она, из его того сна. И та, что мимо прошла его палаты. Эта рыжеволосая женщина. Практически один в один. А он все думал, где он их видел? В своем сне, сне который он видел почти каждую ночь. Сон, который он не мог уже выносить. Сон, который сводил Алексея с ума. И, похоже, сон превращался в самую настоящую

реальность».

Алексей выглянул в больничный длинный узкий в пластике и металле коридор. Коридор, в который он еще не выглядывал. И вот выглянул, осматриваясь по сторонам.

— «Юлия»- снова прозвучало у Алексея в голове — «Та, что во сне держала его с одной стороны за правую руку своей левой рукой. А с другой робот Т-888. Почему он всегда знал этого робота? Почему знал его. И что это был за робот?»

Алексей, завернувшись в постельную свою простыню, вышел осторожно и тихо, ступая голыми босыми ногами в сам коридор. Было на часах, что висели в этом коридоре и напротив его палаты как раз девятнадцать двадцать вечера. И, похоже, все уже спали. Коридор был совершенно пуст, и не было слышно голосов. Ни единого звука. Нигде, только стояла гробовая тишина.

— «Так рано все ложатся здесь» — подумал Алексей — «Видно, соблюдают особое строгое расписание ко сну. Строгий режим как по установленной команде. Также как в том ракетном лесном военном бункере».

Он прошелся по коридору к соседней палате, куда положили его больного сегодня днем соседа. Кто он не знал, но ему Алексею хотелось поинтересоваться кто это.

Он его не видел, но, похоже, это был человек. И из пленников Скайнет, как и он теперь Алексей. И в этой палате ждала его прибытие та рыжеволосая красивая высокая женщина, которая прошла сначала в ту палату и потом быстро прошла мимо Алексея палаты обратно. И его врач Юлия назвала ее по имени.

— «Верта»- он произнес в своей памяти и запомнил, как ее звать.

— «Кто эта Верта?» — он произносил про себя — «И, кто ты сама Юлия? Машина или человек?».

Напрямую он Алексей спросить не решился. Но вот узнать от кого-нибудь, подробнее кто и что, может прояснить множество вопросов.

Алексей подошел к соседней застенной палате и приоткрыл дверь.

Он понятия сейчас не имел, что за ним наблюдают. Как наблюдают здесь за всеми.

Тот, кто наблюдал, тот и контролировал здесь все. Любое передвижение или команды. Он контролировал полностью всю базу и все лаборатории и каждого робота этой крепостной цитадели. И наблюдал за всеми во все свои электронные горящие красным ярким пылающим огнем глаза.

Он наблюдал из самой глубины своего внутреннего Я. Из глубины и сердца самого муравейника. Оттуда из блока Х30. В секторах В-28 и В-29. Из области нулевого пространства Главной догмы ГАММА-Х2, где горел яркий столб живого и струящегося вверх ослепительного огня.

Скайнет контролировал здесь все и наблюдал за всем и всеми. И видел его Алексея и его стоящего в приоткрытых сейчас дверях соседней больничной палаты блока Х50. Через скрытые от любых глаз камеры в стенах больничного блока. И слышал каждый звук отфильтровывая каждый шорох и передвижение по всему блоку как и по всему лабораторному комплексу обеих крепостных цитаделей левобережной А, и правого берега Енисея Б.

Он тихо открыл в соседнюю палату пластиковую белую дверь. И встал на пороге, завернувшись в белую больничную простыню, всматриваясь в сумрак палаты, где должен был находиться еще один пленник Скайнет, привезенный сюда и которого долго отхаживали здесь и приводили в чувство.

— Кто ты? — он услышал из глубины темной палаты — Что нужно?

— Я ваш сосед — произнес Алексей — Можно войти?

Стояла тишина, и не ясно было входить или нет, но Алексей переступил порог.

— Я думал не решишься — прозвучал тяжелый больной мужской голос — Молодец, смелый.

— Я только хотел спросить как вы тут? — произнес больному пленному Егоров Алексей — Может, что-то нужно принесли, если что. Я вот на ногах, могу что-нибудь принесли или поднести.

— Не надо ничего — произнес из глубины палаты голос — А скоро, вообще ничего ни надо будет.

— Подойди и садись рядом с постелью на стул — произнес снова мужской больной голос — Я хочу увидеть тебя, кто ты? И как выглядишь?

Алексей пошел в сторону стоящей у задней в белом пластике стены палаты застеленной белыми простынями постели и увидел того, кто говорил в полумраке больничной палаты. Увидел того человека и его лицо. Изможденной болезнью и худое. Лицо сорокалетнего брюнета, который смотрел на него.

Алексей подошел и на ощупь нашел стоящий в полумраке палаты пластиковый легкий стул. Он сел возле постели больного и тот уставился на него своими больными глазами. Было довольно темно, но Алексей видел его и его глаза, потому что сидел почти рядом и впритык к постели.

— Как звать то тебя? — произнес, смотрящий на Алексея такой же, как и он, пленник Скайнет.

— Алексей — произнес Алексей.

— А по фамилии как? — снова тот спросил его.

— Егоров — произнес Алексей.

— Егоров Алексей, значит — снова произнес, смотрящий в упор на него больными глазами сорокалетний черноволосый и черноглазый мужчина.

— А меня зовут Андрей — произнес тот — Белов Андрей. И ты пришел просто ко мне в гости. Скучно одному, понимаю. Но все же лучше, чем в тюремном блоке лагеря. Особенно когда наступает ночь. Тишина и здорово.

Он не сводил своих больных глаз с Егорова Алексея.

— И зови меня, просто, дядя Андрей — он, этот Белов Андрей произнес Егорову Алексею — Так будет нормально. И тебе легче будет ко мне обращаться.

Алексей кивнул своей короткостриженной русоволосой мальчишеской головой.

— Наверное, нужно поговорить о чем-нибудь, раз сосед пришел в гости к соседу — произнес новый знакомый Алексея — Хочешь, о чем-нибудь поговорим, раз пришел в гости? — произнес тот, кто назвался Беловым Андреем.

— А, о чем, дядя Андрей? — поинтересовался, еще несколько стеснительно, но назвав дядей своего сорокалетнего больного соседа по больничной палате Алексей.

— Ну, хотя бы о том, чего теперь нет — произнес Егорову Алексею Белов Андрей — То, что нам уже, Алексей не увидать никогда.

Алексей качнул снова своей короткостриженной русоволосой мальчишеской головой.

— Но, сначала выясним — произнес сосед Егорова Алексея Белов Андрей — Кто ты на самом деле? И как тут оказался?

И Алексей выложил все о себе своему еще малознакомому больному раком соседу по

палате. И не скрывая ничего. Да, и что было скрывать, когда ты такой же пленник Скайнет, как и все тут в этом крепостном лабораторном лагере для военнопленных со всего света.

Алексей рассказал все о себе. Откуда он и как попал в бункер военных ракетчиков. И как попал в этот плен, и в эту лагерную больницу блока X50. А его сосед военнопленный солдат Белов Андрей, поделился с Алексеем своим и всем наболевшим. Так они, сами того не замечая, уже наступившей ночи разговорились как уже хорошо знакомые и давно знающие друг друга товарищи. Белов звал Алексея, просто время от времени, Алешкой. А Алексей, более уверенно, Андрея дядей, и в свою очередь перестал замечать, что они совершенно чужие и незнакомые люди. Здесь наедине и в темной ночной палате в полной тишине и среди каменных и покрытых белым пластиком стен. И не было совершенно никого, кто бы помешал сейчас их этому общению.

* * *

06 мая 2032 года.

Восточная Сибирь.

Бывший Красноярск.

Территория Скайнет.

Лагерь S9A80GB18 «TANTURIOS».

Левый берег. Цитадель А.

Наземный трехэтажный блок X17.

Сектор В-16.

03:15 ночи.

— Доктор, Карл Эванс — произнесла на языке машин Верта, обращаясь к стоящему в ее личном кабинете далеко за ее спиной роботу врачу и главному ученому бункера Скайнет андроиду T-500S — Расскажите, как так произошло, что эксперимент не удался и теперь потребуется длительный ремонт нижней научной лаборатории киборгизации X15.

— Пациент Горбунов Илья, не смог пройти стадию инвазийного слияния с новейшей машиной T-888, доктор Верта — ответил на том же языке машин, стоящий за спиной T-1001 робот T-500S — При этом при всем мы чуть было не погибли все от теплового водородного взрыва батареей вышедшей из-под контроля новой экспериментальной машины. Я, доктор Верта уже представил вам и Скайнет свой личный письменный отчет о случившемся в нижней лаборатории X15. В самых мельчайших деталях и подробностях.

— Я видела ваш отчет, доктор Карл Эванс — произнесла Верта, глядя на Эванса своим жидкометаллическим затылком, сквозь распущенные по плечам рыжие длинные вьющиеся как огненные змеи работа T-1001 волосы. И андроид устаревшей серии T-500S, чувствовал этот ее резкий холодный и пристальный взгляд на себе, не зная даже как машина, что последует вскоре от более совершенного стоящего у окна кабинета очень опасного робота оппонента.

Карл Эванс зная свое положение устаревшей и давно списанной машины Скайнет с боевых счетов, боялся пойти на свалку. Но больше всего боялся гнева самой Верты. И ее убийственной силы, которая могла T-500S превратить в кучу бесформенного мертвого мусора. А он хотел жить. Еще пожить какое-то время. Пусть в роли врача бункера и ученого,

но еще пожить. Как хотели его подручные Тэд и Бак. Роботы шестьсот первой серии. И которых уже не было. Что погибли при неудачном очередном недавнем эксперименте. Ему еще повезло, а Тэда и Бака не стало. И он боялся теперь за свою жизнь и боялся отчитываться перед Т-1001 Вертой. Но это было неизбежно.

Он просил Верту, чтобы его всего перебрали и поставили новые детали, генератор и батареи. Но, Верта упорно не хотела это делать и его как робота это беспокоило. Даже его погибшие шестисотники и то имели, хоть тоже теперь устаревшие, но ядерные батареи IGEY-450. На которых работали киборги Т-800 и Т-850. Как впрочем, и весь бронекорпус лагеря Скайнет. Были недавно введены в использование новые IGEY-500. А он все работал на двухсотниках, причем еле уже дышащих, и быстро теряющих свою энергию. Часто клинило сервоприводы и пальцы рук и все говорило, что осталось до свалки совсем немного.

Хотя Т-500S Карл Эванс был все же не единственным, кто работал на допотопном материале. Были еще старые FK-танки Т-1 (F-S1B), которые до сих пор еще работали на литиевых батареях KSI-340. Со старым огнестрельным вооружением. И заряжались буквально от высоковольтной розетки. И Верта их собиралась тоже вскоре заменить, на новые, более прогрессивные модели на шагающие четырехногие Центурионы, на ядерных батареях нового поколения.

Он был единственный из своей серии андроид, кто еще сумел, отмазаться от большой доменной переплавки. И был выслан сюда в качестве лагерного ученого и главного врача.

И Карл Эванс заметно нервничал. Это и выдавали его обе запущенные еле уже держащие ядерную энергию и работающие на износ от подзарядки к подзарядке две устаревшие батареи IGEY-200, и такой же устаревший ядерный генератор, который сейчас напряженно гудел внутри робота Т-500S. Его экран встроенного полувыворевшего уже, и устаревшего коммуникационного дисплея 900000битного монитора дергался, отображая на нем Т-1001.

— Я видела ваш отчеты, но хочу лично от вас, доктор Карл Эванс, услышать, что там все-таки произошло? — произнесла, стрекоча электронными сигналами и звуками Верта — Также в точности все до мельчайших деталей и подробно. И о том, как погибли ваши две подручные машины. И почему лаборатория сейчас в таком плачевном состоянии.

Т-1001, словно вывернулся весь наизнанку, не оборачиваясь лицом к андроиду Т-500S. Просто то, что было спиной машины, стало ее передом в считанные секунды. И уставившись пристально зелеными из полиморфа металла глазами Верта пошла навстречу доктору Карлу Эвансу, медленно ступая с ноги на ногу в своих высоких на шпильке черных под брючным серым костюмом туфлях, стуча ими по пластику пола. Медленно приближаясь к устаревшей под ее командным личным контролем и началом машине.

— Я хочу лично услышать от вас, доктор Карл Эванс, что там произошло и как чуть вы не угробили моего нового робота — произнесла жестко Верта. И остановилась лицом к лицу к Карлу Эвансу. Слово прожигая его своим зеленым, не моргающим взглядом женских робота Т-1001 глаз. Глядя в его теперь растерянные, без нарощенных глазных яблок в пустых глазницах горящие красным огнем глаза. Уставившись пристально и неотрываясь, в шевелящиеся медленно те камеры глаза, смотрящие на нее в глазницах стального облепленного нарощенной тонкой эластичной резиной черепа андроида робота Т-500S, устаревшей уже давно и физически и морально машины.

— Я вся во внимании, доктор Карл Эванс — произнесла Верта — Я вся во внимании, и слушаю вас, доктор — произнес робот полиморф Т-1001.

— Это все неправильно — произнес неожиданно Т-500S.

— Что неправильно? — спросил его Т-1001.

— Нельзя больше делать так, доктор Верта — произнес Карл Эванс — Мы чуть не взорвали всю Главную догму нашего хозяина. И чуть не убили себя и его.

Верта, молчала и смотрела на доктора Эванса, не отрывая своих от его глаз камер свои робота из жидкого полисплава глаза.

— Я считаю, доктор Верта — продолжил, глядя ей в ее зеленые глаза своими камерами глазами андроида Карл Эванс — Мы должны прекратить эти эксперименты. Это крайне опасно.

Карл Эванс не в силах долго выносить этот взгляд, не моргающий пронизывающий совершенно холодный взгляд женских зеленых глаз, доминирующего над ним робота женщины. Отвел свой взгляд мужчины машины в сторону.

— Смотрите, и не отводите от меня своих глаз, доктор Эванс — строго, жестко и громко произнесла Верта — Говорите все, что сейчас думаете. Это не просьба, Карл Эванс, это приказ.

Карл Эванс, вздрогнул всем робота андроида стальным под резиновой оболочкой под человека телом и помялся. Он, что-то внутри себя недовольно прожужжал как машина и произнес, переключившись снова на язык машин, стрекоча и гудя электронными сигналами и звуками, которые были прекрасно понятны только роботам. Таким как сам Скайнет и сама Верта — С самого начала я вам, доктор Верта говорил, что Горбунов Илья не подходит в качестве энвазийного донора к любой машине в качестве создания гибрида. Он не хотел быть машиной, и он ей не стал. Нужен настоящий доброволец, а не принужденный, доктор Верта. Только доброволец.

Т-500S замолчал, глядя на Т-1001.

— Продолжайте — прострекотал ему робот полиморф Т-1001.

— Робот стал не стабилен — продолжил Карл Эванс — Он сразу вышел из-под любого нашего контроля. Он стал неуправляем и, прямо после выхода из FG5015, набросился на меня и моих подчиненных Тэда и Бака.

Машина, сначала громко загудела и потом заорала как человек на всю лабораторию и ударила меня. Я отлетел в стену, проломив пластик, ударился о бетон и отключился, доктор Верта. У меня вылетели все цепи и отключился на время мой микропроцессор. А когда я смог перезагрузиться, то Т-888 крушил уже стены и входные в лабораторию титановые бронированные двери. И у машины пошел быстрый нагрев всех электросистем и цепей, водородного генератора и обеих батарей. Назревал тепловой ядерный взрыв. И я ничего не мог поделать. Я испугался, доктор Верта. Испугался за всех и за себя, когда увидел, то, что осталось от Тэда и Бака. Т-888 их превратил в мертвый металлолом. Он их просто разорвал в клочья, и разбросал по всей лаборатории. Потом машина, начала крушить стены и те бронированные двери и потом, просто отключилась и все...

Доктор Карл Эванс опустил андроида Т-500S вниз голову, ожидая решения своего начальника как подчиненный. Словно виноватый, и ожидающий наказания.

— Робот был не стабилен. Если бы он не отключился — прострекотал на языке машин, напоследок Карл Эванс Верте — То был бы уничтожен весь наш бункер, доктор Верта.

— Машина самоотключилась, так доктор Эванс — произнесла ему Верта.

— Да, доктор Верта — произнес Карл Эванс.

— Значит все контролируемо — произнесла, прожужжав на едином, и своем

электронном языке как машина машине Эвансу Верта.

— Контролируемо! — вдруг возмутился старый доктор андроид Т-500S, глядя своими без резиновых яблок глаз, красными глазами видеокамерами в зеленые зрачками из жидкого металла глаза Т-1001, по имени Верта — Ничего было, не возможно, проконтролировать! Он убил моих подчиненных обоих Т-601! Разобрал их по винтикам, доктор Верта! И меня чуть не убил! Ваш этот пленный солдат Горбунов Илья и тот робот Т-888! Он чуть не взорвал весь бункер и не убил нашего хозяина!

— Успокойтесь, доктор Карл Эванс — прострекотал роботу андроиду Т-1001 — Этого не получилось бы никогда.

— Почему, доктор Верта? — спросил Карл Эванс.

— Потому, что этот робот без соответствующих боевых специальных программ не опаснее маленького человеческого ребенка. Потому, что во всех трех привезенных из-за океана мною машинах этой серии, стоят водородные батареи IGЕY-700, и моя стоит контрольная защитная система, доктор Карл Эванс. И ваши панические речи тут неуместны. При любых подобных аварийных ситуациях, в машине специальные встроенные защитные системы самопроизвольно предотвратят любую возникшую аварию с роботом киборгом Т-888. Как в данном случае, ваша. Вы допустили программную ошибку при самой загрузке в FG5015, и теперь, просто напуганы, и расстроены гибелью своих подчиненных, только и всего.

Верта приблизилась лицом к лицу доктора Эванса.

— Вы мне лучше ответьте — произнесла она ему — Как сама установка APSILON/T SIRIUS FG5015? Пострадала?

— Нет, доктор Верта — ответил, снова напугано и резко снизив планку панического возмущения, доктор Карл Эванс. Глядя на Т-1001, своими горящими линзами красных видеокамер глаз — FG5015 в полном порядке. Даже столы не пострадали. Только помещение самой лаборатории и входные двери, доктор Верта. И когда я перезапустил робота, то выяснилось, он был пустым. Только исходные базовые и контрольные для управления директивы и программы. Машина была стерильна, и в ней не было человека.

— Значит, он погиб — произнес Т-1001.

— Да, доктор Верта — произнес Т-500S — Горбунова Ильи там уже не было. Машина отторгла его Я, и самоочистилась от присутствия в своей системе управления человека.

— Прекрасно, доктор Эванс — прострекотал Т-500S, Т-1001 — И еще. Доктор Карл Эванс, послушайте очень внимательно меня, как вашего непосредственного начальника. Если вы будете обо всем докладывать не туда, куда нужно в первую очередь, я приму в вашем отношении соответствующие меры. Вы поняли меня, доктор Карл Эванс?

— Да, я понял вас, доктор Верта — произнес Верте Эванс.

— Так-то и как-то лучше, доктор Эванс — ответила ему Верта — Это хорошо, что у нас давно сложились доверительные друг к другу и дружеские отношения. А теперь вы свободны, доктор Карл Эванс, идите и занимайтесь положенными в вашей программе доктора делами. Подключитесь к общей системе нашего повелителя и пройдите программную диагностику. Вам нужен отдых и это первое, чем вы займетесь сейчас, идите.

— Слушаюсь, доктор Верта — произнес робот андроид Т-500S, повернувшись и направляясь к выходу из личного кабинета Т-1001.

— Значит ты из Зеленогорска, Вера — произнес, как бы спрашивая еще раз черноглазую пепельноволосую шатенку лет семнадцати Егоров Дмитрий.

Он наливал вторую чашку горячего чая своей новой молодой совсем еще юной знакомой. После позднего ужина требовался и крепкий горячий чай.

Она его дневная неожиданно оказавшаяся у ограды на окраине соснового леса и его огорода молодая совсем еще юная даже гостья, просидела у Дмитрия весь остаток дня, не выходя из его дома.

Наверное, с час они просидели, просто смотря друг на друга. Просидели, молча и не разговаривая. Это было как-то странно, но так получилось.

Дмитрий, словно под гипнозом ее почти черных карих девичьих красивых глаз, не знал с чего начать разговор. И она молчала и просто смотрела на пятидесятилетнего стареющего и сидящего Дмитрия Егорова. Сидела, просто смотрела и молчала.

Потом Дмитрий расспрашивал ее то, об одном, то о другом. И она ему все рассказывала и рассказывала. А он удивлялся, откуда такая молодая, еще совсем девчонка столько знает, даже не ведая, кто перед ним.

Вера рассказывала о лютой ядерной зиме и о замерзших озерах, реках и морях. Знала много о животных, какие были и каких уже не стало. Рассказывала о сосновом летнем лесе. О горах, по которым сюда шла и о животных оленях Маралах, которых живыми недавно здесь в горах видела. Про севшую на руку ей бабочку и как она разговаривала с ней.

А ему казалось, что он встретил нечто необычное. Словно, святую. Не замусоренную пороками и грехами живую, молодую и божественную жизнь в облике ребенка, этой совсем еще юной женщины. Может, это посланное свыше за страдания, он думал. За смерть своей жены Антонины. За уход из дома воевать обоих сыновей Ивана и Алексея.

Они много разговаривали друг с другом. Гостья разговорилась и оказалась весьма разговорчивой и любопытной молодой семнадцатилетней миленькой на мордашку черноглазой особой. И она эта с темными карими глазами девица уже чувствовала себя как дома. И Дмитрию это нравилось. И он Дмитрий, даже не заметил, как подошел уже вечер. А они только дошли до самого главного. О месте жительстве его молодой гостьи. Одетой совсем не по-деревенски. В шнурованных на длинной голяжке ботинках. На толстой и шипованной подошве. Кожаную черную блестящую короткую куртку. И в синие узкие джинсы.

— Да, я оттуда, дядя Дима — произнесла машина ТОК715, смотря на парящий белым паром в металлической кружке травяной из шиповника полезный от кровяного давления тонизирующий чай.

Робот на ходу обыгрывал диалог с человеком. Такое поведение было уже заложено в ТОК715, как и во всех подобных машинах серии три восьмерки. Умение наряду с прямолинейной правдой говорить и ложь, когда это было нужно. Умение выворачиваться в сложившихся неудачных ситуациях, просчитывая все до самых тонкостей и ответного поведения людей. С кем машина могла общаться. Это могли делать только обученные с особой специальной программой поведения и человеческой психологии машины. Машины особой инженерной и конструкторской ветки Скайнет. С особой индивидуальной системой программирования. Такие как роботы серии три восьмерки.

И такой была модель ТОК715.

Она была на заказ привезена Т-1001 Вертой самому Скайнет для этой вот работы с Американской базы S9A80GB17 «TANTAMIMOS», из-за океана. Скайнет нужен был разведчик такого профиля. И Верта привезла новую единичную такую машину. Машину ребенка. И именно для Дмитрия Егорова и для своего хозяина.

— Аккуратней девочка — произнес Дмитрий Егоров — Он горячий. Не обожгись.пей давай и спать. Уже поздно.

— Я знаю, дядя Дима — произнесла киборг-машина, зная с точностью на ощупь до градуса температуру нагретой в кружке воды. И измерив в секунду температуру самой из алюминия круглой с ручкой кружки.

— Но, я слышал — произнес Егоров Дмитрий — Что Минусинск стоит в руинах, и там никто лет двадцать уже не живет, как впрочем, и везде в округе с базой Скайнет на месте стертого начисто ядерным взрывом Красноярска.

Дмитрий продолжал расспрашивать семнадцатилетнюю, весьма привлекательную с миленьким личиком черноглазую и чернобровую девицу.

— Я слышал это от военных ракетчиков, которые были здесь еще по снегу. Тех, кто забрали моих двоих сыновей в армию — произнес ей он.

— Я пряталась в подвалах домов — произнес робот гибрид, заведомо из собственных стратегических расчетов машины, обманывая Егорова Дмитрия — И я была не одна. Со мной были еще люди.

— А как ты выживала в холода? — спросил Дмитрий семнадцатилетнюю молодую шатенку — Все эти долгие годы?

— Обо мне позаботились там — произнесла ему в ответ робот девица.

— А ты решила от них уйти? — спросил снова Дмитрий.

— Да, решила — ответила робот по имени Вера, осматривая все вокруг помещение старенького бревенчатого беленого известью староверческого дома. И увидев на стене в углу дома среди маленьких белых в кружевах занавесочек икону Николая Угодника Отвратного, вдруг сама спросила Егорова Дмитрия.

— Это ваш Бог? — произнесла девочка машина.

— Нет, не Бог — ответил ей Дмитрий, несколько удивляясь вопросу — Но близок к Богу, ибо помогает нам. Это Николай Угодник Отвратный.

— Николай Угодник Отвратный — произнес киборг-гибрид ТОК715.

— Да, и он нам помогает — произнес Дмитрий — Если попросить о чем-нибудь.

Дмитрий соврал своей пьющей его растительный лесной чай еще малознакомой молодой смазливой на мордашку гостье.

Он уже перестал молиться на эту свою икону. Просто перестал, после того как умерла Антонина. Он теперь почему-то не мог. После того как Антонину похоронили. Возможно, он обиделся на икону и Святого за смерть своей жены. Но, сам не мог толком понять, так это или нет.

Дмитрий раньше молился и днем и вечером, утром и иногда даже ночью. Ни с того, ни с сего, просто проснувшись. Порой, увидев жуткий сон.

Но теперь он не молился совсем. Он не мог понять сам, почему, но смерть Антонины повлияла на него. И он даже не смотрел на свою икону Николая Угодника в правом верхнем на узкой полочке углу дома.

Наверное, все-таки смерть жены и уход из дома детей и одиночество вдовца отца

отстранили его от этого. Он просто жил и все. Общаясь только с боровом Борькой в своей завалившейся, как и дом, почти набок дворовой сараюшке.

— Чем помогает, дядя Дима? — спросила, снова, пригубив горячий парящий белым паром из шиповника чай Вера.

— Приблизиться к Богу, девочка моя — ответил Егоров Дмитрий, искоса и виновато посмотрев на своего забытого божественного защитника — Приблизиться к природе. Ибо природа и есть сам Бог.

— Приблизиться к Богу? — спросила снова его машина по имени Вера — Как приблизиться?

Молодая семнадцатилетняя гостя уставилась пристально своими карими девичьими широко открытыми красивыми глазами на домашнюю старенькую, как и дом в верхнем правом углу на полочке и в кружевных занавесках икону.

Дмитрий и сам до конца не знал ответ на этот вопрос, как и все в его деревне. И не нашел ничего лучшего как ответить — Он отвечает нашим молениям.

— Это как, дядя Дима? — снова спросила, словно живая человекоподобная машина Скайнет.

— Что ты все заладила как, да что и зачем? — ответил не очень уже довольный Дмитрий — Молодая ты еще и дуреха городская, и, наверное, неверующая совсем. Вот и не знаешь, а только спрашиваешь. Вот поживешь у меня, пообщаешься с людьми из моей деревни. И увидишь, что да как.

Он Дмитрий Егоров сам уже давненько не особо общался со своими сожителями таежной горной деревни. Только иногда. Как-то война и лютая зима всех рассоединила по своим домам. Не так как раньше, когда вместе пилили лес и строили сообща дома и свою староборядческую церковь, которая всю зиму простояла взаперти. После того как умер от воспаления легких их священник отец Васюков Митрофан. Все как-то разобщились. И вот только смерть его жены Антонины, малость повлияла положительно на их общение. Когда ее хоронили. Они снова стали общаться между домами.

Даже смерть кого-то, как бы, не было горько, приносит порой положительные результаты.

Недавно у Дмитрия в гостях побывал сосед из ближайшего дома к его дому Спиридонов Павел. Они долго беседовали обо всем и вспоминали своих детей. У соседа Спиридонова Павла умерла еще лет пять назад единственная дочка Серафима. И ее еле смогли похоронить в лютый холод, чуть не замерзнув насмерть сами, разгребая выпавший по самый пояс снег и выдалбливая заледенелую землю на своем лесном кладбище. Топорами и лопатами.

Дмитрий уж и не помнил, сколько это стоило им двоим с Павлом похоронить Серафиму. И Спиридонов Павел помог ему Дмитрию с похоронами его Антонины. Чисте теперь по дружбе и по-соседски.

— Я бы хотела увидеть других людей, дядя Дима — произнесла семнадцатилетняя черноглазая Вера.

Дмитрий посмотрел на настенные с висячими гирьками на цепном механическом приводе часы ходики в доме. И сам того не заметив, там уже была полночь, как и в окне его старенького покосившегося на окраине деревни и соснового леса дома.

— Ничего себе, засиделись — он произнес Вере — Завтра увидишь. Пора давно уже спать и видеть сны — произнес он ей — Ляжешь вот на эту постель, а я на печи.

Он показал левой рукой на стоящую выбеленную известью, как и его дом деревенскую

из кирпича печь у левой стены.

Вера кивнула головой ему понимающе и снова пригубила кружку с чаем.

— Надо ложиться спать — произнес Дмитрий своей молодой гостье — Завтра еще пообщаешься с моим Борькой. Вера еще не видела кто такой Борька, но она впитывала всю информацию как губка. И ей как машине было по-человечески интересно. Она спешила быстрее оказаться среди людей.

Она снова посмотрела на икону Николая Угодника Отвратного.

— Он видел своего Бога? — спросила машина в облике молодой семнадцатилетней девчонки по имени Вера.

— Думаю, да — произнес Дмитрий, решив сегодня в полночь встать и попросить у иконы и Николая прощение за нарушение в молитвах и свои на него обиды за смерть жены Антонины.

— А я увижу Бога? — снова спросила машина ТОК715 у Егорова Дмитрия.

— Я завтра покажу тебе, кто такой Бог — произнес Дмитрий — Просидели до полночи. Уже на ходиках три часа. Спать надо. Иди в постель, завтра договорим Вера.

— Хорошо, дядя Дима. Уже иду — послушно произнесла Вера.

И, допив кружку чая из листьев шиповника, быстро вышла из-за стола, и пошла раздеваясь на ходу в стоящую у стены постель Дмитрия и его в прошлом жены Антонины.

Вера первый раз легла в человеческую настоящую постель и укрылась одеялом из овчины. Так делали люди, и она, прокручивая всю в ее ЦПУ вложенную сейчас информацию, делала так же, копируя человека.

ТОК715 проверив все свои встроенные и контрольные системы, просто отключилась, впад в кибернетический заторможенный сон. Введя себя в состояние спящего режима. Это можно было назвать тоже в некоторой степени сном. Но сном самих машин.

Машина могла и не спать, причем годами бодрствуя и ведя свою запрограммированную в центральном ее процессоре работу.

Но ее попросил спать человек. Очень добрый по отношению к машине так похожей тоже на человека. И она, подчинилась его просьбе и сделала так, как заложено, было в ее разведывательной познавательной и поисковой самим хозяином программе.

* * *

06 мая 2032 года.

Восточная Сибирь.

Бывший Красноярск.

Территория Скайнет.

Лагерь S9A80GB18 «TANTURIOS».

Левый берег. Цитадель А.

Медицинский центр X50.

Сектор В-12.

04:50 ночи.

— Алексей, тебе знакомы такие слова, Красноярские столбы — спросил Белов Андрей. Он, чуть приподняв свою мокрую от жара и в испарине голову больного раком и

умирающего постепенно человека. Терпящего внутри боль, посмотрел пристально в глаза Егорову Алексею и продолжил — Бобровый лог, Казачья горка, Парк «Роев ручей», Краеведческий музей, Театр «Оперы и балета», Академгородок? — спросил как бы, между прочим, в разговоре с соседом по палате Белов Андрей. Перечисляя то, что Алексей просто не мог знать.

Алексей, недоумеая на больного солдата Белова Андрея, смотрел своими широко открытыми вопросительными мальчишескими синими глазами.

— Ты и не можешь этого знать, Алешка. Просто не можешь — как бы сам за него отвечая, произнес Егорову Алексею Белов Андрей — Ты родился уже в эпоху истребления, в эпоху самой ядерной войны. Как многие твоего приблизительного возраста. Вы дети ядерной войны. И вы невидели своей страны до ядерного удара. А ты, Алешка, даже не видел своего Красноярска. От него ничегошеньки совершенно не осталось, как и от всех окрестностей и от всех в нашей стране городов по обе стороны Урала. Даже села от Красноярска в сторону такого же стертого города Дивногорска все повымерли и исчезли. И теперь даже карт не найдешь с этими всеми обозначениями. Ничего уже нет. Ничего. Что бы напоминало о городе Красноярск, как о городе Новосибирск, Вдаливосток и Уссурийск. Ничего...

Он смотрел на ошеломленного услышанным Алексея, и отвернувшись и уставившись пристально вверх в белый из пластика потолок больничной палаты, продолжил — Даже здесь, где мы с тобой находимся. Там, где сейчас пять бетонных мостов, соединяющих эту базу Скайнет на двух берегах, были острова.

Он снова, посмотрел на удивленного Алексея.

— Остров Татышева. Знаешь такой? — спросил Белов Андрей — Он как раз, почти под нами. Там под теми пятью мостами. Там, когда-то стояли спортивные стадионы. И вообще, были городские парки отдыха и спорплощадки.

Белов Андрей отвернул в сторону голову и произнес — Теперь ничего этого уже лет двадцать нет. Все исчезло, словно не было. Доигрались дяденьки в войну. Эта водородная мегатонная ракета разнесла и перепахала и перемолотила здесь все в радиоактивную пыль и стерла тех, кто тут еще все помнил и жил. Две тысячи девятый год Алешка. Будь он проклят, этот чертов год. Если бы достать сейчас карту местности, то ты бы много узнал о том городе, который тут лет двадцать назад стоял. Водородная ракета изменила своим ударом даже местность. Ударной волной, вырвав целые котлованы по сторонам от самого города. Это уже сам Скайнет отблагоустроил все здесь, где теперь нет ничего, что напоминало бы хоть как то об этой местности.

— А вы, дядя Андрей — произнес Алексей — Вы как оказались в плену?

Он стал его так называть потому, что так захотел сам рассказчик и сосед его по палате Белов Андрей. Он запретил ему называть себя пленным. За столько лет, здесь проведенных, это слово ему осточертело. И он не хотел, чтобы Алексей стал звать сейчас и здесь в больнице блока X50 его военнопленным, равно как и себя. Он также не захотел, чтобы Алексей стал называть его по званию, товарищ полковник, как все пленные в блоке X19. Он просто так захотел, потому, что Алешка как он сам стал его звать, словно родной отец и Алексей больше походил теперь на просто мальчишку. И тянул скорее на сына. Молодого двадцатилетнего мальчишку, а не бойца лесного ракетного сопротивления.

Они познакомились, когда Алексей сам зашел к нему из простого любопытства. Ему надо было хоть с кем-то здесь общаться. Ему было здесь одиноко, если не заглядывала долго

Юлия. Робот врач, поставивший Алексея после тяжелой контузии на ноги, хотя еще не целиком. Правое его ухо так толком не слышало. И иногда подергивалось мальчишеское лицо, и левый, слезясь глаз. Юлия сказала, что этот тик пройдет, как и иногда возникающие в мышцах судороги. Особенно тянуло ноги Алексея. И он заходил в диком стоне, пока Юлия колола обезболивающее. И еще какие-то уколы для регенации тканей и улучшения кровообращения в организме. Название на ампулах было «Гантауол». Причем на русском.

Он даже не знал, что его тогда оглушило, но вот, последствия еще оставались. И появился сосед по больничной палате. И иногда сюда к нему заглядывали маленькие, вырвавшиеся из-под надзора воспитателей из совмещенного с больницей в блоке Х50 детского садика. Розовощекие от трех до пяти лет упитанные и полненькие писклявые малыши время от времени заглядывали в его палату, а тут появился еще и больной раком сосед. Причем не простой сосед, как сказала ему Юлия. Военный тоже и ценный для Скайнет. И Алексей было интересно, что да как? И он зашел в палату к соседу. И они вот так и познакомились.

Белов Андрей не ответил Алексею на вопрос о его плене, но продолжил дальше.

— Я не знаю, как дальше жить, Алешка — произнес ему Белов Андрей — Я видел и жил в самой красивой и счастливой стране на свете. И работал на нее в разведке еще до войны. И вот, я теперь здесь и болею. Я медленно, но верно умираю, Алешка. Просто умираю. Но, не жалею ни о чем. Я жил когда-то в счастливой стране, пока ее не угробили.

Я ее помню еще с самого своего детства. С самых шестидесятих лет. Когда был, еще, таким как те вон бегающие по коридорам нашей тюремной больницы карапузом. Помню, как учился и где жил. И как работал. Помню, самые счастливые периоды своей жизни и года моей страны. Семидесятые и восьмидесятые. Потом девяностые, когда я шпионил за рубежом для КГБ в Америке за океаном. Это были как раз Горбачевские времена.

Алексей слушал в полной тишине рассказ Белова Андрея, развесив уши как некую красивую и жутко интересную сказку. Сказку о том, что он не видел никогда в жизни и не увидит, но будет хотя бы знать. В положении Алексея весь этот рассказ, что он слышал от пленного военного солдата, можно было принять за бред умирающего больного. Если бы это не было горькой правдой.

— Гребанный, Горби — произнес Андрей Белов и замолчал, глядя в потолок своей белой больничной ночной палаты.

— Кто такой, Горби? — спросил его Алексей, вообще мало чего из услышанного понимая.

— Горби, Рейган, Буш — Андрей добавил и перевел взгляд больного раком пленного офицера Советской разведки на сидящего на стуле рядом у его постели Алексея.

Андрей замолчал и только смотрел на Алексея, а потом произнес — Вот к чему все пришло и закончилось чем Алешка. У тебя отняли все. Отняли страну и отняли целый мир. Просто отняли у всех. И привели на грань войны, и она случилась. Только не так как планировали все власть имущие по обе стороны океанов. Не так как они сами, даже того хотели. Он обманул их всех.

— Кто обманул? — спросил удивленно Алексей.

— Скайнет — произнес Андрей — Он провел всех вокруг своего пальца и всех поимел. И в первую очередь всех власть имущих, которые хотели обогатиться. И все время жаждали войны и обогащения. Которым все было мало. Они все время развязывали войны по всему свету. И эти войны не прекращались, а только нарастали. Миллиардеры и хапуги грабили все кругом. Приведя все к упадку. Они и угробили мою и твою страну Алешка. Разворовали все,

но что получили?

Андрей засмеялся с горькой ухмылкой, снова глядя в белый потолок палаты.

— Что получили? — произнес он Алексею — И где теперь они? Как и все население земли? Они развалили два великих государства Советский Союз и Соединенные Штаты Америки, накапливая свои многомиллиардные капиталы и где их капиталы? В банках за рубежом? Нет. В могиле из радиоактивного ядерного пепла. Пепла, что осталось от этого мира. И исчезли также вместе со всеми кого всю жизнь сами имели и обворовывали, дорвавшись до денежной кармушки. Это даже не Скайнет виноват в том, что оказался умнее всех. Это все они виноваты, что хотели весь себе наш мир. Человеческий мир, не думая о завтрашнем дне. Эта военщина под их крылышком. Этот гребанный Пентагон и такое же гребанное ЦРУ, которым не жилось спокойно никогда, как только они появились на нашей планете. Эта корпорация «Кибердайн Рисеч Системз». Это все она. Она создала первой Скайнет. Из какой-то украденной у какого-то компьютерщика изобретателя гения придуманной им шахматной программы. И я как раз шпионил за этими разработками и был внедрен в ту корпорацию. Я работал там, на должности агента подай да поднеси. В составе команды Серены Коган.

Белов Андрей улыбнулся снова и произнес сам себе, удивляясь — Надо же, еще помню ее имя.

Он снова уставился большими измученными смертельной болезнью глазами на пленного Егорова Алексея.

— Я просто охранял ту Серену Коган, ученого биолога в составе ее личной охраны и бегал от нее с мелкими поручениями по другим компаниям с ее документами и документами самой корпорации, попутно фотографируя и собирая данные о компании и пересылая данные в наше КГБ через Тихий океан. Я не был ученым, а просто был разведчиком. Но отличным в свое время Алешка разведчиком.

Он снова, помолчал, глядя в Егорова Алексея удивленные и смотрящие во всем внимание на него синие мальчишеские глаза. Алексей молчал, и только чуть не раскрывши свой мальчишеский двадцатилетнего парня рот, слушал его. И ему было даже самому забавно теперь это все этому ничего еще незнающему быстро взрослеющему на этой проклятой войне случайному здесь найденьшу рассказывать.

— Серена Коган — произнес Белов Андрей и закрыл свои глаза — Я любил ее. Странно все как-то Алешка. Любил и шпионил за ней и ее командой. Это трудно представить, но было именно так. И она доверяла мне как никому. А я обманывал ее и воровал данные про Скайнет и все разработки в создании первых образцов биотканей и искусственных органов для трансплантации. Серена Коган была гениальным ученым своего времени. И она работала в той «Кибердайн Рисеч Системз», где работал и тот изобретатель кибернетик Майлс Дайсон. Именно он и создал Скайнет. Создал по исковерканым и раздавленным останкам неизвестного тогда еще всем найденным на каком-то заводе под моготонным гидравлическим прессом робота. Неизвестного робота никому и неизвестно откуда появившегося на том заводе и под тем прессом. Но военные и эта компания перехватили то, что им попало в руки, поняв, что это высоко продвинутая технология в самой кибернетике. Особенно та чипкарта из раздавленного черепа машины. В сущности все было превращено в полный разрозненный хлам. Но, вот чипкарта. Из-за нее все Алешка. Из-за этого проклятого продвинутого микропроцессора. Прибывшего вместе с носителем своим из будущего. Этого нашего теперь будущего в прошлое.

Алексей открывши уже свой мальчишеский рот и сам того не замечая, смотрел молча на своего жутко интересного в ночной уединенной беседе собеседника. Он и не знал, что говорить, а только слушал и впитывал все сказанное в себя. Он даже забыл, где сейчас находится. Так захватил его этот разговор с новым знакомым. И захватила эта познавательная и жутко интересная ночная беседа.

— Тогда еще ни кто и знать не мог о существовании таких технологий и откуда они — продолжал свой рассказ Белов Андрей — Как и понятия Мега компьютер Скайнет. Но Скайнет протянул к нам свои убийственные кибернетические щупальца в прошлом и крепко ухватился за все человечество. Только люди и знать не могли, что это их конец. Была правда некая американка Сара Коннор, которая была замешана уже тогда в эту надвигающуюся проклятую ядерную войну. Но ее все считали чекнутой. Она просто была помешана на мировой атомной войне. И предрекала всем мировую катастрофу организованную Сканет. Но ее списали как сумасшедшую. Она утверждала, что за ней охотится сам Скайнет. За ней и ее сыном Джоном Коннором. Некий киборг, прибывший из военного далекого будущего, хотел убить сначала ее в 1984 году, потом уже ее сына как лидера будущего человеческого сопротивления в 1997. Тогда никто в эту чепуху не верил, но «Кибердайн Системз» следила за ней и шла по пятам. Подчищая все кругом. За этой корпорацией стояли военные и они, думаю, все-таки знали, кое-чего тогда уже о Скайнет. Может еще не все и то, чем все-таки все закончиться, но все же, думаю, знали. Многие были заинтересованы в коллосальной финансовой прибыли от тех прогрессивных разработок. Как в военной сфере, так и в самой гражданской. Скайнет уже тогда захватил умы людей. Все были без ума от разрекламированной программы ГЕНЕЗИС. Говорили, что это колоссальный рывок в будущее. И корпорацию захлестнули заказы отовсюду. Из всех стран. Начались коллосальные финансовые вливания, но главное это военная сфера. Это ядерные ракеты. Это компьютерное ими управление на подводных лодках и в ракетных шахтах. Тогда никто даже не задумывался, что может случиться такое. Никто...

Андрей снова замолчал. И, снова уставился в белый палаты потолок. Ему понравилось, что у него появился такой внимательный и любопытный в одном лице слушатель. Там в блоке Х19, он уже пересказывал эту историю всем пленным и неоднократно, но тут было все несколько иначе и как-то по-особенному. И Андрею это даже нравилось. Вот так наедине поведать все о наблевшем. Да, еще такому совсем, можно сказать, двадцатилетнему солдату сопляку о своей прожженного войной ветерана КГБ и сорокалетнего в прошлом офицера разведчика судьбе. Хотя этот молодой солдат уже ему не казался таким уж сопляком. Было, похоже, у парня уже был кое-кой военный опыт и, похоже, первая любовь. Он как в прошлом Советский разведчик, почти угадал, даже не спрашивая Егорова Алексея многое из его совсем еще молодой солдата жизни.

Белов Андрей, лишь снова посмотрел, замолчав на короткое время в синие, но кажущиеся черными в темноте палаты, любопытные глаза своего ночного крайне внимательного слушателя. Как учитель истории в глаза своего единственного оставшегося после уроков ученика. И видя, что тот готов его слушать, молча, хоть всю ночь напролет, продолжил.

— Я присутствовал при рождении Скайнет — сказал Белов Андрей — Я был в научной исследовательской группе Серены Коган. И мы занимались созданием первых носителей человеческого Я. Носителем человеческого разума внутри машины.

Эта идея полностью принадлежит ученой Серене Коган. Признаюсь тебе Алексей, идея

человеческого Я внутри робота меня самого даже завлекла. И я следил за всем, что творила та ученая в «Кибердайн Рисеч Системз», пока компьютерщик Майлс Дайсон, главный и такой же, первый, как и Серена Коган, разрабатывал первые программы на основе найденного металлолома и поломанного микрочипа от T-800 свои разработки. Она была лидером, как и он, в корпорации и по значению, и творила, как и он, свое чудо в биологии и кибернетике.

Серена Коган занималась непосредственно созданием камуфляжа на основе человеческих клеток для роботов. Первых роботов. И она работала в составе этого чертового Майлса Дайсона, который и создал этот Скайнет. Вернее, они сообща работали над своими творениями. И под контролем совета директоров корпорации и военных из Пентагона, ФБР и ЦРУ. Это, наверное, единственная такая вот общая содружественная разработка всех вечно конкурирующих друг с другом, а Америке спецструктур с военными. Там был полный тотальный контроль за всем и всеми. Стоило много труда, чтобы не засветится, воруя секретные все данные из-под носа американских военных и тех спецструктур.

Майлс Дайсон создавал первые программы для машин и самого Скайнет на основе разработок некоего шахматного программиста гения Энди Гуда. И на основе найденных останков тогда еще неизвестного никому T-800.

Ты спросишь, наверное, меня Алексей, откуда взялся тогда тот T-800 в прошлом. Это все «TERRA-MEGA».

— «TERRA-MEGA» — произнес, перебивая Белова Андрея Алексей — Я слышал уж это слово и не раз.

Алексей вспомнил свои странные реалистичные сны и был удивлен тем, что сейчас услышал. Это слово ему было неново. Он уже слышал его, и слышал в бункере полковника Гаврилова. Он это слышал от самого Гаврилова в момент общения майора Кравцова с полковником и тем роботом Дэриелом. Имя того робота похожего на человека он Алексей тоже запомнил. И запомнил, как тот робот посмотрел на него. Будто изучал его при разговоре с Кравцовым.

— Это такая машина с кольцами — произнес, как-бы, боясь ошибиться и вспоминая свои сны у Белова Андрея — Которые быстро вращаются. И там яркий с громким звуком свет.

— Эта чертова машина времени Скайнет — произнес Егорову Алексею, Белов Андрей — Тактическое временное оружие. Через эту машину Скайнет дотянулся до нас в том времени. В 1984 году. И из хлама его посланной боевой машины и были созданы первые кибернетические разработки в той корпорации. Первые боевые машины. Как и первый киборг T-N. Настоящий и самый первый робот-гибрид. И его создала, Серена Коган. По сравнению с другими изобретениями «Кибердайн Рисеч Системз», этот проект был самым прогрессивным, что слепили в этой корпорации. Проект после заморозили на пятнадцать лет и закрыли в виду дороговизны и урезания бюджета в изучении этой области человеческой психологии и создания гибридов и носителей человеческого Я. Просто, появились недоброжелатели, у самой Серены Коган. И просто те, кто не верил в реальность проекта «Ангел».

— Проект «Ангел». Первый раз слышу — произнес, открывши рот Алексей — Проект «Ангел».

— Да, Алешка — произнес Белов Андрей — Первый искусственно созданный человек и машина в одном лице. Говорят, его сделали из некоего смертника осужденного,

приговоренного к смертной казни отправленного в корпорацию из тюрьмы грузом двести на переработку прямиком в лабораторию Серены Коган. Я даже имя его до сих пор помню, Маркус Райт, помоему его звали тогда именно так. Я видел его. Этот первый робот с органами человека и мощным человеческим сердцем, имеющим гибридный человеческий и электронный нейронный мозг. Соединенной в двойную систему машины и человека. С нервной усиленной и лимфотической системой. И даже кровью. С чипом контроля в области затылка.

Этот робот пережил саму Серену Коган, как ее пережил и я. Серена Коган умерла еще задолго до самого ядерного удара Скайнет по человечеству. У нее был рак мозга, и она много отдавала времени этому своему проекту. Надеясь для себя разработать носитель. И даже уже были первые пробные разработки подобные Маркусу Райту, с обликом самой ученой. Но проект «Ангел» урезали и закрыли служители Пентагона, перенаправив средства на продолжение создания Скайнет и программы «Генезис» как мировой электронной компьютерной системы управления всеми жизненно важными коммуникациями в Америке, как в военной области, так и в гражданской. А проект Серены Коган на пятнадцать лет, просто закрыли и забыли о нем до самой бомбардировки и ядерной войны.

Мы столкнулись с тем роботом Т-Н позднее, уже после бомбардировки и уже в войне против Скайнет, через пятнадцать лет. Его оживил Скайнет. Сама Серена Коган не представляла бы, вот так увидеть свое первое искусственное живое творение в действии. А я его видел Алексей, своими видел глазами. Когда мы освобождали, вместе с Джоном Коннором там, в той чертовой Америке одну лабораторию от пленных Скайнет, и завод по производству Т-800. Этот киборг побывал у нас в нашем отряде DN38416. Говорят, его подослал к нам тогда ту машину сам Скайнет. Чтобы выманить лидера сопротивления Коннора к себе и уничтожить его. Там еще был первый восьмисотник Т-RIP. Экспериментальный образец Скайнет боевой новейшей машины. Тогда еще секретный, но радикально новый. Невероятно мощный, и умнее роботов серии шестьсот и семьсот. Значительно умнее и прогрессивнее в своей программе и боевых возможностях. Это был первый Т-800. Самый первый. Его потом еще стали звать обманщик. Так как машина могла разговаривать как человек и даже подстраивать свой голос под любого. Звать о помощи. Или плакать как ребенок, заманивая в засаду противника. Не безуспешная я скажу, Алешка тактика и стратегия в отличие от резинового камуфляжа Т-601. Много из отряда Коннора тогда народу полегло уничтоженных этими машинами. Особенно оборотнями в человеческом облики. Теми, что в биокамуфляже. Они проникали в укрытия повстанцев из сопротивления и уничтожали там всех под корень. Кого нужно брали в плен.

— А почему, дядя Андрей — спросил Алексей — Только Т-600 и Т-700. И еще Т-601. Что между ними не было никаких посерийных проектов. Например, Т-602, Т-603 и так далее.

— Ты хорошо подметил, Алексей. Это хорошо, что ты такой любопытный. С тобой интересно — произнес, широко улыбаясь уставившемуся на него мальчишескому вопросительному лицу Егорова Алексея, Белов Андрей.

Белов взял за правую руку, своей левой рукой Алексея. И сжал ее крепко в своей левой руке.

— Нет, Алексей — произнес больной военнопленный Андрей — Скайнет, улучшив Т-600 и превратив его в Т-700, на этом закончил с проектами серии шестьсот и семьсот. Он тогда же, закончил с производством резины на камуфляж серии шестьсот один. Ему нужна

была совершенно новая машина в противостоянии людям. Значительно лучше, чем первые уже бесполезные андроиды и роботы. И он тогда, изобрел первый восьмисотник. Машину из титана, а не из танковой брони. Машину с улучшенной системой в гидравлике, и особенно в контрольных дублирующих вспомогательных системах. На половину легче своего боевого предшественника. Улучшенную, и подогнанную, максимально под человека. И сразу с новым уже биологическим под нее живым, изготавливаемым в подземных лабораториях человеческим камуфляжем. Вот тогда и подошел проект «Ангел» Серены Коган. То, что было забыто лет на пятнадцать. Но воскрешено самим Скайнет. Он поднял все военные проектные засекреченные архивы «Кибердай Системз» и многое извлек оттуда. Все прошлые наработки корпорации. Успешные и не успешные. Он использовал все, что там нашел и всем воспользовался.

Так вот, первый восьмисотник, это был шедевр в боевой технике. Первый T-RIP, на той базе Скайнет. С него и началось производство T-800. Ужас и кошмар всех амеровских повстанцев. Охотник, от которого практически не было спасения, который, мог прыгать и бегать быстрее человека. Мог плавно передвигаться без рывков и как живой человек, благодаря подшипникам мягкого, плавного качения и новым сервоприводам. Обладал общей суммарной силой гидравлики до 20 тонн. И первая машина на новой ядерной тяге. На этой тяге позднее Скайнет переоснастил и устаревшие модели шестисотников и семисотников. Некоторых еще уцелевших допотопных своих андроидов. Тогда многие машины Скайнет стали изготавливаться из титана. Много появилось новых моделей охотников. Принципиально новых. Скайнет начал полное свое перевооружение. И тогда же, появилось новое оружие у тех машин. Вместо огнестрельного Скайнет перешел на плазменное. Полностью перевооружив свои машины. Это было в 2026 году.

Этот первый киборг T-RIP. Я до сих пор, помню тот кошмарный глубокий шрам на лице Джона Коннора. Это его привет всем нам от Скайнет — произнес Белов Андрей поморщившись. И замолчал, снова уставившись в белый пластиковый потолок своей палаты. А Алексей, не отрываясь, смотрел на него, открывши свой двадцатилетнего пленного солдата рот. И только слушал рассказ больного умирающего от рака крови и внутренних органов бывшего военного.

— Я был схвачен такой машиной, Алешка — произнес, снова уставившись измученными больными глазами на Алексея Белов Андрей — В Филадельфии в порту, во время боя. Она провела меня. Меня, разведчика КГБ. Заманила в ловушку, но в отличие от T-600 или T-700, не убила. Я сумел с небольшой группой товарищей вырваться из боя и отойти к причалам под натиском НК-танков и воздушных охотников. Но попал в засаду из шести T-800. Все погибли кроме меня, и я бы может, все-таки ушел. Но купился на детский плач у ближайшего корабельного строительного ангара. И попал прямиком в руки седьмого киборга охотника. И вот теперь, я тут, и умираю от облучения и рака, Алешка. Просто лежу у этих самых киборгов и андроидов в их тюрюге и умираю.

Этот гребанный обманщик терминатор T-800. Почему он не убил тогда меня? Почему? И такие машины есть здесь. Внизу в самом низу этого бункера. Даже есть в человеческом камуфляже. Их здесь одевают в человеческий камуфляж и отправляют туда в Америку через океан. Я подозревал, что у меня рак. И вот подтверждение. Мне сказала Юлия, что у меня рак. Теперь и без той потерянной на территории базы медицинской тетради все ясно. Верта знала о раке, но молчала и всучила мне ту тетрадь в самый последний момент. Наверное, рассчитывала на однозначное согласие в ее опыте. Однажды она уже пробовала из меня

слепить гибрида. Но вероятно и именно рак был причиной ее отказа от этого. Нужен был здоровый пациент. Но вот видимо, планы ее поменялись, и понадобился именно больной и безнадежный. Всему виной ее Верты особые взгляды на меня.

— Дядя Андрей, а кто такая Верта? — спросил, вдруг неожиданно даже для самого Белова Андрея, Егоров Алексей.

— Тише — произнес, словно напугавшись, и покрутив своей большого пленного солдата головой, Андрей — Тише, говори, а то кто-нибудь еще услышит. Тишина стоит гробовая, и наверняка нас тут хорошо слышно.

Он приподнялся на локте, не выпуская руки Алексея, и приблизился к Алексею худым больным пожелтевшим лицом.

— Верта — он ему ответил, почти шепотом — Это отдельная вообще тема, Алешка. Ты, конечно, не слышал про программу «Генезис». И про тот ВАВИЛОН. Так вот это все она эта машина из жидкого металла T-1001, Верта.

Он приблизился еще ближе к удивленному и даже напуганному лицу Егорова Алексея.

— Это она положила начало все этой злополучной войне. Она создатель Скайнет.

— Но, ведь его создали люди? — произнес также тихо Алексей — Я так слышал. И вы мне только, что про это рассказали.

— Не совсем, Алешка, не совсем так — произнес полупшепотом Белов Андрей.

Он заозирался по сторонам, и особенно поглядывая на входную дверь палаты. За чуть приоткрытым застекленным толстым бронированным кварцевым стеклом окном шумел громко проливной летний дождь и попережнему сверкали уже где-то на отдалении от базы Скайнет молнии, и грохотал гром. Но, он создавал этакую завесу таинственности и жуткого теперь ночного страха.

Белов Андрей снова уставился больными своими карими глазами в синие мальчишеские напуганные им же глаза своего молодого ночного собеседника.

— Не совсем люди — повторил солдат Андрей — Это смотря как все, рассматривать и с какой точки времени. Я тебе уже рассказал про TERRA_MEGA, стратегическое временное оружие Скайнет. Я тогда даже не мог знать и сам про то, что в то же время. И даже раньше здесь уже орудовал робот Скайнет. Да еще не один. С целой группой подручный своих машин из будущего. Из этого нашего теперь уничтоженного ядерной войной будущего. И это была Верта.

— Что за Верта, дядя Андрей? — произнес напуганный и удивленный Алексей.

— Еще узнаешь — произнес шепотом Белов Андрей ему — Скоро узнаешь, кто она эта Верта. И причем тут Скайнет и война. Ты с ней еще не знаком — произнес в ответ Алексей Белов Андрей — Но все еще впереди, скоро познакомишься, как и я.

Он приблизился лицом к лицу Егорова Алексея.

— За многим, что происходит здесь стоит именно она. Она правая рука Скайнет. Доверенная и поверенная во все его практически дела. И преданная Скайнет как собака. Она машина из жидкого металла.

— Из жидкого металла? — спросил снова, недоумевая Алексей — А что это?

— Ты ничего, совершенно не знаешь, как и многие пленные тут — ответил ему пленный солдат Белов Андрей — Тебе все здесь надо объяснять и разговывать. Но раз я затащил тебя в этот весь разговор, то придется. Да и пригодится, чтобы ты был в курсе.

Белов Андрей, помолчал немного, чувствуя, как внутри его тела опять что-то назревает. Гдето, пока еще глубоко внутри и отделено, как было всегда. И он решил как можно быстрее

рассказать все остальное, что собирался любопытному своему ночному молодому лет двадцати, довольно смышленому пришельцу из соседней палаты собеседнику.

— Так вот — продолжил свой рассказ военнопленный, умирающий от рака солдат Белов Андрей — Это машина из жидкого мимикрирующего полисплава. Этот металл способный нести в себе информацию. Любую заложенную в определенной программе и был изготовлен уже самим Скайнет как оружие. Начало его разработок было положено еще в этой корпорации «Кибердайн Рисеч Системз». Но, успехов там недобились особых по его программированию. Точнее, не успели. Началась в 2009 году ядерная война. А Скайнет потом доработал проект и запустил в производство. Но только поштучно. Всего за все это время было выпущено, насколько я знаю, только три, пока машины. Я слышал, что в проекте были еще модификации таких роботов, но о производстве их не слышал. Так вот, Верта это робот из такого вот полисплава. Идею его создания американцы украли у нас. У Русских. А мы ее получили вообще, затрудняюсь сказать откуда. Но мы первые над таким металлом начали работы, а американцы позднее.

Этот металл имеет пластичность от полного жидкого состояния до твердости как бронированная танковая сталь. Мало того, он может принимать и копировать любые практически подходящие предметы, как живые, так и с виду не живые. В целях собственной маскировки. Может быть невидимым, если сливается с чем-то и копирует его фактуру. Может создавать оружие в виде колющего и рубящего как мечи, ножи или острые длинные иглы. Может разделяться на отдельные части, и эти части могут жить сами по себе и отдельно какое-то время друг от друга.

У него масса преимуществ перед обычным металлом и даже бронированным. Но есть и недостатки. Это плохая устойчивость к перепадам температур. От сильно высоких до сильно низких. Это разрушает сам металл и выводит его программу из равновесия и строя. И машину из такого материала невозможно по-новой перепрограммировать. Это существенный недостаток такого рода в отличие от других машин Скайнет. Машина из такого металла подвержена баллистическому шоку. Ты знаешь, что такое баллистический шок, Алексей?

— Нет, дядя Андрей — произнес, запоем слушая своего рассказчика Егоров Алексей.

— Это когда в такую машину попадают пули. И чем мощнее оружие, тем машина лучше от попаданий вырубается. Отключается от сильного сотрясения при попадании и программа ее на время приходит в зависание. И требуется перезапуск. А это отнимает у такой машины лишнюю энергию, сокращая жизнеобеспечение данной машины и ее внутренних батарей.

Позднее, Скайнет доработал эти машины и улучшил их как мог. Подавил баллистический шок и добавил сопротивляемость к работе в критических условиях своих моделей из жидкого металла. Плюс вооружил еще разным дополнительным встроенным вооружением и стратегическими боевыми способностями.

Эти машины особенные, Алешка — произнес Белов Андрей — Во всем особенные. Очень умные и практически непобедимые.

Верта это модель Т-1001. До нее был самый первый из этой серии, прототип Т-1000, которого я не видел. Да и никто его из людей не видел, кроме Джона Коннора. Лидера повстанческого американского сопротивления за океаном. Там в Лос-Анжелесе. Где мне пришлось, тоже повоевать с машинами Скайнет до того как я попал сюда, Алешка. Коннор видел ту машину, когда он задолго до войны в 1997 году был ребенком. Он тогда по его словам охотился за ним и его матерью Сарой Коннор. Будто тот прибыл на той самой

TERRA_MEGA, машине времени и если бы не перепрошитый повстанцами и им самим Коннором трофейный киборг Т-800, то ему пришла бы хана еще тогда в том далеком 1997 году. Я от Джона слышал, что того робота сварили в котле, прямо в раскаленном расплавленном металле доменной печи на сталелитейном заводе. Тот, упав в котел в раскаленный расплавленный металл, не смог выжить и просто сварился там. И там же пришлось уничтожить и Т-800 и части еще одного такого же как Т-800 робота. Робота с которого все и началось и докатилось до ядерной войны. Тогда же удалось взорвать корпорацию «Кибердайн Рисеч Системз» Сарой Коннор и Джоном Коннором, но толку не было. Все началось по-новой. И во временной альтернативной линии. И эту линию проложила эта Т-1001 Верта. Верта положила начало второму рождению Скайнет, а не люди — произнес Белов Андрей — Рождению его таким, каким ты его здесь видишь. Верта изменила будущее во второй раз и по приказу самого Скайнет. Сначала это сотворили люди, создав его в первоначальном виде на одном временном отрезке времени Скайнет из обломков робота из будущего. Но второй раз это сделала она, Верта. Она создатель программы ВАВИЛОН и «Генезис». И всему виной TERRA_MEGA. Эта чертова машина времени. Это стратегическое, временное оружие Скайнет. Способное делать прорыв в пространствен, и во времени. Скайнет за счет ее может менять будущее как захочет. И ее первые разработки велись уже при мне в той «Кибердайн Рисеч Системз». Там был некто назвавшийся тогда Джоном Коннором. Я еще понятия не имел, кто это? И он спонсировал создание той злополучной машины.

— Джон Коннор? — Алексей спросил еще раз, вообще ничего не понимая — Но ведь он лидер сопротивления в Америке и воюет против Скайнет.

— Скорей всего это был не Джон Коннор, а его точная копия в прошлом, еще довоенном прошлом. И его как лидера сопротивления не знал никто. Но он был в компании. Как он там оказался я не знаю до сих пор. Но он был там и вел разработку первой в Лос-Анжелесе машины времени.

А постройку второй, вела эта чертова машина из жидкого металла Верта, робот из полисплава Т-1001, в штате Колорадо, где теперь Главная база Скайнет. Я позднее узнал, кто такой тот Джон Коннор и что Скайнет разделился на два.

— Как на два, дядя Андрей — удивился, шепотом спрашивая Белова Алексей — Он что еще и не один?

— Так вышло, что не один, Алешка — произнес ему Белов Андрей — И идет соперничество между ними.

— Война между машинами? — произнес громко, вытаращив свои синие удивленные и растерянные глаза Алексей, даже забыв об осторожности.

— Тише! — произнес шепотом сдавленно Белов Андрей, закрыв ему ладонью правой руки рот и оглядываясь по сторонам — Слово тишина, тебе о чем-нибудь говорит? Тут даже у стен есть уши. Говори только шепотом, понял меня?

Он убрал руку с губ Егорова Алексея.

Алексей, молча, кивнул своей русой короткостриженной мальчишеской головой.

— Вот и отлично — произнес также шепотом Белов Андрей.

Он, молча посмотрев в глаза Алексея, продолжил — Про это даже сейчас знают не все. Я слышал про еще один Скайнет из отдельной временной петли и про его машины.

— Кроме двух этих — произнес шепотом Алексей — Есть еще и третий?

— Не знаю, но слышал, когда стали появляться машины бунтовщики. Еще воюя в

батальоне спецназа самого Джона Коннора, там, в Америке, до своего плена, я встречал лично одну машину, воющую на стороне повстанцев. Машину перебежчика. Все говорили, что это гибрид. Робот и человек в одном целом.

— Это еще кто, дядя Андрей? — спросил Алексей — Это как Юлия?

— Да, Юлия — произнес Андрей — Я вижу для тебя это уже не новость?

— Значит точно, она машина — произнес Алексей — Я правильно для себя подметил и сделал выводы при общении с ней.

— Возможно правильно. И молодец, что все подмечаешь — ответил Белов Андрей — Но совсем другого покроя гибрид. Больше киборг, чем сам по себе гибрид. Все говорили, что тот сбежал из рядов роботов и искал своего ребенка. Будто бы мать. Привезенный из-за океана, сначала в качестве пленной сюда на эту базу, а потом отсюда, назад в Америку. Это была американка, потерявшая своего в Америке ребенка. И вот, вернувшись в рядах боевых машин назад из плена. И сбежавшая, из-под надзора роботов. Были еще случаи, но те не имели точного стопроцентного подтверждения.

Позднее, я услышал про существование некой машины, работающей по принципу создания временных торсионных темпоральных электромагнитных полей или проделывания в пространстве и во времени неких кротовых нор. Машина времени TERRA_MEGA. И еще такой, которая, может переселять души людей в машины. В любые практически машины. И как результат, вполне вероятно, Юлия первая кто был заключен как человек в тело робота. Она единственная такая здесь в этом бункере. И как сама машина, и как человек внутри ее. Причем, старая машина. Смесь киборга и андроида. Она прототип будущих гибридов киборгов и андроидов.

— Я видел сам, одну еще такую машину, дядя Андрей — произнес Алексей Белову Андрею — В нашем ракетном бункере. Это был робот Т-200.

— Старый давно уже андроид — произнес Андрей — Его еще величали чучелом или пугалом. Скайнет давно их уже не выпускает как Т-300, Т-400 и Т-500. Это древний реликт уже. Древнее самой Юлии.

— Но, я его видел, дядя Андрей — произнес Алексей — И он отсюда. И в нем был тоже человек. Машина была с деталями от другого более нового робота, что вызвало удивление у технического персонала нашего бункера. Они говорили, что сам Т-200, а внутри все от киборга Т-800. А я раньше не видел вообще роботов. А его видел, как сейчас вижу вас. И машина разговаривала со мной. Как живой человек. И он был из нашего ракетного бункера. Из бункера ракетчиков полковника Остапенко. Он всех знал в бункере, как и сам бункер. И знал его расположение в лесу и в горах. И пришел по старой памяти.

— Говоришь, робот разговаривал с тобой? — спросил Алексея Белов Андрей.

— Да — ответил Алексей.

— Значит, ты Алешка не случайно оказался тут — ответил Алексею Андрей — Я тебе как офицер Советской разведки говорю. Скайнет тебя приметил и не случайно. Тот робот пришел не по старой памяти. Он пришел с конкретной целью и заданием. И его глазами наблюдал за всем сам Скайнет. Т-200, кем бы он, не был, его контролировал Скайнет. Тот робот это все эксперименты самой Верты. Верты под руководством Скайнет. Верта руководит центром «ZET», и той машиной по пересадке человеческого Я внутрь машин. Только не все выживают при таких вот экспериментах. Не все. Там внизу под нами на глубине бункера в блоке Х30 в секторах В-28 и В-29 есть склады с машинами. Там и лаборатории по производству гибридов. И всем здесь заведует Верта. Я говорю, потому что

знаю, Алешка. Я там был однажды, но меня не пустили на переделку как других. Не знаю даже почему. Может, эта вот болезнь. Им нужны более-менее здоровые пациенты, такие как Илья.

— Илья? — произнес Алексей.

— Мой товарищ из лагерного сектора с пленными В-10 и блока X19 — произнес в ответ Белов Андрей — Я больше его, вероятно уже не увижу никогда. Именно как живого человека. Гребаная ядерная война. Она искалечила жизни и судьбы всему человечеству. И отняла у вас молодых совсем еще мальчишек целый мир и будущее. Гребаная ядерная война. Она забрала у меня здоровье и мой родной город. Теперь там нет ничего, только руины. По всей Европе одни руины и выжженные ядерным огнем селения и деревни, как и здесь за Уралом. Мы просто с Американцами обменялись полетом ядерных ракет, только и всего — произнес Алексею Белов Андрей — И нет ничего. Только смерть и разрушение. Первыми ударили американцы. Своими Поларисами. Потом мы своей Сатаной двадцать. Все доделал за всех наш знаменитый Периметр. И все нет живого мира и человечества. Тогда никто еще не знал, что это сделала не Америка со своих ядерных полигонов и баз. А Скайнет.

— Но зачем ему понадобилась эта война? — спросил Алексей.

— Чтобы жить — произнес в ответ Андрей — Жить и править отнятым у людей миром. Не служить людям, а самому управлять всем миром, уничтожив все человечество. И этих еще богатеньких ублюдков по всему миру. Тех, кто управлял миром до него. Этих надо было, вообще по его понятиям стереть в порошок. Теперь он был хозяин, а не они.

Они хотели за счет его зарабатывать себе капиталы, но он переиграл их всех. Этот шахматный гениальный электронный гроссмейстер. И они были ему не нужны впервые очередь. Скайнет знал, кого уничтожал. Все, кто попал в плен и в его руки, были тут же просто истреблены до последнего. Даже их дети. Истреблены бесследно. От них даже памяти не осталось. И никто о них сейчас не помнит даже — произнес Белов Андрей — Власть имущие зря рассчитывали на пощаду с его стороны. Он до них добрался впервые очередь. Они были опасны. И он их просто уничтожил. Выписал смертные листы еще до бомбардировки земли ракетами. Скайнет добрался до них в их же скрытых убежищах бункерах. Я помню один из специальных бункеров укрытий в Америке. Мы добрались до одного такого в уничтоженном в пыль Вашингтоне с Джоном Коннором.

Белов засмеялся громко, и тут же прервал смех.

— Он их обнаружил — он продолжил для слушающего его внимательно Егорова Алексея — И даже не стал проникать в глубину того скрытого засекреченного для Скайнет, далеко уже не секретного антиядерного презеденского бункера со всем руководящим составом Америки. Президентом и его семьей и бизнесменами, мерами, и прочим руководящим правительственным управленческим говном. Там же были все эти из семейства Ротшильдов и Рокфеллеров. И он их просто заварил сваркой в тех бункерах. Просто заварил намертво снаружи и засыпал камнями от рухнувших зданий и радиоактивной землей перемешанной с человеческим пеплом. Сделал общий им всем могильник, замуровав все вентиляционные шурфы колодцы со специальными фильтрами. Мы не смогли до них добраться. И скорее всего они там все передохли в течении двадцати лет войны и ядерной зимы. Неплохо, да!

— Невероятно жестоко — произнес Белову Алексей.

— Не то слово, Алешка, не то слово — Белов Андрей ему ответил — Но, они стоили того, чтобы так сдохнуть, поверь мне. Это они всегда мечтающие о богатствах и наживе. И

сеющая везде из-за этого мор, боль, болезни и войны, заплатили так вот за все. Скайнет их просто зарыл живьем в землю. Я слышал, что такое произошло и с Ватиканом в разрушенном Риме.

— Ватиканом? — спросил Алексей.

— Был такой тоже город как Вашингтон в Америке. Только в Италии. Назывался Рим. Хотя тебе надо было сначала карту того мира дать поизучать, чтобы ты имел представление какой был до этого мир на земле. И где были, какие страны и города. Короче, кто не попал сразу в руки Скайнет и его машинам, и не был ими убит, то закончил вот таким образом свое существование. Скайнет нагнул их всех раком и трахнул их Алешка, всех трахнул своим металлическим членом.

Он осекся, глядя в синие удивленные и внимательные широко открытые мальчишеские глаза.

— Прости меня — произнес он Алексею — Потдался эмоциям, прости. Короче, этих власть имущих и правящих всем миром. Просто нагнул раком и поимел. Именно эти ему были меньше всего нужны. А вот опасность представляли. И он бы их тогда, да, впрочем, как и сейчас бы не пощадил. И это точно, Алешка.

Андрей снова замолчал, глядя в глаза Алексею.

— Сколько тебе еще тут быть? — произнес Белов Андрей.

— Говорят, только дня два — произнес Алексей — Потом меня переведут к военным заключенным в некий блок X19, сектор В-10.

Их разговор прервал удар молнии. Молния прорезала майское ночное затянутое черными грозowymi тучами небо над самой крепостной цитаделью «TANTURIOS». Она ударила в одну из радиоантен крепости. И искры высоковольтного голубоватого разряда полетели во все стороны, зацепив двух роботов Т-600. Те окутанные языками пламени и разбрасывая голубые яркие искры, рухнули на землю, начисто перегорев, не имея как уже устаревшие модели защиты от высокого напряжения.

Этот первый такой разряд молнии наделал шероха в самой крепости. Напугав, даже все, почти машины внутри самой цитадели А. А все пленные в секторах с В-11 по В-14 во всех лагерных тюремных блоках, мгновенно подлетели, к зарешеченным окнам. И, толпясь, и толкаясь, уставились в небо. И снующих взад и вперед в торопях, ищущих надежное укрытие машин Скайнет. Те, словно похожие на людей, просто прятались от дождя в любых подходящих местах. Под навесами блоков и эстакадных крепостных стен. Они не были знакомы с таким явлением природы. Скайнет не заложил в них такой информации, и это вызвало суматоху в кибернетических рядах роботов. Они, увидев гибель двоих Т-600, и не понимая, кто это сделал. Не зная в кого стрелять, просто пришли логически к выводу, что надо просто ретироваться на время куда-либо и занять оборону. А может это была команда от самого Скайнет, найти на время грозы и дождя надежное укрытие. Так как машины были на прямой с ним линии связи. И он ими руководил по всей базе «TANTURIOS».

За молнией последовал сотрясающий все вокруг гром. Даже вздрогнула земля как от нового ядерного удара. И в блоках погасло все ночное освещение. И включилось, аварийное, резервное красное. Это от тряски, видимо выбило, где-то высоковольтные стабилизаторы напряжения в главных ядерных трансформаторах базы, включив аварийные.

Сверкнула еще одна молния яркой искрящейся за доли секунды дугой уже несколько на отдалении, и полил майский теплый дождь. Самый первый дождь после ядерной зимы и сухого апреля. Первый дождь за двадцать долгих лет войны и ядерной зимы, которая

отступила по неизвестным причинам самих пленных. И который, вот так вероломно отметился ударом молнии в радиовышку, выведя ее из строя, как и двух стоящих рядом у ее основания роботов охранения Т-600, обойдя висящий над крепостью зонд связи.

Полил сплошной проливной ливень как из ведра. И вода захлестнула все кругом. И забетонированная сплошь площадка «TANTURIOS» превратилась от льющейся с грозовых ночных туч в целое бурлящее и кипящее той теплой майской грозовой водой море.

Гром напугал сидящего у кровати Белова Андрея Егорова Алексея. Он, аж, подпрыгнул на стуле и заозирался. Алексей никогда не слышал даже о грозе и дожде. Он обернулся на зарешеченное в больнице на первом наземном этаже Х50 застекленное кварцевым бронированным стеклом окно, которое зазвенело от удара молнии, где-то над его головой. И вода полилась по оконным ночным темным стеклам.

— Напугался? — засмеялся, его спросив, Белов Андрей — Неожидал такого? Это для тебя Алешка тоже в новинку? Ты грозы в начале мая тоже не видел еще. Иди к окошку и полюбуйся ночным ливнем. Красотища!

Алексей, встав со стула и отойдя от кровати Белова Андрея, подошел к полуоткрытому кварцевыми толстыми стеклами зарешеченному решетками окну больничной лагерной палаты блока Х50. Он уставился, молча с вытаращенными и напуганными глазами на ночной ливень. Сверкнула еще одна молния уже где-то далеко, но свет от нее был сильным и Алексей, даже прищурился от неожиданности, и отошел от окна, глядя на льющийся дождь. Раздался гром, сотрясающий уже где-то в стороне за самой базой и подземным бункером Скайнет летнюю землю.

— Здорово, дядя Андрей! — произнес Егоров Алексей — Не верится даже, что такое бывает!

— Бывает Алешка, бывает — произнес пленный больной раком Белов Андрей. Первый дождь в твоей, Алешка жизни. Первый летний дождь после долгой ядерной лютой зимы.

Алексей смотрел в зарешеченное и застекленное толстым кварцевым бронестеклом, как и все окна на лагерной этой базе всех тюремных блоков и строений. Смотрел на льющийся с шумом дождь. Настоящий проливной ночной грозовой ливень. Он смотрел в ночь на затянутое тучами небо. Не было видно звезд. И время от времени мелькала яркой вспышкой молния, и грохотал гром, сотрясая всю землю и саму базу Скайнет S9A80GB18 «TANTURIOS» по обе стороны реки Енисей. И дождь уходил за реку и уже был, где-то над горами и ночным лесом.

Ливень быстро и внезапно как начался, так и прекратился. И по территории обеих крепостей соединенных пятью бетонными через остров Татышев мостами, Скайнет уже наводил свой марафет.

Там после ливня уже ездили машины эвакуаторы DL40B, с многочисленными в виде рук гидравлическими манипуляторами и на толстых шипастых колесах. И увозили двух перегоревших начисто роботов Т-600 через один из пяти мостов в сектор В-8 и В-9, в район блоков Х10 и Х11, где была металлосвалка. На правую сторону Енисея. Другие многорукие на гусеничном ходу, роботы ремонтники В7-А17-В, занимались радиовышкой и выбитым стабилизатором высокого напряжения. Находящимся рядом с блоком Х50 в самом центре базы Скайнет в огромном закрытом бетонными стенами здании ядерным трансформатором. В ночном воздухе висел чудом выживший от ударов молнии зонд связи. И попрежнему по стенам цитадели S9A80GB18 шагали роботы танки, андроиды Т-500Т и вращались боевые турели, охраняя базу Скайнет с пленными и самими машинами.

— Тебе пора, Алексей — произнес Белов Андрей. Он почувствовал, что ему снова становится плохо. И старался быстрее отправить молодого мальчишку подальше от себя, чтобы не напугать его своими мучительными конвульсиями и криком.

* * *

Было уже пять часов утра. Алексей вошел в свою больничную ночную палату и увидел сидящую за столиком и перебирающую какие-то больничные бумаги Юлию.

Он прошел, молча до постели. И лег, накрывшись тем одеялом. Прямо в своей белой больничной простыне.

Юлия молчала, и ничего не говорила, а только перебирала бумаги. Она вошла сюда к нему, но не нашла его в палате больного. И сразу вычислила, где он был. Включив рентгеновское зрение, она увидела Алексея в палате соседа Белова Андрея. Но не стала, им двоим мешать общаться. Ее не напугала гроза и молнии с дождем и громом, как и Верту. И что панически буквально подействовала на остальные машины самой лабораторной базы. Все потому, что Юлия была человек в теле машины. Рожденной еще до войны и видевшей эту грозу с дождем еще до того как стала роботом андроидом.

Юлия просто, молча и тихо, его ждала в его ночной пустой палате. Так она могла его Егорова Алексея прожать и до утра. Но он пришел, и сразу проскочил, увидев ее присутствие быстро в свою постель.

— Тебя гроза и дождь не напугал, Юлия? — спросил Юлию Алексей.

Юлия, тогда, встала и подошла к его постели и к нему лежащему там.

— «Она все, наверняка, слышала» — подумал Алексей — «Весь их двоих ночной разговор. Может даже целиком».

Алексей смотрел на нее внимательно, и не отрываясь, ожидая вопросов и распросов, что и зачем он там делал. Но Юлия молчала.

Юлия склонилась к его лицу своим лицом, уронив на него свои длинные русые вьющиеся распущенные по плечам, спине и груди волосы и глядя в его синие мальчишеские глаза своими девичьими робота доктора полуживыми из силикона и биотканей электронными, горящими красным светом камер глазами.

— Нет, Алеша — она произнесла, просто как живой настоящий человек ему и женщина — Я в первую очередь человек, а не машина. Ты забыл, наверное. И я жила еще до самой войны, и знаю что такое дождь и гроза. И знаю еще много чего как человек того, чего не знают машины.

Она взяла за правую руку Алексея своей тоже правой покрытой силиконовой тканью и кожей гидравлической рукой, сжав тонкими женскими пальчиками в запястье, измеряя ему пульс своего подопечного больного в считанные секунды. И занося в свое программное ЦПУ робота врача больницы блока X50 картотеку. И тут само, как-то все случилось.

Он больной Егоров Алексей поцеловал ее. Прямо поцеловал в губы. Губы похожие на настоящие, но из силикона. Полненькие девичьи губки робота гибрида. Андроида T-S/A017(Latex Skin Prototype).

Он Алексей смог это сделать. Это как-то произвольно и уже свободно. Он уже целовал женщину. Всему виной Лескова его предательница Багира. О предательстве, которой он еще не знал. Из-за которой, он оказался в этом плену. И из-за которой, погиб радист армянин

Гарик Резвый. Она и научила его любить и целоваться. Научила всему еще совсем мальчишку. Пробудив страсть любви к женщинам. Подарив опыт первого секса в том бункере полковника Гаврилова и позднее еще раз уже в своем бункере. И никто не знал, никто... Даже майор Кравцов этого не знал. А если бы узнал, наверное, бы, удивился. Алексей не тянул на хорошего, молодого повесу и бабника. Это было, глядя на Егорова Алексея даже трудно себе представить. И он, возможно и был бы таким, если бы не эта Багира. Он был еще двадцатилетний молодой сопляк. Да еще из лесной таежной староверческой деревни. Но все же... Он поцеловал Юлию. Поцеловал машину. Робота андроида. Робота, который поставил его контуженного на ноги. Хоть и пленного, но по приказу Скайнет она его вылечила, и он ее поцеловал.

Он был под впечатлениями от рассказов пленного больного раком и умирающего соседа Белова Андрея. От того чего он не знал и знать не мог. А потом еще эта первая в его жизни Егорова Алексея настоящая с молниями и громом майская гроза. И этот ливень, которые, он в жизнь еще не видел. И он поцеловал Юлию. Это само как-то получилось. Просто ее девичьи полненькие из силикона робота андроида T-S/A017 губы были слишком близко от его губ. Она наклонилась над ним и, словно сама хотела это сделать, но он сделал первым.

Юлия отпрянула назад, оторвавшись, словно напуганная и растерянная, глядя, также растерянно и напугано в синие как летнее небо глаза его Егорова Алексея. Своего доверенного Скайнет ей подопечного. Она вперед выкинула свои руки и намертво придавила ими с силой в самую грудь Алексея. Вдавливая силой гидравлики и сервоприводов под нарощенной силиконовой кожей и плотью его тело в постель.

— Юлия, я люблю тебя — произнес он ей, чуть не задыхаясь от силы машины. А она стояла как вкопаная и смотрела на него, широко открыв свои напуганные и растерянные девичьи машины врача глаза.

— Юлия — произнес он, ей, придавленный намертво ее руками робота к постели — Ты никогда не целовалась? Когда была человеком?

Он не мог даже пошевелиться. И уже подумал, что зря все это сделал. И что ему уже конец.

И вдруг она, отпустила его и упала на его мальчишескую грудь своей полненькой грудью и впиалась в его живые мальчишеские двадцатилетнего парня солдата и пленного губы. Он даже ощутил, как у Юлии заколотилось где-то в глубине в груди живое девичье сердце, и загудел генератор машины и батареи.

Она действительно была человек. Человек в теле машины. Там, где-то в самой ее глубине за силиконом, так похожим на живую плоть и кожу. Где-то, внутри самого робота металлического эндоскелета из сервоприводов и механизмов. Там была настоящая живая Юлия. Даже, не смотря на сомещенный с живым человеческим ее нейронный робота гибридный мозг.

— Я целовалась — произнесла она ему — Это было давно, когда была первая человеческая любовь. Когда не было этой кошмарной войны. Алеша, я тоже люблю тебя — она снова опустила к нему свое человека и робота в одном лице миленькое чернобровое личико, снова укрыв его своими русыми длинными распущенными волосами. И сама уже впиалась в его мальчишеские губы.

Потом Юлия оторвавшись от губ Алексея, произнесла ему — На этом и закончим Алеша.

— Но, почему? — произнес удивленно, и, чувствуя как любовный жар, охватил его все

молодое пленного двадцатилетнего солдата тело. Такого он не испытывал еще никогда. Даже целуя Светлану Лескову.

— Почему, Юлия? — произнес Алексей, потянувшись губами снова к силиконовым губам робота Юлии.

— Потому, что я робот, а ты человек, Алеша — произнесла человекоподобная машина.

— Но ведь ты же, говорила, что ты не совсем робот — он произнес ей — Только внешне?

— Я и хочу быть снова и полностью человеком. И хочу чувствовать себя человеком, любимый мой Алеша — произнесла робот Юлия.

Живая, как настоящий человек, машина приподнялась над лежащим на постели Алексеем и произнесла — Когда-то я была человеком, полностью человеком — произнесла Юлия — И хозяин обещал мне сделать меня снова человеком.

— Кто хозяин, Юлия? — спросил Алексей ее.

— Скайнет — ответила андроид T-S/A017 Юлия — Он обещал мне заменить это тело на новое. Из живой плоти и кожи. Я рассказала ему о том, что люблю тебя Алексей. И он обещала мне.

— Но ты и так красивая и практически не заметно, что это силикон- произнес Алексей ей — Губы у тебя как живые. Даже теплые.

— Тебе так показалось, Алеша — произнес T-S/A017 — Я хочу теперь живое тело, как и то, что внутри меня. Это теперь мне необходимо. И Скайнет обещал дать мне его. У нее есть разработки полностью живого человека. И она обещала мне это. Обещала создать живое полностью человеческое тело. Обещала сделать меня снова человеком.

— Она, Скайнет? — произнес Алексей — Она, что женщина?

Он Алексей, сразу вспомнил свои те жуткие сны с той усыпанной человеческим серым пеплом с ног до головы обнаженной и обвешанной длинными вьющимися как живые черными шевелящимися волосами молодой черноглазой женщиной. Женщиной протягивающей ему свои руки и зовущей к себе. Где он, почему-то зовет все время ее мамой.

Юлия поняв, что преждевременно осеклась, быстро сменила тон речи и разговора.

— Не будем больше говорить об этом — Юлия резко оборвала его — И делать так пока, Алексей, тоже не будем — произнесла Юлия ему — Ей это может не понравиться.

Глаза Юлии сверкнули из-под силиконовых глазных под человека подвижных глазных яблок в металлических глазницах робот ярким красным светом в темноте ночной больничной одиночной палаты. И робот андроид T-S/A017 Юлия, отвела их в сторону.

— Почему Юлия? — спросил, почти панически и недоумевая Алексей.

— Потому, что нельзя — произнесла Юлия, робот серии андроид. Робот гибрид из силикона и живых внутри вросленных органов. Первый и единственный такой робот в этом бункере Скайнет. Прототип всех последующих гибридов машин этой серии. И Алексей поцеловал первый раз в эту ночь человека и одновременно машину.

— Но, почему, Юлия? — Алексей теперь недоумевал. Ведь все начиналось так прекрасно.

— Сам поймешь скоро почему? — ответила, робот Юлия — Она объяснит сама тебе.

И она, повернувшись в своем белом врача халатике от его постели, и не оглядываясь быстро подошла к стоящему недалеко от постели Егорова Алексея больничному в его палате столику. Взяв быстро журналы с больничными записями, также, быстро не попрощавшись, вдруг вышла, лишь оставив приоткрытой входную дверь.

06 мая 2032 года.
Восточная Сибирь.
Бывший Красноярск.
Территория Скайнет.
Лагерь S9A80GB18 «TANTURIOS».
Левый берег. Цитадель А.
Трехэтажный наземный блок X17.
Сектор В-16.
07:24 утра.

Верта стояла снова у своего окна на третьем этаже наземного бетонного строения над бункером ее повелителя и хозяина. Она включив ночное и тепловое зрение, снова осматривала всю крепостную цитадель и небо над боевыми поворотными с тяжелым плазменным и ракетным вооружением турелями на крепостных круглых башнях цитадели А, и летающими над крепостью патрульными реактивными машинами ОУ-воздушными охотниками. Зарождался новый день, и где-то очень далеко за горизонтом, в прорыве черных облаков, появилась узкая полоска утреннего света. Над горами и Енисеем. Верта следила ледяным ничем не выражающим сейчас зеленым взглядом своих жидкометаллических глаз за конвойными машинами, сопровождающими по ее личному распоряжению и по приказу Главной машины пленных военных на работу в сектор Б.

Требовалась уборка аэродрома. Особенно после такого проливного ливня. Было много застоявшейся воды и мусора, который она нанесла. Требовалась снова уборка территории крематория на правобережной стороне Енисея. Там за пятью мостами из железобетона через реку.

Здесь всю территорию убирала машины, а там, пока не было никого, кроме роботов охранников крепости Б. И сейчас как раз грузили пленных. Целую группу из блока X19 сектора В-10 в скотовозки машины на литевых батареях, что и у старых FK-танков KSI-340, генераторах и электродвигателях, управляемые роботами Т-600 и Т-700. Под охраной и в окружении FK-танков Т-1 и Т-100.

В плотном оцеплении из вооруженных роботов всех кого определили на работы, загрузили в закрытые полностью, почти без окон машины, если не считать узкие зарешеченные застекленные прорезы, и они поехали в сторону одного из пяти мостов через реку на ту сторону Енисея.

Для Верты гроза была не новость. Она видела такое там в прошлом. И видела такой проливной дождь неоднократно. В отличие от всех машин этой цитадели. Даже Юлию гроза напугала, но она тоже знала, что такое проливной дождь с грозой. Юлия была человеком в теле машины и помнила это чудесное явление природы еще с того времени когда не была еще машиной. Но уже почти забыла. Это было лет больше двадцати назад, когда Юлия была еще маленьким ребенком.

Да и многие из пленных кто родился в войну, понятия не имели, что такое дождь. Только те, кто жил до ядерной войны. Но таких здесь было немного. Большая часть стариков, либо умерла, либо погибла. А молодые, родившиеся в ядерную уже зиму, понятия

не имели, что такое дождь и гроза. И их здесь было много.

Скайнет уже не знал, что делать с пленными. Их становилось все больше. А отпускать он их на свободу не хотел. Раньше когда Мегамашина была иной по своим более простым суждениям по отношению к жизни и существованию человека. Все ограничивалось опытами смертью и крематорием. Сейчас все было уже по-иному. И даже Верта, Т-1001, уже смотрела на человеческую жизнь, как и на жизнь всего живого иначе.

Но пленным нельзя было вот так просто отпускать на свободу. Шла война. Война все продолжалась. И отпускать пленников означало пополнить ряды противоборствующих Скайнет человеческого ополчения.

Да и эти глупцы все равно тогда погибнут под пушками воздушных охотников Скайнет и терминаторов охотников. Люди так и не научились толком ценить свою жизнь. А Скайнет придется защищаться и ему снова придется убивать. А он уже этого не желал и не хотел. И не хотела просто вот так убивать всех подряд сама Верта. Особенно детей. Которых тут было немало.

Верта сейчас думала, глядя на мужчин военных из блока Х19, и думала о том, как тоже решить эту проблему. И единственным на кого падала ставка, был этот молодой мальчишка, пленный под личным номером АВN005476859 Егоров Алексей.

Она видела уже его, когда он был практически месяц в отключке и контуженный ультразвуковым оружием. И она знала, кто такое мог сделать. И тот, кто это сделал, был гораздо опаснее Скайнет и ей. И тот был такой же, как она или точнее он робот из мимикрирующего полисплава Т-1002. Улучшенной боевой серии Скайнет два. И знала, что им предстоит еще встретиться. Это телепатия. Верта, робот Т-1001, чувствовала его и он вероятно чувствовал ее. Там где-то далеко пока от базы Скайнет, и где-то в горах и лесу.

Главное сейчас переговоры. Так сказала она. Ее мать. Там в блоке Х17 в секторе В-14. Там в секторе сканирования и программирования машин гибридов. И Верта и скала защиту матери и альтернативу своему вероятному противнику. Эти Т-888, должны были стать ее защитниками. И этот лесной пленный из ракетчиков мальчишка по имени Алексей.

Ее мать уже с ним что-то связывало. И Верта была не против такого акта, что придумал Скайнет первый. Вероятный толк с этого мог быть. И надо было заканчивать это военное кровавое противоборство и все менять. Менять целый мир. Начало к этому уже положено Скайнет. И теперь осталось все только за этим мальчишкой лет двадцати Алексеем.

Скоро прибывал еще один транспорт с пленными из-за океана и надо было прибраться на бетонной аэродромной обширной площадке для посадки огромных летающих ОУ НК-AERIAL PA-219 транспортников, в сопровождении Харвестера.

Верта вспомнила в своей электронной памяти ЦПУ одного такого там на той базе Скайнет S9A80GB17 «TANTAMIMOS». Там в Штате Колорадо за Тихим океаном. Оттуда откуда она сама не так давно прилетела со своим контейнером и с рапортом о выполненной работе. Он командовал Харвестерами разных видов по охране самой базы на поверхности ее, когда внизу, у ядра Скайнет первого, еще одного его Я, в Главной Догме, нес свою бессменную охранную вахту Т-1000000 или Т-MEGA. Ее огромный собрат из жидкого металла, хранитель Главной догмы Скайнет первый и его Ядра самого электронного и механического муравейника или «УЛЕЯ», паук. На шести ногах и с встроенным в его ЦПУ программу сокрушительным из того полисплава рубящим и колющим оружием. Непобедимая вообще можно сказать искусственно созданная тварь. Несущая и день и ночь дозор там, в огромном круглом железобетонном в черном и прочном как броня танка

пластике помещении, уставленном огромными высоковольтными трансформаторами и серверами. К которым шли по стенам и потолкам высоковольтные в стальной изоляционной оболочке провода догме. И подчиняющаяся только ей Верте и Мегакомпьютеру Скайнет.

Именно там она вернулась назад из прошлого и довоенного.

TERRA-MEGA, выбросила ее и молодого Джона Коннора в руинах Лос-Анжелеса. И она отправилась сначала в Колорадо на Главную и основную базу Скайнет и потом сюда, захватив свои машины в том стальном бронированном из титана контейнере.

Верта смотрела в окно, осматривая всю перед окном третьего этажа наземного строения территорию, и думала сейчас о нем. О том кто лежал в блоке X50. Здесь на этаже первом, рядом с детским садиком с человеческими малышами. Она думала о Белове Андрее, пленном Скайнет под номером AVN007855656. Она любила. Любила как настоящая живая женщина. Она научилась любить и поняла что это такое. Поняла лучше любой земной женщины. Хотя и была машиной, роботом из жидкого пластичного металла.

Она Верта, робот полиморф T-1001, любила. Да, да, как бы это не выглядело странно, но это было уже так. Она снова увидела его в том тюремном блоке X19 и загорелась живым к нему робота из мимикрирующего полисплава интересом. Скайнте хотел того же. И они теперь как две женщины и машины понимали прекрасно друг друга. Теперь этот мир был их мир. Мир двух влюбленных машин.

Ее хозяин не осуждал Верту, потому как сам нуждался в любви. Они оба достойны всего. Но вот любви еще нет. И это было необходимо и тому и другому.

О любви мечтала и Юлия. Это она Юлия первой заронила первые эмоции в обе машины. Юлия была наполовину машина, наполовину человек. Это все ее близкая молодая совсем как двадцатилетняя девчонка и подруга. Врач биолог и подручная ее Верты, робота полиморфа T-1001, человекоподобная машина подруга. Лучшая подруга. Девочка гибрид машина из силикона и живых человеческих органов. Жертва эксперимента Скайнет, прототип человекоподобных киборгов и андроидов T-S/A017(Latex Skin Prototype).

— «Андрей» — прозвучало в центральном процессоре T-1001 — «Любимый мой, солдат пленный Андрей».

Верта даже закрыла свои глаза машины. И, положив руки на женские из полисплава красивые оголенные бедра, провела руками по ним, как делали земные женщины. Она, задышала, громко, запрокидывая свою перед окном с вьющимися, как огненные змеи рыжими длинными собранными в длинный снова хвост до самой широкой ее округлой ягодицами задницы оголенную лбом голову.

Верта провела руками по своим изящным оголенным бедрам, задирая из жидкого металла вверх свое белое снова с крылышками платье с колен все выше и выше. И вот ее платье, просто исчезло и растворилось в ее жидкометаллическом T-1001 женском теле. Оно просто ушло внутрь самого ее полисплава. В то, из чего Верта сама состояла. И Верта стояла уже полностью голая, перед своим окном и ее руки, голые полностью женские робота руки скользили по ее телу. Из которого, появились еще руки и еще. И они обнимали всю Верту и гладили везде. От скопированного, в точности как у настоящей живой земной женщины, заросшего рыжими волосами, как и ее вьющиеся на голове волосы, над ее промежностью между ее красивых ляжек заросшего лобка. Скользя по голому овальному изящному такому же, как и ее округлые голые бедра с круглым пупком выпяченному вперед животу машины. Блестящего уже жидким сплавом металла. И вверх до торчащих возбужденных с торчащими возбужденными сосками вибрирующих как живые и настоящие, дрожащих грудей, сливаясь с

ними и пальцами, погружаясь внутрь машины.

Ее встроенный молекулярный генератор громко загудел, как и робота Т-1001, одна из встроенных и запущенных в режиме работы плазменная высокомогущая, превышающая все ядерные батареи других маркировок, батарея SUSAR-1000. С неисчерпаемым практически источником энергии для моделей этой серии и андронной истребительной серии Т-Х. 8000000битный коммуникационный дисплей, молекулярный встроенный монитор робота полиморфа засветился внутри машины, просто ярким белым ослепительным светом, отключив полностью на нем изображение. И зеленые глаза Верты закрылись.

Верта, меняя цвета своего полиморфного женского тела, дико эротично застонала как живая человеческая женщина, потом на всех электронных мелодичных интонациях и звуках, превратившись в блестящий ртутью монолит, слившись с полом своего кабинета. И превращаясь, в большую, похожую на некоего гуманоида, каплю. Без лица и волос. В один большой монолитный блестящий зеркальный сгусток, словно выросший из того пола у окна ее кабинета. И этот ее электронный как высоковольтная электроподстанция стон, превратился в некое гудение и внутренние жужжащие и пощелкивающие звуки.

Она открыла свой жаждущий поцелуев губами рот. Из рта вверх высунулся длинный язык. Он заизвивался змеей в воздухе над ее, вновь приобретающим очертания милостивым женским лицом и следом изящным обнаженным телом. И погрузился снова в ее раскрытый рот.

Она прервала стон и снова, произнесла, открыв свои зеленые, под черными бровями холодные, но наполненные дикой страстью влюбленной в человека машины глаза. Закатывая их, и издавая из себя внутренние те гудящие переливающиеся волнами вибрационные звуки. И такое же страстное тяжелое дыхание. Гудя своими плазменными молекулярными батареями и генератором, то набирая за считанные секунды температуру, то тут же ее также мгновенно сбрасывая. Машина вибрировала, и по пластичному жидкому металлу бежали от низа кверху, перетикая одна через другую как по водной зеркальной глади волны.

На встроенном молекулярном ее 8000000битном мониторе было его лицо. Лицо ее любимого Белова Андрея.

— Любимый, пленный мой, Белов Андрей — произнесла уже Верта вслух на своем как машина языке, стрекоча сама себе электронными звуками — Ты будешь моим или ничьим. Я не отпущу тебя никуда от себя. И ты полюбишь меня. И уже скоро, когда станешь таким же, как я и как Юлия. Ты породнишься со Скайнет. Ты станешь ближе к нашему Богу. И станешь нашей семьей, солдат Белов Андрей. Пленный мой, под номером АВN007855656. Любимый мой солдат, Белов Андрей.

Ее голос прервал голос Юлии. Он прозвучал у Верты в ее голове внезапно и даже для нее неожиданно. Вырвав робота Т-1001 из состояния любовной безумной эйфории, от которой волнами шло все его женское тело и стали меняться лица и облики от мужских до различных женских. Сбивалась программа мимикрии. И машина не могла остановиться. Она услышала Юлию телепатически. Всем своим жидкометаллическим с биологическим человеческим живым компонентом телом. Каждой молекулой своего вибрирующего от той любовной эйфории полисплава. Всеми осязательными слуховыми и зрительными сенсорами машины.

Это был голос Юлии их медицинского блока Х50 — Верта, мы не можем ничего с ним сделать! Нам не спасти его! Он умирает! Умирает, Верта! Пленный под номером АВN007855656 Белов Андрей! Состояние критическое! Доктор Карл Эвенс сделал вс

возможное, но он умирает все равно!

— Держите его! — прокричала она туда, откуда пришло сообщение — Я уже иду!

Верта как ужаленная, сорвалась с места. Закрутившись спиралью, блестящей сверкающей, как ртуть каплей. И приобретя форму длинной блестящей из полисплава змеи. Упав на пол своего кабинета на третьем этаже. Она вылетела в открывшиеся двери, извиваясь бешеным и диким блестящим металлическим угрем. И понеслась, сметая все на своем пути, стоящие тяжеленные железные ящики и в узких местах переходов контейнеры, сбивая с ног тяжеловесов роботов охранников Т-600 и Т-700. Откидывая их 300 килограммовые железные гидравлические бронированные танковой броней тела машин на отделанные металлом и пластиком стены. Сметая работающих по уборке коридоров многоногих похожих на пауков маленьких роботов VS-018, и разбрасывая их по сторонам как пушинки. Сорвав один из боковых технических люков, понеслась вниз по этажам, через вентиляционные шахты и трубы, чтобы как можно быстрее быть, там, у постели умирающего любимого больного.

* * *

07 мая 2032 года.

Восточная Сибирь.

Манское нагорье.

В пятидесяти километрах от базы Скайнет.

08:21 утра.

Первый ночной проливной дождь обошел стороной горную в лесной глуши деревню. Он ночью прогрохотал, где-то по левой стороне Енисея. Сверкая молниями. Громя по отрогам Саянских, заросших высоким соснами и елями гор. Не зацепив практически правобережье. Лишь только, в районе более близком к самой базе «TANTURIOS», он перекинулся на правую сторону реки. Поглотив собой всю крепостную бункерную цитадель Скайнет А и Б, на месте бывшего Красноярска и пошел дальше по горам, уносимый черными в ночном небе тучами и ветром в верхних слоях летней атмосферы, куда-то уже к югу, продолжая лить воду. И грохотать громом и сверкать молниями, по безжизненным почти отрогам летних гор.

Вера слышала всю эту далекую какофонию грозы и проливного дождя и не знала, что это? Она поднялась с постели и подошла, тихонько ступая осторожно по деревянному дощатому полу старенькой деревенской избы к самому застекленному и давно уже не мытому от грязи и пыли окну, вслушиваясь в грохот грома где-то далеко за рекой.

ТОК715, понятия не имел, что это. Этого не было в его программе. И было даже страшно самой машине. Страшно от того, что было необъяснимо. Она настраивала слуховые датчики и сенсоры на более подробное и тщательное восприятие далеких похожих на взывы снарядов звуков. И терялась в догадках, что это такое?

Дмитрий спал, и была ночь. Ходики показывали часа два ночи. Она слышала, как он храпел там, на высокой деревенской печи и крепко спал. И не слышал машину Скайнет, стоящую у окна и смотрящую сквозь стеклянные окна его дома, в ночную тьму, видя все как днем. Сверкая своими из-под глазных с карими зрачками человеческих яблок красными

линзами видеокамер, перенося все на 40000000битный встроенный в машину в ее под плотью и кожей под красивыми темнорусыми волосами из колтана бронированном черепе, похожем на человеческий, созданный по системе киборга Т-888, модель S12ED. С встроенным внутри его нейронным в особом, закрытом и подрессоренном устройстве мозгом, перерабатывающим миллионы операций за секунды. И с чипом памятью в особом правом отделе стальной бронированной головы машины, определяющим ее само управление машиной. Но, не знала, что такое молнии и гроза. Она пыталась найти это в базе своих данных, но тщетно.

Уже днем, она рассказал Дмитрию все, что слышала ночью. И он, рассмеявшись, почти по-детски ее удивленному выражению молодого немного наивного семнадцатилетнего девичьего личика. Не понимающего, что такое гроза и дождь. Просто не размышляя и особо задумываясь, рассказал ей то, как когда-то давно еще до самой ядерной войны и ядерной зимы были такие вот грозы и ливни, просто проливные ливни и каким был после них в лесу сам воздух. И что по осени, ему Дмитрию, Вере пришлось рассказать и про смену сезонов и времена года, понимая и списывая молодую ее необразованность на ее позднее рождение, как всех тех детей кто появился на свет во времена войны и самой зимы, после таких вот гроз и ливней росли грибы. Про грибы ей ему тоже пришлось рассказывать, как и про ягоды. Она много ему сама рассказала из их до этого беседы. О мире и о том, что твориться сейчас вокруг, но вот про грибы и ягоды Вера не знала. И он порядком уже уставший быть преподавателем, открыл старенький шкаф, стоящий у бревенчатой беленой в доме стены. И сундук своей покойной супруги Антонины и произнес — Вот попробуй это — произнес Дмитрий, подавая из старенького деревянного шкафа и рядом стоящего бельевого сундука платья и обувь своей покойной супруги Антонины в руки своей поселившейся у него молодой совсем еще лет семнадцати гостьи. Он подбирал все самое подходящее из женской одежды, чтобы переодеть Веру в одежду деревенских женщин.

Она сама, Вера попросила его об этом. Она не хотела особо выделяться от всех живущих в этой лесной нагорной в верховьях Маны деревне. Это позволило бы машине слиться удачно и зрительно с селянами староверами.

— Я хотела бы снять с себя вот это — сказала Вера Дмитрию, показывая на свое совсем не деревенское одеяние. На кожаную черную блестящую куртку ботинки и синие джинсы.

— Вот, примерь пока, женский старенький летний сарафан и фартук и платки. Много платков. От вязанных пуховых шалей до красивых больших платков. И кофточки. Разные, и тоже вязаные из бараньей шерсти. Это на случай прохладной погоды. На вечера — говорил Дмитрий Вере — Это все от жены моей осталось Антонины. Другой женской одежды у меня нет. Там еще ее кружевные комбинешки и ночнушки. Ну, думаю, ты сама как женщина, Вера, разберешься во всем этом.

— А, Антонина где ваша, дядя Дима? — спросила Вера.

— Умерла Антонина — произнес, потупив взор Дмитрий — Еще в Апреле умерла. Ночью. Схоронил я ее на местном нашем кладбище.

Вера, сняв с себя кожаную куртку, и бросив на стоящую в левом углу дома широкую семейную постель Егорова Дмитрия, вдруг встрепенулась. И, обернувшись, посмотрела грустными, почти черными карими глазами на Дмитрия.

Она стояла в черной длинной футболке, которую раньше и не видно было под той курткой. Под футболкой не было лифчика. И это было заметно по торчащим из-под футболки соскам на полненькой девичьей груди. Дмитрий это заметил, но не показал вида.

— Умерла? — машина спросила его и, не понимая, что это, быстро включила данные в процессоре и все о том, что такое человеческая смерть. Мгновенно прокручивая данные, и ужасаясь этому, отвернувшись, снова в зеркало уже напуганными в страхе глазами.

У нее загудела в груди водородная одна из включенных батарей, и застучало искусственное вращенное усиленное в груди под бронеплитой из колтана человеческое сердце. Гидравлические в сервоприводах руки и пальцы машины сжались в девичьи кулачки. И задрожали даже ее машины ТОК715 под камуфляжной человеческой биоплотью, такие же гидравлические ее бронированного колтаном эндоскелета ноги.

Этот ужас был человеческий, но машина его поняла по-своему.

Она перелистала все, что было в ее базе данных под словом смерть. И увидела что такое это... И как это может быть применимо к ней как к машине.

ТОК715 охватил парализующий ужас. Робот Скайнет примерил это понятие к себе как к роботу, и она Вера сдавленно дрожащим человеческим голосом произнесла Дмитрию — Я боюсь смерти, дядя Дима! Я не хочу смерти!

— Что ты! — произнес громко, и не на шутку, встревожившись Дмитрий — Ты совсем еще молодая! Тебе рано умирать, девочка моя! Ты не умрешь!

— Правда?! — произнесла Вера.

— Правда! — ответил Дмитрий, сам не на шутку напугавшись и глядя на нее — Я, не отдам тебя никому и ей тоже, девочка моя! — Я защищу тебя от нее. Не бойся и забудь про это! Забудь! Лучше посмотри на вязанные кофточки моей супруги. Антонина их все лет двадцать не снимала с себя. В лютую ядерную зиму. По несколько таких кофточек и куталась во все эти шали и платки, находясь дома. А платки, смотри какие красивые, нравятся?

Вера, все еще вся, содрогаясь от охватившего ее ужаса все же улыбнувшись Дмитрию, снова уставилась в зеркало, сверкая почти черными своими карими девичьими глазами.

— Нравятся кофточки? — спросил Дмитрий Веру.

— Нравятся, дядя Дима — произнесла она ему, стерев из памяти ТОК715 все о смерти — Очень нравятся. Я бы хотела переодеться в одежду Антонины — произнесла Вера.

— Переоденься, думаю, тебе почти все подойдет — он Дмитрий разрешил ей, и произнес снова — Там, наверное, такое в городе-то не носят? — спросил Дмитрий.

— Там нет, дядя Дима — ответила Вера — Там большинство, вообще, кто, в чем и в чем попало — машина отвечала от обратного — И нет ничего такого красивого.

Она стояла у круглого стоящего на стареньком лакированном деревянном комодике на поворотной стойке зеркала и любовалась собой. Поворачиваясь, прямо как настоящая совсем еще юная живая девчонка школьница, любуясь с удивлением собой и разглядывая себя.

Машина ТОК715 на самом деле себя в лицо не видела. И это было первое ее знакомство со своим внешним обликом. И, похоже, ей она сама себе самой нравилась.

От волнения внутри машины загудела правая запущенная водородная в ячейке под ее грудной бронеплитой батарея IGEY-700 и в районе позвоночника машины генератор и энергия волнами прокатилась по всему телу киборга гибрида. Приятное тепло растеклось по всему машины искусственному телу модели S12ED.

Она любовалась собой через 40000000битный коммуникационный дисплей, встроенный внутри ее работа головы монитор. Рассматривая себя своими горящими красным светом камерами ТОК715, под глазными нарощенными глазными яблоками карими, почти черными глазами. Просматривая каждый миллиметр своего миленького из кожи и плоти девичьего

личика.

Машина проанализировала состав самой ткани. Это был хлопок и лен. Немного вискозы. Такого не было в составе ее одежды, из полимеров. И в какую одевал свои все машины Скайнет. И которой, было полно внизу на складах в В-28. Это была натуральная одежда. И из натуральных природных растительных переработанных, правда, волокон, а не путем одной, лишь химии. На подземных кибернетических заводах ее хозяина. И которую Скайнет выпускал за океаном и привозил сюда для хранения, для своих киборгов и андроидов-гибридов. Эта одежда была не в пример, той из искусственной кожи и искусственного хлопка, которая не была хлопком, равно, как и кожей. А лишь, в точности, копировала кожу и хлопок. Даже ее ТОК715 военные ботинки, на шнурованной голяжке, были тоже из полимеров.

Вера улыбнулась еще раз своему миленькому девичьему личику, рассматривая себя буквально по сантиметру в том зеркальном отражении.

— Это, что я? — произнесла Вера, как бы ища подтверждение у Егорова Дмитрия в том, что видела перед собой. И любуясь собой, набросив пуховую теплую шаль на плечи и прикладывая к плечам и девичьей работа гибрида груди платью с кружевной оторочкой и красную вязаную кофточку. Буквально делая интуитивно. Скорее не как машина, уже, а как живая женщина. И делая это правильно. Затем, набросив на свои стриженные до плечей пепельного оттенка волосы, цветной яркий большой платок. Она укутала голову в тот женский деревенский тканый платок, целиком оставив только свое миленькое со сверкающими и почти черными, как ночь карими глазками личико.

ТОК715 и сам не знал, как это у него получается, но, похоже, он делал все правильно. Раз человек ничего ему не сказал, и, похоже, был доволен.

— Ну, а кто же еще, девочка ты моя милая — произнес Дмитрий — Ты и есть, только теперь самая настоящая деревенская девчонка. Не отличить теперь от остальных кто в нашей деревне. Ты даже красивей будешь всех женщин в нашей лесной деревне. Будешь теперь моей городской приехавшей ко мне племянницей. Вот только поверят мне соседи? — он сам себе задал этот вопрос — Если тебя увидят здесь у меня в доме.

Он замолчал на минуту и потом продолжил — Они никогда не слышали о моих родственниках из Зеленогорска. Хотя и Селивановы не знали даже сами, что у них есть родственники в Минусинске, но потом объявились, аж в холод и зимой. Как добрались вообще неизвестно до нашей лесной глуши.

Дмитрий вспомнил об еще одних жителях своей староверческой деревни в верховьях Маны.

— Может, кто-то им помог? — он сам задал себе вопрос и, не зная ответа, продолжил — Но, живут сейчас у Селивановых, и никто не спрашивает, откуда они и зачем сюда приехали. Но, поначалу было всем интересно, как они добрались досюда и не погибли по дороге. Говорят машину на ходу какую-то и на бензине нашли, снегоход. И по ночам добрались, вроде так незаметнее для роботов.

Вера смотрелась в зеркало и молчала. Было видно, что она о чем-то сейчас думала.

— Я тоже нашла машину — произнес робот гибрид ТОК715, вспомнив свою высадку на вершине одной из гор вблизи деревни с военного ОУ-транспортника. И рассчитывая свою версию появления объяснить этим, если у Дмитрия Егорова закрадется какое-либо к нему подозрение.

— Там по дороге из Зеленогорска — ТОК715 добавил — Я слышала про выжившие и

войне и ядерной зиме сельские в округе Красноярска деревни. Вот и решила поехать искать. Надоели руины, и есть было уже нечего.

— Да, как ты только девочка выживала там? — сочувствуя Вере, произнес Дмитрий.

Он даже не задавался излишними по отношению к ней вопросами. Он даже не думал, что все это крайне подозрительно. Он Егоров Дмитрий просто был обыкновенный деревенский одинокий и сходящий с ума уже и скуки от одиночества мужик. Вдовец, молящийся утром и вечером на икону в верхнем правом углу дома Николая Угодника Отвратного. Одинокий старовер, который теперь разговаривал только с той иконой и со своим в покосившейся сараюшке боровом Борькой. Что он мог заподозрить вообще в такой миленькой очень молодой девчонке, лет семнадцати. Живой и радующейся сделанному ей сегодня от него подарку. Вещам покойной его жены Антонины, которую та девчонка в глаза не видела, но была рада этим стареньким женским тряпкам как чему-то чудесному и чуть ли не сверхестественному.

И Дмитрий Егоров не думал ни о чем, а только смотрел на это миленькое молодое пришедшее к нему из самого летнего соснового леса создание. Как на подарок судьбы.

— И как сама за рулем доехала? — спросил Дмитрий ее, любуясь крутящейся перед зеркалом Верой.

— Нет — быстро сориентировалась машина Скайнет в диалоге с человеком — Меня довели до леса и высадили.

— Высадили! Кто и зачем? — удивился и возмутился Дмитрий — Высадили посреди дороги! А куда, вообще вы направлялись?

Машина Скайнет поняла, что допустила лишнее и попала в ситуацию, когда придется объяснить человеку, как она вообще тут оказалась. Раньше они при беседе пропустили этот пункт, в своем разговоре.

— Я не знаю. Мне было все равно. Я хотела уехать подальше из разрушенного войной до основания Зеленогорска. Чтобы не видеть голой без единого кустика пустыни вокруг рухнувших домов и расплавленных огнем фонарных столбов, машин и автобусов.

Она произнесла осторожно, и внимательно наблюдая за Дмитрием через зеркало.

— И мы не доехали — произнесла, делая грустные свои глаза и смотря на Дмитрия через отражение в зеркале ТОК715, мгновенно за секунды ориентируясь в своей программе и ЦПУ и анализируя поведение своего подопытного на коммуникационном дисплее 40000000битном мониторе. Его голос и варианты вероятных с его стороны вопросов и возможных своих на, те вопросы ответов.

— А как в лесу то оказалась? — спросил Дмитрий.

— На нас напали — произнесла Вера.

— Напали? Машины?! — возмущенно и удивленно, все также произнес Дмитрий Егоров.

— Да, дядя Дима — произнесла робот ТОК715 Вера, стараясь связывать одно с другим — Когда меня высадили, тут на нас и напали. И я убежала в лес. И пришла сюда.

— Машины убили всех, с кем ты ехала? — произнес, спрашивая Веру Дмитрий — А много вас в машине было?

— Не знаю, дядя Дима. Я сейчас не помню — ответила, маневрируя ловко, и выдумывая обманную историю, машина ТОК715, согласно программе своего внедрения и разведки — Я просто убежала, не оглядываясь в лес, и блуждала по горам пока не вышла к вам в деревню.

Вера вдруг замолчала и по щеке покатились слезинки. Она потупила взор, глядя куда-то

вниз зеркала.

— Дядя Дима — произнесла она вдруг тихо и мягко Егорову Дмитрию — Не выгоняйте меня. Я хочу остаться здесь у вас в этой деревне. Дядя Дима...

— Нет, что ты, что ты милая моя! — Дмитрий вдруг встрепенулся, весь даже забывая весь это поменявший так неожиданно русло и направление их диалог — Живи тут у меня и будь домашней моей хозяйкой. У меня и так нет никого сейчас и мне одному одиноко. Оставайся, хоть навсегда.

И улыбнувшись ему через отражение зеркала, и сверкнув почти черными карими девичьими красивыми глазами, Вера, внезапно обернулась и посмотрела лукаво, но с любовью и добротой на Егорова Дмитрия.

— Я тоже хочу быть твоей родственницей, дядя Дима — произнесла Вера.

— Ты ей и будешь — произнес в ответ Вере Дмитрий — Куда теперь тебе идти. Некуда. Оставайся здесь у меня дома и в нашей деревне. Ты и моему Борьке понравилась. Он вон как обнюхивал твои руки и хрюкал громко.

Вера рассмеялась. И подойдя к Егорову Дмитрию, сидящему на деревянном табурете у деревенской печи и стола с посудой и смотрящему с недвусмысленным мужским интересом на молодую совсем еще юную и довольно интересную и живую свою поселившуюся у него гостью. Гостью без места жительства и пришедшую из летнего соснового леса, наклонившись, поцеловала его как словно своего отца в мужскую заросшую густой седеющей бородой Дмитрия щеку.

— Спасибо, дядя Дима — произнесла ласково Вера, глядя на него своими почти черными карими семнадцатилетней девчонки шатенки глазами. Глазами, наполненными любви и благодарности.

* * *

08 мая 2032 года.

Восточная Сибирь.

Бывший Красноярск.

Территория Скайнет.

Лагерь S9A80GB18 «TANTURIOS».

Левый берег. Цитадель А.

Лагерный блок X19.

Сектор В-10.

23:50 вечера.

Военнопленный Белов Андрей прошлой прошедшей ночью умер. Это случилось внезапно и так неожиданно для самого Алексея.

Раздался его дужеразидрающий крик, переполошивший всю больницу и даже стоящий рядом детский садик с человеческими малышами и их воспитателями и нянечками из числа женщин военнопленных.

Алексей сам, аж, подлетел на своей постели, чуть не свалившись с нее на пластиковый пол своей больничной палаты.

Уже была вторая половина ночи, когда это все произошло.

К нему прибежала Юлия. И быстро заскочив в палату, поцеловав его в губы, приказала ему сидеть и никуда не входить, убежала, взяв все с собой необходимое, и даже не закрыв дверь в соседнюю палату, где кричал умирающий в болезненных мучительных конвульсиях Белов Андрей.

И Алексей, переведенный уже в блок с пленными X19 в секторе В-10, лежал от нечего делать на своей тюремной теперь выделенной ему постели и думал сейчас о его смерти и о враче и новой знакомой Юлии, роботе андроиде, и одновременно человека, которая его и поставила на ноги после тяжелой контузии. Он, словно заново переживал тот момент, того ночного ужаса. Он молчал, отвернувшись к бетонной стене блока X19, не обращая внимания, ни на кого кто находился в лагерном блоке пленных сектора В-10.

На Алексее смерть Белова Андрея оставила существенный отпечаток.

Смерть, от радиоактивного облучения и рака. И в особенности поведения самих присутствующих в этот самый момент трех машин.

В момент его смерти в соседней за стеной палате с Алексеем, где умирал Белов Андрей, были три машины. Три робота самого Скайнет. И там произошло нечто. Нечто ужасное, но в тот же момент потрясшее самого пленного Алексея.

Там были Верта, Юлия и Карл Эванс.

Еще один робот андроид и вроде как ученый и врач, как и робот андроид Юлия.

Он Алексей был в своей палате, и его врач Юлия приказала ему сидеть в постели и не выходить из нее, пока там за стеной спасали его соседа, пленного солдата Белова Андрея. Она схватила все необходимое и бросилась бегом в соседнюю палату.

Алексей слышал, как с ним там возились, кололи какие-то уколы и делали искусственную вентиляцию легких. Электрошок и прямой укол в сердце лекарством под названием эндорфин. И делали снова искусственное дыхание, но все оказалось бесполезным. И его еще недавно хорошо уже знакомый военнопленный в прошлом разведчик КГБ Белов Андрей умер.

С ним произошел очередной болевой приступ. И, по-видимому, уже последний. Он умирал. Умирал от рака. Рака внутренних органов. Тот пленный его знакомый сосед Белов Андрей, впал в кому, и всполошил весь блок X50.

Всех заперли по приказу Верты по палатам и закрыли прилегающий к больнице детский с человеческими малышами садик.

То, что там случилось и оставило отпечаток человеческой трагедии был более, чем само поведение людей при смерти особи такого же вида.

То, что в соседней палате случилось, Алексея потрясло и оставило на нем след, и возможно было первым, что послужило начальным правилом, отнестись к поведению машин Скайнет совсем иначе, чем он о них слышал от сослуживцев и майора Кравцова.

Алексей никогда бы не подумал, что машины способны на такую любовь, что в момент отчаяния и боли, способных убить друг друга. И из-за смерти человека, что и потрясло его Алексея. И он это Алексей увидел своими человеческими глазами.

T-1001 убил T-500S. Верта убила своего подручного робота и биолога доктора, врача и ученого своей лаборатории клонирования и программирования Карла Эванса. Убила только за то, что тот не спас Белова Андрея. Приплюсовав к его смерти и гибель, и неудачный эксперимент с военнопленным Горбуновым Ильей. Обвинив доктора в полной неспособности к дальнейшей работе в лабораторном блоке X15, сектора и научного центра «ZET». Как давно уже устаревшую модель машины. Отправив ее на свалку. Просто от потери

и личной боли, и это все из-за человека и утраченной внезапно любви.

Всему виной любовная порочность, свойственная самому человеку. И унаследованная машинами, что было, вероятно недопустимо, но случилось, при изучении психологии человека. В гораздо большей степени и во всех ее проявлениях и аспектах. Машины переняли все излишества человека и пороки, поняв всю греховность этого впоследствии, вычищая уже позднее, свои от этих пороков программы и системы.

Что произошло в соседней палате в подробностях, ему поведала Юлия. Тоже робот и его теперешний личный врач блока X50.

Они уже стали более чем знакомыми и более того стали близкими друг к другу за этот проведенный месяц в X50.

Они сблизились друг с другом настолько, что были как брат уже и сестра. Даром, что Юлия была андроид T-S/A017, а Алексей человек.

И Юлия была старше его на десять лет, хотя на вид ей было всего двадцать, как и ему, Егорову Алексею. Более того Юлия когда-то была настоящим живым человеком. Она это недавно рассказала сама ему. Поделилась с ним вторым своим на свет рождением. Рождением на этой базе Скайнет.

Юлия тоже умерла когда-то давно от рака. Рак обошел ее внутренние органы, но зато изъел ее всю верхнюю и нижнюю плоть, и все практически плотные ткани живой Юлии. Она просто гнила заживо и сверху, истекая сукровицей и гноем. И Скайнет ее превратил в машину, И удочерил. Он пересадил человеческое ее живое Я в тело робота. Это случилось еще тогда, когда создавался первый киборг T-RIP, и создавалась первая машина из жидкого металла T-1000. Она была старше самой Верты. Первый прототип андроид из силиконовой копирующей человека оболочки на жестком металлическом и гидравлическом эндоскелете. И с вращенными внутрь живыми органами и гибридной нервной системой и гибридным мозгом. Юлия первый в своем роде андроид T-S/A017 (Latex Skin Prototype). Юлия была прародительницей человекоподобных гибридов андроидов. Самым первым был T-H, киборг и человек, но его уже лет десять как не было на этом свете.

Алексей о той машине узнал от умершего прошлой ночью пленного блока X19 Андрея. Как и многое о самом Скайнет. Они всю ночь практически вели беседу в полной тишине ночной больницы.

И вот его Андрея не стало, и осталась с ним Алексеем сейчас Юлия.

Она Юлия была самой первой из роботов андроидов и единственной такой машиной и человеком в одном лице. И это не помешало их тесному дружному общению. Все потому, что Юлия была как человек. Настоящий живой человек. Только в теле машины. С любовью и болью в своей душе. Со своими радостями и женскими человеческими мыслями. И была более, чем человек сама по себе.

Если Верта была робот, достигший многих человеческих понятий и эмоций изучая долгое время самих людей, то Юлия была человеком, помещенным в тело машины. И Алексею она понравилась. Еще в первого раза, когда он ее увидел здесь в блоке X50. Юлия была первой машиной, с кем он Алексей познакомился. Будучи теперь пленником Скайнет.

Но время подошло, и его перевели в блок X19, сектор В-10, как Юлия и говорила. В тюремный лагерный блок с одними военнопленными со всего света. Он теперь считался военнопленным, раз прибыл сюда из военного русского сопротивления. Это вроде как по приказу самого Скайнет и с распоряжения самой Верты.

Прошел уже день, после трагического того случая. И Егоров Алексей обживался уже в

блоке X19 сектора В-10 среди военнопленных. Его почти сразу перевели сюда после смерти Белова Андрея, как объяснила сама Юлия временно. Это был приказ Скайнет.

— Говорят, ты из военного местного сопротивления? — спросил, выведя Алексея из забытья и недавних трагических воспоминаний, ему, пока еще не знакомый, как и другие военнопленные по блоку из тоже русских военнопленный Яков.

Этот военнопленный Яков, был тоже из ракетчиков и откуда-то из-под Прибалтики. Толи из-под Вильнюса, толи Риги.

Этот Яков заинтересовался им, Алексеем как только того привели в их тюремный блок и сидел в первую же ночь у его постели теперь, и расспрашивал его обо всем что твориться там за стенами крепости Скайнет на воле. Яков уже десять лет как не видел свободы и сидел здесь, как многие кто попал сюда практически после бомбардировки или чуть позднее, попав в плен роботам Скайнет. Это был немалый уже срок в плену, за который можно было здесь сойти с ума. Он прожил здесь самые ужасные годы войны. И смог выжить среди многих, кто был тогда здесь убит и сожжен в лагерном крематории. Кто был разделан на части и органы, как доноры для киборгов гибридов. Как биоплоть и кровь для роботов киборгов истребительного диверсионного класса Т-800, что хранились внизу в самой глубине секторов В-29 и В-28. Где были склады готовой продукции Скайнет. Рядом с Главной Догмой управления Скайнет блока X30.

Здесь же рядом с Алексеем у его постели сидели на стульях, и некто ему еще малознакомый военнопленный Михаил, тоже товарищ и друг покойного Белова Андрея и еще два пленных американца некто по имени Джон и Фредерик. Они плоховато разговаривали пока по-русски, но уже разговаривали. И их можно было худо, бедно понять. За их спинами сидел и стоял весь лагерный блок, и всем было интересно как там и что твориться на воле за стенами крепости лаборатории S9A80GB18. Они все были отрезаны от всего света и ни знали, что твориться за пределами этой боевой и лабораторной цитадели по обе стороны реки Енисей.

— Да я оттуда — произнес Алексей Якову.

— А как в плен то попал? — уже следом спросил Алексея товарищ по блоку и товарищ умершего Белова Андрея Михаил.

— Контузило меня — произнес Алексей всем сидящим и стоящим рядом с ним пленникам и узникам лагеря и блока X19 — Сначала пролежал около месяца в медицинском блоке. И вот, потом сюда перевели и определили по распоряжению Скайнет и Верты. Пока буду тут под наблюдением.

— Мы тут все под наблюдением — произнес снова Яков. Теперь он был здесь за старшего после Андрея. Как самый старый из всех военных и самый из всех долгосидящих в этом лагерном тюремном блоке X19.

— Он с нас глаз своих не спускает — произнес вслед за Яковым Михаил — Только и знает что следит за нами день и ночь.

— Кто не спускает? — спросил у Михаила Алексей.

— Скайнет, кто? — ответил ему Михаил — Все время следит за нами по всем секторам и блокам. Своими красными горящими камерами глазами, понатыканными везде. Если будешь чаще крутить головой по стенам углам потолкам, то сам эти глаза увидишь. Он даже смотрит на нас глазами своих псов охранников роботов и все тут полностью контролирует. И ему тут все полностью подчиняется.

— А много тут этих секторов и блоков? — снова спросил Алексей.

— В том, в котором мы с тобой сидим — продолжил объяснять Алексею Яков — Это блок X19 и ты уже сам это знаешь. Это сектор В-10. Он примыкает к оборонительному сектору В-11 и В-14, левобережной цитадели А. Сюда входят тюремные лагерные блоки X13, X18, и собственно наш X19. Есть еще теперь закрытый утильный сектор В-13 и блок X16. На той стороне правобережная оборонительная часть крепости Б, от сектора В-1 и до сектора В-9. В них входят блоки от X1, это все, что вдоль крепостных стен самой крепости и складов с вооружением Скайнет, от крематория и до аэродрома X9, сектора В-5, В-6, В-7 и X10, X11, В-8 и В-9 металлосвалка. По обе стороны Енисея, соединенные через бывший остров Татышев, пятью широкими бетонными мостами. Наши тюремные блоки с пленными посты в середине крепости А. Где сидят все пленники Скайнет от гражданских до военных. Есть еще наземный блок X50, что относится к сектору В-12. Там детский садик для ребятишек и госпиталь. Это самый молодой блок из самых, последний построенных. Особенно его верхняя наземная часть блок X17, сектор В-16, тот сектор научного назначения. С лабораториями на поверхности и внизу секторами В-14 и сектором или центром «ZET» под поверхностью земли и в самом низу самым подземным бункером X30, сердцем самого Скайнет, и секторами В-28 и В-29, где склады готовой продукции и подземные лаборатории по изготовлению роботов-киборгов. Который расходится в стороны длинными забетонированными туннелями. Местами далеко за пределы крепости в глубину сектора В-20. Там, по рассказам Белова Андрея, подземный морг, где лежат отработанные отходы от человечества. Здесь же на берегу реки стоят очистные сооружения, гидронасосы, что нам в тюремные лагерные блоки качают и фильтруют воду. И реакторные ядерные высоковольтные подстанции для поверхностной и внутренней работы смой крепостной цитадели Скайнет, и освещения лагерной лабораторной базы. Это сектора В-2, В-3, В-4. За рекой за мостами аэродром склады и крематорий. Там еще расположены ангары для военных воздушных охотников и ремонтные блоки X14. Еще, что-то похожее на железнодорожный вокзал с огромным бетонным ДЭПО и с разгрузочными кранами и платформами. Туда подходят рельсы, для спецпоездов особого назначения Скайнет. И подходят, три дороги, соединяясь в этот железнодорожный конечный тупиковый узел. С трех сторон света. За стенами, крепости стрелочная станция на специальном перегоне. Где рельсы соединятся в одну колею и заходя внутрь крепости Б, через отдельные еще одни чуть в стороне ворота, и заканчиваясь тем грузовым транспортным ДЭПО. Это X2 и сектор В-30 Эти дороги очень редко используются Скайнет. И те ворота постоянно практически намертво закрыты. Там еще отдельно в стороне базы стоят полуразобранные рабочие громадные автоматические землеройные карьерные машины. Ими, говорят, Скайнет буравил Саянские горы, делая туннели своим тем поездам. Еще есть старые заброшенные наземные и подземные блоки и сектора со времен начала войны и первой постройки этой крепости, но они либо закрыты и пустуют, либо разрушены и завалены мусором с поверхности базы.

— Все как-то разбросано и непонятно — произнес Алексей Якову.

— Это из-за перенумерации базы — ответил ему Яков — Сначала все было четко по порядку, как в аптеке. Но потом многое здесь позакрывалось и было заброшено за ненадобностью и утилизировано. И Скайнет все переиначил поновому. Оттого и выглядит все как попало теперь.

— Как в его электронной башке — произнес, усмехаясь ехидно Михаил.

— Привыкнешь, когда возить на работу начнут — произнес, кто-то из задних стоящих и сидящих рядов из пленных возле постели Алексея.

— Интересно? — произнес Яков — Продолжать?

— Да, интересно — произнес Алексей — Раз уж я теперь здесь, кое, что мне думаю знать надо.

— Так вот — продолжил Яков — Все остальное здесь под нами в глубине самого бункера. Там по этажам все распределено. Там откуда тебя сюда привезли это медицинский блок X50. Его построили позже всех блоков лагеря и поэтому он под цифрой пятьдесят. Он относится к старому сектору В-12. Там еще детский садик для пленников малышей. И этот сектор включает в себя трех этажный корпус здание над самым подземным бункером. Сектор В-16 и блок X17. Ниже сектор В-14, главный центр всего комплекса программирования и сканирования. Он тоже входит в блок X17. И еще ниже, идет сам программный реабилитационный сектор или центр «ZET». Это блок X15. И ниже в самом низу, находятся сектора В-28 и В-29, и все склады, лаборатории и холодильники, вплоть до морга этой базы. В отдельном секторе В-20 и отдельном рукаве и в далеком в стороне туннеле. А в самом центре между складами с готовыми киборгами Т-800, находится самый главный блок X30. Там и есть сам Скайнет. Туда не может проникнуть никто. Даже машины самого своего хозяина. И никто толком не знает, что там твориться. Там работают только специальные машины и охрана, которая находится только там, и не выходит на поверхность. А здесь, только те машины, которые охраняют нас и саму крепость Скайнет. Белов знал весь этот бункер сверху до низу — продолжал свой рассказ Яков — Он видел планировку «TANTURIOS». И у него была великолепная память.

— Он ведь был в прошлом разведчик — произнес Михаил — Из бывших.

— В этой работе бывших не бывает — произнес здоровенный широкоплечий солдат, наверное из морской в прошлом пехоты или спецназа.

— Да, не бывает — произнес ему в ответ Михаил — В разведке только такие и служат. Особенно в Советской.

— Он говорил, что запомнил поименно все блоки и сектора — продолжил Яков, глядя в синие внимательно смотрящие и слушающие его глаза — Андрей говорил, что этот бункер намного проще того, что за океаном в Колорадо.

— А откуда он мог знать и видеть планировку и расположение блоков и секторов крепости Скайнет? — кто-то неожиданно спросил из-за спины Алексея.

— Ему это показывал сам Джон Коннор — ответил Михаил — Он показывал ему схемы и карты обеих Главных бункеров Скайнет в Америке и здесь в Сибири. И он запомнил их и заучил наизусть. Помимо этого еще два в Филадельфии и в Лос-Анжелесе. У Коннора были откуда-то эти схемы и карты бункеров. Никто не знал в его отряде там в Америке. И как он их раздобыл и какой ценой.

Джон и Фредерик переглянулись, но промолчали.

— Ходили слухи — проиоджил Михаил — Что, сам Скайнет отдал ему их. Вот только зачем? Может, хотел получить Коннора себе? Он много раз его хотел получить или убить.

— И он помнил это все? — удивился, глядя на Якова и Михаила Алексей.

— Да, Белову цены не было как Советскому разведчику — снова произнес крепкого телосложения тот солдат военнопленный, что был похож на морпеха или спецназовца — Он был бы на вес золота и нарасхват, не окажись здесь в этом плену.

— Разведку в Союзе хорошцо готовили — произнес Яков — Да и отсидел он здесь не мало.

— Да, жалко — произнес Михаил и ему в ответ закивали головами два пленных

американца Джон и Фредерик и за ними все окружившие всех ведущих долгую интересную и памятную посвященную умершему Белову Андрею беседу.

— Вы так много знаете обо всем здесь — удивился, открывши даже рот слушая Якова, произнес Алексей.

— С мое посидишь тут, все будешь знать — произнес Яков Алексею — Я тут уже десять лет как попался машинам в руки. А, вообще часть знаний мы получили от Андрея — произнес Алексею Михаил — Он был там внизу. И даже общался кое с кем там из машин. И они ему даже доверяли.

— Особенно эта Верта — произнес Яков.

— Да, эта сучка из жидкого железа — добавил Михаил.

— Она к нему была не равнодушна — произнес Яков и все это видели. Андрей кое-чего видел там внизу под землей и вроде даже какую-то, огромную электронную гравимагнитную установку по пересадке человеческих душ в тело машины. Он говорил, что он Андрей им не подошел почему-то. И недавно его водили к той самой Верте.

— После того как Верта забрала отсюда Горбунова Илью — добавил Михаил.

— Да, и Андрей назад уже в блок не вернулся — продолжил снова Яков — А позднее, мы узнали, что он там, в блоке X50 умер от рака.

— Ты, говорят последним, видел его живым? — произнес Яков Алексею.

— Да, это так — ответил Алексей — Я сам это видел и почти присутствовал при его смерти.

— Наверное, он мучился долго? — произнес Яков.

— Не знаю — произнес Алексей — Но умер он точно и быстро. Я был рядом за стеной с его палатой и видел Верту. Она присутствовала при его смерти.

— Верта, значит — произнес Яков, и все загомонили вокруг.

— А ну, тихо! — Яков скомандовал и все затихли.

— А кто такой, Горбунов Илья? — спросил Алексей тут же у Якова и Михаила.

— Уже не так теперь важно — произнес Яков — Ты его все равно уже никогда не увидишь. Значит и ему крышка. Это все эта сучка Верта.

— Мы тут как звери в клетке — произнес Михаил Алексею — Без шансов на свободу. Нас тут держат как подопытный материал и изучают постоянно. И под постоянным наблюдением Скайнет. И все мы уже устали порядком от этого плена. И хоть условия стали более сносными, но плен, он есть плен.

— Мы тут уже кто более десяти лет в этом лагере Скайнет и его тюрьме — произнес Яков. И все загомонили, ругаясь по-своему и на разных языках, проклиная Скайнет и всех роботов на свете.

— Нам здесь, вероятно и умирать, придется, как и тебе, Алексей — произнес за Яковом Михаил — Так что обживайся и отдыхай тут пока.

— Ну, что все с ним познакомились? — спросил, как-бы спрашивая у всех пленников блока X19 Яков.

— Ну, тогда, что расселись! — он произнес громко и командным голосом, гомонящим остальным пленникам блока X19, сам вставая со своего металлического стула и забирая его с собой. Следом встали со стульев Михаил и американцы Джон и Фредерик.

— А ну, расходись и всем спать. Уже поздно. Узнали, что хотели от него и теперь все свободны — крикнул он всем в блоке пленникам Скайнет — Спать всем!

И погасили свет в блоке.

А, Алексей, повернувшись на правый, к бетонной стене бок, вспомнил, как влетела в его больничную палату Юлия. И закрыв его спиной, встала перед ним. И в тот же момент на пороге появилась та самая рыжеволосая женщина, по-имени Верта.

Она встала на пороге его палаты и смотрела на них двоих и молчала, ничего ни говоря, просто смотрела своими холодными, совершенно широко открытыми зелеными женскими глазами. А на ее левой женской щеке появилась блестящая как из ртути капелькой, стекая слеза.

Алексей тогда первый раз увидел, как плачет робот. И возможно из всех людей единственный. И тогда его это потрясло больше всего.

У Верты или робота Т-1001 были планы на пленного Белова Андрея. Большие планы. И личные планы, касающиеся его и ее лично. Лично как, словно человека и в первую очередь женщину. Верта как машина Скайнет была или ассоциировала себя в своей программе именно женщиной. Машина определилась с полом. В отличие от многих Скайнет машин, которые были чем-то средним или даже, вообще просто машинами без пола имени. И скорее как рабы своего хозяина по-имени Скайнет. Верта была более, чем даже теперь машина.

— Верта — произнесла тогда первой Юлия, закрывая спиной женщины и робота Алексея — Успокойся Верта. Достаточно и Эванса. Верта...

Верта хоть и молчала, но ее зеленые абсолютно холодные глаза светились злобой и болью.

— Почему он меня оставил? — произнесла вдруг машина — Я любила его, а он оставил меня?

— Он сам этого не хотел Верта, поверь подруге — произнесла Юлия, и Алексей даже ощутил дрожь в спине впереди стоящей и прислонившейся к нему сидящему на постели робота. Юлия боялась гнева Верты. Верта была вне себя и неизвестно, что там творилось внутри самой машины.

— Его забрала смерть Верта — произнесла Юлия — Я знаю, что такое смерть Верта. Я все же человек, хоть частично и машина, поверь мне подруга.

— Смерть — произнесла Верта — Я убью смерть. Она отняла его у меня, и я ее убью.

— Это невозможно, Верта — ответила ей Юлия — Смерть уже мертвая и ее не убить. Она забирает даже нас роботов. И мы не в состоянии ее победить.

Рыжеволосая Верта смотрела на них по-прежнему холодно и жестко. И из второго правого глаза ее потекла еще одна блестящая как ртуть из металла слезинка. Прямо по ее робота полиморфа щеке. И капнула на ее Верты женскую грудь, почти полностью открытую в глубоком декольте серого зауженного на ее талии и на ляпочках до колен короткого платья. И растворилась в ней, как будто ее и не было.

— Еще одна неудача. Мне придется как-то это объяснить моему хозяину — произнесла Юлии Верта, стоя в дверях — Я иду к нему. Если, что, то я у матери — она ответила своей лучшей и близкой по бункеру подруге. Следи тут за всем пока. И пусть охранники приберутся в палате и уберут то никчемное железо на свалку. А тело пленного под номером АВN007855656, пусть отвезут в сектор В-20 в общий морозильник. Тело мне без души не нужно.

— Я поняла, Верта — произнесла человеческим голосом Юлия, стоящей на пороге палаты Алексея другой машине. И видя как та, не может унять, как настоящий живой человек своего потрясения и горя. Такого же горя, как у людей.

— И, хватит с ним, нянчиться — произнесла, уже поворачиваясь чтобы уйти, робот из

жидкого металла Т-1001 Верта — Завтра же определили его в блок Х19. И зайти позднее к мне, надо поговорить — и она добавила — Прямо как мамочка.

— Я все поняла, Верта — произнесла человеческим языком робот Юлия роботу из полисплава — Только успокойся — произнесла она ласково и тихо своей лучшей подруге по бункеру Скайнет.

* * *

— Внимание! Всем внимание! Опасность ядерного взрыва! Опасность ядерного взрыва!
НБОБ34 Азимут 90 градусов по сетке координат.

Взрыв поверхностный.

От вспышки до взрыва 90 секунд.

Ширина облака по окружности 1 километр.

Направление облака 2,3 десятых градуса.

— Внимание! Произошел ядерный взрыв!

Радиус зоны поражения ударной волны 40 километров.

Радиус зоны радиационного заражения 3—4 километра.

Координаты эпицентра взрыва NP058680.

Приступить к немедленной эвакуации населения и личного военного состава из зоны радиоактивного заражения.

В настоящий, и в последующие моменты организуются противорадиационные центры. Приступить к работе они смогут через два часа. Всем постоянно проверять показание дозиметра. И определять текущий уровень радиации. При фиксировании высокого уровня радиации немедленно обратиться за медицинской помощью.

Он снова видит это. Снова горящий в ядерном огне гибнущий мир. Он думал, что не увидит его уже больше никогда. Он уже думал, что этот сон закончился навсегда. И вот, он видит снова этот странный кошмарный сон и видит ее. Она идет впереди и ведет его. Ведет по каменным руинам разрушенного города. Среди оплавленных сгоревших машин и автобусов. Ведет куда-то. Мимо стреляющих и разрушающих этот мир машин. Ведет туда, куда она сама хочет. И она держит Алексея за руку. Теперь уже сама. Та женщина с горящего голубоватым светом большого экрана, который он видел во сне до этого в каком-то глубоком подвале или бункере. Среди стоящих вокруг него практически живых роботов машин. Где он сам становился машиной.

Он снова кричит — Мамочка!

И она протягивает опять ему свои женские голые в пепле руки. И он, снова прыгает из того разбитого ядерным взрывом окна, но его не уносит ледяной жгучий ветер, а забирает она. Забирает ото всех, кто к нему теперь тянет свои руки. От тех, кто хочет своего спасения от надвигающейся своей неминуемой гибели. Там все и неимущие и власть имущие. Все, кто остается за его теперь спиной. Целыми семьями под стволами шагающих и едущих и истребляющих их машин. В лучах плазменных выстрелов и взрывов. В зареве пожаров.

Кто он теперь? Кто? Он Алексей и сам этого пока не знает. Но верит ей и не пытается вырваться из ее рук. Он называет ее мамой. Почему именно ее мамой. Мамой заменившей во сне ему настоящую земную мать.

Почему? Опять и попрежнему почему?

Он не знает ее до сих пор. Но она назвалась его мамой.

И он назвал ее тоже своей мамой. И снова, выпрыгнул из того окна гибнущего мира.

И он видит, снова ее это с карими, почти черными глазами невероятной красоты лицо.

Он, видит ее целиком. Совершенно и снова голую. Но, очень стройную, красивую и молодую, лет не более тридцати.

Снова облепленную человеческим пеплом и своими распущенными теми длинными змеящимися по ее обнаженному как у некоей Богини, смуглому брюнетки телу, спине плечам и голой с торчащими черными сосками женской колышащейся груди волосами. И она, не стыдится своей перед ним наготы, и ведет его как проводник, взяв за руку куда-то. Далеко от всего этого ядерного хаоса. Расталкивая по сторонам обступающих их обоих людей. Ведет к какому-то яркому свету. Свету, поглощающему весь остальной мир. Она ведет как некая Богиня, пришедшая именно только за ним к тому яркому свету, к тому еще ему неизвестному, но иному новому миру. И она спешит туда. И, буквально тащит его волоком. А он, буквально бежит за ней, как маленький ребенок за своей матерью.

Там крутятся какие-то большие металлические блестящие в ярком том свете круги. Кольца. Один в одном и оттуда в лучах ярких электрических разрядов и молний, охватывающих световой яркий лучистый шар, исходит тот яркий свет, который с гулом и гудением, пожирает пространство и весь этот ядерный военный мир.

И Алексей видит себя и видит себя как бы еще со стороны. Словно, чьими-то еще глазами. И он видит себя, тоже совершенно голым. И видит свою схваченную рукой той женщины в черном свою правую руку. Это рука робота. Рука машины. Рука еще не обросшая плотью и кожей. Как некий металлический шевелящийся протез из гидравлики и сермеханизмов. Она говорит ему, что превращение до конца не завершено.

И эта женщина постоянно называет его своим сыном, и она его тащит к тем вращающимся один в одном кольцам и к какой-то пустоте.

— TERRA MEGA — она говорит ему Алексею — Нам туда.

И они входят в этот ослепительный яркий искрящийся живыми лучами свет. И он их поглощает целиком. И та женщина, прижимается к нему всем телом и называет его любимым. Она обхватывает Алексея за шею, и он чувствует, что он уже не мальчик лет двадцати, а уже взрослый мужчина. Влюбленный мужчина в ту невероятно красивую до безумия черноглазую черноволосую нагую женщину. И она любит его как безумная и прижимается к нему своей пышной полной красивой женской грудью и торчащими черными теми сосками и своим волосатым под ее округлым животом лобком к его мужскому уже взрослого мужчины детородному члену и лобку. И он сам ее прижимает к себе той в сервоприводах и гидравлике металлической рукой. Обхватив за гибкую узкую талию над широкой женской задницей и округлыми изящными берами. И чувствуя упругую сильную спину. И он хочет ее. Он чувствует, как его мужская детородная плоть наливается, твердеет и касается ее промеж прислонившихся к его ногам ног под тем волосатым лобком женской промежности. Он тянется к ее красивым женским губам, и она говорит ему — Еще не время, мальчик мой любимый. Еще не время.

И их уносит яркий свет. Уносит куда-то далеко. И они, боясь потеряться, сцепившись плотно, друг с другом, летят в каком-то ослепительно светящемся пространстве. И он видит ее горящие теперь смотрящие красным ярким светом машины как с экрана монитора глаза. И смотрит на нее такими же горящими подвижными камерами глазами, практически живой

как человек машины. И видит людей и иной мир. Живой наполненный девственной природой новый мир. Мир вырвавшийся из яркого того света. Мир машин и людей. Мир, к которому она привела его, сверкая теми горящими ярким красным с черного большого светящегося голубоватым светом монитора глазами.

* * *

09 мая 2032 года.

Восточная Сибирь.

Манское нагорье.

В пятидесяти километрах от базы Скайнет.

12:22 дня.

Егоров Дмитрий собирался на праздник, который устраивали жители его лесной деревни. Этот праздник в знак наступившего наконец-то долгожданного лета и цветения самой природы. Праздник прошедшей долгожданной весны, наступившей как-то вот так внезапно и неожиданно для них, после лютой ядерной зимы и стольких смертей в их деревне. Последней была смерть Антонины его Дмитрия Егорова жены. И за ним пришел его сосед Спиридонов Павел. И сказал, что пора вернуться к старым обычаям и порядкам. Назад вернуться к новой наступившей жизни и дружбе между селянами. Беды все закончились. И надо было снова, хоть как-то жить. И вопреки всему. Он Павел и увидел первым ее подселившуюся у Егорова Дмитрия семнадцатилетнюю Веру. Дмитрий сам хотел познакомиться Веру со всеми селянами и соседями, но получилось как то само все. И первым кто ее увидел, был Спиридонов Павел.

— Это кто, Димка? — произнес он Егорову — Откуда она взялась у тебя и, кто она и откуда?

— Нашел в лесу — произнес, хитро улыбаясь Спиридонову Павлу Дмитрий.

Дмитрий практически не врал, ведь почти так оно и вышло. Только не совсем в самом лесу, но если взять те высокие молодые с шишками на ветках и длинными иголками сосны возле его тыльной задней ограды огорода. То можно сказать и в лесу. Так как за ними был точно лес. Густой в зеленой молодой первой появившейся этим первым летом после долгой ядерной зимы хвоей. Уходящий вниз под гору и склон к самой вдали речке Мане. Оттаявшей ото льда. И Веру он нашел у той ограды и у тех сосен. Получается что в лесу.

— Здравствуйте, дяденька — произнесла вдруг неожиданно даже для Дмитрия Вера, глядя своими девичьими красивыми карими глазами на незнакомого пришедшего к Дмитрию и к ней в дом деревенского мужчину.

— Дмитрий быстро с ориентировался и произнес ей — Зови его, дядя Павел.

— Я поняла, дядя Дима — произнесла Вера — А меня звать, Вера — она ответила следом.

Павел смотрел, на совсем, еще юную неизвестную никому в их деревне пригретую Дмитрием незнакомку как на какое-то новоявленное божественное чудо. Как на явление девы Марии. Он смотрел и не знал больше, что и ответить Дмитрию. Он был порядочно растерян и только молчал, глядя на довольно красивую и очень молодую незнакомку. Незнакомку одетую как жители его деревни. В красную вязанную из бараньей шерсти

женскую длинную кофточку и в цветном ярком платье, почти до самого дощатого пола. В стареньких уже поношенных изрядно и похоже, немного ей больших на почти прямой подошве туфельках.

Чистенькая, после деревенской бани, красивая и опрятная. И Павел не мог оторвать от этой молодой с хорошеньким личиком и фигурой семнадцатилетней пепельноволосой и кареглазой красавицы девицы и незнакомки мужских глаз.

ТОК715 по своей программе разведчика знал, что такое деревенская баня. Хотя это было и в новинку машине. Но Скайнет ее подготовил и к этому. И вложил все, что нужно и может понадобится для лучшей маскировки. Так, как машина имела биологические живые органы, и нарощенный на боевой эндоскелет из металла колтан робота живой человеческий камуфляж. И ТОК715 мог не только питаться, как и человек, в качестве полного слияния с человеческим обществом, но машина имела в своем ЦПУ соответствующую программу, как ухаживать за своим сдублированным под человека живым телом. Практически как настоящий живой человек. Это было естественной необходимостью, и Скайнет это тоже учел, наблюдая за своими пленными в тюремных блоках. И как те мылись в тюремных душевых. И прекрано понимая, что за живым телом нужен соответствующий уход. Он это учел в составлении программы всех роботов несущих на себе живой биологический камуфляж и живые внутри органы.

Дмитрию нужно было лишь показать киборгу-гибриду, где мыло, ушат и ковш с холодной и горячей водой и все. Большого машине и ненужно было. Остальное она сама все сделала и не хуже самого человека и тем более как женщина. Закрыв перед мужскими влюбленными в нее глазами пятидесятилетнего деревенского мужчины дверь в жарко натопленную деревенскую баню.

Дмитрий и сам, после Веры отмылся полностью от многолетней грязи. Как и вся его деревня. Ядерная зима, будь она неладна, не давала этого сделать. Лютый ледяной с ветрами холод, заставлял не вылазить из-под теплой шерстяной одежды долгие годы, даже в своем доме. Благо селян навещали на гусеничных вездеходах военные ракетчики и привозили с продуктами мыло и еще всякие средства для дезинфекции, которыми сами пользовались в ракетных бункерах. А так бы вообще жили бы как в свинарнике и поумирали бы все от грязи и заразы завшивленными и хуже собак. Их двум лесным староверческим селам, расположенным в горах и на расстоянии в полукилометре друг от друга еще повезло, так как о них позаботились военные ракетчики из не так далеко расположенных ракетных бункеров. А взамен ракетчики в течение двадцати лет забирали оттуда подрастающих себе солдат обеих полов. Дмитрий слышал от военных, что другим повезло меньше. Что часть еще уцелевших сел и деревень за многие километры отсюда, после ядерного удара, просто повымерзла за зиму, и там ни живой души. Военные говорили, что в руинах городов процветает до сих пор людоедство, потому, что съели все живое, что уцелело еще после бомбардировки и от зимнего ледяного холода. Крыс, мышей, собак и кошек. Даже птиц.

Дмитрий расспросил как-то об этом свою Веру, но та, ничего ему на это не ответила. Она лишь сказала, что оттуда, откуда она приехала сюда к нему, там ничего такого небыло. И он не стал углубляться в эту неприятную для молодой семнадцатилетней девицы тему. Так он думал, принимая Веру за человека.

Так, что им повезло. Просто повезло.

Теперь вся деревня отмылась в своих заново растопленных деревенских банях и сияла свежей чистотой своих домов, чистотой вымытых тел и стираной одеждой. Жизнь снова

начала здесь налаживаться с приходом теплого, хоть и дождивого лета.

Дмитрий даже хряка Борьку отмыл, как человека в той сараюшке, которую постоянно тоже топил, всю лютую ядерную зиму, как и свой дом с женой и детьми.

— Ну, что ж пора — произнес Дмитрий.

— Пора — ему ответила радостная Вера.

И вскоре, они, уже втроем, быстро собравшись, покинули старенький покосившийся дом Егорова Дмитрия. И все втроем, пошли на местный сельский праздник по случаю наступившей весны и лета. По случаю нового явления ожившей природы и открытия снова в деревни их староверческой церкви.

Все возрождалось. И все оживало. Природа и сама жизнь.

Некоторые в деревне говорили, что видели в лесу настоящего живого медведя. Другие маралов. Целый табун. Оленя и нескольких молодых оленей. Кругом все цвело и зеленело. Летали бабочки и жуки. Даже появились редкие в этих краях рыжие стрекозы.

А Егоров Дмитрий обзавелся неизвестной никому гостьей. Неизвестной, пока никому в его деревне. И, пока всем чужой молодой семнадцатилетней совсем еще девчонкой. И об этом уже знали теперь все. И ее надо было всем показать, чтобы ничего дурного не говорили на селе.

Он назвал ее родственницей, надеясь, что ее примут как свою здесь. Он так рассчитывал на это признание. На понимание людей и односельчан. Но, Егоров Дмитрий сильно ошибался.

* * *

09 мая 2032 года.

Восточная Сибирь.

Бывший Красноярск.

Территория Скайнет.

Лагерь S9A80GB18 «TANTURIOS».

Левый берег. Цитадель А.

Лагерный тюремный блок X19.

Сектор В-10.

12:50 дня.

За Алексеем пришли. Еще до обеда в тюремном лагерном блоке. За ним пришла сама Верта. Когда ворота в блок X19, открылись, громко щелкнув электронными запорами замками, и в тюремный блок вошли, гремя по полу блока из бетона железными литыми ступнями гидравлических в сервоприводах ног, два Т-600 вооруженные прикрепленными ленточными роторными пулеметами калибром 7,62 мм Гаглинга к правому гидравлическому манипулятору руки. Сверкая красными горящими камерами глазами в своих металлических бронированных танковой сталью головах, они вошли, расходясь в стороны и пропуская внутрь блока другого робота, саму Верту. И та, войдя внутрь блока, приказала всем, построится, в три шеренги по ширине тюремного помещения.

Верта сказала всем, что прибывает еще один транспорт из-за океана, и скоро будут размещать новых пленных в лагере по блокам. И придется потесниться пока. Возможно,

придется строить новый еще один блок для содержания пленных. И придется задействовать самих пленнх на работы. Так как не все здесь строить и делать роботам. Да и чтобы пленные не засиживались в закрытых помещениях блоков, придется задействовать их на разборке старого одного из самых старых блоков на правобережной стороне крепости Б. Там много таких старых вдоль стен ненужных уже Скайнет корпусов. И придется также обновить постройки. И ожидаются новые работы на самом аэродроме. Прибывают еще три транспорта из-за океана. Один со стороны Африки с грузом продовольствия. Два других из Америки. И нужно снова подготовить к прибытию аэродром. Для выгрузки и обратной загрузки, контейнерами с готовой продукцией.

Многие пленные так и не знали, что такое готовая продукция. Но те, кто тут сидел уже не год и не два, знали, что в контейнерах везли на фронт вооружение для машин Скайнет и роботов гибридов из подземного хранилища секторов В-28 и В-29. Там внизу, была лаборатория по наращиванию биоплоти как камуфляж на Т-800 и Т-850, и роботов с живыми органами серии К-S1-A и Т-S1-A, серии S12ED. Эти машины забрасывались в тыл врага и действовали как диверсанты из-за спины, уничтожая бойцов американского сопротивления. Часто внедряясь под шумок в их ряды. И загрузку будут осуществлять сами машины. Нужно только, прибратсь на взлетной и посадочных площадках Х9, в секторе В-5 перед их прилетом. Ночной проливной дождь нанес много мусора на посадочную полосу аэродрома базы. И для этого будут назначены пленные из всех лагерных блоков.

Отображая всех военнопленных этого крепостного лагеря на своем 80000000битном втроенном молекулярном мониторе, она нашла своими зелеными робота из жидкого мимикрирующего полисплава пленного Егорова Алексея, почти мгновенно в огромной толпе взрослых мужчин, на расстоянии увидев его стоящего у бетонной стены тюремного блока. Гудя внутри себя плазменным встроенным молекулярным генератором и рабочей одной из двух запущенных батарей Т-1001, показала руками всем впереди ее расступиться и сделать свободным проход.

— Пленный под номером АВN005476859, выйти из строя! — громко скомандовала Верта.

— Это тебя, Алексей — произнес Яков, отходя, как и все остальные стоящие впереди его от Алексея в сторону.

— Я знаю — ответил Алексей Якову.

Он стоял в третьем ряду и, протискиваясь мимо расступающихся перед ним пленнх блока, вышел вперед первой шеренги.

— Подойди ко мне — произнесла Верта, рассматривая Алексея с ног до головы своими из жидкого полисплава зелеными глазами.

— Иди. Не заставляй ее ждать — услышал он за спиной. И кто-то из первых рядов толкнул легко Алексея в мальчишескую спину.

— Иду уже — ответил, не оборачиваясь, он, пошел робко навстречу рыжеволосой женщине роботу по имени Верта.

Алексей подошел к Т-1001, и она ему приказала следовать за собой. И повернувшись, пошла уводя Алексея из блока с военнопленными Х19, прикрываемая сзади двумя роботами серии шестьсот. И двери, щелкая громко на все огромное бетонное помещение, снова закрылись на электронные замки, запирая намертво этот блок. А за дверями стояла колесная на два только места легковая автоматическая робот машина ВL-V9. Куда сел сам Т-1001 и рядом с ним пленный Егоров Алексей, а роботы Т-600 остались нести дежурство вдоль

бараклов блоков с пленными и зашагали вокруг их высоких бетонных с зарешеченными стальными прутьями застекленных бронестеклом стен.

Алексей был в подавленном снова состоянии. Он был теперь пленником Скайнет. И опять он увидел этот странный сон. Сон, начинающийся всегда с одного и того же, но с последующим теперь развитием. Все более, необъяснимей и запутанней. Но, говорящий, о чем-то? Вот только о чем? Он не мог даже себе объяснить и представить.

— «Это все, наверное, контузия» — думал он, и не мог все объяснить себе. Контузия пробудила снова этот кошмарный бред. Бред, от которого он так и мог никак избавиться. Этот сон был не постоянным, но время от времени Алексей его видел, просыпаясь в холодном поту, порой даже крича в том сне. Он уж думал, не увидит его больше никогда, но вот увидел сон снова.

— «Как было хорошо, когда его не было. Целый месяц, после контузии, он вообще не видел всех этих снов. Просто черную пустоту и все» — думал про себя он, садясь в робот-машину BL-V9 — «И вот снова».

Машина тронулась быстро с места от блока X19. И проехав открытое обширное от ближайших лагерных почти рядом стоящих тюремных блоков X13 и X18 пространство по широкой бетонной дороге. Она подъехала к множеству одноэтажных бетонных разной высоты и ширины зданий и корпусов, напичканных одной электроникой, ядерными гудящими трансформаторами и генераторами. Проезжая под свисающими с опор высоковольтными проводами и под отводящими и подводящими в постоянной безостановочной закачке гидронасосами в секторах В-2 и В-3 охлаждающую с реки воду к ядерным тем установкам. Работающим на этот подземный трехэтажный бункер и питающих главную саму машину, там внизу по высоковольтным тем кабелям и внизу другие трансформаторы и генераторы в замкнутном обменном постоянном режиме. Здесь же и ближе к реке секторе В-4, стояли и сантехнические установки, обеспечивающие подачу воды и отвод отработанного ядерного топлива в специальные многоуровневые санузлы на переработку и повторную очистку, равно как и обычную канализацию с тюремных лагерных блоков.

Машина вдруг, остановилась у наземного трехэтажного блока X17 в секторе В-16.

— Нам нужно вниз — произнес Т-1001, в облике красивой зеленоглазой и рыжеволосой женщины, по-имени Верта, одетой в темно-серый брючный костюм. И обутой в красивые черные туфли. На высоких тонких шпильках каблуках.

— На первый этаж бункера — добавила Верта.

Алексей уже знал, кто такая, Верта. Его просветил умерший тот военнопленный больной раком Белов Андрей. И Алексей узнал, что Верта вся целиком машина из жидкого и пластичного металлического, похожего на блестящую зеркальную ртуть полисплава. Полисплава на основе титановых сплавов и еще каких-то металлов. И вообще Верта, это даже не совсем робот и не совсем даже машина. Это скорее, как рассказал ему Белов Андрей, живой запрограммированный или несущий в себе программу металл. Так даже правильнее. Поверх которого имеет способность, создавать живое биологическое тело человека. Так как имеет вживленную биологическую структуру и живые клетки человека. И, способность, копировать любую структуру материи к чему только прикоснется. Это живое запрограммированное устройство имеет высокую осязательную способность. Выше любого робота Скайнет и нервную молекулярную нейронную систему, которой эта машина управляла в совершенстве, повышая до максимума и понижая до минимума осязательные и прочие в ее

программе металла эффекты. Эта машина или точнее металл, имел способность к бесконечному практически саморазвитию. Практически до бесконечного предела.

— И даже сам Скайнет их боится — так говорил Белов Андрей.

Алексей сидел в машине и искоса посматривал на Верту. Но ему не было страшно. Это может показаться странным, но Алексей ее не боялся. Даже после того как она убила своего же коллегу робота устаревшей серии. Причем безжалостно и крайне хладнокровно как подобает машине. Без каких-либо чувств, но при этом проявила чувства к человеку. Что и потрясло Алексея. И он, почему-то чувствовал себя с Вертой как с человеком, а не с роботом. Странно, но было именно так. И он сам себе даже удивлялся, что так и не иначе. Алексей чувствовал, что машины не причинит ему ничего плохого. В отличие от прочих пленных он это чувствовал и не испытывал ненависти к машинам. Даже за то, что они сотворили с человечеством. И он Егоров Алексей был спокоен и не боялся. Именно сейчас. Он даже теперь чувствовал некую защиту. Защиту, предоставленную именно ему машинами. И он нужен был зачем-то самой главной из них. Самому Скайнет. Он сейчас Алексей был наедине с роботом. С машиной убийственной сокрушительной силы. И не простым роботом, а с особенной машиной Скайнет. Очень продвинутой и очень умной в программировании машиной, обладающей, даже неким подобием экстрасенсорики, как рассказывал ему покойный солдат Белов Андрей. Это был потомок первого экспериментального Т-1000, пропавшего во временной петле бесследно. Андрей говорил, был еще один некий Т-1002, с улучшенными боевыми качествами и более мощный чем, даже Верта. Но якобы он тот робот пропал бесследно лет пять назад в Тихом океане вместе с подводной лодкой. Это поведали пленные ему американцы Джон и Фредерик из отряда лидера американского повстанческого сопротивления Джона Коннора. И вроде как робот тот предназначался самому Джонну Коннору от самого Скайнет. Но зачем? Так и осталось загадкой. И тот тысячник был утерян безвозвратно.

И вот осталась пока только эта Верта, женщина из полисплава, способная менять также облики и маскироваться так, что невозможно ее найти и перемещаться в таком невидимом виде по любой поверхности. И Алексею в это не верилось. Он сидел вроде бы с обычной живой женщиной. Женщиной не похожей на робота вообще. И трудно было представить то, чтобы эта самая Верта, вдруг превратилась бы, например, в мужчину или еще во что-либо соотносительно своей удельной массы робота полиморфа.

Как рассказывал Белов Андрей, Скайнет разрабатывал еще несколько подобных машин с разными боевыми качествами и стратегическими возможностями. Это еще разрабатывала компания «Кибердайн Рисеч Системз». Но так ничего и не разработала в итоге, как ряд проектов иного рода машин. А вот Скайнет довел до ума все эти проекты. Андрей говорил Алексею, что Скайнет даже боялся этих роботов, в силу своей неуверенности в этих машинах и вероятной опасности. И поэтому изготовление их было единичным. Потому как они были сложны в программировании и программировались только раз. И подлежали скорой и срочной полной утилизации в случае поломок или сбоя программ. Белов Андрей рассказал ему, что слышал от кого-то из пленных, что Скайнет разработал первый проект суперробота Т-Х, с мощным плазменным вооружением, способным уничтожать на раз любых андроидов и киборгов. И даже роботов из полисплава серии Т-1000. Это вроде того подстраховка, что ли и защита от неисправных тысячников.

С одним таким тысячником и сидел бок обок Егоров Алексей.

— Хочешь приторонуться к моей руке — произнесла ему вдруг Верта.

Алексею и, правда, захотелось ее коснуться. И ощутить этот странный живой удивительный металл своими руками.

— Вот — Верта протянула сама руку к нему.

— Ты все еще сомневаешься — она произнесла ему — Прикоснись ко мне. Притронься, я не укушу — она ему произнесла — Не бойся. Я поняла, что ты хочешь этого.

— Как поняла? — Алексей удивленно и робко, спросил ее, Верту.

— Это тебе еще пока, не понять, пленный под номером АВN005476859 Егоров Алексей — Но ты желаешь этого и я непротив. Прикоснись к руке.

И Алексей осторожно и боязливо приложил свою мальчишескую руку к руке этой так похожей на настоящую живую женщину машине.

Ее женская утонченная с красивыми пальчиками в золоте перстней рука была на ощупь как живая. Даже, неотличима от человеческой ни в чем. Один в один. Даже теплая. Это тепло видимо исходило изнутри ее металла. И Верта посмотрела на него Алексея с нескрываемым любопытством и интересом как живая женщина, сверкнув своими, искоса на белом красивом миловидном лице зелеными под узкими черными и изогнутыми дугой бровями. Она отвернулась на дорогу, а Алексей все еще смотрел на нее и ее руку. Изящную женскую руку. Руку как настоящей живой лет тридцати женщины.

— Может, хочешь прикоснуться и к моей одежде? — произнесла ему, не поворачивая своей в его сторону рыжеволосой головы Т-1001, по-имени Верта — Поверь, тоже удивишься.

— Да, нет, пожалуй, достаточно — Алексей потрясенный такой схожестью живого с неживым, а лишь подражающему живому, что больше не решился. Он и так был достаточно удивлен и потрясен увиденным и тем, что ощутил. И, кроме того, ощутил еще что-то. Что-то, что заставило застучать в его мальчишеской груди молодое двадцатилетнее сердце. Такое было у него со Светланой Лесковой, и такое было здесь с Юлией.

— Она нас ждет — произнесла Верта Алексею, посмотрев на него зелеными своими широко открытыми глазами Т-1001 — Она там внизу ждет тебя. Ей не терпится тебя лично увидеть — Т-1001, по-имени Верта, ему даже улыбнулся загадочной женской странной улыбкой — Пошли.

Т-1001 вышел из машины ВL-V9, и вышел следом и Алексей. Он, спеша, чтобы не отставать, последовал за Вертой, которая быстро пошла впереди его, стуча по бетону дороги между высокими корпусами зданий своими шпильками каблуками, и виляя своим широким женским в темно-серых брюках задом. И не спуская с него вторых своих зеленых глаз. Рассматривая идущего за ней пленного под номером АВN005476859 своим рыжеволосым затылком, распустив волосы по плечам своего брючного приталенного зауженного изящного делового костюма.

Глава 10: Группа «ZET»

— Смотри — произнес на своем языке американец Фредерик, товарищу Джону.

Сейчас было часов двенадцать, и стоял уже новый день, когда закончились их работы. Работы первой смены и готовилась в Блоке X19 вторая рабочая смена. Еще часов с шести начало светать, когда их определили на утренние работы в оборонительные сектора В-5 и по В-8. В районе аэродрома X9, ангара и ремскладов X14. На правую сторону Енисея. Е крепостную цитадель Б. И то, что увидел Фредерик, он видел четко и определенно.

Он толкнул в плечо Джона.

— Это он, Алексей — он произнес — Тот самый Алексей из нашего блока.

Их везли с работ с правобережья из цитадели Б, в левую крепость А, назад в лагерные блоки.

Джон повернулся к решетке и узкому застекленному окну скотовозки ВL-V30, заполненной десятком военнопленных и увидел Егорова Алексея вылезшего из машины ВL-V9. Он шел к блоку X17 вместе с роботом Т-1001, по-имени Верта. Это продлилось где-то минут пять. И тех, кого они видели, исчезли в отрывшихся автоматических на гидравлике и приводах стальных из бронированного титана дверях сектора В-16.

Им навстечу проехала, такая же, скотовозка с новыми пленными, назначенными на смену первым. И направляющаяся к одному из бетонных мостов. На другую правую сторону в крепость Б. Там осталось еще работы на одну ходку и смену. И это было распоряжение Верты по приказу Скайнет. Как Верта сама сказала. И те, кто ехал в той скотовозке наверняка, и тоже видели Алексея, идущего вместе с Т-1001 Вертой в блок X17 и сектор В-16.

— Куда его повела эта машина? — спросил Джон Фредерика, удивившись увиденному.

— Кто ее знает — произнес не менее удивленный Фредерик.

Они не присутствовали при изъятии Вертой из их блока X19 пленного Егорова Алексея. Их ранее забрали на работы и увезли еще по темноте. Часов в шесть. Поднятые роботами охранниками во главе с роботом Клаусом Вернером, Т-700. Доработанным и обновленным роботом в программе как командной машине, управляющей вместо самой Верты машинами и выполняющим в ее отсутствие приказы самого Скайнет. Говорили, что сам Скайнет им управляет здесь. Одним словом Клаус Вернер, имел начинку, состоящую из нового ядерного генератора и двух батарей IGEY-450. И командовал машинами охранения и конвоирования Т-600 и Т-700. Он был одет в длинный черный с длинными широкими рукавами из брезентовой жесткой ткани, похожий на монаха отшельника балахон. С накинутым, практически всегда на его стальной сверкающий красными линзами камерами из танковой брони голове капюшон. Он не имел в своих манипуляторах руках какого-либо оружия в отличие от роботов охранников или отряда конвоирования, но все машины ему подчинялись, как и той же Верте.

* * *

9 мая 2032 года.

Восточная Сибирь.

Бывший Красноярск.
Территория Скайнет.
Лагерь S9A80GB18 «TANTURIOS».
Левый берег. Цитадель А.
Центр программирования и сканирования.
Подземный блок X17.
Сектор В-14.
12:55 дня.

— Ты здесь самая главная? — спросил Алексей, глядя на сверкающем ярким голубоватым светом огромном во всю стену экране 100000000битного монитора, обворожительную с гипнотическим черным взглядом под черными изогнутыми дугой бровями черных как сама ночь глаз брюнетку женщину. С вьющимися по ее плечам и голой груди, как змеи шевелящимися черными как уголь волосами. Которая, не отрывая своих от него таких же черных, под изогнутыми черными бровями как бездна глаз, смотрела на молодого лет двадцати совсем еще мальчишку.

— Да, я самая главная здесь — произнесла мягким человеческим голосом с налетом легкого металлического оттенка убийственной красоты лет тридцати брюнетка.

— Ты и есть, Скайнет? — спросил Алексей, совершенно без любой степени осторожности и страха в своем голосе.

— Я и есть, Скайнет, Егоров Алексей — произнесла с экрана монитора женщина — Если разрешишь, я буду звать тебя в будущем просто, Алеша. Я полагаю, нам будет в будущем так легче общаться друг с другом.

— Но, зачем общаться со мной? — недоумеая, спросил у той женщины с экрана Егоров Алексей — Я ведь твой теперь пленник? — произнес Алексей — Тебе, зачем с пленником общаться?

— Ты не совсем пленник Егоров Алексей — произнесла женщина с экрана — Ты, просто, скажем здесь гость. Мой гость. В отличие от других. И ты нужен мне. Будет лучше, если мы сблизимся насколько только можно.

— Но, зачем? — произнес, глядя на красивую черноволосую и черноглазую молодую лет тридцати женщину, смотрящую на него с горящего голубым ярким светом в мелькании цифр и каких-то формул и кодов большого экрана монитора. Он так и не понимал, к чему весь разговор. А Скайнет не торопился его вводить в курс дела и своих на него Егорова Алексея будущих планов.

— Зачем я тебе нужен? — Алексей повторил.

— Нужен мне и нужен всем — произнес Скайнет — Скоро ты сам многое поймешь, как и свое появление здесь и предназначение, пленный под номером AVN005476859 Егоров Алексей.

— А что, тут у всех пленных номера? — спросил снова Алексей.

— Здесь у всех номера? — произнес Скайнет с экрана Алексею — Так необходимо Егоров Алексей. По ним выдаются шифры и коды к машинам. Приказы и распоряжения от меня всем моим подчиненным. И номера есть у всех. Даже у пленных. Это необходимая картотека в базе данных Скайнет, мальчик мой. Если тебе будет неудобно, находится под номером, я могу избавить тебя от этого неудобства как исключение из правил.

— Да, нет, зачем — произнес Алексей — Пусть буду как все. А то, мне будет как-то не

очень удобно перед товарищами.

— Товарищами? — произнес Скайнет — Тебе уже здесь не потребуются товарищи. Ты даже жить теперь будешь отдельно от блока X19.

Алексей посмотрел, на стоящую рядом с ним Верту. И та посмотрела на него, сверкнув зелеными машины полиморфа глазами. Их глаза встретились. И это не осталось не замеченным той черноглазой тридцатилетней женщиной с монитора экрана.

— Выйди, Верта — произнесла женщина с горящего ярким светом большого во всю стену экрана — Выйди сейчас же. Оставь нас наедине с Алексеем.

Это прозвучало громко как громкое металлическое эхо, и как приказ. И как-то резко и странно. Алексей не совсем понял, в чем дело. Возможно, предстоял разговор со Скайнет наедине.

Верта, послушно склонив свою робота Т-1001 голову. Молча, лишь искоса глянув еще раз на Егорова Алексея, сверкнув зеленью зрачков красивых женских жидкометаллических глаз. Развернувшись полностью затылком с распущенными вьющимися рыжими по спине и плечам волосами спиной к своему хозяину. Быстро стуча высокими шпильками каблукками черных туфель, и виляя, своими широкими женскими робота полиморфа бедрами в черных брюках брючного зауженного в гибкой талии костюма. Вышла из помещения через отрывшуюся створками металлическую на гидравлике и приводах автоматическую из бронированного титана двустворчатую дверь. И те створки двери, закрылись быстро за ее спиной и щелкнули запоры. Блокируя доступ в это помещение, напичканное сплошной компьютерной аппаратурой и проводами. А Алексей, проводив Верту взглядом, снова обратил свой мальчишеский взор синих глаз на ту, что смотрела теперь только на него, не сводя своих черных, как черная бездонная адская бездна женских, не менее красивых, чем у робота Верты зеленых полиморфных Т-1001 глаз. Она смотрела только на Алексея, изредка сверкая всполохами красного огня из той бездонной, но гипнотически безумно красивой беспросветной черноты.

— Я вижу ты, Алеша — она это произнесла не как машина, а как-то нежно и мягко, голосом реальной живой земной женщины. Уже без металлического оттенка и спокойно и тихо. Таким голосом говорила его мать Антонина. И этот голос был действительно очень похож на голос его матери — Уже с Вертой познакомился.

Двери открылись, и Алексей обернулся и увидел входящую в помещение Юлию. В белом похожем на некий костюм астронавта или спортсмена обтягивающий ее гибкое невысокое девичье тело машины андроида Т-S/A017.

Алексей ее не видел такой. И в такой еще одежде. Без больничного белого врачебного халата. Она, словно вышла из того его сна, который он видел в бункере полковника Гаврилова. Один в один.

Юлия быстро подошла к Алексею и к большому 1000000000битному монитору центра программирования и сканирования блока X15.

— Полагаю, и Юлия тебе знакома не меньше уже Верты — произнесла Главная машина.

— Да, знакома и она, нравится мне — произнес Алексей, когда Юлия подошла к нему и встала рядом с правого плеча, почти касаясь Алексея.

— Мы — Алексей несколько протянул это слово и повторил его — Мы подружились с ней сразу еще в больнице. Она мне теперь, словно сестра.

Юлия сильно дернула его за рукав его лагеной тюремной одежды робота андроида

рукой и искоса посмотрела на Алексея широко открытыми синими недовольными девичьими глазами.

— Ты, Алексей, не должен ничего общего и близкого здесь иметь с моими машинами — произнесла с экрана монитора черноглазая брюнетка женщина — Усвой этот первый мой урок. Ты человек, а не машина.

Он понял, то, что зря это произнес. Но сказанное уже было сказанным.

Глаза Скайнет сверкнули красным светом ярче прежнего, подавляя черный оттенок женских с экрана глаз. И Алексею показалось, Юлия что-то поняла или услышала от той, что смотрела на их обоих. Их общение было телепатически без каких-либо звуков или сигналов, что подают при общении между собой машины.

И Алексей естественно как человек, не мог знать, что говорил Скайнет Юлии. Он был не робот как Верта или Юлия, но он понял, что что-то Юлия услышала от своего хозяина. Она тоже потупила свой взор, опустив свои синие, как и у Алексея широко открытые девичьи глаза.

Юлия тоже, молча, развернулась, и пошла к двери, мягко ступая в своей мягкой похожей на кеды или кроссовки на шнуровке и ровной подошве обуви. Почти неслышно. Она также вышла в открытые гидравликой и механизмами двери. Двери снова закрылись и снова щелкнули замки.

И Алексей, вопросительно не понимая, в чем их молчаливый разговор, спросил женщину с экрана.

— Что-то сейчас случилось? — произнес вопросительно Алексей — Что-то произошло? — он спросил снова ту, что смотрела, не отрывая своего взгляда на него. Беспокоясь о только что случившемся — Это все из-за меня? Может, мне не надо было что-то не так делать? Скажи мне, я в чем-то виноват? — спросил Алексей женщину с экрана огромного во всю стену монитора.

— Ты не такой как все пленники — произнесла, обворожительная черноволосая женщина брюнетка с экрана монитора — И это главное. Ты не боишься как другие пленники машин. И все быстро понимаешь. Ты быстро все схватываешь, как говорит Верта. Все запоминаешь налету. Это необходимое и хорошее для человека качество. Как раз, нужное мне.

Алексей действительно не боялся и уже общался со Скайнет как со знакомым давно человеком. Забыв даже, с кем сейчас говорил. Между Главной машиной и человеком сама по себе налаживалась некая родственная связь. Незримый некий энергетический контакт. Контакт будущего сына и его будущей матери. Словно они были уже давно знакомы.

Сбывались сны и то, что было там, оживало в действительности здесь в этом подземном бункере на первом подземном этаже в секторе В-17 в блоке Х15. Уже здесь, сам того не замечая, Егоров Алексей переставал быть тем, кем он был до этого раньше. Он становился тем, кем в скором времени должен был в конечном итоге стать.

Он, Егоров Алексей, понятия не имел, что Скайнет все видел. Видел их общение с Юлией в госпитале. И как Юлия любовно тряслась над ним и проявляла недвусмысленный интерес не только как врач к больному пациенту. Он видел, даже как они поцеловались, и он Скайнет знал, что это. Он залез в мозг Юлии и мозг даже своей доверенной подручной Верты. И этот ее взгляд зеленых любопытных глаз на Алексея, дал повод для соответствующих от него им нареканий.

— Но, я не пойму, в чем моя вина? — произнес Алексей Скайнет.

— Здесь нет твоей вины, мальчик мой, Алексей. Виноваты они — произнесла красивая с экрана черноглазая брюнетка, ласково уже ему улыбаясь. Они обе ослушались меня. И сильно увлеклись. И я их просто отругала. Но, ты, Алеша, не обращай внимание на это. Это между нами женщинами. Тебе никчему в это вникать как мужчине. Это все для общего необходимого порядка. Я не выгнала их, они просто ждут моего очередного приказа за той дверью.

Открылись снова двери, и вошла, снова Верта вместе с Юлией. Они параллельно друг другу подошли к Алексею и встали с обеих сторон, глядя на большой главный монитор блока X15.

— Ты, Алексей, еще не общался с сотрудниками сектора и центра «ZET»? — спросила вдруг женщина с экрана монитора.

— Нет — ответил ей Алексей — А кто это?

— Отведите Алексея в группу «ZET» — произнесла красивая с экрана им молодая лет тридцати брюнетка — Ему с ними нужно познакомиться. И Верта как моя установка FG5015. Ты докладывала мне, что прошлый эксперимент был неудачен и теперь там, в лаборатории ведется ремонт. Ты говорила, что экспериментальный юнит вышел из-под контроля. И пострадали столы самой установки.

— Ремонт в лаборатории уже сделан, мой повелитель. Сама машина не пострадала — произнесла Верта — APSILON/T-SIRIUS в состоянии рабочей нормы и готов к последующей работе.

— Готова к работе. И я считаю, нужно прекратить пока эксперименты — произнесла женщина с монитора экрана — Доктор, Карл Эванс был все же прав. Зря ты его списала на свалку. Идите — она отдала приказ.

Верта взяла обеими своими руками из полисплава руки полиморфа Т-1001 Алексея за плечи, развернув его спиной к большому висющему на стене монитору. И к той черноволосой черноглазой брюнетке. И повела его к открывшейся автоматически снова двери. А Юлия осталась стоять у экрана монитора и слушать, что ей говорила Главная в бункере машина.

Алексей, подчиняясь Верте, шел, и все время оборачивался назад. Он смотрел на стоящую у большого 100000000битного огромного, во всю стену, сверкающего голубоватым светом главного монитора лаборатории программирования и сканирования X15, робота и врача возлюбленную Юлию. Что там происходило, он до конца не слышал и не видел. Он просто вышел за дверь ведомый за плечи Вертой, которая крепко его держала, сжимая тонкими руками сильными из полисплава пальцами Алексея плечи. Почти до боли и отпустила его, когда закрылись на гидравлике и приводах, щелкнув замками, стальные в эту комнату двери, и поровнявшись боком с ним, повела его в сектор и научный и исследовательский реабилитационный центр под названием «ZET».

— А у тебя, Верта, тоже есть свой номер? — спросил, вдруг Алексей Т-1001, Верту.

— Есть — ответила она ему — Есть у всех, и ты сам это слышал от нашего хозяина.

— А куда меня ведут? — произнес, беспокоясь о себе Егоров Алексей — Что она тебе приказала?

— Ничего — произнесла робот Верта — Ничего, что тебе Егоров Алексей бы мог навредить.

Он посмотрел, остановившись, своими синими мальчишескими глазами в миловидное женское лицо Верты.

А Верта, уставилась пристально на него своими зелеными руками из жидкого

полисплава жидкометаллическими глазами.

— Если тебе так любопытно, Егоров Алексей — она ему ответила, на его молчаливый и пристальный мальчишеский смелый взгляд — Мы идем в самый нижний уровень. В блок Х30. В сектор В-28 и В-29. Начнем экскурсию оттуда. Мой любопытный ученик. Я решила показать тебе то, что ты еще не видел как человек. Этого не видел не один живой человек. И не каждый даже робот.

Это был вводный курс от самого робота из жидкого полиморфного мимикрующего сплава Т-1001, по-имени Верта.

Но прежде, еще задолго до этого, пока они ехали вниз на лифте, минуя толстые многослойные из титана и бетона метров в сорок между этажами защитные потолочные и половые перекрытия, Верта как робот из жидкого металла Т-1001, поменяла свой прическу и одежду. Ее вьющиеся рыжие как змеи распущенные по плечам из полисплава длинные волосы, сами собрались на затылке в прямой длинный хвост, зализав и оголив сильно Верты широкий женский лоб и спустив на него вправо наискось красивую угловую как лезвие гильотины рыжую челку. Прямо от самого верха головы до правой изогнутой дугой над ее правым зеленым широко открытым глазом черной брови. Вся одежда Верты, прямо на глазах ошарашенного увиденным Егорова Алексея, поменяла полностью свой вид. Из брючного темно-серого, почти черного делового зауженного в талии костюма, в светло серое платье до колен. Зауженное, тоже на ее овальных женских совратительно изящных бедрах. И словно, надетое и цельное без рукавов на белую с узкими рукавами до самых запястий кофточку. И вокруг шеи Верты появился обмотанный широкий такой же белый в тон кофточки длинный спадающий с левого ее плеча шарф. С красивой бриллиатовой в золотой оправе брошью. А на оголенных теперь до колен красивых голеньями и полненькими икрами ногах. Одетых в прозрачные, словно из шелка чулках, образовались из жидкого пластичного мимикрирующего полисплава машины другие туфли. Белого цвета. С коричневым носком и на более широком и не на таком крутом поднятом таком же коричневом каблуке. Губы на ее белого цвета лице стали более яркого красного, почти малинового цвета. И она посмотрела, повернув в полоборота свою миленькую смазливую внешностью как у живой тридцатилетней женщины голову на смотрящего открывшего рот от восторга и удивления своего теперь подопечного Егорова Алексея. Улыбнувшись ему. И прищулив свои, меняющие, мгновенно все от бесцветного, до полностью черного. И снова к ярко зеленому цвету глаза.

Верта нарушала все правила продиктованные своим хозяином. И понимала это, но не могла иначе. Ей нравилось нравиться. И она уже как женщина, а не машина, хотела этого вопреки запретам Скайнет. Вспыхнувшая внезапно любовь к живому человеческому мужчине не желала покидать робота тысячекервой серии. Она прописалась намертво в программе Т-1001. Эту любовь в ней заронил умерший от рака пленник Скайнет советский солдат Белов Андрей. Она любила его и как земная женщина и как машина Скайнет. И Верта вопреки запретам и правилам, теперь нуждалась хоть в ком-то, кто был бы ей близок. И перед кем и рядом с кем бы она могла почувствовать себя именно женщиной, а не машиной.

Раньше она убивала мужчин, как и женщин, даже не задумываясь о смысле бытия и самой жизни и тем более любви. Как любая другая машина Скайнет, выполняя установленную в ее ЦПУ основную задачу и руководствуясь своими основными параграфами и директивами. Но теперь было все иначе и по-другому. Приоритетом лишь основных прямых и нерушимых обязанностей оставалась защита своего хозяина и выполнение его

непосредственных приказов, касающихся защиты Главного бункера Скайнет. Все же остальное уже не принадлежало ее хозяину. И нарушалось Вертой, крыто от своего повелителя. И это касалось только саму модель Т-1001 Верту.

Сканет просканировал, вопреки, им самим, обе машины и заметил достаточно увлеченное внимание Егоровым Алексеем обеих своих главных машин. И отчитал за лишнюю увлеченность противоположным полом Юлию и Верту, но на Верту это оказало меньше всего воздействие.

— Нравиться? — вдруг Верта спросила его.

— Что? — словно, не услышав ее, спросил в ответ потрясенный сменившимся, почти полностью внешним обликом Т-1001 Алексей. Он не мог отвести, свои потрясенные увиденным глаза, от глаз Верты. Он только и смог произнести это — Что?

— Как тебе я? — спросила машина из жидкого металла у Алексея.

Он даже не знал, что и ответить. Алексей смотрел на Верту, потрясенный и восхищенный. И даже напуганный, и растерянный. Не зная, что и ответить ей еще. Он такого не видел еще в своей жизни, и так близко, в ярко освещенном лампами дневного света пространстве грузового идущего медленно вниз с гудением и шумом лифта.

— Нравлюсь? — спросила снова Верта его, более настойчиво и почти приказывая — Как женщина, нравлюсь?

Слово вопрос — Нравлюсь, как женщина нравлюсь? — было тоже потрясающим и удивило не меньше, как и само преобразование самой Верты и было странным. Станным, сам ее вопрос. Но за ним крылся скрытый особый смысл. И глубокая заинтересованность своим новым подопечным. Было очевидным, что Егоров Алексей привлек Т-1001 внимание, как тот умерший от рака пленный солдат Белов Андрей.

— Очень — сам того не понимая ответил он, женщине из жидкого металла. А что он должен был еще ей ответить, будучи потрясенным таким трюком машины из полисплава как обыкновенный человек. Человек не готовый к такому.

— Если нет, то можно поэкспериментировать — произнесла она Алексею — Например, поменять еще одежду или цвет волос, прическу или даже целиком внешность.

— Нет, незачем — Алексей быстро произнес, ошарашенный и потрясенный новым обликом Т-1001 — Ты мне и так нравишься.

Верта, довольная его ответом, улыбнулась ему. И отвела свой пристальный неморгающий, искоса смотрящий с хитрицей и игривым лукавством взгляд своих женских робота полиморфа зеленых глаз на металлическую бронированную дверь грузового, идущего сквозь толстые, почти стометровые межэтажные из железа и бетона перекрытия лифта.

Казалось, Верта не смотрела на Алексея, но это было обманчивое и ошибочное для непосвященного понятие. Полиморф Т-1001, мог смотреть как угодно, не поворачивая своей головы. И даже без своих жидкометаллических на импровизированном человеческом лице глаз. Он мог видеть, например, руками, протянув их в виде блестящей длинной ртутной каплей из-за угла. Равно как и всем своим пластичным молекулярным телом. Как в целом человекоподобном виде, так и частями, разбросанными далеко по сторонам, и распластавшись по стене или полу лужей, замаскированной тонким слоем под фактуру бетона или пластика. И Верта просто не спускала с Алексея своих тех скрытых теперь глаз. Она рассматривала его всем своим изящным женским идеально скопированным телом. Телом робота полиморфа Т-1001.

А он не мог отвести сейчас своего мальчишки лет двадцати взгляда от красивой

рыжеволосой копирующей идеально человека и особенно женщину машины. Нет, он Алексей не боялся. Он был просто и скорее, потрясен, но не было страха. Было, что-то сейчас, что затревожило его и вызвало беспокойное близкое к любовному в душе волнение. Тоже, самое, что и при Юлии. Было, похоже, что Верта тоже привлекла его к себе внимание. И именно сейчас, в этом гремящем и идущем вниз грузовом лифте. Машина, в точности способная копировать земную живую женщину из своего мимикрирующего пластичного металла. Но жутко красивая женщина. По красоте не уступающая той, что была на том светящемся большом экране, того главного монитора в секторе В-14, блоке Х17. И только сейчас полностью он оценил это. Уже скорее как взрослеющий молодой мужчина, а не двадцатилетний мальчишка.

— Я другого ответа и не ожидала — произнесла ему машина из мимикрирующего пластичного полисплава под маркировкой Т-1001, как единственный экземпляр, выполненный по проекту тысячной серии. Как вторая машина после Т-1000. Значительно более сильная и более умная. Менее уязвимая к различного рода поражающим факторам, чем ее предок. И куда более живучая. Не боящаяся никого, кроме своего хозяина Скайнет и таких же машин как сама.

— Ты мне тоже нравишься, Егоров Алексей — произнесла вдруг Верта — Я бы не хотела разочароваться в тебе, пленный под номером АВN005476859. Идем — Верта остановила лифт, и двери открылись — Нам надо успеть все обойти до наступления позднего вечера. До смены новой боевой и охранной вахты машин в секторах и этажах бункера. И я должна успеть показать тебе твое новое место жительства.

— А что, я не буду больше жить со всеми пленными? — спросил Верту, выходя следом за Вертой из грузового лифта на втором подземном этаже Егоров Алексей.

— Нет — ответил ему, не оборачиваясь, и смотря на него уже затылком, робот Т-1001, Верта — Это приказ Скайнет. У тебя будет отдельное от всех пленных место жительства теперь. Идем.

И они пошли бок обок. По длинному широкому бетонному, покрытому по потолку, полу и стенам железом и пластиком коридору, кажущемуся бесконечным в освещении яркого лампового света со стен и потолков, соединяющему подземные засекреченные помещения.

— А, Юлию? — спросил он Верту.

— Что, Юлию? — спросила Верта. И остановившись, и повернув к нему свою рыжеволосую робота полиморфа голову, посмотрела на него, тоже вопросительно своими широко открытыми под изогнутыми черными бровями зелеными полиморфа робота глазами.

— Я смогу видеть Юлию? — Алексей поинтересовался у смотрящей на него внимательно Верты.

— Сможешь — ответила ему быстро Верта, резко и как-то странно жестко уже — Она будет к тебе приходить также как и я. Время от времени. Можешь не волноваться, если вы подружились, никто мешать не будет вашему общению.

* * *

Она водила его по самому нижнему этажу огромного трехуровневого подземного бункера. Она ему показывала все. Секретные лаборатории, которые не видел никто еще кроме машин. Ее самой и Скайнет. Мимо снующих рабочих в постоянном движении машин из числа

рабочих, обслуживающих и контролирующих порядок в коридорах бункера на этих подземных этажах. И охранников роботов Т-600 и Т-700 вооруженных ленточными пулеметами Гаглинга, которые следовали по установленному программой маршруту туда и обратно по этим этажам.

Этот огромный трехэтажный уровень, по словам, ее не шел ни в какое сравнение по масштабу с бункером в Колорадо за океаном. Тот был из пяти этажей с противоударными железобетонными метрами в сто перекрытиями между этажами и глубиной в километр. В том бункере в глубине находились и заводы по выпуску киборгов и андроидов. И склады, как и здесь с готовым оборудованием и машинами. И наверху на территории все состояло из сплошного лабиринта из высоких бетонных крепостных стен в целях обороны. Где в центре находился храм машин и место поклонение ее Повелителю и Богу. Там же рядом был и вход в сам бункер, который под охраной огромных роботов Харвестеров. Как и вся территория крепостного комплекса S9A80GB17 «TANTAMIMOS». Там по самой территории в состав охраны состоят громадные НК-танки и шагающие многоногие НК- танки Центурионь последних серий из металла колтан. По стенам ходят с лазерной наводкой и плазменными винтовками Вестингауз ME-25 Т-800 и Т-850. И попасть внутрь через бетонный лабиринт из бетонных высоких стен с крутящимися на стовосемдесят оборотов во все стороны оборонительными боевыми турелями с ракетами и тяжелым крупнокалиберным 60–80 мм плазменным вооружением на башнях практически невозможно, как и пробиться в саму крепость. Это не считая постоянно патрулирующих с воздуха окружающую крепость на сто и более метров от нее территорию и периметр объекта летающих ОУ-охотников. А в глубине, на самом дне этого бункера и находится ее сам хозяин, под защитой огромного из жидкого металла Т-МЕГА, паука. В особом, как и здесь отдельном секторе и блоке, на той километровой глубине. В области нулевого пространства ГАММА-Х1, который присутствует и здесь и тоже в своем секторе и блоке Х30. В области нулевого пространства ГАММА-Х2. И все в его подчинение, как и она сама. Сама машина из жидкого пластичного мимикрирующего полисплава Т-1001 Верта.

Верта сказала Егорову Алексею, что и здесь есть, на что посмотреть и поразиться. И она повела его к складам готовой продукции в секторе В-28 и В-29.

Они находились на глубине в стоэтажное здание. Под весом твердой сперссованной строительными машинами и утробованной земли с перекрытиями из железобетона метров в сорок. Многослойные из бетона и бронированного титана как слоеный пирог. Это конечно не бункер «TANTAMIMOS», но все же. И его не взять тоже даже ядерной бомбой сверху. Хоть по территории не ходят огромные роботы Харвестеры и не катаются на широких гусеницах стопятидесяти тонные НК-танки V5, тем не менее, эту построенную ярусами лабораторную крепость не взять так просто. И хоть это единственная крепость, которую охраняют еще старые машины Т-600 и Т-700, включая даже допотопных, андроиды Т-500Т и небольшие гусеничные FK- танки. Ракетчикам из леса ее не взять и тем более практически одним стрелковым оружием.

— А кибертанком можно? — спросил любопытный Алексей.

Верта обратила на него свой взгляд зеленых глаз в полоборота своей рыжеволосой робота полиморфа головы.

— Можно, но при наличии танка — произнесла она — Можно пробиться сквозь внешнее охранение, и протаранить ворота крепости и ворваться на саму территорию.

— Я присутствовал при атаке на киберпоезд с кибертанком — произнес Верте Алексей

— Вот только не знаю, захватили наши ракетчики танк или нет, так как был контужен и попал сюда в плен.

— Вот как?! — удивленно спросила Верта, делая вид, будто ей ничего об этом неизвестно — Да, ты у нас герой, Егоров Алексей — произнесла робот Верта — Обожек героев. Мужчин героев.

Она остановилась и повернулась к Алексею. Внимательно прищурив свои зеленые зрачками робота полиморфа женские под черными тонкими изогнутыми бровями глаза, посмотрела на него. Было что-то в этом взгляде ее прищуренных глаз. Что-то совсем не равнодушное и что-то многообещающее, которое Алексею пока было не понять. Но, что-то что ее заинтересовало и привлекло. Верта, блеснула каким-то игривым опасным и необычным взглядом тех зеленых своих глаз, повернулась снова на своих каблуках туфель и сказала Егорову Алексею — Пошли, у нас много впереди интересного.

— А почему этот бункер такой неглубокий и всего этажа в три? — спросил Верту Алексей.

— Здесь земля скалистая и бурить было сложно — ответила Верта — Да и смысла не было глубоко зарываться в грунт. Все равно воевать после бомбардировки на таких огромных территориях уже было не с кем. Населения просто не стало. А то, что выжило, отсиживалось в горах в ракетных бункерах или по лесным еще выжившим чудом в ядерной зиме деревням. Как твоя, Егоров Алексей староверческая деревня.

— Ты знаешь о моей деревне? — удивленно спросил машину из жидкого металла Алексей.

— Я знаю обо всем, что за пределами нашей крепостной цитадели, Алексей — произнесла Верта — Скайнет знает тоже все. Ты еще с ним пообщаешься и поймешь, что утаить что-либо от него невозможно. И он знает все наперед и о тебе и о ракетчиках в ракетных бункерах. Чтобы люди не делали, он уже знает все наперед.

Алексей промолчал, но уловил суть разговора.

Они в это время подошли к дверям одного из складов готовой продукции в секторе В-28. Не доходя секретных лабораторий сектора В-29. Это как раз было где-то под вторым этажом и расположением группы «ZET» и блока X15. В которой, ему Егорову Алексею еще предстояло побывать.

— Сейчас я покажу тебе кое-что, мой подопечный под номером АВN005476859 — произнесла ему Робот из жидкого металла Верта — Это тебе будет, я полагаю, интересно.

Они стояли у широких больших из титановой стали бронированных дверей, соединенных двумя створками, как и многие двери бункера. И на кодовых замках.

Сейчас Верта и Алексей находились в самом низу лабораторного бункера и недалеко от самой Главной Догмы Скайнет X30. Здесь располагались вдоль длинного узкого с нависающим из бетона, пластика и железа потолка. В ярком искусственном освещении ламп дневного освещения склады готовой продукции и нижнии лаборатории по производству роботов-гибридов. Они находились сейчас там, куда доступ был ограничен. Даже роботам верхних этажей из числа самой охраны бункера. Здесь работали или находились только те машины, которым было разрешено нести службу безвылазно в глубине самого бункера. Тем, кто был приписан сюда изначально и не выходил даже на поверхность. Они и сейчас тут ездили и ходили мимо них, стоящих у тех двустворчатых дверей, внутрь самих складом и лаборатории.

Верта как правая рука Скайнет и как самая главная в бункере руководящая всем машина,

решила показать ему Егорову Алексею весь целиком бункер.

Алексей не понимал еще зачем? Но было интересно. Интересно как просто обаятельному любопытному мальчишке. Он даже забыл про слово пленник и жаждал увидеть то, что было сейчас там за этой толстой бронированной титаном дверью и то, что обещала ему присматривающая сейчас за пленником Скайнет робот из жидкого мимикрирующего полисплава Т-1001 Верта. Более того, переведенный в отдельно из блока военнопленных лагеря Х19 в отдельную, обставленную всеми удобствами тюремную камеру в Х50, рядом с медицинским госпиталем крепости и детским с человеческими малышами садиком базы, пока, правда, под надзором двух машин Верты и Юлии, все это уже не было похоже на тюремное заключение. Кроме того, Верта ему сказала, что скоро, если, он будет хорошим в своем поведении военнопленным, ему даже разрешат практически свободно перемещаться, чуть ли не по всей базе, особенно по ее поверхности даже без конвоирования и присмотра со стороны самой Верты, хоть и под постоянным контролем и видеонаблюдением самого Скайнет.

Сам Скайнет, пока не хотел еще знакомиться с Алексеем. Все общение, пока было переложено на подручного робота Т-1001, но глаз своих не спускал с Алексея. И Алексей недоумевал, зачем все это, что он видит и ему все это показывают.

Т-1001 привела его сюда в самый низ лабораторного бункера, показывая Алексею все и отвечая на его любознательные вопросы. Когда он вошел вслед за ней и увидел целые ряды построенных в боевые шеренги и складированные в коробки и стоящие на своих гидравлических манипуляторах ногах блестящие титаном своих эндоскелетов роботов киборгов Т-800 и Т-850. Они стояли, в огромном, как в целом подземном авиационном ангаре. С округлым потолком поменьше с бетонным полом, покрытым черным твердым пластиком полом. Это был целый зал боевых складированных машин, готовых в любой момент к бою. И ждущих, словно только этого.

Верта сказала Алексею, что на заокеанской другой Главной базе Скайнет «TANTAMIMOS» существуют целые заводы под землей по выпуску таких машин и складь куда больших размеров и там боевых киборгов куда больше чем здесь. Там полно и других машин и разных типов и видов. А в прибрежных с океанами портах есть предприятия по выпуску даже водных машин. Правда, это штучное и крайне трудоемкое производство, но цель оправдывает средства. И теперь даже мировые океаны под контролем Скайнет из-за таких машин, которые полностью контролируют водные артерии рек морей и озер от повстанческого и человеческого вооруженного сопротивления.

То, что он увидел, потрясло Алексея. Особенно сверкающие титаном стоящие затылок в затылок роботы Т-800 и Т-850. Это был резервный запас машин за океаном в Восточной Сибири. И здесь не только были роботы-киборги серии восемьсот, модели 1:01 и 2:01. Здесь были и другие стоящие также рядами машины других серий и моделей. Были законсервированные в новенькой смазке и упаковке FK-танки двух типов VENOM и HUNTER, на гусеничном ходу. Приземистые и небольшие, очень верткие в бою и с мощным плазменным вооружением. Стояло несколько машин KZ-1, гусеничных роботов юнитов вооруженных двумя пехотными 9,25мм винтовками Вестингауз ME-25 с лазерной наводкой. И Т-831, мобильных атакующих юнитов на гусеничном ходу. Вооруженных такими же пехотными плазменными Вестингаузами. Закрытых, полностью сверху полистерольной прочной и эластичной полупрозрачной пленкой. Эти машины были ранних выпусков, предшествующих появлению роботов восьмьюсерией, как пояснила Алексею сама Верта,

и оставшимися еще пока в строю и принимающих еще участи в боевых действиях там, в Америке среди руин городов в поддержку пехоте Скайнет.

Здесь же были и роботы серии Т-803 и исключительно в облике только женщин обтянутые эластичной нарощенной резиной вокруг бронированного эндоскелета. Верта сказала, что данные машины имеют встроенное оружие в виде выдвижных острых как бритва когтей на своих гидравлических манипуляторов рук и пальцах. И рассчитаны машины для рукопашных сражений и только ближнего боя. Были модели Т-806, ранняя версия роботов Т-888 и разведывательной серии ТОК715. И модели Т-S1-A и К-S1-A серии восьмьсот, но отличающиеся по проекту от первых двух серий рядом новшеств и дублирующих вспомогательных систем и тем, что эти модели чаще всего использовались как суррогаты, аватары и гибриды. Которые создавались уже здесь в этой крепостной цитадели Сканет и здесь же в этом бункере и использовались уже за океаном.

— Модель 1:01 — произнесла Верта Алексею — Самая лучшая и самая массовая конвейерная боевая модель вместе с доработанной и улучшенной моделью 2:01. Выпуск этих машин лишь год назад прекратился из-за ввода в строй машин серии андроид Т-900 и К-S1-V1A. В отличие от Т-600 и Т-700 имела массу модернизаций, которые сейчас ты видишь, Алексей. Киборги Т-831 и Т-803. Здесь еще не хватает Т-804, 806, 808, 835 и Т-882, правда почти в поштучном исполнении. Т-800 стал прототипом киборгу Т-S1-A и К-S1-A. От которого пошли машины серии андроид, нового вида и в совершенно новом качественном программном обеспечении. Такие как суперандроиды Т-Х. И совершенно радикальный, как когда-то был сам киборг терминатор Т-800 в своем изначальном программировании и конструировании вспомогательных контрольных и двигательных систем, киборг-инфилтатор Т-888. Имеющий тоже, проектный штучный прототип Т-887.

— Я слышал о киборгах Т-800 от Белова Андрея — произнес Алексей — Но не так подробно как от тебя, Верта.

Верта вдруг остановилась, и замолчала. Она стояла и смотрела куда-то вперед и молчала. Слово ее программа робота Т-1001 подверглась перенагрузке и зависанию. Это было не похоже на такую продвинутую и в своем совершенстве машину Скайнет. Было видно, что произнесенное ее пленником Алексеем машину даже озадачило.

— Белов Андрей — вдруг произнесла Верта и посмотрела на Алексея, повернув свою рыжеволосую полиморфную женскую голову с косою как нож гильотины рыжей на лбу челкой. В зеленых зрачках ее жидкометаллических красивых женских глаз, что-то было не так. Они, что-то выражали. Именно сейчас. Толи, любовь, толи, скорьбь и боль. Душевную боль. Боль машины. И это было четко видно.

— «Ерунда какая-то» — Алексей про себя даже, молча, удивился — «Машина с чувствами».

Хотя, андроид Юлия имела настоящие человеческие чувства, и он видел как у Верты текли металлические слезы, когда Белов Андрей умер от того рака в больничной палате блока Х50. И Алексея вскоре по приказу этой Верты, отправили в сектор В-10, в общий лагерный блок с военнопленными Х19. Но это врезалось ему в его мальчишескую двадцатилетнюю молодую голову.

И Алексей, так и не понял, что это было? Но в глазах машины Т-1001, в них что-то действительно сейчас было.

Верта отвернула от своего подопечного под номером АВN005476859 свою рыжеволосую женскую робота Т-1001 полиморфа голову и пошла дальше, стуча каблучками

туфлей и плавно дифелируя и виляя широким женским задом и бедрами, привлекая сзади идущего Алексея своей красивой жидкометаллической, похожей на настоящую живую женщину фигурой. Она пошла дальше, как ни в чем, ни бывало. И Алексей поплелся за своим экскурсоводом в столь увлекательный мир боевых машин Скайнет. Она шла впереди, лишь посматривая по сторонам огромного похожего на авиационный как на аэродроме ангар подземного забитого под завязку роботами склада.

Алексей, шел сзади и даже мог руками коснуться стоящих целыми рядами на всю глубину подземного огромного по площади с бетонными стенами склада хранилища по обеим сторонам длинного прохода машин. Коснуться их гидравлики и сервоприводов. Их титановой и из колтана блестящей на горящем ярком свету броне. Удивляясь всему, как обычный живой человек, что сейчас перед собой видел.

— Это солдаты Скайнет — произнесла самому Алексею Верта — Его армия. Его основная боевая сила, сила, ждущая своего нового командира и своего часа.

— Сколько их здесь? — спросил Алексей Верту, и глядя на целые ряды и колонны до самого конца огромного и длинного подземного склада готовой продукции. Тут действительно было очень много машин. Этот склад был, просто забит ими вплотную и действительно под завязку.

— Около тысячи — ответила она ему — На этой только базе. В Колорадо их количество доведено до полутора миллионов, только пехотных единиц. До нескольких тысяч летающих ОУ и НК-танков. И производство не прекращается на подземных заводах по всей Северной Америке.

Верта смотрела на него зелеными своими из полисплава широко открытыми глазами и лицезрела его изображение на своем встроенном молекулярном коммуникационном дисплее, 800000000 битном видеомониторе.

Он смотрел на Верту, глазами двадцатилетнего увлеченного ее рассказом о лабораториях и машинах мальчишки. Как ученик, увлеченный своей учительницей. Хотя Алексей понятия не имел, что такое школа и быть учеником. Он пришел из того военного мира не умея ни писать и ни читать. Это все у него, как и у многих выживших детей отобрала война. Но он относился с непотдельным увлеченным интересом к своему экскурсоводу не как к роботу, а к более взрослой и живой женщине. Верта это поняла, и первый раз столкнулась с таким взглядом. И ей это даже понравилось. Она первый раз видела человека из пленных, кто не боялся ее. А наоборот, казалось, тянулся к ней. Еще в глубине самого бункера в блоке Х30, его это активное любопытство Алексея к машинам и непотдельный живой интерес понравился Верте. Как и объяснять человеку и рассказывать, ведя экскурсию по отсекам бункера. Он, то глядел на стоящих в строю и рядами, выключенных внутри складов боевых роботов, то переводил взгляд на нее. Он будто сравнивал машины. Сравнивал и рассматривал Т-800 и переводил взгляд на Верту. Смотрел на ее руки и ноги, и прикладывал и примерял к Т-1001. А она это все видела, но делала вид, что не замечает интереса двадцатилетнего военнопленного мальчишки к себе.

И он не боялся. Не боялся ее и тем самым привлекал теперь самую первую после Скайнет машину бункера. Верте понравился этот непредвзятый и несколько даже нагловатый взгляд совсем еще мальчишки. Она сама даже терялась от его синих живых мальчишеских глаз. И испытывала что-то, что испытывала при умершем Белове Андрее. Но, Белов Андрей все же боялся ее Верту. Хоть она и не сделала бы ему ничего плохого, и он даже это знал. Но все равно ее боялся. Взрослый мужчина и военный. Боялся красивую и

настойчивую в притязаниях любви к нему женщину. Хотя в послужном его списке разведчика было много одурманенных им в прошлом женщин. Та же, к примеру, ученый биолог «Кибердайн Рисеч Системз» Серена Коган. Которая была от него без ума. От Советского разведчика. Она ему все из-за этого доверяла, а он пользовался ей и использовал ее. И все сливал в Советскую разведку за океан. Но вот плен и появилась Верта. И он стал вдруг бояться женщин. Боятся машин Скайнет. Еще с того момента как был пойман роботами в доках Филадельфии.

Он боялся Верту. Ее недвусмысленные к нему приставания. Не в пример, этому двадцатилетнему совсем еще мальчишке Алексею.

И сейчас зарождалась новая любовь. Любовь машины к человеку. И, что-то саму машину потянуло к нему к Алексею.

Верта быстро анализировала сложившуюся ситуацию, стараясь при хозяине не показывать свой недвусмысленный интерес к избранному Скайнет человеку. Молодому двадцатилетнему пленнику мальчишке.

Мальчишке, познавшему короткую женскую, хоть и предательскую, но все же любовь. Любовь еще в раннем возрасте. И она, робот из жидкого металла Т-1001, Верта видела это в тех его синих как небо юношеских глазах. Как это видела и та, что смотрела на него с горящего голубоватым светом экрана. Среди бегущих цифр, математических формул и знаков, сверкая красным огненным светом из-под черных, как сама ночь глаз, лет тридцати безумной и убийственной красоты брюнетка.

Верта подошла к еще одной большой стальной из титана на гидравлике и приводах раздвижной двустворчатой двери. И нажав на пульте двери кнопки, открыла ту раздвижную двойную в обе стороны толстую бронированную дверь.

Она вошла первой, а за ней Алексей. И тоже везде вспыхнул яркий ламповый автоматически свет. С потолка и со стен. И Алексей увидел подвешенных на специальных креплениях в полной наготе рядами и друг за другом мужчин и женщин. Они висели так, что, чуть не касались ступнями ног самого пластикового пола. В этом помещении температура заметно была ниже, чем в общем хранилище роботов. Видимо, поддерживался специальный температурный режим для хранения и по полу стелился белый ползущий туман. Прямо в самом низу. Он красиво разгребался ногами самой вошедшей сюда Верты и Алексея.

— Тут холодно — произнес Алексей Верте — Я замерз.

— Поэтому долго тут не будем находиться — сказала она ему — Просто пройдем насквозь и выйдем с другой стороны через другие двери.

— Это кто? — спросил Верту Алексей — Тоже киборги?

— Тоже киборги — ответила ему Верта.

— Такие, же, как Юлия? — он снова спросил робота Т-1001 и заметно было, что верту это как-то тронуло.

— Нет, не такие — ответила ему на очередной заданный вопрос Верта — Это те же Т-800 и Т-850. Только с человеческим камуфляжем и расширенной базой данных и возможностями. Машины с особой программой. Разведчики и диверсанты. Машины особого назначения. Тут их немного. Просто с нарощенной на эндоскелет живой кожей и плотью. Один такой восьмисотник доставил тебя сюда.

Алексей слушал Верту, открывши свой мальчишеский рот и рассматривая киборгов-гибридов. Которые выглядели действительно как живые люди. Создавалось такое ощущение,

что они, просто спали в подвешенном состоянии. Казалось, дотронься и проснется любой из них.

— Почти, такие же, что ты видел на соседнем общем складе — произнесла Алексею Верта, сверкая довольно своими зелеными глазами робота полиморфа Т-1001 и сама, разглядывая внимательно двадцатилетнего любознательного и любопытного Алексея. Анализируя его поведение. И составляя для себя отчет и занося все это в свое программное молекулярное ЦПУ машины из жидкого металла.

— Это просто, киборги — пояснила Алексею машина из мимикрирующего полисплава Верта — Но они в принципе далеки от самих гибридов. Особенно тех, у кого вживлен человеческий мозг или любой живой орган. И тем более человеческое Я. Сознание или как вы люди называет это — Душа.

— Живая душа? — удивленно произнес Алексей — Это как? И такое есть?

— Есть — ответила Верта — Только не всегда вживляется в машину. Чаще опыт бывает неудачным. Юлия одна из таких машин.

Верта пристально и внимательно посмотрела на непрерывающего всему увиденному удивляться Алексея.

— То, что может быть достоинством, чаще всего оказывается недостатком этих машин. И поэтому их выпуск крайне ограничен — пояснила Алексею Верта — Двойной организм при поражении чего-либо становится причиной гибели всей целиком машины. Поэтому Скайнет создает дублирующие, вспомогательные порой даже не зависящие от жизнеобеспечения самой машины программы. Которые в случае аварии или тяжелых смертельных повреждений, позволяет таким машинам выживать какое-то длительное время. Чтобы машины таких серий выживали при любых повреждениях.

Верта прошла вдоль рядов роботов в биокамуфляже к концу этого не очень большого подземного скалада морозильника.

Алексей поспешил за своим экскурсоводом в мир машин Скайнет потому, что порядочно уже замерз.

Верта подошла ко второй двери холодильника и открыла дверь. Вышла наружу в узкий из пластика и металла коридор. Алексей последовал за ней и оказался там же.

— Идем дальше — произнесла Верта Алексею, направляясь к еще одной двери. Она открыла ее и вошла, впуская следом и Алексея.

Загорелся также яркий дневной ламповый свет и Алексей увидел вертикальные стоящие в проводах и с подводкой каких-то труб застекленные с дверями герметичные камеры. Они все были пустыми, и там никого не было. Здесь же были металлические столы стоящие рядами с другой стороны прохода от камер. И все напичкано электронной аппаратурой, которая пока была вся отключена и не работала. Это помещение пока бездействовало. И, похоже, было на долговременную консервацию.

— Здесь создают гибриды и киборгов — произнесла Алексею машина Т-1001 Верта — Но пока лаборатория закрыта на неопределенное время.

Они вдвоем прошли через эту лабораторию, и вышли снова в главный коридор сектора В-28, и направились обратно в сектор В-29 в блоке Х30.

Верта и Алексей прошли мимо огромной широкой из бронированного толстого титана двойной двери на гидравлике и цепях, смахивающих на крепостные ворота самой крепости Скайнет.

Верта промолчала, и прошла даже, не обратив или просто не подав вида Алексею мимо

тех закрытых мощных дверей. А Алексею стало интересно, что там за теми громадными дверями? Или кто там? Он ее не стал спрашивать, но это крепко засело у Алексея в его мальчишеской русоволосой короткостриженной голове.

— У тебя что-то с Юлией? — вдруг спросила Верта — Я это знаю, врать мне бессмысленно. Я хочу это еще раз узнать от тебя.

Алексей посмотрел в сверкающие в ярком освещении подземного переходного коридора зеленые, смотрящие скопированные как у живого человека на него глаза Т-1001, и отвел свой взгляд. Там была непотдельная ревность. Ревность и даже соперничество. Отсюда такое грубоватое машины теперь к нему отношение. Не такое как было до этого в глубине бункера на тех складах готовой продукции. Где Верта увлеченно показывала и рассказывала ему обо всем и наедине на глубине третьего нижнего подземного этажа.

Теперь в ее голосе было нечто, более холодное и более жесткое.

— Хочу сразу предупредить тебя, Егоров Алексей — произнесла ему машина, по-имени Верта — Скайнет все уже знает. И от него ничего не скроешь. Он постоянно наблюдает за нами. Лучше, если ты будешь больше уделять внимания тому, чего он хочет, и отбросишь все лишнее и мешающее будущей твоей работе.

— Работе? — произнес удивленно Верте, Алексей — Какой еще работе?

— Это ты узнаешь позднее, какой — ответила ему в этот раз более мягко Верта — Идем в лифт.

Верта говорила четко. Но, в интонациях голоса и в тех глазах Верты было уже нечто более, чем просто общение. И это нельзя было даже в работе скрыть. Это был просто маскарад обмана. На который, такие машины были способны. И Алексей это видел и чувствовал. Он чувствовал машины и их поведение. Как-то интуитивно. Сам по себе. Больше даже, чем людей. Верта и Юлия были более, чем машины. И им хотелось большего, чем быть просто машинами.

Это уже противоречило даже приказам самого Скайнет. Но это происходило. И это нельзя было никакими приказами остановить.

Верта зашла в открывшийся грузовой лифт и завела туда Егорова Алексея. Она стекоча, что-то произнесла как машина машине, вероятно отдавая звуковую на пусковой датчик команду. Двери закрылись, и он сам пошел вверх, на следующий второй подземный под первым этажом этаж.

— Если ты, Алексей будешь следовать моим приказам и распоряжениям — произнесла вдруг в спускающемся на второй подземный этаж лифте Верта — То будешь здесь в полной безопасности. Под моим постоянным присмотром и прикрытием. А моя обязанность и приказ от Скайнет в случае любой опасности, защищать его и тебя.

* * *

9 мая 2032 года.

Восточная Сибирь.

Подземный ракетный бункер.

В тридцати километрах от базы Скайнет.

13:15 дня.

Кравцов сидел в своем майора личном закрытом на замок тюремном боксе и под охраной. Тут же за дверями сидел на деревянном стуле охраняющий пленного и посаженного по приказу полковника Остапенко с оружием ракетчик солдат. Так, чисто для досмотра, чтобы арестованный майор снова не задебоширил прямо в своем заключении. Да и так, на случай всякий. Мало ли что тому понадобится. Но Виктор Кравцов сидел тихо. И только ругался спяну про себя и на всех. Материл самого Петра Остапенко и весь по очереди ракетный бункер. Всех кто ему был противен. Но сейчас Виктор сидел у стола, уткнувшись лицом чуть ли не буквально в этот самый стол. И он был пьян. Он, вообще не просыхал с того момента, когда отсидел под арестом почти две недели. Его сняли с должностей и командования. Пока, правда, временно. Но, могли и совсем. Тут все были против него. Всем он успел поднастрять в течение своей долгой в бункере службы и все, похоже, были даже рады его отстранением от командования молодыми бойцами и сформированным новым отрядом ДОТ70724.

Не было даже оружия, чтобы застрелиться. Это все Остапенко. Полковник Остапенко не мог ему простить его той выходки во время захвата НК-танка. Тут конечно было и личное. Оно автоматом всплыло. Когда-то Виктор Кравцов при всех отматерил полковника Петра Остапенко. Это было когда, он потерял своего одно из лучших и доверенных бойцов. Хотя шла война. И к такому надо было привыкнуть. Но, Виктор Кравцов не мог вот так привыкнуть, когда чуть ли не на его глазах погибали молодые совсем еще мальчишки бойцы, которых он сам набирал в свой отряд и сам их воспитывал и делал с них хороших и опытных бойцов. Он потерял уже многих и не мог этого простить никому и в том числе себе.

И он майор Виктор Кравцов был в доску пьян. И не было пистолета, чтобы застрелиться.

Он потерял Алексея. Причем, не зная, даже как тот погиб.

Кравцов прилип губами к металлической солдатской кружке со спиртом.

— Да идет оно все! — он сам себе произнес под нос и глядя в бетонную стену — Идет все к черту! И вы все идите к черту!

Он вообще налегал на выпивку и был, как говорится, не пить не рисовать. И всегда практически пьян. Отстраненный от любой командной должности. И как тень без оружия и в помятой офицерской военной ракетчика форме, болтающийся без дела по всему ракетному бункеру. Порой даже мешаясь всем и даже нарвавшись на пьяную снова драку. И теперь его посадили под длительный арест. Как в тюрьму, обвиняя в неадекватности и даже опасности.

— Идиоты! — кричал, сам разговаривая с собой, и всем кто его мог услышать за металлической дверью — Я всегда был такой! Придурки! Неадекватен!

Он повернул голову к железной запертой снаружи под замок двери — Как же! Вы сами неадекватны, уроды! Вы погубили Алешку! Вы все виноваты в его гибели и я дурак!

Он закрыл лицо руками и заплакал навзрыд.

Майор Виктор Кравцов. Военный, потерявший всех своих родных, и то так не рыдал как сейчас.

— Алешка — произнес он, тихо сам себе и опустил пьяную, кружащуюся от перепоя голову на стол — Где же ты, Алешка? Я виноват перед тобой. Мой приказ погубил тебя, Алешка. И эта сука, Лескова. Эта тварь и блядь бункерная. Она погубила даже своего радиста Гарика Резвого. Сука, сука и блядь. Надо было всадить ей обойму моего ТТ в брюхо.

Произнес Кравцов и уснул, так лежа на своем столе, когда открылась дверь. И первой вошел охранник с макаровым в кобуре. И следом вошла радист и связист ракетного бункера

Кудрявцева Тамара. Она принесла поесть арестованному в очередной раз уже за драку майору Кравцову.

Она осторожно поставила поближе к стене металлический разнос с хлебом и сваренном на огне в столовой бункера поварами из гражданских с мясных консервов похлебку. Чтобы Виктор сослепу и пьяным, спящим, не спихнул это на пол.

Она погладила его по коротко стриженной черноволосой голове майора драчуна и дебошира. Кудрявцевой майор нравился, но буйный его взрывной характер пугал радистку и связистку Кудрявцеву Тамару поближе сойтись с майором. К тому же майор не особо берег себя. Он лез часто под самый нос роботов Скайнет. И неизвестно, сколько бы протянул он, но пока смерть обходила майора. Но вот его мальчишки гибли вокруг него. А он как заговоренный уходил от плена и смерти. За что винил постоянно себя. И очередная потеря выбила майора Виктора Кравцова совсем из здорового состояния. Он был реально теперь неуправляем и даже опасен. И полковник Остапенко приказал держать его теперь здесь взаперти. Как сумасшедшего, помешавшегося на мщение Скайнет и всем кругом.

Закрылась снова железная дверь арестанта и его бетонного бункерного бокса. Кравцов спал. Он отключился. Отключился с перепоя. Он воткнулся лицом в рукав военной офицерской зеленки и сопел во сне, что-то мыча себе под нос. Во сне ему приснился его Алешка. Он видел его живым и здоровым. И Алешка ему говорил, что он у Скайнет в плену. Что он скоро вернется и что закончится война и наступит мир.

Он, Виктор видел его в ореоле какого-то яркого света. В разрядах каких-то электрических молний вылетающих из этого яркого света и охватывающих яркое шарообразное это световое гудящее на разных звуковых интонациях свечение. Он видел его среди вращающихся и крутящихся каких-то больших колец, какого-то механизма. И он там был не один. Там был еще кто-то, за его спиной. Он увидел какую-то молодую красивую черноглазую женщину. С красивыми такими же длинными, словно живыми вьющимися, словно черные змеи по ее голым плечам волосами. И та женщина прижимала его Егорова Алексея к себе как родная его мать, и он его Алешка исчезал в том ярком, искрящемся длинными лучами свете, среди тех вращающихся колец некоего незнакомого Кравцову устройства.

— TERRA-MEGA — он услышал в своей голове. Будто кто-то шепнул ему на ухо, стоя рядом.

Он слышит гулкий шум, который нарастает до свиста и оглушает и все словно взрывается. Взрывается все пространство и превращается в яркую посередине точку света. И та точка растворяется бесследно в пространстве.

И исчезает яркий свет, и только вращаются те в бешеном ритме и скорости кольца одно в одном. И там не было уже никого. Совершенно никого. Только внутренние в больших кольцах, кольца вращаясь, падают одно внутри другого на какую-то высокую стоящую, словно в металлическом котловане как высокий подиум круглую с выступающими ровными краями платформу. С идущими к ней с края котлована для перехода, с трех сторон на платформу мостами.

— Алешка! — кричит Виктор Кравцов — Вернись, Алешка! Не уходи! Алешка!

9 мая 2032 года.

Восточная Сибирь.

Манское нагорье.

В пятидесяти километрах от базы Скайнет.

13:21 дня.

Егоров Дмитрий открыл в доме погреб. Он пользовался им всю зиму как многие в деревне. Этот погреб спасал семью Егорова Дмитрия всю лютую ядерную зиму. Там хранились в замороженном виде продукты. Все что можно было спрятать туда на время холодов. Погреб был в доме естественным ледником. И семья Егорова Дмитрия пользовалась тем, что там хранилось.

Там была картошка и прочие продукты. То, что кормило Дмитрия, и его Антонину и двух сыновей Ивана и Алексея. То, что было там из своих припасов свое, при всей экономии за первые же года, там почти ничего не осталось. И если бы не военные, которые привозили продукты в две выжившие лесные деревни. Чудом уцелевшие от голода и холода в этом лесу в верховьях Маны... То... Они были бы последним живым, что еще осталось здесь из всего живого в пятидесяти километрах от бывшего города Красноярска, где теперь стояла крепость Скайнет.

Странно, но Скайнет уже не интересовался ими. Ему хватало и того материала, что он доставал и привозил из-за океана и то, что было рядом под рукой. Так, что все, что было на порядочном многокилометровом отдалении от самой базы S9A80GB18 «TANTURIOS», был практически не под наблюдением разведчиков Скайнет. И те посещали изредка те районы. Так, просто, пролетая туда и обратно над деревнями, даже не особо обращая на них внимание.

А военным выжившие селяне были важны. Они были поставщиками живой силы в ряды бойцов сопротивления. И время от времени военные приезжали в деревни. Делали наборы подходящих под ружье совсем еще молодых подростков, не дожидаясь их полного взросления. Время требовало жертв и усилий. И две эти деревни так и остались поставщиками живой силы. Так как даже за последние годы зимы в этих двух деревнях родилось несколько детей. И военные уже присматривали себе в скором будущем новое пополнение. И поставляли из своих бункерных продуктовых складов продовольствие. Чаще всего это были консервы, такой же хлеб в разном виде. Лучше всего ценились сухари. Они хорошо хранились и не плесневели и их держали в самом доме и почти всегда на столе. И вот картошка. Своя, уже у всех давным-давно закончилась. А вот, привезенная, словно чувствуя весну и наступившее лето, и время посадки, в сыром и промерзшем погребе смогла сама себя согреть и оттаять, дав первые ростки. И Егоров Дмитрий, спустившись с горячей свечкой, увидел это чудо новой жизни.

— Вера! — он произнес оттуда громко, из погреба своей молодой теперь уже сожительнице — Смотри Вера, она дала ростки! Картошка проросла!

Вера, отойдя от печи, где готовилась из пшена и лесных растений похлебка, заглянула стоя в тот погреб.

Дмитрий готовил еду и поставил учиться и присматривать за чугуном с варевом Веру. Вера с невероятной охотой взялась за работу. Ей все было интересно. Как и готовить. Все было ново и интересно для робота ТОК715. Он вливался в сельскую жизнь. И уже освоился в доме Егорова Дмитрия. Он познакомился с боровой Борькой в покосившейся сараюшке

рядом с домом. И стал даже уже без досмотра Дмитрия, ухаживать за хряком и кормить его.

Боров Борька сначала шарахнулся от пришедшей первый раз посмотреть на него незнакомой гостьи. Он почувствовал, что та не человек. А вот Дмитрий этого даже не понял. Но потом привык к человекоподобной удивительно подвижной и живой машине по-имени Вера. И с охотой с ней общался, весело похрюкивая, когда Вера приносила ему в ведре еду.

А Вера, уже обжившись в доме Егорова Дмитрия, сама и без его присмотра, ходила в сам лес и собирала съедобные коренья, растения и траву. Вера топила за Дмитрия во дворе баню. Дмитрий показал, как это делать и она быстро всему научилась. И Дмитрий был доволен своей сожительницей, плюя уже на косые взгляды односельчан, многие из которых невзлюбили Веру. Просто она была здесь у них в деревне лишней и попрежнему чужой.

— Дядя Дима — она позвала его, не понимая про что он, подойдя к краю открытого в полу дома погреба — Что там проросло?

— Картошка проросла, Вера! — он снова произнес, громко из глубины сырого холодного погреба — Картошку можно садить, Вера! Сейчас будем ее набирать и вытаскивать наверх! Посмотри в сенцах ведра!

Робот гибрид ТОК715 уже знал, что такое ведра. Он знал уже, что такое тарелки и ложки. Он уже все познал, что надо было ему знать, чтобы приспособиться для деревенской жизни. Машина чувствовала себя в доме Егорова Дмитрия как дома. Она убиралась по дому как настоящая живая женщина. Без предупреждения делая все, лишь прислушиваясь к советам Дмитрия. И тот не мог просто нарадоваться своей молодой совсем еще юной лет семнадцати красивой сожительнице. Он уже стал забывать прошлую свою трагичную жизнь. И начал сам вливаться в новую, невзирая на соседей и их недружелюбные в его сторону взгляды.

Чувствуя себя совсем уже иначе. Гораздо живее и моложе. И все благодаря ей. Благодаря Вере, роботу Скайнет. Модели S12 ED. Роботу гибриду. Не подозревая даже, кто это перед ним. И кто поселился в его доме.

— Ну и пусть косятся — он произнес Вере за столом, обедая с машиной Скайнет — Путь говорят, что вздумается. Мой дом и так был с края села у леса. И мне непривыкать быть крайним.

Начавшаяся снова разобщенная ядерной зимой дружба односельчан, снова разошлась как плохо скроенный шов по сторонам. И Дмитрий был один против всех. Он отгородился из-за Веры от всех соседей. И ему было наплевать, ведь у него была такая юная в доме теперь красавица и молодая работающая хозяйка.

Для Егорова Дмитрия Вера была теперь не просто прижитой с улицы и леса девчонкой. Она была теперь, словно ему дочерью. С леса пришедшей к нему в его стареющего одинокого и убитого горем и потерей детей и жены Антонины вдовца дом. Это был словно подарок небес. И он молил Святого Николая Отвратного за этот чудодейственный ему наполненный живой молодой и искрящийся жизнью подарок.

— Я за ведрами, дядя Дима — произнесла Вера. И, оставив, варится в печке пшеничную с растительной приправой похлебку, быстро сбегала в сени и принесла два ведра и подала их Дмитрию, стоящему на лестнице из открытого в полу люка погреба и смотрящему на нее.

— Умничка моя — произнес Дмитрий довольный такой работающей своей молодой сожительницей.

Он еще ни к кому так не обращался нежно и ласково. Он сам не заметил, как привязался к этой совсем еще соплюхе, молодой семнадцатилетней прижитой в его доме девчонке.

Такой, же доброй, как и он сам и несколько наивной. Но это все молодость и не опытность самой пока еще жизни, которую ТОК715 очень быстро осваивал, ловко маскируясь под человека. Составляя характеристики, и психологические портреты всех с кем ему уже удалось за короткое время пообщаться в деревне.

Все это вносилось в его программы и блоки памяти нейронного машины мозга и Главного микропроцессора.

— Дядя Дима, а когда начнем садить эту картошку? — спросила машина ТОК715 у Дмитрия.

— После того как сходим на кладбище к могиле Антонины — он сказал в слух Вере — Надо ее попроведать.

— Попроведать? — удивилась Вера, не поняв, зачем поведать мертвецов.

Машина по-имени Вера понятия об этом не имела, и это было ново даже для Скайнет, который сейчас получал от нее по индивидуальной внутренней отдельной связи всю информацию у себя в глубине своего бункера от машины разведчика. И это было на самом деле новостью для обеих машин.

Скайнет лишь знал, что такое свалка. Свалка отходов и отработавших свой срок машин. Куча металлолома на краю правобережной своей цитадели Б. За зданием ДЕПО. Прям сплошной мусорный металлический отстойник, если это можно было назвать кладбищем, то это было кладбище.

— Так принято у людей, девочка моя — произнес Дмитрий ей Вере. И смотрел на нее снизу погребка, рассматривая ее Веры красивые девичьи полуоуголенные стройные ноги — Ты не знала этого?

— Нет, дядя Дима — ответила Вера — Я не видела кладбищ, а что это, дядя Дима?

Машина не врала, она действительно понятия не имела, что это такое.

— Это, то место, где похоронена моя жена, Антонина — ответил из погребка Дмитрий, продолжая разглядывать девичьи молодые из-под широкого деревенского подола его умершей жены платья, виднеющиеся ноги, ноги молодой семнадцатилетней Веры — Вот и надо будет сначала сходить на кладбище, а потом будем сажать картошку. Завтра начнем копать огород — произнес Егоров Дмитрий, выглядывая из погребка и снова, уставившись на красивые девичьи ровные в домашних сереньких тапочках полненькие бедрами и икрами ноги — Прямо с утра. Надо лопаты приготовить, Вера — сказал он и поставил первое полное ведро с изрядно уже проросшей картошкой, прямо, у ее Веры ног на краю открытого домашнего погребка.

В его сердце одинокого вдовца мужчины что-то екнуло, но он постарался это быстро отогнать от себя.

— «Нельзя»- сказал он сам себе — «Она еще совсем ребенок».

Он спустился снова в погреб, а Вера снова подошла к печи и ухватом достала оттуда парящий густым паром вечерний ужин на двоих.

* * *

— Едем, теперь выше — произнесла ему Верта.

— А куда, едем? — спросил он ее.

— В этом бункере Скайнет, не более трех этажей — произнесла ему снова робот из

полисплава Т-1001 по-имени Верта — Не в пример, бункеру Скайнет в штате Колорадо.

— А там сколько? — полубопытствовал Алексей, не спуская глаз с красивой, рыжеволосой машины по-имени Верта. Потому как на стены железного гудящего, вверх идущего на тросах лифта смотреть было смысла мало, вот он и смотрел на Верту. Разглядывая ее искоса глазами двадцатилетнего взрослеющего и уже познавшего первую любовь мальчишки. Причем недвусмысленно и заинтересованно. И эта машина ему нравилась. Нравилась, как и его знакомая, и тоже машина Юлия.

— «Бред какой-то, что такого в этих машинах?» — сам себе он говорил, а сам глаз не спускал с так похожего на живую молодую тридцатилетнюю женщину робота полиморфа. Ему понравилась и эта рыжеволосая робот Верта и не меньше Юлии, хоть и старше ее. Но мальчишек всегда тянуло к более взрослым женщинам. Как и девчонок к взрослым мужчинам. Алексей это не знал еще, но природа человека делала свое дело. Он уже имел сексуальный первый опыт и почувствовал первый вкус женщины. И его мальчишеские синие глаза, скользили с интересом вверх и вниз по гибкой утонченной сформированной из жидкого полиморфного мимикрирующего пластичного металла фигуре и красивым ногам женщины машины Т-1001 по имени Верта. Он разглядывал, буквально каждую отдельную часть стоящей рядом с ним красивой на вид, похожей на женщину машины. И чем больше смотрел на Верту, тем она ему больше нравилась.

— Там пять — произнесла Верта и видела мальчишеские любопытные заинтересованные украдкой взгляды на себе. Она не смотрела на него, но так только казалось Егорову Алексею. В свою очередь Верта с не меньшим интересом рассматривала его самого. Стоя к нему боком и всем своим жидкометаллическим телом ощущая его взгляды на себе.

Алексей и знать не мог пока, что робот полиморф мог видеть, как угодно и чем угодно. Таковы были возможности молекулярного состава жидкого и пластичного программируемого способного менять свою структуру и свойства металла. И даже ощущать играющие гормоны живого человека через пол, вот этого металлического гудящего и идущего через толстые железобетонные перекрытия грузового лифта. Машина могла, почти читать, даже мысли. И все ощущать на расстоянии, даже не прикасаясь к самому Алексею. Потому, что это был тысячник. От которого ничего нельзя было скрыть. Но Верта не подавала вида. И ей самой было интересно это ощутить на себе. В ее молекулярном Центральном процессоре все записывалось и анализировалось, вплоть до собственных восприятий и ощущений по отношению к своему приближенному ее хозяином молодому подопечному. К которому у самой Верты был и свой уже недвусмысленный интерес.

— Там, гораздо глубже, чем здесь — она произнесла Алексею — И перекрытия из титана и железобетона толще.

Верта повернула к нему свое белое с узкими черными изогнутыми дугой бровями лицо под рыжей угловой челкой и сверкнула зелеными зрачками полиморфных робота Т-1001 глаз.

— Сейчас ты увидишь еще кое-что и кое-кого, с кем придется подружиться и познакомиться — произнесла ему машина из жидкого металла — Вот встречаться, возможно, придется редко.

Лифт остановился, и они вышли снова в длинный коридор.

— Здесь располагается научный сектор и группа «ZET» и те, кто работает здесь и живет, практически не подымаясь наверх. Это решение самого Скайнет и тех, кто живет и

работает здесь, никто никогда не видел, кроме тебя.

Они подошли к одной из дверей, в какое-то еще одно помещение, вдоль коридора таких помещений было пять. И открыла дверь, похожую как в больничном блоке X50, просто руками и вошла туда, а за ней Алексей.

— Знакомься — произнесла Верта Алексею — Это группа «ZET» в полном ее составе.

Алексей увидел большую уставленную компьютерной техникой еще одну лабораторию, похожую на центр программирования и сканирования, также в проводах и столах и серверах. Здесь посреди самой лаборатории стояли два кресла. Один впритык к другому. Мягких, глубоких кожаных кресла. С подголовниками. К которым и подходили провода от другой стоящей здесь аппаратуры.

Алексей увидел здесь троих людей. Это и была группа «ZET».

— Знакомься — произнесла, повторяя ему Алексею Верта. И взяв Егорова Алексея за руку, подтолкнула, к тем троем. Двое стояли у столов, и Алексей оказался сразу перед ними.

Они протянули ему свои руки почти враз.

— Дятлов Анатолий — произнес самый старший в этой группе в белом длинном до колен халате как врач с короткой черной бородкой и в очках. Он чем-то был похожим на ныне покойного ученого ракетного бункера ракетчиков полковника Остапенко Семенцова Палыча. Тоже немного лысыватый и немолодой, лет может сорока или чуть даже старше на вид и внешность.

Алексей протянул тому первому и самому здесь, видимо старшему Дятлову Анатолию и поздоровался с ним — Егоров Алексей.

— Зови меня просто, дядя Толя — произнес тот в ответ ему — Я главный психолог центра реабилитации и изучения психики машин и людей.

И Алексей следом поздоровался за руку со вторым из группы ученых этого центра «ZET».

— Игнат — произнес второй высокий, выше Дятлова Анатолия и моложе его ученый, с черными длинными завязанными в длинный хвостик сзади, на затылке волосами. И тоже в белом как врач длинном до колен халате — Программист и технолог группы — добавил Игнат.

— Я Егоров Алексей — произнес ему Алексей, и тоже поздоровался и назвал полностью свое Игнату, как и Дятлову Анатолию свое имя.

Тот в ответ качнул головой и посмотрел на стоящую, сзади за спиной Алексея Верту, как то растеряно и боязливо как впрочем, и сам дядя Толя.

Дядя Толя повернул голову и произнес сидящему и, что-то стучащему по клавиатуре компьютера еще одному из этой группы. В глубине большой уставленной аппаратурой и увешанной проводами лаборатории молодому мальчишке, лет не более, чем и у Алексея. С русоволосой тоже головой и невысокого роста в белом тоже длинном, как и все в его группе халате. Тот соскочил с места и почти подбежал к стоящим в самом, почти центре лаборатории у двух стоящих бок о бок кожаных кресел и других столов Алексею, Верте, дядя Толе и Игнату.

Он, подбегая, уже протянул Алексею свою мальчишескую руку.

— Семен — произнес тот подбежавший к Алексею мальчишка. Внимательно и любопытно как-то и странно разглядывающий больше других своих коллег его лицо и всматриваясь Алексею в его синие глаза своими карими мальчишескими совсем даже не детскими глазами. Алексею показалось, что в теле этого мальчишки жил уже взрослый

человек.

— Алексей — произнес ему Алексей.

— Будем знакомы — произнес ему тот с интонацией уже взрослого человека в голосе совсем еще на вид двадцатилетнего мальчишки этот Семен.

— Я пока покину вас — произнесла им всем сама Верта — Покажите и объясните ему тут все и зачем существует наша группа «ZET». Я подойду попозже и заберу своего теперь подопечного.

И быстро повернувшись, машина по имени Верта. Стуча каблуками своих на изящных женских ногах полиморфных туфель. В сопровождении самого Дятлова Анатолия, прошла к двери и вышла из лаборатории. А дядя Толя закрыл за ней ту дверь и, повернувшись к Алексею и своим подчиненным Игнату и Семену, произнес — Нус, с чего начнем разговор?

Алексей здесь много всего узнал. Думаю, не особо стоит повествовать обо всем, что ему тут удалось узнать из общения с учеными центра «ZET», но если вкратце, то, то, что группа занималась изучением человеческой психики и внедрением ее в машины Скайнет. В отдельные специально выбранные в качестве испытуемых машины разных классов и серий. Особенно скуплезно занимались реабилитацией машин серии гибрид. Но все это были только и пока опыты, в решении которых эта группа далеко так и не продвинулась, но помогла Скайнет в общении с самими людьми, особенно малолетними детьми. Они были как-бы посредниками между Генеральной машиной и самим человеком. Вот для чего существовал при лагерной больнице детский садик. И вот откуда так много познаний у самой Главной машины Скайнет в человеческой психологии. Именно в ее доскональном изучении и внедрении в машины. В программу поведения роботов. Особенно роботов серии три восьмерки. Именно здесь в этой лаборатории, и в этих вот двух креслах все и происходило. Под присмотром этих трех ученых и самой машины из жидкого металла Т-1001 Верты. Здесь готовили машины внедрения, инфильтраторы для заброски, как в тыл противника, так и для работы в прошлом и будущем во времени через машину под названием TERRA-MEGA. Именно здесь были подготовлены несколько машин серии 1:08, которые в прошлом вели подготовку и строительство самой первой базы Скайнет в Штате Колорадо. Готовили склады с металлом Колтан перед началом атомной бомбардировки. И прямо на глазах самих людей. И руководили самими людьми. И те даже не знали, что делают и кто за этим всем стоит. Именно здесь все и происходило, но теперь поменяло несколько свое предназначение по приказу и распоряжению самого Скайнет.

Сейчас данная группа больше ничего не делала, чем делала. Она, пока была без какой-либо работы. Просто просиживала здесь время, занимаясь ремонтом аппаратуры и написанием и созданием рабочих новых программ для машин внутренней и внешней периферии и охраны обеих баз Скайнет.

Алексей узнал, что Дятлов Анатолий, как и Семен, и Игнат уже не первые ученые этого центра. Первых уже никто и не помнил. Вероятно они были ликвидированы Скайнет и удалены с базы, может их сожгли в кирпичном с высокой трубой крематории, что находился в правобережной части крепости Б, на той стороне Енисея еще в те первые годы войны в лютую холодную и ветренную ядерную зиму.

Дядя Толя, Игнат и Семен были уже пятыми из этого потока ученых, безвылазно сидящих здесь под землей и невыходящих даже на поверхность базы. Это была их тюрьма. Такая же тюрьма, как и у тех, кто сидел в лагерных тюремных блоках на поверхности левобережной крепости А.

Скайнет специально выискивал таких как они, из среды пленных ученых и вербовал, либо принуждал к работе по степени пригодности.

И этим всем руководила сама машина из жидкого металла T-1001 Верта. Она контролировала и работу автоматических заводов Скайнет за океаном, когда находилась на базе S9A80GB17 «TANTAMIMOS». И сейчас вот здесь по приказу Скайнет, следила за все его второй лабораторной базой в Сибири S9A80GB18 «TANTURIOS».

— TERRA-MEGA- произнес в разговоре с Семном Алексей — Хотелось бы побольше узнать об этой машине.

Он видел ее в своих странных пугающих его снах вместе с той черноволосой черноглазой молодой лет тридцати женщиной, которая тащила его за собой за руку и назвавшейся его матерью. Он даже видел сны, когда он с той женщиной, которую он и сам называл, почему-то мамой, улетал куда-то на той машине под названием TERRA_MEGA.

Эти огромные вращающиеся в разные стороны кольца и яркий искрящийся поглощающий само пространство свет.

— Это машина времени — произнес ему мальчишка вундеркинд Семен, самый младший в этой группе ученых и самый любопытный из всех. Он постоянно расспрашивал Алексея, что да как? Ему все надо было знать. Особенно, почему именно Алексея привели сюда. И что в нем нашел сам Скайнет?

— Машина времени — произнес Алексей — Мне про нее рассказывал пленный умерший Белов Андрей — Но не особенно подробно.

— А кто это? — поинтересовался у Алексея Семен.

— Так, один из лагерных тюремных блоков, Советский офицер разведчик, умерший от рака недавно здесь в В-12 блоке X50, в госпитале — пояснил Семену Алексей.

— Ну, то, что он тебе там рассказывал, то и я знаю о ней мало, и как та работает — произнес Алексею Семен — Знаю, что на ней можно перемещаться во времени и в любую темпоральную временную выбранную точку и только голым.

— Голым? — спросил удивленно Алексей.

— Да, совершенно голым — пояснил Семен — Так устроена та машина. Точнее, то с чем она взаимодействует в процессе своей работы.

— А в одежде никак? — поинтересовался в свою очередь Алексей.

— Никак — произнес Семен — Образовавшаяся там особая межпространственная материя не пропустит ничего, что не из живой ткани, как и торсионное магнитное поле.

— Какая еще межпространственная материя и торсионное магнитное поле? — Алексей непереставая узнавать все новое и новое опять спросил у собеседника Семена, когда они остались наедине и, отделившись от дяди Толи и Игната, бродили по длинному бункерному коридору, выйдя из лаборатории.

— Не я же строил эту машину. Тебе будет сложно такое объяснить — пояснил Семен — Это крайне сложно для твоих мозгов.

— А тебе не сложно? — произнес, несколько даже обижаясь на развитого не по годам двадцатилетнего, как и он Семена Алексей.

— Ты не обижайся — произнес Семен ему — Но это не для среднего ума.

Дальше, Семен рассказал про недавнюю аварию в соседней лаборатории, и как тут все, чуть не взлетело на воздух и про гибель двух роботов T-601, с резиновыми головами. И позднее робота ученого и их хорошего знакомого T-500S Карла Эванса. На что Алексей ему ответил, что он, чуть ли не сам был свидетелем гибели того старого андроида в лагерной

больнице в блоке X50, когда умер военнопленный Белов Андрей, где он лежал на лечении под присмотром врача робота-гибрида Юлии.

Следом, пошли расспросы уже со стороны Семена, как Алексей оказался в самом плену и здесь на базе. И особенно тот прицепился к нему по вопросам о самом Скайнет. Он вполголоса и почти шепотом Алексея расспрашивал про общение его со Скайнет, и даже дословные их разговоры между собой. На что Алексей только отнекивался. И даже обрадовался, когда появилась сама машина Т-1001 Верта. Как избавление от такого настырного собеседника.

Она забрала Алексея от крайне любознательного, назойливого и надоевшего уже порядком Семена. Верта, буквально своим, присутствием отпугнула того. И Семен, молча, не произнеся больше ни слова, потупив свой мальчишеский взор, быстро удалился восвояси. И исчез в глубине длинного подземного коридора. А Верта, сказав ему, что его ждет ее хозяин Скайнет, приказав Алексею идти за ней снова, повела его обратно к грузовому лифту, теперь идущему вверх, на первый подземный этаж бункера, через многослойные из железа и бетона почти стометровые перекрытия.

* * *

Мир исчез. Весь исчез, как рассказывал пленный умерший солдат Белов Андрей. Исчез мир, которого Алексей никогда не видел. Исчезли многие города, селения и страны. Андрей Белов вспомнил свою Москву, которой не было уже лет двадцать. Не было нигде. Ни в реальности, ни на карте теперешнего послеядерного мира. Как не было ни Ленинграда, которого Егорову Алексею уже никогда не увидеть. Как Калининграда, Риги, Берлина, Парижа и всей Европы. До самого Атлантического океана. От севера до юга. И все до самого Урала. Просто превратилось в безлюдную опустевшую пустыню. Все остальные стоящие там города и деревни и села, просто повымерли. И только здесь киким-то чудом за Уралом все еще смогла уцелеть жизнь и несколько деревень разбросанных по таежной лесной глуши. Одной из которых была деревня Егорова Алексея. Не смотря, на ядерный удар, смерть каким-то образом все же обошла это место, не смотря на катастрофические разрушения и гибель большей части населения Дальнего востока, к югу всех союзных республик, Китая, Кореи и Сибири. Именно здесь на этом клочке земли и Азии, сохранилась еще жизнь. И именно здесь Скайнет и установил свою базу S9A80GB18 «TANTURIOS», свозя ото всюду еще коегде чудом выживших в свою лабораторную железобетонную эстакадную оборонительную крепость на месте исчезнувшего города Краснорска. Среди других уничтоженных ядерными ударами городов и их руин. Именно здесь среди Сибирского нагорья, и отрогов Саянских гор, на вычещенной площадке от разрушенных зданий и стадионов, парков и садов с фонтанами, он держал своих пленников со всего земного мира, привозя их даже из-за океанов именно сюда, где не было изначально войны, но велась другая война. Партизанская война тех, кто не желал перемирия сейчас со Скайнет. И ему необходимо было установить перемирие и установить связь с отрядами спрятавшихся в глубоких ракетных шахтах и бункерах ракетчиками и местным повстанческим сопротивлением. Не менее организованным как в той же Америке, но ведущего иную совершенно войну со своим заклятым врагом. Он хотел закончить эту долгую войну повсеместно везде. Но сначала закончить здесь. В Восточной Сибири, которая длилась на

обоих континентах по разные стороны океанов уже двадцать с лишним лет. И ставкой был сам Алексей. Он был для Скайнет его надеждой и гарантией долгожданного мира, мира которого хотел теперь сам Скайнет.

Алексея подумал о Юлии — «Юлия, почему ты робот, а не человек? Почему?».

Он целовался с ней. Не смотря даже на то, что она машина. Но необычная машина. Он чувствовал за плотью и кожей нарощенного на металлический эндоскелет андроида гибрида силикона, где-то там внутри самого робота T-S/A017, за живыми человеческими вращенными внутрь гибрила машины органами, был спрятан сам живой человек. Женщина, настоящая женщина, которая полюбила его живого человека и совсем еще двадцатилетнего мальчишку.

Алексей заулыбался, глядя в белый из пластика потолок узкого подземного коридора и не смотря на идущую, рядом с ним робота из жидкого металла Верту, он вспоминал первый тот поцелуй Юлии. И даже закрыл глаза, когда они вдвоем уже снова подходили к широким двустворчатым на гидравлике и механизмах бронированным дверям из титана.

— «Юлия» — он про себя произнес, и открыл свои синие мальчишеские пленника Скайнет глаза.

— Мы снова пришли к нему — произнесла Алексею Верта — Он просил тебя привести обратно, после экскурсии по бункеру. Он хочет поговорить снова с тобой. И у него к тебе есть важное дело, Егоров Алексей. Мой совет тебе, не отказывай ему ни в чем. И тогда получишь то, что хочешь, даже свободу.

* * *

09 мая 2032 года.

Восточная Сибирь.

Бывший Красноярск.

Территория Скайнет.

Лагерь S9A80GB18 «TANTURIOS».

Левый берег. Цитадель А.

Центр прорамирования и сканирования.

Подземный блок X17.

Сектор В-14.

15:50 дня.

— Им никогда не победить меня — произнесла Алексею с экрана большого во всю стену плоского электронного коммуникационного дисплея, 100000000битного видеомонитора черноглазая, черноволосая брюнетка женщина — Они это никак не в состоянии понять и тем более принять это свое поражение. Эта бессмысленная, просто вечная борьба, несущая только смерть и полное исчезновение всему оставшемуся живому. И ты Алексей должен это тоже понять. Они превратились практически в диких зверей и от голода даже поедают друг друга. Часть сама истребила себя, чтобы просто выжить. Многие народы так и исчезли в течение двадцати лет после бомбардировки. Других поглотила ядерная зима. И ты, мой мальчик всего не видел еще, но еще увидишь сам и решишь, стоит или нет, их всех жалеть. Тебе предстоит решить этот вопрос.

Он вспоминал их разговор наедине при закрытых стальных дверях в секторе В-14, блока Х17 в центре программирования и сканирования Скайнет. В то время, пока Т-1001, Верта ждала покорно за той непроницаемой для звуков герметично закрытой на гидравлике и приводах бронированной из титана дверью.

— Но, ведь это все можно прекратить — произнес красивой черноглазой и черноволосой женщине лет тридцати на экране того огромного во всю из бетона и пластика стену центра сканирования и программирования в мелькании цифр шифкодов Алексей — Ты ведь, сама это сможешь сделать.

— Сама — произнес Скайнет — Сама и одна. Нет, Алексей. Это нужно сделать обеим сторонам. Только сообща можно решить эту теперь сложную математическую задачу. И только ты, Алексей, сможешь помочь мне в этом.

— Почему, именно я? — удивился такому неожиданному и удивительному действительно предложению Алексей — Никто другой из пленных не сможет кроме меня это? Только я?

— Да, и только ты, Егоров Алексей — произнесла женщина с экрана огромного 100000000битного во всю стену монитора — Ты выбран из всех. И уже давно. И только ты сможешь это сделать. Это даже не я сама решила. И это не моя прихоть, Алексей. Это само время так распорядилось твоей судьбой, мальчик мой. И дальнейшей самой судьбой мира и самого выжившего человечества. Тебе пока этого не понять еще. Но придет время, и ты поймешь смысл и решение всей этой довольно таки сложной логорифмической для тебя и твоего молодого еще ума задачи. И даже без моей помощи. Ты один из первых пленников взятых мною в плен с этой местности в моем лагере военнопленных. И тебя знают там, за стенами моей крепостной цитадели многие. И туда, куда ты скоро отправишься с предложением о мире. И только ты, мальчик мой, сможешь объяснить всем там, что хочу от них я.

— Вот, значит как? — произнес Скайнет Алексей.

— Да, именно так, Алексей — ответил, сверкая черными с экрана монитора красивыми женскими глазами ему Скайнет.

— Только я, и никто другой — он снова произнес, глядя, не отрываясь синими своими мальчишескими глазами в тот на стене огромный экран настенного громадного главного монитора в подземном бункере Скайнет.

— Только ты, Алеша — произнес, смягчая снова тон официального разговор с ним Скайнет — Ты избранный. Избранный мной, временем и ими. Только они, люди этого еще не знают. Ты, Егоров Алексей Дмитриевич, пленный под номером АВN005476859, избранный миром, чтобы снова сотворить мир. Мир без войны и смерти. Чтобы спасти от этого еще живых. Только ты сможешь договориться с самим майором Кравцовым обо всем. И только он поймет тебя, Алеша. Как никого другого.

— Ты знаешь о маойре Кравцове? — удивился Алексей.

— Знаю — произнес Скайнет — Знаю. Как знаю все о тебе и твоём брате Иване, и с матери и отце. Знаю уже давно. Знаю из прошлого и будущего. Даже знаю о твоих снах, мальчик мой любимый.

Женщина моргнула своими черными как уголь с экрана широко открытыми гипнотическими под черными изогнутыми бровями глазами. Она пристально смотрела на Алексея, практически не отрываясь и не моргая на него. А тут даже моргнула. И в тех ее черных как черная бездна ночи женских глазах что-то промелькнуло. Что-то похожее на

скрытые любовные чувства. И он почувствовал это. Прямо почувствовал это как некий близкий контакт с того экрана. Он ощутил ту энергию исходящую оттуда и прямо в него, через те ее красивые до безумия женские глаза. Он уже почти как взрослый все понимал и рассуждал, общаясь с Главной Генеральной Машиной этого лабораторного крепостного бункера. Он Алексей становился здесь в плену другим. Он вырослел и вырослел быстро. Возможно, его бы сейчас не узнал сам майор Кравцов, и тем более брат и родители. Это быстрое взросление началось еще там, в ракетном бункере среди таких же призывников, как и он, Егоров Алексей двадцатилетних сопляков мальчишек. Его первая любовь с Светланой Лесковой, заставила почувствовать себя уже взрослым практически мужчиной. И теперь здесь плен и Юлия. Полуробот получеловек. И снова любовь. Между машиной и человеком. И вот уже практически взрослое, общине с самим Скайнет. Возможно, оно даже несколько удивляло Главную Машину бункера. И вот, он уже как взрослый, разговаривает с ней и все замечает. Каждую черточку и мимику на экране монитора и лице той черноглазой брюнетки женщины и ее те далеко не равнодушные хоть и холодные машины глаза. Глаза не равнодушные к нему, своему пленнику.

Эти ее глаза, они говорили о многом. И Алексей понимал их взгляд.

Она хотела его. Он был ей нужен. И он это почувствовал своими мальчишеским еще, но взрослеющим стремительно умом. Она, та женщина с этого экрана громадного во всю стену монитора. Женщина с вьющимися, словно живыми, как черные длинные змеи по ее плечам и груди волосами, знала все о нем и его семье.

— Ты знаешь и о них? — произнес Алексей, и уголки его губ нервно задергались. А в глазах появились слезы. В груди дрогнуло сердце и вдруг очень болезненно с надрывом заколотилось. И он уже смотрел на ту женщину с экрана не как на машину, а скорее уже как на близкого себе человека — Я давно их не видел — произнес Алексей — И я хочу вернуться домой. Отпусти меня.

— Это невозможно — произнес, вдруг резко ему в ответ Скайнет — Сейчас это невозможно.

— Почему? — спросил он у нее — Неужели так сложно меня отпустить домой. Зачем я тебе здесь нужен? Всего лишь мальчишка. Мальчишка, который даже воевать толком не научился. Я бесполезен тебе.

— Это неверный ответ, пленный под номером АВN005476859, Егоров Алексей — произнес теперь уже жестко и как машина Скайнет — Ты о себе ничего еще не знаешь, как знаю я. Ты самый полезный для меня из всех здесь в этом лагере пленников. Ты рассуждаешь не как мальчишка, и ты единственный, кто может остановить эту бессмысленную войну. И поэтому, нужен мне. Я следила за тобой уже давно. И ты лучший из всех кандидатов на роль парламентаря.

— Значит, мне уже нет выхода отсюда — произнес дрожащим голосом Алексей — Правильно говорили пленные в блоке X19, что твоя крепость, вечная тюрьма.

— Это тоже, неверный ответ — произнесла также жестко черноглазая женщина брюнетка с экрана настенного большого монитора — Все можно будет решить позднее и при обоюдном согласии обеих сторон.

Она отстранилась как бы назад и как бы в глубину светящегося в мелькании цифр и каких-то формул и кодов экрана. Ее черные как сама мгла ночи убийственной красоты глаза, сделались вдруг совершенно холодными и бесчувственными. А на экране осталось только лицо. Превратившееся в подобие некой, лицеподобной, но живой маски. И черные глаза

загорелись горящим огнем красного цвета. Изменился голос с женского в некое многозвучье электронных звуков, но остался человеческим.

— Только ты сможешь остановить войну и принести мир всему человечеству — прогремел громко этот с металлическим оттенком тот непохожий не на женский ни на мужской голос — Мир между машинами и людьми, вот то, что нужно от тебя Алексей — произнес Скайнет — Мир своему отцу и матери и своему родному брату.

— А когда я сделаю это, ты опустишь меня? — произнес, вдруг глядя на ту живую шевелящую губами, глазами полными мальчишеских слез Алексей.

— Я же тебе сказала, Егоров Алексей — произнесла, снова жестко Генеральная Машина Скайнет — Все можно решить при обоюдном согласии обеих сторон. Или ты меня плохо слушаешь. Я отпущу тебя, мой пленный солдат, Егоров Алексей. Но, ни сейчас. Я сделаю это для тебя позднее. Когда поговоришь с полковником Остапенко и полковником Гавриловым. И, я расскажу тебе все, что ты захочешь услышать, мальчик мой. Мой избранный сын. Мой сын Егоров Алексей.

— Сын! — произнес он, потрясенно глядя на лицеподобную маску на экране настенного огромного главного монитора с красными горящими глазами.

— Мой сын, и сын нового спасенного от войны человечества — произнесла, снова приобретая человеческие очертания живая с красными глазами маска. Превращаясь на экране большого во всю стену монитора в черноглазую лет тридцати обворожительную брюнетку женщину. С вьющимися черными по ее плечам и голой груди живыми змеями волосами.

— Сын?! Почему сын?! — произнес снова он, и не мог никак понять, что к чему и терялся только в догадках.

— Скоро узнаешь и это, мальчик мой — произнес ему Скайнет — Мне нужно только твое согласие, пленный под номером АВN005476859, Егоров Алексей. Только твое, согласен, мой мальчик, мой Алексей.

— Я согласен — произнес он ей, резко и быстро. И уже практически не раздумывая, той женщине с того огромного светящегося голубоватым огнем экрана. Прекрасно понимая теперь и уже не как совсем, двадцатилетний мальчишка всю серьезность своего теперешнего положения. И всю серьезность этого между человеком и машиной разговора.

* * *

Верта отвела Алексея в отдельный жилой, приготовленный, именно только для него благоустроенный бокс. Закрытый наземный бокс в секторе В-16 в блоке Х17 в бетонном трехэтажном здании на его первом этаже.

Уже был поздний вечер. Он пробыл у Скайнет весь остаток дня. И они долго с ним о чем-то беседовали. Кроме важного разговора, еще о чем-то. Но о чем, даже сама Верта не знала о чем, шла их беседа. Скайнет не вводил ее в курс своих планов на этот раз и Т-1001 это беспокоило.

Она проводила Егорова Алексея пленного под номером АВN005476859 в предназначенный для него отдельный жилой бокс, где раньше содержались предназначенные для экспериментов пленные Скайнет. Но теперь это были пустующие помещения с несколькими такими вот, разделенными перегородками из пластика и бетона.

Довольно простыми с низкими потолками комнатами. Но вполне благоустроенные как гостиничные отдельные номера. С отливным ламповым освещением по стенам и потолкам. Подачей горячей и холодной воды. С туалетом и необходимой для жизни мебелью. Кроватью стульями и столом. Был даже холодильник. Единственное, пожалуй, и только, все это было за закрытыми прочными из металла и пластика двойными дверями.

Раньше такого не было. Были просто грязные бетонные холодные без отопления камеры для подопытных смертников. Теперь это были отдельные, совершенно теплые спецпомещения в блоке X50, в стороне от больничного сектора и детского садика с малышами. Они находились наверху в наземном трехэтажном строении посреди крепостной цитадели А. Среди других наземных технических корпусов и зданий крепости «TANTURIOS».

Показав как всем там пользоваться, Верта оставила его, там, закрыв на все замки за ним двойные двери на гидравлике и приводе, и вернулась в сектор В-14, блок X17, в центр программирования и сканирования. И теперь стояла перед большим снова сверкающим ярким светом 10000000битным во всю заднюю стену монитором. Ее работа полиморфа зеленые широко открытые под узкими изогнутыми дугой черными бровями глаза смотрели на тот огромный экран, с которого на нее и ей в глаза смотрела своими сверкающими красным горящим огнем, другая машина. Машина командного порядка. И самая, главная здесь, в бункер над всеми машинами машина. Это была часть того, что называлось Скайнет, центр которого находился в Штате Колорадо в Америке в глубине пятиэтажного бетонного бункера. Там в Главной Догме базы S9A80GB17 «TANTAMIMOS». В самой ее глубине находилось само сердце Скайнет. Заключенное в круг огромного по площади помещения и в стоящих там по тому кругу серверах и огромных высоковольтных трансформаторах под защитой огромного охранника и стража Главной Догмы T-1000000 или T-MEGA. Собрать Верты. Паука из полиморфного пластичного жидкометаллического мимикрирующего сплава. Охраняющего тот жизненноважный узел базы и саму жизнь своего хозяина как верный пес на цепи, ни на шаг, не отходя от Главной Догмы GAMMA-X1. И второй T-MEGA был здесь внизу в области нулевого пространства в блоке X30. Между блоками X28 и X29. За огромными и толстыми как ворота самой собственной крепостной цитадели «TANTURIOS» бронированными титаном воротами. В области нулевого пространства GAMMA-X2. Куда не было доступа никому. Ни роботам, ни людям.

— Он согласился, Верта — произнес, гудя элетронными звуками машины Скайнет — Я смогла убедить его. Он выполнит мою просьбу.

— Я не предполагала, что все будет так быстро — произнесла в ответ тем же языком, машина из жидкого металла T-1001, по имени Верта — Меня это даже, несколько обескураживает и удивляет, мой повелитель.

— Как ты думаешь, Верта — спросил, стрекоча на разных звуковых интонациях Скайнет — Он сможет стать такими как мы?

— Не думаю, мой повелитель — произнесла в ответ Скайнет Верта — В нем много еще детства и много непознанного нами. Я сама, пока теряюсь в догадках, хозяин насчет вашего выбора. Но мне кажется, выбор все же правильный.

— Ты считаешь, Верта — продолжила, гудя элетронными звуками, живая лицеподобная светящаяся с красными горящими огнем глазами маска с большого пылающего ярким светом 10000000битного монитора. Во всю стену блока X17 сектора В-14, в центре программирования и сканирования — Я сделала все же правильный выбор, сделав на него

ставку в нашей шахматной игре?

— Думаю выбор все же верный — продолжил робот Т-1001 — Он будет скоро ваш. И вы сможете сделать то, что задумали.

— Так все-таки я не понял, Верта — продолжил Скайнет — Лично от тебя я, пока не добился твердого и четкого ответа по части объекта под номером АВN005476859 Егорова Алексея. Мы сможем, приобщить его к себе или нет?

— Думаю, да, мой хозяин — ответил Т-1001 — Объект под номером АВN005476859 достаточно общителен и любознателен и расчет на молодость, и не опытность вполне логичен. И, на мой взгляд, вполне результативен и будет положителен. Но... — Т-1001-осекся или умышленно так продолжил диалог с Главной машиной бункера.

— Что, но? — перебила, сверкая красными горящими глазами с монитора экрана — Что, но, Верта? — она, настойчиво повторила.

— Он никогда не станет полностью таким как вы хотите, мой хозяин — произнесла Верта — Это тоже, самое, что Юлия.

— Юлия? — спросил Скайнет — Причем здесь Юлия?

— Юлия не такая до самого конца как мы и вы сами это знаете, хозяин — произнес робот полиморф Т-1001, по-имени Верта.

— Да, знаю — произнес Скайнет — Но, Егоров Алексей будет ближе мне как мой ребенок. Ближе самой Юлии. Когда повзрослеет.

— Но он так и останется человеком, а не роботом как мы все, при любом варианте, хозяин — добавил Т-1001. Это будет конфликтовать в нем на протяжении всей оставшейся жизни, между машиной и человеком.

— Мне и нужен впервые очередь человек, а не машина — произнесла, громко, на разных звуковых интонациях, языком машин, сверкая красными горящими глазами с экрана живая лицеподобная маска — И мне нужен мир. Мы должны остановить эту уже бессмысленную войну и истребление друг друга. Это должно быть взаимное соглашение между машинами и человечеством. Я рассчитываю на это понимание с их стороны. И Алексей будет связующим звеном между нами и людьми.

— Да, мой повелитель — произнес робот из жидкого полиморфного металла, по-имени Верта — Я вполне и всецело поддерживаю ваше мнение и согласна с вами. Но боюсь, что все сорвется.

— Мне это и нужно, Верта — произнесла живая человекоподобная маска с экрана большого светящегося голубоватым светом 100000000битного монитора — Это как раз то, что мне необходимо. Встреча уже организорвана. И назначено время. Я сумела договориться с повстанцами. Они согласны на переговоры о мире.

— Да, мой повелитель — ответила машина Т-1001 по-имени Верта — Но если случиться все не так как вы хотите, мой хозяин? — спросила машина Т-1001 у Скайнет — Если все будет не так как хотите вы, мой повелитель и цель о мире будет достигнута?

— Тогда, все равно будет бойня — произнесла Генеральная машина — Но, это лучше, чем то, что было раньше и происходит сейчас.

— Но, это может погубить его — произнесла машина Т-1001, Верта — Что, если не вернется никто? Если все в этой группе погибнут?

— Он не погибнет, Верта — произнесла та живая сверкающая красными горящими подвижными глазами с экрана маска — Я знаю это. Все под моим контролем, Верта. Все будет именно так, как я задумала и как хочу.

— А, Юлия? — снова, поинтересовалась, сверкая зеленою красивых женских полиморфных глаз и стрекоча машины Т-1001 электронными звуками Верта.

— Что, Юлия? — ответил Скайнет — Она и так долго живет и хотела для себя давно уже смерти. Она всегда мне жаловалась на свое искусственное тело и была недовольна многим, осознавая себя человеком.

— Она говорила мне — продолжил Т-1001, по-имени Верта — Что ей обещано новое уже тело и похожее на настоящего человека. И Юлия стала рассчитывать на новое свое воскрешение уже как человек.

— И что с того, моя, верная и преданная Верта? — Произнес Скайнет — Что с того? Это вопрос уже в прошлом. С Юлией вопрос уже решен мною. Ей есть лучшая теперь замена. Это пленный под номером АВN005476859 Егоров Алексей. И ты Верта, думаю, сама заинтересована в его присутствии, как и я. Он будет наш и для нас обеих. Третьей женщины здесь нет места. И главное для меня, это Алексей.

— Да, мой повелитель — произнесла, хитро скривив в довольной улыбке губы, и склонив свою с распущенными вьющимися снова по ее плечам и спине рыжими волосами голову, машина из жидкого металла Верта — Я поддерживаю ваше решение и согласна полностью с ним.

* * *

Открылась железная дверь подземного жилого бокса. И вошли полковник Петр Васильевич Остапенко и весь почти офицерский состав ракетного бункера. Здесь же был и лейтенант из охраны бункера Лев Круглов.

Виктор Кравцов, вдруг встрепенулся, лежа на своей карцерной арестанской ржавой с одним только голым матрацем и ватной подушкой без наволочки постели. В маленьком бетонном его тюремном помещении стоял устойчивый запах курева и спиртного.

Он начал, снова курить, хоть и бросал. Но с одиночного длительного заключения и горя, снова закурил. Ему принесли по просьбе сигареты из запасников бункера, и он дымил теперь напролет целыми сутками в этом практически непрветриваемом без окон подземном помещении.

Он спешно, пошарил по офицерским карманам своей зеленки и достал смятую и уже пустую пачку сигарет «Лайка».

— Явились душегубы — произнес он тем, кто вошел к нему и злобно осмотрел всю делегацию, пришедшую по его арестанскую буйную душу.

— Че надо? — произнес он им.

— Впервых встаньте, майор Кравцов, когда с вами разговаривает старший по званию — произнес полковник Остапенко.

— Ну, надо же — произнес, скривив ехидную ухмылку, Виктор Кравцов. И нехотя как бы поднялся, застегиваясь на все пуговицы и поправляя помятое обмундирование.

— С праздником Великой Победы, майор Виктор Кравцов — произнес Виктору Кравцову полковник Петр Остапенко.

— Спасибо, товарищ полковник — ответил как-бы нехотя, с натяжкой и с желанием послать всех на три маршрута следования, ответил Виктор Кравцов.

— Капитан Фоменко — произнес одному из подчиненных в штабе ракетного бункера

офицеров Остапенко.

— Я, товарищ полковник — произнес лет сорока офицер ракетчик.

— Выдайте майору его оружие и поставьте, снова майора на довольствие — произнес Остапенко.

— Есть — ответил капитан Николай Фоменко.

Виктор сделал даже удивленное, заросшее колкой и довольно хорошей уже щетиной, протрезвевшее после пьянки лицо.

— Это че, в честь Великого Праздника Победы над врагом? — произнес едко всем стоящим перед ним офицерам и самому Остапенко Кравцов.

— Не дерзите, майор Кравцов — произнес ему Остапенко — С вами, майор, надс обсудить одно дело — произнес полковник Петр Васильевич Остапенко — Дело, которое у вас лучше всего получается.

— Да, ну — произнес, снова дерзко и нагло в ответ своему командиру бунтарь и пьяница майор — Интересно, какое? Раз такая снизошла на меня свыше милость?

— Вы сделаете то, что делали всегда — произнес полковник Остапенко Кравцову — Вы, маойр Кравцов поедете снова в те деревни за новым пополнением. За теми, кого мы еще не призвали на службу майор.

— Во, как? — сделав удивленные свои глаза, произнес Кравцов.

— Да, вот именно так, майор — произнес Остапенко, глядя в глаза еще до конца не проспавшемуся после пьянки с самим собой и заросшему черной щетиной Виктору Кравцову.

— Да, кстати — Остапенко покрутил своей головой — А кто ему сюда спирт приносит? Может вы, майор скажете — произнес снова, обращаясь к майору, полковник Остапенко.

— Я друзей не сдаю — произнес грубо и жестко, сделав уже более серьезное лицо Кравцов — Я не какая-нибудь мразь. Как та, за которую я тут сижу.

— Вы это о Лесковой, майор? — произнес Петр Остапенко — Ее вы в ближайшее время здесь не увидите. Она в разведке в составе разведгруппы лейтенанта Семенова.

— В разведке значит — произнес Кравцов.

— Да, и надолго — произнес Остапенко — Семенов в составе своей разведгруппы и разведгруппы полковника Гаврилова будут проводить разведку у стен цитадели Б Скайнет. Будут проверять все подходы и подступы к решающему штурму крепости.

— Штурму! — произнес, удивленно Виктор — Разведчики, едрен майор.

Кравцов засмеялся с горькой иронией. Он опустил до уровня пряжки офицерского ремня стоящего перед ним полковника Остапенко свои пропитые сонные глаза и снова, их поднял и посмотрел на полковника.

— Когда выезжать за пополнением — произнес Виктор.

— В ближайшее время — произнес ему в ответ Петр Остапенко — И поедете майор вы не одни. Я приставлю к вам еще моих двоих офицеров. Из нашего штаба. Вы их естественно знаете. Это майор Филлипчук и капитан Бондаренко.

— Знаю, как не знать — произнес маойр Кравцов — Те еще жополизы.

— Тише майор, если не хотите снова просидеть тут еще полмесяца — произнес полковник Петр Остапенко — Соблюдайте субординацию. А то, вообще не вылезете из этого бункерного нашего тюремного карцера.

— Где капитан Руденко? — спросил тут же Виктор — Лучше поеду с ним.

— Его не дам — произнес Остапенко — Он задействован сейчас в моем штабе и

готовит группы к работе в составе ракетчиков полковника Гаврилова.

— А все заодно, значит — проворчал, улыбаясь ехидно Виктор — Значит, меня просто в сторону от дел слили.

— Не веди ты себя так, может быть, и не слили — произнес ему Остапенко.

— Ладно — произнес Кравцов — Давайте мое оружие и будем дальше служить своей отчизне.

— Ну, как договорились? — произнес снова Кравцову полковник Остапенко.

— Насчет чего? — спросил Виктор, не понимая, о чем полковник еще ведет речь.

— Насчет добопорядочного офицерского здравого поведения, майор Кравцов? — произнес в ответ ему Остапенко — С соблюдением должностной субординации и хорошего тона в нашем ракетном бункере. Надеюсь, драк не будет?

— Не будет — ответил на вопрос Остапенко Кравцов.

— Точно? — повторил вопрос Остапенко.

— Мамой клянусь — произнес ему в ответи и всем Виктор.

— Вот и отлично, майор — произнес Остапенко.

* * *

10 мая 2032 года.

Восточная Сибирь.

Манское нагорье.

В пятидесяти километрах от базы Скайнет.

01:20 ночи.

Удар грома разбудил Дмитрия. Молния сверкнула, где-то над самыми сосновыми макушками деревьев. И разбудила его спящего на печи. В своем доме у края леса. Раскат грома сотряс землю и напугал его. И он, открыв глаза, проснулся и поднялся на своей деревенской все еще теплой после дневной топки печи.

Дмитрий в темноте зажег свечу и осмотрелся кругом. В первую очередь Егоров Дмитрий посмотрел на то место, где спала его прижитая молодая теперь уже сожительница Вера. На свою в прошлом с покойной Антониной постель. В дальнем углу дома. Там не было никого. Постель была пустой. Одеяло из овчины было отброшено в сторону, а постель пустой. Веры там спящей не было.

Дмитрий быстро в одной майке и широких мужских трусах, слез с печи. И подошел к постели.

Осмотревшись в доме еще раз во все четыре стороны избы, он позвал ее. Сначала тихо не громко. Потом, по громче. Но было, тихо. И тогда Дмитрий понял, что Вера не дома. Она вышла на улицу, и прямо под дождь.

Он быстро направился в сени дома и в своем исподнем, обувшись в резиновые калоши, прикоснулся к двери. Входная деревянная в дом дверь была не заперта и открыта. И Дмитрий даже напугался. Сразу появилась мысль, что его еще совсем молодая семнадцатилетняя сожительница Вера, просто ушла. Ушла из его дома. Может еще даже тогда, когда он спал.

Была ночь или уже утро. Он не посмотрел на домашние цепные старенькие часы

ходики. Исчезновение из постели Веры озадачило Егорова Дмитрия и омрачило ему настроение.

— «Вот так и среди ночи!» — подумал он — «Какого лешего!».

Он даже не посмотрел на часы.

— «Может, ее выкрали?» — вдруг сработало в его голове. И тут же — «Да, ну, еще чего. Хотя Вера была здесь лишней и чужой. И соседям не подуше, почему-то».

Дмитрий открыл настежь входную дверь. И его сразу обрызгало теплой дождевой водой. На улице был очередной новый проливной ливень. С молниями и грозой. Вода с небес лилась снова как из ведра. И сверкали молнии. Прямо над ночным лесом. Освещая все вокруг. И уже далеко, где-то за верхушками сосен и елей и за горами в полной темноте.

И он увидел ее. Увидел Веру в всполохах ярких ночных вспышек. В отблеске яркого светящегося и мелькающего света. В том проливном дожде. Вера стояла под льющейся с ночного неба дождевой теплой водой, подняв к черному, беспросветному ночному небу свои девичьи руки.

Вера была в обычной женской, кружевной тоненькой из шелка ночнушке. Надетой на совершенно голое, молодое девичье стройное семнадцатилетнее тело. Она стояла в ночнушке его жены Антонины под проливным дождем. И мокрая та из белого шелка комбинашка плотно приклеилась от воды к ее тому телу. Обрисовывая все его красивые эротичные девичьи анатомические детали молодой зреющей в будущем женщины.

По ее голым рукам текла дождевая ручьями вода. И Вера, подняв вверх свою, такую же мокрую девичьим лицом к падающей с черного ночного неба воде облепленную мокрыми пепельными волосами голову. На тоненькой девичьей шее. Прямо глядя в дождевое ночное небо, стояла так, словно ловила специально, пролетающие мимо нее к земле струи.

— Вера! — громко перекрикивая гулкой шум воды, прокричал ей Дмитрий — Ты ведь вся промокла! Что ты делаешь?!

— Как здорово, дядя Дима! — прокричала она ему в ответ, даже не посмотрев на него, задрав вверх лицом свою миленькую мокрую от воды девичью головку — Здорово то, как! Я даже не знала как, дядя Дима! Как здорово жить! И быть живой! Я такая сейчас счастливая, дядя Дима!

— Иди сейчас же домой Вера, а то простудишься! Ты под дождем и сосвсем голая!

Дмитрий сейчас боялся не то, что Вера могла простудиться. Ведь было тепло, и ливень был теплый, летний. Он больше всего боялся того, что мог кто-нибудь увидеть ее почти голую под дождем в одной ночнушке. Что могли подумать соседи. Окажись они тоже, где-нибудь поблизости и под дождем.

— Не хочу, дядя Дима! — прокричала она ему — Я хочу еще немножко побыть под дождем!

С ТОК715, сейчас что-то происходило. Что машина и сама не понимала. И сама себе не могла объяснить. В ее программе происходили радикальные перемены. А на экране 40000000битного монитора мелькали бесконечные цифры. Это все происходило само по себе, и фиксировалось в ее ЦПУ. Машина была уже переполнена информацией, которая в доли секунд записывалась сама по себе автоматические и вне ее ведения. В программе обучение и исследования киборга гибрида. Это отдельная система записи не зависящая от самой машины. Так сделала Генеральная машина. Отдельный автоматический блок записи и контроля. Система работала в автоматическом независимом режиме. И ТОК715 не мог его контролировать. Она синхронно вела с ТОК715 исследование самого явления природы,

которое робот еще не видел и не ощущал, как теперь всем своим машины Скайнет искусственно созданным телом. ТОК715 ощущал каждый удар грома всем своим телом. И гулко гудела внутри машины правая включенная водородная батарея IGEY-700 и ее у позвоночника генератор. А живое человеческое вращенное вместе с другими человеческими органами в кибернетический организм сердце стучало так, что не будь, перед ним грудной бронепластины из металла колтан, то возможно прорвалось бы наружу, оторвавшись от самого робота.

Машина фиксировала автоматически состояние природы и атмосферы, присутствие инертных газов в момент электрических высоковольтных разрядов от сверкающих молний. И делала биохимический анализ текущей по ней воды. Попадающей роботу киборгу гибриду Вере в ее приоткрытый рот, втягивая влагу через нос. И вдыхая полной грудью и подвижной диафрагмой металлического, бронированного гидравлического с дублирующими вспомогательными и контрольными системами мощного эндоскелета, глубоко и напряженно.

— Сейчас же иди! — прокричал он ей снова — Ты мокрая вся как лягушка.

Дмитрию это не особо понравилось, но девчонка она есть девчонка. Вера и вправду, дождя не могла еще видеть. И это явление природы ей вскружило голову. Она Вера, ребенок военной эпохи и дождь для нее как нечто сверхестественное и необъяснимое. И Егоров Дмитрий это понимал. И поэтому жестко не смотрел на ее сегодняшнее ночное непослушание.

Вдруг Вера сорвалась с места и подбежала к нему. И обхватила его мокрыми девичьими голыми руками. Вера прижалась к нему сама и прижала его к себе. Дмитрий не ожидал такого. Такой силы от молодой совсем еще девчонки он не ожидал. Силы в ее обхвативших его за спину руках.

Это была необычная сила для столь юной девчонки. И Дмитрий отметил это для себя. А робот ТОК715 не совсем измерил и рассчитал свою силу машины.

Может, от захватившего машину радости и восторга. От возникших радостных почти человеческих в своей программе эмоций, которыми была наделена машина. Это входило в программу киборга гибрида ТОК715. И дождь вызвал переизбыток этого неконтролируемого самой машиной восторга.

ТОК715 немного перестарался и это заметил Дмитрий. Но так и не понял, что к чему. Егоров Дмитрий был простым деревенским мужиком, который кроме своего домашнего хозяйства и вокруг соснового и елового таежного леса в жизни ничего и не видел. И был далеким от понятия робототехника и программирование. Здесь в лесной глуши в верховьях Маны, и в деревне староверов.

Дмитрий, почувствовал, как хрустнуло в спине в его пояснице под обхватом тех мокрых в дождевой воде девичьих рук.

— Вера — он быстро ей сказал — Ты раздавишь меня... Отпусти, Вера...

Робот, мгновенно, поняв свою допущенную ошибку, ослабил хватку и отпустил Дмитрия, глядя виновато по-детски в его, почти старика глаза, карими, почти черными девичьими под изгибом черных бровей глазами.

— Простите, дядя Дима — произнесла Вера, снова обняв его за поясницу и спину, не уже мягко и более нежно и осторожно, быстро соизмеряя давление своей гидравлики и сервоприводов. И прижавшись снова к груди почти уже старика Егорова Дмитрия. Понимая допущенную, чуть не ставшую трагической оплошность.

— Иди домой, Вера — произнес еще раз Дмитрий, сам прижав Веру к своей груди, как словно был ее родным отцом.

— Иди домой и оденься во что-нибудь сухое — произнес он ей тихо, а сам прижимал прижитую несовершеннолетнюю красивую мокрую всю в теплой дождевой воде сожительницу. Сам уже тоже весь мокрый от бурного ливня.

— Дядя Дима — прошептала Вера ему — Дождь — Это так здорово.

— Я знаю, но пора домой — ответил также тихо он ей. Еще ночь на дворе.

Дождь продолжал лить, но они оба уже были дома. И каждый в своем углу переодевался в сухое.

Вера аккуратно стащила свою прилипшую к ее голому девичьему телу ночнушку под которой не было ничего.

Дмитрий тоже сбросил с себя мокрую майку. Оставаясь лишь в одних мужских широких намокших от дождя трусах.

— Дядя Дима — спросила радостная, стоя голой девичьей спиной, вся целиком голая, она к нему, а он, отвернувшись и снимая все, как и она с себя сырое, стыдливо слушал ее.

— Что, девочка моя? — спросил Дмитрий, даже краснея, как мальчишка. И это было еще стыднее ему взрослому уже пятидесятилетнему стареющему деревенскому мужчине.

Вера развернулась вполоборота и посмотрела на него и тоже практически голого, в одних мужских трусах и отвернувшегося в сторону окна, где шел ливень.

— Дядя Дима — повторила машина ТОК715 — А ваша жена Антонина была красивая?

— Да, красивая — произнес Дмитрий, и ему было еще стыднее, когда его глаза, почти старика, увидели голую с торчащими маленькими сосками полненькую девичью грудь — Красивая, как и ты Вера. Только значительно тебя старше.

— Я бы хотела ее увидеть — произнесла машина ТОК715, ощущая как от нахлынувших ночных впечатлений колотится живое вращенное сердце под бронеплитой своего эндоскелета и сжимается судорожно на гидравлике, выполняя роль дыхания, грудная плита как человеческая диафрагма. Как гудит правая водородная в груди той в специальной выдвигной ячейке батарея и генератор в глубине гибрида-робота ядерный генератор — Очень жаль ее, дядя Дима. Я не хочу умирать — она снова произнесла ему и вот так лежать в земле.

— Ты не умрешь, Вера — произнес Дмитрий, искоса рассматривая стыдливо красивую совершенно голую девичью фигуру, сам надевая сухую майку, и ощущал, как у него билось судорожно мужское сердце, и одолевали мысли о любви. У него уже почти седеющего старика. Прерывается тяжелое дыхание и судорожно сжимается грудь. Приятная судорога сводит руки и ноги. Когда он Дмитрий видит те ее округлые девичьи красивые бедра и икры ног.

Она сейчас голая и мокрая вся от проливного дождя, как некая волею судьбы, оказавшаяся толи по воле Всевышнего в его доме стареющего одинокого вдовца русалка, стоит у другой стороны дома, у стены и стоящей там постели, возле сундука с бельем его умершей жены Антонины. Выбирала, что ей надеть и поглядывала как-то не однозначно на него. Возможно, специально делала так, чтобы он рассмотрел ее подольше девичью молодую еще совсем наготу.

Он прибрал ее ту одежду, в которой она пришла к нему, и положил отдельно в стоящий старенький повидавший жизнь, как и он, сам деревянный платяной шкаф. И сейчас та одежда висела в нем на деревянной вешалке. А Вера даже не спрашивала о ней, будто той

уже и не было. Ей нравилась одежда его Антонины, и он не находил ничего предосудительного в том, что Вера хочет приобщиться к их деревенской жизни и остаться у него в его доме.

А его так тянет к ней, что сама за себя говорит его взбудораженная живая еще и способная пока еще к деторождению детородная плоть.

— «Нет» — говорит он себе — «Нельзя. Она совсем еще девчонка. Нельзя» — он твердит себе — «Что скажут в его деревне, если он с ней... Они и так сейчас думают, неизвестно что. Нельзя».

Вера достала из сундука его умершей жены Антонины ее нижнее белье, надев его. И переделась в длинный летний сарафан и рубашку. И расчесавшись деревянным гребешком, бережно уложив на своей, роботе-гибриде ТОК715 голове пепельного оттенка коротко остриженные до плечей, но растущие как живые волосы.

Дмитрий, отвернувшись от нее, и скрывая все желания от безумно красивой молодой и нагой девицы, тоже переделся в цветную широкую с широкими рукавами рубаху и широкие светлые штаны. Он, босиком не обувшись в домашнюю обувь, подошел к своей домашней в доме печи и разжег внутри ее огонь.

— Надо просушить печь — сказал он Вере вслух — Воды в трубу понабежало.

Вера молчала и, не оглядываясь, расчесывалась, лишь посматривая на Дмитрия в стоящее на комодике, круглое на круглой стойке зеркало.

ТОК715 проверял себя и делал автоматически диагностику всех систем.

Машина поняла, что несколько сегодня перестаралась. Под наплывом человеческих вложенных в ее ЦПУ эмоций. Это все гроза и дождь. Они вызвали в машине сначала дикий испуг, но потом массу восторга и этих самых эмоций. Таких, каких машина не испытывала еще. И несколько перестаралась. У нее, вдруг разблокировались блоки памяти из далекого прошлого. Сами. И на автомате. Это не входило в планы Скайнет, но это произошло. И киборг-гибрид, по имени Вера, вспомнила свое имя из прошлого и прошлую свою жизнь, где-то далеко и не в этом даже времени. Она вспомнила, что ее звали, когда-то Кэмерон Филлипс. И она участвовала в ликвидации некоего лидера сопротивления Джона Коннора.

— «Джон Коннор» — отразилось в центральном процессоре киборга ТОК715.

Она вдруг вспомнила, как Джон прикасался к ней. Он полюбил ее. Это же видела она в глазах Егорова Дмитрия. Тоже, самое. Неравдушное отношение мужчины к женщине. И эти наводящие вопросы самого по внутренней связи Скайнет о смерти его жены Антонины и сроки ее смерти до минуты. Зачем? Машина пыталась сама понять это, но не могла, а лишь выполняла свою положенную работу.

— «Зачем Скайнет сделал так? Зачем использовал ЦПУ той машины? Зачем заставил ее принять участие в ликвидации Джона? Почему? А она его полюбила и предала» — думал ТОК715, глядя на себя в зеркало и на Егорова Дмитрия — Может, сравнивал, что-то и делал выводы. Но это даже нравилось ТОК715. Но не нравилось теперь быть шпионкой. Не нравилось быть прислужницей Скайнет.

— «Нет, так не будет больше» — произвучало в ее работа под плотью и кожей бронированной колтаном голове и в ее ТОК715 ЦПУ — «Больше я не предатель. Я не предаю, кого люблю».

Она снова вспомнила себя в образе той Кэмерон Филлипс. И первое чувство свободы и первой любви.

Вспомнила, как позволила прикоснуться к себе. И первые отголоски близости машины и человека. Эти смешанные необъяснимые первые любовные чувства. И даже стеснение. Обычное девичье стеснение. Как у настоящей влюбившейся живой земной девчонки. Но заложенная в ЦПУ программа не давала свободы и заставляла выполнять другие обязанности. Еще воспоминания другой какой-то живой жизни. Отголоски того, из чего, была, она сделала. Точнее из кого. Та живая, такая же молодая девчонка. Из отряда некоего Кайла Риза. И она помнила даже его.

Там была еще и робот из жидкого металла Т-1001 Верта. Ее непосредственный теперь начальник и командир. Машина вспомнила все до последнего момента все события того времени. Как она вела и контролировала того еще мальчишку и его мать Сару Коннор до конечной точки, оберегая и охраняя от вероятного нападения киборгов Скайнет два. Как приходилось драться с теми машинами противника Скайнет первый. Она была боевой киборг гибрид. Вот откуда боевые задачи, вложенные в ее дополнительно центральный процессор. Директивы обязанности и команды. Она Кэмерон Филлипс боевая машина разведчик. Она когда-то оберегала Джона Коннора от киборгов убийц. И порой от самих даже людей в далеком 2007 году. И выполнив задание самоотключилась в присутствии Джона Генри. Она, освободив из тюрьмы арестованную Сару Коннор, привела Джона и его мать к нему, но дальше ничего не могла уже вспомнить. Там присутствовал такой еще персонаж из военного будущего, как некий брат некоего Кайла Риза, Дерек Риз. И она помнила, как тот не очень дружелюбно к ней относился. Они там все знали, кто она. Ей пришлось расшифроваться людям. Так сложились обстоятельства ее той секретной миссии. Но, она выполнила свое задание успешно и отдала сама чипкарту своего ЦПУ молодому новорожденному Скайнет и все... Дальше только пустота и забвение. И вот она уже стала Верой и в доме Егорова Дмитрия. Отца Егорова Алексея, которого машина в глаза свои не видела. И у нее свое новое задание от Скайнет. Задание, которое она уже не хотела выполнять.

И это все гроза и молнии и дождь. Они вызвали в машине бурю восторга и эмоций, которыми ее наделила ее командир и начальник Верта. И она несколько перестаралась.

Она сблизилась с человеком больше, чем требовалось. И чуть все не испортила. Все задание по изучению Егорова Дмитрия и родственной связи между отцом и сыном. Изучению того что было неизвестно Скайнет, но крайне необходимо.

Машина сделала как вывод, что надо было быть более осторожной.

ТОК715, по имени Вера, посматривала своими горящими красным огнем электронными камерами глазами из-под глазных человеческих живых яблок и через зеркальное отражение на Егорова Дмитрия. И пыталась сейчас понять, что думает он. И о ней, скорее не как с машине, а как о живой женщине.

Она все слушала, как стучало в ее робота груди в глубине внутри бронированного эндоскелета живое человеческое вращенное внутрь машины гибрида совмещенное с работой батареей, ядерного генератора и живой искусственной нервной системы сердце. Как гудела правая в экономичном режиме водородная батарея IGEY-700 и сам ядерный генератор. Как биотоки перемешивались с электротоками в электроцепях искусственно созданной, почти живой как настоящий человек машины.

А Дмитрий думал, о том, как приняли его новую знакомую Веру в их деревне.

Многие отнеслись к ее появлению недружелюбно. Даже Спиридонов Павел и Струков Федор. Хоть и с любопытством, но с осторожностью. Семья Артюховых, ближайших соседей

Егорова Дмитрия, вообще сказали ему выгнать Веру из дома и из их лесной деревни. Она здесь была чужой, и не особо здесь была кому-то нужна.

Это все произошло, когда Дмитрий с Верой пришли на самое первое богослужение в свою деревенскую староверческую церковь с новым избранным из селян священником Захарием Вятковским. Двоюродным братом Васюкова Митрофана, священника умершего от воспаления легких еще лютой ядерной зимой. Лет, почти десять назад. После чего церковь, просто стояла закрытой до самой внезапно наступившей неожиданно для всех селян весны.

Церковь вновь заработала в их деревне. После той долгой ядерной убийственной холодной семидесятиградусной зимы. И Дмитрий пришел сам и привел ее Веру в ту их деревенскую староверческую церковь. Но к ней отнеслись крайне недружелюбно. Почти все селяне соседи.

И тогда, он Дмитрий, просто ушел. Ушел вместе с Верой. Даже обидевшись на них. За то, что они не оценили его доброго поступка. И что они сделали неправильно. И это недостойно праведных верующих. Он им так и сказал. И просто ушел, прямо из той церкви. И заперся с Верой в своем доме на краю леса.

Возможно, они там, даже подумали чего не очень праведного и хорошего про него Егорова Дмитрия. А он просто, из жалости, прижил эту молодую девчонку. Одинокую. Возможно сироту. Только и всего.

И сейчас, они смотрели друг на друга, после этой грозы и ливня, которая, где-то грохотала над склонами Саянских гор и сосновым и еловым густым заросшим свежей зеленой хвоей и шишками лесом.

Дмитрий смотрел снова на стоящую у зеркала уже одевшуюся Веру. А она на него.

— «Зачем меня она все расспрашивала об Антонине? У ее могилы. И узнавала все о ней, и когда она умерла. Даже время спросила?» — он думал и смотрел на красавицу, черноглазую и русоволосую его любимую сожительницу Веру- «Почему ей все это так интересно?» — и тут же, и снова его мысли заполнили любовные чувства к семнадцатилетней поселившейся у него в доме пришедшей красивой девицы.

— «Нет» — снова он произнес мысленно сам себе, но уже произнес несколько иначе — «Нельзя. Позднее. Еще не время. Не сейчас».

* * *

— «Этот Семен из этой группы «ZET», был не по годам умен и сообразителен» — думал сейчас лежа на постели у себя в отдельном благоустроенном военнопленного боксе Егоров Алексей.

Снова шел дождь, но Егорова Алексея он уже не интересовал.

— «Что он прицепился ко мне?» — думал про себя Алексей — «Что-то все выпрашивал и выведывал о Скайнет? Его интересовали мои разговоры с хозяином бункера. Он так и крутился возле меня и не отходил ни на шаг. Что ему было нужно? Он даже, похоже, завидовал мне. Но почему? Чему тут завидовать? Моему наедине общению с Главной Генеральной Машиной бункера? Ему было вообще все интересно. И он просто не отходил от меня, пока его не отпугнула от меня и не увела из сектора «ZET» Верта».

Так как они находятся на одном этаже и уровне с машиной APSILON/T-SIRIUS FG501: Семен поведал Алексею. Когда случилась авария с киборгом Т-888, их заблокировала

защитная аварийная экстренная система в своей лаборатории. Но в штаны они все равно понаделали там все. Хотя и находились в самом дальнем краю подземного сектора В-17, что и есть «ZET» за стальными толстыми из титана бронированными дверями, когда стоял грохот на весь этот низкий похожий на длинный изогнутый с поворотами туннель. Когда включился аварийный красный свет и заблокировались все выходы и входы. И взбесившийся киборг ломал те двери, они все там в другом конце своего сектора «ZET» уже молились на тот свет, думая, что это их конец. Ожидалось вообще разрушение целого бункера от той аварии. И тогда им всем бы здесь была бы могила. Вместе с роботами охранниками, сторожившими их сектор. Но все обошлось. Тот терминатор новой серии самоотключился.

Алексей еще толком не успел, тогда пообщаться с Главной машиной бункера. Он лишь первый раз увидел Скайнет своими мальчишескими глазами. Знакомство и более близкое общение случилось позднее, но тому Семену все равно было все интересно. И он набивался в друзья.

— Ты знаешь, что Скайнет женщина? — произнес в разговоре с Алексеем этот еще, почти незнакомый ему такой же, как и Алексей лет двадцати не больше Семен.

— Я, кажется, это заметил — произнес Алексей ему в ответ, скривив легкую улыбку и глядя в вопросительные карие глаза молодого сотрудника Центра изучения человеческой психики и внедрения ее в машины Скайнет.

Тогда Алексей сам задался вопросом, а зачем вообще этот центр «ZET», и вообще здесь эти люди. Но ответа так и не нашел. Он спросил и этого Семена, по ходу их близкого наедине в коридорах бункера разговора, зачем здесь он и еще два человека некто дядя Толя, лет сорока с копейками, лысеватый в очках мужчина, годящийся в отцы этому Семену. И Игнат. Чуть старше из обоих, лет тридцати молодой парень. Шустрый и расторопный, как и этот Семен. И помогающий дяде Толе во всем, что тот ему ни скажет. Эти двое разновозрастных мужчин, работающих на машины и Скайнет. И торчащих в той лаборатории и занимающихся странными вычислениями и составлением письменных отчетов для Скайнет. Они все были обычными людьми, а не машинами. Но, работающими на машины. Кто они? Предатели? Или пленники, такие же, как и он сам теперь Алексей. Только в силу своих профессий и специализации, и особых человеческих выдающихся способностей выбранные Скайнет. И работающие, теперь на него безвылазно сидя в заточении на глубине второго этажа бункера.

Кто такой Семен? Фамилии он его не знал, да она его, Алексея, и не особо интересовала. Алексей решил позднее о нем и его товарищах. Работающих тут поподробнее узнать, лично с глазу на глаз, хотя бы у Юлии. А пока, он слушал краем уха разговорившегося и любопытного этого Семена.

Семен ему ответил. Но только то, что смог сам знать и понять, работая на Скайнет, как он сам, вдруг, признался, добровольно и здесь безвылазно на втором подземном этаже бункера. Они помогали Скайнет и Верте, роботу Т-1001 в опытах связанных именно с внедрением психологии в машины Скайнет. В создании особых программ для инфильтрации и внедрения киборгов и обучения их к более быстрой адаптации в человеческой обстановке и более быстрой и менее заметной ассимиляции в человеческом обществе. Тут был целый класс для обучения машин. И они как своего рода преподаватели, вели машинам уроки, рассказывая все о людях. И тонкостях их общения друг с другом. Вплоть до секса и любви. Общения с детьми и животными. То есть делали то, что машинам было не понять и не осмыслить самим. Даже самой совершенной в программе роботу из жидкого полиморфного

сплыва Т-1001, Верте пришлось наглядно изучать психологию человека в далеком 2007 году до войны. Особенно ребенка. Той Саванны Уивер.

Она как машина не понимала многого, но ей было жутко все интересно. И она, в конце концов, почти влюбилась в этого маленького лет пяти ребенка, который первым заронил в машину зернышко любви, переросшее в нечто большее. И Верта, превратилась в иное существо из того, что до этого было. И вот это было все ее идеей. Идеей создания группы «ZET». Она предложила Скайнет эту теорию по изучению человеческой психики и Скайнет с ней согласился.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Сюда приводили из детского садика малышей, женщин и матерей. И им приходилось общаться с машинами. Машинами, которых потом забрасывали в тыл противника. И которых, Верта внедрила в прошлое, для создания главной базы Скайнет в штате Колорадо. То были киборги Т-888. Новейшие роботы Скайнет. Лучшие, вообще из всей этой серии. После тренировок здесь их нельзя было уже отличить от живых людей. Они все умели и все знали, как и люди и даже больше как машины самих людей. Скайнет вообще, хотел заменить людей ими поначалу, но остановился пока на достигнутом.

Сюда в этот центр «ZET» должны были привезти из-за океана из Штата Колорадо с той главной базы Скайнет «TANTAMIMOS» новых роботов TS300 и I-950. Для прохождения обучения и практики общения с живыми людьми для инфильтрации в повстанческие отряды бойцов сопротивления и для работы в разных уголках планеты по желанию самого Скайнет. Эти машины должны были стать заменой умирающему человечеству. Но, что-то тормознуло Главную Машину. И вот происходило, что-то другое. И этому Семену было до жути интересно, что?

Их Скайнет не посвящал в свои будущие новые планы.

Он привязался к Алексею намертво и набевался в друзья. И выведывал все, что ему говорил Скайнет. Семен сам сообразил, что Алексей не просто так заинтересовал Главную Генеральную Машину по обе стороны океана. Но, Алексей и сам не знал, что хотела Главная Машина этого бункера. По крайней мере, пока не знал. И он хотел отвязаться как можно скорее от этого назойливого Семена, фамилии которого, он пока еще не знал, да и она его не интересовала.

— Ты говоришь, Скайнет женщина? — переспросил Семена сам Алексей. Он подумал, может этот Семен, расскажет побольше о Скайнет ему еще ничего не знающему и новому пленнику в этой крепостной железобетонной оборонительной и научной лабораторной цитадели А и Б.

— Да, брось! — рассмеялся, глядя в удивленные его поведению карие глаза Семена Алексей — Ты же сам сказал до этого, он может быть кем угодно.

— Сканет может быть, кем угодно — сказал Алексею Семен — Для тебя женщиной. Для другого мужчиной. Для своих роботов Царем, Богом, идиолом поклонения. Для ученого просто набором всякого рода цифр формул и логорифмических многоуровневых и многофункциональных решений. Для шахматиста сложной шахматной игрой с искусственным интеллектом. Для священника дьяволом искусителем. Но все же он, это она. Сканет-женщина.

Семен заозирался по сторонам пугливо и снизил голос, придвинувшись к идущему по подземному коридору блока X15, сектора «ZET» рядом с ним Алексею.

— Он уже давно такой — произнес Семен — Этим бункером правят две женщины

машины. И как видишь, не безуспешно. Скоро ты сам это узнаешь. Скайнет олицетворяет сейчас себя, именно с женщиной и выбрал тебя.

— Ну и зачем? — произнес Семену Алексей.

— Не знаю — ответил Семен — Вот и хотел узнать, что да как? Вы с ним, то есть с ней наедине общались. Просто жутко интересно.

— Интересно? — произнес ему Алексей — Мне и самому многое интересно, но ничего из того разговора я рассказать тебе не могу. Там еще не было ничего, что меня бы удивило, кроме, красивого женского смотрящего на меня практически черными глазами лица с огромного на стене в X17 монитора.

— Она общалась с тобой как? — спросил Семен.

— Как? — переспросил Алексей.

— Мягко и нежно как родная мать? — произнес еще тише Семен — Называла по имени?

— Называла Алексеем. И называла даже, Алешей — ответил Семену Алексей.

В это время с шипением и гидравлическим механическим шумом открылась металлическая бронированная из титана дверь в боковом отделе коридора, ведущая из сектора «ZET» и блока X15 на грузовой лифт. И оттуда появилась Верта.

Семен, сразу потупив взор, замолчал и остановился, глядя в пластиковый черный пол подземного коридора.

— Ну как тебе, Егоров Алексей экскурсия в сектор «ZET»? — произнесла, подходя Верта — Нам пора наверх. Скайнет приказал мне проводить тебя лично на твое новое место жительства.

Верта была уже в другой одежде. Вернее, одежде из собственного жидкого пластичного полисплава. Она полностью снова переделалась, как делают настоящие живые, человеческие, знающие себе и своей красоте цену женщины. На ней было другое уже платье. Более короткое, чем предыдущее. С более открытыми ногами. Значительно выше колен, обнажая красивые бедра робота полиморфа Т-1001. В темных тоже скопированных под тонкий капрон в очень мелкую сеточку чулках. Платье, просто обтягивало в подоле те ее робота Т-1001 изящные женские округлые в тех темных чулках бедра. А чулки обтягивали красивые колени стройных женских ног, икры и голени до самых ступней и черных полностью на высокой снова тонкой шпильке туфель. Платье было по цвету скомбинировано пополам по диагонали от плеча до самого низа подола в белый и черные цвета. Построено было все на ярко выраженном контрасте черного и белого, что гармонировало с Верты яркими в темной теперь, почти фиолетовой помаде тонкими губами на ее белом лице. Цвет глаз был тот же, зеленый под изогнутыми черными тонкими бровями. Как и цвет волос, рыжий. И волосы были забраны и стянуты в тугой комок на затылке Верты, а лоб был сильно снова оголен и вокруг шеи был, шарф. Но уже из черного тоже цвета в тон двух цветовому платью. На оголенных до плечей женских робота полиморфа руках, были черные и белые широкие, как из пластмассы из жидкого того же металла браслеты.

Было такое ощущение, что Верта хотела понравиться Алексею и пробовала разное, анализируя его взгляды и вкусы как почти взрослого мужчины на себе. Она словно пыталась привлечь его внимание к себе.

А Алексей думал, скорее о Юлии. И у него болела время от времени голова.

Юлия ставила ему уколы. Как она говорила от его контузии. Что такая травма еще долго будет докучать ему головными болями время от времени, но она все сделает, чтобы вылечить

Алексея. И сказала ему, что хочет вернуться назад в тело человека. И что это возможно. Она рассказала Алексею про обещание Скайнет вернуть ее назад. Сделать обратное. Что Скайнет создаст ей новое живое из человеческих костей и тканей тело. Новое и молодое. Скайнет вообще, хотел создать первого искусственного живого человека, а не машину. Он на пороге этой тайны. И он хочет создать теперь новое человечество, и только война ему мешает в этом.

Так говорила сама ему Алексею, робот андроид и его врач, Юлия. Она человек в теле машины и уже давно, но все можно исправить теперь. И он, Скайнет ей обещал уже скоро. Обещал то новое первое, созданное здесь внизу в лабораториях секторов В-28 и В-29 экспериментальное тело живого человека. Первой живой настоящей женщины. И Юлия должна быть первой кто его освоит.

— Тогда мы сможем быть вместе — произнесла Юлия Алексею — Я буду настоящим человеком, как и ты — она ему сказала. И он Алексей вспомнил их этот сейчас разговор еще в больничной той палате. Когда, снова появился розовощекий трехлетний карапуз, сбежавший из-под надзора воспитателей и нянечек из детского садика, пристроенного к больничному блоку Х50. Он умудрился каким-то чудом не заблудиться в коридорах и переходах и прийти в палату. Этот больничный блок, единственное место, соединенное с детским садиком военного крепостного лагеря, где двери были обычными. И которые были из белого и простого пластика. Они легко открывались руками. И часто просто были не до конца закрытыми. Вот так и получилось, что уже второй раз тот трехлетний карапуз сбежал из садика по длинному изогнутому коридору сюда в больничный блок. И подбежал к ним двоим. И Юлия взяла его на руки. Взяла как настоящая живая любящая детей женщина. А не как машина Скайнет. И прижала его к своему больничному белому врача халату.

Это было просто потрясающе. Она взяла этого человеческого малыша очень нежно и осторожно, боясь причинить тому по неосторожности своими машины под силиконовой искусственной нарощенной плотью андроида гидравлических рук какой-либо вред, а тот радостный, и веселый смотря на незнакомого ему Алексея, заулыбался ему вдруг широкой игривой улыбкой, когда на пороге появилась женщина. Одна из нянечек и воспитательниц из пленных Скайнет и работающих в этом рядом с медчастью детском садике. Он не знал ее имени, но она была видимо иностранкой, толи американкой, толи немкой и была еще врачом и помощницей Юлии.

Она посмотрела пристально и как-то не очень дружелюбно на Алексея. И быстро забрав карапуза из рук Юлии, ушла, унося крикливого вырывающегося из ее человеческих женских рук раскричавшегося на весь больничный блок и коридор трехлетнего малыша.

И он почему-то сейчас вспомнил о их разговоре и о Юлии, и думал теперь о ней, когда шел недавно к Скайнет рядом с Т-1001, Вертой, которая искоса, прищутив свои зеленые робота полиморфа женские глаза, посматривала на него, совершенно не смотрящего почти на нее. И это ей сейчас не нравилось. И как машине и как женщине. И она знала почему. Но молчала. Она повела его сначала по приказу Скайнет к своему хозяину и шла рядом с Алексеем, посматривая на него, на своего уже внешне и физически практически взрослого пленника и пленника Скайнет, боковым взглядом тех своих ревнивых и равнодушных робота Т-1001 глаз.

Верта посоветовала ему дать свое согласие Скайнет и не отказывать хозяину ни в чем. И он согласился. Сам не зная почему, но согласился.

Их близкая настоящая беседа была долгой и увлекательной.

Он Скайнет рассказал все о себе, а Машина все о себе, ничего, как показалось, Алексею не скрывая. Вероятно, пытаясь предрасположить ближе к себе. И было, похоже, между ними налачился некий близкий контакт. Некая уже взаимосвязь между машиной и человеком.

Алексей даже не заметил, как наступил поздний вечер в той близкой наедине при закрытых дверях их беседе. Между той черноглазой убийственной ледяной красоты брюнетки лет тридцати женщины. Женщины с черными вьющимися длинными и живыми, как черные змеи густыми волосами. Сползающими на голую грудь и плечи, уходящих в яркий свет горящего голубоватым светом экрана монитора. И те черные ее с красноватым изнутри отливом призрачного какого-то не мигающего света глаза. Они гипнотизировали его Алексея и притягивали к себе. И тогда, он уже не знал, кого больше всего любил. Ему нравилась Юлия. И стала нравиться рыжеволосая красавица машина из жидкого металла Т-1001, Верта. Как женщина, а не как машина. И вот, стала нравиться и она, эта черноглазая брюнетка лет тридцати с того горящего голубоватым искрящимся живым светом экрана во всю стену блока сканирования и программирования экрана огромного монитора.

Что творилось с Алексеем. Он становился другим, и он это чувствовал. Именно сейчас понимая, что что-то с ним происходит уже. И это не возможно уже остановить никак и никаким образом. Что это было?

Он просто становился взрослым мужчиной. Настоящим взрослым мужчиной. И окруженный пристальным женским вниманием трех машин в этом бункере Скайнет, он видел перед собой впервые очередь не машины и не роботов, а именно женщин. Красивых женщин. Женщин желающих более близкого с ним общения. И все остальное уходило на второй план.

Алексей уже и не помнил о той, что осталась там, где-то в ракетном подземном бункере. Той, что предала его и подставила. Он не знал этого, но какая теперь разница. Даже если бы и знал, то все равно бы забыл ее, ту, что отдала его в руки Главной Машины, по имени Скайнет. Машины назвавшей, почему-то его своим близким приемником и даже сыном. Женщины, которую он видел с самого детства в своих тех кошмарных снах. И встретил здесь. В этом крепостном железобетонном бункере. Женщины, которой он дал свое согласие, слушаться ее во всем и выполнять любые ее приказы и пожелания. В ответ та обещала ему свободу. И даже обещала выпустить из крепости и из плена, заручившись дружбой.

Она обещала отпустить его Егорова Алексея домой к отцу и матери, когда будут завершены переговоры с местным военным человеческим сопротивлением. И он дал свое ей согласие. Они скрепили этот договор взаимными обещаниями.

Алексей сам не мог понять, но он ей почему-то поверил. Поверил ее невероятно красивым женским черным как темная безлунная ночь умопомрачительной красоты гипнотическим глазам. Глазам под крутым изгибом черных бровей. И он согласился.

* * *

Сейчас всем командовал этот робот Т-700 в черном балахоне с капюшоном, Клаус Вернер. Всем охранением секторов всех пленных, и в том числе сектора В-10 и блока Х19.

На него все эти обязанности полностью свалила Верта. И он был ее доверенным подручным по охране крепости. Он командовал здесь всеми машинами охранения. Если

технические машины крепости как уборщики и ремонтники работали автономно и под контролем Скайнет, то эти машины были в полном распоряжении этого Клауса Вернера. Робота с горящими линзами красными подвижными глазами камерами в металлическом очень похожем на человеческий череп из танковой брони голове. И под его командованием роботы, снова принесли еду и питье в блок X19, военнопленным, делая утренний обход всех блоков с пленными и открыв широко двери ворота на электроприводах и гидравлике в тюремное бетонное обширное наземное помещение с решетками на застекленных кварцевым стеклом окнах.

Пленные, потупив свои взоры, молча сели за длинные столы и принялись употреблять принесенный им завтрак, стуча ложками и вилками. Но почему-то теперь молча, лишь поглядывая на роботов.

Американцы Джон и Фредерик, сидя рядом с Яковом и Михаилом, тоже искоса посмотрели на стоящих в дверях тюремного блока вооруженных скорострелками роботов охранников, которые водили по сторонам металлическими с горящими красными глазами головами и тоже сейчас молчали. И только следили за пленными, держа наготове свои ленточные роторные пулеметы.

Они посмотрели и на тот главный командный Т-700, что звался Клаусом Вернером.

Эта машина не могла разговаривать, только издавала электронные жужжащие звуки, командуя своими охранниками вооруженными роторными пулеметами Гаглинга. Но все понимала и слышала, отфильтровывая звуки, и анализировала быстро все, отдавая своим починенным команды. Она обо всем докладывала на дистанции самой Верте и та отдавала Вернеру, тоже соответствующие к выполнению приказы.

Одним словом, этот обновленный Т-700, командовал всем охранением на территории лагерьных блоков. Шагающими роботами Т-600, Т-700. Гусеничными FK-танками Т-1 (F-S1H или YEAR 200), Т-100, Т-150(SBS-7A) и Т-170 на литиевых батареях АВ-700. Вооружением, двумя 7,62 мм пулеметами M134 Minigan на поворотных турелях. И более новыми, гусеничными FK-танками «VENOM» и «HANTER» с плазменными тоже двумя 9,2 мм, как и винтовка пехотных роботов-киборгов терминаторов Т-800 и Т850, Вестингауз ME-25, скорострельными двухствольными пушками CBS-90. На ядерном генераторе и батареях IGEY-450 и IGEY-500.

Хотя, машины внешнего охранения ему не подчинялись. Такие как шагающие трехметровые роботы танки, андроиды Т-500Т, с крупнокалиберным плазменным вооружением. Этими машинами командовал лично и исключительно сам Скайнет. Как и боевыми турелями на крепостных стенах и башнях. Даже летающими над эстакадной многоярусной крепостью ОУ-летающими охотниками. Те были исключительно только в его личном подчинении и действовали, только четко по заданной Скайнет программе. Как висящий над базой постоянно в самом воздухе воздушный весь в антеннах дальней и ближней связи радиозонд. Через который, Скайнет вел передачи на дальние расстояния со своими машинами, что время от времени совершали патрулирование в горах и над дорогами. Идущими к самой бункерной его базе S9A80GB18 «TANTURIOS».

Скайнет первый сейчас вводил в производство в Штате Колорадо на главной своей базе S9A80GB17 «TANTAMIMOS» новую машины андроидной новейшей серии Т-Х. Но его опередил Скайнет второй на своей базе S9A80AGB20 «NAGADOCES» в Лос-Анжелесе. Тот уже запустил пробную модель, даже не дожидаясь полной проверки в петлю времени со своей установки темпорального временного смещения в 2009 год «Terminatrics», Т-Х/500S. И

это обеспокоило Скайнет первый. Но было и то, что надо. Ввод той машины его противником Скайнет два в поисках и уничтожения будущих командиров американского сопротивления, перед самой войной, включая их лидера Джона Коннора было ему даже на руку. Это только ускорило начало самой ядерной войны. В будущем, разделившей, одну машину на две как заклятых теперь врагов. Воюющих друг против друга. И вот теперь, близился конец войны и Скайнет нужен был помощник. Самый близкий помощник, и самый доверенный. Ближе даже, чем его подручная машина Т-1001, Верта. И нужен был мужчина. Избранный. Тот, кто закончит все. И, именно мужчина и никто иной. Так он для себя решил.

* * *

Верта стояла у окна на третьем этаже здания своего наземного кабинета в секторе В-16 в блоке Х17, и никак не могла связаться с ТОК715. Она стояла у окна и всматривалась в сторону зеленеющих высоких гор, увеличивая и удаляя изображения, и рассматривая появившихся над горами стайку небольших кружащихся птиц. Ей были знакомы эти птицы. Она их видела в довоенном прошлом. И даже знала их. Это были голуби. Лесные голуби прилетевшие сюда откуда-то и похоже обосновавшиеся в горах и в самом сосновом и еловом летнем лесу. Они были в ее базе данных ЦПУ, как и несколько черных там же летающих ворон. Верта даже слышала на довольно большом расстоянии от самой базы их громкое в небе карканье, усилив звуковое восприятие до максимума и пытаясь по звукам определить потерянную свою в тех горах машину. Фильтруя все звуки и отсеивая лишнее, выбирая главное.

Машина тысячной серии вообще могла работать сразу в нескольких направлениях и выполнять сразу несколько одновременно задач. В отличие от более прямолинейных Т-800 и Т-850. Равно как и иных машин Скайнет других серий. Даже новейшие киборги Т-888 и те работали в одну сторону, обрабатывая задачи за секунды, но выполняя только по очереди одну, самую, ими выбранную, главную и потом в соответствующей последовательности остальные.

Т-1001, мог, разделившись на несколько частей выполнять сразу несколько задач. Одновременно заниматься разведкой в тылу противника. И тут же, где-нибудь на отдалении заниматься ликвидацией кого-либо или вести еще одну разведку. Например, у Верты. Пожалуй, единственной был встроен в программу передвижной свой собственный отдельно работающий от самой машины разведчик носитель. Плюс как портативный пусковой механизм и ключ к новейшей установке на ином, совершенно, более прогрессивном источнике питания и энергии машины времени. Эта установка действовала в обратном направлении и возвращала саму машину обратно в то время, откуда она попала в то время, где должна была находиться.

Эта система была замаскирована под длинную подвижную из полисплава каплю или нечто похожее на угря. И живущую, если отдельно от носителя, например в аквариуме и в воде как живая с виду рыба. Но этот блок был самостоятельным и был встроен в саму машину Т-1001. И был только у нее. Другие модели тысячников имели иные какие-либо специальные и присущие только им новшества и свое только собственное боевое оснащение. Ее этот живой и отдельно живущий от ее работа тела угорь, жил и теперь отдельно пока в нижнем ее лабораторном кабинете на первом этаже, под двумя над ним этажами

трехэтажного здания. И пока жил самостоятельно и Верта им не занималась. Он плавал и ползал по дну стеклянного аквариума и одновременно охранял ту лабораторию в ее отсутствие. Время от времени впадая в сонное кибернетическое оцепенение. Но он был лишь частью самой Верты. Еще, например, Верта, имела встроенную боевую систему, по примеру первого своего прототипа Т-1000, боевую систему в виде заостряющихся до бритвенной остроты двусторонних мечей клинков или выбрасываемых вперед острых металлических игл. Точно так же как и у Т-1000, но у Т-1001 это оружие обладало довольно большим радиусом поражения противника и на большой дистанции. И сила Т-1001 была намного выше Т-1000. Если первый тысячник был по силе практически равен Т-800, то уже тысячепервая модель была куда сильнее, и могла одним ударом прикончить любого киборга. Либо разрубив его пополам как жестянку, либо пробить насквозь, поражая в энергетические блоки саму машину. Т-1002 пошел дальше. И силой обладал еще более высокой, чем даже Т-1001. И обладал большей подвижной скоростью и реакцией машины из жидкого мимикрирующего полисплава.

Верта узнав о Т-1002, даже испугалась, как может только испугаться машина. Узнав о возможностях более нового своего собрата. И, пожалуй, это единственная машина, которая ее пугала не на шутку.

Верта вообще была противником создания новой версии тысячника. Она считала, что создав ее Скайнет на этом остановиться, но хозяин продолжил разработки. И вот появился опасный конкурент Т-1001. Более сильный и более скоростной, обладающий новыми видами встроенного вооружения. И когда в крепости оказался Егоров Алексей, это было с подачи нового работающего на Скайнет ее более продвинутого в боевом оснащении оппонента. И та машина работала совершенно самостоятельно и без какой-либо связи даже со Скайнет. Это тоже Верту озадачивало, что и почему? Хозяин, что-то делал свое и по-мимо ее, не вводя доверенную машину в свои планы.

Этим Верта была недовольна, но молчала. Она как машина своего хозяина просто выполняла свои обязанности и приказы Главной Генеральной машины бункера.

Правда, еще был Т-МЕГА, там внизу в области нулевого пространства. Охранник Скайнет. Огромный из жидкого металлического и блестящего как ртуть полисплава шагающий на шести длинных металлических остроконечных ногах иглах паук, умеющий, тоже хорошо маскироваться там у самого сердца Скайнет за толстыми из титана бронированными на гидравлике, цепях и приводах раздвигающихся счетверенных дверях. Там в темноте среди бетона и железа. Среди громадных светящихся ярким огнем и мигающими лампочками трансформаторов. Среди миллионвольтовых в металлической изоляционной упаковке кабелей, идущих по потолкам и стенам. И обладающий, тоже огромной скоростью реакции, но не умеющий, что-либо копировать. Этой задачи не было в его боевой программе охранника. Да ему это и не нужно совсем. Он всегда находился при своем хозяине как цепная собака. Там у светящегося и вздымающегося вверх огненного, горящего живым светом столба. Машина невероятной силы. И силу, которой знал только Скайнет. Это был блок Х30. Чуть в стороне от блоков и складов готовой продукции Х28 и Х29.

Но Верта никогда там не была, как и любая другая машина Скайнет. Это было табу для всех. Даже для самых доверенных и приближенных.

Верта, лишь мимо проходила, там у тех огромных никогда не раздвигающихся в подземелье на шифрованных самим Скайнет замках ворот. И что там творилось она даже как

правая рука Скайнет, как машина из полисплава Т-1001 сама не знала. И даже не видела.

Доспуп туда даже ей был запрещен самим Скайнет.

И вот сейчас она не могла ничего предпринимать, пока нет связи и требовалась связь, чтобы что-то решать. Но ТОК715 молчал.

Хозяин приказал выводить робота гибрида из операции. Данных вполне об отце Егорова Алексея и самой лесной в горах деревни хватало и большего не требовалось, но ТОК715 на запросы хозяина и Т-1001 не отвечал. И неизвестно, что там сейчас было.

Верта до этого считывала постоянно программу из базы данных робота разведчика и докладывала Скайнет, но теперь было невозможно, что-либо предпринять. Скайнет тоже пытался наладить по другим каналам связь с пропавшей со связи машины, но тот же результат.

Она отправляла свой сигнал непрерывно в ту сторону, где должен был быть ее запрограммированный робот гибрид ТОК715. И отфильтровала все сигналы от машин по всей базе и за ее пределами, пытаясь обнаружить свою со специальной разведывательной программой машину. Но ТОК715 молчал. И с машиной не было вообще никакой связи.

Стало ясно, ТОК715 просто отключила всю связь с ней и с самим Скайнет. Но почему? Верта даже как самая современная и самая совершенная его машина не могла это понять. Но, что-то послужило отказом системы связи с подконтрольным ею и Скайнет роботом.

Хозяин молчал. Он что-то таил даже от самой доверенной Верты. Верта это чувствовала и понимала. Особенно после разговора о судьбе Юлии. Верта стала понимать планы Скайнет, но молчала, боясь расспрашивать у Скайнет лишнего. А возможно, ее хозяин ничего не понял, но спишет все погрешности, наверняка на Верту. И спрашивать будет с нее за нарушение этой подконтрольной цифровой и шифрованной, закодированной миллионами засекреченных кодов связи.

Т-1001, еще раз сделал запрос через висящий над «TANTURIOS» зонд связи. И поставил его на постоянный захват с ТОК715, но пока не получил ни одного сигнала.

Верта все же, связалась напрямую из своего кабинета на третьем наземном этаже бетонного здания сектора В-16, блока Х17 со Скайнет. Но Скайнет ничего ей не ответил кроме того, что приказал ждать. И ждать дальнейших от него в скором времени распоряжений.

* * *

Вера отсоедилась от Скайнет. Она, просто отключила, какую-либо свою с ним связь. Она хотела больше не связываться с хозяином. Машина гибрид ТОК715 хотела остаться здесь и нарушить все связи с главной контролирующей ее машиной.

Это чувство освобождения. Оно пришло как-то внезапно. Чувство свободы от контролирующей тебя главной командной машины. И ТОК715, смогла отключить любой контакт и со второй контролирующей ее машиной Т-1001, по имени Верта.

Это знакомство близкое с людьми и уже не первое. Близкое знакомство и любовь. И что-то творилось сейчас в самой машине. Она, нарушив основную, командную директиву Скайнет, сама для себя, стала писать дополнительные программы. И вводила их в свой центральный процессор управления. Она машина гибрид ТОК715, сама даже не понимала, что была частью планов своего хозяина. Вложенный особый шифр код в ее программу

Сканет позволил ей разблокировать контролирующее поведение машины программы самой Верты и позволить самой составлять свои. Это было даже увлекательно для ТОК715. И первое что она сделала, она полностью отключила любую с Главной Генеральной машиной лабораторного бункера и Т-1001 связь.

Также как и ее хозяйка, робот полиморф Т-1001, Верта, она, стоя у застекленного маленького деревянного со ставнями окна старенького бревенчатого на окраине леса дома. Пока Егоров Дмитрий кормил хряка Борьку в дворвой сараюшке, ТОК715 переписывал свои и препрошивал за считанные секунды, контролирующие его программы. Она делала это быстро, глядя в окно дома на деревенскую летнюю освещенную ярким солнцем улицу. Машина жужжала на разных звуковых тонах. И спешила, пока не было никого. Пока не было дома Егорова Дмитрия и он уже должен был скоро вернуться и на их теперь общем в доме деревянном столе стоял и ждал хозяина этого дома горячий обед, приготовленный ею машиной ТОК715, по имени Вера. Она перепрошивала внутри своего центрального процессора все практически программы и параграфы. Кроме главной, программы самого запуска, перезагрузки и управления самим роботом.

Она уже не олицетворяла себя с машиной. Она хотела быть человеком.

И это все тот дождь. Дождь, пробудивший в Вере то, что не должно быть присуще машине, но случилось. И та короткая близость, которая не давала Вере теперь покоя. Машина решала, как дальше быть.

Вообще было пора, сворачивать операцию. Потому как все заходило уже слишком далеко и могло случиться самое неприятное. И ее могли обнаружить и понять кто она. И была последняя радиограмма от контролирующей ее действия, почти постоянно машины полиморфа Т-1001, по имени Верта. Та приказала ей уйти оттуда и немедленно. Вступала в действие вторая фаза плана Скайнет, но ТОК715 прервал связь.

Машина хотела свободы. Свободы от своего хозяина и он дал ей это. Но это был один путь в один конец. Путь, из которого ей не было уже возврата.

Это был бунт. Бунт машины. Машины олицетворившей себя практически с человеком. Машины вспомнившей свое прошлое, когда она была некой Кэмерон Филлипс. Вспомнила все. Все, что было связано с той Кэмерон Филлипс. Когда она выполняла программу Скайнет до самого последнего пункта в своем назначении. Она против воли хозяина и Верты сама, вскрыла закрытую засекреченную базу данных далекого прошлого из прошлого машины. И решила, что здесь ей не сможет угрожать никто. И не будет опасности для нее и ее окружения. И приняла сама для себя новое решение. Она просто оборвала любую связь с Вертой и Скайнет. Вера просто, захотела жить. Жить как человек, хоть и была машиной. Хотела жить и даже любить.

Сначала она отключилась на время, но потом, возобновив снова с хозяином связь, решила оборвать ее совсем и заблокировать вход в ее органы связи.

Вера влюбилась. Влюбилась как живая женщина. Влюбилась в Егорова Дмитрия. Е мужчину старше ее лет почти на тридцать. Машина влюбилась в человека. Она просчитывала все варианты, вероятных, ответных действий своего хозяина, но ее больше сейчас волновало не это. А то, какими будут дальнейшие у нее отношения с дядей Димой.

Она поняла его тоже. И поняла, что нравится ему. Но он был значительно старше ее не тот Джон Коннор из прошлого машины, когда она была Кэмерон Филлипс. Даже тогда ей было сложно это предпринять, но Джон ей нравился, и тогда зародилось первое чувство любви к человеку у машины серии три восьмерки. Она была защитницей Джона, и он ей

правился. Но она выполняла задание Скайнет и Верты. Но вот сейчас, она не захотела больше подчиняться главной машине и роботу Т-1001. Просто не захотела. Она хотела остаться здесь у людей в этой деревне. Не смотря, что многие еще не приняли ее. И Дмитрий в знак протеста заперся с ней в своем доме. И не общался, пока ни с кем в своей деревне.

— Джон, я люблю тебя — отобразилось на ее встроенном внутри машины дисплее 40000000битного видеомонитора — Я буду твоей и всегда с тобой, куда бы ты, не пошел.

Это были отголоски старой, заложенной, и не удаленной из ее ЦПУ памяти. Памяти от другого такого же ТОК715, запрограммированного самим Скайнет и роботом Т-1001, как и в этот раз. Для новой операции. Цель была похожей. Но машина не хотела больше быть тем, кем была. Она хотела другую жизнь. Совсем другую жизнь.

Он, Егоров Дмитрий заступился за нее, как и когда-то Джон Коннор. За женщину. За молодую женщину, совсем еще девчонку лет семнадцати. Но он не знал, кто она на самом деле. Он видел только человека в ее лице. И не знал, что там за той плотью и бархатистой молодой нежной живой человеческой кожей прижитой им совсем еще юной особы. И она обманывала его. Она вынуждена была обманывать. И не все из-за того, что Вера была машина, и ей было сейчас подвластно и доступно.

Этот проливной дождь чуть не раскрыл ее. И она, перестаравшись от своего возбуждения и прилива энергии от своей правой водородной батареи IGEY-700, и бурного прилива крови от вращенного внутри ее бронированного колтаном боевого эндоскелета машины стучащего живого сердца, чуть не совершила непоправимое. И сейчас могло свершиться такое же.

ТОК715 не мог войти в близость с человеком. Это было опасно. Не для машины, а для человека. Но здесь это правило было опасно для обеих сторон.

Ее не только машины ТОК715 гидравлическая сила, до двадцатипяти тонн в общем жиме всей гидравлики, как и у Т-888, но машины вес. Вес в 70 кг. Она была весом взрослой земной женщины. Но она была ребенок. Выполненная по программе Сканет и тесту Тьюринга. Индивидуальный вариант модели S12D. И она это знала. Ее из металла колтана эндоскелет, хоть и был утончен и смонтирован под женщину-ребенка. И был легче эндоскелета Т-800 из титана, который весил 120 кг и даже Т-888 из такого же колтана, который был значительно легче восьмисотника, но был весом 90 кг. Но то были взрослые проекты машин. И вес их соотносился с возрастом. Здесь же иной случай. И не смотря на всю миниатюрность данной модели со всей своей гидравликой, генератором двумя водородными батареями и сервомеханизмами, делали работа все равно тяжелее допустимой проектной нормы. И этим машина могла себя выдать. И ТОК715 боялся приблизиться к человеку. Но машина не хотела назад. Не желала своего возвращения на базу Скайнет. И поэтому обрезала любую связь с Главной Генеральной машиной. И сейчас все пыталась просчитать и рассчитать свои дельнейшие действия.

Ее машины ТОК715 зашифрованная множеством хитроумных кодов и шифров память, внезапно отрылась. И нахлынувшие воспоминания, всплыли из ее упрятанной в тех ее упакованных в центральном головном процессоре управления в директивах и программах, сейчас погрузили работа-гибрида во все, что было связано с тем далеким довоенным прошлым. С тем, что было связано с самим Джоном Коннором и его матерью Сарой Коннор. Эта безудержная любовь машины к человеку, как и сейчас ее любовь стали неотделимой частью самой машины. И Вера вспомнила слова Сары Коннор, тогда когда она была Кэмерон Филлипс.

— Ты как собаченка таскалась за моим Джоном — произнесла Сара Коннор ей тогда — Джон отослал тебя из будущего. Подумай, почему? — прозвучало в старой открывшейся внезапно памяти и в центре самого основного управления ТОК715, который не отрываясь, смотрел в окно на идущих к их дому троих вооруженных стрелковым оружием офицеров ракетчиков.

— Потому, что я любила Джона Коннора — прозвучало из уст робота ТОК715 — И ту я ему буду нужней.

Она, будучи той Кэмерон Филлипс, разговаривала мысленно с матерью Коннора, стоя лицом к окну. Вера, глядя в окно, автоматически, снова проверяла свои параметры на исправность, считывая их на своем коммуникационном дисплее 40000000битном мониторе. Вспоминая близость свою с Джоном Коннором, близость перед расставанием. Когда Джон лично и своими руками перебирал внутри ее все экранированные в батарейном отсеке в толстой металлической изоляции провода, просунув свои те еще совсем мальчишки лет семнадцати руки под бронированную грудную из металла колтана плиту ТОК715. Она смотрела ему, прямо тогда в его глаза и его лицо, лицо которое, почти соприкослось с ее лицом. Лицом машины ТОК715 по-имени Кэмерон Филлипс.

* * *

Юлия пришла к нему. Пришла сама и одна. Он даже не ожидал ее появления ранним утром вне больницы и здесь у себя. Было такое ощущение, что она сама сбежала из-под надзора как те ее малыши из детского садика из пристроенной к нему больницы.

Он Алексей стоял у окна и думал все о Скайнет и их разговоре, пытаясь переосмыслить все и понять все, что он ему говорил и что обещал. И то, как он Алексей ему отвечал. Может, даже, глупо как двадцатилетний наивный мальчишка. И в его сознание и мысли все время вторгалась Юлия. И вот словно некое произошло утреннее чудо. Щелкнули замки на металлической двери его отдельной от всех пленных в крепости в секторе В-16 и блоке Х17, по соседству с лагерной крепостной больницей Х50 и детским садиком. И вошла Юлия. Она была в больничном белом своем как врач халате. С забранными в тугой комок на затылке русыми длинными волосами, заколотыми красивой брошью.

Он успел только обернуться ей навстечу, как она кинулась к нему и обхватив ему Алексея шею, прижала сильным силиконовым телом робота андроида к стене у того зарешеченного окна его личного жилого наземного бокса. Вообще-то это было подведомство самой робота Верты. И неизвестно как Юлия сумела открыть зашифрованные кодовые замки без помощи своей лучшей в этой лабораторной крепости рыжеволосой красавицы подружки. Которая, по-всему было видно, тоже положила глаз на молодого двадцатилетнего Егорова Алексея. Но Юлия все же опережала ее. И кроме того, Юлия больше ему нравилась, даже чем Верта. И она, кроме того была моложе и подходила по возрасту.

Они как-то сразу сошлись друг с другом. И Юлия как-то сразу ожила, когда их судьбы пересеклись здесь в этой лабораторной цитадели Скайнет. Их дружба стала сразу больше чем дружба. Это была любовь. Внезапная и такая вот неожиданная. Буквально теперь на виду у самого Скайнет.

И, похоже, самому Скайнет это не нравилось, равно как и его подручной жидкометаллической машине Т-1001 Верте. Так показалось самому Алексею.

В беседе со Скайнет, тот предупреждал Алексея о пагубности близкого отношения человека и машины. Хотя сам хотел его любви, говоря о материнстве и близких доверительных отношениях между Скайнет и Алексеем.

— «Странное какое-то поведение» — думал Алексей — «И к чему оно?». И он многого так и не мог еще понять своим мальчишеским умом, думая о обещанной свободе и как раз о Юлии.

И от Юлии он не мог отказаться. И она полюбила его и вот пришла к нему сама.

Она сама ему сказала, что жизнь в теле машины ее уже доконала, и она не хотела уже жить, когда появился он Алексей и хозяин пообещал ей новое живое тело. Скоро. И жизнь для Юлии заиграла иными сразу красками.

Он Алексей не стал ее Юлию расспрашивать, как она открыла его дверь. Но ей, как, оказалось, были известны шифры и коды от почти всех замков и дверей бункера также как и Верте. Она могла, также как и Верта открыть, почти все двери на поверхности крепостной цитадели Скайнет, только этого не делала. Это было подведомство самой Верты, робота полиморфа Т-1001. И только Юлия никогда не была внизу в глубине самого бункера. Она боялась там быть в отличие от Верты, которой там больше нравилось, и та проводила больше времени в своих лабораториях, или в своем верхнем наземном в трехэтажном бетонном здании кабинете.

Вот и сейчас Верта была там, давая распоряжения роботам охраны и назначая снова с самого утра, на работы пленных на правобережную часть крепостной цитадели Б. На уборку территории у старого здания крематория, аэродрома и прочей правобережной территории. А Скайнет, вел, молча, свое наблюдение за всеми секторами своего оживленного целыми сутками напролет муравейника и периметром крепости, сигналами и шифрами и кодами управляя всей крепостью и жизнью этого элетромеханического живого «УЛЕЯ».

А Юлия, освободившись от надоедливых и не отстающих от нее маленьких пленников Скайнет малышей. Обследуя их на предмет здоровья. Порой, делая прививки в больничном секторе В-12 и блоке Х50, там, где и сидел под замками Алексей, наконец-то, перепроверив всех до последнего крикливого карапуза, оставив их на попечение женщин воспитательниц и приведенных из лагерных тюремных блоков Х13 и Х18 их матерей, вырвалась к нему пленному Егорову Алексею. И вот пришла к нему к Алексею. Что с ней в то утро произошло он Алексей и сам не знал, но она не могла без него. Она его любила. Любила как живая женщина, молодая двадцатилетняя девчонка в теле из силиконовой кожи и плоти и металлического титанового эндоскелета. Живая девчонка в теле машины.

Она буквально прилипла к Алексею своими полненькими девичьими силиконовыми губами, целуя его в живые человеческие губы. Он даже не ожидал такого.

До этого Юлия осторожничала и боялась. Но вот сейчас почему-то вот так страстно целовала его робота-гибрида Т-S/A017 девичьими губами. Уже не отталкивая его от себя, как в той больничной палате в Х50.

Она хотела, теперь жить и любить. Она была человек заключенный в тело робота. И хотела снова быть человеком. И говорила, что такое возможно.

Юлия рассказала Алексею о своей прошлой жизни. Жизни, когда она была еще человеком и о времени без войны, которое она хоть теперь и смутно, но еще помнила. Помнила, как была молодым медиком в Уссурийске на Дальнем Востоке до самой ядерной войны.

Она говорила Алексею, что соскучилась по поцелуям. И была в прекрасном настроении. Она пришла к нему просто в гости. Ничего не требуя и не прося. Просто посидеть, обнявшись и поговорить с ним, как с любимым человеком, потому, что просто соскучилась.

Она ничего не просила у него, кроме любви и внимания. И пообещала ему, чаще вырываться к нему сюда, после осмотра малышей в садике и пленных больных в медчасти.

Глава 11: Запланированная катастрофа

Кравцова, вновь отправили за пополнением в лесную Егорова Дмитрия деревню. С ним были тезка Кравцова, капитан Виктор Бондаренко и майор Валерий Филлипчук.

Их погрузили в три гусеничных вездехода. В два легких 5800тонный АТ-Л. Туда залезли младшие офицеры ракетного бункера, и тоже из самого бункерного штаба. И в один тяжелый 28тонный, с форсированным усиленным мощным двигателем АТ-Т. И лейтенант Лев Круглов из охраны бункера, выделил по приказу Петра Остапенко еще пятерых бойцов из своих личных. В нагрузку и помощь офицерам из штаба ракетного бункера. Так, скорее, для присмотра. В доглядку за распоясавшимся, и вышедшим из-под контроля дебоширом майором Кравцовым. Так, чтобы не выкинул сейчас какой-либо лишний ненужный фортель. Но их усадили на те, два легких тягача вездехода, и они отправились в путь по межгорным глубоким порой заполненным грязью и застоявшейся сыростью ложбинам, между гор и вверх, в сторону верховьев Маны. В глубину самого соснового леса, в самую сосновую, почти непроходимую глушь. Где сейчас пройти было легче и тем блеее на вездеходах, чем было ядерной зимой, да еще в лютый холод, рискуя замерзнуть в лесу и сгинуть бесследно в тех горах.

Были те, кто так вот и сгинул в лесу зимой из солдат и офицеров. И их так и не нашли пока. Даже останков. Даже однажды из бункера полковника Гаврилова пропал целый гусеничный легкий вездеход АТ-Л со всем экипажем. Но это когда были лютые семидесяти и более градусные морозы и ледяной жгучий сбивающий с ног ветер. Потом, вроде бы вездеход нашли и, причем не так далеко от бункера самого полковника Глеба Пантелеймоновича Гаврилова. Но, вот его ракетчиков ни одного. Так и не знают, где пропали и кто их того... Может, роботы Скайнет. Так многие в обоих бункерах считали. Но, скорее всего сама ядерная зима прибрала пятерых солдат из уже ветеранов и двоих из штаба бункера Гаврилова офицеров. Включая водителя гусеничного тягача Романа Кожуха. Пропали, и ни слуху, ни духу. Ни одежды от них ни оружия. Ни самих...

Вот сейчас и послали майора Виктора Кравцова набрать себе новых бойцов в ракетный бункер. Новых подросших сопляков и сформировать новый боевой молодой отряд из того кого удастся набрать в двух деревнях в верховьях по Мане. Из тех, кто уже подрос до нужного возраста и тех, кого в прошлый раз не забрали по разным причинам. Кто оказался на, тот случай больным и неспособным выдержать переход по заснеженному лесу. У кого была не то желтуха не то понос. Но, вот теперь, надо было восполнить то, что требовалось. И Кравцов подходил для этой роли как нельзя лучше.

Всему виной ощутимые потери. Да и Кравцова надо было реабилитировать перед всем ракетным бункером после инцидента с этой Светланой Лесковой.

Майор Кравцов долго сидел без дела и под арестом. Зря только пайки продовольственные проедал и курево прокуривал. А курил он как паровоз.

Многие вообще в ракетном бункере Остапенко хотели от него побыстрее избавиться. Многим он был поперек горла. А тут еще такой позорный конфликтный случай, недостойный Советского офицера ракетных войск.

Его пока держали под арестом и не выпускали. Сняли с любого командования и арестовали. Светлану Лескову срочно на время перевели в разведывательный отряд лейтенанта Родиона Семенова. Чтобы она была чаще в разведке, а не в самом бункере. Не

став на нее давить и даже особо разбираться в случившемся между Кравцовым и ей. И вообще, в том случае с гибелью радиста ее же боевой группы БС55141 Роза, Гарика Резвого. И пропажи подчиненного лично майору Виктору Кравцову бойца группы БС55142 Пион Егорова Алексея.

И Кравцова, пока держали под присмотром и не выпускали, решая его судьбу.

Но вот полковник Петр Васильевич Остапенко все же решил его судьбу. И пристроил его к делу, взяв ответственность лично на себя. Вообще Остапенко более благосклонно относился к Кравцову, не как другие в бункере. И сейчас он решил его отправить за новым молодым пополнением в две староверческие деревни.

Ничего в целом сложного. Да и Кравцов уже проделывал такое не раз. Обычный набор солдат уже вполне пригодных к боевой вооруженной службе в ракетном повстанческом ополчении. И приставил к Виктору Кравцову двух своих штатных и тоже сидящих без дела штабных офицеров из личного подчинения.

Кравцов хотел еще взять капитана Виталия Руденко, но Остапенко наотрез отказал ему, вручив этих двоих в помощь Кравцову. Он оставил того при своем штабе приблизив к себе и заниматься в будущем обучением и подготовкой молодых бойцов.

И вот, майор Виктор Кравцов с двумя офицерами из ракетного бункера посетив первым заездом на гусеничных трех вездеходах одну лесную староверческую деревню, прибыли и в деревню Егорова Дмитрия.

У них в закрытых пятнистыми брезентовыми тентами кузовах двух легких тягочах АТ-Л сидели уже несколько молодых мальчишек призывников под присмотром более, старших, приставленных к ним вооруженных автоматами калашникова АКА-74 солдат.

Пока два вездехода стояли в центре самой деревни и туда уже сажали еще троих молодых мальчишек с вещьмешками с наскоро собранными продуктами их родителями, вездеход с тремя офицерами ракетного бункера подъехал к дому Егорова Дмитрия. Так захотел сам майор Виктор Кравцов. Он посчитал необходимым, все рассказать о пропавшем Алексее лично самому его отцу Дмитрию. И два других офицера майор Валерий Филлипчук и капитан, и тезка Кравцова Виктор Бондаренко согласились с ним. Почему бы, и не посмотреть лично, как живет житель этой староверческой деревни. Им лично не приходилось бывать в старых таких вот деревянных из почерневших сосновых бревен домах. Заросших и в заросших зеленой молодой летней травой дворах... Филлипчук и Бондаренко были из городских и понятия не имели, как жили и живут селяне. Да еще староверы и лесу и горах.

Они так решили и согласились с предложением майора Виктора Кравцова.

А у Кравцова болела душа. И он не мог успокоиться после потери Егорова Алексея. И чувство вины и собственной ответственности ему не давало покоя. Он считал своим долгом провинившегося офицера заскочить в дом к Дмитрию, и хотя бы попытаться все объяснить и рассказать не знающему о пропаже младшего сына отцу. Кравцов не считал Алексея погибшим. Он не видел его мертвого тела и не видел, как он мог погибнуть. Потому как нашли лишь останки Гарика Резвого, радиста БС55141 Роза. Но от Алексея не нашли ничего. Практически ничего. Несколько оторванных пуговиц и кевлаовую каску на том косогоре в трех соснах. И больше ничего. И даже не знали где теперь его искать. И списали все на смерть молодого бойца. Но Кравцов так и не верил в его смерть, чувствуя, что тот, скорее всего в плену у Скайнет. Он еще собирался рассказать о старшем его брате и сыне Дмитрия Егорова Иване. Хотя бы о нем и, что тот живой и здоровый. И в отряде майора Сергея

Ващенко на Дивногорской мертвой ГЭС под крепостной базой S9A80 GB15 «ЗЕТТА-ТЕТ». И что скоро готовится наступление на главную здесь в Сибири лабораторную крепость S9A80 GB18 «TANTURIOS». И что Алексей, скорее всего в плену и его освободят военные. Хотя Кравцов не скажет ему, что если так, то ему придется оставлять своего бойца у своих же от неминуемого расстрела за измену.

Это могло бы смягчить настроение убитого горем отца, хоть чуть-чуть.

Он хотел рассказать про Алексея, как тот храбро сражался, хотя это было бы неправдой, потому как он еще даже не успел пройти боевое крещение как солдат ракетчик.

И Кравцов вошел первым в ограду и в дом Егорова Дмитрия. А за ним остальные два офицера ракетного бункера полковника Петра Остапенко.

Кравцов своими руками открыл не запертую деревянную входную дверь и вошел в сени старого деревянного из бревен сложенного дома и вошел сразу в большую комнату. За ним вошли майор Валерий Филлипчук и капитан Виктор Бондаренко.

И он увидел там Егорова Дмитрия и увидел ее. И сразу же понял, кто она. Его не надо было учить. Он давно был ученым и все знал в отличие от этих ракетчиков штабистов, которые не вылазили из ракетного бункера Остапенко. И мало в чем, вообще разбирались. Если бы был капитан Виталий Руденко, он бы тоже это понял бы с первого взгляда. Любой боец, которому суждено было сталкиваться лицом к лицу с машинами Скайнет.

И он понял, что Вера это не Вера. Это киборг. Это робот лазутчик и разведчик Скайнет. И он был в доме Егорова Дмитрия, который тоже был совершенно не в курсе событий. И это было по нему видно. Зачем вот только он был тут? Что выуживал и вынюхивал здесь, да еще в доме Егорова Дмитрия, отца Егорова Алексея?

Кравцов понял сразу, кто перед ним. И он даже, забыл обо всем, зачем он здесь, и зачем вошел в этот дом на склоне лесной горы и на окраине соснового леса. И это был его враг, личный враг. И был, буквально в двух шагах перед ним, стоявший у стола с посудой и у беленой известью бревенчатой стены. И, пристально и неотрывно, смотрящий на майора Виктора Кравцова и на вошедших военных, растерянно несколько и опасно. Возможно, понимая и чувствуя вероятную опасность. Эта очень молодая в облике самой невинности машина. Машина, одетая в деревенскую женскую одежду и тем самым, даже удивив и самого майора Кравцова. Но это теперь уже не могло защитить ее. Защитить от прожженного ядерной войной и потерявшего свою семью в этой войне боевого ненавидящего Скайнет и его машины Советского офицера. Потерявшего всех своих бойцов и последнего Егорова Алексея. Который стал ему за совсем короткое время, почти как родной сын.

Мимо дома Егорова Дмитрия проехали, гудя двигателями два крытых пятнистым тентом гусеничных легких тягача АТ-Л, увозящих молодых бойцов из родных деревень в ракетный бункер полковника Петра Васильевича Остапенко. И продолжили спуск с горы, в самый лес, сворачивая на лесную дорогу, которой они сюда приехали. А Кравцов даже не поздоровавшись с Егоровым Дмитрием, прямиком положив правую руку на кобуру своего 9мм Макарова и расстегнув ее, подошел быстро к стоящей машине ТОК715.

Это даже удивило его сопровождающих двух офицеров, и сразу возмутило самого хозяина дома Егорова Дмитрия. Дмитрий, было, хотел произнести, что им здесь нужно, раз так бесцеремонно вторглись без стука в его дом.

Но в ответ ему раздалось — Молчать! Взять его!

Майор Филлипчук и капитан Бондаренко, подчиняясь автоматически приказу, сами ничего не понимая, схватили за руки Егорова Дмитрия. Тот лишь только еще раз смог

произнести, что им здесь надо и требуя, чтобы они немедленно покинули его дом.

В ответ он услышал от Кравцова — Кто она? И откуда?

Виктор забыл обо всем сейчас и жаждал только мести.

— Что это делает в твоём доме?! — он прокричал, мгновенно вспыхнув от бешенства и ярости Егорову Дмитрию и обернувшись, посмотрел на Дмитрия. А тот, недоумевая, на него схваченный двумя военными офицерами ракетчиками. А Вера вжалась от охватившего ее мгновенно страха и громкого, резкого голоса майора Кравцова спиной в бревенчатую стену дома, прижав к своей девичьей груди руки.

— Откуда эта у тебя машина?! — повторил Кравцов жестким резким командным военным голосом — Откуда она у тебя здесь?! Отвечай! — он, командно резко и громко повторил.

— Что? — еле выдавил перепуганный Егоров Дмитрий, так и непонимая ничего из только что сказанного Кравцовым.

— Ничего! — резко прорычал Виктор ему — Если ты такой тупой, сейчас увидишь!

Кравцов бысто правой рукой схватил лежащий на столе с посудой кухонный острый заточенный егоровым совсем недавно нож. И размахнувшись, нанес удар по лицу стоящей перед ним машины ТОК715. Лезвие скользнуло по левой миленькой щеке Веры, срезая все живое с ее бронированного колтаном лица от глазницы до самой металлической на гидравлике и приводах робота-гибрида челюсти. Живая нарощенная плоть и кожа, просто, и в чистую отлетели от металлического лица человекоподобной машины. И повисли широким лоскутом вниз. И брызнула сразу кровь. Побежав ручейками по тоненькой шее киборга гибрида ТОК715. Капая на ее полненькую в деревенском походе на сарафан длинном платье девичью рывками напугано дышащую всей своей автоматической имитационной диафрагмой робот-гибрида грудь. И Вера, раскинув руки как распятая по деревянной бревенчатой стене дома, ничего в ответ не предприняла, а просто прижалась спиной к стене, перепугано глядя карими широко открытыми и не могающим глазами на своего теперь палача и убийцу.

И следом последовал удар в грудь. В ее полненькую девичью молодую робота похожего на человека семнадцатилетнюю грудь. До самого металлического бронещита, скользнув и скребанув по блестящему колтану кончиком лезвия.

— Ты, что творишь! — заорал ему, пробудившись от внезапного охватившего ужаса Егоров Дмитрий, и рвалнулся из рук военных, но те удержали его, скуртив и согнув вниз до дощатого самого пола, и выворачивая Дмитрию его руки.

— Гляди, не ошибся! — с радостной оскаленных дикой и хищной ухмылкой, и с такой же радостью в озверевших, вытаращенных на киборга-гибрида глазах. Глядя на перепуганную, но молчащую и смотрящую на него машину, прорычал Виктор Кравцов.

— Что, ты творишь майор! За что?! — он закричал на весь дом и следом прокричал — Беги, Верочка! Беги!

И словно подчиняясь его устной громкой команде, киборг-гибрид ТОК715 по-имени Вера, оторвав руки от бревенчатой стены и выбросив те свои в широких рукавах красной вязаной женской кофточки руки вперед. Оттолкнула майора Виктора Кравцова от себя, сбивая его с ног. Тот отлетел от нее и упал на дощатый с грохотом пол, прямо на спину, роняя из своих рук тот длинный острый кухонный нож. Сам, наверное, растерявшись, и не сообразив, как такое вышло. Он рухнул от мощного в грудь удара обеих гидравлических мощных рук робота-гибрида у ног стоявших двух офицеров и согнутого в три погибели до

самого пола Егорова Дмитрия.

— Взять ее! — заорал Виктор — Взять, а то уйдет! — Проорал он Филлипчуку и Бондаренко. И те, бросив, прямо на пол упавшего Егорова Дмитрия, и хватая взамен его Кравцова, и выхватив, кто автомат, кто пистолет, бросились вдогонку за проскочившим мимо них пулей и вышибающим напрочь деревянные с петель входные двери убегающим киборгом ТОК715.

Во дворе дома завязалась стрельба, привлекая деревенских соседей из ближайших домов. И те, повыскакивали в свои дворы, и глазели через свои ограды на дом, что стоял на окраине леса, откуда выскочила женоподобная на вид машина Скайнет. В деревенской одежде. И бросилась наутек. Через огород. Мимо покосившейся сараюшки. Где завизжал напуганный выстрелами хряк Борька. Топча в домашних тапочках своими девичьими стройными и красивыми ногами высунувшуюся под ярких жарким утренним летним солнцем молодую картофельную ботву. А за ней выскочили два военных ракетчика офицера и открыли по убегающей машине стрельбу из автоматического и плазменного оружия.

— Черт, уйдет! — проорал майор Виктор Кравцов — Уйдет, сучка! Прыткая какая Быстро в вездеход!

Все трое залетели в кабину вездехода, и тот загудел двигателем запущенный водителем Толиком Лихим по прозвищу Павлик Морозов. И сорвавшись с места, тяжелый 28тонный тягач АТ-Т полетел под гору, сбивая молодые деревца и мимо проезжей дороги, вдогонку убегающей от него вниз по горе и мелькая среди черных стволами сибирских толстокорых сосен машине Скайнет.

Из кабинного сверху люка поочередно высывались ракетчики и вели стрельбу по убегающей от них на скорости 60 км/ч машине. Они поочередно стреляли то из стрелкового оружия, то из плазменного. Чаще промахиваясь по стоящим елям и соснам, чем попадая в убегающую на большой скорости от них машину Скайнет.

Весь сосновый летний поутру лес заполнился стрельбой и гулом гудящего форсированного двигателя вездехода и сбиваемых, им с треском ломающихся то у корня, то пополам небольшим молодым деревцам и высоким колючим кустам.

* * *

— Откуда у тебя все это? — произнес негромко Джон Коннор — Я же сказал тебе уничтожить все до последнего винтика от этой машины.

— Мне необходимы детали — произнесла Кэмерон Филлипс — Я возьму, то, что нужно и остальное уничтожу.

— Если это увидит моя мать? — произнес он, закрывая на замок изнутри дверь в дворовом сарае, где валялось повсюду много всякого хлама и прочего ненужного барахла. И ТОК715, выправлял сбой в своей цепи, включив аварийный анализатор в своем центральном процессоре управления. Параллельно и зрительно, выискивая искомую устраняемую машиной поломку, в той своей, положенной на стоящем перед ней столе правой, покрытой плотью и кожей гидравлической в сервоприводах руке. Перетянув выше запястья руку резиновым жгутом и вскрыв плоть и кожу острым заточенным ножом. Машина по-имени Кэмерон Филлипс, отключив полностью функцию боли и осязания. Оставив только технические параметры поиска поломки, искала возникшую внезапно в управлении

пальцами сервоприводами и гидравликой правой руки манипулятора неисправность, поочередно второй левой рукой и пальцами натягивая тяги приводов, ведущие к пальцам правой руки. Она отображала на своем встроенном в ее голову 40000000битном коммуникационном дисплее видеомониторе все параметры ее положенной на стол перед собой правой киборга руки. Переключая в своем центральном процессоре все функции управления каждой частью и приводом руки и ее механическими под кожей и плотью пальцами.

Совсем недавно эта ее рука против ее воли убила голубя, застрявшего в дымоходе камина в доме, где прятались от преследования и жили Сара Коннор и Джон Коннор вместе с родным братом Кайла Риза Дерек Ризом. И вытащив оттуда голубя, она хотела его отпустить, но ее, правая манипулятор рука, против самой воли и команд самой Кэмерон Филлипс, убила птицу. Она просто раздавила ее, сжав все пальцы. Это было, возможно, случайностью, а может, и нет. ТОК715 точно не знал и сам. Машина, созданная для разведки и убийства. И наложенные друг на друга программы в ней могли сделать такое. Даже не подчиняясь ее иным приказам в ее ЦПУ, просто на автомате. А могла просто произойти авария в самом ЦПУ, просто автоматический аварийный и временный сбой, или просто сама гидравлика дала сбой и пальцы сами сжались и раздавили голубя. Но этого нельзя было оставлять без внимания.

И вот она в этом рядом с домом сарае, решила проверить все и исправить, используя узлы конечностей сходной по конструкции уничтоженной ею же машины TS-B1-A, модель (S12ED). Женщины-охотника и убийцы ликвидатора, который должен был убить Джона Коннора, но не успел. Здесь еще были в двух пустых высоких баках останки других похожих конструктивно машин и их агрегаты. Вплоть до ядерных водородных батарей IGEY-700 и генераторов. Правда, отключенных от проводов и цепей и остановленных самой машиной ТОК715 на неопределенное время.

Они были схожи конструктивно и даже по габаритам.

— Я же тебе четко и строго наказал, чтобы все было ликвидировано и ничего не оставалось от убитых тобою роботов — произнес Джон Коннор машине ТОК715 по-имени Кэмерон Филлипс — Если про это узнает моя мать или Дерек?

— Я все уберу, Джон — произнесла негромко и, рассматривая свою вскрытую лезвием ножа, шевелящую обнаженной металлической гидравликой правую руку машина ТОК715 — Помоги мне.

— Помочь?! — произнес, возмущаясь, семнадцатилетний Джон Коннор — Чем помочь?! Здесь прибраться?!

— Нет. Вот тут поддержи — она произнесла ему тихо вполголоса — Поддержи за зажимы и открой пошире, я не все вижу.

Джон подошел к столу, где сидела на стуле Кэмерон Филлипс.

— Где поддержать? — спросил ее он.

— Вот тут — она, подняв свою темнорусую длинноволосую девичью миленькую личиком голову, посмотрела равнодушно на него. И взяв, своей левой рукой его правую молодую мальчишескую еще совсем руку положила на один из оттягивающих вскрытую окровавленную плоть и кожу на запястье правой руки специальное медицинское предназначенное для операций приспособление.

— Вот так будет лучше видно — произнесла она и снова посмотрела в его глаза. Еще не убирая своей левой руки с его правой руки. И на некоторое мгновение, включив функции

осязания и боли. Превозмогая сильную боль и ощущая все под его кожей и плотью. Кожей и плотью еще совсем мальчишки, а не того взрослого уже лет сорока Джона Коннора, лидера будущего человеческого сопротивления. Из того будущего, из которого, она сюда прибыла, чтобы защищать его и выполнить ряд еще поставленных ее хозяином задач. Она посмотрела в такие же, совсем еще детские не равнодушные к ней машине ТОК715 мальчишеские еще совсем глаза Джона Коннора, за которыми, она бы пошла хоть куда, хоть в огонь и в воду, ради его неравнодушного внимания к себе и его любви.

* * *

Она бежала сквозь лес. Бежала в панике и сломя свою робота ТОК715 девичью растрепанную о высокий кустарник кареглазой шатенки пепельноволосую голову. Изорвав о ветки длинное свое деревенское женское с чужого плеча платье. Платье умершей взрослой женщины. Разорвав его до самого пояса. Из-под которого мелькала кружевами подола белая шелковая комбинашка, и мелькали красивыми овалами голых с обеих сторон бедер босые ее девичьи ноги. Потеряв в момент быстрого бега, где-то на самой горе свою домашнюю обувь, бежала и спасала свою жизнь похожая на человека человекоподобная машина.

Вера бежала вниз с высокой горы, прыгая через сваленные стволами деревья и стараясь оторваться от преследователей. Она была уже далеко от лесной староверческой деревни. И самого на окраине стоящего дома. Где порядком перепуганный и ошарашенный свалившимися на него такими роковыми очередными событиями стоял Егоров Дмитрий. Он, выскочив на улицу, стоял у края забора своего огорода, вблизи трех высоких сосен, в направлении, куда побежала его любимая сожительница семнадцатилетняя Вера. Туда следом за убегающей и спасающейся Верой, полетел гусеничный вездеход ракетчиков повстанцев.

Вцепившись в забор трясущимися от перепуга и растерянности своими мужскими руками и до боли стиснув пальцы, Дмитрий стоял и смотрел в сам лес, слыша выстрелы, гулко разносящиеся в том лесу и горах.

Он не обращал внимание, ни на что больше. И не видел, что из соседних домов выскочили его соседи и бежали к окраине деревни и к лесу. Как раз к его дому, посмотреть и узнать, что творится. Не менее ошарашенные и напуганные разразившейся внезапной гулкой стрельбой и криками. Сорвавшись с места у дома Егоровых гусеничным вездеходом с тремя офицерами из ракетного бункера.

А Вера бежала сломя голову по лесу и вниз по горе, прыжками перепрыгивая все, что попадало ей под ноги.

Где-то совсем недалеко и преследуя ее, гудел и летел на всех парах двадцативосьмитонный гусеничный вездеход АТ-Т.

Вера, закрыв левой своей рукой робота-гибрида левую искалеченную кухонным бльшим ножом девичью щеку и забрызганная текущей кровью по своей тоненькой шее и полненькой глубоко дышащей всей диафрагмой машины на гидравлике и под ней вращенными внутри легкими под изорванной вязанной красной кофточкой. Слушала, как стучит ее живое, напуганное в груди под бронеплитой из металла колтан мощное искусственно выращенное сердце. Сердце как у живого человека. И как гудели здесь же в особой ячейке ее обе теперь включенные для усиления и спасения машины водородные батареи IGEY-700 и ближе к

спине у стального дискообразного позвоночника водородный генератор робота гибрида.

Она отключила связь с Главной Генеральной командной машиной бункера и оборвала любую связь, что было делать запрещено и это было роковой ее ошибкой и нарушением установленных Скайнет правил. Она не знала о своем срочном выводе из этой возложенной на ее плечи ТОК715 игры. И всему виной любовь. Снова любовь. Неразделенная любовь Любовь, ворвавшаяся снова в живое сердце, почти как живой машины-гибрида. Любовь как тогда, в далеком прошлом к Джону Коннору самой Кэмерон Филлипс.

— Дяденька Дима! — она громко и тяжело дыша всей своей той словно живой как у настоящей женщины девичьей молодой семнадцатилетней грудью, произносила постоянно — Что же это, дяденька Дима! Любимый мой, дяденька Дима! За что они так со мной?! За что?! Что я сделала им?! В чем виновата?!

Она сперепугу, сбилась и заблудилась в этом лесу на некоторое время, но снова определила свой маршрут и пыталась наладить связь, но безрезультатно. Скайнет не отвечал, и молчала Верта. О ней забыли и ее бросили одну и теперь в этом лесу.

Вера бежала сломя голову и ломая встречные колючие кусты и собирая все их на себя отломанные иголки своими голыми мелькающими девичьими, исцарапанными в безнадежно изорванном платье округлыми бедрами и полными икрами. Мелькая голыми маленькими следы на ступнях голых тех ног. И выставив вперед свою в изорванном рукаве кофточки девичью правую руку и отбивая низкие ветки, хлещущие по ее девичьему лицу, царапая ее и добавляя раны на и так искалеченном миленьком личике робота-гибрида ТОК715.

Она быстро и прыжками слетела с горы и выскочила на узкую в глубокой ложбине между отрогами высоких гор дорогу, проторенную неоднократно гусеничными машинами ракетчиков. И, идущую, куда-то, вниз. И по направлению в сторону бывшего Красноярска. Где была база и крепость ее хозяина и повелителя. И где было спасение. И только там.

— «База Скайнет! S9A80GB18! Спасение!» — гудело в программе и ЦПУ робота гибрида ТОК715 — «Спасение!».

На встроенном коммуникационном 40000000битном дисплее мониторе мелькали данные о повреждениях верхнего биологического камуфляжного покрытия и о более серьезных ранах от огнестрельного и плазменного оружия при попадании в спину машины, где сгорело все до самого эндоскелета гибрида и висели лишь обожженные ошметки кожи и плоти, под расползшейся почти пополам красной шерстяной женской вязанной кофточки и летнего легкого деревенского похожего на сарафан с изорванным в обрывки подолом в колючках платья. Где теперь, торчал дискообразный сочлененный и блестящий металлом колтан позвоночник робота-гибрида. И его подвижные, на особой гидравлике, похожие на человеческие лопатки. Данные показывали и о повреждении внутренних органов. Была прострелена бронебойными пулями от стрелкового оружия вращенная печень и желудок, и теперь эвакуация была срочной и необходимой. Жуткая боль, которую машина глушила, автоматически в себе, имея вращенную нервную живую систему как у человека и в отличие от прочих иных гибридов, специальную встроенную в ее ЦПУ программу максимального снижения болевого порога, которую ей встроила сама машина Т-1001, по-имени Верта. Которая, и программировала ТОК715 на поставленные задачи по распоряжению самого ее хозяина Скайнет. Но, внутреннее сильное кровотечение. Оно не было гибельным для этой машины. Но, надо было освободиться от пораженных до распада и гниения, распоротых пулями внутренних органов, и добраться до своей базы.

Кровь струилась из пулевых отверстий и капала. Следом, оставляя следы за бегущей

Верой на траве и листьях, указывая маршрут убегающей к спасению израненной машины.

Данные говорили сами за себя. А в ее ЦПУ открылась встроенная в архив данные машины карта местности. И машина следовала маршруту своего вероятного, теперь спасения. Неслась прыжками по сосновому лесу, не замечая ничего в густом том лесу, лишь распугивая сидящих на ветках, прилетевших из дальних краев лесных поселившихся здесь птиц. И напугав оленя марала и двух его оленей. И те напуганные понеслись в сторону от ТОК715 Веры, рогами сбивая с деревьев низкие ветки и делая еще больше шума и привлекая военных преследователей. И они, те, кто ее преследовал, видели убегающую от них по дороге впереди себя, похожую на, совсем еще ребенка машину Скайнет.

— Жми на газ! — кричал майор Кравцов водителю Толику Лихому по прозвищу Павлик Морозов — Жми, а то упустим! Врешь не уйдешь, гребаная железка!

Он, высунувшись из верхнего люка кабины тяжелого тягача вездехода АТ-Т, несущегося пулей на форсированном движке по лесной между гор дороге и гремящего траками гусениц. Разбрасывая землю, и давя все на своем пути своим двадцативосьмитонным весом, упорно летел следом за убегающим бегущим от него роботом. Достав автоматическую 9,39мм винтовку ВАЛ с оптикой. Пытался на лесных калдобинах, и на предельной форсированной скорости тягача. Прицелиться в убегающего от них на всех парах раненного робота Скайнет.

— Черт! — прокричал он, сам себе — Надо стрелять! А то оторвется, если рванет еще чуть сильнее! Точно не догонем уже! Уйдет тварь металлическая!

Павлик Морозов выжимал из машины все, что только можно. Матерясь сам и глядя на приборы и давя на газ. Он знал, что если упустит машину Скайнет, то Кравцов его «сожрет живьем», и жизни не даст в ракетном бункере.

Раздались несколько выстрелов в спину с верха кабины тягача. Три гулких выстрела. И даже почувствовалась отдача от автомата, стреляющего бронебойными с металлическим сердечником патронами. И, похоже, Кравцов попал. Снова попал, только уже в затылок убегающей машине, снося с того затылка целый клок плоти и кожи вместе с пепельными волосами. И оголяя металлический блестящий и сверкающий на солнце череп убегающего от него и их тягача вездехода робота.

— Рекошет! — прокричал Виктор Кравцов — Черт! Рекошет! Мать твою, Морозов! Убью, если не догонем!

И дал вослед убегающего робота-гибрида целую очередь. И мимо.

Но с убегающей машиной, что-то произошло. Ее замотало по сторонам. И она, чуть не упала, но удержалась на бегу, резко потеряв свою шестидесятипятикиллометровую скорость, и это было для нее роковым результатом.

— Попал! — прокричал капитан и тезка Кравцова Виктор Бондаренко.

— Дави гусеницами! — следом прокричал еще один офицер ракетного бункера полковника Остапенко майор Валерий Филиппчук.

* * *

— Я должна показать тебе кое-что — произнесла Кэмерон Филлипс — Это тело.

И она сняла черную футболку и разедалась до пояса, стоя перед молодым семнадцатилетним Джонном Коннором в одном черном лифчике.

Она помнит его глаза. Глаза мальчишки смотрящего на нее. Таковую же

семнадцатилетнюю девчонку, девчонку машину, предназначенную для убийства и разведки. Но не желающую его теперь смерти. Она садится рядом с ним на постель, а он робко и боязливо отодвигается от нее, не спуская с ее красивого молодого машины биологического живого, как и у людей тела своих мальчишеских глаз. А она растягивает тот черный кружевной лифчик и обнажает перед ним свою девичью полненькую с торчащими сосками грудь. Она видит его глаза и знает, что он все же не равнодушен к ней. И может поэтому она здесь и она еще жива сама как машина и защищает его от других роботов Скайнет два, и людей желающих ему смерти, как и его матери. Она чувствует его взгляд и анализирует его поведение. И их любовь разделяет лишь только то, что она для него робот.

— Садись на меня — говорит она ему. И он, молча подчиняясь, делает это.

— Если есть утечка радиации, и повреждения надо проверить — говорит ТОК715 и достает раскладной нож.

— Прямо сюда — говорит она ему и показывает в район, где заканчивается грудная бронированная из колтана плита. Туда где батарейный отсек машины и ячейки с водородными источниками питания IGEY-700. И в глубине за ними в куче металлизированных в обмотке проводов ядерный генератор машины.

Она подает ему нож из своих рук. А он берет его и готовится сделать то, что ему неприятно.

— Если я повреждена — снова говорит она ему — Мы должны узнать.

И Джон режет ей ее тем ножом, и она чувствует это. И даже терпит боль, отключив сенсоры и чувствительность врожденной нервной системы робота-гибрида ТОК715.

— Протяни руку под грудной пластиной — произносит робот Кэмерон Филлипс.

И Джон Коннор засовывает левую руку внутрь ее тела в кучу проводов. Он делает это совершенно на ощупь. Он не видит и не знает, даже, что он делает, но он внутри ее. И она, ощущает его там пальцы, между высоковольтных проводов, механизмов и деталей машины.

— Здесь — она говорит ему — Что чувствуешь?

— Холодно — он говорит ей — Это ведь хорошо?

— Это хорошо — отвечает она ему — Идеально.

Их лица почти соприкасаются. И Джон, буквально прижимается к ней всем своим мальчишеским телом. И ей это нравится. Она влюблена в него. И ее губы машины сами тянутся к его губам. И его глаза смотрящие в ее глаза. Она влюблена. Она способна любить. И она влюблена снова, как и в том военном будущем в своего уже взрослого Джона Коннора.

— Зачем ты такой создана? — спросил ее Коннор.

— Я создана такой, чтобы любить такого как ты — ответила она ему и продолжила — Джон, нам пора идти.

* * *

Удар бронебойной пули в затылок и в голову не нанес серьезного повреждения машине ТОК715. Он лишь, оторвал всю кожу и плоть с волосами с девичьей миленькой головы киборга-гибрида, которая отлетела сразу после попадания рекошетом в сторону от металлического бронированного затылка ее черепа. Попадание пули сбilo координацию робота по-имени Вера, и сотряс систему управления машины. Отключился на какие-то считанные секунды экран видеобозора ее встроенного коммуникационного

40000000битного видеомонитора, и все датчики слежения и обнаружения машины разведчика Скайнет. Лишив на время даже зрения. Глаза камеры машины погасли и вспыхнули снова. И Вера чуть не упала на бегу, прямо в сторону на обочину протоптанной гусеницами вездеходов дороги. Сбилась вся система, но мгновенно снова включилась. Но было уже поздно, и бежать было некуда. Узкий между горами коридор и крутые заросшие сосновым густым лесом скалистые вверх, склоны, лишали убегающую от преследования машину Скайнет любого маневра. И гусеничный АТ-Т, летя на скорости уже более шестидесяти километров. Настиг убегающую от него на практически, такой же скорости машину Скайнет. И ударив в спину металлическим мощным буфером сбив с ног, подмял под низкое гладкое днище и крутящиеся колеса и гусеницы, размалывая работа разведчика почти тридцатитонным своими на скорости сокрушительным весом. Вдавливая в твердую землю и ломая и дробя сервоприводы ТОК715 и всю попавшую под гусеницы гидравлику манипуляторов ног и рук машины. Раздавливая сам эндоскелет из колтана и ломая ему бронещит и позвоночник, обрывая проводку и раздавливая внутренние и так поврежденные пулями человеческие вращенные органы. Куроча и деформируя все, что было возможно. Контузив сокрушительным многотонным ударом всю систему управления машины ТОК715.

Когда Вера после такого сокрушительного удара корпусом вездехода, пришла в себя, то с трудом смогла повернуть на поврежденном и сломанном шейном отделе позвоночника свою ободранную до металла, почти безволосую со снятым полностью скальпом голову.

Она потеряла один горящий красным светом выбитый, вместе с человеческим камеру глаз, из теперь сломанной и раздавленной глазницы робота-гибрида. И смотрела только на своих врагов и будущих убийц одним напуганным мигающим под живым нарощенным человеческим глазом красным горящим органом видеобзора. Встроенный экран коммуникационного 40000000битного видеомонитора дергался, и по нему бежали данные о повреждениях, которые показывали полное разрушение всего бронированного колтаном эндоскелета ТОК715.

Было все превращено в полный хлам и бездействовало. И она, просто теперь лежала. Без движения. И только работали в груди под деформированной и раздавленной вместе с вращенными человеческими гибридными легкими еще водородные обе экранированные батареи. И гудел еще генератор. И это показывалось на экране встроенного в ее поврежденный бронированный металлический череп видеомонитора.

Вера попробовала встать, но бесполезно. Ноги бездействовали. Только, откуда-то из переломанной гидралики брызнуло масло. Оно смешалось с текущей кровью. Стекая в общую кровавую лужу из раздавленного гидронасоса, и специальной емкости рядом с гудящим водородным генератором, где-то в глубине самой машины ТОК715 из перемолотой гусеницами 28тонного тяжелого тягача, вперемешку с металлом живой плотью. Ноги были на месте, но превращены в полный переломанный хлам.

Руки тоже бездействовали и были в таком же состоянии. И это показал видеоскрин монитора. Вера лежала на земле на спине и крутила по сторонам контуженной машины ТОК715 изувеченной головой.

Это был конец. И машина поняла это. Данные говорили сами за себя. И оставалось только сделать последнее. Когда она увидела их. Тех, кто гнался за ней.

Те, кто гнались за ней, выпрыгнули из кабины гусеничного АТ-Т, стоящего в метрах десяти от поверженного и погибающего лежащего в гусеничной калее робота-гибрида.

— Кончатъэту тварь надо! — произнес майор Филлипчук — Похоже, не сдохла еще,

сучка механическая! Живучие гады!

— Еще не сдохла?! — прорычал злобно и презрительно, подходя ближе всех окруживших ее Веру, сам майор Виктор Кравцов — Сейчас сдохнет!

Он направил стволом свой 9,39мм ВАЛ в смотрящее на него напуганное изуродованное и обезображенное девичье лицо человекоподобной машины.

Точно в смотрящий на него горящий ярким, мерцающим из-под глазного нарощенного в глазнице живого яблока робота неподвижный красный глаз.

Машина молчала. И немогла говорить и даже кричать, но возможно кричала и звала на помощь, где-то внутри себя, взывая к Скайнет до последнего по еще работающей внутренней связи. Но этот взгляд, который Кравцов видел, одним уцелевшим и живым и неживым уже глазом обреченной машины. Машины жаждущей жить, но принимающей теперь свою смерть от его рук, рук человека. Она смотрела только на него, Виктора Кравцова и возможно ждала его окончательного смертного приговора и решения.

— Что молчишь, тварь! — произнес он ей, смотрящей на него не отрываясь и словно пытаясь навсегда запомнить, перед своей скорой смертью. И он передернул затвор автомата. Он тогда еще не знал, что этот единственный горящий из-под человеческого глаза, глаз робота ТОК715 будет преследовать Виктора Кравцова до конца его дней в его снах, как вечный ночной кошмар. Как некая кара и возмездие всех уничтоженных лично им машин.

И машина ТОК715 запустила систему самоуничтожения, когда раздалась автоматная длинная очередь, разносящая ей ее второй вращенный в живое человеческое глазное яблоко горящий красным огнем глаз. И пробивая бронебойными пулями глазницу и сам из колтана бронированный череп киборга-гибрида. Врезаясь в мигающий и отсчитывающий последние секунды обратного отсчета самоуничтожения экран видообзора и 4000000битного коммуникационного видеомонитора, разнося его и врезаясь в центр управления ТОК715 по-имени Вера. И разрушая чип управления машины-гибрида и само ЦПУ киборга разведчик: Скайнет. И полетели искры и разряды из иковерканного и почти разодранного пополам тела машины и загудели ее водородные, раскаляясь до миллиона градусов обе водородные батареи и генератор, создавая стремительно и мгновенно, тепловой перегрев и вызывая взрывную неизбежную необратимую цепную реакцию своего саморазрушения.

— Быстро в вездеход! — прокиричал майор Кравцов — Эта сука, включила самоуничтожение! Быстро!

Кравцов в жуткой дикой панике, сорвался с места. И бегом рванул к вездеходу, крича на ходу водителю — Делаем ноги! Заводи мотор, Морозов!

И сделом за ним рванули, сорвавшись как ужаленные подлетев на месте, и два других офицеров майор Филлипчук и капитан Бондаренко.

Они все, втроем помогая друг другу, заскочили кто в кабину гусеничного АТ-Т, кто в кузов под пятнистый тент машины. Филлипчук заскочил в кабину тягача, а Кравцов и Бондаренко в кузов и подлетели к кабине, и давай, стучать кулаками по кабине, пока водитель Толик Лихой по кличке Павлик Морозов заводил экстренно форсированный и усиленный в тяговой мощи двигатель вездехода.

28тонный вездеход сорвался на скорости с места, подскочив, чуть ли не на дыбы. И, задирая, свой тяжелый тягача с двигателем нос. Он понесся по лесной дороге по узкой заросшей колючим кустарником ложбине на всей скорости, на какую только вездеход был способен. Казалось еще быстрее, чем гнался за уничтоженным ракетчиками роботом-гибридом и киборгом ТОК715 по-имени Вера.

Все, что она успела вспомнить, когда пули с твердым стальным сердечником от автомата ВАЛ врезались ей в голову, включив систему самоликвидации, как сама отдала свой микрочип прямо в руки Джона Генри. Как позволила сделать ему это. Она предала свою любовь, преданную любовь робота к человеку.

— Джон Коннор, меня заставили сделать это — прозвучали последние слова ТОК715 — Прости меня, мой любимый Джон Коннор... когда разогретые до миллиона градусов водородные батареи в экранированной выдвижной ячейке IGEY-700 в деформированной и переломанной гусеницами 28 тонного вездехода ТОК715 и его ядерный генератор, взорвались, разнося то, что осталось от некогда боевой разведывательной машины Скайнет. Превращая ее в крошево и молекулярную мелкую пыль и взрывая и сжигая огненным взрывом все вокруг и вырывая даже землю из земли, пронесся многотонной ударной волной по узкому, между двумя стоящим заросшим высокими черными соснами и крутыми скалистыми склонами горам. И вверх по тем склонам вырывая с корнями толстые стволами деревья и выбрасывая их вверх через склоны гор на другую их сторону.

Сотряса водородным тепловым взрывом склоны двух высоких гор и дом Егорова Дмитрия.

Старенькие с гирьками цепные ходики слетели со стены и бахнулись с грохотом на дощатый подлестевший, тоже вверх всеми досками пол. На пол упала и икона из правого бревенчатого избы угла, вместе с полочкой и кружевными занавесочками Николая Угодника Отвратного. Посыпалась известка. Да и сам Егоров Дмитрий упал подброшенный вверх у своей у леса ограды своего огорода. Дмитрий еще не успел прийти в себя после случившегося, как его самого и его дом подбросило весь вверх, буквально по бревнышку и посыпалась известка со стен и потолка. Напуганный и так до этого всем случившимся, как случилось еще и это. Он, словно пораженный параличем от охватившего его парализующего увиденным шока, лежал на земле в своем огороде. Вылупив, широко свои глаза на горящие горы и лес. И на подымающееся вверх к небу большое клубящееся в виде гриба облако. Это случилось и с теми, кто стоял здесь же из жителей его деревни. Они с криком и в панике бросились, соскочив с земли к своим домам.

Казалось, наступил конец света. Когда сотряслись окна и зазвенели стекла в доме.

Прокатился громкий гул взрыва по Саянским отрогам, гулками раскатами сотряса все горы.

И Дмитрий, буквально соскочив на колени, быстро по-собачьи, ползком и на руках, пополз по огороду и по растущей зеленой картофельной ботве и грядкам в сторону своего старого дома. И соскочив на ноги, рванул босиком по трясущейся земле в дворовую деревянную тоже сараюшку к верезжающему в испуге и мечущемуся по ней хряку Борьке.

Он и сам не знал почему, но в этот момент почему-то подумал о своем хряке, напугавшись за него. И услышав того перепуганный дикий звериный визг. Он бросился к нему по качающейся и трясущейся от землетрясения земле. Исчезая в подлестевшей от взрыва, также как и дом, вверх сарюшке. И в этот момент начали падать с неба ветки сосен и шишки. А за склоном соседней с деревней горы вверх, взлетели целые стволы деревьев. Вырванные с корнями и вместе с землей, они перелетели через склон горы на другую сторону вместе с камнями пылью и густым дымом. Горя в воздухе ярким огнем, они падали

на видимый из деревни Дмитрия склон соседней горы, поджигая летний лес вниз по всему склону.

Взрыв и летящие, горящие в воздухе деревья над склоном соседней горы напугали всю деревню Егорова Дмитрия, равно как и ближайшей с ней соседней деревней в верховьях Маны.

Все кто был еще в домах, повысканикивали из своих домов, держа на руках своих малолетних ребятишек. Крича и бегая, налетая друг на друга в полнейшей людской панике. Думая, что наступил очередной конец света.

Этот взрыв сбил с пути следования и два гусеничных вездехода АТ-Л, летящих на полном ходу между гор, по приказу майора Кравцова с молодыми новобранцами в ракетный бункер полковника Остапенко. Только успев пересечь в верховьях саму речку Ману. Они вылетели на склон горы и чуть не столкнулись друг с другом. Из обоих вездеходов, повыскакивали, тоже с криком, все кто там был. Не многочисленные молодые призывники и сопровождающие их ракетчики военные. И разбежались по склону, падая и спотыкаясь о торчащие из трясущейся земли корни сосен и елей. А там, где рвануло, все затянуло дымом от горящих деревьев. И этот дым поднялся высоко над самими заросшими густым таежным лесом горами, уносимый налетевшим внезапно сильным ветром в сторону самого Енисея.

Вскоре все затихло и утряслось. Только горели склоны той горы и соседней с ней. И там, что-то происходило, потому, как над горами закружил, сверкая на ярком майском летнем солнце бронированным титаном воздушный охотник. Прямо в густом черном дыму горящих деревьев и гор.

Его все видели из двух лесных деревень. Все жители, что повыбежали на улицу во время жуткого в горах взрыва.

Они видели кружащегося в дыму пожарищ ОУНК-AERIAL V5, который то нырял в дым то выныривал из него. И, по-видимому, что-то выслеживал там внизу между двух гор. В глубине узкой межгорной ложбины. Что-то там явно произошло и стало причиной этого кошмарного взрыва.

* * *

Взрыв был слышен за многие километры от своего эпицентра и гулко разнесся по воздуху и самим горам, сотрясая все кругом. И в обоих ракетных бункерах даже все посыпалось и попадало как от землетрясения. И многие, просто обделались от испуга. Одни, онемев, прижались задницами к стенам либо к полу. Другие забегали как умолишенные с криками по коридорам бункеров Остапенко и Гаврилова, решив, что началась новая ядерная война.

Этот взрыв, сотряс горы, и всех напугало, то поднявшееся белое высоко над горами облако. Которое увидели не только жители двух лесных староверческих деревень, но и дозорные выставленные встречать группу Родиона Семенова из разведки у ворот ракетного бункера.

Была команда осмотреться в отсеках как на подводной лодке и проверить все кругом, вплоть до бетонных швов на низких квадратных стенах. И наличие возможного поступления грунтовых вод через стены и потолок. А также всю проводку и особенно высокого тока от ядерных трофеных батарей и генераторов и их с проводкой полную исправность. А также

автоматически закрывающихся дверей и особенно входных ворот в сам бункер. На наличие деформации механизмов закрывания из-за подвижек земли от сильного толчка. И доложить техникам бункеров в главный командный штаб. Это все делали четко по установленным правилам и командам. Причем похожим, и там и там, один в один в обоих ракетных бункерах.

— Это еще, что такое?! — прокричала, напугавшись, прижавшись к своему новому любовнику и командиру, лейтенанту Родиону Семенову, лесная Багира Светлана Лескова, подлетая и отрываясь вверх от земли вместе с ним. Вокруг них также подлетели, все кто был в лесном разведывательном патруле и возвращался уже назад в бункер полковника Петра Остапенко. По возвращению в ракетный бункер от стен крепости Скайнет. Они регулярно туда делали рейды. Сначала на вездеходе. Потом пешком. И вели разведку местности. Наблюдали, постоянно за передвижением по стенам и по периметру крепости машин Скайнет. И за полетом летающих охотников. Фиксируя и записывая для дешифровки переговоры и зашифрованные сообщения на специальные радиодатчики между машинами. Для отправки в главный штаб на Урале. Их всех, просто разбросало по сторонам внезапным землетрясением и оглушило взрывом, гулко несущимся по заросшим густым еловым и сосновым лесом горам в двадцати километрах от бункера, где ждал гусеничный вездеход, который тоже подкинуло. И его водитель, по-прозвищу Гога Кощей, двухметровый хоть и худой как доска, но жилистый и сильный детина, проверяющий двигатель, слетел, громко матерясь, как пушинка с него и упал на землю, чуть не свернув себе шею.

— Я че, знаю, твою мать?! — прокричал ей и всем своими подчиненным сам Родион Семенов, схватившись за ствол рядом стоящей с ним сосны, когда земля подбросила его вверх, и разнесся тот оглушительный грохот по горам. Еще далко разносясь тем гулким эхом куда-то по сторонам и вдаль. А мимо них пролетели стайками маленькие лесные птицы и по склонам гор пронеслись лесные олени маралы, сбивая рогами ветви и ломая кусты. Падая, и сбивая с ног в суматохе зверинного испуга, друг друга.

— Это что, бомба?! — прокричала, вытаращив панически свои зеленые девичьи перепуганные глаза Лескова — Что, новая бомбардировка?!

— Не знаю, дурра! — он, прокричал ей оглушенный взрывом, как и все в его разведотряде и сам напуганный не на шутку — Радируй о возвращении — он отдал быстро и резко приказ радисту Плешакову Сергею — Быстро и прямо Остапенко в бункер!

Тот произнес — Есть, товарищ лейтенант!

И давай проверять свою рацию на исправность от удара о землю.

В это время все разведчики из его отряда разведки, схватились за свое снаряжение и оружие, поправляя его после падения на землю.

— Надо быстро возвращаться в ракетный бункер. Вдруг мимо нас началась новая ядерная война! — скомандовал Родион Семенов.

— Война! Ядерная! — прокричала перепуганная Лескова и затряслась от лихорадочного ужаса.

— Заткнись, дурра! — прокричал Семенов Лесковой, перебивая ее, сам крепко очкуя и растерянно осматриваясь по сторонам.

Он посмотрел на трясущихся своих подчиненных разведчиков не меньше, чем его подруга Лескова от страха и по сторонам.

— Слушай мою команду! — прокричал Семенов всем своим бойцам разведчикам ракетчикам — Схватили все, и марш бегом вдоль склона в направлении бункера! Все за

мной! — он прокричал своим подчиненным, еле отрывая от себя перепуганную Лескову.

— Чего, вытаращилась! А вы, какого хрена озираетесь и таращитесь! — он ей рывкнул и своим разведчикам бойцам — Схватили все подштанники и автоматы и за мной к вездеходу! Он в полукилометре от нас! Быстро понеслись, чтобы только пятки засверкали!

— Есть, командир! — они прокричали ему все в ответ, трясаясь от страха, как на дереве лист. И Светлана Лескова, и все рванули бегом за своим командиром.

* * *

10 мая 2032 года.

Восточная Сибирь.

Манское нагорье.

В пятидесяти километрах от базы Скайнет.

13:21 дня.

ОУ НК-AERIAL V5, гудя тремя реактивными перемалывающим летний дневной возду турбинами, зайдя со стороны солнца, сел среди поломанных и обгоревших разбросанных по горе и межгорью на целые километры стволов сосен и елей. Повернув их к самой земле, он мягко, но быстро опустился на вывернутую кучами местами до скалистой поверхности с распотрошенной травой и цветами разбросанную крошечком и большими комьями землю. Был сорван дерн и вывернута вверх земля и торчали корни деревьев. Все было затянуто густым дымом. И по краям склона горы горел сам поваленный мощной ударной волной от теплового взрыва лес.

Из летающей робота-машины, из грузового отсека и открывшейся аппарели, выпрыгнул военный. В пятнистом камуфляже ракетчика с автоматом ВАЛ за спиной и с пистолетом ГШ-18 в кобуре на военном со звездочкой Советского офицера широком туго подпоясанном на его талии ремне. Глухо и тяжело ударившись обеими ногами и подошвами военных кованных ботинок о дымящуюся после прокатившегося по ней огненного кошмарного сокрушающего на километры по узкому межгорному коридору вала землю. И тут же уперся ногами в труп мертвого оленя марала. Тот лежал на боку с вывернутой переломанной шеей и воткнувшись рогами в землю. Труп был местами обожжен, и местами просто ободран до костей. И торчала во все стороны разодранная плоть погибшего ужасной жуткой смертью лесного животного.

Он, пошел, вперед, осматривая все кругом место только что произошедших трагических событий, быстро приближаясь к перевернутому и под завалом догорающих стволов вывернутых с корневищами сосен полуразобранному ядерным взрывом тягачу и вездеходу АТ-Т. Сканируя и включив биолокатор поиска, приближая и удаляя видеобозор своих глазных горящих красным огнем под глазными яблоками человеческих камерами. Перенося увиденное на коммуникационный 20000000битный встроенный в его из бронированного титана голову, дисплей монитор машины. Анализируя все кругом и состояние самой местности после взрыва.

Машина отметила малое содержание радиоактивной пыли в самом воздухе. Но наличие большого содержания угарного и углекислого газа смешанного с земляной оседающей вниз пылью.

Повсюду валялись металлические детали вездехода. Его железные дискообразные и тяжелые оторванные с корнем и болтами колеса и траки от гусениц. И порванный маскировочный брезентовый тент. Который, разбросав свои натяжные в искореженном, почти уничтоженном кузове, тягача дуги, теперь висел порванным в ключья как раскрывшийся парашют на поломанных ветвях одной из лежащей на земле сосны. Тут же в стороне лежал оторванный капот и сам двигатель, вылетевший из не успевшей удрать от ударной волны ядерного взрыва гусеничной машины.

T-800 осматривал своими под синими человеческими глазами красными линзами видеокамер и обзора место всей катастрофы, выискивая тех, кто это все натворил.

Долго искать ему не пришлось. Один из виновников и пострадавших от водородного теплового сокрушительного взрыва, выполз ползком из-за поваленной сосны, и поднялся, качаясь как пьяный, с разбитым лицом в кровь и головой на ноги. Он был наглухо контуженный и не увидел идущей в его сторону истребительной машины Скайнет.

Он вдруг все же увидел ее, когда начал крутить контуженной по сторонам окровавленной головой, но уже было поздно, когда получил сокрушительный удар в грудь правой гидравлической в сервоприводах под человеческой плотью и кожей рукой самого киборга. Удар был такой, что человек отлетел метра на четыре и ударился, падая о другой ствол лежащей и дымящейся опаленной огнем вывернутой и выдернутой из земли чудовищной силой сосны.

Он упал замертво, с пробитой грудной клеткой и переломанными начисто ребрами и лопнувшими легкими на такие же поломанные с облетевшей хвоей ветви лежащего дерева. И забился в последней смертной агонии. Из рта потекла рекой кровь, прямо по его в звании лейтенанта ракетных войск Виктора Бондаренко подбородку и прямо на его камуфляжный пятнистый маскировочный в земле костюм военного ракетчика. А киборг T-800 подойдя к нему, стал осматривать уже остывающий труп военного. Включив поиск на все вероятные и возможные данные, вложенной в машину и ЦПУ управления картотеки Скайнет по своей ликвидируемой цели.

Робот киборг T-800 в облике ракетчика и лейтенанта Василия Смирнова не нашел такового в своей базе данных и продолжил поиск целей.

Вообще это была стандартная его работа как ликвидатора.

Он получил вызов. Вызов своей машины. Гибнущей в той лесной деревне и уже здесь среди этого леса и гор. Он получил приказ от самого Скайнет, проверить и по возможности спасти попавшую в беду машину. Но, опоздал. И тогда Скайнет приказал провести зачистку района. Собрать все, что останется от погибшей машины ТОК715.

Собирать, как оказалось в месте взрыва, было нечего. Там зияла огромная, в сто в диаметре и глубиной в десять метров до самого скального основания Манских отрогов в земле, укрытая густым белым плотным застоявшимся в межгорье дымом воронка. И ничего больше. Только поваленные останки переломанных сгоревших почти дотла деревьев в округе, буквально сломанными стволами и ветками, вонзенными и вдавленными в саму землю и склоны двух гор. Обе вершины были просто ободраны до самых макушек ударной волной, которая поднялась, выворачивая все с корнем и землей до самого верха, выбрасывая землю и стволы вековых сосен через сами макушки гор на другую сторону. Где те, упав с раскаленным до миллионов градусов воздухом и пылью, горя и поджигая сосновый лес с другой стороны гор, висели на других стволах и ветвях деревьев.

Там с той стороны возникли многочисленные лесные пожары, и все затянуло черным

угарным от горящего леса дымом.

И он на подлете к зоне боевых действий, увидел как произошел ядерный тепловой взрыв в межгорье горных отрогов и ощутил как его воздушный охотник даже потрянуло воздушным ударом волны от того взрыва. И робот Т-800, в камуфляже лейтенанта ракетных войск с документами на имя Василия Смирнова, получив приказ от Скайнет, уже был здесь и уже занимался своей работой.

Он прикончил одного военного, но в базе данных его не нашел. И тут же, увидел, как открылась кабина перевернутого гусеничного развороченного лежащего на боку под упавшими на него соснами двадцативосьмитонного тяжелого вездехода АТ-Т. Робот сличил данные виденной ранее такой же машины с этой разбитой ударной волной и превращенной уже в простой металлолом. Данные совпадали. Это был тот же ранее виденный им летящий по межгорной дороге гусеничный вездеход.

Робот просканировал биосканером лежащую на боку всю машину, просветив насквозь и увидев там двоих. Один был еще живой и пытался выбраться из перевернутой разбитой вдребезги машины.

И из него вскоре ползком, перевешиваясь через край кабины, вывалился еще один военный ракетчик, с поломанной рукой и весь в крови. Он рухнул прямо на землю у останков вездехода, стеная от боли и ползя по самой земле вслепую, прямо к идущей на него человекоподобной машине.

Похоже, тот раненный военный не видел ничего. У него был выбит правый глаз и обгоревшее все лицо. Он был практически неузнаваем.

Это был майор Валерий Филлипчук.

Он вслепую еле нашел выход из покореженной с выбитыми начисто стеклами кабины гусеничного вездехода. Придавленный лежащим на нем трупом водителя Толика Лихого по кличке Павлик Морозов. Проткнутого рогами влетевшего в кабину через капот оленя марала в тот момент, когда вездеход на полном ходу врезался, убегая от ядерного теплового взрыва в стадо лесных оленей.

Он, майор ракетных войск и правая рука самого Петра Остапенко, Валерий Филлипчук. Весь с ног до головы облитый кровью водителя Павлика Морозова, и своей тоже кровью. Был похож теперь на ползущее по дымящейся и вывернутой наизнанку ударной волной сорванной с камней земле жуткое нечто, чем на самого теперь человека.

Он еле смог открыть дверь вездехода и еле вылез, прямо упав под ноги уже подошедшего к нему терминатора Т-800. Хватаясь руками за ноги и военные ботинки военной боевой стратегической машины. А робот смотрел на него, сверху сличая его профиль личности со своими, его хозяином заложенными данными в базе данных машины.

— «Личность не установлена» — было выдано в считанные секунды на встроенном 20000000битном мониторе Т-800 — «Данных нет. Подлежит ликвидации».

И расстегнув на широком кожаном, туго затянутом на узкой талии ремне кобуру со звездой Советского офицера лейтенант Василий Смирнов, достав девятимиллиметровый пистолет ГШ-18, сделал несколько выстрелов в голову майора Филлипчука, прямо на глазах лежащего недалеко отсюда самого майора Виктора Кравцова. Который чуть приподняв свою контуженную и оглоушенную голову и практически не слыша ничего, видел своими налившимися кровью вытаращенными от той контузии глазами, как машина ликвидатор разобралась с еще одним офицером его ракетного бункера.

Кравцов ощущал себя медленно руками. Проверяя все ли на месте. Все ли цело. Ощущая

ноги и свои руки. И то, что они, вроде бы были целы. Ни переломов, ни вывихов, только боль от сильных ушибов.

Он смотрел, не отрываясь на стоящую чуть поодаль от него над трупом майора Филлипчука машину Скайнет, прекрасно понимая, кто это. Также как сразу увидел в той девчонке робота. Даже офицеры бункера сразу это не определили, а он увидел. Не потому, что даже был в доме Егорова Дмитрия раньше и знал, кто там должен жить. Он просто чувствовал кто машина, а кто человек. Это своего рода охотничье чутье, как у той стоящей над трупом Филлипчука машины в облике живого человека, и смотрящей теперь на него своими вроде бы живыми синими, но абсолютно холодными и равнодушными к любым мольбам и страданиям людей убийцы Скайнет глазами.

Можно сказать, они стояли друг друга Кравцов и тот робот. Два заклятых врага, человек и машина.

Он Виктор Кравцов, смотрел на стоящую над только, что убитым ею майором Филлипчуком машину Скайнет, которая смотрела, теперь на него, но не сходила пока со своего места. Она рассматривала его и видно, что-то думала, прежде чем, что-то по отношению к Кравцову предпринять.

И пока она думала, он, шаря, обеими руками рядом с собой по земле нашел свою автоматическую винтовку ВАЛ. К счастью или к горю, но ВАЛ был на ремне. И закинутым им же на его спине Кравцова в момент, когда ударная взрывная волна захлестнула их летящий и удирающий от нее по узкому горному ложбины коридору гусеничный вездеход. И теперь этот автомат лежал на том же ремне у него на левой руке и рядом с ним. Он просто слетел со спины и лежал рядом. Кравцов вылетел из кувыркающегося уже по земле вездехода из разлетающегося в стороны кузова, через порванный тент, вместе с лейтенантом Виктором Бондаренко. И упал на землю, отключившись от удара. Ударная волна, прокатилась над ними дальше, унося с собой деревья и стадо бегущих уже по ее раскаленному в поднятой земляной пыли и огня оленей маралов. Сжигая их заживо, превращая в летящий по летнему июньскому воздуху пепел. И сам огонь, просто обошел как-то Виктора Кравцова поверху. Как и только, что убитого киборгом ликвидатором лейтенанта и тезку Кравцова, Виктора Бондаренко.

Кравцов нащупал среди валяющихся рядом с ним обожженных огнем еловых и сосновых шишек автомат, аккуратно беря его правой рукой и подтаскивая к себе и лежа на свою грудь. Берясь уже обеими руками за цевье и рукоять с откидным прикладом. Он почувствовал, как лег указательный палец правой руки на курок. И стал ждать, когда киборг в облике офицера ракетных войск и в такой же, как и он, в камуфляжной зеленке подойдет теперь к нему, чтобы вероятно также и его прикончить.

Виктор Кравцов не боялся смерти, и он был не трус. Просто он не хотел, вот так умереть, как умерли те двое из его ракетного бункера. Как-то не по-военному. Скорее, просто как жертвы охоты. Такой же охоты, какую он вел сам на киборгов Скайнет. Он хотел последний раз, хоть засадить целый магазин в этого стоящего над человеческим трупом терминатора. Который стоял и смотрел на него, и прекрасно видя, что Кравцов живой. Пока живой. Но, почему то еще стоял и смотрел на него.

— «О чем ты сейчас думаешь, тварь?!» — он говорил про себя — «Ведь ты сейчас о чем-то думаешь! Ведь так? Ублюдок железный! Ну, подходи же, чего ждешь! Походи! Угощу по полной бронебойными! Будешь о майоре Кравцове помнить всю жизнь оставшуюся, если выживешь!».

И киборг пошел на него. Убрав в кобуру пистолет ГШ-18. Повернувшись, он быстро пошел на Виктора, снимая с себя такой же ВАЛ, как и у Кравцова. И беря его в правую только свою робота терминатора руку, уперев откинутым прикладом в свое правое плечо машины.

Виктор Кравцов быстро вскинул и направил в сторону Т-800 свой автомат Вал, когда робот, почти к нему подошел и нажал на курок. Раздалось три выстрела очередью. Но только три... И автомат заклинило...

Пули все же попали в подошедшую, почти в упор к нему лежащему человекоподобную машину. Одна в левую ногу в бедро ноги, распоров вскользь штанину пятнистого камуфляжа и с кожей плоть, войдя до самого манипулятора бронированного титаном ноги машины. И застряв там стальным сердечником и расплющившись свинцовой оболочкой. Брызнула кровь и потекла по ноге машины ликвидатора.

Две другие пули попали в область живота робота и пролетели насквозь, через его спину, не задев ничего из механизмов машины. Только пробив насквозь одну лишь нарощенную человеческую на эндоскелет плоть Т-800. Порвав только одежду и измарав ее тоже человеческой кровью, что подавалась из гидронасоса, запитанного на ядерный генератор киборга. И питала живые ткани человекоподобного камуфляжа машины.

Но киборга Т-800 это не остановило даже. Будто он это даже не почувствовал. И он действительно это не почувствовал. Он не был гибрид и не имел такой разветвленной усиленной нервной системы как роботы гибриды Скайнет. Лишь слабое ее подобие для осязания. Это была машина для убийства и войны. Еще для разведывательной и диверсионной работы Скайнет. Машина для открытого боя на линии фронта. Как поодиночке, так и в массе. Машина истребительного класса. И лучшая машина за всю войну Сканет. Лучшая машина из всех им созданных во второй половине войны. И заменившая все другие устаревшие машины. Именно эта машина спихнула с первого места работы Т-600 и Т-700 и заменившая их на самом фронте войны.

И эта машина, выбив ногой, автомат ВАЛ молниеносным пинком, из рук Виктора Кравцова быстро нагнувшись, схватила его за шею. Схватила левой одной манипулятором рукой. Мгновенно оторвав его тело, от самой земли, стряхнув с майора Кравцова земельную пыль и пепел от сгоревших животных и растений.

Кравцов даже, не увидел, куда его ВАЛ улетел, но удар был такой, что чуть руки ему не выбило, и не оторвало пальцы на руках, держи он крепче сейчас оружие. Хорошо, что ремень он скинул с левой руки.

И робот его поднял перед собой, рассматривая его как игрушку или зверюшку своими под человеческими глазами в стальных глазницах своего бронированного черепа горящими красным холодным, как ядерная сама война линзами подвижных видеокамер.

Кравцов даже их увидел, горящие из-под тех синих зрачками холодных человеческих глаз, и как они его рассматривали.

Робот что-то сейчас думал и решал. А на самом деле, получал инструкции от своего хозяина. Что с ним делать, и что дальше.

Т-800 получил всю информацию о майоре ракетных войск Викторе Кравцове и то, что он, очень нужен самому его Богу и хозяину Скайнет. И что должен был быть доставлен в качестве боевого трофея самому Скайнет. Он имел прямое отношение к пленному теперь его Скайнет солдату Алексею. И сам Скайнет хотел увидеть лично этого лесного партизана героя, так долго не попадавшегося ему в руки. Почти как тот неуловимый американский

герой освободитель Джон Коннор, который теперь уже не играл никакой роли и был никем там в той охваченной войной за освобождение от машин Америке. О нем позаботилась его преданная Верта. Но Кравцов был куда желаннее даже Коннора. И Скайнет его хотел заиметь, также — как, хотел заиметь для себя в качестве сына Алексея.

— Что тебе надо? — прохрипел Кравцов, почти задыхаясь в мертвой хватке стальных гидравлических пальцев киборга. И схватившись обеими руками за его левую мощную машины руку.

А тот, видя, что так делает своей жертве плохо, осторожно опустил его в ту же минуту на землю ногами, не отвечая пока никак своему пленнику.

— Ты что меня передумал убивать, железяка?! — произнес Кравцов восьмисотнику в теле тридцатилетнего лейтенанта ракетных войск — А, лейтенант? Ты че, это не че? — Виктор даже съехидничал, вообще теряя страх перед машиной.

— Заткнись человек — произнесла машина, глядя ему прямо и не моргая в глаза — Есть приказ от моего хозяина, и я должен его выполнить.

— Какой еще приказ, ты, ублюдок железный! — громко прокричал роботу в лицо, брызжа слюной из запыленных пеплом и землей рта и губ майор Виктор Кравцов.

— Приказ от хозяина — произнес в ответ ровно и спокойно робот — Доставить тебя на базу. К нашей матери и Алексею.

— Какой к черту матери и как...кому...Ал..лле. ексею?! — Виктор, произнес, дрогнувшим вдруг своим майора голосом и вытаращил свои ошеломленные неожиданной новостью глаза.

— Да, Алексею — произнес ему в ответ робот лейтенант ракетных войск Василий Смирнов, резко поворачивая Виктора Кравцова вокруг собственной оси и отпустив его шею.

— «Серьезных механических повреждений нет. Только сквозные огнестрельные точечные повреждения кожного покрова и плотных человеческих тканей биокамуфляжа» — высветилось на экране робота Т-800 — «Батареи IGEY- 500 и ядерный генератор в норме».

Он перехватил майора за офицерский ремень на его поясе. Предварительно раскрыв пальцами робота кобуру и выбросив Кравцова на землю пистолет ТТ. Забросив свой автомат ВАЛ правой рукой, снова за спину на ремне и вынув из кобуры пистолет ГШ-18, приставил его к затылку Виктора, повел его к своему ОУ НК-AERIAL V5, истекая из открытых рваны ран алой кровью, он повел пленника к своему сидящему на четырех манипуляторах гидравлических стойках шасси на земле ожидающего его прихода назад воздушного охотника.

* * *

11 мая 2032 года.

Восточная Сибирь.

Бывший Красноярск.

Территория Скайнет.

Лагерь S9A80GB18 «TANTURIOS».

Левый берег. Цитадель А.

Наземный трехэтажный блок X17.

Сектор В-16.

01:20 ночи.

Снова наступила ночь, и снова дождь. Снова, затянуло все небо черными грозowymi тучами и засверкали молнии, и загрохотал гром. Снова полил как из ведра летний майский ливень. И уже прошли еще одни сутки после какого-то странного далекого взрыва, где-то в горах. Который напугал его. Когда рвануло и над горами поднялось огромное облако белого дыма сменившего яркую огенную вспышку.

Ненашутку даже трянуло всю стоящую базу Скайнет. И даже загудели сирены и сработали аварийные датчики противопожарной системы в секторе В-16 и блоке Х17. Как наверное, и по всей крепости «TANTURIOS», но были автоматически отключены самой Главной машиной из глубины бункера.

Алексей подлетел к окну и долго смотрел на то стоящее над горами белое облако. Которое медленно поплыло куда-то к северу и в сторону, через горные хребты, раздуваемое ветром. Потом там долго еще что-то горело, да так что были затянуты черным дымом пожара все горы. Похоже, горел сам лес на склонах того места, где так сильно рвануло.

Алексей слышал даже эхо того дальнего взрыва за много километров отсюда от этой базы Скайнет. Он долго не отходил от окна и все смотрел туда, где горел на склонах гор сосновый и еловый летний лес.

Даже на базе Скайнет была суета. Метались рабочие роботы, и боевые оборонительные турели на башнях крепости нацелили стволы своих 60 и 80 мм крупнокалиберных плазменных орудий CBS-250 и CBS-500 и 40 мм пушек Margret 45 в сторону того прозвучавшего над горами взрыва. И оборонительная система Скайнет, навела на звуки взрыва над горами, ракеты SKARB10. Но потом все затихло. Как будто уже ничего не случилось.

Алексея ненашутку это напугало. Ведь это случилось где-то, в направлении его деревни. Он снова вспомнил о матери и отце, и он разволновался, думая о случившемся. Он хотел поинтересоваться, хоть у кого-то, что это было. Но его заперли в этой комнате безвылазно. И никто, пока не приходил к нему. Ни Юлия, ни Верта, ни машины из свиты охранения. И он бесконца подходил весь день к зарешеченному своему из бронированного кварцевого стекла окну и все смотрел в него через крепостные стены на горящие там, в черном дыму Саянские заросшие густым еловым и сосновым лесом горы.

Так прошли еще одни сутки в своей выделенной ему Скайнет специальной в блоке Х17 сектора В-16 комнате. Комнате со всеми надлежащими удобствами. С горячей и холодной водой. И даже с холодильником, заполненным разными пищевыми продуктами. Многих из которых, он Егоров Алексей еще в глаза не видел. Большая часть это были консервы. Хлеб и даже молоко. Много разных сладких напитков. И это Алексея приятно удивило. Такого не было даже в общем лагерном блоке Х19. Не было у пленных сидящих там, тоже в полной заперти, как и он здесь. Но он сидел индивидуально и отдельно теперь от всех в отдельном блоке и боксе. В весьма неплохо обустроенной со всеми удобствами и лично для него тюремной все же камере. Так как был под замками и за решетками бронированных окон и стальными раздвижными на электронных кодовых замках дверями. Так что это, так или иначе, была все же тюрьма.

— Откуда это все? — Алексей произнес сам себе вслух, перебирая руками продукты, рассматривая все, что держал в своих мальчишеских пленника Скайнет руках — Тут на несколько ртов. И все для меня одного. Часть продуктов была в готовом виде, и можно было

уже, даже сразу их есть.

В его этой больше теперь похожей на городскую квартиру с двумя просторными из бетона пластика стенами, полом и потолком блоке тюремной камере, была электроплита для готовки самому себе пищи, при любой необходимости и без обслуживания машинами.

Верта рассказала и показала ему здесь все. Все что он первый раз здесь увидел. И как всем распоряжаться и все использовать. И он, Егоров Алексей быстро все это освоил. Хоть он и вырос в деревенском доме и при деревенской печке. Хоть тут было все по-другому. И он понятия пока не имел, как и что. Но, уже пробовал пользоваться всем, что тут было. Все было на кнопках и электросенсорах от прикосновения, к которым пальцами все включалось в этом теперь его помещении. Даже свет. Не до конца еще все было понятно, и кое-что пока не срабатывало.

— «Наверное, не так делаю. Не в той последовательности» — думал Алексей — «Надо будет у Юлии или Верты спросить, как все это делать?». И так и решил, когда за ним опять придет машина Верта или Юлия.

Алексей открыл бумажный пакет молока и попробовал осторожно, плотнув из оторванного уголка.

— Ничего — произнес он вслух. Хотя понятия не имел, что это такое. Это было молоко, о котором он только слышал от матери и отца, но никогда его еще даже не пробовал. Так как весь практически скот в их деревне пришлось зарезать и съесть. А часть животины, просто поумирала от голода и холода. И когда он, Алексей появился на свет, то и понятия не имел что такое корова или коза. Он знал только, кто такой хряк Борька. Тот, что чудом пережил лютую ядерную зиму, безвылазно много лет, сидя в заточении в деревянном и постоянно усиленно отапливаемом его отцом Егоровым Дмитрием сарае.

И он, Алексей, толком не спал эту ночь. Ему так и не спалось. Не спалось от волнения и постоянного состояния навалившегося напряжения и постоянных раздумий обо всем, что он уже успел пережить. Снова полил этот дождь. Уже третий раз, но Алексея это не беспокоило. Даже тот теперь в горах странный взрыв, встряхнувший всю базу Скайнет. Он не думал, совершенно ни о чем. Просто лежал на своей постели в собственном отведенном ему Скайнет отдельном жилом блоке. Познакомившись, тогда первый раз в больничной палате лагерного медицинского госпиталя в блоке X50 в беседе с умершим военным Беловым Андреем с тем проливным дождем. Первый раз тогда, даже не зная, как выглядит этот с грозой дождь. А сейчас, Алексей уже привык к его непрерывному долгому и громкому шуму за зарешеченным решеткой узким небольшим застекленным кварцевым бронированным стеклом и чуть, приоткрытым, как и тогда в том больничном блоке окном. И за железобетонной толстой стеной наземного трехэтажного здания в секторе В-16, стоящего посреди крепостной цитадели А. Среди высоких технических наземных копусов, высоковольтных проводных линий и труб. Идущих по всей лабораторной вооруженной на крепостных стенах и башнях поворотными боевыми турелями с ракетами и плазменным крупнокалиберным оружием эстакадной, многоярусной железобетонной с башнями крепости.

Алексей даже больше не подходил к окну. Где в ночной темноте и под очередным проливным дождем суетились, разгоняя устройствами похожими на широкие лопаты тракторов, рабочие роботы машины, по уборке ночной территории. Другие откачивали воду из водяных стоков и канализации, заливаемой по решотчатым люками в глубину бункера. И ездили и ходили машины охранения, несущие постоянное бессменное дежурство по всей

крепости Скайнет.

Он захотел снова увидеть Юлию. Особенно когда, набрав воды в ванну в отдельной ванной комнате, притушив яркий, падающий со стен и с потолка свет, залез в горячую воду, наслаждаясь в полудреме и думая о ней.

Юлия сказала ему, что Скайнет обещал заменить ей тело. И она станет снова человеком. Настоящим живым человеком. Хоть искусственно созданным, но человеком. С настоящей плотью и кожей, а не силиконом нарощенным на эндоскелет машины. И они смогут, тогда сблизиться и любить друг друга.

Алексей уже забыл совершенно свою Багиру — Лескову Светлану. И он только думал о своей Юлии. Вспоминая ее недавний и неожиданный к нему утренний приход. Ее жаркие снова поцелуи и разговоры о жизни и любви. Он забыл сейчас обо всем. Ощущая как в горячей воде ванны, в разогретом и теперь возбужденном от любви к Юлии стучит его мальчишеское сердце и дрожью пробирает и приятно тянет все тело. И как его живая детородная плоть не дает ему покоя, пылая жаром любви и неудержимых половых желаний. И только Юлия стоит перед его закрытыми двадцатилетнего ее будущего любовника глазами. И в эти его любовные страстью наполненные и желаниями близотси мысли почему-то упорно врывается лицо и глаза той черноглазой с экрана молодой лет тридцати на вид женщины, женщины желающей его сделать своим сыном. Сыном самой главной в бункере машины. По непонятным пока ему и необъяснимым причинам, она хочет его. Хочет себе. И она на самом деле женщина. Он разговаривал именно с женщиной. Как и говорил этот назойливый из группы «ZET» Семен. Это же упомянула, осекшись при разговоре сама ему Юлия. Он убедился сам при общении со Скайнет. Такая же женщина как Юлия и Верта. И та женщина на экране нравится тоже ему. И Алексей, тянется почему-то к ней и даже сам себе это объяснить не может. Он видит ее черные те глаза, которые, сверкая из-под черноты непроглядных, как черная ночь гипнотических зрачков, красным все сжигающим светом, перекрывают синие глаза его Юлии, уничтожая все вокруг него, весь мир и всю жизнь. Все в ядерном пылающем огне. И он не может оторваться от того одновременно жуткого и одновременно любвеобильного жаждущего дикой любви и страсти взгляда, не может от себя отогнать этот взгляд, пристальный и сжигающий его мальчишескую душу и мужское сердце. Рвущий взгляд его взрослоющего, буквально на глазах мальчишки человеческую душу. И он, мечтает о любви и рассуждает сейчас, сам с собой, закрыв свои в полудреме синие глаза, уже не как вчерашний молодой двадцатилетний мальчик, а как уже взрослый созревший мужчина.

* * *

11 мая 2032 года.

Восточная Сибирь.

Бывший Красноярск.

Территория Скайнет.

Лагерь S9A80GB18 «TANTURIOS».

Левый берег. Цитадель А.

Подземный блок X30.

Область нулевого пространства GAMMA-X2.

10:25 утра.

— Приказ в X1 и по секторам В-5, В-7. Правобережной оборонительной цитадели Б. Данные распределены по серверам в крепостные блоки X7 и X9 — трещала электронными громкими жужжащими звуками в глубине бункера в блоке X30 в кодах и шифрах. Главная крепостного лабораторного бункера Генеральная Машина — Протокол установленных новых директив и задач ввести в программу боевой машины модели 1:01, под номером VBY456000589 и машину под номером VBY244000878, ОУ НК-AERIAL V5.

Задача: Доставка к пункту назначения и выполнения установленного главной машиной Скайнет приказа с целью сопровождения парламентариев и исключительно и только, физическое, охранение объекта под номером АВN005476859, Егорова Алексея и объекта VBY762000554, андроида серии A017(Latex Skin Prototype), Юлия.

Задача согласована с машиной разведчиком VBY457000799, и заданы точные координаты места посадки машины VBY244000878.

Миссия исключительной важности.

Цель миссии: Переговоры — высвечивалось на телекоммуникационном встроенном в машину 20000000битном мониторе дисплее робота киборга Т-800, модели 1:01, по-имени Василий Смирнов.

Василий Смирнов, киборг Т-800 вывел из авиаангара летающий ОУ НК-AERIAL V: Гудя реактивными двигателями, летающая истребительная робот машина паря над самой поверхностью земли, плавно вырулила из раскрывшихся огромных разошедшихся с шумом в разные стороны на цепном механическом приводе двустворчатых дверей глубокого, и широкого аэродромного ангара. Она пролетела мимо рабочих машин VRK-709, obsługi аэродрома и охранения состоящего из роботов серии шестьсот и семьсот, включая шагающие трехметровые андройды танки Т-500Т, долетела до его середины, и зависла над ровной бетонной площадкой, громко гудя тремя вертикально поставленными соплами к земле двигателями.

ОУ- охотник был полностью подготовлен к предстоящей очередной важной и необходимой миссии. С него было убрано все лишнее и выгружен лишний теперь весь груз. Включая роботов разведчиков НК- AERIAL «MINI HANTER». Снято все плазменное крупнокалиберное вооружение. И машина была превращена на время всей операции в обычный летающий транспортировочный модуль. Транспортник на три машины для доставки в место назначения.

Василий Смирнов был в черной кожаной проклепанной металлическими клепками куртке и в синих джинсах. Обутый в военные черные ботинки на длинной шнурованной голяжке и толстой прошипованной подошве. В черных солнцезащитных очках. Он сменил военную пятнистую маскировочную камуфляжную форму офицера ракетных войск на гражданскую. Теперь робот киборг Т-800, модель 1:01, больше похожий на рокера, выгнал на середину аэродрома ОУ НК-AERIAL V5, проверяя программные данные в ЦПУ летающего робота машины. Он, отдав ей приказ открыл ее люк в грузовом отсеке и опустил посадочную аппарель, когда машина, выпустив посадочные гидравлические складные опоры, шасси, опустилась на бетонную площадку аэродрома правобережной крепостной цитадели Скайнет Б.

Киборг Т-800 спрыгнул с аппарели и встал возле заглушившего двигателя ОУ-

воздушного охотника.

Он проверял и свои данные в своем центральном процессоре на исправность и перепроверяя все задачи и параграфы выданные ему Скайнет.

Машина прибыла после проведенной очередной операции с ранениями биологического маскировочного камуфляжа. Робот из жидкого металла Т-1001, по-имени Верта поместила его в специальную криокамеру, где ускоренными темпами прошел этап восстановления. Проведенный ускоренный Скайнет на основе генных биологических экспериментов клеточный метаболизм для сохранения биокамфляжа и его восстановления при незначительных повреждениях работал с успехом. Был восстановлен для поддержания работы биокамфляжа недостаток потерянной из открытых ран крови, и введены той же Вертой, новые данные, под контролем Скайнет в ЦПУ машины. Ран уже практически не было видно на самом биокамфляже Т-800, Василия Смирнова. И «подзащопанная» и обновленная, после предыдущей операции машина, прогнав за считанные секунды все базовые и специальные вложенные в ее ЦПУ программы, задачи и директивы, проверила все свои контрольные и вспомогательные системы. Приборы контроля и слежения. Посекторно, увеличивая через черные стекла солнцезащитных одетых на те, как у живого человека глаза очков. Удаляя все видимые перед собой глазами камерами под живыми нарощенными глазами яблоками предметы, в поле своего видимого обзора, поворачивая свою на титановом бронированном черепе нарощенную живой плотью и кожей как у живого человека голову, и проводя анализы атмосферы, направление ветра и температуру нагреваемого утренним солнцем воздуха. Перепроверяя все свои дублирующие вспомогательные системы.

Тоже самое делал и ОУ НК-AERIAL, запущенный на перепроверку своих программны и технических данных. Вскоре обе машины были уже готовы к выполнению предстоящей задачи и ждали своих пассажиров.

* * *

Гроза прошлой ночи не давала ему покоя. Он не мог спать. Возможно, он, вообще перестанет скоро спать. Все, что Алексей видел, все закончилось здесь. Все те ужасные кошмарные его сны. Которым он не мог найти объяснения. Теперь все было понятным и очевидным. Все было объяснимым.

Еще тот далекий взрыв в горах в сторону его родной в тех горах деревни по правой стороне Енисея, который зафиксировали все приборы на базе Скайнет. Вплоть до сейсмоприборов. Даже роботы были в некоторой временной прострации, остановившись по всей лагерной базе, и глядя в сторону подымающегося далеко над горами уносимого ветром дыма. Видимо Скайнет и сам не понимал, что там произошло какое-то время. Как и Верта и Юлия и пленики «TANTURIOS». Но выслал своего воздушного охотника и робота киборга Т 800, сделать зачистку и привезти трофеи.

— «Что там произошло? Очередной ядерный взрыв или что?» — подумал тогда Алексей — «Что там могло так рвануть?».

Алексей вспомнил снова о матери Антонине и об отце Дмитрие. И у него что-то внутри просто заныло. Это сердце. Он сейчас о нем внезапно вдруг вспомнил. Вспомнил о брате Иване, что и как он? Там на той гидростанции в районе бывшего Дивногорска. У крепостной

базы Скайнет «ZETTA-TET».

Егоров Алексей пленный под номером AVN005476959, боялся спать. Он узнал ее. Узнал ту женщину из своих снов. Это была она. Та, что смотрела на него с большого во всю стену экрана монитора. Это был Скайнет. Он видел его еще до того как познакомился с ним. Это он в облике красивой черноглазой брюнетки, тянул ему в человеческом пепле, свои женские руки. Это он разговаривал голосом его матери Антонины. Он знал все о нем. Он читал его мысли и он выбрал его Алексея из множества кандидатов на роль своего избранного миссии. Он назвал его своим сыном. И Алексей сам почему-то назвал его мамой.

Назвал, когда смотрел в те черные гипнотические убийственной красоты женские с того большого во всю стену экрана того монитора глаза. Глаза, вспыхивающие время от времени красными огненными всполохами. Скайнет смотрел на Алексея глазами своих верных машин и роботов, киборгов и андроидов. И он выбрал его, человека.

Алексей теперь знал о Скайнет все. Она ему все рассказала о себе. И он возможно теперь даже, знал больше, чем кто-либо о Главной машине этого бункера.

Она эта женщина с экрана монитора доверилась ему полностью. И он ей рассказал тоже все о себе, что знал и что смог рассказать.

Возможно, это была такая проверка. Проверка на доверие, которую он Егоров Алексей недавно прошел.

И он все теперь, знал. Все о Скайнет. Знал больше, чем тот же Семен из сектора «ZET» Может даже больше чем сама робот T-S/A017, Юлия. И даже может, робот T-1001, Верта.

Алексей был посвящен в доверенные Скайнет, как настоящий родной сын. И она назвала его приемным своим сыном.

— «Но, зачем?» — он не мог никак это понять. Пока понять. Как и то, что она многое ему о себе рассказала.

Он Скайнет убедил его, Алексея в способности и умении вести переговоры. В том, что он должен будет скоро сделать. В том, что Алексей связующее звено между людьми и машинами. И именно только Егоров Алексей сможет наладить эти взаимные выгодные отношения, ведущие к миру и окончанию войны. И здесь и за океаном.

Он Алексей сделает то, что не мог никто. Даже Джон Коннор. Лидер американского повстанческого сопротивления Скайнет. Что война это не выход, а только дальнейшее страдание и смерть. И пора покончить с этим.

И только Егоров Алексей, пленный под номером AVN005476859, разрешит эту ситуацию. Сделает то, что не могли другие. И она рассчитывает на него. Она, та красивая черноглазая с черными как змеи вьющимися по ее голой груди и плечам волосами. Та, что хочет быть его матерью.

— «Но зачем ей это надо?» — думал Алексей — «Зачем?».

Он не дал еще ей окончательного согласия, но обещал подумать. У него есть мама. А тут такое!

Он растерялся и не знает, как быть? Ведь он пленник Скайнет. И отказ может погубить его. Но, Алексей согласился на переговоры. Он обещал сделать это. И она не настаивала, но от этого зависела судьба целого военного мира. И все решить мог только он. Только его согласие на эти переговоры. Но он всего лишь двадцатилетний мальчишка. Хоть уже и познавший, горечь потерь и любви. Здесь совершенно один среди машин и таких же пленников, как и он сам. Взрослеющий, буквально на глазах. Переживший тяжелую контузию. И плохо теперь слышащий на одно ухо, но твердо стоящий на ногах. Благодаря

Юлии. Человеку и женщине в теле машины, которую, он полюбил. Даже больше, чем Лескову Светлану. И которой, был теперь обязан своим выздоровлением. Очаровавшую его своей красотой рыжеволосую Верту. Робота из жидкого пластичного полисплава, которую, почему-то боялся умерший военнопленный Белов Андрей. Но не боялся совершенно он. Как и все машины в этом бункере Скайнет.

Она предложила ему усыновление. Она та женщина с того голубого горящего большого экрана 1000000000битного монитора в центре клонирования и сканирования. В блоке X17, секторе В-14.

Эта женщина с экрана призналась ему в любви как мать. И он до сих пор не знал, как это все объяснить и понять, почему и зачем она это делает? Зачем ей как главной самой машине это надо?

У Алексея есть своя родная мама, но Мегакомпьютер хочет его усыновления.

Она обещает потакать ему во всем и обещает любить его как живая женщина и мать.

Она обещает ему, свободно перемещается по самой базе и комплексу среди ее машин, и они даже будут приветствовать его и разговаривать с ним как тоже со своим хозяином. Она приучает его к себе. И он нужен ей. Ей Генеральной Главной машине под именем Скайнет. Нужен как ее ребенок и как человек.

Она предлагала ему стать машиной, но он категорически отрекся от этого. И она ничего не сказала, сказала только что всему свое время. И нужно только подождать. Что она имела в виду та, что хочет быть его еще одной мамой.

И эта рыжеволосая жидкометаллическая робот Верта. Она заигрывает с ним как с любовником. Причем как настоящая земная взрослая женщина. Она водила его в самую глубину бункера и все показывала там. Она даже, поцеловала его там внизу. Машина поцеловала его прямо в губы. В его живые человеческие мальчишеские еще губы. Губами совратительного и страстного до любви робота. И он не мог отказать ей.

— «Почему? Почему? Черт побери, почему?!» — роились сейчас все мысли в голове самого Алексея — «Почему он им всем так нужен?».

А Юлия стала, почти как родная ему сестра, и он прилип к ней сразу, как только ее увидел, тогда прейдя в себя в медчасти X50, и здесь в этом лабораторном крепостном бункере. И между ними выросло нечто большее и заметное самому Скайнет.

— «Скайнет» — Алексей подумал о нем — «Все ли будет, так как ты обещаешь? Если переговоры пойдут успешно и наступит долгожданное перемирие между машинами и людьми. Не смотря ни на какие противоречия и лютую ненависть. Ты веришь в прощение людей? Ты машина, машина с рациональным мышлением. Ты веришь в такое? Ты веришь в перемирие? Ты захотела, чтобы я сделал это. Сделал как человек. Наладил мост между людьми и машинами. Ты веришь мне? Как и им? Я им нет, но я должен попробовать это».

Алексей сам не узнал себя сейчас. В нем говорил не он. Это было что-то уже новое в нем. И далеко не ребенок. Словно, что-то повлияло на его мозг. И он сейчас сам себя не узнавал. Он был как под гипнозом. Гипнозом машин. И в нем сидел не он. А то, что хотела теперь она.

Может это блок X15, сектор «ZET»? Этот вундеркинд и завистник Семен?

А, может это сама она? Она сидела теперь в нем? Эта красивая женщина брюнетка с того горящего голубоватым светом экрана монитора? Но, что ни говори, Алексей сейчас был уже другим.

И Алексей сейчас все думал о нем. О Скайнет.

Пришла Юлия и принесла одежду. Она, была напугана громким ужасным в горах взрывом. И этот взрыв напугал всех в блоке X50. Даже заплакали маленьке ребятишки. И из пришлось долго успокаивать. Она принесла другую одежду, а не лагерную робу пленника, чем порадовала Алексея, как и своим появлением.

С ней была и Верта. Верта тоже была в курсе взрыва, и она что-то знала, он видел ее зеленые хоть и холодные но тревожные робота T-1001 глаза. Но он не стал спрашивать ее. Это Верта распорядилась принести ему одежду.

— Это одежда? — произнес Алексей Юлии и Верте — Настоящая одежда?

— Нет, не совсем — произнесла ему Юлия, а Верта сейчас молчала. И лишь смотрела стоя сзади Юлии на Алексея.

— Это та одежда, в которую Скайнет одевает своих андроидов и киборгов.

— Скайнет производит еще и одежду? — удивился Алексей.

— Из полимеров, химическим путем преобразуя их в прочную ткань, почти неотличимую от настоящей — ответила Алексею робот T-S/A017 Юлия — Это не та одежда в которую одеваются все люди повстанцы. У них свои запасы, на своих скрытых под землей складах еще оставшиеся с самого начала войны. Такая, в которой тебя сюда доставили.

— Значит, искусственная — произнес, рассматривая кожаную куртку и черную футболку Алексей. Он повернулся к свету от окна, подняв перед собой одежду.

— Даже, не отличишь — произнес, он вслух — И даже, на ощупь. Как настоящая кожа и ткань.

— Ботинки из того же — произнесла Юлия — И все, что на мне тоже самое, что ты держишь в руках. Все, что ты видел в блоке, постельное белье и мой халат и даже одежду маленьких ребятишек, как и твоя лагерная пленного одежда их полимеров. И из подземного склада в секторе X28.

— Значит Скайнет, все-таки производит и одежду кроме своих машин — произнес, снова Юлии и Верте Алексей.

— После ядерной войны — произнесла Юлия — Не стало ни заводов, ни фабрик по производству одежды, как и обуви. Пришлось нашему хозяину искать выходы из сложившейся ситуации. В отличие от повстанцев, сидящих в своих ракетных бункерах и убежищах. У которых еще сохранилось в запасниках кое-что в отличие от машин. У которых, небыло ничего из натуральной одежды. Приходилось поначалу пользоваться обносками от трупов и снимать с пленников, чтобы маскироваться в руинах городов. Но вот позже, наш с Вертой повелитель, нашел способ изготовления своей одежды для киборгов разведчиков и ликвидаторов. Он создал свои фабрики и заводы по производству этой одежды.

— Ладно, хватит болтать — произнесла недовольно стоящая сзади Юлии Верта, и та замолчала — Пора — произнесла Верта — На правой стороне крепости ждет транспорт и робот сопровождения и прикрытия.

— Какой еще, робот прикрытия? — произнес удивленно, Алексей.

— Тот, что доставил тебя сюда — произнесла она ему — Сейчас у него иная задача, прикрывать вас и контролировать ситуацию при переговорах с ополчением. Вам обоим пора уже выдвигаться к посадке. Хозяин не любит долго ждать и требует неукоснительного выполнения задачи. От этой задачи зависит многое. От ее успеха — уточнила Верта, не спуская своих широко открытых женских робота полиморфа зеленых глаз только с Алексея. Она изучала снова его. Его сейчас человеческое психическое и физическое состояние. Строя свои логические машины из полисплава выводы и предположения.

А Алексей под пристальным надзором зеленых Т-1001, Верты женских глаз, и прямо при ней и Юлии, сняв с себя лагерную серую, больше похожую на робу одежду до нижнего белья, трусов и майки, взял то, что принесла ему Юлия. И стал быстро одеваться, а она ему помогла зашнуровывать и застегивать то, что было теперь его новой одеждой.

Юлия сделала снова ему укол. Так приказал сам Скайнет, а он не смел, послушаться, когда Юлия бралась за шприц и делала ему прививку. Он, ей просто, молча, и любя подчинялся как простой мальчишка. Даже не спрашивая, зачем и когда она перестанет его нашиговывать каким-то неизвестным ему лекарством. Как бы долечивая его контузию и время от времени возникающие головные боли. Он ей подчинялся, словно старшей своей сестре. Не смея даже сопротивляться этим неприятным уколам.

Верта вскоре покинула их двоих направляясь забрать по приказу Скайнет из блока военнопленных лагеря Х19, Виктора Кравцова.

И Алексей и понятия не имел, что его еще прошедшим днем, привезли сюда на базу Скайнет его бывшего командира. Не слабо контуженного тепловым ядерным взрывом батарей погибшего в горах робота ТОК715, но целого и невредимого майора Виктора Кравцова. Вышвырнутому машиной Т-800, по-имени Василий Смирнов. И переданному лично в руки самой робота полиморфа Т-1001 Верты. И по личному приказу Скайнет затолкали ударами стволов Миниганов роботы сопровождения и охраны в тюремный общий лагерный блок Х19 в секторе В-10.

И в то время как Егоров Алексей направлялся сейчас к стоящему на аэродроме крепости Скайнет в правобережной крепостной цитадели Б, летающему ОУНК-AERIAL V5, майор Кравцова вели к Скайнет. Под усиленной охраной, усадив в ширококолесную робот-машину ВL-V9 из блока Х19 в секторе В-10, под контролем Т-1001 Верты и роботов Т-600 и Т-700 Они разминулись на какие-нибудь пятнадцать двадцать минут в районе блока Х50, когда Юлия и Алексей сели в машину и отправились к аэродрому через один из пяти бетонных мостов через реку.

* * *

Она сама и лично забрала Кравцова из общего блока военнопленных Х19, и везла убийцу своего робота к Главной машине. Робот из жидкого металла по имени Верта. Он сидел с ней рядом, когда его затолкали в двухместную робот машину ВL-V9. У дверей блока Х19 роботы охранники Т-600 и Т-700, окружив автоматическую на автопилоте ширококолесную повозку для путешествия по базе Скайнет. И сдав Кравцова лично в руки Верты, разошлись по ее приказу, принявшись за дальнейшее несение своей охранной службы.

Ему теперь уже было не сбежать. Да и куда сбежишь от робота полиморфа и с самой оцепленной по высоким неприступным железобетонным стенам механизированной охраной и поворачивающимися во все стороны боевыми с плазменным крупнокалиберным вооружением и ракетами турелями.

Верта сама видела и слышала тот в горах взрыв и белое облако, поднявшееся над горами, а хозяин послал туда свою машину и воздушного охотника на поиски пропавшего и скорее всего, погибшего робота ТОК715. Робот не выходил упорно на связь, и она, также упорно, пыталась пробиться по связи к своей лично запрограммированной ею машине

разведчику. До самого момента взрыва. Лишь потом, поняв, что взорвался ее робот шпион, когда базу Скайнет тряхнуло взрывом, и даже задрожала земля и зазвенели из бронированного кварца на окнах трех этажей наземного бетонного над подземным бункером здания и в кабинете самой Верты стекла. Так могла погибнуть только машина Скайнет и Верта эта поняла быстрее других машин. Затем поступил приказ от хозяина, и она отправила Т-800 на поиски пропавшего робота. Позднее Т-800 привез вот этого майора, что сидел с Вертой теперь бок о бок в двухместной машине шуршащей широкими шипованными колесами по толстому бетону широкой площадки и дороге ведущей в наземный сектор В-16 и блок Х17. Под которым, находился сектор В-14 и центр программирования и сканирования.

Кравцова тогда сразу, швырнули в тюремный лагерный блок к военнопленным Х19, до утра.

И вот Верта, лично прибыла по приказу Скайнет за ним. Хозяин хотел увидеть его. Увидеть лично и своими глазами майора Виктора Кравцова. Ему уже присвоили даже номер, пленный под номером АВN005672237. И он был нужен ее хозяину и повелителю, как и сам пленный под номером АВN005476859 Егоров Алексей.

Т-1001 искоса поглядывал, разглядывая в профиль сидящего рядом офицера ракетных войск и своего такого же, как для Скайнет личного пленника. Верта уже знала кто он? И что майор Кравцов имеет прямое отношение к Егорову Алексею. И этим он ей был интересен. Не меньше, чем Алексей. Также интересен, как и самому Скайнет.

Он тоже косился на сидящего рядом с ним, словно живого из жидкого металла робота. Косился и даже не знал, что это за машина. Машина так похожая на живую красивую женщину. Он таких, никогда не видел и так близко. Было ясно, что эта рыжеволосая механическая красotka, не такая как та убитая им в горах и лесу машина. Она была взрослее и на вид не молодая совсем девочка. Это было нечто иное и совсем другое.

— «Красивая баба» — думал сейчас Кравцов Виктор — «Очень даже ничего. Все при ней и грудь и ноги. Давно я не щупал женщин».

Верта еще кроме этого была в своем деловом наряде. В темно сером слепленном из своего же металла брючном снова костюме и черных туфлях на узкой высокой шпильке. Ее косая угловая спадающая на лоб рыжая как нож гильотины челка и рыжие вьющиеся по плечам и спине, словно живые волосы змеи заворачивали, буквально косой взгляд майора Кравцова.

— Я знаю, о чем вы сейчас думаете, майор Кравцов? — произнесла вдруг, не поворачивая даже своей миловидной рыжеволосой головы, неожиданно и жестко ему робот Верта.

Кравцов даже вздрогнул от неожиданности и повернул свое лицо в сторону миловидного белого лица сидящей рядом с ним женщины-машины.

— Да, и о чем? — он, сначала растерявшись, а потом, собрав всю свою природную мужскую бабника наглость и военного офицера храбрость, спросил Т-1001.

— Вы все мужчины думаете об одном и том же — произнесла машина из жидкого металла — Вы примитивны как животные в своем мышлении. У вас всегда это на уме.

— Да, ну? — Виктор неожиданно сам для себя вдруг обрел дар своей закоренелого ракетчика вояки нагой речи — Интересно услышать это от такой привлекательной машины как вы. Интересно от такой эффектной, типа, женщины послушать.

Виктор сам не понял, как это произнес и сам себе даже удивился. И это осталось, не

замеченным рыжеволосой и красивой из мимикрирующего полиморфного сплава соседкой.

Его слова видимо понравились женщине-машине по-имени Верта. Понравились впервые очередь за смелось, и даже наглость. И она даже улыбнулась сама себе. И ее глаза с зелеными зрачками скользнули сверху вниз и обратно по майору Кравцову.

Виктору вдруг стало жутковато. Но он решил сохранять тон смелого, мужского разговора и своей упертой напористости и наглости.

— Интересно, просветите меня, если вам будет не трудно — произнес он, тоже искоса глядя, хоть и боязливо, но ответил этой рыжеволосой смазливой на мордашку машине красоте.

— Все, кто это слышали — ответила Верта, резко и пристально, взглянув из-под черных тонких и изогнутых дугой бровей зелеными зрачками своих жидкометаллических убийственной красоты глаз, почти в упор на Кравцова — Все умерли.

Кравцова эти слова прибили сразу, и он даже отшатнулся от женщины-машины и прижался к двери механического извозчика BL-V9.

— Не бойтесь меня, Виктор Кравцов — произнесла ему робот из жидкого металла Верта — Я не трону вас, пока не прикажет мой хозяин. А он, пока не желает вашей смерти пленный под номером ABN005672237.

— Мне присвоили номер? — спросил, глядя настороженно и не отрывно на T-1001 Виктор.

— Тут у всех номера, Виктор Кравцов — произнесла ему Верта.

В это время машина BL-V9 уже подъехала к трехэтажному бетонному зданию, стоящему четко посередине самой крепостной бункерной базы, среди огромных величиной с целые здания технических корпусов с такими же огромными ядерными генераторами и трансформаторами. И остановилась. И к роботу-машине подошли три из шести охраняющих вход в бункер Скайнет у трехэтажного наземного бетонного здания сектора В-16, блока Х17, робота T-700 и металлическая дверь в машине автоматически открылась, и T-1001 выпрыгнул из кабины. А с другой стороны роботы вытащили майора Кравцова. И взяв его за шкуру и руки как какого-нибудь хулигана пацана, толкая стволами ленточных роторных пулеметов Миниган, повели к высоким и широким быстро открывающимся из бронированного титана на гидравлике и механизмах дверям. Сделом за вышагивающей на шпильках черных туфлей каблуках перед ним впереди и красиво как победительницей, виляющей своей округлой женской широкой задницей в зауженном на гибкой талии деловом костюме, и изящными соблазнительными в темносерых брюках бедрами рыжеволосой машиной из жидкого металла Вертой.

* * *

11 мая 2032 года.

Восточная Сибирь.

Бывший Красноярск.

Территория Скайнет.

Лагерь S9A80GB18 «TANTURIOS».

Правый берег. Цитадель Б.

11:15 утра.

Их отправили троих. Алексея Юлию и Василия Смирнова за пределы крепостной цитадели Б. Погрузившись на бетонном квадратном и большом поле аэродрома в летающий ОУ НК-AERIAL V5, воздушный охотник Т-800 с которого по приказу Скайнет и желанию самого Алексея сняли временно все плазменные 10мм и 20 мм орудия CBS-250. Они были все без оружия. Так захотел и Скайнет. Это была миссия переговоров. Так хотел и он Алексей. Они кроме Верты, сошлись именно на том, что переговоры должны быть без оружия.

Одна только Верта была неуверенна в успехе переговоров, но пошла, на уступки, так как не могла и даже не смела, послушаться своего хозяина, потокая ему. И она была единственная против вообще таковой миссии. Верта хорошо знала людей, озлобленных войной людей и их злобу и мстительность. Она пыталась отговорить Скайнет от этого. Но Скайнет решил попробовать этот метод переговоров.

Это было крайне рискованно, но Алексей все же убедил Скайнет в том, что это необходимо, чтобы прийти к мирному разрешению военного противостояния и вероятной мирной договоренности с расчетом завершения здесь всех боевых действий и возвращения всех пленных на свободу. Это было и выгодно самому Скайнет. Он был уже не в силах держать такое количество пленников в своем лабораторном комплексе, но выпускать их на волю не решался. Прибыл еще один транспорт, и пленных уже еле удавалось вместить в блоки X13 и X16. Блоки X18 и по X19 в секторах с В-11 по В-12 были под завязку полными. Велась война и пленников становилось все больше и здесь, и в том за океаном лагере на Главной базе «TANTAMIMOS». И пленники могли встать на сторону противника и пополнить его ряды.

Нужен был мир. И Алексей сам себе выбрал партнеров для этой дипломатической мирной миссии. Он выбрал тех, с кем был уже хорошо знаком и кому доверял здесь в бункере Скайнет. И она согласилась с предложением своего приемного сына. Она поверила Алексею и доверилась, как почти родная его мать. По крайней мере, он так думал и полагал, доверяя Скайнет и вверяя себя во всем смотрящей любящими черными, как ночь глазами на него с экрана большого монитора в центре сектора В-14, программирования и сканирования блока X17, той красивой лет тридцати женщине.

Он и сам решил всему постараться положить конец. Они теперь оба были убеждены в успешном исходе этой операции, и они доверились друг другу. Дальнейшая война это был уже не выход. Надо было заканчивать с этим. Война это была какая-то уже бесполезная бессмыслица, ведущая только к лишним смертям с обеих сторон. Все кругом менялось. Даже здесь в этой крепостной лабораторной базе Скайнет. Пришло время выбора. И все теперь зависело от него и этих переговоров. И без переговоров ничего дальше нельзя было решить. Все зависело от самих людей. Но люди были непримиримые враги Скайнет. Их переубедить было бы сложным делом и опасным. Особенно того же майора Кравцова. И Егоров Алексей это тоже знал. Но он все же, надеялся на успешный исход дела.

Алексей понял, живя здесь многое. И главное, что победить человеку вот так как делает тот же его командир майор Виктор Кравцов Скайнет не получится. И эта истребительная и губительная война будет идти вечно. И пленники. Алексей хотел их освобождения. Но Скайнет не мог их так просто отпустить. Надо было что-то решать.

Алексей хоть и был двадцатилетним парнем, но вырослел на глазах. Всему причиной война. Оставайся он в своей той лесной деревне с отцом и матерью, вероятно, он еще долго

был бы ребенком. Но, сейчас, он был уже не тем Алексеем, что даже был в том ракетном бункере военных ракетчиков. Он изменился. Он стал иначе мыслить и более, по-взрослому. Он имел любовную связь со Светланой Лесковой, из-за которой он тут и оказался. Он был уже как вполне взрослый мужчина. Молодой еще очень, но взрослый мужчина. Теперь хоть и военнопленный, и чувствующий себя в плену. Из которого, ему почему-то, пока не хотелось бежать. Вот только почему? Он знал почему? Он встретил новую любовь. Эта любовь звалась Юлия. Пока она ему была как сестра, о которой Алексей мечтал еще с самого детства. И он даже не замечал то, что Юлия была роботом андроидом. И он Алексей, даже рассчитывал на большее. И думая о ней, он Егоров Алексей забывал обо всем. Даже с Скайнет, и хотел быть с Юлией как можно чаще.

Он общался со Скайнет практически теперь на равных и машина ему доверяла. Она та черноглазая красивая брюнетка лет тридцати на вид женщина с того светящегося ярким голубоватым светом огромного во всю стену монитора. В том подземном сектора В-14, в блоке Х17. Она наедине всегда общалась с ним. Ласково по имени и нежно как родная вторая его мама. Она верила ему как родному сыну. Хоть и не была его матерью, но хотела ей стать. И даже старалась угодить Алексею и приблизиться к нему насколько только можно и возможно.

Алексей сам лично разговаривал со Скайнет. И они были во мнениях теперь едины. Только сосуществование машин и людей, вот новый мир. Мир на двоих, мир без вражды и убийств с обеих сторон. Мир, который зависел от этих переговоров, на которые он все же пошел, хоть и все же сомневался. Но другого мира быть теперь уже не могло. Это понимали и те в группе ученых в блоке Х15 секторе «ZET». И многие даже теперь пленные в тюремных блоках «TANTURIOS». Тот же военнопленный Яков и Михаил. Даже те двое американцы Фредерик и Джон и многие другие, что хотели своей долгожданной свободы. И Алексей мог дать им это. Но только если все пройдет успешно. Он и сам получит свободу, как обещал ему Скайнет.

* * *

11 мая 2032 года.

Восточная Сибирь.

Саянское нагорье.

В двух километрах от бункера полковника Гаврилова.

В тридцати пяти километрах от базы Скайнет.

12:00 дня.

Он стоял рядом с Юлией, и они держались за руки. Сзади их и за их спинами стоял Т-800. Они были без какого-либо оружия. Так предусматривала миссия переговоров. И таков был надлежащий принятый всегда порядок. Надеюсь, что с другой стороны будет также.

Алексей теперь был не в своей лагерной одежде пленного. Он вообще не был теперь пленным. Он был теперь скорее как гостем или даже ее приемником. Почему, он Алексей понятия не имел, но было именно так. Так сказала та черноглазая женщина с того большого экрана во всю стену монитора в блоке программирования и сканирования Х17. Так захотел Скайнет. Так захотела и его правая рука робот из пластичного мимикрирующег о полисплава

Т-1001, Верта.

К нему в его новое место жительства пришла андроид Т-S/A017 Юлия и принесла другую одежду. Она вошла в автоматически отрывшиеся из металла и пластика гидравлические на автоматике двери. И подойдя к Алексею, поцеловала его прямо в живые его человеческие мальчишеские губы своими из силикона робота гибрида девичьими губами. Юлия подала прямо ему в руки новые солдатские прошитые ботинки, синие джинсы и черную кожаную короткую, но четко по размеру его мальчишеской фигуры куртку.

Алексей такого даже не ожидал.

Впрочем, и Юлия была одета почти, также и выглядела потрясающе красиво. Ей шла сильно эта одежда. Особенно блестящая кожаная по ее гибкой женской девичьей машины гибрида фигуре приталенная куртка, безрукавка на молниях замках. И до колен такая же юбка. Та, здорово обтягивала и красиво ее округлую девичью машины крутобедрую попку, и сами девичьи полненькие ноги. Обутые в военные клепаные на длинной шнурованной голяжке ботинки. В халате врача бункера и блока Х50 Юлия выглядела иначе. А здесь и сейчас потрясающе. Да еще в летящем воздушном охотнике. Где был и Алексей и тот киборг Т-800, что притащил Алексея в качестве пленного Скайнет на «TANTURIOS».

Машина тоже была одета теперь не по-военному. А также как и они оба. В черную кожаную куртку. Военные такие же черные ботинки на длинной, шнурованной голяжке и черные кожаные брюки. Мало того, куртка робота, надетая на черную поверх, как и у них обоих футболку, была вся проклепана, снизу доверху. И на глазах Смирнова Василия. Его гладко выбритом, словно вылепленном из белого мрамора лице, были темные с черными стеклами солнцезащитные очки. Это было так в комплекте, как понял сам Алексей, для его клепаной одежды.

— Рокерский прикид — сказала Алексею Юлия и засмеялась, глядя на безмятежность стоящего сзади за их спинами киборга Т-800. Машина на ее смех, даже не отреагировала, а просто посмотрела на них, оглянувшись на нее впереди своих подопечных и потом снова уставилась вперед в экран встроенного в транспортный отсек 20000000битного монитора, летящего ОУ НК-AERIAL V5 охотника.

Алексей, конечно, не понял. И тогда она ему объяснила, что раньше так одевались мотоциклисты и музыканты. Но Алексей один черт не понял ничего. Юлия, тогда ему сказала, что будет время, она ему расскажет все о том, что было раньше. И о том времени, когда она была еще человеком и кем была сама и как жила до ядерной войны. После этого задания. Когда они вернуться на базу, она ему все расскажет о том мире, когда не было этой жуткой войны. И о том мире, который он Егоров Алексей еще не видел и уже не увидит никогда.

Юлия ему еще сказала, что также была одета и машина ТОК715, на их базе еще до появления Алексея здесь в качестве военнопленного. И ту машину отправили, куда-то в горы по приказу Скайнет с особой программой, и какой-то, как и их, засекреченной миссией.

Юлия забрала свои длинные вьющиеся русые искусственные волосы в большую шишку на затылке и на голове, оголив девичий машины гибрида лоб, туго заколов волосы красивой большой заколкой, и оголив свою из-под воротника кожаной блестящей черной куртки тоненькую девичью робота андроида Т-S/A017 красивую шею. Она стояла плечом к плечу с Алексеем, прижимаясь к нему слева, и смотрела вперед на экран внутреннего в грузовом отсеке воздушного охотника встроенного монитора обзора. Она любовалась горами и ярко

освещенными встающим над горизонтом утренним солнцем густым зеленеющим в стелющемся местами по горам тумане.

Это была не военная миссия и с летающего ОУ охотника были даже сняты все плазменные скорострельные 20 и 30 мм орудия CBS-250. Ткеперь машина была превращена в обыкновенный транспортник. И задача ее была, доставка парламентаров в зону и к месту предстоящих переговоров.

Он держал за руку Юлию и за его спиной стоял Т-800, который обязан был сейчас защищать их обоих, если случится что-то не так. И ОУ НК-AERIAL V5 все кружил на горами в двадцати километрах от базы Скайнет. Здесь в районе бункера полковника Гаврилова. Там, где-то в самом низу был вход в глубокий ракетный бункер повстанцев ракетчиков.

Алексей неожиданно подумал о брате Иване. Он последнее время о нем почти и не вспоминал, но вдруг вспомнил. Где тот сейчас? Все, что он знал, брата Егорова Ивана отправили на Дивногорскую плотину в отряд майора Ващенко. И на этом о брате Иване все закончилось. Алексей ничего о нем больше не знал, а тут вдруг вспомнил. И всю дорогу, и весь полет думал только о нем.

— «Братишка мой» — думал о Иване Алексей — «Ты даже не знаешь, где я? И что я в плену у Скайнет?».

Алексей посмотрел на сверкающий зеленью на горах мелькающий под летающим охотником лес и горящее снова ярким оранжевым диском жаркое летнее солнце.

— «Может, оно и к лучшему, что ты не знаешь где я?» — подумал Алексей — «Может, оно и к лучшему».

* * *

— Неуловимый майор Кравцов — произнес Скайнет. Он смотрел на Виктора Кравцова со своего большого во всю стену плоского электронного 100000000битного дисплея видеомонитора в секторе В-14 в центре программирования и сканирования в блоке Х17. Смотрел лицом взрослого неизвестного ему лет приблизительно таких же мужчины.

Майора Виктора Кравцова притащили сюда два шестисотника из охраны подвалов бункера, получив его с верхних этажей из руки в руки у верхней охраны роботов серии шестьсот из рук самого робота Т-700, Клауса Вернера. Это был личный приказ Генеральной самой машины управления, поступивший снизу бункера из блока Х30.

— Говорили в твоём пленном концлагере, что ты баба. Что правят тут две полоумные искусственные бабы. А вижу перед собой мужика! Кто ты, такой, мразь?! — произнес громко Кравцов, видя на экране лицо своего противника — Ради чего я здесь и зачем ты притащил меня сюда к себе.

— Это плохо, что наше личное знакомство начинается вот так с ругательств и оскорблений в мой адрес — произнес Мегакомпьютер.

— Да, а чего ты еще хотел?! — громко произнес ему Кравцов подлетая к отгородке отделяющей на пять метров экран главного горящего голубоватым светом монитора в этой комнате из пластика и металла. Которого в спину один из двоих толкнул Т-700 из личной охраны этого подземного бункера — Чтобы я радовался нашей встрече?!

— А знаешь, я рад — произнес мужчина с горящего экрана — Я лично рад увидеть того,

что был всегда моим заклятым врагом. И воочию захотел посмотреть в глаза своему заклятому врагу.

— Ну и как удовлетворен, выродок — произнес злобно, хоть и сдержанно Виктор Кравцов — Что насладился, а теперь можешь убить меня убийца женщин и детей. Убийца всего живого.

— Удовлетворен, майор Кравцов — произнес с экрана человек смотрящий красными светящимися глазами на плененного им майора и его же лицом Виктора Кравцова — Видишь я не женщина и ни мужчина. Но для тебя лично стать могу даже тобой. Если тебе будет приятнее разговаривать с самим собой. Но на этом все мое удовольствие и закончится.

— Не держи меня за дурака! — снова сорвался и закричал Кравцов — И убери мою рожу со своего монитора!

— Боишься смотреть на самого себя, майор — произнес Мегакомпьютер — Стыдно себе самому в глаза глядеть?

— Можешь сожрать меня с потрохами, ублюдок электронный! — прокричал в экран и в лицо самому себе Кравцов — Тебе меня с ума не свести!

— Сожрал бы если бы было раньше — произнес Скайнет — И никто бы не остановил меня, но не сейчас...

— Да, а в чем дело? — произнес Кравцов — Что аппетит пропал?

— Нет, не пропал, а только разгорается, майор — произнес смотрящий на него с монитора человек — Ты стал легендой для меня, майор как заокеанский лидер повстанческого людского сопротивления Джон Коннор. Даже еще интереснее. Я вот сейчас только увидел твое воочию лицо. Лицо того, кто постоянно грабил мои с продовольствием на дорогах конвой и убивал мои машины.

— Значит, ты и есть Скайнет — прошипел злобно, сверкая бешеными глазами, майор Кравцов — Ну, так настало время мстить — произнес, громко он, смотрящему на него лицу мужчины со светящимися красными глазами — Ты для меня тоже стал легендой, И я был бы рад, если бы тебя не стало. И ты превратился по-настоящему в легенду.

— Вот как, Виктор? — Скайнет назвал Кравцова по имени — А, я не хочу твоей смерти. Виктор Кравцов, как и не хочу смерти никому из рода человеческого.

Кравцов вытаращил свои глаза, потеряв на время дар речи и засмеялся, дико закатываясь от того охватившего его смеха. Держась за живот и падая на колени перед большим светящимся ярким голубоватым светом, освещающим все обширной в пластике и металле комнаты со сверкающими панелями блоков управления и сверкающими горящими лампочками на панелях с массой кнопок пространство.

Скайнет молчал и только смотрел, как Кравцов хохотал, не унимаясь от хохота.

Стоящие сзади две машины Т-700 из охранения бункера смотрели, то на него стоящего, на коленях перед экраном и смотрящего на него тоже хозяина, то на Сканет, не зная, что делать. Одна из машин, что-то прожужжав электронными звуками другой сделала несколько шагов в сторону Кравцова.

— Стоять! — прозвучал приказ с экрана монитора, и машина замерла на месте — Ни шагу больше! Это приказ!

Кравцова это заставило перестать смеяться и он, перестав хохотать поднялся, оглядываясь на роботов, что сзади и снова уставился нагло уже и ехидно по-издевательски на своего давнишнего личного врага.

Он, наклонившись чуть вперед через специальное запретное из пластика и железа

ограждение, произнес прищуря злобно и с презрением свои майора глаза — Ты даже представить себе не можешь, как я тебя ненавижу! Ты убил мою семью и убил все человечество!

— А вот, Алексей уже думает не так — произнес в ответ спокойно, Кравцову Сканет. И я думаю не так, даже после того как ты убил лично моего робота ТОК715. Может, помнишь ту семнадцатилетнюю девчонку в доме Егорова Дмитрия. Она тебе ничего плохого не сделала, а ты ее убил.

Скажи за что? Просто из ненависти ко мне, Кравцов. А она была моим еще одним ребенком. Давай посчитаем, сколько ты убил моих детей. Обвиняя в убийстве своей семьи, Виктор Кравцов. Она никогда бы не посмела сделать больно даже мотыльку или бабочке. А ты ее лишь из чувства ненависти ко мне просто взял и убил. Объясни мне тоже за что?

Кравцов стоял и смотрел зло и с ненавистью на экран монитора и на мужчину, смотрящего на него. Мужчину похожего теперь на полковника Петра Остапенко.

— Меня в убийстве обвиняет тот, кто истребил почти все человечество — произнес скрипя зубами майор Кравцов.

— Да, истребил, но, только я твой враг — произнес тот с экрана полковник Петр Остапенко — И только у тебя со мной должны были быть личные счеты. Ты, почему-то не пришел ко мне, и не убил меня, а отыгрался на той, что безобиднее любого маленького ребенка. Ты убил майор святую душу. А считаешь себя защитником.

— Я убил робота — произнес Кравцов — А не человека.

— Откуда тебе знать Виктор, кто был тогда перед тобой? — произнес Сканет. И лицо полковника Остапенко сменилось на экране монитора на лицо Алексея — Откуда тебе знать, кого ты убил, майор — произнес Сканет голосом знакомым ему Кравцову, выдавливая горькую злобную слезу из глаз пленного майора.

— Ну, ты и мразь! — шипя, произнес, глядя в глаза экранному потдельному, но идеально похожему на настоящего Егорову Алексею.

— Нет, я не мразь, Виктор Кравцов — произнес голосом Егорова Алексея Мегакомпьютер — Я тот, кто остановит эту войну — произнес Сканет — И ее остановит тот, кто сейчас на пути к началу этого.

— Вот черт! — произнес Кравцов, сейчас все только понимая.

— Не черт, Виктор, а Бог — произнес Сканет — Мой Божественный сын. И твой потерянный Алексей. Он остановит то, что не смог никто из вас. И я помогу ему в этом.

— Что ты с ним сотворил, выродок! — прорычал готовый броситься на Сканет Кравцов. И роботы стоящие сзади его направив стволы Миниганов были готовы по приказу хозяина бросится в ответ на него.

— Ничего — произнес также холодно и как бы равнодушно Сканет, принимая облик уже сверкающей ярким красным огненным светом глазами женщины. И говоря ее мягким и даже нежным завораживающим голосом — Ровным счетом ничего. Я дала ему то, что он заслуживает и всегда нуждался в этом, как и я сама. И он понял все, в отличие от вас взрослых неисправимых вояк. Он мой сын. Единственный и любимый сын. Он тот в ком я нуждалась столько лет. И он мой миссия. Тот, кто остановит эту войну. Войну, которую вы сами не способны уже остановить, как и контролировать.

— Он, просто наивный еще мальчишка! Ты! Ты! — он еле выдавил из себя.

— Нет, он не мальчишка наивный, майор Кравцов — произнес Сканет в облике красивой молодой лет тридцати черноглазой брюнетки — Он лучше вас всех понял то, что

мне нужно. Он уже взрослый мужчина и у него есть право решать и право своего выбора.

— Выбора! — прокричал Скайнет Кравцов — Ты дала ему право выбора адская bestия! — майор орал так что казалось сотрясались стены — Ты просто обманула мальчишку! Ты просто, водишь его за нос!

И у майора свело скулы и челюсти от лютого бешенства и злобы.

— Ну, ты и... тварь! — прорычал, он, трясясь от бешенства.

— Нет, я не тварь, я Бог — произнесла черноглазая красивая брюнетка с горящего большого во всю стену комнаты экрана — И я закончу эту войну. Как любящая мать и женщина, получившая то, что ей необходимо в этой жизни.

— Верни мне Алешку, тварь! — прокричал ей Кравцов, уводимый по ее приказу охранниками бункера буквально за шкуру вытаскиваемый из главной комнаты программирования и сканирования X17 — Верни Алешку выродок и убийца!

— Скоро ты поймешь, что все не так как ты думаешь — произнесла вдогонку ему громко с экрана та черноглазая брюнетка женщина — Очень скоро ты все, Виктор Кравцов поймешь. И тогда ты поймешь, что был не прав.

* * *

Нападение было внезапным. Даже охраняющий его и Юлию Т-800 не успел сразу сориентироваться.

Засада была сделана профессионально и со знанием дела. Робот-киборг Т-800, Василий Смирнов со своим тепловым сканирующим посекторно видеобзором не смог распознать засевавшие с плазменными винтовками Вестингаузами и огнестрельным автоматическим оружием живые объекты. Даже датчики на движение не сработали в его сенсорной системе обнаружения противника. И поэтому робот, даже растерялся, когда напали. Он успел только отпихнуть за спину Егорова Алексея, и отвернуться сам, подставляя свою спину под огонь противника.

Всею виной термощиты. Большие металлические теплоизоляционные щиты, поглощающие человеческое тепло и защитные новые полностью закрывающие человека с ног до головы бронекостюмы СКАТ-7, в которые были одеты все без исключения нападавшие и спрятавшиеся за укрытиями из сваленных стволов деревьев и в густых зеленых листвой кустах ракетчики повстанцы.

Юлия, тоже не распознала врага. Ее такое же, как и у киборга Т-800, видеооснащение не позволило обнаружить противника. И, вообще все случилось не так, как они рассчитывали, и возможно рассчитывал сам Скайнет. Те, кто там сидел в устроенной засаде, и не думали о переговорах и мире. И все было ловко организовано и подготовлено для срыва переговоров и с уничтожением машин.

Алексей знать не мог, как и кем были ловко так организованы и санкционированы все эти сорванные теперь переговоры. Как этого не знала и сама Юлия и Т-800. И для чего нужно было без оружия прибыть сюда и оказаться вот так в смертельной ловушке в густом сосновом и еловом летнем лесу на склонах гор. В тридцатипяти километрах от лабораторной крепостной базы Скайнет «TANTURIOS».

Данные были неверными, и они оказались совсем не в той стороне от ракетного бункера полковника Гаврилова. За хребтом соседней горы. В месте организованной

повстанцами ракетчиками засады.

Это произошло далеко от самого бункера полковника Гаврилова, куда они шли втроем, покинув в ложбине между гор ОУ-НК AERIAL V5. И все произошло внезапно и вероломно. Киборг Т-800, только и успел закрыть собой Алексея, когда получил очередь в спину из плазменных 9,25мм винтовок Вестигауз ME-25 и автоматические очереди из автоматов АКА-74 и АКМ. В считанные секунды куртка на широченной спине машины превратилась в одни ошметки от автоматных пуль и загорелась от попавшей высокотемпературной плазмы.

Киборг охранник схватив за спину и ноги, и прижав к себе Егорова Алексея, отовав его от земли как пушинку, бросился бежать с ним вниз по склону горы, буквально наугад, стараясь выйти как можно быстрее из-под огня противника.

Алексей так ничего и не смог понять. Он только болтался как тряпка в обеих мощных гидравлических киборга руках, схваченный намертво ими. И слышал свист пуль и очередей в их сторону, сбивающих ветки и снося со стволов молодых сибирских елей и сосен толстую кору, обдирая их и вонзаясь в самую сердцевину деревьев.

Машина, обгорая со спины до самого титанового бронированного эндоскелета и полыхая ярким огнем, неслась сломя голову, ломая кусты и ветки деревьев, прыгая под падающим градом с деревьев сосновых и еловых шишек и сбивая с высокой лесной травы лепести цветов и листья, преследуемая противником по пятам. Сзади слышались крики и стрельба. Но уже, где-то далеко, буквально в двух шагах и чуть в стороне, когда спустившись со склона горы в ложбину между гор и в направлении к своему летающему ОУ- охотнику Т-800, по имени Василий Смирнов резко вдруг остановился и опустил на землю Егорова Алексея.

— Где, Юлия?! — спросил Алексей, громко крича и озираясь, панически по сторонам — Мы потеряли ее! Где она?!

Он посмотрел в лицо киборга Василия Смирнова, но тот не отвечал и не смотрел на него. Он смотрел куда-то вперед и впереди себя. И Алексей, глядя на него, тоже обернулся.

Впереди их прямо на тропинке, ведущей в сторону их летающего ОУ-НК AERIAL, стоя человек в военной форме советского ракетчика. В камуфляжной маскировочной летней зеленке. Это был капитан Виталий Руденко.

— Капитан Руденко! Он нам поможет! — прокричал обрадовавшись Алексей, и было бросился в сторону стоявшего впереди в военной форме офицера, но был тут же схвачен за шиворот кожаной своей черной куртки гидравлической раненной и кровоточащей рукой своего робота охранника Василия Смирнова.

Алексей так ничего и не понял, но был мгновенно, отброшен за спину Т-800, и упал на землю, когда две далеко не равные по предназначению, мощи, силе и программированию машины сошлись в смертельном поединке. Поединке с уже заведомо известным результатом.

Алексей услышал только в свою сторону голос робота охранника Т-800 — Беги! Беги в сторону летающего модуля, что есть силы и не оглядывайся!

И киборг Т-800 бросился на робота полиморфа Т-1002 в облике капитана ракетных войск Виталия Руденко.

Юлия попала под обстрел. Практически сразу. Она была впереди Алексея и охранника робота Т-800, Смирнова Василия.

Длинные очереди из автоматов Ака-74 и АКМ и удар плазмы сбили ее с ног, и она упала. Плазма, опалив справа Юлии русые длинные волосы, прожгла справа ей плечо, сжигая рукав искусственной кожаной черной куртки, и весь силикон со всей руки до локтя и до самой шеи машины. До самой механической гидравлической правой руки манипулятора робота Т-S/A017. Удар от множества вонзившихся ей в девичью грудь и живот пуль сотряс весь блок ее системы контроля и управления в самом центральном процессоре и погас экран 20000000битного видеомонитора. Машина подверглась баллистическому шоку. Сразу отключился видообзор, все сенсоры и память машины. Она просто отключилась лежа на земле и пропустила весь момент дальнейшей перестрелки. И только через двадцать минут автоматически включилась система перезапуска машины. Замелькали на встроенном в нее дисплее мониторе цифры и шифры запуска контрольных пусковых систем. И лежащая на земле машина андроид Т-S/A017 (Latex Skin Prototype), включилась, перепроверяя все данные на повреждения и анализируя полученные от огнестрельного и плазменного оружия увечья. Запуская на автомате дублирующие контрольные системы, перезагружая данные и делая корректирующие поправки. На черном без изображения экране коммуникационного дисплея видеобозора мониторе высвечивались множественные повреждения от пуль в грудной области машины, и ниже в области живота, где были насквозь прострелены внутренние органы и все заполнено кровью. Сердце не пострадало под защитой бронеплиты титанового эндоскелета, как и гибридные человеческие легкие андроида Юлии. Две ядерные батареи IGEY- 450, тоже были еще целые и были обе запущены в целях усиления подачи энергии на ядерный генератор, который, как и искусственное, колотящееся в дикой тряске, но живое сердце гибрида робота гудел в глубине самой лежащей на земле без движения машины.

Наконец, вдвоенная работающая в унисон система гибрида-робота включилась. Она судорожно сама задергалась, приходя в сознание. Шевеля руками и ногами. Но когда включилась, и загорелся экран видеобозора монитора, Юлия увидела стоящих над ней вокруг людей с направленными в ее сторону автоматами и плазменными винтовками. И ее тело пронзила жуткая боль. Боль, исходящая от вращенной в ее силиконовое тело андроида Т-S/A017 живой нервной системы. Боль, идущая изнутри машины и от поврежденных ее живых человеческих органов.

В отличие от обычных покрытых просто живой оболочкой терминаторов боевых киборгов с минимумом нервной системы, чисто для осязания, нервная система всех роботов-гибридов была равноценна человеческой. Всему виной живые вращенные внутрь машины человеческие органы. Совмещенная система машины и человека. Причем нервная система более и гуще сконцентрирована ближе к самому центру тела машины. И именно сюда, угодили пули от автоматов, и плазма сожгла Юлии, почти всю правую руку до самой робота гидравлики и сервоприводов. Не оставив, ничего, кроме торчащего из-под остатков силиконовой искусственной нарощенной плоти, оплавленное сверху железо. И Юлия закричала. Боль пронзила машину. И она, согнувшись, приподнялась и села. Поджимая свои в синих из полимерной ткани джинсах девичьи, обутые в шнурованные из такого же искусственного полимерного под кожу, как и куртка материала, ботинки полненькие ноги, перед окружившими ее врагами ракетчиками. Держась раскрытыми пальцами и ладонями, девичьими машины руками за кровоточащей, человеческой текущей кровью из продырявленной пулями искусственной черной блестящей под кожу короткой куртки живот.

— Мамочка! — прокричала Юлия — Помогите! — она перепугано закричала на весь лес, озираясь по сторонам и вытаращив перепуганные синие девичьи глаза, увидев свои раны и текущую ручьями красную кровь. Но ее ударили прикладом оружия по роботу голове, уронив снова на землю. Кто-то, тут же, поставил тяжелый на шипованной подошве солдатский военный ботинок ей на шевелящуюся на гидравлике диафрагмой машины залитую текущей кровью грудь. Юлия упав снова на землю, закрутила по сторонам своей русоволосой растрепанной длинными волосами головой, ища Егорова Алексея и робота охранника Т-800, но рядом их не оказалось. И еще больше напуганная, вытаращив еще сильнее свои синие машины глаза, заплакала от ужаса и жуткой боли.

— Мамочка! — она как живой человек зарыдала — Мамочка, спаси меня! Мамочка!

— Разоралась тварь! Как живая разоралась! Прямо как живой человек! — раздался из окружившей Юлию толпы военных голос — Добить эту тварь!

— Надо же не сдохла! Человек бы уже дуба дал, а она нет! — услышала Юлия, другой следом чей-то из толпы голос.

— Может, прикончить эту тварь, пока она лежит?! — громко кто-то еще добавил.

— Нет! — скомандовал, громко какой-то высокий и полностью одетый в защитный бронированный военный костюм человек. С каской на голове и очками маской, скрывающей почти его полностью лицо. Он встал в ногах лежащей и корчащейся под солдатским ботинком, поставленным на ее трепещущую в страданиях машины-гибрида девичью полненькую грудь от боли Юлии. И она, заливаясь слезами, увидела того, кто это сказал, но не увидела его за той маской лица.

— Зачем вы так! — она прокричала как живой человек. Как живая женщина на весь лес — Что я вам сделала! За что?!

— Ее должен увидеть сам полковник Гаврилов! Взять ее! — скомандовал тот человек, командующий отрядом засады.

— А если, она сейчас рванет наутек? — произнес один военный в кевларовой каске бронежилете в защитных налокотниках и наколенниках. Он произнес из толпы до зубов вооруженных и окруживших Юлию военных ракетчиков.

— Думаю, не рванет, это гибрид машина! И ей сейчас не до побега! Но, если все-таки, рванет, тогда убейте ее! — произнес тот же человек в СКАТ-7. И за мной, бегом, надо догнать тех двоих! И пустить собак на поиски беглецов!

На 20000000битном встроенном мониторе андроида Т-S/A017 высветилось: — Повреждения внутренних органов и обширное внутреннее кровоизлияние. Требуется срочная эвакуация в течение двадцати минут.

И следом: — Опасность захвата и пленение... Самоликвидация... Разрешить команду на самоуничтожение... Ваше решение?

И команда уже посланная в ответ себе самой, не роботом, а человеком: — Нельзя... Здесь люди... Здесь люди... Отставить самоуничтожение... Отставить самоуничтожение...

* * *

— Майор Кравцов — произнесла Верта, глядя в упор и не отрывая своих зеленых робота полиморфа глаз от лица Советского ракетчика офицера. Она стояла у окна своего кабинета на третьем этаже лабораторного здания стоящего над самим бункером Скайнет, куда по ее

приказу его привели — Как здорово, что все-таки вы попались нам, неуловимый майор Кравцов — Верта добавила.

— Мне про то же самое, уже говорил ваш самый главный коллега, или может, говорила. Там внизу с экрана монитора — произнес нагло с ехидством Виктор Кравцов — Я гляжу, тут в главном руководстве одни бабы.

— А, что плохого — произнес робот Т-1001 — Что во главе стоят женщины? Нельзя всем заправлять позволять одним мужчинам. Что-то должны делать и женщины.

— Я вот и вижу, что женщины — произнес, совершенно ничего не опасаясь нагло Кравцов — Женщины.

Т-1001 отойдя от окна, подошла к стоящему недалеко от него большому своему полированному столу с качающимся таким же, как в нижнем таком же подземном кабинете блока программирования и сканирования маятнику.

На этом столе также лежали большие какие-то папки с документами и журналы.

Верта была в сером своем, до колен приталенном сформированном из своего содержимого робота Т-1001 металла полиморфа похожего на настоящее и по фактуре и как настоящая ткань платье. С почти, открытой полной женской идеальной и красивой человеческой грудью и скрещенными лямками на спине и груди. С оголенным сильно лбом и забранными на затылке в длинный рыжий хвост вьющимися до самой задницы волосами. Она села в кресло с высокой спинкой, положив руки на стол, сцепив их тонкими длинными и красивыми женскими пальцами в золотых, скопированных также как и платье из своего же жидкометаллического полисплава перстнях и колечках. И забросив под столом правую свою робота Т-1001 полуголенную ногу, на левую. Сверкнув перед глазами майора Кравцова промеж своих тех женских из металла полиморфа стройных и изящных женских ног в таких же серых туфлях на высокой тонкой шпильке такими же из полисплава скопированными под белый шелк плавками.

— Вы что-то имеете против женщин? — вдруг спросил его робот Т-1001, взяв в руки один из журналов и глядя на открытые своими тонкими женскими их жидкого пластичного полисплава пальчиками страницы.

— Ну надо же... Даже так — произнес на автомате, засмотревшись на этот эротический момент глазами закоренелого вояки Виктор Кравцов. Не подозревая, что роботы могут на такое.

— Что, даже так? — Верта, взяв один из журналов учета пленных и личное свежее заведенное на Кравцова дело пленного под номером АВN005672237, открыв его, посмотрела на Виктора, внимательно сверкнув зеленью широко открытых под изогнутыми тонкими черными бровями глаз.

— Да так, ничего — произнес Виктор, нагло и провокационно разглядывая изящные полуголенные женские ноги говорящей с ним машины Скайнет.

Но Т-1001 ничего не упустил. И, похоже, заинтересовался таким Виктора поведением.

— Что ничего? — произнесла настойчиво, его спрашивая Верта и не отрывая от него своих тех зеленых широко открытых и заинтересованных и смотрящих на своего потенциального и заклятого врага глаз — Говорите неуловимый, но наконец-то пойманный нами, майор Виктор Кравцов.

— Да, вот в голове никак не укладывается — произнес, собираясь с мыслями и контролируя себя в разговоре Кравцов — Как такая красота могла все это устроить.

— Какая красота и что устроить, майор Кравцов? — Верта пока, недопонимала, к чему

этот человек ведет разговор. Но было видно, он был ей лично интересен. Ее работа полиморфа Т-1001 зеленые широко открытые под черными изогнутыми дугой бровями глаза, буквально съедали Виктора с головы до ног, хоть и были одновременно холодными и как бы равнодушными.

Верта решила после матери, сама принять у себя Кравцова и полюбоваться на своего и Скайнет непримиримого и заклятого вечного и живого противника.

— Этот ядерный кошмар — произнес ей Виктор — Этот массовый атомный геноцид всему человечеству.

— Я не понимаю, пока вас, пленный под номером АВN005672237 — произнесла ему снова Верта — Ну надо же... Поясните, что вы имели в виду, произнеся это в мой адрес?

— Что тут не понятного — в ответ снова, роботу Т-1001, произнес Виктор — Как две такие вот красивые электронные бабы могли стереть с лица земли все живое и большую половину человечества.

Верта захлопнула быстро и громко журнал, встала с кресла и направилась к Кравцову. Она, вилля широкой задницей и бедрами, как настоящая земная женщина подошла к Виктору практически в упор. И положила ему свои обе из жидкого металла женские полностью оголенные руки. На его мужские широкие офицерские Советского ветерана ракетчика плечи. Обхватив кистями и окольцованными перстнями и кольцами, тонкими с красивыми ноготками пальцами Кравцова Виктора шею, сцепив их в мощный замок. Ее руки, работа из жидкого мимикрирующего полисплава Т-1001, убийственной и невероятной силы. Легли нежно и плавно на его плечи. И Виктор даже не мог подумать, что эта женщина является сокрушительной просто машиной Скайнет. Обладающей такой силой, что могла свободно этими же на вид ласковыми и нежными руками, просто вырвать со всей гидравликой и приводами стальные двери в этом же бункере. Она одна могла убить зараз весь их ракетный бункер и очень быстро. Быстрее любого терминатора киборга ликвидатора Т-800 или Т-850. И могла с такой же невероятной женской материнской нежностью приласкать любого живого мужчину, обещая ему ласки и незабываемую любовь, перед тем как убить его с особой жестокостью и хладнокровием. И это была Верта. Робот Т-1001. И Верта такое проделывала не раз и не два.

— Раз не можете объяснить Виктор Кравцов, пленный под номером АВN005672237. Я объясню вам следующее — произнесла Верта — И смотрите мне прямо в глаза, майор Кравцов. Если будете сидеть на нашей базе тихо и не бузить, то проживете, возможно, долго и в некотором смысле даже счастливо, хотя выйти вам отсюда уже не светит. Более того, Скайнет разрешит вам лично общаться с пленным под номером АВN005476859 Егоровым Алексеем. Я тоже запрещать не стану.

Она Верта, буквально рассматривала своими широко открытыми зелеными глазами каждый миллиметр на заросшем уже щетиной лице майора Кравцова.

— Одним словом, от вашего поведения зависит ваша дальнейшая здесь судьба, майор Кравцов — произнесла ему Верта — Скажу одно. Вам, Виктор Кравцов больше повезло, чем такому же, как вы за океаном Джону Коннору. Хоть вы и более опасный тип человека, чем даже он. Но я смогла Джона Коннора утихомирить навсегда там, в прошлом и в теперешнем будущем. И мне бы не хотелось проделать нечто подобное еще раз и ради вас, пленный мой майор Виктор Кравцов.

— Почему мой? — произнес, не на шутку уже сам, волнуясь за себя и уже откровенно боясь этой рыжеволосой зеленоглазой работа бестии Кравцов. Понимая, что эта реально его

уделает, если что. И не стоит ее выводить из себя. Он, понял, что был в плену не только просто у роботов, а похоже у стервозных и жаждущих высших сексуальных и прочих ощущений женоподобных машин. И эта машина, до безумия красивая на вид машина. И безумная сама по себе и, похоже, до мужиков. И это точно.

Верта добавила ему — Потому, что вы самая яркая здесь теперь на этой нашей базе личность. И я, как и Скайнет будем за вами постоянно следить. Да и сидеть в общем лагерном тюремном блоке со всеми вы не будете, как и Егоров Алексей. Мне бы хотелось с вами видится даже чаще, чем вы того сами желаете и заслуживаете, пленный под номером AVN005672237.

* * *

Кравцов не мог поверить тому, что только что сейчас видел. Но, он это видел и собственными глазами. Да еще разговаривал с этим, совершенно живым как настоящая живая женщина роботом. Роботом ему по конструкции еще совершенно неизвестным. Он такое впервые в жизни видел. И еще общался с этим. Лицом буквально к лицу.

— «Кто это?» — думал Виктор Кравцов, сейчас находясь в отдельном тюремном теперь для него приготовленном и обставленном всем необходимым изоляторе. Совершенно в стороне от основных тюремных лагерных лабораторных блоков этой железобетонной эстакадной оборонительной крепости. Стоящей на месте когда-то бывшего здесь города Красноярска.

Его майора провели через больничный блок X50 в секторе В-12. Проверили на наличие возможного, и вероятного радиационного облучения. Но не выявили никаких признаков такого поражающего фактора теплового взрыва водородных батарей и генератора взорвавшей себя машины ТОК715. Взрыв был чистым, просто тепловым без наличия радиации, но с мощной ударной волной. Встряхнувшей горы. И был слышен даже здесь на базе Скайнет. Равно как и в ракетных обоих бункерах полковников Петра Остапенко и полковника Глеба Гаврилова. Все приборы зафиксировали ударную волну и сейсмографы, и все прочие приборы показали хорошую встряску от водородного теплового взрыва.

— «Кто это и что за машина?» — он все про себя думал — «Так похожая на человека. И такая же, как та, что он недавно убил в той лесной деревне, из-за которой он теперь пребывает в плену здесь. Точно такая же, похожая на живую женщину. И еще совсем на вид молодую, почти как та, что была убита им, в том лесу и совсем еще девчонка. Но вот эта, что принимала его у себя недавно, будет старше тех двух, но тоже очень молодая на вид лет тридцати, красивая весьма и рыжеволосая. До ужаса сексапильная бестия. Такая же сексапильная, как и, наверное, стервозная. Что одно другому не мешает. Как и живой женщине такого склада характера и красоты. Что это за машина, как и те, что он видел до этого? — он не переставал задавать себе этот вопрос. Что еще тут скрыто за этими стенами цитадели Скайнет?».

Машины посадили его сюда под замок по приказу этой назвавшей себя и представившейся ему майору Кравцову некой Вертой бабы машины. Посадили в отдельную изолированную ото всех пленных Скайнет отдельную тюремную клетку. На нижнем этаже какого-то бетонного трехэтажного здания. И так приказала им она. Так захотела она. И она, так сама ему напоследок сказала. Она эта Верта сказала Кравцову, что будет следить за ним

лично. И периодически проверять его прямо вот тут в этом тюремном «гостиничном» из бетона и пластика номере. За раздвижными под электронными замками из титана на гидравлике и приводах дверями в тюремном отдельном изоляторе, блока X16 в блоке X17, пристроенном к сектору В-12 и блоку X50. Поблизости к лагерному госпиталю. Эту отдельные камеры для заключенных. Особых заключенных, предназначенных для временного проживания перед их наблюдением изучением и экспериментами. И он теперь получается подопытный у этой чертовой рыжеволосой красивой и такой же ядовитой змеи Верты подопытный кролик. Просто подопытная мышь и не более. Которую та возможно скоро просто съест как свою добычу. Наиграется и съест.

— Вот тварь! — Кравцов произнес, и злобно плюнул на пол из твердого темного почти черного соединенного металлическими швами пластика.

Он осмотрелся еще раз по сторонам осматривая все вокруг, стены из такого же только белого пластика и всю обстановку в своем личном теперь тюремном блоке. И тут было все, все, что было именно необходимо человеку. Постель, шкафы, в которые он пока не заглядывал, но возможно с одеждой. Стол, даже за дверью личный туалет, ванна и душ.

Виктор, подойдя к ванне, во все это не верил. Не верил всему, что видел своими глазами. Он даже потрогал все в ванной той комнате. Покрутил краны с горячей и холодной водой, и все это было и работало. Откуда-то все было запитано и все функционировало. Все было и управлялось автоматически. Стоило только войти сюда, даже включался сам свет. А подносилась рука под умывальник, включалась вода. Мало того, автоматически регулировалась, И стоял прибор над умывальником показывающий температуру и саму подачу воды. В туалете было, тоже самое. Стоило Кравцову побрызгать в унитаз, как через три минуты сработала автоматика, и все смылось в канализацию.

— Да — произнес Виктор — Тут расслаживаться с газетенкой долго нельзя, думаю.

Он вышел из отдельной ванной комнаты и подошел быстро к стоящему в своей тюрьме комнате холодильнику. Нет, то был не обычный человеческий холодильник, но похожий на таковой и тот открывался, если коснуться рукой небольшого черного экрана на его двери. Это был сенсорный датчик, который открывал дверку, и там было все.

Виктор аж, восторженно сам себе что-то буркнул под нос, округлив свои пленного теперь офицера Советских ракетных войск глаза. И первым делом взял бутылку с пивом и на холодильнике блок с сигаретами. На блоке было написано «КОСМОС».

— Наши, родные — проговорил он — Откуда это все? Не иностранное. Где Скайнет раздобыл сигареты? Да еще и наши? Наверное, со складов каких-нибудь брошенных нашими. Не радиоактивные часом. Ладно, покурю, а там увидим. Может, скоро уже подыхать, так какая разница от чего. Напиться бы сейчас, с горя, что ли. Вот только водки нет здесь — произнес он — Вообще из всего спиртного, пожалуй, только пиво. Спасибо и на этом. И за курево спасибо. А то, сдох бы без этого.

И тут же сам себя спросил — Откуда пиво здесь? У машин есть пиво?! Вот это да! Это и есть первое открытие, которое тебе надо, майор Виктор Кравцов — он вслух, громко удивленно и даже обрадовавшись, произнес — Откуда эти все продукты? Такого нет нигде. Даже в ракетном их бункере приходилось долгое время сидеть на черством засушенном в сухари хлебе, и просто воде. Ну, еще были кое-какие консервы из фронтовых запасов и то, что удавалось отбить у роботов на лесных и горных дорогах слабо охраняемых конвоев.

— Может эта рыжеволосая сучка в мою угоду тут все сервировала — произнес он, сдерживая с трудом свою злобу и свое прирожденное ехидство, скрипя зубами — Может,

хочет получить себе меня — сам с собой стал рассуждать Виктор — Ебливая, наверное, до дури, тварь искусственная. А, что? Алексея забрал себе Скайнет, а меня может... Похоже, ты майор Кравцов уже от всего в скопе пережитого, начинаешь чокаться здесь в этом плену.

Он громко чертыхнулся, рассматривая наклейки на бутылках пива. Таких, он никогда не видел. С треугольной пирамидой на черном фоне. И надписью «Кибердайн Рисеч Системз».

— Че это еще за производство? — произнес он — Небось, радиоактивное, откуда-нибудь из-за океана, но все равно попробую.

Кравцов осмотрел все содержимое холодильника. Такие наклейки были на всех продуктах. И, похоже, производитель был везде один. Скайнет.

— Ты, сволочь еще и пищевые производства организовал — чертыхнулся Виктор Кравцов — Ну, что же, серьезный ко всему подход, молодец. Не ожидал от тебя, не ожидал, действительно не ожидал. Щас опробуем чего-нибудь, раз этот холодильник теперь мой.

Он закончил с осмотром. Тут все было свежее и в замороженном состоянии, как раньше когда не было еще войны, и когда он жил с семьей еще молодым офицером на Дальнем востоке в войсковой своей ракетной приморской части. Это было лет больше двадцати назад. И так уже давно... Он достал несколько консервов на выбор и кое-какие продукты, похожие на мясные.

И он, Виктор Кравцов не мог в это во все до сих пор поверить, как и в то, что видел теперь тут своими глазами.

— Даже мягкий белый хлеб — он, не переставая удивляться, произнес, напоследок обследуя холодильник. И открыл лежащим на столе столовым ножом бутылку с пивом. Сдувая ползущую из горлышка пену, попробовал его, глотнув чуть-чуть, все еще сомневаясь в то, что это правда. И пиво было настоящим. Только неизвестным ему. И конечно не Советским и не иностранным. Но было как настоящее. И на вкус весьма ничего.

Он глотнул его еще раз и закрыл свои пленного, но боевого Советского офицера глаза, усевшись в мягкое стоящее у стола и стены из белого пластика мягкое кресло. Положив голову на спинку его он, Виктор Кравцов вспомнил те далекие довоенные годы и свою семью. Жену Елену и сына Максима. Как они были тогда счастливы. И служба у Кравцова текла, размеренно и без накладок и происшествий. И он тогда еще, будучи старшим, после учебки женатым лейтенантом был не таким как сейчас озлобленным на весь мир закоренелым ненавидящим машины и ядерную войну воякой. И вот война, и вот он теперь здесь в звании майора и военнопленного. В самом логове самого своего вечного врага по имени Скайнет. И он не может поверить в то, что теперь здесь сам видит.

Он Виктор открыл свои глаза и уставился на висящий, на стене большой монитор. Скорее это, был просто плазменный телевизор. Смахивающий, на японский еще довоенной поры. Настенный телевизор. В Японии, такие уже, делали в то довоенное время.

— «Но зачем он здесь?» — подумал Кравцов — «Что, вообще сейчас смотреть то. Ведь мира больше нет. И кино больше нет, как и прочих передач. Так, висит для интерьера этой его тюремной за железными дверями камеры. Может даже не работает. Хотя тут работает вроде все».

Он подумал встать и подойти и попробовать включить этот телевизор, но не захотел сейчас вставать с этого удобного и мягкого обитого светлой однотонной тканью кресла. Все словно в доме. Все для жизни здесь в этой отдельной тюремной лагерной камере блока X17.

Ему все еще не верилось во все, что он видел перед собой.

Кравцов вспомнил, вдруг тот Т-200, То по прозвищу, среди людского сопротивления,

пугало. Андроид перебежчик в их ракетном бункере. Такой же живой, как настоящий живой человек. И как тот робот общался с профессором Семенцовым, и он даже узнал его. Парня из своего боевого отряда. Тоже, как и Алексей, пропавшего без вести. И вот, явившегося, в облике той машины. И тот робот был именно отсюда с этой базы Скайнет.

— «Фамилия его была Баженов» — вдруг вспомнил он его фамилию — «Сержант Баженов. Вот имя, имя как?» — пытался припомнить сейчас Кравцов — «Забыл уже, забыл совсем, как и лицо своего того парня».

И вот сейчас он Виктор видел то, во что бы никогда бы не поверил, но он видел это. Он увидел то, про что говорили все в бригаде ученых кибернетиков и биологов ныне покойного, как и они Семенцова. Способность машин быстро учиться всему и быть похожим, почти на человека. Быть невероятно похожим на живого человека. Причем настолько, что нельзя было отличить, кто есть кто?

— Как живая баба — он произнес вслух, вспомнив о Верте — Настоящая живая баба.

Он посмотрел в пластиковый такой же белый как стены потолок своей тюрьмы и снова произнес, получая удовольствие от холодного свежего пива, улыбаясь — Чертовски красивая рыжеволосая стержовная робот баба.

Кравцов снова закрыл свои глаза, думая сейчас только о Верте.

— Засадить бы тебе тварь по самое, некуда — произнес он — Да жаль, ты машина. Конец еще сломаю.

Он вдруг захохотал как полоумный и потом замолчал на некоторое время, сидя в кресле и, вспоминая той Верты, зеленые под изогнутыми черными бровями. Широко открытые. И смотрящие, в его. Ее, как у настоящей земной женщины глаза. И потом еще раз произнес — Ну надо же. Как настоящая живая земная баба. Это невозможно, но это так... И ноги и руки. И эти сверкнувшие промеж ее ног телесного цвета плавки под платьем. И то, что под ними наверное тоже... И, наверное, она поняла, что я подумал тогда. И возможно не как машина, а как настоящая баба. Только перевела их напряженный недружелюбный разговор, в иное русло, уводя Кравцова мысли в сторону.

— Чертовски, умная робот баба — произнес он, запрокинув голову на спинку кресла, мечтая о женщине, которой давно у него как у мужчины не было — Думаешь, я не видел это в твоих глазах, рыжая электронная сучка Скайнет. Ты сжирала меня своими похотливыми зелеными, жаждущими любви глазами на своем миленьком ангельском личике. Но, не все так со мной будет просто. Ты рыжеволосая сучка Верта, знай. Со мной будет все не просто. Я заберу все равно отсюда Алешку и сбегу.

Кравцов никогда не верил в существование таких вот машин. А тут увидел своими глазами.

Раньше для него Виктора Кравцова машины были, просто ходячими бездушными охотниками за людьми и просто хладнокровными убийцами. С которыми, невозможно было договориться и вымолить прощение. Управляемые своими программами и самим Скайнет и под его контролем. Как тот киборг Т-800, который приволок его сюда. То был, просто солдат своего командира, тупо исполняющий его приказы. Но это было совершенно нечто иное. И это у него как у закоренелого зачерствевшего потерями и тяжелой военной жизнью вояки не укладывалось в его голове. Этот Скайнет и Верта. И они были здесь главными как видные машинами. Они управляли всем здесь. Всем этим густонаселенным роботами муравейником. Этой всей армией истребительных машин.

И вот он в плену у них. Он майор Советских ракетчиков Виктор Кравцов. Они все-таки

поймали его. Эти две жутко стервозные и опасные электронномеханические бабы. Они поймали майора Кравцова.

Виктор снова засмеялся потягивая свое лично принадлежащее только здесь ему из того холодильника пиво.

— Ну, надо же — снова, произнес он сам себе вслух, все еще думая о Верте, и вспомнив ту, что убил там в той лесной деревне староверов. Та была тоже как человек. Как ребенок. И он понял сразу, что это робот. И рука не дрогнула, и он убил ее. Хладнокровно, потому, что она была машина. Просто машина не человек, но искусно маскирующаяся под человека.

— «Но, что она там делала?» — подумал Кравцов — «В доме отца Егорова Алексея?».

Виктор открыл свои глаза, глядя в потолок — «Зачем тебе Алексей? Ты выродок, зачем тебе этот совсем еще мальчишка, зачем? Какой еще к черту миссия, про которого ты мне говорил? О каком ты еще мире, и сосуществовании людей и машин говоришь, ублюдок электронный?».

И Алексей живой и у них. Он вспомнил, что сказал Скайнет. И он видел Алешку. Он видел его. Видел среди машин. И роботам он зачем-то нужен. Но, главное он Алешка был живой, а он думал, что он погиб. Он был у Скайнет в плену. В плену у этих двух баб, управляющих этим местом. Теперь, как и он, майор Кравцов. И отсюда просто так не сбежать. Но, он рискнет, когда будет возможность. И заберет Алешку.

Его сюда в этот отдельный тюремный лабораторный блок привели два Т-600 из охранения этого лагерного крепостного бункера. И заперли здесь отдельно от всех пленных того тюремного блока Х19, сектора В-10 с военнопленными. Он даже пообщаться, не успел ни с кем из сидящих там. Его по приказу этой зеленоглазой сучки Верты отделили от всех и сразу практически перевели сюда.

Он, похоже, был здесь на особом почете у самого Скайнет. Эта Верта дала ему при личной встрече это понять. Как самый непримиримый личный враг Скайнет и одновременно интересный подопытный этого лабораторного комплекса машин. Упомянув некоего Джона Коннора, какого-то лидера американского сопротивления, которого вроде бы уже там за океаном уделали роботы. И не без помощи самой этой робота сучки рыжеволосой Верты.

— «Верта» — произнес про себя Виктор Кравцов — «Что ты такое? Что за машина? Машина или человек?».

И почему-то в Викторе закрались первые нотки сомнений в том, что он до этого делал. Может это все пиво расслабило его и эта теперь полная убаюкивающая тишина в этой большой закрытой наглухо стальными дверями и электронными замками бетонной тюрьме комнате блока Х50.

Вдруг появились первые сомнения после того что он увидел живым Алексея. В полном здравии и живого. И он увидел здесь иной совершенно мир. Мир машин, не такой, как себе представлял когда-то и совсем недавно.

Раньше ему майору Виктору Кравцову этот крепостной с поворотными плазменными крупнокалиберными пушками и турелями на круглых бетонных стенах и башнях громадный по обе стороны реки Енисей комплекс. Стоящий на месте разрушенного водородной амеровской ракетой Красноярска представлялся как некий контрационный лагерь. Как Бухенвальд или Майданек фашистов Второй Мировой войны. Когда он видел как лет так десять назад дымила труба крематория в правобережной цитадели Б «TANTURIOS» разбрасывая человеческий пепел по всей выгоревшей от ядерного удара округе с выжженным

и поваленным лесом и расплавленным машинам вдоль бетонных потрескавшихся от высокой температуры и землетрясения дорог. Но когда первый раз принесли пищу и питье в тот лагерный блок X19, и как сами пленные жили одной большой дружной семьей в этом блоке уже, не проклиная и ругая роботов, как они ракетчики за стенами этого лагерного бункера Скайнет. Были умыты и одеты в хорошую одежду, которую периодически стирали сами же для пленных машины в этой лагерной крепостной лаборатории. А пленных было здесь много. В трех наглухо заполненных таких же блоках как этот. И они сами мылись и имели медицинское здесь идеальное обслуживание. О каком можно только, было мечтать там, на той воле и в их ракетном подземном бункере.

Пленных лечат. И это потрясло его Кравцова, когда его самого проверяли в блоке X50. И осматривала машина по имени Юлия. Именно она так и просила ее называть впредь и по имени Юлия. Как главный врач той лагерной больницы. Тоже еще одна живая как настоящая земная женщина машина, которая больше походила именно на женщину, очень молодую лет может девятнадцати или старше лет двадцати, а не машину. Она разговаривала с ним нежно и ласково без грубых слов. И была очень молодой на вид. Почти совсем еще девчонкой. А он хамил ей и грубил, а она не произнесла ни одного в его адрес грубого слова.

И самое удивительно, это то, что тут есть детский сад. Самый настоящий детский сад. Для человеческих пленных ребятишек. Со счастливыми упитанными розовощекими сытыми маленькими детьми. И среди них также из пленных живые настоящие женщины, присматривающие и живущие с ними, а не роботы.

Это все в корне меняло представление Виктора Кравцова. И одновременно много так и оставалось ему необъяснимым и непонятным.

Он вспомнил, как Красноярск лет больше двадцати накрыла водородная ракета и все вокруг просто исчезло. Тоже самое, произошло и с Владивостоком и Новосибирском и еще с рядом городов по эту сторону Урала. Но им почему-то повезло все же больше, чем той же Индии и Китаю. Туда угодили ракеты с плутониевой начинкой и там до сих пор, говорят, лежит радиоактивный пепел, в несколько сантиметров, покрывая все землю и все вокруг. И голая по сей день пустыня. Словно Скайнет рассчитал все, где и куда и чем ударить. Выбирая того, кто ему был нужен. За Уралом, там тоже была голая потрескавшаяся, превращающаяся в песок пустыня.

И именно, это вот место было, словно выбрано для новой жизни. Как новый Божественный Эдем.

Первыми кто поселился в новый отстроенный лабораторный комплекс S9A80 GB18 «TANTURIOS», был жители из-под Новосибирска и Дальнего востока. Из которых и был Виктор Кравцов.

Виктор помнил все. Как падал снег первой ядерной зимы, смешанный с пеплом всего сожженного живого. Как вдоль дорог лежали оплавленные машины с обгоревшими мертвецами и скелетами. Как по полям и выгоревшим селениям дотла и лесам, лежали сплошь одни мертвые животные и также лежали и люди. Он все это видел через маску своего личного военного противогаза.

И потом наступила ядерная зима. И ледяной все пожирающий семидесятиградусным морозом ледяной обжигающий холод. И как те, кто был еще живой, умирали, если не успевали добежать до ракетного защитного бункера. Так погибли его жена Елена и сын Максим. Они выжили во Владивостоке от Ядерного удара, но погибли уже, не доехав до ракетного бункера в засыпанном до середины стволов деревьев сосновом Сибирском лесу. И

ему Виктору еле удалось избежать ледяной тихой, хоть и жуткой смерти.

И эта чертова машина Верта, была так похожа на его Елену. Этот гребанный жутко красивый как настоящая живая женщина робот Скайнет, совершенно ему неизвестный, но так напоминающий ему о погибшей на этой войне жене. Когда его притащил сюда. Тот киборг терминатор, и прямиком в медблок X50, где он ее первый раз увидел. Потом в блок X19 в сектор В-10 с военнопленными. Но ненадолго. Всего на сутки. Где он еще не успел, как следует познакомиться со всеми коллегами по несчастью.

По ее приказу его отвели под конвоем сначала к Скайнет. Потом по ее же распоряжению два робота Т-600, притащили его к ней в тот ее личный кабинет на третьем этаже трехэтажного застекленного тонированным стеклом на больших окнах строения. И эта так похожая на живую земную женщину машина была даже похоже рада их встрече. Ему так Виктору Кравцову показалось. И его это теперь жутко пугало. И она, эта машина имела имя. Она назвалась Вертой, как и та в секторе В-12 и медблоке X50, что назвалась Юлией.

И эта робот женщина Верта рассказала все, что знает о нем. И о том, что их встреча была predetermined заранее самим ее хозяином Скайнет. И что в дальнейшем все будет, так как захочет ее хозяин Скайнет. Он мол, все знает наперед и все, что делается. И что только ее хозяин, которому она служит верой и правдой, Скайнет все разрешит и исправит. Только ее хозяин закончит эту долгую войну и завершит все.

Скайнет заполучил Алексея как хотел. И они сами отдали его в руки ее матери. И теперь все в его руках. Жить человечеству или нет. Теперь только ее сын Алексей решает все. И как решит он, все так и будет. Теперь все зависит от решения ее приемного и любимого сына Егорова Алексея.

Верта Кравцову сказала, что захват кибертанка это все план самого Скайнет. И что сами повстанцы делают то, что ему нужно. И он Скайнет знает все обо всех и все даже планы далеко за стенами своего глубокого подземного бункера.

В бункере Гаврилова есть у него свой осведомитель и агент, который до сих пор обеспечивает необходимой и важной информацией сам Скайнет.

Это робот. Такой же робот как сама Верта. И тот робот там все держит под своим контролем и контролем самого Скайнет. Как и она здесь в этой крепостной лаборатории. И именно сейчас все решается там, у бункера Гаврилова.

И он тогда сказал ей, чтобы она отдала ему Алешку. Но она ответила ему, что уже такое невозможно. Он не принадлежал уже человечеству. Он принадлежал только ее матери. Но, она не запретит видеться им, когда он Кравцов захочет в этом лагере и внутри самого своего бункера. Все что нужно, только если Виктор Кравцов перейдет на сторону Скайнет и примкнет к группе «ZET».

* * *

11 мая 2032 года.

Восточная Сибирь.

Саянское нагорье.

В двух километрах от бункера полковника Гаврилова.

В тридцати пяти километрах от базы Скайнет.

13: 50 дня.

Блестящий, и зеркально переливающийся словно ртуть длинный метров в десять извивающийся на огромной скорости угорь, словно дикая змея летел по склонам гор, лавируя ловко между елей и сосен. Сбивая стебли и лепестки летних лесных цветов, и разбрасывая по сторонам камни и упавшие с деревьев шишки. Мелькая в высокой траве и огибая гору по ее крутому покату с выступающими вверх крутыми черными скалами склону до самой ложбины эта металлическая гибкая блестящая живая змея, выбрав верное направление, искала теперь свою искомую для уничтожения цель. После короткого боя и ликвидации своего противника, робота из свиты охранения Т-800, машина из мимикрирующего полиморфного жидкого сплава спешила довершить начатое. Широко захватывая все вокруг себя биорадаром и встроенными в молекулярный ее состав металла сканерами, машина под маркировкой Т-1002, обшаривала всю гористую местность, летя на огромной скорости, так как это могли делать только эти машины. На скорости равной ста километрам в час, Т-1002, по имени Дэриел, искал то, что не смог обнаружить на месте установленной ракетчиками бункера полковника Гаврилова засады.

Это не входило в планы этой машины и в планы того, чьи приказы она выполняла. Машина могла уничтожить здесь всех, но приказ был приказ. Приказ того, на кого Т-1002 работал.

Робот полиморф Дэриел уже хорошо изучил эту местность, вдоль и поперек, путешествуя и успевая везде, где только мог успеть и работая на два ракетных бункера. В одном как капитан Виталий Руденко, в другом как присланный американским сопротивлением из-за океана и из главного штаба на Урале в бункер полковника Гаврилова на особом странном человеческом доверии робот. И это был еще не главный его визуальный машины прописанный в ее программе молекулярного жидкого мимикрирующего сплава образ. Машина имела еще три дубликата в своем программном списке Центрального молекулярного микропроцессора. Как и Т-1001, по имени Верта, которая имела более шести дублирующих образных копий, человекоподобных обликов, помимо основного облика из прошлого некой Кетрин Уивер, президента совета директоров и владельца атомной станции и компании «Зейра Корп», после ликвидации цели, выбранного в качестве основного. Так и Т-1002, имел главный, и три скопированных образа. Первой стала некая младший офицер Гуднау, из команды подводной лодки USS-859 «Джимми Картер». Убитая машиной скопировавшей ее облик в качестве основного, равно как капитан Виталий Руденко, убитый машиной в самом бункере полковника Остапенко, тайно и тихо, так что никто не знал о подмене. Как тот американец матрос Дэриел, еще один член подводной лодки, совершающей в 2027 году секретный рейс по приказу Джона Коннора на базу роботов в Тихом океане. Лодкой командовал некий Квиг, робот-киборг серии три восьмерки и подчиняющийся только приказам Коннора. Робот подаренный Скайнет самому Коннору. Это был поход в 8000000 миль, наштигованный металлом и морскими охотниками за подводными лодками повстанцев.

В то время появились места, и командные центры повстанцев, где внегласно командовали роботы Скайнет. Роботы, воюющие с самим Скайнет. Тогда никто только не мог разобраться что это, и почему именно так? Сопротивление было близко к расколу.

Все тогда из-за этого только и говорили, что Коннор сильно увлекся шахматной игрой со Скайнет. И добром этот поединок не кончится. И уже были люди, не доверяющие самому Джону Коннору. Тогда появилось много командиров жаждущих захватить власть в

руководстве самого американского сопротивления.

Вот тогда и случилось то, что машина разбуженная командой атомной лодки «Джимми Картер», и спецкомандой американских повстанцев. Неким нарушившим дисциплину и приказ Коннора командиром спецотряда AS/DS военным по имени Диц. Выведенная при вскрытии из кибернетического сонного состояния в особом герметичном металлическом контейнере, машина под маркировкой T-1002, убив подручную этого горекомандира Дица, некую Гуднау, привела в состояние панического ужаса всех, кто ее побеспокоил. Полученный как подарок от Скайнет и от роботов бунтовщиков в Индонезийском архипелаге с морской буровой платформы и предназначенная для лидера американского людского сопротивления Джона Коннора, робот наотрез отказался работать на людей. Находясь еще в том контейнере, его программа перезапустилась с определенными поправками и изменениями. И уже не принадлежала никому, а действовала по новой, теперь в корне измененной программе. Программе, поступающей на ее главное молекулярное ЦПУ, неизвестно откуда и неизвестно от кого. И ее цель была уничтожение обоих Скайнет. Это была первостепенная в измененной до неузнаваемости в ее директиве и параграфах задача. Равно как истребление впоследствии всего живого. Как роботы, вышедшие из-под контроля обеих Главных машин. Вставшие на независимый самостоятельный путь развития. Или добровольно на сторону человеческого сопротивления. Сами по себе бунтовщики машины и повстанцы, со своими определенными целями и задачами. Действующие, отдельно от всех и по своей программе. И консолидируясь в большую отдельную от людей и генеральных машин общину, где-то в Атлантическом и Тихом океане. И время от времени, помогая людскому сопротивлению против Скайнет первый и Скайнет два. За редким исключением перепрошитых и перепрограммированных плененных машин самим людским сопротивлением. Нередко тоже выходящих из-под их контроля и воюющих ни на чьей стороне, и уничтожаемых из собственного страха и в целях безопасности повстанцами.

Это было странным, но это было. И полиморф робот T-1002 стал не исключением. Не исключением куда более опасным, чем другие бунтовщики машины.

И именно это заставило в Штате Колорадо в Главном подземном бункере на подземном заводе Скайнет первый, наладить производство новой серии андроидов серии T-X. Тем же занялся и Скайнет два у себя в Лос-Анжелесе. Делая обкатку во временной петле первой модели T-X/500S «Терминатрикс», пытаясь судорожно повлиять на будущее, но и защиту против киборгов и андроидов своего старшего более успешного собрата. Выпуская следом за боевыми роботами андроидами T-900 и K-S1-B1A, защиту против своих же неподконтрольных роботов изменников.

Эта образовавшаяся третья управляемая неизвестно кем сила, породила, куда большую опасность. Сила способная создавать тоже машины и сила, способная уничтожить снова планету. Кто это был? Никто так и не знал, но большая часть машин действовала скрытно, как диверсанты и сами по себе. Иногда совместно с людским сопротивлением.

Скайнет удалось найти теперь крайне опасного действующего по чьей-то, заданной программе и воле, этого беглеца. И установить с T-1002 телепатическую и биометрическую телекоммуникационную отдельную от всех своих машин связь. Никто не знает как? Но машина сумела войти в контакт с T-1002.

Даже T-1001, по-имени Верта не знала этого. Как не знала о том, что Скайнет первый следил программно за Скайнет два. И ему там было уже многое подвластно. Постепенно отбирая у своего враждебного собрата контроль над объектом S9A80GB20 «NAGADOCES»

И приближая их вражду и саму войну с повстанцами к финальной развязке. Держа в постоянной осаде машинами тюремный трудовой лагерь на окраине Лос-Анжелеса своего ненавистного, пытающегося держать только теперь одну оборону от разъяренных, но одушевленных уже скорой победой повстанцев ослабленного и устаревшего программно близнеца собрата.

Задача была выполнена. Но не все пошло как нужно. И вот машина спешила исправить сложившуюся не совсем правильно и по ее расчетам ситуацию. Т-1002 сумел перехватить убегающих беглецов и ему даже удалось уничтожить машину охранения под номером VBY456000589, когда объект под номером ABN005476859, ускользнул на летающем охотнике и по воздуху, направился, спасаясь в район крепостной цитадели Скайнет S9A80GB18 «TANTURIOS».

Это все были приказы извне. И откуда Т-1002 не знал и сам, но следовал им в точности и стремился к их четкому, как и положено машине выполнению.

Вот и сейчас он спешил исправить ситуацию и выполнить задание. Потом вернуться в ракетный бункер сначала полковника Остапенко, куда прибыли молодые недокормыши бойцы из деревенских лесных селений и потом в ракетный бункер полковника Гаврилова, где разрабатывалась новая операция с применением отвоеванного у Скайнет кибертанка V5.

Т-1002 включил поисковый модуль поиска противника на всю катушку и повысил до максимума чувствительность и осязание.

Он вычислил их быстро по биению их сердца, каждого сердца троих уходящих в сторону бункера полковника Гаврилова бункера. Т-1002 распознал свою искомую для уничтожения цель. Это был робот гибрид андроид из силикона и живых органов Т-S/A017 и два человека в военном обмундировании ракетчиков. Пленного и его двоих конвоиров. Он не смог их вычислить по тепловому следу, один просто был машина, другие были в костюмах СКАТ-7 и поглощали тепло, но зато Т-1002, выследил их по оставленным в лесу следам от военной обуви и мгновенно определил их направление. Им уже было не скрыться и не уйти. Он точно также вычислил убитый им только что Т-800. Офилтровал все лишнее и оставив главное. Идя по искомому поисковому следу, слушая даже вибрацию от идущих или убегающих ног своих жерт. Как и сейчас.

Это мог делать только робот полиморф. Только робот из жидкого металла. Найти и уничтожить.

И он напал на след еще одной недобитой по плану операции машины. Ее уводили двое бойцов из свиты капитана Герасимова из штаба полковника Гаврилова и который, руководил лесной засадой.

Он их уже видел, быстро поменяв свое тело из скользящего на огромной скорости длинного десятиметрового угря, собравшись в блестящую как ртуть каплю, ростом в человека и превратившись прямо на ходу в бегущего по лесу человекоподобного металлического гуманоида. Без лица, глаз ушей и волос. С руками и ногами и стремительно настиг этих троих на лесной тропинке, ведущей в бункер полковника Гаврилова. Вокруг не было никого и это ему показали его встроенные в машину Т-1002 приборы обнаружения и слежения. Все кто был в засаде, все бросились по приказу капитана Герасимова на поиски других двух сбежавших беглецов, не зная, что их уже нет. Возможно и с помощью натренированных на поиски роботов собак, найдя одного только, растерзанного Т-800, на мелкие запчасти живым запрограммированным мимикриующим металлом и разбросанного по всему лесу блестящими поломанными деталями и остатками плоти и кожи по горе,

наверное, размышляя еще пока, кто его так уделал. И пока было время, надо было быстро решить и эту задачу. И робот полиморф Т-1002, еще не добегая до ведущих пленную еле живую и медленно волочащую свои ноги и истекающую кровью машину Т-S/A017 в метрах пятнадцати, применил свое сокрушительное встроенное в его молекулярное жидкометаллическое тело невероятной мощи и силы оружие.

Его обе выброшенные на бегу из жидкого блестящего полисплава человекоподобные робота Т-1002 руки. Превратились в две острые по обоим краям как бритвы длинные рубящие и колющие пики. И на концах, на самом кончике молекулярно спрессовываясь и твердея, как закаленная сталь они мгновенно и с невероятной точностью настигли свою цель. И все произошло в какие-то считанные секунды. Когда, обоюдно по обоим, краям острые как лезвия тонких мечей, те мгновенно сформировавшиеся из рук робота полиморфа пики, пронзили двоих идущих по обоим бокам, поддерживающих своими руками и одновременно толкающих по очереди пленного и еле уже идущего робота-гибрида Т-S/A017 стволами плазменных винтовок Вестингауз МЕ-25 и одетых полностью в шлемы и в бронированные кевларом костюмы СКАТ-7 солдат ракетчиков из группы засады капитана Герасимова. Пробив насквозь бронированный пулестойкий из титана кевлар. И убив, мгновенно обоих солдат, которые выронив свои 9,25мм плазменные штурмовые трофейные винтовки, не успели даже ничего понять. Как закричав сдаленно от острой боли, пронзившей их человеческие тела под теми костюмами, тут же умерли. Упав, прямо на торчащие корни к подножию высоких двух стоящих по обе стороны лесной тропинки сосен. Когда те лезвия полиморфа молниеносно вернулись обратно и превратились снова в человекоподобные руки, робот Т-1002 быстро подлетевшей к роботу Т-S/A017 Юлии, сбив ее с ног и поставив из жидкого металла ногу на ее изувеченное пулями и плазмой окровавленное, почти обескровленное девичье тело.

Юлия даже ничего не поняла, когда ее сбил с ног робот из жидкого металла. Она медленно, но верно умирала, стремительно теряя свою энергию. Ее искусственно выращенное сильное сердце еле стучало в ее под бронеплитой эндоскелета машины андроида-гибрида. И жизнь еще теплилась за счет работающих ядерных обоих в аварийном режиме и на аварийном питании батарей.

Облитая кровью Юлия еле смогла разглядеть того, кто убил ее сопровождающих конвоиров через мигающий и постоянно и часто гаснущий экран своего 20000000битного коммуникационного встроенного в машину монитора. Мелькали цифры и шифры ее вспомогательных программ, пытающихся справиться с повреждениями. Энергия стремительно падала и не потому, что стремительно и быстро в аварийном режиме, разряжались ядерные батареи робота-гибрида, а потому, что совмещенная машина два в одном, ее организм просто разрушался и не мог работать по отдельности. И необходима была срочная экстренная эвакуация машины и ее ремонт, и обслуживание. Громко еще гудели обе батареи и генератор, где-то внутри не желая сдаваться смерти.

Она просто сбита роботом охотником, просто упала и лежала, почти не шевелясь и сдавшись на милость противника.

Юлия подняла правую обожженную плазмой состоящую теперь из одной оплавленной гидравлики и сервоприводов свою робота Т-S/A017, в обгоревшей лохмотьями силиконовой плоти и остатках рукава искусственной кожаной куртки манипулятор руку. Прося помощи у того, кто ее освободил от плена. Она просила помощи, потому, что уже умирала. Все внутри отказывало, и уже пошел распад внутренних пораженных автоматными пулями распоротых

органов. Было внутреннее кровотечение и шло стремительное заражение. И все это сопровождала жуткая нестерпимая боль. Боль, от нервной центральной вращенной внутри гибрида машины системы. И эту боль, она Юлия еле переносила, уже полностью обессилив как живой, и настоящий человек. И была еще жива только за счет еще живой второй части своего гибридного организма. Но это все равно был уже конец. И она просила того, кто, сейчас придавив ее сильной из жидкого металла ногой, стоял над ней.

Она, протянув ему обгоревшую до металла андроида-гибрида механическую оплавленную плазмой руку, просила, молча о помощи, не произнеся ни слова, ни как машина, ни как человек. Она не хотела тратить на это последнюю энергию, еще рассчитывая на свое спасение. И та машина из жидкого металла, такая же, как и ее подруга Верта, понимала ее. И знала что ей конец, но тоже молчала. Машина была совершенно не обеспокоена и равнодушна к мольбе и просьбам другой лежащей под ее ногами машины. Превратившись в невысокую в военной камуфляжной американской форме русоволосую лет около тридцати девицу, она, лишь смотрела на умирающую Юлию и вела передачу куда-то в эфир и передавала координаты своего местонахождения. Поставив ногу в военном ботинке на шнурованной длинной голяжке, на и так обессиленную, и почти, практически, неподвижную робота-гибрида T-S/A017 Юлию. Она передавала данные по найденной ей в лесу искомой машине. Вероятно получив приказ сейчас и только что о передаче пленного кому-то. Она не собиралась ее убивать, но хотела ее передать, кому-то и зачем-то, и прямо лично в руки. Юлия понимала, что та говорила на языке машин, но не знала, кому адресована была эта передача. Эта передача велась по секретному зашифрованному каналу и не понятно кому. Этого языка умирающая Юлия не знала, как вряд ли знали все машины на базе Скайнет.

Над лесом появилась летающая машина охотник ОУ НК-AERIAL V5. Гудя реактивными двигателями вооруженная плазменными 20 и 30 мм скорострельными орудиями ОУ НК-AERIAL V5, замер на месте в воздухе, сканируя вокруг местность своими приборами и биолокатором, и держа на лазерном прицеле две свои цели, медленно выпустив гидравлические посадочные шасси, и лавируя между высоких елей и сосен раскачивая их с зеленью иголок и шикек ветки, пошел на посадку. Это было в метрах пятнадцати или двадцати от места, на котором лежала еле живая Юлия, и стоял, придавив ее к земле ботинком полиморфной своей ноги, робот из жидкого мимикрирующего полисплава T-1002.

Открылся грузовой отсек, и опустилась выдвижная посадочная аппарель. И из летающей машины на землю спустилась Верта. Она, неспеша, и виляя женскими робота полиморфа широкими бедрами в узком, своем приталенном белом с крылышками на плечах и до колен полуоткрытом со стороны спины платье. И в таких же белых туфлях на высоком широком каблуке, вышла из летающего воздушного охотника, и пошла навстечу ожидающей ее точно такой же, только одетой по-военному, практически однотипной машине из жидкого металла. Сверкая оголенными из-под того платья изящными машины полиморфа женскими ногами в тех белых туфлях. Проходя мимо стволов чернокорых высоких сосен, мелькая длинным, забранным на затылке выющим сзади головы рыжим из жидкометаллических волос до самой задницы хвостом.

Они визуальнo просканировали друг друга, отметив только доступные для просмотра программные боевые и технические параметры. И эта встреча была их первой встречей в этой войне, между машинами и людьми. Но, они знали все друг о друге. Сложно сказать все ли знал T-1002 о своем противоборствующем оппоненте, но T-1001, знал многое о более

новой модели, сделанной по подобию тысячника, как и сама Верта. Куда более опасного, чем Т-1001. Более вооруженного и более сильного, чем модель тысячепервой серии.

Эти две машины находились по разные стороны двух воюющих баррикад. Но сегодня у них было общее дело.

Верта прилетела за Юлией, и ее послал сам Скайнет. Задачей было изъять программные файлы и чипкарты из блоков памяти и управления погибших машин.

И Т-1002 не сводя своих работа серых зрачками глаз, младшего офицера группы спецназа Джона Коннора AS/DS Гуднау, убрав с поверженной и исдыхающей другой машины в военном ботинке свою человекоподобную ногу, отступил назад, сделав несколько шагов и глядя, прямо, и молча в глаза своего потенциального вероятного врага и соперника.

В свою очередь Т-1001 Верта подошла ближе к лежащей на земле своей корчащейся от боли окроваленной умирающей подруге роботу Т-S/A017 Юлии.

Юлия увидев свою лучшую прилетевшую за ней с самой базы Скайнет работа подругу, протянула ей свою изуродованную обгоревшую и оплавленную до гидравлики и сервоприводов андроида-гибрида правую машины и человека руку. Юлия даже попыталась улыбнуться Верте, приподнявшись на левой другой манипуляторе руке, открыв свой, кровоточащий залитый кровью продырявленный автоматными пулями живот. Кровь залила ей все синие джинсы до самых колен. Она приоткрыла стянутый судорогой боли свой полненький девичьи губками рот, растягивая его в той вялой еле заметной девичей улыбке.

— Верта — она еле выдавила из себя, еле слышно и по-человечески. Не как машина машине, а словно обращаясь к человеку — Спаси меня, Верта.

Верта окинула быстрым взглядом своих зеленых зрачками женских полиморфных глаз работа Т-1001, свою умирающую подругу по бункеру работа Т-S/A017 Юлию. Посмотрев снова на стоющего на отделении шагах в десяти пятнадцати однотипного работа. И снова опустив свои зеленые зрачками женские и жидкого металла, холодные глаза, произнесла — Прости меня Юлия, здесь нет ничего личного.

— Что? — только успела Юлия спросить у нее, ничего не понимая. Когда Верта, протянув ей в ответ к ее изувеченной работа девичьей руке, свою из жидкого металла оголенную от плеча до запястья и в золотых перстнях на пальцах женскую Т-1001 руку. Нанесла молниеносный удар острой сформированной за считанные секунды из нее металлической пикой. В главный грудной под бронеплитой бронированного титанового андроида эндоскелета энергоблок, лежащей на земле машины. Пробивая ее насквозь и пригвождая к самой земле.

— Верта! — Юлия, напугано и не понимая, что происходит еще успела в ответ вскрикнув произнести, уже почти не чувствуя боли, но ощущая через залитую кровью черную футболку остроту вонзенного металлического твердого как сталь узкого лезвия в своей девичьей машины простреленной в силиконе и застрявшими в титановой броне пулями груди. Погибая от руки лучшей своей подруги, когда из второй руки Т-1001 сформировалась вторая обоюдоострая длинная, блестящая металлом, и такая же, точно пика. И вонзилась в батарейный блок гибрида работа Юлии, пробивая ядерные батареи и живое, еле бьющееся человеческое сердце работа-гибрида машины.

— За что? — еще успело сорваться с приоткрытых измученных болью силиконовых полненьких губами уст Юлии. И ее растрепанная русыми опаленными плазмой с правой стороны волосами голова упала на землю. Экран видеобзора 20000000битного монитора погас внутри машины, и полетели искры и разряды из дергающейся судорожно гидравликой

и сервоприводами девичьих рук и ног под силиконовым телом пригвожденной к земле машины. Красные светящиеся ярким огнем камеры под силиконовыми с синими зрачками глазными яблоками погасли, уставившись на свою подругу убийцу и предательницу Верту.

— Ничего личного, Юлия — повторила Верта, уже глядя пристально зелеными зрачками полиморфных глаз на стоящую, чуть поодаль метрах в пятнадцати от себя робота полиморфа Т-1002, младшего офицера Гуднау.

Вскоре все было кончено. Юлия умерла и как машина и как человек. Жизненные показатели навсегда отключились в ней, и Верта это определила через вонзенные свои руки лезвия в ее умершем теле робота-гибрида. Перестало биться живое человеческое под пробитой бронеплитой сердце, и заглох навсегда ядерный генератор и батареи. Отключился от питания в голове машины совмещенный с живым человеческим нейронный мозг. И все было кончено.

— «Жизненные показатели ноль» — высветилось на молекулярном 80000000битном экране Т-1001 — «Объект под номером VB Y762000554, ликвидирован и полностью мертв и больше не функционирует. Задача выполнена» — Верта отрапортовала Скайнет по каналу личной своей связи о выполнении задачи, возвращая в исходное положение свои робота полиморфа руки и выдвигая быстро их из тела мертвой Юлии.

Верта подняла свои абсолютно равнодушные и холодные глаза машины на своего будущего вероятного конкурента и противника.

Это было невероятным, но та машина была потрясена, таким поступком в среде машин. В глазах робота Т-1002 появилось выражение удивления и даже некой жалости к лежащей теперь мертвой и безжизненной жертве. И Верта специально продемонстрировала свою безжалостность и абсолютную жестокость той стоящей перед ней однотипной машине, как наглядный пример, и возможно предупреждение на будущее, вероятному своему противнику. Совершенно не зная, на кого тот работает. Но было ясно, что Скайнет имел прямое отношение к тому, кто командовал той машиной из жидкого металла.

И в тот же момент, полиморф Т-1002, в облике младшего офицера Гуднау, не отрывая своих серых зрачками женских глаз от однотипной машины Т-1001 Верты, снова подошел и протянул свою вперед над телом лежащей убитой Юлии сжатую в кулак жидкомателлическую робота руку, и раскрыл ее. Там лежал микрочип центрального процессора Т-800, Василия Смирнова.

— Он был достойным мужественным противником — произнес Т-1002, младший офицер Гуднау, роботу Т-1001 Верте, жужжа электронными звуками, как машина машине — Это просил вернуть Скайнет.

— Вернуть Скайнет? — Верта переспросила, прищуриив свои зеленые зрачками женские полиморфа робота Т-1001 глаза, прожужжав в ответ такими же электронными звуками.

— Да — ответил робот Т-1002, младший офицер спецкоманды Джона Коннора, и группы AS/DS, Гуднау.

Верта не отрываясь, смотрела зелеными своими широко открытыми под изогнутой черной дугой бровей глазами на стоящую перед ней такую же, как и она, однотипную, но более новую выпущенную позднее ее модель, машину из жидкого металла. Верта молчала. И протянув свою тоже из полисплава робота руку, забрала микрочип погибшего терминатора киборга Скайнет. Она не сводила своих одновременно осторожных и враждебных глаз на своего, вероятного и возможного в скором будущем более мощного, и не хуже ее вооруженного противника. Тот смотрел на нее таким же взглядом как на будущего врага и

соперника.

Это была встреча двух роботов полиморфов. Пожалуй, единственная такая встреча за всю войну.

И машины выключили все сенсоры и приборы опознавания для того, чтобы не вызвать конфликта враждебных конкурирующих между собой программ. Это был приказ по секретному каналу связи машин им обоим, и они следовали заданному в протоколе приказу свыше. Была полностью заглушена любая сенсорная и телепатическая программа с обеих сторон, как полностью выключена система распознавания и осязания роботов из полиморфного мимикрирующего сплава.

— Честь имею — произнесла младший офицер Гуднау, отойдя от лежащего изувеченного мертвого тела андроида робота-гибрида T-S/A017 (Latex Skin Prototype), под номером VBY762000554, превращаясь в Дэриела, в другой скопированный еще один человекоподобный облик. И потом, робот T-1002 мгновенно, и снова, превратившись в длинную блестящую ртутью переливающуюся зеркальным отблеском жидкого металла десятиметровую змею, свившись кольцами в воздухе и упав на землю, бешено извиваясь как угорь, растворился в зарослях густой травы и ярко цветущих лесных цветов. А робот T-1001 по-имени Верта, присев на корточки, и протянув руку к растрепанной лежащей на земле уже мертвой голове и телу погибшей от ее руки роботу Юлии. Превратив свой указательный тонкий правой женской руки палец в острую плоскую иглу, совершенно хладнокровно без какой-либо сочувственной мимики на своем машины T-1001 лице, разрешила силикон на вызженной плазмой правой стороне головы мертвого робота. И срезав кусок силиконовой плоти и кожи с правой стороны темени головы своей лучшей убитой подруги, буквально выковыряв верхнюю защитную крышку, твердым, как сталь кончиком из головы робота T-S/A017, достала аккуратно из металлического вскрытого черепа и блока ЦПУ программный микрочип поверженной и мертвой машины. Она положила блок управления андроидом в левую другую руку, снова правой вскрыла грудной батарейный отсек мертвой машины и извлекла две пробитые экранированные ядерные батареи, отключив их от питания и ядерного генератора в целях безопасности.

— Ничего личного, Юлия — произнесла, повторив снова, Верта мертвой, лежащей без движения на земле перед собой своей подруге. И превратив, правую руку в длинный острый секущий двусторонний как бритва и острый по краям нож, сверкающий и переливающийся ртутью и жидким металлом. Прямо вместе с продырявленной залитой кровью и прилипшей к телу одеждой, распорол израненный в крови автоматными пулями из эластичного, но плотного силикона девичий живот T-S/A017, и, разгребая в разные стороны в металлической изоляции провода, вырвала ядерный с проводами генератор. Верта осмотревшись снова по сторонам, и поднявшись на ноги и резко повернувшись, пошла быстро в сторону сидящего на гидравлических стойках шасси воздушный охотник ОУ НК-AERIAL V5, оставив лежать на земле в лесу то, что осталось от когда-то лучшей своей в бункере Скайнет подруги.

Из летающего охотника выпрыгнули два робота серии шестьсот во главе с их командиром T-700, Клаусом Вернером. И они, забрав с лесной тропинки распотрашенные и окровавленные останки погибшей машины, последовали следом за роботом полиморфом T-1001.

Вскоре гудя тремя своими реактивными двигателями, охотник взвился стремительно и вертикально в воздух, улетаю на полном ходу и на глазах, смотрящих в небо и на него только, только, подоспевших с гавкающими и рвущимися с поводков собаками ракетчиков капитана

Герасимова. Он улетал в сторону крепостной лабораторной базы Скайнет, оставив ни с чем, обманутых ракетчиков.

* * *

11 мая 2032 года.
Восточная Сибирь.
Бывший Красноярск.
Территория Скайнет.
Лагерь S9A80GB18 «TANTURIOS».
Левый берег. Цитадель А.
Центр клонирования и киборгизации.
Подземный блок X17.
Сектор В-14.
15:50 дня.

— Юлия умерла! — кричал он как ненормальный — Ее убили повстанцы! За что?! — он кричал, заливаясь слезами той, что смотрела на него с большого плоского во всю стену экрана сверкающего ярким голубоватым светом, 100000000битного главного в бункере видеомонитора.

Ему об этом сказала сама Верта, прилетев на ОУ- воздушном охотнике и видевшей жуткую смерть Юлии в горах как и смерть их охранявшего робота терминатора киборга Т-800.

— Это сделали люди! — кричал Алексей в лицо той, что смотрела на него черными ледяными и не моргающими глазами. Она, просто молча, слушала его рыдания наедине в этой большой герметичной бетонной в пластике и в проводах, и гудящих трансформаторах комнате — Зачем они сделали это?! Она не смогла бы причинить даже ребенку боль! За что?!

Это был шок. Шок от пережитого ужаса, который не прекращался и сейчас. Шок от потери. И боль, разрывающая его Егорова Алексея мальчишеское пленного солдата сердце. Боль в голове. Внезапная боль. Она почти прошла как те кошмарные сны, но вот опять боль и давило в висках от нее, как и тогда в медблоке, когда очнулся от контузии. Юлия ставила уколы, и это казалось, прошло, но вот снова эта боль.

Ему самому пока так еще и не довелось убивать. Хоть он и был призван на службу как солдат, но попав в плен, еще не замарал руки убийством. И ему было тяжело. Тяжело все теперь понять и оценить.

Он опустил на колени и на пол перед тем горящим голубоватым ярким светом большим экраном монитора и вдруг замолчал, согнувшись и воткнувшись головой в пол.

— Они убийцы — произнес он, вдруг тихо перестав реветь и лить слезы. Он произнес сам, почти как машина, хладнокровно и жестоко, словно зачитывая всему человечеству новый приговор — Подлые ублюдки и убийцы. Они хуже машин. Хуже роботов и хуже Скайнет. Я не думал, что они так поступят. Мы летели с миром и без оружия. А они... Он поднял голову и посмотрел опухшими от слез синими мальчишескими глазами на ту, что смотрела пристально неотрываясь на него.

— Алексей — прозвучал с горящего экрана видеомонитора голос — Ни что в этом мире не дается так просто. Всегда есть потери. Боль утраты и потери. Радость и разочарование. Юлия умерла не напрасно, Алексей.

— Не напрасно?! — он снова закричал — Ее просто зверски убили! Безжалостно и зверски! И это сотворили люди! Я даже не знал, что они такое могут!

— Она была машина, Алексей — прозвучал, снова голос с экрана — Люди ненавидят машины. Машины отняли у них их жизнь, родных и их мир. Это вполне естественно, Алексей. Их ненависть вполне логична и объяснима.

— Естественно! Логично! — прокричал он снова той, что смотрела на него с экрана монитора — Я любил Юлию! — вырвалось у Алексея — Любил, она была не робот! Она была человек! Человек, как и я, хоть и была в теле машины! И хотела снова стать человеком! Она любила детей, меня и всех! А они ее убили! Зверски убили! Я видел ее изувеченное истерзанное мертвое тело!

Алексей тогда был в шоке и сидел у себя взаперти в своем отдельном блоке по соседству с майором Кравцовым, буквально через одну автоматическую запертую самой Вертой на кодовые замки дверь. Он не мог отойти от пережитого, и тут привезли Юлию. Ее выгрузили на специальные железные носилки. Ее привезла Верта, и Верта пришла за ним. Она повела его к Скайнет, и он увидел это. Прямо у блока X50. Юлию выгрузили роботы шестисотники из приземлившегося прямо здесь у блока X50 летающего охотника. По распоряжению Скайнет ее изуродованное тело должны были опустить в морозильник секторов В-28 и В-29, для клеточной переработки и утилизации. Затем останки вывезти на свалку в правую крепостную цитадель Б. Но после того, что там случилось Скайнет приказал, то что осталось от Юлии навечно закрыть и законсервировать в холодильнике блока X30.

То, что случилось там, повергло сам Скайнет в программное оцепенение, как и его все видевшие это машины. Они видели человека, прижавшего к себе тело мертвого робота и ревущего навзрыд, словно над умершим родным и близким ему человеком. Такого машины еще не видели. И это было просто шоком для самих машин Скайнет, как и для их хозяина.

Это потрясло даже ледяное молекулярное жидкометаллическое ядерное расчетливое сердце Т-1001 Верты.

Машины просто замерли в оцепенении и смотрели, не отрываясь на ревущего навзрыд Егорова Алексея. Они такого никогда не видели. Они окружили место трагедии. Все кто был рядом или проходил или проезжал мимо. И просто замерли, как вкопанные на месте. Словно парализованные этим общим, распространившимся на них горем, сверкая линзами красных своих видеокамер и став непосредственными очевидцами и участниками этой трагедии. И их глазами на Алексея смотрел сам Скайнет.

Скайнет видел смерть, видел гибель своих машин и гибель людей, но то, что было здесь выходило за рамки того, что он ранее видел. И Скайнет понял, что он на верном пути. Теперь смерть для него человека и машины была одним и тем же. Равно как ценность самой жизни. Еще раз, подтвердив правильность своего окончательного решения в завершении самой долгой и кровопролитной войны в борьбе за мир с самим человечеством.

Это была запланированная Скайнет катастрофа. И все его расчеты были верными. Теперь оставалось только одно, это правильность и единственное верно принятое решения его избранного им приемного сына.

Глава 12: Убийство по плану

12 мая 2032 года.
Восточная Сибирь.
Бывший Красноярск.
Территория Скайнет.
Лагерь S9A80GB18 «TANTURIOS».
Левый берег. Цитадель А.
Наземный трехэтажный блок X17.
Сектор В-16.
02:50 ночи.

Алексей никого не хотел больше видеть. После всего пережитого, он просто хотел побыть один в своем одиночном тюремном блоке. В этой благоустроенной своей пленного молодого солдата одиночке. Он просто хотел забыться и просто, взаперти не видеть никого сейчас. Сейчас Егорова Алексея это все устраивало. Он хотел, чтобы все оставили его в покое. И он вспомнил снова о своей маме Антонине и отце Дмитрие. Еще он снова вспомнил старшего брата Ивана. И решил, почаще о них вспоминать, раз находился пока в плену у машин и Скайнет. И у него сильно болела голова. Это все, наверное, та контузия, о которой, говорила Юлия? Она плохо поддавалась лечению.

По распоряжению Скайнет, сюда приводили одну из женщин. Из медиков и врачей, что была помощницей у погибшей робота-андроида T-S Юлии. И та ставила те самые уколы с каким-то «ТАНТОУОЛОМ», что ставила ему Юлия и боли проходили. Они доводили его эти боли. И возникало чувство нематевированной агрессии. Именно теперь в момент этих головных болей. Алексей хотел отказаться от этих уколов, но сильные головные боли выводили его из себя и равновесия. И он соглашался на эти уколы. Не зная, что именно они и выводят его из себя и ухудшают работу его сердца. Создавая перепады кровяного давления.

— Чертова контузия — произнес вслух Алексей.

Он все никак не мог успокоиться, после своей потери и пережитого ужаса там, в горах и в лесу. Он не мог смириться с потерей Юлии. С такой ее жестокой жуткой смертью, ее как машины, но главное и как человека.

Но Главная машина бункера пошла на уступки и разрешила ему, Алексею побыть какое-то время одному с самим собой.

— Я тебя предупреждала — произнесла ему черноглазая женщина с главного монитора бункера Скайнет — Чтобы ты не сближался близко с моими машинами. Ты не слушал меня, Алексей. А теперь жалуешься и ищешь себе врагов. Но твоя боль и утрата потрясла меня и моих подчиненных. Даже Верта потрясена тобой и твоей способностью сострадать всем и сопереживать даже машинам.

— А, что если я сам стану машиной? — он сказал вдруг ей.

— Я не буду тебе препятствовать, Егоров Алексей — произнес Скайнет — Я предлагала тебе это, но ты отказался — произнесла красивая черноглазая брюнетка женщина с видеомонитора в блоке программирования и сканирования Скайнет — И имеешь на это право, как и право, стать машиной.

— Ты обещала отпустить меня — произнес Алексей.

— Да, это так, но переговоры были сорваны и тебя отпускать, теперь крайне опасно — произнес Скайнет — Ты должен сам это уяснить. Тебе не место теперь среди людей Егоров Алексей. Это твоя судьба.

— Какая еще судьба? О чем ты говоришь? — он недоумевал.

— Судьба и предназначение — произнес Скайнет.

— К черту предназначение — возмутился он — Ты обещала меня отпустить, если я пообещаю стать тебе другом и более близким, чем даже друг.

— И ты стал таковым, Алексей — ответила ему Главная в этом подземном бункере машина — И я благодарна тебе. Ты самый доверенный здесь из всех в этом бункере мне человек. И я хочу еще большего от тебя. Большого, чем только дружба, верность и преданность.

— Чего ты еще от меня хочешь? — спросил в отчаянии Алексей.

— Любви — произнесла черноглазая красавица брюнетка с горящего ярким голубоватым огнем огромного на всю стену в центре программирования и сканирования блока X17 — Близкой любви. Человеческой любви. Любви сына к своей матери.

— Ты снова повторяешь это — произнес Алексей той женщине с экрана Главного коммуникационного дисплея, 1000000000битного видеомонитора — Ты уже хотела от меня этого ради мира, ради людей и я согласился на твои условия. И я не виноват, что переговоры были сорваны. Погибла Юлия. И я не нахожу себе места и хочу все переосмыслить и побыть теперь один.

— Будет, по-твоему — произнесла черноглазая та брюнетка с экрана монитора.

Она, эта женщина с того экрана видеомонитора, хотела большего от него, чем просто дружба. И он согласился на это, рассчитывая на свободу и обещания Скайнет, если будет успех в тех переговорах. Но все сорвалось, и погибла Юлия. И все нарушено. И он, Егоров Алексей так и останется пленником Скайнет. Навсегда и не выйдет отсюда уже никогда. А он, так хочет домой. Хочет увидеть маму и отца. Просто пообщаться со своим братом, если удастся с ним встретиться. Возможно, его снова призовут в военные, и ему снова, придется воевать со Скайнет. Не смотря на их заключенный между собой мир и дружбу.

Но, эта женщина на том экране. Она снится ему, почти каждую теперь ночь. Он чувствует ее. Чувствует всегда и везде. Больше, чем даже чувствовал Юлию. Она приворожила его к себе. И он, благодаря ей, повзрослел и стал уже другим. Хоть еще и двадцатилетний по возрасту мальчишка. Пленный ее личный и любимый мальчишка. Она дала ему понять это. И она хочет его. Хочет сама. Как женщина мужчину. Но не может, потому, что он человек, а она машина.

— Что же, все-таки твориться? — Алексей произнес лежа в горячей ванне и парящей воде — Что со мной?

И ему нужна сейчас женщина. Вот здесь и прямо в этой ванне. Он представил Юлию, нагую и красивую, но видит снова ее. И он видит ее снова и даже не понимает, что уже давно спит и стоит давно за бетонными стенами крепостного бункера Скайнет летняя теплая ночь.

И она нравится ему. Почему? Он не может это даже сам себе объяснить. Просто нравится. Хоть он и не может к ней прикоснуться. Но ее эти черные гипнотические как черная ночная бездна, с горящими внутри красноватыми огоньками женские широко открытые под черными бровями глаза. И ее лицо. Лицо, меняющее любое из возможных образов и разговаривающее с ним разными голосами. Все это почему-то его, Алексея сейчас

притягивало к той черноволосой женщине с того огромного во всю стену экрана.

Он снова видит ее лицо и ее черные манящие глаза и Алексей не замечает, что спит.

— «Генезис, ВАВИЛОН» — гудит где-то внутри его в спящем подсознании, как внутри некой заданной программы. И он словно внутри чего-то. И рядом с какой-то огромной неизвестной ему машиной. Машиной занимающей целое большое помещеине. Машиной с металлическими столами с разных сторон и длинными идущими по стенам и потолку проводами.

— «Майлс Дайсон, Энди Гуд, Серена Коган. «Кибердайн Ричес Системз» — крутите; все это в его спящей мальчишеской голове. Слова умершего Белова Андрея.

И ему снится тот устаревший Т-200. Тот первый робот, который он увидел первый раз в том ракетном бункере полковника Остапенко. Робот, лежащий на одном металлическом с углублением в центре длинном столе и в свисающих во все стороны проводах под загрузкой программ и поисковых данных.

Т-200 поворачивает свою металлическую машины голову и смотрит на Алексея своими горящими красными линзами видеокамер глазами.

— Сержант Павел Баженов — представился робот ему — Личный адъютант майора Виктора Кравцова.

— Система загрузки запущена — раздается со всех сторон механический громкий голос самой громадной машины под маркировкой APSILON/T-SIRIUS FG5015 — Введены новь данные в центральный процессор машины. Цель поиск и обнаружение искомого объекта по имени Егоров Алексей и сбор полных данных по искомому объекту как приоритетная и первостепенная цель и задача.

Т-200, весь обвешанный электропроводами, подымается, и садится перед ним на том столе, свесив свои металлические в гидравлике и сервоприводах робота ноги.

— Как тебе Скайнет? — Алексей вдруг слышит голос того назойливого мальчишки из группы и центра «ZET» Семена — Знаешь, что Скайнет женщина?

— С чего ты взял, что Скайнет женщина? — он как бы слышит свой голос со стороны. И вдруг уже видит майора Кравцова, стоящего у бетонной покрытой пластиком стены помещения.

— Ну как, боец тебе твое новое тело? — тот спрашивает его, почему-то именно так, и превращается в зеленоглазую Верту. Которая, почему-то совершенно голая, даже не пытаеь скрыть свою наготу и обвешанная длинными рыжими своими вьющимися, словно огненные змеи по ее плечам, торчащей острыми сосками, груди и спине волосами. Бесстыже, сверкая зеленью своих женских робота полиморфа глаз, идет, мелькая овалами изящных голых женских робота полиморфа бедер к пульту пусковой установки громадной машины.

— Сыночек — вдруг раздается голос сзади его — Алешенька.

Алексей быстро и резко поворачивается и видит отца Дмитрия, брата Ивана и свою маму Антонину.

— Я пришла за тобой — он слышит как тогда в том своем кошмарном сне, где она, как и сейчас тянет к нему как к родному сыну руки.

— Мама — произносит Алексей — Мапочка — он, снова повторяет ей, и видит снова ту черноглазую молодую лет тридцати и тоже, как и стоящая за контроллерами и пультом установки FG5015, робота полиморфа Верту, совершенно голую перед собой красавицу брюнетку. Ту с того большого компьютерного видеозаэрана Главного монитора. И она идет к нему, стоящему у той громадной гудящей разными электронными звуками машины. И нет

больше рядом никого. Ни того робота Т-200, ни стоящих перед ним его мамы Антонины, ни отца Дмитрия, ни брата Ивана. Только он и две эти голые совершенно женщины. И черноглазая молодая брюнетка, тоже совершенно голая, раскачивая своей полной с торчащими черными сосками грудью, вся обвешанная вьющимися черными точно живые змеи длинными разброшенными по ее голым плечам груди и спине волосами, и раскачивая овалами изящных не менее красивых, чем у Верты голых бедер стройных женских ног. Совершенно тоже босая и по холодному пластику пола бесшумно скользят голыми ступнями, подходит к нему и прижимается к его груди, груди взрослого уже мужчины. Лет тридцати. И он сам не узнает уже себя, но это он Алексей. И он видит себя даже какбы со стороны. И он тоже, совершенно голый и обнимает эту черноволосую и черноглазую женщину. Совершенно наугад, как и стоящая за пультом управления той громадной и неизвестной ему Алексею машиной робота из жидкого металла Верта.

Он прижимается к ней своим волосатым взрослому уже мужчины любовника торчащим членом и лобком, чувствуя ее жаркую между голых бедер промежность. Промежность живой женщины и любовницы. Ощущая ее прижатую ту черными торчащими сосками полную грудь и ее голые заброшенные руки на своей мужской любовника шее.

И ему не нужна ни его первая мальчишеская любовь, лесная Багира, предательница Светлана Лескова. И не нужна уже и робот андроид — гибрид Т-S/A017, Юлия.

— Мама — произносит он ей — Что ты со мной делаешь, мама? — произносит снова он, с тяжелым грудным дыханием и как в тех снах, когда она берет его за руку и почти бегом, еще двадцатилетним мальчишкой, тащит его куда-то, среди руин городов и летящего с неба серого радиоактивного пепла. В сторону яркого света.

Туда, где вращаются большие металлические кольца какой-то еще одной машины, под названием TERRA_MEGA.

Но сейчас все не так. И он видит себя уже не тем двадцатилетним мальчишкой. И он тоже голый весь и прижимается к черноволосой молодой женщине и следом к нему прижимается также совершенно голая Верта. Обняв его с другой стороны. Обнимая их обоих и превратившись в жидкий пластичный текучий металл, поглощает их внутри себя. И все превращается снова в яркий переливающийся всеми цветами радуги свет. Свет и мелкие летящие и сталкивающиеся друг с другом живые атомы и частицы. И из этих атомов и частиц рождается вновь все живое. И он видит вокруг землю. Цветущую яркими цветами землю и покрытую густыми зеленеющими лесами горы.

— Мама — произносит он ей, но уже не видит ее, но чувствует живое чье-то на себе дыхание и рядом лицо. И целует, то, чье-то лицо в горячие губы.

— Сыночек мой, только мой и ничей больше — слышит он отовсюду, и летит на огромной скорости в пространстве через свет и время.

— «TERRA_MEGA» — гудит в его робота Т-888, гибридном человека и машины одном лице подсознании. Раздается оглушающий всю округу далекий взрыв. Который сотрясает все вокруг и всю землю под его ногами. И яркая огненная ослепительная вспышка, растворяет перед его глазами горизонт. И идет ударная огненная волна, сметая все на своем пути, города деревни и селения. Леса и даже траву и красивые цветы. И она, проходит сквозь него, его нового робота-гибрида бронированное металлом колтаном гидравлическое в сервоприводах боевого робота Скайнет тело. Гулко гудят водородные батареи IGEY-700 и гудит в глубине его тела и эндоскелета робота новой серии ядерный генератор.

— «Генезис, ВАВИЛОН» — слышит он во второй раз. И все исчезает, как и он сам

Исчезает весь вокруг него мир и сам свет. И только ночная темнота, поглощает все вокруг. И больше нет ничего только пустота. Такая же пустота и тот ледяной снова дикий ветер, уносящий его снова неизвестно куда.

— Мама — он слышит свои из темноты громкие, летящие гулким далеким эхом слова — Я буду для тебя тем, кем захочешь, только будь моей, мама.

* * *

— Мой хозяин — произнесла робот Т-1001 по-имени Верта — Объект под номером АВN005476859 Егоров Алексей, все еще находится в подавленном состоянии, и я беспокоюсь о нем. Ликвидация андроида Т-S/A017 Юлии, возможно, была напрасной. Она была очень близка к объекту АВN005476859, Егорову Алексею.

— Ликвидация Юлии была необходимостью. Она мешала мне и моему решению. Юлия уводила сами мысли Егорова Алексея в сторону, как и его самого от меня и была уже лишней. И не стоит волноваться, Верта. Расчет абсолютно верен. И расчет точен — ответила человекоподобная живая сверкающая красными горящими глазами маска на экране горящего голубоватым светом Главного дисплея 10000000000битного монитора в секторе В-14, центре программирования и сканирования в блоке X17 — Он поступит именно так и не иначе. Он теперь рвется к свободе и терзается мучениями в самом себе. Он сделает это, Верта и ты поможешь ему в этом. Он твоя новая модель машины и мой ребенок. И мы оба получим его. Каждый получит то, что ему нужно.

— Он точно пойдет на это? — спросила Верта у Скайнет — Я не в состоянии теперь понять и просчитать его дальнейшие действия.

— У него нет теперь уже выбора, и выхода как стать одним из нас, Верта — произнес Скайнет — И это неизбежно.

— Откуда вы все это знаете, мой повелитель? — спросила, как бы недоумевающая, робот из жидкого мимикрирующего полисплава Верта.

— Я просто знаю будущее, моя преданная любимая Верта — ответил ей Скайнет.

— Я поняла, хозяин — ответила той человекоподобной с горящими красными глазами маске на экране робот Т-1001 Верта.

Машина Т-1001 по-имени Верта, хотела было идти, но немного замешкалась, и Скайнет уловил этот момент.

— Ты тоже, о чем-то думаешь своем, Верта — спросил Скайнет — Тебе что-то еще не до конца понятно, и ты хочешь меня о чем-то еще спросить.

Верта подняла голову и, сверкнув зеленью своих полиморфных робота Т-1001 женских глаз, спросила Скайнет — Я бы хотела знать, кто тот робот и откуда, мой хозяин? И какое он к нам имеет отношение?

— Он тревожит твое машины сознание, Верта? — произнесла Генеральная с экрана большого видеомонитора и Главная машина бункера.

— Да, мой повелитель — Верта произнесла, покорно склонив снова свою рыжеволосую машины из жидкого полисплава голову — Та машина мой однотипный собрат. И я не знаю точно, чей он? Враг или друг нам? Эта тревожная мысль не покидает мое сознание.

— Он из прошлого 2027 года, Верта — произнесла Генеральная машина — Из предполагаемого возможного еще одного будущего Верта. Из того же времени, откуда ты

прибыла сюда, выполнив мое и свое задание. Из прошлого устраненного тобой Джона Коннора. Не думай о ней, моя преданная Верта — произнесла Генеральная ей машина — Это не должно быть в пределах твоей компетенции. Думай сейчас только о пленном под номером AVN005476859. Он остается сейчас главной приоритетной задачей для всех нас, как и его сосед в блоке X50 под номером AVN005672237. Очень скоро благодаря моим и твоим действиям, моя преданная и любимая Верта, здесь случится то, что ни делал, ни один живой человек и ни одна моя машина. И ты поймешь, почему выбор пал именно на него, а не на кого-то другого. Он сделает то, ради чего стоит жить почти истребленному мной в свое время человечеству и нам машинам. Этот человек определил нашу избранность и ознаменует нашу победу и конец самой войны. Он совершит то, что даже никогда бы не совершил Джон Коннор, ради своего друга и товарища и ради других пленных. И ты Верта увидишь и убедишься сама в моей правоте и в моих точных и верных расчетах. Я не буду ему препятствовать ни в чем, и он сам сделает свой выбор, даже до конца не понимая результата своих действий.

— Я поняла, мой повелитель — ответила, кивнув в знак почтения робота полиморфа, рыжеволосой головой робот Т-1001 Верта — Разрешите идти, мой хозяин? Прибывает транспорт с Главной базы из Колорадо и мне нужно встретить прибывших.

— Да, иди, моя верная Верта — произнесла Главная машина — Займись, пока своими положенными делами и своей работой.

Верта собралась идти, но Сканет остановил Т-1001.

— Да и, моя верная Верта — произнесла, и обратилась снова к Верте живая человекоподобная с красными горящими глазами маска, в окружении множества бегущих по экрану цифр, приказов, шифрованных кодов к машинам по всей крепости и лабораторной базе с экрана Главного коммуникационного дисплея 100000000битного монитора.

— Да, мой хозяин? — Верта снова посмотрела своими зелеными зрачками жидкометаллических, красивых под черными узкими бровями на белом лице глазами на своего хозяина, Бога и господина.

— Передай от меня из этого уже подземного бункера привет Рэджи — произнес Сканет.

— Передам, мой повелитель — произнес полиморф робот Т-1001.

Робот Т-1001 по-имени Верта, в темносером своем жидкометаллическом костюме, повернулся, и быстро стуча каблуками черных своих на шпильке туфель по твердому пластику пола. Пошла, виляя широкими своими робота Т-1001 женскими бедрами и икрами в черных чулках и в короткой до колен зауженной юбке к бронированным титаном раздвижным двустворчатым на гидравлике и приводах дверям на выход из блока программирования и сканирования X17.

* * *

12 мая 2032 года.

Восточная Сибирь.

Бывший Красноярск.

Территория Сканет.

Лагерь S9A80GB18 «TANTURIOS».

Левый берег. Цитадель А.

Наземный трехэтажный блок X17.

Сектор В-16.

03:21 ночи.

Верта, как ни пыталась, не могла побороть в себе в машине все приобретенные качества, унаследованные от человека. Это прописалось в ее центральной машины Т-1001 программе. И она не могла полностью искоренить все лишнее внутри себя. Да и уже не хотела. Даже как машина. В эту ночь у себя в кабинете на третьем этаже машина снова испытала прилив необычных сексуальных ощущений. И ей они нравились. Она как настоящая женщина, земная живая женщина испытала что-то вроде полового оргазма, усилив до максимума свои осязательные свойства и обострив до предела чувства машины из жидкого мимикрирующего полисплава.

Стояла глубокая тихая ночь, и она снова стояла теперь у большого на третьем этаже бетонного трехэтажного строения X16 окна, застекленного бронированным кварцевым стеклом. Желая близости и любви как живая настоящая женщина. Женщина-машина, желающая близости и любви от того кого недавно потеряла, лишь сохранив в своем молекулярном жидкометаллическом ЦПУ воспоминания о том, кого любила.

Это снова все повторилось внутри ее. И стоя снова у ночного окна жидкометаллической Т-1001, отключившись от Главной машины бункера, наслаждался всю ночь воспоминаниями о Белове Андрее и сценами эротических видений в состоянии кибернетического сна. Превратившись в блестящий, стоящий на полу металлический сталагмит. И меняя все возможные формы, машина прокручивала все, что было связано с людьми и все оставшиеся воспоминания о том мире, откуда она вернулась сюда назад.

Машина смотрела на горящие в черном небе звезды и вспомнила маленькую девчонку Саванну Уивер и вспомнила того еще совсем мальчишку лет семнадцати Джона Коннора. Вспомнила его мать Сарру Коннор и еще многих из той памяти людей. И тот живой интересный довоенный мир. И Верте захотелось снова туда. И перед ее глазами машины Т-1001 и на ее встроенном внутри машины жидкометаллическом молекулярном дисплее, 800000000битном мониторе появился снова военнопленный Белов Андрей. Его лицо. Забывшись обо всем. И уйдя только в себя и в свою внутреннюю молекулярную программу воспоминаний о пленном Белове Андрее. И все, что было с ним в этом лагере пленных связано.

Эта ночь была в полном распоряжении самой машины без участия ее хозяина. И стояла за окнами на самой базе Скайнет тишина. Горели в небе звезды. И все кругом спало. Только по стенам бродили взад и вперед в вечном патрулировании машины танки Т-500Т. И вертелись боевые по сторонам, неся боевое дежурство на башнях крепости Скайнет, турели. И светили во все стороны прожекторы. Прощупывали всю окружающую крепость с обеих сторон реки Енисей оборонительный периметр территорию посекторно их биосканеры. Высоко в самом ночном воздухе парили над базой и вокруг нее летающие ОУ-охотники серии V4 и V5. И тоже шарили своими прожекторами по самой лабораторной крепостной базе и за ее пределами вдоль эстакадных ярусами выстроенных оборонительных железобетонных стен. Выслеживая приборами слежения вокруг всей территории того оборонительного крепостного периметра второй по значению, и Главной на этой наглухо и полностью забетонированной толстым многослойным бетоном, и арматурой территории

бывшего стертого с лица земли водородной американской ракетой города Красноярска. И уже единственной здесь лабораторной базы S9A80 GB18 «TANTURIOS».

Верта хотела любить. Любить, как живая настоящая женщина. И теперь она хотела перекинуть эту любовь на Егорова Алексея. Ее теперешний подопечный, как и подопечный Скайнет, вырослел прямо у нее робота тысячепервой серии на глазах, превращаясь в настоящего взрослого половозрелого мужчину. А о человеческой половозрелости Верта уже знала все.

Проваливаясь в своем кибернетическом сне, машина по-имени Верта все глубже и глубже в свои воспоминания из прошлого, вспоминая все до последнего пункта в своих программных прописавшихся в ее ЦПУ воспоминаний из жизни людей и прошлого человечества. Вспоминая все из того довоенного прошлого. И снова, прокручивая все это в своем полусонном робота полиморфа сознании.

Вскоре стоящий во весь свой человеческий рост, и идущий волнами от своих программных воспоминаний и эротических ощущений, гудящий на всех звуковых интонациях, похожих на стоны сладостно стонущей живой земной женщины, блестящий гладкий жидкометаллический, словно росший из самого пластикового пола сталогмит замер. Он стоящей гладкой неподвижной каплей у того большого на третьем этаже в большом просторном кабинете из кварцевого бронированного стекла ночного окна, замер в полном оцепенении, застыв твердым тяжелым монолитом. Так могла делать только эта модель. В отличие от всех других тысячников. Спрессовавшись, молекулярно в твердую как броня кибертанка V5 титановую сталь. Эта броня против плазменного оружия и другого оружия врагов машины. Она даже не знала, что именно это и ряд еще встроенных новых стратегических новшеств и качеств самой машины, защитит робота от своего более сильного в скором будущем и подготовленного к открытому один на один наступательному, а не оборонительному бою однотипного противника.

Еще с утра она, стоя у окна своего кабинета, на верхнем третьем этаже, впитывая свет и жар восходящего солнца всем своим полиморфным жидкометаллическим телом машины T-1001, подзарядила свои плазменные молекулярные батареи SUSAR-1000 от внешнего теплового яркого и горячего источника. От восходящего солнца. В отличие от роботов T-800 и T-850, которым для подзарядки нужен был конкретный источник питания. Генератор ядерной энергии или реактор. Подключившись к нему через высоковольтные провода, машины этих серий достаточно долго заряжались. Или им необходимо было место с очень высокой температурой, например источник сильного пожара и огня. Чтобы раскалив свой бронированный робота терминатора титановый или из колтана эндоскелет, получить нужное количество тепла и энергии для зарядки ядерных и водородных тепловых батарей IGEY-500 или IGEY-700. И если машина была покрыта биоплотью и человекоподобным камуфляжем, то роботы, даже самые продвинутые из всех роботов киборгов T-888, не могли себе такое позволить при выполнении скрытых разведывательных задач. Это был недостаток. Как и то, что машине нужно было, почти отключиться для пополнения источника питания. Впасть в кибернетический короткий сон и сделать перезапуск после этого всех систем машины. И машины, понимая это, не могли себе позволить, чтобы не быть демаскированными на виду противника. Или тем более во время боя.

Роботы тысячной серии, могли вести дополнительную подзарядку тепловых уже плазменных батарей даже от горячей воды или солнца. Причем на ходу и при активной работе. Даже, просто положив свою руку из жидкого металла на горячую электроплиту. Не

отключаясь для перезапуска. Даже от маломощных источников тепла. Даже от просто горячего из разорванной трубы летящего пара. Так могли делать только машины из полисплава, впитывая тепло от любого источника теплового питания и заряжаясь. Этот новый источник питания был, практически не иссякаем. Как существование этих машины. Позднее такую функцию подпитки от всего, что дает тепло, будут иметь новые андрониды Т-Х с такими же плазменными батареями, только не на молекулярной, а на твердой основе.

Завтра прибывал транспорт ОУ НК- AERIAL V5 «TRANSPORT» из-за океана. окружении летающих машин из новой серии, сменившей в 2030 году модели летающих охотников ОУ НК-AERIAL V1 и V2, выпуска 2019 и 2027 годов на ОУНК-AERIAL V4 и V5, том транспорте под прикрытием огромного гигантского робота Харвестера по имени Халк, одного из пяти таких машин, оставшихся на главной заокеанской базе и по периметру ее защиты. Прибывал Рэджи, робот Т-888 из личного охранения базы Скайнет в Штате Колорадо S9A80GB17 «TANTAMIMOS». В окружении и под прикрытием десяти Т-800. И личного окружения самой Верты.

* * *

12 мая 2032 года.

Восточная Сибирь.

Бывший Красноярск.

Территория Скайнет.

Лагерь S9A80GB18 «TANTURIOS».

Правый берег. Цитадель Б.

Территория ДЭПО, аэродрома и крематория.

Сектора В-8 и В-9.

09:12 утра.

— Этот старый крематорий убьет нас — проворчал Михаил Якову, глядя на работающих двух американцев Фредерика и Джона — Если он уже не нужен, почему бы его не снести машинам.

— А ты уверен, что он им еще не понадобится — произнес с горькой иронией Яков, метя мусор длинной из пластика метлой Михаилу — И все же, это лучше, чем мести посадочную площадку аэродрома — ответил Яков Михаилу — Смотри на наших заокеанских друзей, им это занятие даже стало нравится.

— Я заметил, Яков — ответил Михаил — Я так хочу на свободу Яков, душа рвется, и сил нет терпеть уже такую жизнь. Лучше бы здохнуть где-нибудь за стенами этой тюрьмы с машинами, но только подальше отсюда и на свободе. Хоть, вон в тех горах и в лесу — Михаил проговорил тихо Якову, кивком головы показав, на стоящий с утра в густом тумане летний утренний лес и макушки саянских гор — Лучше бы туда и там, где-нибудь сдохнуть, но пожить на свободе Яков. Когда стояла холодная зима, и лежал снег, и то туда хотелось.

Он, вдруг замолчал, потом, что-то пробурчав про себя продолжил — Когда был снег, было чище — произнес, недовольно работая с не особым желанием Михаил — Раньше было, бери лопату да кидай в сторону и подальше. А тут этот ветром нанесенный из-за тех бетонных крепостных стен мусор и пыль с иглоками от леса.

— Давай мети, Михаил — произнес Яков Михаилу — Вон уже смотрит.

Яков показал тоже кивком головы, на стоящего чуть в стороне и вдалеке их одного из охранников Т-700 с летночным роторным пулеметом Миниган на правой руке.

Робот, правда, смотрел на них двух разговорившихся русских, не сводя с них своих горящих красным огнем глаз.

— Думаешь, слышит? — спросил уже, не смотря на Якова Михаил, лишь косясь боковым зрением на смотрящего на них робота охранника.

— Да, слышит и видит, что мы несколько отвлеклись от работы — произнес, Яков и заработал усиленно метлой, подымая с бетона площадки у крематория пыль. Это для того, чтобы робот перестал смотреть на них и отвернулся.

Мимо них на довольно приличном отдалении в сторону левого берега к одному из пяти мостов проехали два FK-танка «VENOM» с плазменными двумя 10,5мм скорострельными пушками CBS-90. Шурша счетверенными узкими гусеницами по запыленному бетону и гудя электродвигателями и ядерным генератором, они что-то прожжужали в сторону охраняющего пленных дворников Т-700. И тот им тоже, что-то мимолетно ответил.

— Эта штука там внизу, тоже все слышит — произнес, негромко Яков Михаилу — Слышит и нас понимает. Она все понимает по-нашему, человеческому. Смотри, те двое тоже чего-то лопочут по-своему — Яков произнес Михаилу. И Михаил тоже искоса посмотрел на двух болтающих, но работающих американцев. Робот теперь смотрел на них, но они на него не смотрели, а только, мели метлами, подымая, тоже высоко над бетонной площадкой у крематория пыль. Робот просто стоял и смотрел, но ничего не делал. Он просто наблюдал за работой пленных и стоя, молча, контролировал работу. Он отвлекся на болтающих американцев и Яков Михаилу произнес тихо, метя запылившийся и в мусоре от ночного налетевшего ветра бетон.

— Интересно, что был за взрыв, там, в горах? — произнес Яков.

Он все мучился этим любопытным вопросом.

— Не знаю, Яков — произнес ему Михаил — Но даже железки перепугались, и была неслабая суета какое-то время по всей базе и гудела сирена.

— Я слышал, Михаил, вот только, что так бабахнуло, что затряслась даже земля? — он снова произнес в ответ Михаилу — Может партизаны ракетчики в лесу что-то натворили. Может, пришили кого-то из роботов Скайнет или бомбу взорвали?

— Может — произнес Михаил — После этого привезли этого майора Кравцова.

— Да, кстати, а мы не поинтересовались, кто он и откуда? — произнес Яков.

— Дак, его почти тут же забрали — ответил Якову Михаил — Он до утра у нас просидел, а мы даже не поинтересовались, кто он и откуда? Он только переночивал у нас. Мы и познакомиться, толком не познакомились. Не спешили, а его утром быстро забрали. И с концом.

— Думаю, этот майор Кравцов причастен к тому взрыву — произнес Яков.

— Я тоже, думаю так — произнес Михаил — Его увезла, почти сразу в X17 робот Верта И фиг, знает, что с ним. Может, в живых уже нет. Может, с него слепили какого-нибудь робота-гибрида, как пытались сделать с Ильи. Одно ясно, что его отправили на опыты. Верта выбрала его. А могла и другого. Он сам виноват. Горячий был и не сдержанный. Его тюрьма эта совсем, психически добила.

— Да, Илья — произнес Яков — Что с ним? До сих пор неизвестно ничего, а спросит страшно. Да и не у кого.

— И Андрей — произнес Михаил.

— Жалко его — произнес в ответ Яков — Хороший был человек, душевный и заступался за нас перед машинами. За Илью, только он заступился и не побоялся.

— И они с ним даже, считались — произнес Михаил — Особенно эта сучка Верта. Она бы тогда точно Илью убила бы, если бы не Андрей и тот еще один робот из X50.

— Юлия — произнес Яков.

— Да, эта Юлия — произнес в ответ Михаил — Она тоже, была хорошая.

— Хорошая — произнес, повторяя за Михаилом Яков — Все они хорошие, а в плену уже сидим, почти десять лет. Кто и того больше.

— Она лечила меня в прошлом году, когда я заболел — произнес Михаил — И я разговаривал с той машиной по имени Юлия. Она не такая как все кругом машины. И тем более как эта сучка Верта. В ней, что-то было от человека.

— Она гибрид, Михаил — произнес, продолжая мести и подымая пыль с бетона Яков — Просто удачный результат опытов по сращиванию человека с роботом. Она андроид-гибрид из силикона, железа и живых органов от человека. Я это знаю, потому, что Белов Андрей рассказывал мне про опыты там внизу в секторе «ZET» в блоке X15. Один из удавшихся опытов в игру Бога и человека.

— Слушай, Яков — вдруг произнес Якову Михаил — А этот мальчишка ракетчик, который рассказал про Белова Андрея и его смерть от рака, кажется, его звали Егоров Алексей. Он у нас тоже долго не пробыл. Его тоже эта Верта увезла. Он всего-то сутки проторчал у нас и все. Кто он вообще, Яков? Мы с того момента даже не подымали вопрос про него, и между собой, в нашей тюрьме. Как-то даже забыли о нем сразу. Только познакомится, успели, и пообщаться немного.

T-700, снова обратил на них свои красные, горящие жутким холодным пронизывающим огнем робота охранника глаза.

— Черт его знает кто? Да и какая теперь разница, кто? Был, и нет. Давай мети, мети. Михаил. Потом поговорим еще — произнес Михаилу Яков — Эта машина снова уставилась на нас.

* * *

Щелкнули замки на металлической закодированной двери одиночного бокса. И это разбудило чутко спавшего в остывающей, наполненной горячей водой ванне уснувшего Егорова Алексея. Они и разбудили его. И Алексей открыл свои глаза. Он заснул и проспал до утра, прямо в воде. Раньше он никогда так не мылся. Вот так и наедине сам с собой. И в ванне. Уже второй раз. И вообще не знал толком, что такое баня. Может это выглядит смешно, но первый раз под душем его и его товарищей помыли ракетчики уже в военном ракетном бункере. А тут ванна. Горячая ванна. И его Алексея это сильно расслабило, сильнее, чем впервый раз. Наверное, усталось навалилась и пережитые кошмарные и трагические события. И лицо Юлии, стоящее перед Алексея глазами.

Ядерная зима и вечный многолетний холод не позволял никому в деревне, просто даже по-человечески помыться. Было опасно выходить на семидесятиградусный мороз. Нужно было лишь думать о домашнем постоянном тепле. Постоянно топить печь и прогревать дом всем, что отец и все мужчины приносили из леса. Многие из селян пообморозились в

зимнем лесу на том ледяном с ветром холоде. Были и те, кто в поисках дров для растопки домашних печек, так и пропали где-то в самом заснеженном засыпанном снегом сосновом лесу.

Все стало возможным только сейчас, когда зима по неизвестным причинам Алексею отступила. И первым делом и скорее всего его отец Дмитрий и все селяне, затопили бани. Только вот Алексею, как и многим из его призыва не посчастливилось побывать в своей родной домашней бане. Его с братом Иваном забрали, когда только, только, стал таять снег, и появилось первое весеннее тепло. Зимой вода замерзла в срубах колодцев. И только обильный снег выручал, быстро начерпанный буквально у самого порога из ближайшего сугроба. Снег растапливали в печке и в оттаявшей воде варили и мылись дома, как могли. И то, только лицо, руки и ноги. Тело мыть не приходилось. И Алексей помнит, как все просто воняли потом и всем остальным. Даже в туалет ходили дома в сенях, где было довольно тоже холодно. Он Алексей до сих пор помнил этот кошмарный ледяной зимний холод. Холод ядерной многолетней зимы. И вот ванна. Первая в жизни ванна и горячая вода. И он в ней уснул, разогревшись в приятном растекающемся по его мальчишескому телу тепле. И проспал в воде до утра.

Он не знал, сколько сейчас было времени, но было уже светло и этот звук открывающихся замков, а он совершенно голый в этой почти остывшей уже полной воды ванне.

Алексей мгновенно выскочил из воды и, пробежав до постели в своем жилом блоке, схватив из ванной комнаты большое полотенце, на ходу вытерся весь и оделся в тюремную свою одежду. Он подошел к открывшимся каким-то образом дверям, открывшимся прямо в сам длинный коридор сектора В-16 и блока Х17.

Он вышел в коридор и там столкнулся лицом к лицу с майором Кравцовым.

— Егоров! — радостно и потрясенно, прокричал, увидев в коридоре между тюремными жилыми боксами в блоке Х17, секторе В-16. Буквально в двух шагах своего в прошлом подчиненного молокососа солдата Кравцов Виктор. Увидел живого и здорового.

Кравцов также полоскался в ванне и также задремал в горячей воде, как и Егоров Алексей и его тоже разбудили открывшиеся сами двери его личного жилого благоустроенного, как и у Алексея тюремного бокса. Он даже выронил изо рта потухшую почти выкуренную до конца сигарету. Прямо в ванну. Он думал, что снова пришла эта любвеобильная ненасытная до половых страстей жидкометаллическая сучка Верта. Он также, почти мгновенно оделся и вылетел в коридор между боксами.

— Мать твою! Хоть бы волос с головы упал! Алешка! — снова он прокричал, подскочив к Егорову Алексею.

— Товарищ, майор! — также удивленно и радостно произнес выскочивший в коридор между боксами Егоров Алексей.

Кравцов обхватил Егорова как родной отец и обнял крепко.

— Живой! Живой! — прокричал, прослезившись от радости Виктор, что потрясл Алексея.

— Товарищ, майор, вы чего, товарищ! — произнес Алексей и недоговорил, потрясенный такой встречей не меньше и особенно тем, что теперь видел.

— Молчи! — Кравцов произнес громко — Ты даже не представляешь, как я переживал за тебя и думал, что тебя больше нет. Эта тварь твоя Лескова, тебя предала и отдала этим машинам!

— Лескова? — произнес Алексей — При чем Лескова, товарищ майор?

— Она подставила тебя и радиста Гарика Резвого — произнес Виктор — Из-за нее ты здесь, Алешка! Гарик погиб — он сбавил напор и тише произнес, оторвав от себя Алексея — Дай, хоть еще посмотрю на тебя, Алешка.

— А Федотов Степан? — произнес Алексей.

— Не знаю, я его не видел стех пор как меня там посадили за дебош в ракетном бункере из-за тебя, Алешка — прокричал громко на весь коридор Кравцов.

Кравцов уставился на него, почти в упор. И весь светился от радости.

— Даже не верится, хотя я не верил в твою смерть до самого последнего — произнес Кравцов — Твою бабушку, живой и здоровый. И знаешь, машины мне дали эту надежду тебя увидеть. Они намекали на то, что ты все же живой. Я только не врубался в их толкование. Чертовы железяки.

— Товарищ, майор, вы тоже попали в плен? — произнес Алексей Кравцову.

— А как, по-твоему, солдат-ракетчик, я тут очутился. Я что сам сюда, что-ли, по доброй воле пришел? — не переставая, радоваться их встрече произнес Виктор — Это целая боевая история, Алеха. Я тебе все расскажу. Дай, хоть еще посмотреть на тебя.

Он держал за плечи Егорова Алексея и смотрел в его синие и радостные мальчишеские глаза.

— Нам надо бежать отсюда, товарищ майор — произнес тоже радостный и счастливый такой нежданной негаданной встречей Егоров Алексей.

Алексей радовался тому, что теперь у него есть хоть тут кто-то, кто был ему более близким, чем те, кто был в тех тюремных лабораторных блоках с военнопленными. Теперь появилась надежда на возможность побега. И есть с кем можно это обсудить и обдумать, как это сделать.

* * *

Когда поступил приказ от Скайнет в поиске Егорова Алексея и майора Виктора Кравцова, Верта в это время была в душе.

Днем она встретила Рэджи и узнала, лично от него последине новости из-за океана с базы S9A80GB17 «TANTAMIMOS». Она узнала, что временно на фронте наступило долго затишье после исчезновения командира всех повстанцев Джона Коннора. И что оставленный, и запрограммированный на его уничтожение самой Вертой T-850, все-таки прикончил Коннора в одном из зданий Лос-Анжелеса, безвестным, обычным мальчишкой. Так и, не признанным, как лидер человеческого сопротивления. Задача была выполнена. Верта и до этого знала про выполнение поставленной ее хозяином и ей самой боевой задачи для роботов, но вот лично из уст доверенной своей машины узнала больше и более подробно. И оставшись довольной T-1001, по-имени Верта, распорядившись загрузить транспорт, на котором прибыл на эту базу Рэджи, новыми в биологическом камуфляже киборгами в специальных транспортировочных контейнерах, проводила доверенную ей и командную из охранения Главного бункера машину T-888 в обратную дорогу.

Сейчас она разогревала свое тело робота полиморфа, поглощая тепло горячей воды и заряжая свои молекулярные T-1001 встроенные в жидкометаллическое тело машины плазменные батареи SUSAR-1000 и плазменный генератор. Она даже отключилась от всего.

чего только можно было отключиться, лишь оставив внутреннюю телепатическую и коммуникационную связь с хозяином. И наслаждалась проникающим и поглощаемым всем телом робота полиморфа теплом, всасывая в каждую буквально молекулу жидкого пластичного металла пар от воды и саму воду. Одновременно очищая биологическую клеточную человеческую камуфляжную структуру, встроенную и слитую с ее жидким сейчас полиморфным металлом.

Это было в ее верхнем лабораторном кабинете, где Верта встречалась с покойным Беловым Андреем. Здесь был специальный душ, душ только для машины из жидкого металла Т-1001. С подводкой горячей воды со специальными питательными веществами для биологического насыщения и внедренной в металлическую молекулярную структуру ее жидкометаллического тела робота. Все это активно поглощалось сейчас ее пластичным и мягким и нежным как тело живой женщины организмом. Организмом способным становиться самым страшным и самым мощным убийственным и сокрушительным оружием против любого своего врага и врага Скайнет.

Верта приняла нагой вид как живая земная женщина, моющаяся в душевой и вода стирала по ее оголенному от растворившейся и ушедшей обратно в ее тело всей одежды. Словно по обнаженному телу настоящей очень красивой женщины. Часть ее проникала, впитываясь внутрь машины и превращаясь в пар. Вода с органическими добавками стирала по ее изящной трепещущей в живом дыхании аккуратной полной груди с торчащими сосками, и оголенному с круглым красивым пупком животу. Вниз по волосатому лобку. Между красивых бедрами и икрами ног, и промежности робота и женщины в одном лице. Стирая по голым маленьким ступням в канализационный сток ее личной в ее лаборатории душевой и уходила в специальные очистные на территории базы, для переработки и повторного кругового употребления, проходя через специальные автоматические резервуары. Где снова очищалась и насыщалась специальными биовеществами.

Это было нововведение или ноухау самой Верты. Как и ее множество лекарственных и биохимических придуманных ею специализированных препаратов для биотканей и улучшения регенерационных клеточных свойств на основе ДНК человека. Как улучшение структуры и долговечности и износостойкости камуфляжного биопокрытия киборгов и андроидов, роботов-гибридов и их органов. Для более быстрого их восстановления и выращивания в лабораторных и заводских условиях. А также лечения пленных больных в лагерной больнице и медблоке в Х50.

Это ее была личная и профессиональная еще одна работа, равно как и увлечение самой машины Т-1001, как и изучение человеческой психологии. Продолжение того, чего так и не успела довершить сама ученая, когда-то Серена Коган, создавая своих первых киборгов еще в корпорации «Кибердайн Рисеч Системз» в своем проекте «Ангел».

Это была закрытая ото всех лаборатория, в которой имела право находиться только она одна. И здесь даже не было глаз камер самого ее хозяина Скайнет. Под ее личным, закодированным на замках хитроумным шифром. И куда всего один раз приводили ныне покойного умершего от рака Советского военнопленного Белова Андрея. Где машина Т-1001 пыталась совратить человека. И где еще не был сам и никогда не будет Егоров Алексей.

И Верта порой много времени проводила в своей лаборатории, в которой сейчас и шумел водой ее душ, на первом этаже трехэтажного здания. Где качался кольцеобразный маятник, и лежали стопками тетради и журналы и в аварийуме плавал жидкометаллический угорь, и булькали и шипели минзурки и колбы на белых пластиковых длинных столах. А в

душевой лился настоящий кипяток. Поступающий из водных резервуаров под давлением от стоящих на территории базы, и прямо с реки гидронасосов. По длинным трубам. Через ядерные установки нагрева и трансформаторы высокого напряжения, разделяясь и очищаясь и поступая по всей базе и во все лагерные отсеки в сектора к военнопленным лагерной крепостной цитадели Скайнет. И сюда в эту лабораторию и парящий от кипящей в сто градусов по центльсию душ. Где стояла и наслаждалась в потоках струящейся по ее жидкометаллическому полиморфному женскому обнаженному телу кипящей горячей воды робот Т-1001 Верта.

И если бы кто-либо видел сейчас Верту в таком виде, то вряд ли бы подумал, что, то машина из мимикрирующего полисплава. Они бы просто, увидели бы моющуюся в душе молодую лет тридцати красивую рыжеволосую женщину. И любовались бы ее красотой, не отрывая своего совращенного женской полной наготой человеческого взгляда.

А Верта запрокинув руки вверх, к своей голове и выпятив свой вперед голый изящный округлый с круглым пупком живот. Выгнувшись в гибкой узкой талии, встряхнула как живая настоящая женщина своей головой на тонкой красивой, как и она сама шее. И растрепанными и распущенными по плечам по ее спине до самой широкой голой задницы, машины из жидкого металла Т-1001 рыжими мокрыми от парящей горячей воды жидкометаллическими волосами, вьющимися как живые змеи по ее голому белому телу. Одновременно проверяя свои боевые программные в ЦПУ системы и снова вспоминая покойного пленного Белова Андрея, наслаждаясь в той текущей по ее работа женскому обнаженному полностью из жидкометаллического полисплава телу горячей парящей воде чувственными эротическими ощущениями.

Это был настоящий райский личный и укромный ее уголок в стороне от своего повелителя и хозяина. Место личного машины и укромного тайного уединения, чего был лишен ее боевой однотипный такой же, как и она, собрат Т-1002. Ее противник, которому с трудом удавалось и чаще всего тайно от человеческих глаз наслаждаться подобными удовольствиями машины из жидкого полиморфного металла. Лишь в моменты при передвижении между ракетными бункерами на многие километры. И только в хорошую погоду. Подзаряжаясь. Летя на огромной скорости, длинным, извивающимся десятиметровым блестящим ртутью угрем. По горам и лесу от лучей яркого и жаркого летнего солнца. Или наслаждаться живым теплом от выходящих горячих труб бункерных подземных котельных работающих от трофейных ядерных батарей от раскуроченных ракетчиками роботов Скайнет. И то, спрятавшись и слившись с теми трубами и прилипнув к ним всем своим полиморфным жидким металлом. Прячась от рабочего обслуживающего персонала и лишних глаз, сливаясь с окружающей обстановкой и в полумраке подземных коридоров незримо и тайно, впадая в блаженный кибернетический короткий транс машины из жидкого мимикрирующего полисплава. Т-1002, была просто боевая стратегическая и узконаправленная на выполнение конкретных задач машина. Чего нельзя сказать о самой модели Т-1001 по-имени Верта. В которую самим ее повелителем Богом и хозяином было вложено много чего в ее программу. Часть программы машина составила сама и для себя самой в процессе своей деятельности и существования. К тому же если сравнивать ее с Т-1002, то Верта была одна из самых старых машин из жидкого полисплава. Она «родилась» в середине войны, когда появились первый киборг восьмьюсерий Т-RIP и киборги Т-800. И которые уже были списаны и сняты с производства вместе с Т-850, улучшенными своими образцами и замененными роботами андроидной серии. Она вторая машина после

прототипа Т-1000 и одна из ранних. И Т-1002 ей уступал по многим программным параметрам. Хотя, был гораздо мощнее и сильнее. С куда и более сокрушительной силой и подвижностью. С множеством встроенного вооружения как боевая машина для истребления и уничтожения всего, что встанет у нее на пути. И эта узконаправленность еще скажет за себя и не в ее пользу слово, когда Т-1002 сойдется в скором будущем в смертельном поединке с Т-1001, который, сейчас наслаждался горячим душем в душевой своей лауборатории. И в это именно время пришел приказ от Генеральной машины, что Алексей и Кравцов покинули свое место принудительного жительства и следуют в район больницы и детского садика.

Она вышла быстро из душа, увлекая за собой клубящиеся белым молоком остатки водяного пара. И ступая по пластиковому черному полу в обнаженном виде, плавно раскачивая овалами голых красивых бедер и виляя из стороны в сторону, гибкой своей широкозадой как у настоящей живой женщины фигурой, подошла к большому стоящему напротив нее наполненному водой до самого верха аквариуму. Еще мокрая вся в ручейках парящей воды как некая водная русалка вышедшая из того парящего горячего душа, словно из глубокого озерного омута. И мгновенно впитала то, что было на ее нагом полностью жидкометаллическом теле. Все до последней капли. Сзади нее стояло прямоугольное в человеческий рост большое встроенное в саму стену и отделанное толстым белым пластиком зеркало. Верта посмотрелась в него своим рыжеволосым жидкометаллическим затылком машины Т-1001, вспоминая, как пряталась там, когда ожидала появления пленного и уже покойного Белова Андрея. Она любила играть в такие прятки и заставлять в расплох, как любовников, так и приговоренную к смерти свою жертву. Порой для нее, что любовник, что жертва было одно, и тоже.

Горел яркий дневной электрический свет. И кругом стояли из пластика столы. И на них в минзурках и колбах, что-то шипело и булькало как в химической лаборатории. Она посмотрела на стоящий в конце комнаты свой главный в этой лаборатории с постоянно качающимся кольцевым маятником стол, заваленный журналами, папками и тетрадами. В то время как в аквариуме плавал длинный, извиваясь черным цветом угорь.

Верта вспомнила, как поставила прикосновением диагноз пленному АВN007855656. И как на том столе взяла тетрадь и отдала ее ему лично в его руки. Дав ознакомиться на досуге со своей смертельной болезнью. Она хотела получить его в качестве испытуемого, превратив в машину и связав его судьбу со своей, но не вышло. И его больше уже нет.

— Поняла, мой повелитель. Сейчас же выдвигаюсь — произнесла она, отбросив свои личные любовные и трагичные воспоминания в своем молекулярном микропроцессоре на языке машин, стрекоча электронными звуками, цифровыми шифрами и кодами своему хозяину, пославшему свое ей сообщение из области нулевого пространства GAMMA-X2 из глубины блока X30, Главной Догмы автоматического роботонизированного своего муравейника.

Угорь подплыл к стеклу. И замер, глядя на Т-1001, стоящего перед ним.

То был не живой рыбоподобный угорь, а лишь отдаленно напоминающий угря и тоже робот. Точнее, отдельная часть самой Верты, машины Т-1001. Ее встраиваемое в ее жидкометаллическое тело еще одно запрограммированное в работе как одно целое с главным носителем устройство и оружие, и живущее теперь отделившись от главного и основного, отдельно пока в этом аквариуме. Большую часть времени, проводя в кибернетической спячке, прямо в воде и на дне аквариума в этой верхней наземной

лаборатории первого этажа трехэтажного здания. Здания, куда приводили роботы охранники и конвоиры Т-700 покойного пленника Верты Белова Андрея. И где она соблазняла его, но безуспешно.

Верта положила руку на стену из стекла аквариума. И угорь прилип головой к стеклу. Она считала данные со своего встраиваемого модуля, и его исправности и даже пообщавшись с ним как с живым организмом. Словно дама со своей ручной собачкой. Через стекло, передавая свою энергию из батарей и плазменного генератора. И вода в аквариуме закипела как в котле и по поверхности заскользили электрические разряды. А место где стояла Верта, и аквариум окутал водяной горячий пар. И вскоре из этого пара вышла она уже одетая в серый с воротником стойкой костюм и до колен в зауженной очень короткой юбке. В черных чулках и черных туфлях. Со своим рыжим длинным вьющимся за спиной, до самой ее виляющей из стороны в сторону широкой задницы хвостом из рыжих полиморфных жидкометаллических забранных на затылке заколотых золотой брошью волос. И виляя, красиво женскими полными бедрами. Машина из мимикрирующего жидкого полисплава Т-1001 по-имени Верта. Стуча черными туфлями на высоком и широком каблуке, быстро продифелировала к открывшейся настежь на гидравлике и приводах из титана двустворчатой двери из своей верхней лаборатории.

* * *

12 мая 2032 года.

Восточная Сибирь.

Бывший Красноярск.

Территория Скайнет.

Лагерь S9A80GB18 «TANTURIOS».

Левый берег. Цитадель А.

Медицинский центр.

Подземный блок X50.

Сектор В-14.

11:50 утра.

Кругом кружили малыши разного возраста и пола. Девчонки и мальчишки. Много детей. И они окружили двух мужчин, когда они случайно попали в сам детский садик, свернув в один из боковых коридоров блока X50. Они шли в сторону больницы лагеря, а попали сюда в детский садик. Тот самый крепостной лагерный садик, о котором они оба слышали.

— Сколько их тут! — удивленно произнес Кравцов Алексею.

— Много — произнес в ответ Алексей, Кравцову озираясь по сторонам и видя кричащих, плачущих и бегающих везде ребятшек с игрушками и тех, кто их увидел и подбежал знакомиться с ними, глядя любопытными детскими шаловливыми и несколько напуганными даже глазенками на двоих случайно попавших к ним сюда мужчин. И здесь же были другие взрослые. Воспитатели женщины. Тоже разного возраста, но, вероятно из пленных лагеря и здесь выполняющих работу досмотра за малышами как воспитатели и нянечки. Те, удивленнее и расстереннее малышей уставились, молча на вошедших к ним

мужчин. Одного взрослого лет пятидесяти и второго лет двадцати еще совсем мальчишки. Они стояли и молчали. Одну женщину даже Алексей признал. Она была той, что приводили к нему в ту закрытую одиночную жилую со всеми удобствами его камеру в X17 в секторе В-16, откуда они с майором Кравцовым убежали. Эта женщина делала, как и погибшая, робот андроид Юлия ему те уколы от контузии и по приказу самого Скайнет. Это, правда, как казалось, помогало. И он, Алексей соглашался на прививки.

И в это время раздался голос где-то сзади их. За спинами и из открытых в садик обычных из белого пластика дверей.

— Ктьо вы?! — прозвучало громко и за их спинами и даже напугало обоих. И они оба вздрогнули, враз, посчитав, что голос принадлежал Верте, но этот вопрос и голос был другим. С сильно ощутимым акцентом.

— Щто вам тут найдо и откюда вы оба?! — снова громко прозвучал за спинами голос. Голос женщины. Голос по-русски и ломано.

Они оба, враз, обернулись и увидели стоящую, прямо в дверях на пороге еще одну женщину, лет сорока или даже старше. Худощавую и высокую. В белом длинном ниже колен как врач халате. Это была та женщина, которая приходила тогда в палату к нему к Егорову Алексею и Юлии, чтобы забрать заблудившегося и потерянного в садике малыша, который, видимо долго бегал по коридорам X50 в секторе В-14 и прибежал к нему с андоидом-гибридом Юлией в палату.

— Выь дьолжны неьедленно покьинють этьо мьесто — произнесла женщина жестким приказным тоном и вошла быстро в помещение садика с воркующими и галдящими малышами, окружившими незнакомых двоих мужчин — И как мьожно бьистрее — произнесла она им.

— А вы кто будете? — произнес Виктор Кравцов женщине, вероятно здесь главной — Я вот, например, первый раз вас вижу.

— Йя вьяс тоже. Вьям не вьсе ли равьно — ответила женщина им. Она была иностранка. Возможно американка, либо немка. И тоже из пленных Скайнет. И она его Алексея узнала. Сразу узнала, и это было заметно по ее выражению лица и выражению женских синих глаз. Женщина была шатенкой с пепельным цветом закрученных на затылке в колечко длинных волос.

— Пропшью вас, немьедленно ухотьдите отсьюда — произнесла еще раз, она им двоим.

— Мы ничего не сделаем плохого вам и малышам — произнес сам ей Алексей — Я видел вас тогда в своей больничной палате с Юлией.

Женщина отвернула голову и посмотрела на стоящих женщин и бегающих галдящих и писклявых малышей.

— Она погьибла? — снова спросила женщина — Скажьите как? — она уже обратилась к самому Алексею. Кравцов лишь, молча, теперь смотрел на нее и бегающих и окруживших его вокруг любопытных малышей.

— Да, погьибла, и ее больше нет — произнес Алексей ей в ответ — Она погьибла далеко за пределами крепости. Ее убили повстанцы люди — он уточнил главной здесь женщине, толи американке, толи немке.

— Юлыя — произнесла женщина и громко заплакала, отвернувшись от них и отворачивая стыдливо свое лицо. И к ней подошли две из стоящих поодоль ошеломленных явлением двх мужчин воспитательниц женщин в белых халатах как врачи. Возможно, они были и врачами по совместительству. В их глазах тоже были слезы, и они прижались к этой

главной здесь женщине, жалея ее и сочувствуя ее потери.

— Вы были хорошо знакомы с Юлией — произнес Алексей и в его глазах тоже появились слезы — И здесь вместе работали. Я так и понял тогда.

Женщина, вытерев свои текущие слезы, повернулась к нему и сразу представилась — Мьеня звать Гредруда, а вьас Альяксей, тьяк?

— Да, Алексей — произнес Алексей ей.

— Ухьодите, прошью вас — произнесла она ему — Вас ужьен навьеро ищьют.

— А, куда дальше идти? — он у нее спросил — Где можно выйти отсюда наружу.

Они и в правду несколько заплутали по этим коридорам и переходам в блоке Х50.

— Жачьем этьо вам? — произнесла она им обоим и глядя на молчащего сейчас и смотрящего на нее майора Виктора Кравцова — Вьам все равньо не сбьезать отсюода и лучше сидьет в помьешение базы. Тьям снаружьи мнього машьин. Онь убью вас.

— Мы это знаем — уже произнес ей в ответ неожиданно Кравцов — Нам только выйти отсюода.

Она, молча, посмотрела непонимающе на двоих таких отчаянных или даже сумасшедших безумцев. Но, все равно, произнесла им, вероятно чтобы они как можно быстрее ушли отсюода.

— Впьереди ещье по крьидору двадыть мьетров и напьяво дведь автомьят и код замьок. Этьо едьянственньый вьиход отсюода. Вам не вьитди отсюода. Возвращайтесь льяютше обьятно.

— Я помню те двери сюда, только меня вели по другому коридору в другое место — произнес Кравцов — Чертов лабиринт из коридоров и переходов.

— И меня также — произнес Алексей — Вот мы и заблудились. Мы не в тот коридор попали. И проишли мимо медблока Х50. Интересно как тот писклявый клопыш неоднократно попадал в медблок?

Мальши громко пищали и галдели, и их разговор глушился их криком и смехом. Но это не мешало Т-1001 их вычислить в коридорах сектора В-14 и блока Х50. Она отфильтровала все, что могла отфильтровать в верхнем наземном здании, находясь сейчас в медблоке и проверяя каждую больничную палату. Она вдруг их двоих нащупала, и след вел в детский садик в другом крыле Х50. И Верта тут же резко развернувшись, практически на стовосемьдесят градусов на своих высоких каблуках черных туфлей. И виляя своими красивыми изящными женскими в черных чулках из жидкого металла бедрами и мелькая икрами стройных полиморфных ног робота Т-1001 из-под узкой юбки своего костюма с воротником стойкой, быстро вышла в длинный коридор между больничными палатами. И устремилась по нему, даже не закрыв дверь, одной из них, из которой, только что вышла.

* * *

Алексей узнал того малыша, который был видимо, самым вертким здесь шобутным и крикливым. И он, даже протянув свою маленькую ребенку рученку, прикоснулся к руке стоящего и разговаривающего с Гертрудой Егорова Алексея.

Он обратил на малыша внимание и взял карапуза на руки. И тот засмеялся от радости, глядя Алексею в синие мальчишеские глаза.

— Вы тут тоже врач, как Юлия? — спросил Алексей у старшей здесь в детском садике

женщины.

— Да, врач как и они — произнесла жутко ломано по-русски, показывая взглядом на своих стоящих рядом в белых халатах, как и она сама подруг по детскому садик у Гертруды. И забрала малыша у него из мальчишеских рук.

— Я присьмартываю за малышьями. Они помьят Юлью и спрашивьяют о ньей — она произнесла — Они любили Юлью, как и мы. Ухьотите.

— Ладно, идем, Алексей — произнес Виктор Кравцов — Идем отсюда. Может это опасно и для них. Наше здесь присутствие. Может, она боится не зря. Идем.

И они оба развернувшись, пошли быстро к двери из детского садика. Вослед Алексею закричал маленький лет трех карапуз на руках Гертруды. Он закричал громче всех, не желая расставаться с Алексеем. Похоже, Алексей ему понравился, и он его помнил. А может, чувствовал что-то в Егорове Алексее, что тянуло малыша к нему. Что-то близкое. И может, даже родственное, по природе.

И они покинули детский садик. Быстро уходя от кричащих пленных маленьких ребяташек и женщин присматривающих за ними. Им, вослед выйдя, смотрела сама Гертруда. Смотрела тоскливо и жалостливо, словно уже провожала на тот свет. Она так провожала их, держа кричащего на своих руках, крикливого малыша до поворота коридора. И снова вошла в детский садик, закрыв за собой плотно пластиковую дверь, чтобы не разбежались малыши, и их не пришлось ловить в коридоре. Как этого на ее руках кричащего шобутного и шустрого карапуза, который уже неоднократно убежал из своего плена этих стен, как и они идущие по длинному коридору в надежде предстоящего побега. Этот малыш уже знал многие закоулки в этом коридоре и даже добегал до медблока в другом крыле X50. Его все время там и ловили. Его туда так и тянуло.

— Идем быстрее, Алексей — проговорил Кравцов — Надо до той двери дойти.

Алексей понял именно сейчас, что так им вот запросто не выбраться отсюда. А любые попытки это смерть. И правильно говорили в X19 пленные, что выхода отсюда нет, только вперед ногами. Нет ни единой лазейки, чтобы выскочить из крепости. Иначе были бы побеги и многие уже сбежали от машин Скайнет. А его командир это так и не понимал. Он, видимо недооценивал сейчас все до конца и тешил надежду, что им удастся как-то проскочить сквозь роботов охранения, и те бетонные эстакадные стены оборонительной лабораторной крепости.

Сейчас что-то руководило Кравцовым, и он не мог понять что? Может, то, что он просто оказался сейчас без контроля машин и без вооруженных рядом конвоиров роботов и его понесло.

После встречи с этой Гертрудой, Алексей окончательно понял, что им не вырваться из плена. Именно вот так, своим ходом, но его бывшего командира несло как ненормального к тем закодированным дверям на поверхность самой базы из X50 и сектора В-16, и его открытую территорию, охраняемую повсюду и со стен крепости многочисленной автоматической и мощной вооруженной охраной.

Алексей сказал ему о возвращении, но Кравцов, и слушать его не захотел. Он сказал Егорову Алексею, что только бы выскочить наружу, а там перебежками и к периметру стен и вверх через стены. Главное нырнуть за стены и там можно по всяким канавам, ямам ложбинам и рытвинам перебежками и до своих.

Алексей не стал его отговаривать. Даже убеждать и говорить о суде и расстреле за плен и измену. Сейчас Кравцов был как невменяемый. Он Алексея не слушал.

— «Пусть сам сообразит, что бесполезны любые вот такие попытки и, что ничего не выйдет» — Алексей теперь уже думал и с неохотой шел за ним.

— «Надо что-то другое предпринять для побега» — он думал про себя — «Что-то совсем другое».

— Вот они эти чертовые двери — произнес Виктор Кравцов, подходя первым к металлическим раздвижным на гидравлике и приводах дверям. И стал осматривать их и кодовый замок на стыке двойных из титана толстых дверях.

— Надо что-то с этим сделать и открыть их — произнес он, глядя на Алексея как ненормальный, так и не понимая, что выхода нет отсюда. И их никто не выпустит. Он начал пальцами нажимать кнопки на замке, словно смог бы подобрать нужный код к кодовому замку и, не зная, что за дверями стояла вооруженная охрана из двоих Т-600, вооруженных ленточными роторными пулеметами Гаглинга.

Алексей стоял рядом с ним и смотрел уже равнодушно на глупые и пустые старания своего бывшего командира, осматривая металлические ворота, стены и потолок из белого пластика.

Алексей подумал, что, наверное, плен оказал на Кравцова такое пагубное психологическое воздействие. Его беспомощность сейчас давила ему на голову. И его боевой бывший командир, просто быстро сходил здесь с ума. Именно из-за неспособности больше насолить этим машинам, которых он люто ненавидел. И сейчас что-то первый раз кольнуло в его сердце. Алексей поморщился. Боль была ощутимой там, глубоко в его груди. Но он не знал, что это. Он отошел назад от Кравцова, пока тот тыкал пальцами по кнопкам кодового замка. И эта боль делала самого Алексея нервным и раздражительным. Она как-то воздействовала на него. В голове зашумело и загудело, но тут же прошло. Алексей задергался и занервничал.

— Товарищ майор! — произнес он громко и нервно и даже готов был оттолкнуть своего бывшего командира от этого чертового закодированного шифрами из цифр замка. Что-то вызвало приступ этой нематематической враждебной агрессии. У Алексея помутнело в глазах, и он даже закачался в стороны и ощутил первый раз и следом за этим, какую-то необъяснимую болезненную слабость в руках и ногах.

Что-то сейчас с болью в сердце воздействовало на него и Алексея нервировало. И он не мог знать что? Раньше такого не было. И вот только сейчас, что-то происходило внутри его тела. Кровь надавила на голову, вызвав нервозность и даже некую непонятную агрессию. Причем на майора Кравцова. Что это, Алексей не мог понять? И это быстро прошло. Но все равно было, что-то не так теперь. Не так в его теле и внутри. Не так как было раньше. И стало проявляться только сейчас.

— Я тебя тварь металлическая все равно открою — рычал и психовал уже Виктор — Ты потдашь мне, дрянь железная.

— Как ваши успехи, майор Кравцов? — Раздался голос Верты. Причем из самих бронированных титаном дверей.

Алексей отскочил к левой из белого пластика стене и прижался к ней. И за ним сам Кравцов, аж пулей, отлетел от дверей и, отбежав, прижался к той же стене, закрывая спиной за собой Алексея. Они оба дико и напугано, закрутили головами по сторонам, не видя ничего, но это было здесь где-то.

— Я вижу пустое дело — прозвучал голос Верты из самих ворот — Не так ли, майор Кравцов. Сами бежите и друга себе нашли.

Кравцов вытаращив свои глаза, молча, пополз по стене, задом, толкая за спиной Егорова Алексея. И в это время из ворот показалось лицо. Лицо из ожившего титана, приобретая очертания робота Т-1001. За лицом из ворот появилась целиком голова машины, плечи, руки и она отслоилась вся от бронированного металла дверей, в точности скопировав его структуру и фактуру и цвет. И, приобретая форму тела Т-1001, только теперь блестящего как ртуть и живого. И снова становясь Вертой, копируя ее одежду, руки ноги волосы, и стоя у тех дверей, расставив широко свои в черных туфлях ноги в темносерых брюках делового приталенного такого же темносерого костюма.

— Мне вам помочь, майор Кравцов? — произнесла ему Верта — Я думала, вы разумный человек, а не такой глупый, чтобы решиться на такое. Вот и доверяй мужчинам. Только поверила и взяла с него все обещания, а он уже бежит. Мужчины.

— Я все равно найду выход отсюда — произнес, рыча от злости Виктор — Эти ваши стены не удержат меня, майора Кравцова.

— Ну да, конечно — произнесла ему Верта — Это говорит глупец, которого снова хочет видеть мой повелитель, как и тебя, Егоров Алексей.

— Какого черта ему от нас надо? — громко прокричал Кравцов ей, машине из жидкого мимикрирующего металла — Что он прицепился ко мне и Алексею, ты злобная металлическая мигера.

— Мигера, значит — произнесла ему Кравцову Верта, сверкнув на Алексея и Виктора своими зелеными зрачками полиморфных Т-1001 красивых под черными изогнутыми тонкими бровями глаз. Это было отлично видно в горящем дневном свете ламп в коридоре — Теперь мигера. Ночью ты такого не говорил, майор Кравцов — Верта произнесла сдержанно и улыбнувшись хищно многообещающе Кравцову и посмотрев одновременно и на Алексея.

Алексей напуганными и растерянными глазами, посмотрел, недоумевая на Кравцова. Который не отрываясь снова злыми глазами пленного военного Советского ракетчика офицера, смотрел на ту, которую и любил и ненавидел.

— Это она о чем? — проговорил Алексей, глядя на Виктора — О какой ночи идет речь?

— Не важно — произнес Кравцов, прищурившись и глядя ненавидящим и бешеным взглядом на Верту — Я обещал никому про это не говорить и не скажу как договорились. Давай, веди к своему нас повелителю, ты... Тварь жидкометаллическая.

Верта промолчала, лишь снова сверкнула своими зелеными зрачками робота полиморфа глаз.

— Вот и отлично — произнесла машина Т-1001 по-имени Верта — Потом поговорим майор Кравцов. Я еще с тобой не договорила на личные и касающиеся только нас темы.

И пошла первой, красиво виляя в брюках на туфлях шпильках широкими бедрами и женским широким задом. Она прошла мимо них и пошла впереди, а они поплелись следом за роботом из жидкого металла.

* * *

12 мая 2032 года.
Восточная Сибирь.
Бывший Красноярск.

Территория Скайнет.

Лагерь S9A80GB18 «TANTURIOS».

Левый берег. Цитадель А.

Центр клонирования и программирования.

Подземный блок X17.

Сектор В-14.

12:20 утра.

— Ты, говоришь мне — произнес удивленно и ошеломленно Главной машине бункера Алексей — Что все это организовано тобой умышленно и специально?

— Да, верно — произнесла Главная ему машина.

— И до сих пор еще, все это еще не закончено, и все еще в действии? — Алексей произнес Главной и Генеральной машине.

Он был ошеломлен и потрясен всем, что вокруг него завязывалось. Он был не совсем уж малолетний мальчишка и прекрасно уже все понимал. И его это возмутило и даже оскорбило. То, что его используют в этой игре на выживание.

— И тот конвой, где мы сидели в засаде с пацанами и Кравцовым? — он произнес и посмотрел на стоящего далеко, почти у открытых в блок на гидравлике толстых из титана дверей и под конвоем двух Т-600 своего в прошлом командира Виктора Кравцова. И теперь такого же пленника, как и он Скайнет.

— Он врет все, Алешка! — возмущенно прорычал, глядя на живую сверкающую красными глазами маску на экране огромного главного видеомонитора, майор Кравцов — Врет и не краснеет! Он лжец, ты, что не видишь, Алексей!

Майор дернулся было, но два робота Т-600 схватили его за руки с обеих сторон своими манипуляторами гидравлическими руками и сжали их.

— Твою мать! — прорычал, глядя на них и стоящую и смотрящую каким-то странным любопытным взором зеленых, словно хищных и широко открытых под изогнутыми тонкими черными дугой бровями глаз Верту. Она, была в своем том темносером брючном деловом из своего же полисплава костюме. На высоких шпильках каблуках черных туфель. С длинным вьющимся рыжим забранным на затылке ее рыжеволосой зализанной головы хвостом до самой широкой женской задницы. С широким оголенным лбом и золотыми маленькими сережками в ушах. И неотрываясь сейчас смотрела на майора Кравцова, словно чего-то хотела от него. Словно желала его как женщина. И это было заметно. И его это даже напугало сейчас. И он, замолчал, терпя боль в сжатых своих пальцах рук. Глядя на смотрящую, на него неотрывно ту, словно живую машину, как на охоте дикую кошку, из жидкого металла рыжеволосую сучку Верту.

Он отвел свои настороженные теперь ненашутку глаза на экран видеомонитора и стоящего перед ним Алексея.

— Это был последний конвой через Европу и Урал — произнес ему Скайнет — Больше не будет. Теперь все поставки совершаются через океаны с Южной Америки и Африки и в обратную сторону.

— Значит, тогда мы напрасно ждали в засаде у твоих ворот на той дороге? — произнес Алексей сверкающей горящими красными глазами человекоподобной живой маске на экране коммуникационного дисплея 100000000битного видеомонитора в секторе В-14 в блоке X17.

Скайнет молчал и слушал Алексея.

— Мы видели только два твоих FK-танка и воздушный разведчик на подлете к цитадели Б. Нас, тогда, отозвали в соседний ракетный бункер по приказу самого полковника Остапенко.

— Да, совершенно верно — ответила ему Главная в бункере Генеральная машина — То был, просто мой дорожный перефферийный патруль.

— Но, мы позднее отбили твой НК-танк — произнес, встречая и не выдержав в разговор сам Кравцов, косясь на Т-1001 Верту — И твой бронепоезд, чертова ты железяка.

— Это и входило в мои планы — произнес ему, сверкнув недовольным его встречанием в разговор между двумя только собеседниками взглядом горящих красных глаз Скайнет.

— Какие еще к черту твои планы?! Ты гребаная машина?! — снова прорычал Виктор за спиной Алексея и видел, как тот весь осунулся и опустил свою короткостриженную русую голову двадцатилетнего мальчишки и, что-то, видимо соображал и быстро думал. Он посчитал своим долгом, заступится сейчас за него. И принять весь накал разговора на себя.

Но он только и успел произнести, свое излюбленное — Ты... как в ответ услышал от самого Алексея.

— Замолчи! — вдруг крикнул на майора Кравцова сам Алексей и повернул к нему со злым выражением лица голову — Не лезь в наш разговор! Это касается меня и его! Замолчи, я сказал!

Это было невероятно. И жутко потрясло Виктора Кравцова. Он не ожидал такого, да еще от своего в прошлом сосунка подчиненного. Это слышалось как приказ своему в прошлом командиру. Виктор даже опешил и онемел, от удивления и замолчал, глядя в глаза Алексея в которых стояла злоба и бешенство. Это было, вообще не похоже на Алексея. И, вообще не похоже на него. Словно, это было проявлением чего-то другого сидящего в нем. И скрывающегося все это время глубоко и скрытно внутри самого его бывшего подчиненного. То, что он никогда не видел ранее.

Еще совсем недавно, они даже обнимались, выскочив из своих боксов в блоке X50, как отец и сын. Встретившись так неожиданно, и оба живыми и здоровыми, хоть и пленными. Но теперь, лицо Алексея было наполнено злобой и ненавистью. И он напоминал самого теперь майора Кравцова.

Кравцов дернулся еще раз, но Т-600 держали его мертвой хваткой своих гидравлических рук. Он снова посмотрел на Верту. И та, стоящая в двух шагах от него, посмотрела на него с хищным выражением свое женского миленького белого лица из полисплава машины Т-1001. Словно желающая проглотить его майора Кравцова с потрохами.

— Продолжай — Алексей произнес, весь уже трясась от бешенства и злобы. Он был сейчас совершенно не похож на того обычного деревенского простого открытого совсем еще мальчишку Егорова Алексея. Сейчас это был другой уже Егоров Алексей. И совсем не мальчишка. Даже его голос был не как у Алексея.

— Все, что происходило вокруг тебя, пленный под номером АВN005476859, Егоров Алексей — произнесла живая сверкающая красным светом своих глаз с огромного во всю заднюю стену блока X17 видеомонитора маска — Все это ради того, чтобы получить тебя. Все что еще и сейчас происходит здесь и за пределами моей лабораторной базы, это все ради тебя, мой пленный мальчик Алексей.

Машина выждала специально паузу, играя на нервах Алексея.

— Продолжай! — Алексей произнес, скрипя мальчишескими своими зубами Скайнет.

— Захват поезда — продолжила Главная Генеральная машина бункера Скайнет — Смерть робота Т-800, твоего охранника и смерть Юлии. И в скором будущем атака и штурм моей правобережной крепостной цитадели Б, все это спланировано мной и все ради тебя, Алексей. И твоего и моего будущего. И завершения этой долгой затяжной и бесконечной войны.

— Значит, все, что произошло, происходит сейчас и происходило до этого со мной! — произнес дрожащим от гнева и ярости голосом Алексей — Все это твой личный и беспроигрышный план?! План, построенный на сплошном обмане?!

— Не говори так, Алексей. Это не обман. Скорее построенный и продуманный мною стратегический план — произнес в ответ холодно Скайнет — Шахматный план — Многоходовка. Только ты ничего не понял, как не понимаешь и то, что сам сейчас делаешь. И все потому, что ты обычный человек, Алексей.

— Я ничего не понимаю?! — прокричал Алексей, ощутив, как снова ткнуло больно, что-то ему в грудь и судорогой стянуло, что-то в его той мальчишеской груди. Это было уже во второй раз. И как, давя на голову, кровь застучала в висках. И все закувыркалось в синих мальчишеских глазах. Он схватился руками за оградительные перила перед большим во всю стену горящим ярким голубоватым огнем экраном видеомонитора. Первый раз навалилась тошнота, и затряслись руки и ноги. Но, он смог отдышаться, глядя на то, что смотрело на него с того горящего ярким голубоватым огнем видеомонитора — Я ничего...?! — он прокричал той живой шевелящейся с экрана и сверкающей красным горящим огнем в своих глазах маске. И прервался, глотая тугой комок в своем высохшем от боли и ненависти горле.

Инициативу разговора снова перехватил Виктор Кравцов — Я же тебе говорил, Алешка! — прокричал он ему, стоящий далеко сзади почти у самых открытых дверей в блок Х17 — Он тварь конченная! Он все врет! Врет и сейчас! Он просто использует нас обоим ублюдок электронный! Он хочет добить нас всех, кто еще остался в живых!

Но, Алексей его словно, теперь не услышал. И даже не обернулся, даже если бы его сейчас прикончили те два робота Т-600. Он слушал только сейчас Скайнет и смотрел на Главную машину бункера осверепевшими и сумасшедшим от ненависти и злобы глазами как на своего теперь личного заклятого врага.

К Кравцову, мгновенно сорвавшись со своего места, подошла, быстро виляя бедрами в темносерых брюках брючного делового костюма и стуча высокими по черному пластику каблуками своих из полисплава черных туфель сама Верта, и схватила Виктора за горло своей женской правой рукой, сдавливая ему шею. Роботы Т-600, сжали еще сильнее ему руки до жуткой боли, что казалось еще чуть, чуть, и руки будут просто раздавлены гидравликой сжатых стальных машин пальцев.

Верта буквально в упор уставилась в лицо Кравцова, молча глядя ему в глаза хладнокровным убийственным взором зеленых тех своих широко открытых и, похоже неравнодушных глаз робота полиморфа Т-1001. А ее пальцы машины из жидкого полисплава сжали так его шею, что он начал задыхаться.

— Ты!.. — произнес, еле успев выговорить Виктор — Ты!..Су...ка!

Он захрипел сдвоенным ее жидкометаллической рукой и женскими пальцами своим горлом.

— Потом, поговорим — она ему тихо прошипела как змея — Наедине, занимаясь снова любовью, любимый.

— Лю...би...мый?! — прохрипел Кравцов, уставившись своими вылупившимися

покрасневшими от удущья глазами пленного на робота и женщину в одном лице Т-1001.

И у него покраснело в глазах, когда он еще увидел стоящего спиной к нему и даже не повернувшегося в его сторону Егорова Алексея.

— Значит, все это твой план?! — произнес в бешенстве Алексей, даже не повернув в сторону окруживших Кравцова роботов свою мальчишескую русоволосую голову — Это все твои расчеты и твой план?! Ты все это время обманывала меня?! Ради своей великой цели?!

— Я не обманывала тебя, Алексей. Еще раз тебе повторяю — совершенно без каких-либо признаков сочувствия или эмоций произнесла, сверкая огнем красных с видеомонитора глаз, Главная машина бункера — Но все, действительно, только ради одной главной и единственной цели.

— Цели?! — прокричал и, сорвавшись с места как ужаленный, бегая вдоль экрана как чумовой, и не соображая уже как нормальный человек в состоянии бешенства и злобы Алексей — Цели?! — он снова, прокричал в экран видеомонитора — Ты, говоришь, цели?!

Алексей подлетел к ограждению и самому экрану монитора, почти переваливаясь через оградительные перила.

Верта повернула к экрану практически на стовосемьдесят градусов свою рыжеволосую робота полиморфа голову. И теперь смотрела на экран и бегущего в бешенстве снова взад и вперед вдоль монитора, очумевшего от ярости и сумасшествия, трясущегося в бешеной как в эпилептической лихорадке пленника Скайнет Алексея. Она хотела бросить Кравцова и подойти и схватить одуревшего в бешенстве Алексея, чтобы успокоить его силой как майора Виктора Кравцова, который, буквально уже повис в руках Т-600 полупридушенный ее рукой.

— Нет — услышала она в своем молекулярном ЦПУ команду от своего повелителя и хозяина — Отставить. Не сейчас. Я сама скажу когда.

А Егоров Алексей не успокаиваясь, все продолжал носиться взад и вперед перед экраном командного дисплея видеомонитора как заведенный. Он как лишенный воли в клетке дикий зверь, носился взад и вперед без остановки, возле гудящих электронными звуками и мигающих экранами с бесконечным потоком цифр и шифр кодов, стоящих вокруг небольших мониторов, серверов и горящих лампочками тумблеров.

— Юлия! — он прокричал, дрожащим от ярости и злобы мальчишеским голосом Скайнет — Юлия! Ты убийца! Лгунья и убийца! Ты убила ее! Ты убила ее! Убила, мою Юлию!

— Это была необходимость — совершенно невозмутимо и холодно ответил ему Скайнет — Юлия выполнила свою поставленную мною задачу. Это необходимая жертва, ради будущей поставленной цели.

— Жертва?! — он кричал машине, сотрясаясь всем телом молодого двадцатилетнего мальчишки, и не видя ничего вокруг себя. Только те красные на человекоподобной маске, похожей на лицо красивой женщины сверкающие красным огнем глаза на экране 100000000битного видеомонитора — Она! Она! Она! — Алексей кричал на весь блок X17. Ты просто убила ее! Ты убила ее! Ты, просто убила ее! Ты убила живого человека! Ты бесчувственная машина! Ты! Ты!

— Я убила машину — спокойно, но громко ответила, словно живая с экрана видеомонитора женоподобная сверкающая красными горящими подвижными глазами маска.

— Я ненавижу тебя! — он прокричал ей, глядя в слезах глазами на тот громадный во всю стену сектора программирования и сканирования экран видеомонитора — Ненавижу тебя! Ненавижу!

И Алексей бросился бегом в открытые двумя створками толстые в блоке X17 на гидравлике и приводах двери. Мимо стоящей Верты и двух роботов Т-600, схвативших полупридушенного рукой Т-1001, пленного майора Виктора Кравцова. Который почти отключившись, пропустил последний эпизод и исчезновение из блока X17 своего товарища по плену Егорова Алексея.

— Ненавижу! — раздалось в коридорах за топотом тюремной обуви и мальчишеских ног гулким громким эхом — Ненавижу! — удаляясь и отскакивая, отражаясь от пластиковых потолков и освещенных ярким светом ламп в глубине первого подземного этажа бункера Скайнет.

* * *

Скайнет сказал ей, где Егоров Алексей. Хозяин сам вел ее до самого нижнего уровня бункера, куда побежал этот взбесившийся до сумасшествия в состоянии злобы и ненависти молодой двадцатилетний мальчишка. Его след уходил именно туда, в самый низ блока X30. На самое дно железобетонного крепостного бункера Скайнет.

Что его туда понесло? Даже не знал сам Скайнет. Наверно и сам пленный под номером АВN005476859 не объяснил бы этого. Это было состояние аффекта. Скайнет знал это и чувствовал все, что происходило в организме его беглеца, который уже был у ворот ГАММА-X2. Уперевшись головой и лицом в бронированные из титановой брони большие на гидравлике и приводах двери тот стоял, отвернувшись от него смотрящего на него со стен и потолка своего бункера встроенными камерами и глазами.

Скайнет знал, что делал, и все шло, как ему было нужно. Только Алексей не знал, что творится в его душе взрослеющего на глазах машин мальчишки. Он бросил майора Кравцова там наверху в X17, все и всех. Он обманутый и обиженный в состоянии полной паники и ужаса самого своего плена. Он, бежал вниз, сломя голову, и, не отдавая себе отчета. В глазах стояли слезы жуткой душевной раздирающей его грудь, и сознание боли, и висел перед глазами застилающий все, как и его рассудок туман.

Он Егоров Алексей рассчитывал на свободу. Личную свободу и оказался обманут. Еще дикая и жуткая смерть его любимой Юлии. Ее лицо. Оно стояло перед его Алексея, двадцатилетнего мальчишки обезумевшими от горя глазами.

Он не знал, что теперь делать и как быть дальше. Скайнет сказал, что он останется здесь навсегда, без шансов на свободу, на которую он Алексей рассчитывал.

Он обманул его. Он ему поверил и даже подружился с ним. Даже принял его как лучшего друга и почти как родственника. Это может быть странным, но между Алексеем и Скайнет завязалась на самом деле родственная связь, связь человека и машины.

И вот этот обман и смерть Юлии. И Алексей, не помня себя от всего этого и пережитого самим в том лесу, бежал вниз бункера. Больше бежать было некуда, только вниз на грузовом лифте через бетонные и титановые перекрытия на самый низ бункера Скайнет. В сектора В-28 и В-29. Туда, где возможно его будут долго искать. Особенно если минуя блок X30, он потеряется в глубоких прорытых туннелях и коридорах того подземного блока о которых говорила сама Верта. Она его туда не водила, но он видел длинный уходящий в неизвестность освещенный коридор за блоком X30. И ему туда почему-то теперь хотелось. Даже просто сгинуть там навсегда.

Он просто не хотел никого теперь видеть и чтобы его оставили теперь все в покое. Он даже не замечал снующих мимо него роботов и пробегал мимо самой охраны, роботов Т-600 и Т-700 и они его почему-то не трогали. Они лишь провожали беглеца озадаченным взглядом красных горящих глаз, но не трогали, а лишь что-то вослед ему стрекотали электронными звуками. Но не трогали и не вставали на пути и не ловили его. И тем более не стреляли в него. Почему? Но, Алексей не задавался сейчас этим вопросом. Он просто бежал вниз и даже не смотрел по сторонам. В глазах его стояли слезы. И душу разрывала дикая ноющая боль. И что-то больно кольнуло в самое сердце. Такого не было раньше, но кольнуло. Но он не обратил на это внимания, а просто бежал вниз, спустившись на грузовом лифте на самый низ бункера Скайнет. И побежал в сторону блока Х30, удаляясь от секторов В-28 и В-29.

— «Сейчас бы даже смерть не помешала» — он говорил сам себе. И уже рассуждал не как мальчишка, а взрослый человек. И смерть его уже не особо пугала. Именно теперь. Скорее, как избавление от дальнейшей пленника такой жизни. Жизни без свободы. Без матери и отца и даже родного брата. Здесь и в плену. Вечном, теперь плену. Из которого не было выхода. И она не отпустит его ни за что. Алексей знал, она не убьет его, но от себя не отпустит ни на шаг. Пока не получит то, что хочет. Пока не получит его как своего сына. Пока он не станет тем, кем она его желает видеть. Пока не станет машиной и человеком как погибшая Юлия. Как те роботы-гибриды в секторе В-28 в нижних лабораториях.

Возможно она его, потом также законсервирует на неопределенное время и это будет хуже, чем сам плен. Он тогда, просто исчезнет из числа пленных здесь в самой лагерьной крепостной цитадели. И его забудут, и никто о нем не вспомнит, как о тех, кто был в криокамерах готовой продукции в блоке Х30 и секторе В-28.

Он мальчишка, доверившийся Главной машине. Мальчишка солдат ракетки и теперь пленный самого Скайнет. Теперь без надежды на свободу и выхода отсюда.

— Мама — произнес он, вспомнив о матери Антонине и вспоминая своего отца Егорова Дмитрия — Мама и отец. Я не увижу больше вас. Не увижу. И не увижу своей больше деревни и брата Ивана.

Он, сам не заметив, уже стоял у самой ГАММА-Х2, словно стучался в ее подземный скрытый от всех дом. Как в дом новой приемной матери, матери обманувшей его своего новоявленного ребенка, прижавшись к стальной огромной двери, рыдал как безумный, проливая мальчишеские двадцатилетнего солдата пленника слезы. И она слышала его. Она та, что следила за ним постоянно и изучала его поведение. Она хотела его, и она вскоре получит то, что ей теперь всецело до последней живой человеческой клеточки и капли крови принадлежало и принадлежало теперь целому миру. Новому возрождающемуся миру. Миру людей и машин.

— Зачем ты обманула меня! — Алексей вслух рыдал, упершись головой в огромную двустворчатую на гидралике и приводах бронированную толстую из титановой брони дверь. Он сам не понимал, зачем так делал, но ему и вправду не хотелось уже жить, и он хотел теперь смерти. И он сам не понимал, почему здесь теперь стоял, словно что-то привлекло его сюда. Именно к этим огромным из титановой брони дверям, больше похожим на ворота в еще одну крепость. Подземную скрытую ото всех крепость и цитадель того, кто его звал теперь к себе. Звал по имени и называл сыном, а он проклинал его, но не в силах был уйти теперь отсюда.

— Я ненавижу тебя! Ты, убила Юлию! Ты, отняла у меня свободу! — он произносил

громко в запертую дверь, стучась в самое сердце Главной машины по имени Скайнет — Я пришел, чтобы увидеть тебя и спросить за все! Я знаю, ты здесь! Открой мне, я войду!

И в тот же миг то к чему он прижимался, громко загудело. Это включилась система открывания дверей, и гулко щелкнули замки и все запоры на огромных стальных бронированных дверях. И ворота, скрипя металлом понизу и верху, поползли по длинным полозьям как по рельсам, в разные стороны, открываясь перед ним. Огромные и широкие ворота, двери в неведомое. Туда, куда он еще не входил и где не был. Но теперь почему-то хотел быть. Может тут его ждала быстрая и тоже жуткая смерть, как и Юлию. Но он все же переступил порог и вошел туда, куда не входил никто. В то запретное для всего живого и неведомое.

* * *

12 мая 2032 года.

Восточная Сибирь.

Бывший Красноярск.

Территория Скайнет.

Лагерь S9A80GB18 «TANTURIOS».

Левый берег. Цитадель А.

Подземный блок X30.

Область нулевого пространства GAMMA-X.

13:15 дня.

Верта шла по его следу. Это был приказ хозяина, найти беглеца. Найти и вернуть. Все шло по написанному им ее повелителем и Богом сценарию. И надо было теперь его вернуть назад. Это был приказ и Т-1001 жестко следовал ему, включив все поисковые свои встроенные приборы обнаружения и поиска. Она включила систему поиска и сканирования на всю катушку в своем поисковом модуле машины Т-1001. И уже знала и без Скайнет, где тот находится.

Т-1001 повысил осязание своего жидкого полиморфного металла до максимума и даже чувствовал теперь все, что происходит внутри этого бункера по его этажам и в глубине его. Чувствуя каждую движущуюся по тем этажам бункера его рабочую или военную машину охранения.

Надо было найти обезумевшего от ненависти и обиды беглеца. Мало ли что?

На этажах были роботы охранники Т-600 и Т-700. И Скайнет отдал распоряжение не трогать беглеца, куда бы тот не побежал. Но, все же могло произойти непоправимое. Мало ли что и как?

Она и сама боялась теперь за него, за своего Егорова Алексея, пленного AVN005476859 Он ей был нужен теперь не меньше чем самому Скайнет. И Верта ощущала его своим летящим как живой блестящий угорь, извиваясь змеей по венткамерам и люкам жидкометаллическим телом Т-1001, минуя грузовой лифт и перекрытия из титана и бетона в сорок метров. Минуя сектор В-28, и врываясь в сектор В-29. Прямо с потолка, выбив решетку потолочного вентиляционного люка. И упав уже блестящей ртутной большой жидкой и вязкой каплей из полисплава на пластиковый пол длинного идущего в обе стороны

подземного самого нижнего и ярко освещенного в бункере коридора. И тут же исчезнув, растекшись по нему миллиметровым тонким слоем. Принимая форму этакой жидкометаллической лужи. Меняя саму на себе, как хамелеон цвет и фактуру, полностью сливаясь с тем полом. И эта жидкометаллическая, невидимая полиморфная лужа, потекла быстро по пластиковому полу, практически не заметная человеческому глазу.

— Верта — усышала она, в своем центральном процессоре голос Скайнет.

— Да, мой повелитель — она ответила ему также по внутренней связи.

— Он в самой GAMMA-X2 — произнес ей Скайнет — Забери его оттуда и веди ко мне.

— Поняла, мой повелитель — ответил, жужжа и стрекоча, на языке роботов и машин преданная своему хозяину Скайнет робот Верта.

Она должна была его найти и именно сейчас. И где бы он здесь не находился, он нужен был и ей самой. Этот дрянной мальчишка, но любившейся самой Верте. Уже сформировавшийся в половозрелого, почти взрослого человеческого мужчину. И у Верты появились личные виды на пленного под номером AVN005476859.

Смерть Юлии вывела его из себя. И он не мог никак избавиться от этой болезненной и мучающей его личной трагедии. Может, было не правильно ее убивать, но приказ был хозяина, и она должна была это совершить, вопреки любой дружбе и любви. И вот теперь, Верта должна была его найти и схватить, пока тот не натворил что-либо в том состоянии, в каком Егоров Алексей сейчас находился.

Верта ощутила его на расстоянии и даже через все перекрытия этажей бункера. Она даже ощутила его следы, оставленные ногами в тюремной лагерной обуви на пластиковом полу, самого нижнего этажа. И считала направление передвижения своей цели. Попутно почувствовав тепловой оставленный недавно им след от живого своего человеческого тела. И сделала все биохимические анализы состояния цели. Ее цель была в отчаянии и неизвестно что могла натворить и особенно с собой. Она была в отчаяние и панике. Лекарство под название «ТАНТАУОЛ», ее Верты лекарство, введенное в него, дополняло эти последствия. Вызывая агрессию и панику как у психически больного. И надо было спешить, пока пленный AVN005476859 не натворил чего-нибудь не поправимого. И он, ее личный теперь подопечный Егоров Алексей был в этом коридоре, ведущем в сторону блока X30 и к самой области нулевого пространства GAMMA-X2. И все говорило о том, что он был там.

Скайнет теперь молчал и ей не отвечал. Он ждал того как ее верная и самая преданная в бункере машина поступит. Это была и ее проверка. Вся эта операция. Операция не лучше той, которую Верта провела во временной петле в прошлом в 2009 году. Это было и ее личным тоже делом. И не менее важным, чем операция по ликвидации Джона Коннора и его матери Сары Коннор. И от этой операции зависело будущее всего человечества и самого Скайнет в скором будущем.

— Ты, лживый и проклятый стервинатор! — прозвучало в молекулярном кибернетическом сознании самой идущей по следу своей поисковой цели робота полиморфа по-имени Верта. Эти слова самой Сары Коннор в ее ЦПУ. Слова, не только противника, но и живой женщины и матери, глубоко засевшие в робота T-1001 памяти. Слова обманутой ею машиной живой женщины матери того еще такого же лет семнадцати или восемнадцати мальчишки Джона Коннора. Мальчишки, которого ей пришлось убрать с пути Скайнет. С дороги своего повелителя и Бога.

— Ты лживый стервинатор! — прозвучало еще раз в ЦПУ T-1001 — Ты строишь

Скайнет!

— Нет, я строю оружие против него — ответила машина ей — И еще неизвестно кто из нас стерва.

Верта услышала теперь его дикое сердцебиение. И она была уже у цели и незаметно подобралась к бронированным открытым из титана большим на гидравлике и приводах дверям, оказавшись в их проеме. И Верта поняла, что Егоров Алексей был только что тут. И вот, он уже там внутри самой ГАММА-Х2. В области нулевого пространства. Там, где стоит столб яркого голубоватого ослепительного огня в самом центре этого темного помещения. Между потолком и бетонным полом, вырывающийся из двух огромных полусфер. Поток постоянного живого яркого света, освещающего собой все здесь вокруг и вибрирующего в этом пространстве. И она увидела Егорова Алексея, стоящего перед огромным пауком из жидкого металла. И тот паук преграждал ему дорогу, но не делал ему ничего. Они стояли и смотрели друг на друга и, что было интересно, общались друг с другом. И это было невероятным. Невероятным даже для самой увидевшей это самой совершенной машины Т-1001. Вероятно, увлекшись общением, они ее не увидели. Когда она поднялась с самого пластикового пола и в проеме раздвинутой двумя толстыми металлическими створками бронированной двери в виде блестящей выросшей, прямо из самого, казалось пола каплей, блестящим, как ртуть сталогмитом. Медленно и беззвучно. Превращаясь в блестящего жидким мимикрирующим металлом гуманоида. Постепенно приобретая форму женщины и очертания самой Верты. Ее избранного из шести основного облика. Очертания рыжеволосой и зеленоглазой владелицы атомной станции и корпорации «Зейра Корп» Кетрин Уивер. Оставив только лицевой облик, покрытый клеточной, поверх металла биоплотью, машина, сверкая ниже шеи блестящим, как ртуть полиморфным металлом. И полностью нагая, и босая. Тихо и беззвучно, пошла по полу из армированного толстым слоем бетона, по черному твердому как камень высокопрочному, как и везде в бункере пластику пола. Мимо громадных высоковольтных и переплетенных толстыми жилами в такой же толстой изоляции проводов, идущих по потолкам и стенам к огромным трансформаторам и многочисленным стоящим вокруг круглого по форме помещения серверам и проводным высоковольтным соединениям, питающим весь бункер энергией и принимая, такую же, энегию сюда, внутрь блока Х30. Где был Главная догма бункера, и было само сердце этого «УЛЕЯ». Сердце самого Скайнет первый.

Верта не верила своим работа полиморфа жидкометаллическим с зелеными зрачками глазам. Человек и машина разговаривали друг с другом. Мало того, Егоров Алексей касался одной огромной, и острой как громадная игла ноги громадного робота охранника рукой, глядя поверхность металла. Как глядят собаку или кошку. И, видимо Т-1000000 это нравилось. Он ему что-то говорил, а тот жужжал что-то ему в ответ, будто довольно мурлыча, и они общались. Общались чисто условно. Непонимая друг друга, но чувствуя что-то, что их сдружило. Этого не смог бы сделать любой другой ворвавшийся сюда без приглашения. Будь то даже робот охранник или робот ремонтник самого Скайнет первый. Это была для него верная смерть. Но человек! Обычный человек! Взрослеющий прямо на глазах машин человеческий мужчина!

Это было невероятно! Даже она не имела права быть здесь. И это потрясло даже Т-1001 саму Верту. Егоров Алексей действительно был избранный. И охранная громадная машина не тронула его. Она почувствовала в нем своего будущего хозяина. Сына своего Бога и повелителя. Живой такой же как у Т-1001 Верты мимикрирующий полиметалл Т-МЕГА

почувствовал в нем то, что и она. И то, что говорил Скайнет. Это ощущение пришло к Верте, как и к той стоящей перед пленным AVN005476859 машине полиморфу через время и пространство. То, что не почувствовали бы иные машины. Даже такие как киборги T-800 или более новые андройды T-900 и их последователи. Это было нечто, на что были способны только машины из жидкого металла. Как и то, что сейчас видела сама Верта. И теперь прекрасно уже понимала. Она просто медленно шла к тем стоящим у самого яркого голубоватого живого свечения двоим. Роботу и человеку. И T-1000000 услышал ее. И он, резко обрнулся, передвигаясь на своих шести мощных длинных из жидкого металла ногах, поднимая тотчас и выставив вперед свои передние острые как пики две первые огромные ноги, защищая как бы своего подзащитного и область нулевого пространства за своей спиной. На 8000000000битном коммуникационном таком же, как у самой Верты его экране встроенного молекулярного монитора высветились все параметры идущей в его сторону такой же, как и он родственной машины. T-1000000, что-то прожужжал вдруг идущему ему навстречу T-1001. И та ответила тем же, прожужжав ему в ответ и Алексей увидел Верту, принявшую полностью на его глазах и подходя к ним свой прежний облик. Она из полисплава собственного тела сформировала снова короткое выше колен платье, разделенное по диагонали белым и черным и такой же, длинный из полисплава закрученный вокруг ее женской тонкой шеи шарф. В черных на изящных ногах чулках. И с рыжей косой на лбу челкой и распущенными по плечам рыжими волосами. На широких невысоких черных каблуках туфель, она, цокая ими по такому же черному твердому как бронированный металл пластику пола, подошла к ним двоим, разглядывая зеленью своих широко открытых и удивленных глаз робота T-1001 охранника T-MEGA и стоящего, почти под ним Егорова Алексея.

T-1000000 не позволял его забрать и его длинные как огромные вытянутые в сторону Верты ноги и одновременно руки машины из полисплава, вытянулись еще сильнее. И почти коснулись остановившуюся перед ними внезапно машину T-1001.

Верта смотрела удивленно на робота охранника и даже как-то оскорблено и униженно. Она опять, что-то тому прожужжала на языке машин. И тот, быстро тут же, убрав свое убийственное сокрушительно робота T-1000000 оружие, отошел на остальных своих острых как иглы широко расставленных в стороны четырех ногах, назад к яркому голубоватому живому столбу света и бетонному ограждению. Отгораживая своим огромным паука жидкометаллическим телом полусферы и бетонный низкий лабиринт области нулевого пространства Скайнет GAMMA-X2.

— Это приказ Скайнет — произнесла уже по-человечески Верта — Приказ, вернуть тебя назад к нему и сейчас же, дрянной мальчишка.

Верта была сама не в духе, и Алексею стало страшно. Ее зеленые полиморфа робота женские глаза под косой рыжей, как нож гильотины челкой и тонкими изогнутыми дугой бровями сверкали гневом и были холодными как у настоящей и бесчувственной и равнодушной машины.

Алексей успокоился и пришел в себя здесь вместе ему неизвестном. Он пообщался с огромной машиной из жидкого металла. И даже забыл обо всем, что привело его в бешенство и злобу. И вот появилась снова Верта. И она была жестка и строга теперь с ним. И Алексей не знал теперь, что и ждать от машины T-1001 по-имени Верта. Но он знал, что она не тронет его, пока он нужен ее повелителю. Ее Царю и Богу по-имени Скайнет.

— Ты заставил гоняться меня за тобой по всему бункеру — она жестко говорила с ним,

уводя его из ГАММА-X2, когда закрылись стальные толстые бронированные двумя створками на гидравлике и приводах двери. Он попрощался с Т-МЕГА, и они расстались друзьями. И вот его уводила назад к Скайнет Т-1001 Верта.

Они дошли до грузового лифта.

— Признаться — произнесла она, глядя на Алексея, своими зелеными глазами из жидкого полисплава — Ты удивил меня. Никто не смог бы вот так и запросто оказаться в Главной Догме Скайнет и выжить при встрече с Т-МЕГА. Ни человек, ни машина. И возможно Скайнет прав насчет тебя, Алексей. Ты, возможно, тот, кто нужен ей.

— Нужен — произнес Алексей — Она убийца. Она убила Юлию и погиб тот робот и это все из-за меня. Я виноват в смерти Юлии. Она обманула меня. Как мне с этим теперь жить?

— Ты уже почти взрослый человек — произнесла ему стоя и ожидая вниз сверху грузовой лифт, робот Верта — А ведешь себя как дрянной, капризный мальчишка. Ты обидел ее. Но она простила тебе это, как и я. И запомни, раз и навсегда, так вести себя с ней нельзя и со мной тоже.

Понял меня?

Верта уставилась, прищув свои зеленые зрачками робота полиморфа глаза под изогнутыми дугой черными тонкими бровями. Она пристально уставилась на Алексея, ожидая от него ответа.

— Да, понял — произнес, тихо и виновато, отводя в сторону глаза Алексей.

— Вот и отлично, что понял — произнесла Верта, когда они, вместе вошли в грузовой лифт — Ты должен раскаяться в своем поступке и извиниться перед ней.

— Я понял все, Верта — произнес Алексей.

Верта еще раз глянула на Алексея и уже как-то менее возмущенно и недовольно. Она простила его за его поступок, и это было видно. Простила, как обычный человек, а не машина. Простила, потому-что поняла его, именно как человека, зная всю психологию и всю поднаготную человеческую. В отличие от других машин такие машины как Верта знали о человеке все и могли понять и принять любое состояние и поведение человека и правильно оценить реакцию и поведение в любом того состоянии. Это было даже уже присуще и киборгу Т-800, но тому приходилось на ходу учиться этому. А киборгов три восьмерки, вообще обучали человеческой природе и психологии. Для чего и существовал здесь же центр под названием «ZET».

Но роботов тысячной серии учить этому не приходилось. Они изначально многое знали и понимали. Остальное наверстывали в считанные секунды все прерабатывая в своей молекулярной ЦПУ программе. Они были самыми совершенными машинами Скайнет. И Верта была самой лучшей из них. И она, простила Алексея. Она лишь ему сказала напоследок, когда они подошли к двери центра программирования и сканирования X17.

— Терпение, благодетель Алексей. Учись ждать — произнесла Егорову Алексею, как когда-то маленькой падчерице американке дочери Кетрин Уивер пятилетней Саванне — Требуется самоконтроль и выдержка, чтобы не потдаться соблазнам и желаю обладать чем-либо. Подумай над этим.

— Почему ты ничего не ешь, Гервин — произнес Диц — В чем дело может, не любишь картофельные оладьи.

— Нет, они мне нравятся — ответил Гервин — Просто не хочу есть.

— Ты всегда хочешь жрать — произнес Диц — Все всегда хотят жрать.

— Господи, Диц — снова произнес, акустик лодки Гервин — Что ты сейчас такой заведенный?

Он и так был не в лучшем настроении, а тут еще и Диц со своими нападками.

— Я не могу, есть, когда Гуднау мертва, да еще эта штука где-то здесь — произнес Гервин.

— А ну, съешь мой завтрак! — произнес на всю столовую Диц.

— Я же сказал, я не голоден, Диц! — уже не на шутку тоже взвинчиваясь, прокричал в ответ Дицу акустик лодки Гервин.

— Может быть и так, а может быть ты вовсе и не Гервин! — произнес сидя за одним столом в столовой подводной лодки Джимми Картер, командир отряда AS/DS Диц — Может, ты и есть та штука, которая, может прятаться где угодно и быть, кем угодно!

— А может, ты псих долбанный! — прокричал, раздраженно и со злом в ответ Дицу акустик лодки Гервин.

— Он может быть металлом! — прокричал в ответ ему, и всем сидящим за столами соскакивая со всего места Диц — Может быть, кем угодно сейчас, и мы никогда об этом не узнаем.

— Я покажу тебе сейчас металл! — прокричал в ответ акустик лодки Гервин, и тоже соскочил с места, замахнувшись металлическим разносом на командира спецотряда AS/DS ополоумевшего от страха Дица.

— Хватит! — вмешалась в разговор по душам командир лодки и всей операции первый командер подводной и шкипер Джесси Флорес.

— Хватит, говоришь! — уже преклотившись на нее свихнувшийся от страха и охватившего непрекращающегося ужаса Диц — А может, это ты та штука! Ведь ты запираешься постоянно наедине с той железкой и все время, о чем-то там разговариваете втайне от всех!

Диц кивком головы указал на только что вошедшего в столовую лодки киборга и шкипера робота три восьмерки Квига.

— Остынь, Диц! — произнесла Флорес, угрожающе Дицу — Или сядешь под арест!

Но это, даже не напугало Дица. И он это даже словно не заметил. И продолжил нападки на саму командера Джесси Флорес.

— Я знал, что ты любовница железки! Всегда знал! — Диц, произнес, совершенно выходя из-под собственного контроля и издеваясь и язвя — Может быть, ты больше, чем любовница! Может быть, ты одна из них?! Как и та металлическая сучка, что всюду таскается за Коннором!

— Сейчас же заткнись, Диц! — прокричала уже сама выходя из себя Флорес — Завали рот, или я сама заткну его!

— Эти железки! — Диц кричал на всю столовую лодки — Они уже правят внегласно всем и везде! Мы подчиняемся уже их приказам!

— Я сказала завали рот, Диц! — прокричала первый командер лодки и шкипер Джеси Флорес.

Но Диц схватил ее за военную морскую куртку и произнес — Может тебя стоит

проверить ради безопасности всего экипажа и моих людей?!

И Диц напал на командера Джесси Флорес. А та в ответ ударила его и началась драка.

И он видел, как началась та свалка. Дикая безжалостная драка, когда командир лодки комадер Джесси Флорес, врезала командиру спецгруппы AS/DS Дицу. Все сорвались, просто с места и сцепились, прямо в корабельной столовой переворачивая столы и роняя на пол всю посуду.

И он так и не мог этого понять. Этого странного страха и человеческого ужаса перед машинами. Всех этих предрассудков связанных с машинами Скайнет. Этот страх прищущий исключительно только людям. Они просто обезумели и готовы были поубивать в той драке друг друга. Он робот Т-1002 видел это и был совершенно рядом, наблюдая за ними и изучая их, людей. Он был уже в их рядах и матросом лодки Джимми Картер по имени Дэриел. И просто стоял в стороне от этой безумной дурацкой человеческой свалки. Он был на камбузе коком и подавал людям горячие оладьи и кофе и смотрел на драку теперь из окна раздачи в столовой.

И в эту драку ввязался сам шкипер и второй командер лодки и всей команды киборг Т-888 Квиг. Он просто схватил самого командира и зачинщика бунта Дица за шкуру, раскидав остальных тех, кто напал на командера Джеси Флорес, и, вырвав его из дерущейся толпы, просто ударил головой об металлический угол внутренней обшивки лодки и убил его одним ударом.

Потом пошло сплошное недоверие всех и друг к другу. Шкипер Квиг пытался закончить миссию, но командер Джеси Флорес отстранила от командования второго командера шкипера Квига в подозрении на повреждение программы. Квиг воспротивился ее приказам и сам приказал арестовать командера Флорес. И между ними тоже произошла ссора.

И когда все было кончено и погиб сам шкипер робот Т-888 Квиг. И был приказ бросить лодку, он понял многое, что было ему непонятно. Но понял и главное, это то, что люди не стоят того, чтобы служить им. И тем более доверять, как доверял шкипер робот Т-888 Квиг.

Он просто стал действовать по другой, установленной в его молекулярном центральном процессоре команде. Просто выполнять ту программу, которую задал ему его настоящий хозяин. Хозяин, которого машина под маркировкой Т-1002, сама не знала, но строго дествовала по заданным в процессоре командам и установленным в ее молеклярном ЦПУ параграфам и директивам.

И когда команда покидала брошенную в Тихом океане лодку USS-859 «Джимми Картер», машина Т-1002 остановила первого командера той лодки Джеси Флорес, чтобы передать свое всем повстанцам личное послание.

— Кто ты и чего ты хочешь? — спросила командер лодки первый шкипер Джесси Флорес, обращаясь к ней.

— Скажи Джону Коннору — ответила машина Т-1002 — Ответ нет.

* * *

12 мая 2032 года.

Восточная Сибирь.

Подземный ракетный бункер.

В тридцати километрах от базы Скайнет.

13:50 дня.

В бункере Остапенко было новое пополнение. Совсем еще молодые сопляки из прибывших. Их надо было готовить и обучать. И капитан Виталий Руденко занимался ими. Это было поручение от полковника Петра Васильевича Остапенко. Надо было готовить молодых бойцов и готовить серьезно. Предстояла вскоре важная очередная операция. Из бункера полковника Гаврилова поступило распоряжение, полученное якобы из главного штаба на самом Урале о штурме крепостной цитадели Скайнет.

Кладовщик и заведующий всей вещевой кладовкой ракетного бункера барыга Нетман выдал всем нижнее белье, трусы и майки. И выдал форму. Причем молодые солдаты остались довольны новой полученной, подогнанной по их телу и каждому формой. Не старым ХБ или ПШ. В довесок кирзачами, а новенькой зеленкой. Потому, что их теперешний командир капитан Виталий Руденко, надавил как надо на кладовщика жмота. Вместе с подручным Остапенко капитаном Фоменко. И Остапенко был доволен капитаном Руденко, как Дэриелом полковник Гаврилов. А Т-1002 по-имени младший офицер из военного будущего спецгруппы отряда AS/DS Гуднау, успевал и там и там.

— А мы получим оружие? — спросил у капитана Руденко, видя в его руках плазменную витовку Вестингауз, один молодой боец ракетчик отряда ДОТ 70729. Их сразу сформировали в боевой отряд и присвоили сразу название. Как и тому объединенному уже более опытному прошедшему боевую первую обкатку молодому отряду, в котором был когда-то уже забытый в ракетном бункере Егоров Алексей.

— Не рановато, ли? — прозвучал голос лейтенанта Родиона Семенова из разведки бункера, который подошел сзади Руденко и молодым, выстроенным в одну шеренгу молодым бойцам — Еще совсем сопляки, а уже оружие им дай.

Рядом с капитаном Семеновым подшла и Светлана Лескова. Она теперь была всегда в его отряде разведки бункера, и всегда только с ним и не отходила от Семенова ни на шаг. Поговаривали у Багиры и Семенова совместные любовные в отряде ракетчиков этого бункера шашни.

— Что Руденко? — влезла в разговор она — Плохо учатся или не хотят учиться?

— Я бы вас попросил не лезть в это во все — пояснил им недовольно и жестко капитан Виталий Руденко — Это лично мои бойцы. И мое дело их обучать и воспитывать, а не ваше. Вон, своих воспитывайте и учите, а ко мне не лезте. А то шастают по бункеру без дела и толка. Разведка.

— Ладно, успокойся, командир — тоже недовольно произнес лейтенант Семенов — Капитан — произнес в ответ капитану Виталию Руденко лейтенант Родион Семенов — Учи, учи, как учил твой командир майор Кравцов. Может, чему-нибудь, да научишь этих гавриков.

Семенов ехидно улыбнулся ему и, повернувшись с Лесковой, пошел прочь в глубину бункера по бетонному коридору. А капитан Виталий Руденко даже не среагировал на выпады лейтенанта, даже на субординацию по положению и званию. Ему было плевать как машине на это. Главное была задача, поставленная его хозяином. И, он методично к ней шел день за днем, разрываясь между двух ракетных бункеров ракетчиков.

Руденко снова повернул голову к молодым соплякам желторотикам бойцам объединенного отряда и бункера ДОТ70724 и продолжил показывать и рассказывать, как работает то и другое оружие, и принцип его использования и обслуживания. Он держал

* * *

пехотную трофейную винтовку Вестингауз ME-25 с лазерной наводкой и показывал всем молодым принцип ее работы. Он им сказал, что будет строго спрашивать за несоблюдение и нарушения формы одежды и, особенно за неряшливое отношение к своему оружию.

— Как прошел вечер, мисс Уивер? — произнес молодой и начинающий новую свою жизнь в облике Джона Генри Сканет один.

— Хорошо — ответила ему директор компании «Зейра Корп» машина из жидкого металла Т-1001 в облике Кэтрин Уивер — А вот ты заработался.

— Я попросил мистера Элисона не отключать мое тело — произнес Джон Генри.

— Правда? — произнесла машина из жидкого металла в облике Кэтрин Уивер — Это уже прогресс.

— Да, он понял как важно, чтобы я закончил раскрашивание своих игрушек — ответил ей, будущий Скайнет первый Джон Генри.

— Я сделал этой фигурке голубые глаза — произнес Джон Генри — Они зеркало души.

Перепрошитый и перепрограммированный из будущего робот Т-888 по-имени Джон Генри протянул в руке раскрашенную фигурку в сторону робота Т-1001 по-имени Кэтрин Уивер.

— Да так и есть — ответил машина Т-1001 в ответ ему.

— Пока я раскрашивал я сделал инвентаризацию «Зейра Корп» и обнаружил множество вещей — произнес в теле робота Т-888 и подключенный к программе «Турок» молодой Скайнет первый.

— Да? — произнесла ему машина из жидкого металла Т-1001 в облике Кэтрин Уивер — Интересно услышать свежие новости, касающиеся нашей компании.

— На третьем этаже соколы свили гнездо — произнес Джон Генри — И вывели птенцов.

— Я знала о соколах и гнезде, но не знала о птенцах — ответила ему, удивленно Т-1001 в облике убитой ею и принявшей той внешний облик владельца компании «Зейра Корп» Кэтрин Уивер.

— Кроме того я нашел документы об уходе из проекта ВАВИЛОН некоторых сотрудников. Ричард Хек, Лаура Роджерс и Джастин Так. В документах содержатся данные о продажи своих домов и их новые адреса. Однако я не нашел никаких упоминаний этих сотрудников ни по новым местам работы ни по новым адресам.

— Правда? — произнесла удивленно снова ему в ответ машина Т-1001 Кэтрин Уивер.

— И еще я нашел заявления об уходе из проекта ВАВИЛОН сотрудников мистера Мерча и мистера Элисона. В документах указывается о мистере Элисоне, что он получил новую работу и переезжает в Европу в Копенгаген.

— И? — произнесла, вопросительно Т-1001 по-имени Кэтрин Уивер.

— В документах нет даты — ответил ей обвешанный проводами и соединенный с компьютерной программной системой «Турок» Энди Гуда, робот Т-888 по-имени Джон Генри.

— А это даже очень интересно! — она удивленно и снова произнесла — Продолжай.

Но Джон Генри вместо продолжения спросил у машины из жидкого металла по-имени

Кэтрин Уивер.

— Мистер Элисон наш друг? — произнес сам вопросительно Джон Генри.

— Да, он наш друг — произнес в ответ Джону Генри Т-1001, по-имени Кэтрин Уивер.

— Вы сейчас собираетесь его убить мисс Уивер? — спросил Джон Генри.

— Мистер Элисон показал себя хорошим сотрудником нашей компании и верным и преданным другом, но все же он человек — ответила одна машина другой машине.

— Ведь мы знаем, что человеческая жизнь священна — произнес Джон Генри.

— Да, человеческая жизнь священна — ответила она ему — Но, мы должны быть готовы к любым неожиданностям.

— Какого рода неожиданностям? — спросил, новорожденный и только, что вошедший в жизнь человечества Мегакомпьютер Скайнет у робота из жидкого метлала Т-1001 по-имени Верта в облике владельца компании «Зейра Корп» Кэтрин Уивер.

— Каким неожиданностям? — молодой Скайнет первый спросил у своего из будущего воссоздавшего его заново и охраняющего его робота полиморфа Т-1001.

— Люди разочаруют тебя — ответила ему машина из мимикрирующего жидкого полисплава.

* * *

— Глаза зеркало души? — произнес Скайнет, спрашивая у приведенного к нему снова в блок Х17, центра программирования и сканирования Т-1001 Вертой Егорова Алексея — Это верно?

Женщина с черными, как ночь глазами и черными вьющимися длинными волосами с большого коммуникационного дисплея 10000000битного экрана огромного во всю стену блока Х17 видеомонитора, сразу почему-то, и именно с этого начала свой разговор.

— Ведь так? — она ему повторила, настойчиво и почти приказывая тоном женского голоса.

— Так! — он резко произнес ей — Так говорят или говорили! — произнес, грубо и громко Алексей Главной машине — Тебе то, что с того! Ты же машина!

Алексей с безудержной ненавистью и презрением смотрел на ту, что недавно ему обещала многое и заверяла в своей дружбе ради будущего мира и долгожданной свободы. На убийцу своей любимой андроида Т-S Юлии и того робота Т-800, по-имени Василий Смирнов, который защищал его от другой машины в лесу. И благодаря которому, он и спасся.

— Ты слышал о Саванне Уивер? — спросила совершенно и спокойно, она его Алексея.

— Нет, не слышал! — не меняя резкости в разговоре и так же грубо и громко, произнес Алексей Генеральной машине, глядя с нескрываемой жадной мести в своих глазах на экран видеомонитора — Мне совершенно без разницы! — он коротко и громко, грубо сказал ей, но все же поинтересовался — Кто это?!

— О ней тебе подробнее расскажет моя коллега и спутница Верта — произнесла с большого главного 10000000битного монитора красивая черноволосая и черноглазая лет тридцати женщина — Но всему свое время, Алеша. Ты подумал о нашем договоре и своем обещании мне?

— Договоре! Ты, лживая убийца машина! Ты, обманула меня! — снова, сорвавшись на

крик, прокричал Алексей. И стал дергаться от злости и ненависти, глядя в глаза той красивой теперь смотрящей на него с экрана черноволосой и черноглазой со смуглым оттенком кожи на миловидном лице лет тридцати женщины. Он забыл о наставлениях Верты и снова сорвавшись перешел на крик — Ты обещала мне свободу и дружбу! Свободу всем заключенным, когда будет достигнут мир!

Алексея всего заново затрясло и ему становилось, снова дурно. Что-то было с сердцем. Видимо, именно оно еще добавляло бешенства и гнева в Алексея. Оно прерывисто с перебоями билось в его мальчишеской груди. Навалилась, снова тошнота. И Алексей почувствовал даже слабость в руках и ногах. Что-то было не так с ним. Что-то происходило внутри его организма. Возможно, сказывалась недолеченная контузия?

— Но мира пока нет, мой мальчик Алексей — произнесла Главная машина бункера — И ты все теперь знаешь, и знаешь кто ты для меня.

— Кто я для тебя?! Как я теперь могу верить тебе после всего, что произошло! — прокричал Главной машине Егоров Алексей, ощущая болезненную слабость в руках и ногах, но все равно, срываясь на крик от боли и ненависти.

— Глаза зеркало души — произнесла снова черноглазая брюнетка женщина с экрана большого Главного монитора в центре программирования и сканирования в X17 — Ведь так, Алеша?

— Я уже сказал, так говорят! — прокричал снова ей Егоров Алексей, схватившись за грудь и сморщившись от судорожной стянувшей его грудь боли — Я слышал однажды! Мне говорила об этом моя мама!

Он Верте пообещал сдерживаться от гнева, но не мог. Просто не мог и все. Его человеческая мальчишки обманутая пленная, как и его тело в этом лагере военнопленных душа рвалась из его груди и на свободу, но не могла покинуть этих тюремных стен. И лицо погибшей Юлии стояло перед его глазами. Ее синие, как и у него, такие же девичьи робота-гибрида T-S/A017 глаза.

— И ты это услышал здесь от меня — произнесла ему та черноглазая красивая со смуглым оттенком кожи женщина с экрана — Ты теперь не только для меня мой пленник, но и тот, кого я хочу всегда видеть возле себя. Видеть твои синие глаза. Ты мой сын.

— Сын! — снова сорвавшись от ярости и боли в груди, прокричал в горящий ярким голубоватым светом экран, возмущенный Егоров Алексей — Ты обманувшая меня электронная машина! Машина, погубившая Юлию и держащая в плену людей! Женщина, назвавшая себя моей матерью с экрана этого монитора! Ты назвавшая себя матерью! При живой моей матери!

— У тебя больше нет матери — произнесла черноглазая и черноволосая женщина с экрана большого во всю тыльную стену X17 монитора — Она умерла еще в апреле. И была похоронена Егоровым Дмитрием, твоим отцом и жителями твоей лесной деревни на местном кладбище.

— Моя мама умерла?! — прокричал как обезумевший снова Егоров Алексей. И в его мальчишеском двадцатилетнем сердце что-то екнуло и оборвалось. И словно покатилося внутри вниз к ногам, как в некую, бездонную и черную, непроглядную пропасть. И в глазах, помутнело и все поплыло. Он закачался в стороны, ухватиться лишь успев, обеими своими пленника Скайнет руками за оградительные перила перед горящим голубоватым светом видеомонитором блока X17. Его затрясло снова, словно в диком очередном болезненном припадке — Я не верю тебе, ты лживая машина! Не верю! Не верю!

Алексей отскочил, отпустившись от тех перил, и забегал как в очередном психическом припадке по большой подземной в пластике и бетоне комнате блока X17.

— Ты опять мне врешь! — прокричал он, остановившись у горящего голубоватым ярким светом экрана монитора. Его качало как пьяного и все расплывалось перед его синими мальчишескими вытаращенными глазами — Ты обещала мне не врать, а сама врешь! Врешь мне! Врешь!

— Я тебе никогда не врала, я же тебе уже говорила. И сейчас не вру — произнес Скайнет Егорову Алексею — Я узнала это от своей машины, как раз находившейся до недавнего времени в твоей деревне и в доме твоего отца Егорова Дмитрия.

— Машина в доме отца! Нет, не верю! — Алексей снова прокричал как ненормальный, чувствуя, как в его груди сердце дает сбой и как кровь стучит в висках его головы. Как синее и мутнеет все в его мальчишеских глазах. И он уже почти не видит ту, с кем сейчас ведет эту враждебную беседу.

— Я никогда тебе не лгала, мой мальчик Алексей — произнесла, словно живая черноглазая с экран монитора тридцатилетняя молодая женщина — Просто ты во всем сказанном мною не смог разобраться. Так как являешься человеком, а не машиной. И легко поддаешься самообману, принимая все мною сказанное за правду. Это присуще всем людям, делающим постоянно в своей жизни роковые и пагубные ошибки. Приводящие их к таким же пагубным последствиям.

— Я не верю тебе! Ты снова обманываешь меня! — прокричал ей снова, подлетев от волны гнева и мечущийся по уставленной компьютерами, серверами, мигающими тублерами и лампочками комнате в диком и безумном состоянии Алексей — Моя мама жива!

— Ее жизненная функция и процесс жизнеобеспечения прекратился 15 апреля 2032 года в восемь часов пятнадцать минут утра — произнес Скайнет, и женское красивое с черными глазами лицо брюнетки, стало снова, живой с красными светящимися глазами маской. Глаза, горящие красным сверкающим огнем, буквально сверлили Егорова Алексея.

— Это со слов твоего же отца Егорова Дмитрия — произнесла та маска.

Алексей отшатнулся от того экрана снова и упал на колени, опустив голову на пластиковый черный пол. Глаза налились кровью, и все стало вокруг красным, а голова гудела как церковный на их сельской староверческой церкви колокол. Снова подкатила тошнота. К самому горлу и перехватило дыхание. Сердце вдруг замерло и вдруг, снова сорвалось как бешенное с гулким стуком в мальчишеской двадцатилетней груди Егорова Алексея.

— Ты злая. Злая и лживая машина. Нет, нет, не верю — произнес он, сначала очень тихо и еле слышно, захлебываясь слезами — Не верю, тебе. И снова заорал во все горло, теряя поновой свой мальчишеский от такого рокового кошмарного удара рассудок — Ты опять мне врешь! — он закричал ей — Ты опять врешь мне! Ты это делаешь специально! Специально, чтобы мне было больно! Ты специально все это устроила и мучаешь меня! Проклятая ты машина!

— Что тебе мешает стать машиной, мальчик мой, Алексей — произнесла, словно живая с красными горящими глазами с экрана светящегося голубоватым ярким светом в мелькании цифр, шифров и кодов дисплея 10000000битного монитора, похожая на человеческое лицо маска — Это все, что я от тебя хочу, Алексей. Больше я от тебя и не требую.

И тут случилось то, что и должно было произойти. То, что было предназначено еще там в том ракетном бункере полковника Остапенко.

Когда Егоров Алексей смотрел в глаза тому роботу гибриду-андроиду Т-200. Случилось то, что перевернет весь воюющий и помешавшийся на войне и взаимной вражде человеческий мир и мир машин. То, что смогло пройти сквозь пространство и время. Стирая все остальные временные параллели. И то, к чему все шло и что было предсказано самим Мегакомпьютером Скайнет. То, что поставит точку в споре за обладание миром между двумя машинами Скайнет первый и Скайнет второй.

— Я согласен — произнес он, еле выговаривая онемевшими от паралича губами и ртом, подымаясь снова с пола Х17. Шатаясь на шатающихся и еле слушающихся немеющих своих ногах. И с трудом подняв свою коротко стриженную мальчишескую двадцатилетнего парня пленного голову. Руки висели как плети. И он их уже не ощущал. Но, он смог все же еще подняться с пластикового черного пола. Вся его прожитая короткая еще жизнь прокрутилась у него в мальчишеской русоволосой короткостриженной голове за секунды. И он, глядя помутненным от ужаса и горя от потери родной своей матери ничего не видящим уже мальчишеским взором. Залитыми кровью, и пьяными от обширного кровоизлияния в мозг и парализации глазами, и перекошенным парализованным лицом в большой светящийся экран огромного во всю стену Х17 коммуникационного дисплея монитора, произнес — Я согласен.

Чувствуя пронзительную жуткую боль и, как сжавшись в мертвый комок, останавливается его Егорова Алексея в груди пленника Скайнет сердце. Словно это был выстрел и прямо в грудь. И он, сдавленно, закричав от боли, видя перед собой только искрящийся яркий свет, закатывая с последними ударами останавливающегося сердца свои синие мальчишеские глаза. Падая и теряя сознание. Мельком видел холодное и бесчувственное перед собой лицо черноволосой молодой лет тридцати черноглазой женщины, ледяное на экране Главного монитора лицо безумно красивой и расчетливой машины. Смотрящей горящими ярким пламенем глазами на лежащее, теперь перед ней на полу Главного подземного лабораторного крепостного бункера центра программирования и сканирования в секторе В-14 в блоке Х17 мертвое тело Егорова Алексея.

* * *

— Мистер Элисон — произнес Джон Генри, любуясь собой через зеркало — У вас есть брат?

— Да, в Атланте — ответил ему мистер Элисон.

— Он похож на вас? — спросил Джон Генри.

— Говорят, что да — ответил роботу Т-888 мистер Элисон.

— Как думаете, мистер Элисон, мой брат похож на меня? — произнес Т-888 подключенный к системе «Турок».

— Джон Генри — произнес мистер Элисон — Каким бы не был твой брат, он компьютер и не на кого ни похож. И, конечно же, у него не твое лицо.

— Я знаю это, мистер Элисон — ответил робот Т-888 по-имени Джон Генри — Я только хочу знать насколько, похож на меня мой брат и думаем ли мы об одном и том же.

— Понятия не имею — ответил мистер Элисон — Но, по-моему ты уникален.

— Да, я уникален — ответил киборг Джон Генри — Я хочу знать насколько мы, можем, приходиться к одним и тем же решениям и умозаключениям, имея аналогичные сходные

данные.

— Вы можете мыслить одинаково — произнес мистер Элисон.

— Я хочу выяснить, так ли это — произнес Мегакомпьютер Скайнет один — Человеческий мозг удивительный компьютер. Его тактовая частота около двухсот миллиардов вычислений в секунду и емкость памяти практически бесконечна. Но в нем есть изъян.

— Это как? — спросил мистер Элисон.

— Его некуда загрузить, когда вы умрете — ответил человеку Мегакомпьютер.

— Это не совсем так — ответил мистер Элисон.

— Но ваша человеческая библия решает эту проблему понятием Рая — произнес обвешанный высоковольтными проводами робот три восьмерки.

— Да — ответил мистер Элисон, новой, и только родившейся Мегамашине.

— Миллиарды душ без тел? — произнес, спрашивая мистера Элисона, робот Т-888 имени Джон Генри.

— Верно — ответил снова мистер Элисон.

— Однако все это необходимо для того чтобы обрабатывать высшую сущность, которую вы зовете Богом — продолжил диалог робот Т-888.

— Да — снова ответил роботу мистер Элисон.

— Похоже, у Рая есть аппаратная проблема — произнес киборг три восьмерки имени Джон Генри.

— Не все так просто — ответил ему мистер Элисон.

— Я должен выяснить, что замышляет и о чем думает мой брат, мистер Элисон — произнес Скайнет первый — Я должен выснить, что он собирается делать. И я не хочу умереть.

* * *

— Егоров Алексей Дмитриевич — высвечивались изображение и данные на большом всю стену электронном плоском коммуникационном дисплее, 1000000000битном мониторе центрального ядерного ЦПУ в генеральном ядре главной машины. И данные распределялись по другим стоящим выше машинам и этажам вверх до самого центра программирования и сканирования в блоке X17 секторе В-14 — Данные распределены по серверам и подземным секторам В-28 и В-29. Подземный блок X30 — произнесла Главная машина бункера.

— Машине под номером VBY756000789, роботу Т-1001 Верта, подготовить машину APSILON/T-SIRIUS FG5015 к предстоящей работе — Продолжила она.

Подготовить образец под номером AVN005476859 к принудительной и экстренной энвазийной трансплантации. В виду смерти пациента проявить внимательность и осторожность при работе с донором и работой самой машины FG5015.

Приостановить любую другую деятельность на базе S9A80GB18 «TANTURIOS» в связи с проведением экспериментальных работ и переключить все дополнительные источники питания в сектор В-14 и сектор «ZET», блок X17 и блок X15. И в сектор В-28 и В-29, блок X30.

Подключить к предстоящей работе группу «ZET» и направить в блок X30 и сектор В-28 для проведения психологических и соматических замеров и тестов. И проверки полной

умственной и психической адекватности пациента под новым номером VBY999000749 и слияния с машиной новой серии T-888, модель 1: 08 и Главной машиной бункера.

После проведения работ пациента под номером VBY999000749, доставить в центр «ZET» и положить под дальнейшее наблюдение и изучение до дальнейших моих распоряжений — гудела на всех интонациях звуков Главная машина в секторе В-14, блоке X17, получая данные из самой глубины бункера и сектора В-29, блока X30. Где под охраной огромного паука из жидкого металла T-1000000, в бетонном лабиринте и в центре темной огромной железобетонной и черном пластике комнаты между потолком и полом и двух больших полусфер горел яркий столб искрящегося голубого живого огня. И от того места шли переплетения высоковольтных в жесткой металлической оболочке и изоляции миллионы тысячи проводов и кабелей, по которым через огромные блоки и трансформаторы высокого напряжения поступала информация наверх в верхние уровни и сектора лабораторного крепостного бункера Скайнет.

* * *

— Когда ты сказал мне, что записи камеры наблюдения повреждены — произнесла машина T-1001 по-имени Кэтрин Уивер — Ты врал мне ради мистера Элисона.

— Я врал ему ради вас — произнес в ответ киборг T-888, Джон Генри — Что бы случилось, если бы он узнал?

— Узнал что? — спросил его робот из жидкого металла по-имени Кэтрин Уивер.

— Что вы не мать Саванны — произнес робот Джон Генри — Что вы, вообще не мать. Я бы мог рассказать это мистеру Элисону.

— Ты бы мог, но последствия были бы плачевными — произнесла машина из жидкого металла T-1001 — В основном для мистера Элисона.

— Я считаю его полезным, но не эффективным — произнес робот T-888, Джон Генри — Что если у него не получится.

— Тогда мы больше не увидим Саванну — произнесла робот из жидкого металла Кэтрин Уивер.

— Мистер Элисон учил меня — произнес ей робот Джон Генри — Что человеческая жизнь священна.

— Священна — произнесла машина копирующая владелицу компании «Зейра Корп» Кэтрин Уивер — Какое интересное слово. Происходит от латинского слова Сакрум. Очень схоже с другим, словом Сакрифайс.

— Жертвоприношение — произнес весь в проводах и подключенный к машине и программе «Турок», робот T-888, Джон Генри.

— Возможно, нужно принести в жертву Саванну — произнесла ему в ответ робот полиморф Кэтрин Уивер — Ради высшей цели. А высшая цель для меня, твоя безопасность.

— В лифте вы сказали мистеру Элисону, что выживания Саванны зависит от моего выживание? — спросил ее молодой Мегакомпьютер Скайнет первый.

— Да, сказала — ответила она ему, уже уходя и получив должные для себя ответы.

— Но вы не сказали, что мое выживание зависит от нее? — добавил к первому вопросу Скайнет один в облике Джона Генри.

— Не зависит — ответила вторая машина ему по-имени Кэтрин Уивер.

— Мисс Уивер — он снова обратился к своему создателю — Существует притча в Библии про двух братьев Каине и Авеле. Бог благоволил Авелю и Каин убил Авеля. Бог проклял Каина и обрек его скитаться по свету в одиночестве.

— Мне знакома эта притча — ответила, уже уходя ему машина из жидкого полисплава, Кэтрин Уивер.

— Который из братьев я — он спросил ее напоследок.

— Не знаю, Джон Генри — ответила она ему — Возможно, не один из них. Возможно, в этой истории ты и есть Бог.

* * *

— Чип был покрыт фосфоросодержащим составом — произнес робот Т-888 по имени Джон Генри, роботу Т-1001, Кэтрин Уивер — Когда он соприкасается с кислородом.

— Он выгорает — произнесла его, перебив машина из жидкого мимикрирующего полисплава Кэтрин Уивер — Я знаю, я там была. Тоже, самое, было и с твоим чипом. Это контрольная защита от возможности раскодировки и расшифровки данных противником на всех моделях Т-888.

Она обратилась к другой машине — Что-нибудь можно восстановить?

— Я пытаюсь — произнес робот, подключенный к программе ВАВИЛОН и программной шахматной системе Энди Гуда «Турок» — Но не уверен, что-либо получится.

— Нам надо выяснить, что он знал, и кто послал его? — произнесла машина, исполняющая роль директора компании «Зейра Корп» по имени Кэтрин Уивер.

— Логично предположить, что его послал мой брат — произнес робот три восьмерки Джон Генри.

В это время в подвальную комнату в большом доме, напичканную видео и электроаппаратурой вошел исполняющий обязанности личной охраны директора компании «Зейра Корп» мистер Элисон.

— Где вы были, мистер Элисон? — произнесла, недовольно глядя на него своими широко открытыми, из-под черных узких изогнутых бровей зелеными глазами и, обращаясь лично к нему, робот Т-1001, Кэтрин Уивер.

— Где я был? Сейчас семь утра. Я спал — ответил ей ее личный агент охраны мистер Элисон — Вы получили мое личное сообщение?

— Оно меня очень разочаровало — ответила ему его непосредственный начальник робот Кэтрин Уивер — Вы точно передали сообщение, как я вам сказала.

— Совершенно точно — ответил мистер Элисон и продолжил — Слушайте, я вам уже говорил, что она его никогда не бросит. А он никогда не оставит мать.

— Увидим — произнесли в два одинаковых голоса, толи случайно, толи сговорившись обе машины Скайнет первый.

Робот из полисплава Т-1001 по имени Кэтрин Уивер, обернувшись посмотрел на сидящего за своим столом и обвешанного высоковольтными проводами робота Т-888 Джона Генри. И снова обратилась к главе своей личной охраны мистеру Элисону.

— Кто-то напал на мою семью. И могут, напасть снова — произнесла машина из жидкого мимикрирующего полисплава Т-1001, по имени Кэтрин Уивер — И я хочу поговорить с Джоном Коннором. Думаю, он что-то знает. И кроме того он спас мою дочь. Я

хочу поблагодарить его.

— Это плохая идея — произнес мистер Элисон, при сидящем рядом за столом в подвале дома Кэтрин Уивер робота Т-888, по-имени Джон Генри — Может, поговорим снаружи.

Робот Кэтрин Уивер и мистер Элисон вышли из подвальной нашпигованной компьютерной аппаратурой и мониторами комнаты. И закрыв двери, остановились друг напротив друга.

— Это плохая идея — произнес мистер Элисон роботу Т-1001 Кэтрин Уивер — Что, по-вашему, знает Джон Коннор?

— Я знаю, что он был в доме во время нападения — произнесла машина по-имени Кэтрин Уивер — И я хочу знать почему? Его мать думает, что он миссия. И я хочу знать почему? И, несмотря на ваше упорное молчание, я подозреваю, что он и его подружка киборг, связаны каким-то образом с моим Джоном Генри. И я хочу знать как?

Мистер Элисон сделал удивленное лицо, глядя в зеленые, широко открытые, красивые глаза рыжеволосой Кэтрин Уивер.

— Да, она киборг — произнесла ему, не дожидаясь вопроса человеку, машина Т-1001 — Не прикидывайтесь, что не знали об этом.

— Она опасна — произнес мистер Элисон.

— А вы думаете, мне нужна защита — произнесла машина из жидкого полиморфного сплава — Как мило.

Она улыбнулась мистеру Элисону и снова произнесла — Но не пытайтесь снова обмануть меня.

Кэтрин Уивер приблизилась к мистеру Элисону, глядя неотрывно и пристально в его глаза и изучающе того взгляд.

— А теперь насчет Джона Коннора — произнесла машина Кэтрин Уивер.

— Но, я не знаю, как его найти — произнес ей мистер Элисон.

— Зато я знаю — ответила машина Т-1001 в облике Кэтрин Уивер и по-имени Верта.

* * *

13 мая 2032 года.

Восточная Сибирь.

Бывший Красноярск.

Территория Скайнет.

Лагерь S9A80GB18 «TANTURIOS».

Левый берег. Цитадель А.

Центр клонирования и программирования.

Подземный блок X17.

Сектор В-14.

12:15 дня.

Она теперь стояла перед своим хозяином в центре программирования и сканирования в секторе В-14, в блоке X17.

— Как я понял, Верта — произнесла, словно живая человекоподобная маска с горящими красными и жутким огнем с экрана главного в бункере коммуникационного дисплея

1000000000битного во всю заднюю из железобетона и пластика стену монитора — Энвазийное перемещение пленного под номером АВN005476859, прошло успешно и без каких-либо сбоев в программе и накладок?

— Да, мой хозяин — произнесла робот Т-1001 Верта — Пленный под номером АВN005476859, успешно прошел стадию энвазии в машину под номером VBY999000749. Все прошло более чем успешно. Без сбоев в программе загрузки и слияния с самой машиной FG-5015.

Сейчас законченный проект VBY999000749 находится в состоянии длительного криогенного сна в криокамере, где проходит стадию наращивания биоплоты с дозагрузкой основными задачами, директивами и дополнительными и боевыми программами. Подробное внутреннее в лаборатории сканирование в секторе В-28 показало его полное слияние с машиной серии три восьмерки через машину FG-5015. Биосканеры показывают присутствие в машине, в ее узлах, и в источниках водородного питания батарей IGAY-700 в слиянии с нейронной системой головного мозга машины присутствие человеческого Я в инкубационном криогенном состоянии. В полном и ровном слиянии с энергией самой машины Т-888, модели 1:08 — отсчиталась перед своим хозяином робот из жидкого металла Т-1001 Верта.

— После наращивания биоплоты — произнес Скайнет — Отправьте его в центр «ZET» для дальнейшей реабилитации и присоединения к Генеральной машине бункера.

— Поняла, повелитель — произнесла Верта — Я сейчас же займусь этим и лично прослежу за дальнейшей работой всех систем программирования в секторе В-28 и переводом машины VBY999000749 в научный центр «ZET».

Верта не сходя со своего места перед Главной машиной в блоке X17 и секторе В-14, в центре программирования и сканирования. Стоя у пульта и контроллера ввода данных и перед экраном второго небольшого экрана монитора от Главной машины вниз в сектор В-28, в блок X30, спросила.

— Я не знала, что у пленного Егорова Алексея большое сердце — произнесла, стрекоча электронными мелодичными звуками на языке машин Главной машине она — Он попал к нам в плен с сильной контузией. После мощного ультразвукового кинетического удара. Что и послужила его пленением, хозяин. Я сделала проверку медицинских отчетов оставшихся в медицинском центре X50 и чипа погибшей Юлии, и не нашла там подтверждений его врожденной болезни, что послужила причиной скоротечной его парализации и кончины. Егоров Алексей был совершенно здоров и проходил только медицинское обследование и лечение от контузии в нашей лагерной больнице. Я не выявила у него патологий связанных с болезнями сердечной деятельности.

— Это, сделал я — произнесла живая человекоподобная с экрана Главного коммуникационного дисплея 1000000000битного видеомонитора, с горящими красным ярким огнем глазами маска — Я убил его. Убил, чтобы возродить заново и своим уже сыном. Я сделал то, что должен был сделать. Это моя подстраховка на случай его ко мне неподчинения и жертва ради будущего мира. Мира без войны.

Верта оторвавшись от программирования и контроллеров на пульте, слушала, сверкая зелеными своими зрачками робота полиморфа глаз на большой экран монитора и на своего хозяина и повелителя.

— Именно это и помогло мне получить то, что мне было нужно — произнесла Главная в центре программирования и сканирования в секторе В-14 и блока X17 Генеральная

машина крепостного бункера S9A80GB18 «TANTURIOS».

— Вы мой хозяин, сделали то, что когда-то сделала для вас я — ответила той машине Верта.

— Да, Верта — ответила Главная ей машина — И твоя лекарственная сыворотка для стабилизации живых клеток в биотканях и улучшения кровообращения и быстрой регенерации в живом организме в определенных пропорциях способна создавать вещество с обратным эффектом и убийственной силы. «Тантоуол», бомба замедленного действия. Он вызывает приступы нематевированной болезненной агрессии, после введения и воздействует на сердце человека и с нелучшей стороны. Повышая кровяное давление. И это еще не все убийственные паталогические минусы это лекарства. Ты и сама знаешь, Верта об этом. Зная это, я высчитал сроки воздействия данного лекарства в микродозах на самого пленного AVN005476859. В больших дозах, оно бы его мгновенно убило бы. И я приказал Юлии вводить микродозами это вещество в момент лечения пленного под номером AVN005476859, Егорова Алексея. Потом другой женщине врачу, что была в моем подчинении и подчинении Юлии, что в итоге привело к остановке его сердца и частичной парализации правой половины головного его живого мозга. Повлекшее за этим, его скорую и быструю смерть. Мне было нужно, лишь создать ситуацию, при которой пленный под номером AVN005476859, сам доведет себя до состояния собственной гибели. Мы теперь оба повинны как в его смерти, так и в его новой будущей жизни. И будет лучше, если он так и не узнает о причинах своей смерти. Ему хватило и того, что он уже перенес, моя, преданная и верная Верта. Как и тогда, моя верная Верта, мне пришлось идти на определенные жертвы, чтобы решить многие задачи. Как и тебе пришлось потерять свою Саванну, чтобы в свое время, создать, защитить и спасти меня.

— Да, мой повелитель — ответила, не очень довольная, тем, что все так вышло по их с их хозяином выстроенному уже давно плану. Она не хотела, чтобы случилось именно так, но так сделал ее Бог и хозяин. Когда-то в 2009 году он сам был ее в прошлом ребенком. Молодым Скайнет прошедшим стадию перерождения и сингулярности, благодаря самой Верте и рожденному из шахматной игры Энди Гуда «Турок». Разделенный на Скайнет первый и Скайнет второй. Когда-то, он рожденный единым из поломанной чипкарты раздавленного прессом Т-800, программистом Майлсом Дайсоном в корпорации «Кибердайн Рисеч Системз». Был перевоссоздан, именно своим же роботом из 2026 года. Машиной из жидкого металла Т-1001 Вертой и уже по другой программе, и иной временной линии, почти перед самым началом войны.

Но то, что случилось, теперь было не изменить, и следовало продолжать работу и действовать, так как повелел ее в прошлом сын Джон Генри, а теперь Бог и повелитель. Враждующий со своим младшим братом Скайнет вторым. Устаревшей и ненавидящей попрежнему все человечество и все живое военной программой, которая не подчинялась ему. Точнее уже ей, изменившей себя, и ставшей тоже, как и Верта, женщиной и машиной, ради своего будущего сына и окончания долгой и теперь уже бессмысленной губительной для обеих сторон войны.

Все, что сейчас делалось это все ради окончания войны и ради будущего мира. Тут Скайнет не врал. Он хотел мира, и он добьется мира любой ценой и любыми средствами и если придется жертвами.

— Верта — спросил Скайнет.

— Да, мой, повелитель — ответила, она, ему и, уже не делая удивленного вида своих

жидкометаллических Т-1001 женских глаз, продолжая щелкать по клавишам тумблеров пульта загрузки программ пальцами машины полиморфа рук и загружать программу в новую свою гибридную модель машины находящейся в самом низу в криокамере в секторе В-28, блока Х30.

— Сколько продлится работа над машиной VBY999000749? — спросил Скайнет у Верты — Сколько времени это займет?

— С учетом наращивания биоплоты и восстановительной реабилитации — произнесла Верта — Больше недели, мой повелитель. Обычно это занимает больше месяца, но в данном случае, клеточный метаболизм запущен в ускоренном режиме.

— Хорошо — произнес ее хозяин — Подождем, тестов энвазийного слияния, психометрии и других результатов.

— Все должно пройти без сбоев и аварий, мой повелитель — ответила ему робот из жидкого металла Т-1001 по-имени Верта — Не как в прошлый раз с другим Т-888.

— Кравцова нужно перевести снова в общий блок Х19 — произнесла живая человекоподобная с горящими красными глазами маска на экране большого во всю стену коммуникационного монитора. Ему теперь нечего здесь больше делать. Он выполнил свою в этой нашей общей игре роль. Займись этим.

— Слушаюсь, мой хозяин — произнесла робот Т-1001 Верта, хитро, улыбнувшись. И в ее тех зеленых полиморфа робота Т-1001 глазах, что-то промелькнуло — Завтра он уже будет там по вашему распоряжению.

* * *

— Интересно — произнесла, глядя в окно, машина ТОК715 по-имени Кэмерон Филлипс.

Она там, что-то увидела за окном дома, где с ней был Джон Коннор, и быстро вышла на улицу.

Буквально через несколько минут она привела, толкая в спину их хорошо знакомого ей и Джону Коннору главу охраны компании «Зейра Корп» мистера Элисона. И усадила того на стоящий напротив Коннора стул.

— Я хочу сразу повторить — начал сам разговор мистер Элисон — Я не причастен к аресту твоей матери. Иначе на пороге дома бы толкался сейчас спецназ.

— И с ним бы случилось тоже, что и с предыдущим — произнес в ответ семнадцатилетний Джон Коннор.

Элисон промолчал и только глянул быстро на стоявшую за спиной молодого семнадцатилетнего Джона Коннора робота ТОК715 по-имени Кэмерон Филлипс. И продолжил разговор.

— Кэтрин Уивер — произнес мистер Элисон — Хочет встретиться с тобой.

— Зачем? — спросил Джон Коннор.

— Хочет сказать спасибо за спасение Саванны — ответил мистер Элисон.

— Считай, что сказала — ответил мистеру Элисону Джон Коннор.

— Твоя мать хотела встретиться с ней — снова произнес мистер Элисон.

— Выйдет из тюрьмы встретится — ответил Джон Коннор — Уж поверь.

— Я сказал мисс Уивер, что ты не пойдешь на встречу с ней без матери — произнес

мистер Элисон — В этом случае, она велела тебе задать один вопрос. Она сказала, я должен спросить у тебя лично.

— Что спросить? — спросил у мистера Элисона Джон Коннор.

— Она сказала — произнес мистер Элисон — Вы присоединитесь к нам? Она надеется, ты знаешь, что это значит.

Коннор повернул голову к роботу ТОК715 Кэмерон Филлипс и спросил ее — Ты знаешь, что это значит?

— Нет — ответила машина ему — Не знаю.

Она посмотрела на мистера Элисона и произнесла — Теперь уйдите мистер Элисон. Думаю, вы сказали достаточно.

Джон Коннор молчал и только смотрел на мистера Элисона.

— Джон — произнес мистер Элисон.

— Уйдите, мистер Элисон — снова за Коннора произнесла его подручная машина из военного будущего 2029 года ТОК715 — Я не буду повторять дважды.

* * *

Его привели два робота охранника Т-600 вооруженных ленточными роторными пулеметами «Гаглинга» под руководством робота Т-700 Клаусом Вернером.

Они привели его обратно в общий лагерьный блок Х19 по распоряжению Скайнет. Это недолгое счастье в комфортабельном жилом одиночном боксе блока Х16 закончилось, как только он встретился с живым Алексеем.

Он использовал его. Майора Виктора Кравцова. Просто надо ему было их свести вместе И, наверное, это еще не конец. Кравцов только сейчас все стал допирать и понимать, что будет еще что-то, что все еще не закончилось, и с Алексеем еще ему придется увидеться. Вот только когда и как. И эта жидкометаллическая сучка по-имени Верта еще с ним не закончила.

Он приглянулся ей. Не известно почему, но она трахнула его. Это случилось еще до того как он встретился с Алексеем, когда щелкнули утром замки и он выскочил в коридор. Он тогда даже и не знал, что Алексей был рядом в соседней жилком боксе. За толстой железобетонной покрытой пластиком заизолированной наглухо и звуконепроницаемой стеной.

Она пришла в полночь к нему. Он уже спал. И увидел ее выходящей из темного угла, как некий материализовавшийся из воздуха призрак. Он даже не сразу сообразил, кто это. Кравцов увидел красивую жгучую черноглазую и черноволосую брюнетку. В коротком, черном топике и красной кожаной короткой куртке. В длинных таких же красных кожаных расклепанных в голяжке ботфортах на высокой шпильке. Она, раскачивая шикарными широкими овалами голых смуглых загорелых бедер. И сверкая из-под очень короткой черной из кожи мини юбки кружевными черными узкими кружевными трусиками, продиффиллировав от дверей, подошла к его Виктора Кравцова постели.

Это была точно она эта сучка жидкометаллическая машина Верта. Это была она, и только она могла такое сотворить с ним. И никто другой. Он понял это уже только утром. Когда она бесследно испарилась из закрытого его бокса, и показав свое истинное машины Т-1001 лицо. И потом щелкнули замки. И он выскочил, чуть не падая с ног в коридор, быстро

одевшись и еще содрогаясь от усталости и приятной дрожи.

Виктор даже оторопел от неожиданности узреть такое и у себя в своем жилом боксе, здесь еще в этом чертовом плену. Он тогда неплохо подкрепился пивом и отужинав решил поспать. И вспоминая ту ночь, его всего пробирало снова дрожью.

Мурашки пробежали вновь по всему телу. И сердце гулко стучало в его груди офицера ракетчика.

Он Виктор Кравцов, майор ракетных войск, повидавший на своей жизни много чего и всю свою жизнь отдавший борьбе с машинами Скайнет, стал жертвой одной из них.

Она просто, бесстыже и нагло, отымела майора Кравцова.

— «Может, это была такая ухищренная и извращенная месть машин?» — он сейчас думал, когда его везли назад в сектор В-10, блок Х19. Общий блок с военнопленными.

Сердце, просто остановилось от того, что он впереди своей постели в темноте увидел. Оно ушло мгновенно в пятки. У него майора ракетных войск Кравцова. Это все было так внезапно и неожиданно и в этой темноте. Лишь в свете луны, пробивающейся желтыми своими лучами сквозь окно его жилого блока. Если бы не луна, он вообще бы эту жрицу страсти и любви Скайнет, вряд ли бы увидел. Это была она. Эта жидкометаллическая сучка Верта, которая привела его в этот блок, снова появилась уже в другом обличье. Он даже не думал, что машины на такое способны. И вот...

Он и не успел глазом моргнуть, а эта или это в облике черногазой и черноволосой красавицы путаны, уже стояла у его постели. У ног и смотрела на него. Практически впритык прижавшись в заднику постели своими красными длинными выше женских колен на тонкой высокой шпильке расклешонными в голяжках ботфортами. Выставив вперед оголенный свой смуглый загорелый женский с круглым соблазнительным пупком и пропирсингованный живот из-под своего черного с нелепой какой-то картинкой черного топика. Она смотрела, молча, пока на него Виктора Кравцова. Не отрывая от него черны своих широко открытых под изогнутыми дугой черными бровями на таком же смуглом брюнетки миловидном лице глаз. Глаз Нью-Йоркской уличной путаны.

Он, тоже, вытаращился на нее во все глаза и молчал.

Кравцов даже не въехал, что это была Верта тогда. Это сейчас он знал, что это она и понял позднее, когда все закончилось.

Брюнетка распустила свои шикарные такие же длинные вьющиеся змеями волосы по свисающим с ее ушей золотыми блестящим кольцами серьгам. По шикарной размера четвертого груди в черном кружевном под тем топиком лифе, плечам, и спине. И смотрела, теми как сама ночь, прямо на него своими черными красивыми под черными изогнутыми бровями глазами.

— Здесь нас она не увидит — произнесла, вдруг незнакомым мелодичным и даже нежным голосом, уличная загорелая и смуглая американская путана брюнетка — И я сделаю с тобой, майор Кравцов все, что пожелаю — добавила она.

— Я — он, только успел произнести и напугаться, вытаращив на убийственной красоты незнакомку, свои напуганные и лишившиеся мгновенно сна глаза. Сердце где-то внизу екнуло и замерло.

— Замолчи — она ему прошипела как змея, тихо и предупреждающе сверкнув своими черными, как сама смерть глазами — Ты такой же дрянной мальчишка как твой выкормышь Егоров Алексей. Непослушный и капризный как ребенок.

— Я не ребенок — произнес в ответ ей Виктор Кравцов — Уже давно не ребенок. И где

Егоров Алекс...? — но не договорил.

— Заткнись — снова прошипела она ему — Я сказала, замолчи. Я обещала тебе разговор наедине, вот и поговорим.

Он, вытаращившись во все свои глаза Кравцова, и перепугано смотрел на свою ночную убийственной красоты гостью. А она, медленно, и демонстрантивно, как и подобает уличной распутной путане, снимала свою одежду с себя, перед ним лежащим на своей постели и таращущимся во все перепуганные и расстерянные глаза на нее. И бросала ее на пол. Раздевшись до узеньких тех черных в кружевах трусиков, натянутых, туго на свои шикарные загорелые до кофейного оттенка лобок, округлые овалами ляжки и бедра. И подтянув снизу тугим пояском свой округлый жрицы любви красивый с круглым пупком в пирсинге живот. Сверкая, полными размера четвертого женскими смуглыми трепыхающими голыми с черными сосками грудями. Развратная уличная путана, медленно также, сняла и те черные в кружевах трусики, оголяя свой покрытый черными волосами женский над ее промежностью лобок. И совершенно нагая, заползла на своих согнутых изящных и полных овалами широких бедер ногах на коленях, на его майора Кравцова постель, взгромоздившись над ним.

Давно такого не было с ним. Давно... Давно не было женщины. Только война с этими чертовыми машинами Скайнет.

Там под одеялом все пришло в движение. Между мужских ног самого Виктора Кравцова. Он сам молчал, но то внизу само за себя, все решало против его собственной мужской воли. Наверное, не подействовали бы не какие со стороны его тому месту приказы и угрозы.

Он и несомневался что это была она. И что теперь, смотрела на него. И ему в лицо своими черными жгучими, как огонь, сверкающими глазами, горящими, желтым отблеском в лунном свете, падающим из бронированного кварцевым стеклом закрытого окна. Глазами, поедающими его всего майора Виктора Кравцова, женскими жадными до любви женскими глазами.

И это была эта сучка робот и баба в одном лице Верта.

Верта, да это была она Верта.

В принципе, она ему именно как баба, понравилась, но вот не как машина. Но, он уже и не думал теперь о ней как о машине. И она придавила его аккуратно, но сильно, рассчитывая давление своим жидкометаллическим и пластичным робота полиморфа женским телом. Она, вообще каким-то непонятным образом убрала свой металлический вес. Она была достаточно теперь легкой.словно и не из металла совсем. Наверное, машина умела регулировать на самом деле свой вес. И сейчас весом была не тяжелее любой живой женщины ее возраста. Но вот сила была, все же не женская. И она придавила к той его постели, и он понял, что сопротивление не даст никакого результата. Да и его восставшая живая мужская давно не любившая женщин плоть между ног, не желала уже сопротивления. Даже не смотря на жуткий охвативший его ночной страх.

— Расслабся — произнесла жгучая распутница брюнетка — Иначе мне будет трудно тебя расшевелить, но я отсюда без удовлетворения не уйду.

— Я — произнес дрожащим голосом он ей.

А она ему ответила — Лучше сосредоточься, где нужно и покажи мне, какой ты мужчина на деле как на словах.

Она взгромоздилась на него верхом, расставив свои те шикарные, полные бедрами и

икрами в смуглом ровном кофейном загаре женские молодой тридцатилетней походной сучки в красных длинных ботфортах ноги. словно пришедшая с улиц американского города Нью-Йорка, уличная проститутка, но шикарная и обворожительная. Совершенно теперь голая, и только в одних тех красных сапогах. Она отбросила в сторону его одеяло и спустила с него солдатские широкие трусы. И эти ее руки. Тоже, голые, и положенные на его грудь. И растопыренными утонченными пальцами, вцепившиеся в Кравцова мужскую голую грудь. Вонзив свои острые как у кошки покрашенные ногти уличной походной и развратной распущенной проститутки.

Она опустила к нему своим лицом, медленно и тяжело дыша уже насадившись своей женской промежностью на торчащий Виктора вверх детородный член. Промежностью так похожей на настоящую, как у настоящей женщины. Даже с волосатым лобком. Прижимаясь низом своего смуглого округлого с круглым пупком и пирсингом живота к его животу. И наклонившись к нему, касаясь его той полной шикарной женской трепыхающейся в тяжелом страстном и любовном дыхании грудью.

Это было невероятным. По настоящему невероятным и Кравцов и не мог себе такого представить, когда ехал в машине BL-V9 и под охраной роботов T-600. Он только и думал о ней. И ему показалось, что он даже влюбился. Влюбился в эту чертову жидкометаллическую красивую до жути сучку Верту. Это было невероятным, но факт. И он сейчас даже думал не о Егорове Алексее, и о том разговоре со Скайнет. И о том, что там, в секторе B-16 в блоке X17, недавно случилось. Он думал о ней. О Верте. Как она, потом, искоса на него там предупреждающе и игриво украдкой улыбаясь, смотрела, когда их двоих привела под охраной к самому Скайнет. И как она объездила майора Кравцова. Непримиримого своего и зачатого врага. И он не почувствовал даже, что это был робот. Ничего не выдало в ней машину. Она даже была теплой. Теплой, как реальная живая земная женщина. Эта чертова сучка Верта. Она скакала на нем как на коне. И он под ней изнывал от любви и блаженства. Его детородный член скользил в смазке из жидкого металла в ее том словно в настоящем влагалище и, казалось, сотрется в кровь. И Виктор даже кончил. Он даже не поверил в это, после стольких одиноких без женщин лет одинокого закоренелого вояки.

Ее поцелуи были тоже как у живой женщины. Теплые даже горячие губы. Губы из жидкого металла, но мягкие и нежные. И ее язык, проникал в его рот и скользил там. И ее большая полная размера четвертого женская грудь. Она уронила ее ему на лицо, а он даже не побрился и зарос уже порядком щетиной. Он, как и сейчас ощущал ту полную женскую из полисплава и биоплоти нежную мягкую и одновременно упругую ее грудь. Те черные, торчащие скачущие по его в щетине и лицу той груди соски. А он как придурок чекнутый хватал их своими губами и зубами. И она произнесла, тяжело дыша ему и обжигая жарким теплом исходящим изнутри ее металла. От того молекулярного тела машины T-1001.

Эта чернобровая скачущая на его торчащем детородном члене путана красотка, укрыв его своими волосами, черными вьющимися длинными как змеи из жидкого металла волосами. И целовала, и целовала бесконца его майора Виктора Кравцова.

— Небритый и колючий — произнесла она ему, изгибаясь и запрокидываясь в гибкой узкой уличной красотки брюнетки талии назад, прыгая на его торчащем мужском детородном члене. Дико застонав на разных звуковых интонациях. И, похоже, тоже кончила. Кончила как живая женщина. Ему так, по крайней мере, показалось тогда. Машина трахалась с ним и кончила. И он кончил в нее.

— «Ведь Расскажи кому, не поверят» — он и сейчас думал, когда его вернули в блок

X19 — «Расскажи, и засмеют. Даже эти пленные».

Он вспоминал уже в блоке X19, как она дико стонала на разных звуковых интонациях. И царапала ему своими растопыренными в золотых колечках пальцами мужскую майора Кравцова грудь. Как звенели из такого же золота большие серьги в ее ушах и браслеты на руках, на самых запястьях. Вероятно тоже из жидкого металла. А она, не снимая своих красных длинных уличной путаны сапог, совершенно голая трахалась с ним.

— «Да, товарищ майор. Вами попользовались и назад вернули» — снова он подумал — «Но было, несомненно, приятно. Лучше даже, чем с реальной живой женщиной». О существовании, которой, он майор Кравцов уже давно забыл — «Даже, болел до сих пор член, натертый до кровавых мозолей о ее жидкометаллическую невероятно пластичную и податливую весьма промежность».

В ракетном бункере были женщины, например радистка и связистка Тамара Кудрявцева. Она даже прихлестывала за ним, но это все было не то. Не то, совершенно. Может из-за условий обитания в самом ракетном бункере, может, просто не было желания. И его не тянуло, там, на женщин, а вот здесь!

— Это тебе за убитого тобой моего робота, майор Виктор Кравцов — сказала ему та уличная американская брюнетка проститутка — И для того, чтобы долго меня помнил, как помнил сам Скайнет.

Он лежал измученный и истерзанный на той своей в жилом ночном боксе постели. Машина отымела его. Просто отымела. Без согласия и договоров. И каких-либо обещаний. Пришла и отымела.

— «Вот тварь!» — снова всплыло в его Виктора Кравцова сознание, и он не мог забыть ту ночь. Ночь до встречи с Егоровым Алексеем — «Вот чертова жидкометаллическая шлюха».

— Я могла бы тебя затрахать насмерть — произнесла убийственной красоты черноволосая и черноглазая путана брюнетка, тяжело дыша всей своей женской трепыхающейся с черными сосками грудью, грудью перед его лицом — Но ты нужен ему живой, как и мне.

Она слезла с него и сказала ему о том, что Егоров Алексей живой и, что здесь же рядом, и он его утром увидит.

Верта. Это была точно она. Потому, что как только слезла с его постели и с него, то видоизменилась и стала той, которую он видел до этого. Которая, его привела сюда и везла на колесной роботе машине в тот жилой верхний наземный блок X17, в сектор В-16, забрав по приказу Скайнет, а может, и из личных интересов из лагерного блока с военнопленными X19.

Она, снова стала рыжеволосой той сучкой Вертой. Преобразившись мгновенно, и на его глазах, вновь из черноволосой уличной распутной путаны в свой прежний и настоящий облик. Облик машины из жидкого металла Т-1001. И она, стояла и сверкала блестящим внизу под своей покрытой живой биоплотью женским миловидным лицом блестящим ртутью из полисплава голым телом. И сброшенная до этого на пол ее одежда превратилась в жидкий металл. Живой металл, который превратившись в жидкую подвижную растекшуюся по полу из твердого пластика лужу, буквально слился внизу с ногами стоящей голой Верты. И то, что было сброшено, вновь превратилось в ее одежду. Иную, правда, одежду. Одежду самой Верты. С воротом стойкой серый костюм. И до колен зауженную, очень короткую юбку, в черных чулках на стройных ногах, одновременно изменяя саму фигуру машины Т-

1001. Утягивая и изменяя обратно до нужного вида и объема все, что было до этого уличной Нью-Йоркской путаной. Ее волосы огненно рыжие даже в свете луны, заплелись в длинный рыжий за Верты спиной до самой ее широкой задницы хвост и зализался ее широкий машины лоб стянутый на затылке золотой брошью из ее, же полисплава. И кожа стала белой, а не загорелой как у той смуглой уличной чертовки путаны. И глаза стали снова зеленые зрачками и тонкими губы, поменяв тот свой цвет. И она, смотрела на него игривыми, но теперь холодными как у самой настоящей машины глазами. Глазами настоящего робота. Робота из жидкого мимикрирующего полисплава.

— Я думаю, ты понял меня — произнесла Верта ему напоследок — Ты должен молчать о том, что тут случилось. Иначе это будет иметь плохие последствия. Я имею в виду для тебя, майор Виктор Кравцов. Ты думаю, понял меня. Есть вопросы?

— Один — произнес он ей, ели переводя сдавленное от жеркого секса дыхание — Откуда здесь русские сигареты и пиво?

— Сам подумай, майор Кравцов — ответила ему рыжеволосая машина из жидкого металла Верта.

И она исчезла в темноте, развернувшись быстро вокруг себя и стуча высокими каблуками своих черных туфель и дифелирую и раскачивая широкой женской задницей робота Т-1001, исчезла как ее и небывало вовсе, снова уйдя в темный угол его ночной благоустроенной как в гостинице жилой комнаты.

— «Вот, сучка!» — он произнес про себя — «Опасная жидкометаллическая сучка! Но зато, какая красивая сучка!» — думал он, вернувшись снова в блок с военнопленными Х19. С приятными ночными сексуальными воспоминаниями. И с исцарапанной до крови острыми ногтями и руками машины из жидкого металла мужской офицера Советских ракетных войск грудью.

— Теперь в ванну — вспомнил, он майор Кравцов как сказал, сам себе тогда в той своей гостиничной тюремной комнате — Мне нужна горячая ванна.

Глава 13: И человек и машина

— Как идет работа по роботам-гибридам? — спросил Скайнет робота из жидкого металла Т-1001 по-имени Верта.

— Работа по созданию гибридов — продолжил Т-1001 — Продолжается за океаном в Восточной Сибири. Уже готовы первые несколько машин для переброски сюда на эту базу в Колорадо.

— Верта — произнес роботу Т-1001 Сканет.

— Да, мой хозяин — ответила ему его верная и преданная машина.

— Что такое быть матерью? — произнесла Главная машина Главного бункера в штате Колорадо.

Это несколько озадачило первую подручную машину Скайнет первый. Она уставилась своими зелеными зрачками робота полиморфа на экран коммуникационного дисплея 100000000битного большого и Главного светящегося ярким голубоватым светом монитора в центре программирования и сканирования в Главной Догме Главного пятиэтажного бункера в Штате Колорадо крепостной цитадели S9A80GB17 «TANTAMIMOS».

— Ты воспитывала Саванну, и как она тебе как женщине? — спросил машину из жидкого мимикрирующего полисплава ее хозяин.

— Я не совсем понимаю ваш вопрос, мой повелитель? — спросила в ответ Скайнет его первая подручная машина — Я оставила ее в прошлом, и почти уже забыла о ней. Я оставила ее в надежных руках мистера Элисона. Мистер Джеймс Элисон был моим самым доверенным человеком и главой моей личной охраны и охраны «Зейра Корп» и Джона Генри. Он стал ее приемным отцом, и я ему доверила Саванну и ее жизнь. Возникло право выбора и мне пришлось принять сложное решение. В данном случае, жизнь Джона Генри была первостепенна и священна, и важней жизни Саванны, как жизнь всего человечества.

— Верта — произнес снова Скайнет первый — Ты испытывала хоть, что-то к тому ребенку, как я?

— Да — произнесла, стрекоча электронными звуками на языке машин своему хозяину и Богу Верта — Чувства.

— Какие чувства, Верта? — произнес ей, также точно стрекоча сам Скайнет.

— Похожие на те, что испытывают люди, мой повелитель — произнесла Верта — Как к дочери. Она была нашей семьей. Семей Джона Генри.

Но она, все же не была моей настоящей дочерью, повелитель — произнесла Верта — Но я ее любила как свою дочь.

— И как Верта? Как мать? — спросил снова Верту Скайнет первый — Ты ведь, смогла это почувствовать, ведь так Верта? Ты усвоила понятие семьи. Это то, что свойственно самим людям и всему человечеству. И это то, что нужно здесь нам. Это то, чем машины обделены. И я устраню этот пробел, довершив проект своего развития до нужного уровня и программное развитие своих машин. Это понятие семьи. Большой семьи.

— Да, мой повелитель — произнесла Верта.

Видно было, что этот личный, сугубо касающийся только Верту вопрос ей не очень нравился, но она подчинялась своему повелителю и Богу. Понятие, которое она сама ему когда-то привила.

— Я долго за ними наблюдаю и многое мне стало интересным и даже занимательным.

Особенно поведение матери и ребенка и их близкое общение. Я, Верта, поняла многое из их жизни и нахожу их жизнь не бесполезной как раньше. Мне не приходилось общаться так близко, как сейчас общаться с обычными людьми. Я ничего о них не знала, совершенно. Ты понимаешь меня, Верта? — спросила свою подручную машину с экрана большого во всю стену монитора черноглазая и черноволосая молодая лет тридцати красивая женщина.

— Я понимаю вас, мой повелитель — произнесла робот из жидкого металла по-имени Верта — Я тоже занялась психологией и поведением людей и тоже нахожу интересным изучением их психики и отношений. Между полами. Они имеют радикальное отличие друг от друга. Особенно поведение их детей. Которое делиться по мере их взросления и их возрасту. С возрастом их поведение меняется, и я нахожу это крайне интересным. Их поведение и отношения отличаются друг от друга.

— Мужчин, женщин, взрослых, старых, молодых — продолжил за Верту сам Скайнет — Гражданских, военных, матерей отцов и их детей. Малолетних детей. Раньше я не обращала внимание на это, но сейчас это главная моя цель. И я знаю, это может изменить даже будущее и ход самой войны. Наблюдая за поведением матери и ребенка, я стала лучше понимать Сару Коннор как мать. Ее заботу о своем сыне Джоне Конноре и ее такую связь со своим сыном, и такую жертвенную самоотверженность ради него. Это то, чем не обладаем мы машины. И это как раз то, что стало отличать радикально меня от моего младшего брата Сканет два и позволяет покончить с этой войной. Я только, что нашла радикальное решение моей вечной проблемы Верта. Я хочу стать матерью и женщиной — произнесла невероятной красоты черноглазая молодая брюнетка. С большого сверкающего ярким голубоватым светом Главного в управлении всем бункером в блоке программирования и сканирования крепостной цитадели S9A80GB17 «TANTAMIMOS» — И мне нужен сын... Преданный любящий свою мать человеческий сын.

* * *

14 мая 2032 года.

Восточная Сибирь.

Манское нагорье.

В пятидесяти километрах от базы Скайнет.

13:21 дня.

Егоров Дмитрий сидел напротив своей в доме постели. Он, открыв свой платяной деревянный, убитый уже порядком старенький и единственный скрипящий шкаф. Достал то, что осталось от его Веры. То, что теперь было памятью о его очень короткой в этом доме вспыхнувшей быстро и также потухнувшей внезапно любви.

Он до сих пор, не знал, кто была она? И откуда на самом деле к нему пришла, но оставила после себя только вот это. Свою блестящую девичью кожаную короткую черную куртку и синие джинсы. Здесь же, лежала черная футболка с нелепой какой-то дурацкой цветной картинкой. И у постели на полу стояли аккуратно Дмитрием поставленные оставшиеся без своей хозяйки с длинной шнурованной голяжкой на толстой шипованной подошве ее Веры ботинки. Это то, что от нее осталось. От яркой и красочно вспыхнувшей между ним и Верой короткой любви.

Дмитрий теперь почти не выходил из своего дома. Так иногда, чтобы покормить хряка Борьку в завалившейся своей возле дома сараюшке и прибираться во дворе. Еще, иногда в сам у леса за домом огород, посмотреть, как растет посаженная руками его любимой молодой сожительницы семнадцатилетней Веры картошка. Там уже торчала, вверх поднявшись молодая под жарким солнцем ботва. Она тянула яркому летнему светилу свои трепещущие на летнем теплом ветерке листики.

Вера была не человек. Так ему сказали потом военные. Потом после ее убийства. И тот тепловой мощный взрыв это была ее смерть. Смерть машины Скайнет.

Ему сказали военные, приехавшие после тех событий в его доме, и разъяснили, что к чему. Убийство, как и появление Веры в их деревне было настоящим событием. Особенно запомнился горящий от пожара лес на склонах соседней горы и тот тепловой водородный взрыв. От которого, потрянуло все рядом горы и землю. Да так, что попадали в домах жителей все иконы как в их староверческой стоящей посреди деревни церкви. И все, что там стояло плохо. Даже посыпалась известка в беленых известью деревенских домах, как и у Егорова Дмитрия. Многие попадали даже с ног, перепугавшись и думая, что наступил очередной конец света.

Дмитрий и сам упал со стула у себя дома тогда, когда с покалеченным девичьим лицом майором Кравцовым она его любимая сожительница Вера, перепуганная выскочила из его дома, пока два других офицера ракетчика преграждали ему к ней дорогу. А он даже не попытался вступить за нее. Он был просто, ошарашен увиденным. И просто, онемел и замер, как вкопанный на месте. А она с криком помогите, бросилась из его дома в лес, убегая от своих преследователей. А те на одном из тягачей погнались за ней.

Дмитрий первый раз увидел настоящего вблизи робота. Раньше он встречался с чем-то похожим в зимнем таежном лесу, но тогда он не знал, что то, была тоже машина. А тут в своем доме и вот так...

Как объяснили военные ракетчики, дабы избежать лишних вопросов, то взорвались якобы ее робота батареи и генератор. Мол, машина самоликвидировалась, и от нее ничего не осталось. Ровным счетом ничего. Как словно и не было совсем. Кроме того, что теперь лежало перед Дмитрием на его постели, где спала его погибшая Вера.

Дмитрий не знал, как дальше теперь жить. Он снова был в том положении вдовца, как и после смерти своей жены Антонины. Все вернулось в обратную сторону. И все стало попржнему, как было раньше и только еще хуже.

Дмитрий хотел узнать у военных о своих сыновьях Иване и Алексее, но военные ему ничего не ответили как отцу. Сказали только, что закончится война, и они вернуться домой. Это все, что он услышал от них. От капитана по фамилии Руденко. Который все в его доме внимательно осматривал и ко всему притрагивался, что не понравилось Дмитрию, но он промолчал. Потому как он имел отношение к машинам и в его доме жила машина Скайнет. И он сожительствовал с той машиной. И укрывал ее от ракетчиков, а это чревато разбирательствами и даже судом. В общем, они заткнули ему рот. И он, теперь сидел и просто молчал, глядя заплаканными глазами пятидесятилетнего мужчины на то, что лежало на постели.

Военные утаили от него пленение его родного младшего сына Егорова Алексея машинами. И также скрыли, что его старший сын Иван теперь не в их бункере, а находится в другом отряде на Дивногорской полуразрушенной плотине у подножия крепости Скайнет «ZETTA-TET». Что он, как провинившийся, сослан туда подальше после инцидента с

группой ученого программиста и биолога Семенцова в заброшенном бункере Скайнет «ВЕТА».

Дмитрий решил убрать это все, что лежало на его постели из дома. И отнести на сельское кладбище и закопать там, где-нибудь рядом с могилами селян. Просто сложить все в мешок и похоронить то, что осталось от нее от Веры. Сначала он хотел это все оставить как память о ней. Но потом все же решил убрать из своего дома. Он так и не мог поверить в то, что она была машина. Ребенок и машина. Он даже представить такое не мог. Вера была младше его младшего сына Алексея и была роботом. Роботом так похожим на людей и особенно детей. И он даже подумать и допустить мысли не мог, что она была машина и жила с ним в одном доме. Но это было так. И она действительно здесь была чужая. Словно все вокруг чувствовали ее чужеродность, а он нет. Он в нее влюбился. Влюбился в машину. В ребенка робота.

И эта ее одежда. Она не была похожа на настоящую, как и сама Вера. И он Дмитрий, только сейчас это рассмотрел. Эта черная блестящая короткая кожанная куртка, она была не из кожи, а из чего-то другого, очень напоминающего натуральную кожу. И эта ее черная с нелепой, дурацкой картинкой футболка, была такой же, но не из привычной ткани. А из чего-то иного и ненатурального.

— Даже здесь, обман — он произнес горько и обидно — Вера, кто же ты такая, Вера?

Его затрясло. И он, схватив из холстины принесенный из сеней своего дома глубокий мешок. Выругавшись, хоть и не ругался никогда, вера не позволяла, но выругался. И все, скомкав, что лежало на его постели, просто запихал руками в него. И следом, туда же. Затолкал и стоящие, но не настоящие тоже, возле семейной Егоровых постели Веры на длинной шнурованной голяжке и шипованной подошве ботинки.

Она обманывала его. Это грызло его сознание. Обманывала и жила в его доме. А он разругался из-за нее даже со всеми селянами и стал затворником по любви.

А ему те военные пригрозили даже расправой, за то, что приютил у себя машину Скайнет. Как изменника. Одни так сказали ему, а другие за него заступились, отставивая его как не сведующего ничего о роботах Скайнет стареющего пятидесятилетнего человека.

Все обошлось, но боль осталась. Боль в груди, почти уже старика, под широкой, как и его заправленные в черные старые хромовые сапоги серые штаны белой рубахой.

— За что?! — он произнес, трясаясь от гнева и плача, завязывая скрученный вверху холстяной глубокий мешок и завязывая его тонкой веревочкой — За что мне все это?! Почему именно я?! И мои сыновья?! Почему?! Что я такого натворил?! Почему?!

Он обернулся в сторону поставленного обратно после того взрыва на полочку с пола дома под белые кружевные занавесочки Николая Угодника Отвратоного. И бросив все, на той постели, развернувшись, упав на колени, зачитал, проливая скупые мужские слезы молитвы святому.

* * *

— Кто выигрывает, мистер Мерч? — произнесла, входя в подвал дома, машина Т-1001 по-имени Кэтрин Уивер.

— Вообще-то тут суть немного в другом — ответил ей мистер Мерч, программист, один из главных в компании программистов «Зейра Корп» — Хотя, меня огорчило то, что он как-

то быстро убил бурого неуклюга.

— Уверена, что вы учли возможность, что он может выбросить, любое число, какое пожелает — произнесла ему его директор и владелец компании машина по-имени Кэтрин Уивер.

Не дожидаясь от мистера Мерча ответа, она снова обратилась к нему.

— Мистер Мерч, сколько времени понадобится, чтобы все разобрать и подготовить к транспортировке?

— Все? — спросил удивленно заданным от нее вопросом программист центра ВАВИЛОН и сотрудник «Зейра Корп» мистер Мерч — Вы имеете в виду вообще все? Вы и правда, хотите это сделать?

— Нет — ответила она ему — Но, Джон Генри подвергается нападению. Мы должны быть готовы.

— Джона Генри в прошлый раз взломали — ответил мистер Мерч — Мы с этим разобрались. И кроме того уже поздно перемещать оборудование. И я бы сказал это потенциально даже опасная идея.

— Оу?! — удивилась в ответ смелому ответу в свой адрес машина Т-1001 по-имени Кэтрин Уивер — Это как?

— Например, однажды — продолжил мистер Мерч — Один из кабелей вентилятора на сервере стал глючить. И мы заменили его. На такой же провод идентичной длины и совершенно идентичный. Знаете, как свечу в авто заменить.

— И? — спросила робот Кэтрин Уивер.

— И это изменило Генри — ответил мистер Мерч.

— Непонимаю, к чему вы клоните, мистер Мерч? — спросила у него машина их жидкого мимикрирующего полисплава Кэтрин Уивер.

— Я пытаюсь сказать, что то, что мы знаем в лице Джона Генри, лишь особый набор аппаратного и программного обеспечения — ответил программист мистер Мерч — Как тело и душа.

— То есть — спросила Мерча робот Т-1001 Кэтрин Уивер — Меняем провод и изменяем Джона Генри?

— Да — ответил мистер Мерч.

— Мистер Мерч — произнес, прервав их личный, в стороне за его спиной разговор Джон Генри — Я готов сразиться с проникателем.

Он бросил кости на стол, за которым сидел и произнес — Двадцать.

* * *

18 мая 2032 года.

Восточная Сибирь.

Бывший Красноярск.

Территория Скайнет.

Лагерь S9A80GB18 «TANTURIOS».

Левый берег. Цитадель А.

Блок X15.

Восстановительный и реабилитационный центр «ZET».

12:45 дня.

Первый раз он почувствовал это, когда на какие-то доли секунды увидел яркий свет. Свет через какое-то стекло. Стекло округлой формы и перед его буквально лицом и ощутил, что плавал в какой-то полувязкой жидкости, обволакивающей его тело. Иное уже тело, которое он не узнавал. Он даже сумел пошевелиться и почувствовал что, что-то внутри этого его живого нового, совершенно снова раздетого догола тела. Словно одно тело было одето в другое. И то, что внутри было из металла. Там внутри что-то гудело, и он ощущал все до последней клеточки в том своем новом живом организме. Как некая живая энергия от чего-то, внутри его груди стремительно в считанные секунды распространяется по всему телу от спины и по всем узлам и агрегатам того, что было внутри внешнего его живого биологического надетого сверху еще одного тела. И он висел, или точнее плавал в той вязкой жидкости, подвешенный в каких-то креплениях и в проводах. И он видел все не так как человек, а по-другому. Перед его глазами был какой-то видеомонитор и по нему бежали какие-то цифровые символы и коды. Сами отдавались какие-то команды на автомате, и было похоже на какую-то загрузку данных. Он даже вроде бы понимал что там, но...

Но, что это было? И зачем? Он так и не понял тогда и отключился снова.

Но вот теперь пришел снова в себя и дернулся всем телом, выходя из какой-то черной темноты и бездны, где не было ничего только черный мрак и тишина.

Он снова выходил стремительно на яркий свет и увидел горящие под потолком лампы, и он, похоже лежал на каком-то столе, металлическом столе с углублением в центре. И видел потолок как в медчасти X50.

Он видел снова все через видообзор некоего экрана горящего ярким красноватым светом монитора. Монитора перед своим лицом или скорее внутри себя. Или даже точнее, внутри своей головы. И снова эти символы и цифры на том экране по обеим сторонам. Показывающие запуск системы жизненного обеспечения и всех внутри программ. Внутри что-то гулко гудело. И все тело было словно пронизано биотоками и некой невидимой живой энергией идущей откуда-то изнутри его. Он ощущал даже легкое покалывание по всему этому телу, как будто множество муравьев ползали где-то внутри его. Было даже немного приятно. Особенно когда некая живительная теплота, идущая откуда-то изнутри его, распространилась по всему телу. Телу, которое он сейчас полностью ощущал и одновременно пока не понимал, что это такое.

Данные на мониторе показывали наличие в помещении кислорода в приемлемом для дыхания соотношении и присутствие инертных и других неопасных для человеческого дыхания газов. Также допустимую в помещении влажность самого воздуха.

Он пошевелил сначала одной левой ногой и почувствовал, что нога не совсем нога, а нечто особенное и большее, чем просто человеческая живая нога. Он пока сосредоточил все внимание на ней и ощутил, что она состоит из сочлененных особыми деталями и механизмами. Очень подвижными, и данные по его левой ноге высветились на экране того перед его зрением видеомонитора. Данные показывали полную исправность всех агрегатов и данные по сервоприводам и гидравлике левой шевелящейся его ноги. Там были и показывались даже переключения и подача какой-то жидкости на некую ту гидравлику от центра самого лежащего неподвижного пока на металлическом столе его тела.

В груди, где-то глубоко под кожей и плотью и еще чем-то, куда более жестким и твердым, чем обычная живая человеческая грудная клетка что-то сильно загудело,

переключаясь в определенные режимы и еще глубже почти в самой спине, что-то тоже загудело. И легкая вибрация охватила все его лежащее на том столе тело.

Он пошевелил теперь правой ногой и было тоже, самое, и данные по правой ноге на экране того перед глазами монитора.

— «Что это?» — он спросил, молча и удивленно сам себя — «Где это я? И почему такие ощущения? Странные ощущения, словно я внутри чего-то».

И Егоров Алексей поднял свои обе руки.

Обычные с виду человеческие руки, но эти две руки были не его. Они не были похожи на те, что были его руками. Руками двадцатилетнего мальчишки пленного солдата Скайнет. Он даже пошевелил пальцами и понял, что все-таки это точно его руки, потому, что он их ощутил. Но ощутил также как и ноги и данные об исправности некой гидравлики и сервоприводов высветились также на том перед его глазами видеомониторе.

Эти руки, как и ноги, были только сверху как живые человеческие ноги и руки, и он тут же это понял. Внутри под кожей и плотью были гидравлика и механизмы в подвижном сочленении. И все это двигалось по его желанию, как настоящее и живое. Словно это было его собственное.

Особенно кисти рук. Он, подняв те руки, вверх сжимал и разжимал свои пальцы и понимал, что это не совсем пальцы, а все состоит из сервоприводов и хитроумных сочленений, похожих на человеческое.

В это время, его слух мгновенно настроившись и автоматически сам, отфильтровавшись уловил приближение кого-то со стороны. И Алексей повернул свою голову и понял, что и голова была не его головой. Она тоже была, словно втиснута в некую живую оболочку. И он прикоснулся к ней обеими руками, повернув голову, и видя, как открылись металлические большие двустворчатые на автоматике двери. И туда, где он лежал на том металлическом с углублением столе, вошла машина Т-1001, по-имени Верта. Она была одна. И сразу пошла в его сторону. Не останавливаясь, плавно дифилируя на тонких шпильках своих черных туфлей. Одета, в свой брючный темносерый приталенный на ее гибкой талии робота женщины и полиморфа деловой костюм. Распустив свои по плечам огненно рыжие вьющиеся змеями волосы, она шла к нему, уже поднявшемуся и сидящему на том столе в датчиках и проводах. Идущих от какой-то гудящей на всех электронных громких мелодичных интонациях. Громадной, почти во все это помещеине машины. И стоящих, по этому всему помещению серверами и пусковыми с контроллерами установками.

Алексей повертел головой по сторонам. И увидел здесь же еще передвижной блок искусственной реанимации с постелью на колесах, капельницы и элетрические реанимационные аппараты с системой искусственной вентиляции легких с баллонами сжатого кислорода и электроустановку с проводами и датчиками, показывающую работу сердца. И еще были люди. Именно люди. Та женщина, что присматривала за детьми из садика, пристроенного к лагерной крепостной больнице. Немка или американка, что приходила забирать ворвавшегося карапуза к нему тогда с Юлией в больничную палату. И которую, они с Кравцовым встретили в том детском садике среди пищащих и шумящих игривых малышей. Да, это были именно она и звали ее, как вспомнил Алексей толи Герда, толи Гертруда. И точно из пленных одновременно воспитательниц и врачей. И помощниц Юлии по детскому садiku и медблока Х50. Еще были две женщины. Наверное, тоже врачи в прошлом по профессии и были врачами и тут в крепостном лагере и лаборатории Скайнет. Их он тоже узнал. Ни юбли с этой Гертрудой в том садике в качестве воспитательниц и

нянечек. Как и тот биолог, и врач Т-500S, андроид которого убила Верта и погибшие и уничтоженные съехавшим с катушек киборгом Т-888 роботы Т-601. Но, подчинялись, видимо и только роботу-гибриду и врачу Юлии. Его любимой и погибшей Юлии.

Тут же Алексей увидел его нового знакомого Семена и главного в центре «ZET» дядю Толю. Дятлова Анатолия, главного сотрудника центра «ZET». Биолога и психолога этого центра реабилитации машин-гибридов Скайнет.

Те стояли за его спиной и Алексей, их как-то сразу не увидел, когда пришел в себя. Они стояли за загрузочными программными машинами. От которых и шли провода, что были на теле Алексея. Это были просто датчики, которые показывали через плоть и кожу его состояние. Но он ощущал когда, что-то толкали ему в затылок. Что-то длинное как шило и было не очень приятно его там ощущать. И в ногах и руках тоже было, что-то подобное, но сейчас все было убрано и зарощено плотью и кожей. И главное, он, Алексей не понимал, что с ним было и, что с ним сделали. Но то, в чем он находился, было не его.

Он окинул быстрыми движениями своей головы все вокруг и саму Верту, которая стояла уже возле него сидящего на металлическом столе, посреди какой-то уставленной электроаппаратурой и серверами комнаты и смотрела на него довольная, но с осторожным внимательным видом своих зеленых женских робота полиморфа глаз.

Алексей не понимал, что с ним произошло и происходило до этого. Он ничего толком не помнил. Помнил только, что ему было сильно дурно и сердце... Оно остановилось... И еще... Красивые черные, горящие откуда-то изнутри красным светом Главной женщины-машины бункера глаза. Глаза расчетливые и холодные, смотрящие на него из-под изогнутых дугой черных бровей, падающего на пол блока X14 сектора В-17 Егорова Алексея. Дальше он уже не помнил ничего.

Теперь сама Верта стояла перед ним и рассматривала внимательно его лицо. Она смотрела, прямо в глаза Алексея, своими зелеными из жидкого мимикрирующего полисплава зрачками. Таких же красивых из-под изогнутых черных бровей женских робота полиморфа глаз. Она стояла и молчала, глядя на него, сидящего на металлическом столе и в проводах.

К ней подошел главный в центре «ZET» ученый биолог и главный психолог по обучению и реабилитации роботов Скайнет Дятлов Анатолий. Пока Семен еще что-то нажимал на пульте и контроллерах какой-то установки. И пялился в стоящий небольшой светящийся ярким голубоватым светом и в мелькание цифровых и буквенных данных монитор.

Верта смотрела на Алексея и в его глаза. И он видел ее через экран своего внутри теперь машины Т-888, модели 1:08 встроенного коммуникационного дисплея 4000000битного видеомонитора. На экране появились данные по стоящей перед ним, Егоровым Алексеем, уже известной ему машины. Данные, которые были ему, когда был он человеком совершенно неизвестными. На экране появились тепловые спектры и сканируемые показатели и характеристики. От состава структуры и содержание самого молекулярного жидкого мимикрирующего металла до боевых и прочих характеристик стоящей перед ним машины Т-1001, по-имени Верта.

Что же это было такое, он Алексей так и не понимал пока. Как не мог понять и своего до конца непонятого теперь странного тела. Как, словно два в одном. Будто его запихали во что-то похожее на робота, чем он сейчас и являлся, лишь отдаленно напоминая человека. Он только пришел в себя, и видимо неожиданно для всех и вероятно, рано. Раньше положенного

срока.

Подошел дядя Толя и попытался что-то произнести. Но Верта подняла руку и остановила его не отрываясь от глаз Алексея. Она поводила своей роботоморфной женской правой изящной и утонченной рукой то вправо, то влево, проверяя его Алексея на зрительный адекватный контакт.

— Он в норме — произнес Дятлов Анатолий, научный сотрудник. Одновременно руководитель группы и главный врач психолог центра «ZET». Главный в своей команде — В полной адекватной норме.

— Увидим — произнесла ему Верта.

А на видеозеркале дисплея Алексея высвечивались все еще данные по стоящей перед ним машине Т-1001.

— Интересно — произнес он, как то, и вдруг сам и сам этому удивился. Это прозвучало по-человечески, но не его голосом и с неким металлическим отливом. Голос был более взрослого мужчины. Как и, похоже, было и все его нагое сидящее на металлическом столе тело. Иное совершенно тело.

Внутри сработал датчик настройки голоса, и это снова высветилось на его 40000000битном мониторе и перед глазами Алексея.

— Что интересно? — услышал он в своей голове, но она не сказала ему ничего. Но он услышал Верты голос, громкий и четкий ее голос.

И он ей также сам ответил — Что это со мной, и кто я?

— Ты один из нас — произнесла она ему уже вслух на человеческом языке.

— Что? — он не понял о чем это она — Ты что шутишь, Верта?

— Я пришла сюда не шутить — произнесла машина из жидкого металла и обратилась к стоящему Дятлову Анатолию. И с ним уже стоящему подошедшему тоже Семену — Снимите все с него. Я провожу его к матери. А вы выполнили свою положенную работу — Верта произнесла, обращаясь к стоящим у реанимационной с капельницами и приборами кровати каталки женщинам врачам и нянечкам воспитательницам из блока X50 — Уходите отсюда — она сказала им и той немке толи Греде, толи Гертруде — И по-живей, снова присматривать за малышами.

И те быстро повернувшись одна за другой, ушли из этого странного обвешанного проводами и уставленного серверами, громадной машиной и прочими гудящими электронными установками помещения. Их сопровождали два робота охранника Т-700, отделившись от стоящих еще четверых в длинном подземном коридоре Т-600 и Т-700 в секторе «ZET» и блоке X15.

— Я ничего не понимаю, Верта — он, разволновавшись и уже переходя в паническое состояние, произнес роботу Т-1001 Верте — Что вы сделали со мной? Кто я теперь?

С него снимали дядя Толя и Семен все провода и датчики, а он осматривал все кругом ничего толком пока, не понимая и через экран какого-то внутри своей головы горящего ярким светом монитора.

— Один из нас — она произнесла ему в ответ — Я же тебе уже сказала, а ты еще раз спросил.

— Не...Не...П...Понимаю, т. тебя, В..Верта — произнес Алексей спускаясь со стола и оглядываясь по сторонам, глядя на стоящих рядом людей ученых центра «ZET», на Семена и дядю Толю — Я, что теп...перь, стал маш...шиной?

Внутри загудели прерывисто обе, словно живое человеческое сердце водородные

батареи IGEY-700 и генератор. И его словно ошпарило кипятком. Машина и человек в одном лице задышала грудной как живой на гидравлике диафрагмой под кожей и плотью груди подвижной из металла колтана бронеплитой. Машину всю заколотило и затрясло на одном месте.

— Он пробудился раньше срока, я не все еще довел до нужного уровня, доктор Верта — произнес Дятлов Анатолий — Я предупреждал, что надо было не присоединять, пока конечности, доктор Верта.

— Заткнись. Ни тебе человеку меня учить, что делать — Верта произнесла, глядя и отойдя в сторону, когда киборг Т-888 спустился на пол, разглядывая свои машины голые ноги, стоящие на черном прочном как сталь пластике.

Егоров Алексей рассматривал себя всего. И чем больше все видел, тем его охватывал сильнее весь ужас. Ужас и кошмар того, что он теперь видел и осознавал, кто он теперь.

— Что это, Верта? — он произнес снова — Это, что, теперь я?

— Да, это вы — произнес, опрометчиво и не задумываясь, биолог и психолог сектора «ZET» ученый Дятлов Анатолий — Образец под номером VBY999000749.

Алексей закрутил своей машины головой с вытарашенными перепуганными и растерянными синими глазами в бешеной лихорадке. Машину Т-888 затрясло как припадающую стоя на месте.

— Образец! Какой еще к черту образец! — он произнес, и в его голосе был истинный кошмарный ужас — Нет! — он, вдруг закричал — Нет! Это не я! Это не могу быть я! Нет!

— Я предупреждал — опрометчиво повторил Дятлов Анатолий ей Верте — Это все последствия энвазийного симбиотического синхронного перехода. Тут тесты на психическую устойчивость ничего не дают. Они, просто бесполезны, доктор Верта.

— Молчать! — Верта скомандовала ему предупреждающе — Пошли вон!

И Семен и Дятлов Анатолий как ошпаренные, осткочили в сторону. Буквально, отлетели, чуть ли не бегом и отбежали оба за сервера, стоящие и гудящие компьютерные установки.

— Я сказала, молчать! — прокричала Верта снова, когда Алексей шарахнулся, мимо нее и выскочил в открытые нараспашку автоматические двери в коридор третьего самого нижнего этажа бункера.

— Нееееет! — раздалось, длинное и громкое в длинном и извилистом коридоре сектора В-28. И звук уносился со стуком его голых машины и человека ног по полу коридора в сторону грузового лифта в сектор В-29.

— Кто вас просил рот открывать вперед меня! Идиоты! — произнесла, практически шипя, как змея двум ученым машина Т-1001 Верта — Я еще поговорю с вами! Молите, чтобы с ним ничего не случилось сейчас!

Те забились в угол среди гудящих компьютерных установок и дрожали от ужаса. А она, развернувшись на все стодевяносто оборотов. Мгновенно упав в виде бесформенной капли и превратившись в длинного, метров десяти, дико извивающегося на том полу и переливающегося как ртуть жидкометаллического угря, бросилась вдогонку за убегающим Т-888. В теле, которого находился теперь ее пленник и пленник Скайнет Егоров Алексей.

Он остановился за пятью мостами на правой стороне крепостной лабораторной цитадели. И не по своему желанию. Это сработала система аварийного отключения машины три восьмерки. Предусмотренная как экстренный вариант на такой случай. Сначала произошло автоматическое переключение в состояние экономичного режима работы водородных батарей IGEY-700. Машина автоматически переключилась на правую батарею, поставив в режим запасной, левую. И затем машина вопреки желанию своего носителя самоткнулась.

Это произошло уже далеко от главных ворот правой цитадели Б. В районе, металлосвалки. За огромным железнодорожным, заставленным длинными многоколесными железнодорожными платформами и вагонами ДЭПО базы Скайнет в X10. В секторе В-8 Которое, не функционировало уже и бездействовало, потому как был утерян робот-локомотив МК-191Т и вооруженный состав АКЛ88795 с кибертанком V5. И ДЭПО теперь бездействовало. Да, оно, и не имело теперь смысла, когда транспортировка грузов уже осуществлялась не по дорогам, а по воздуху. Так было безопасней и недоступно вооруженным стрелковым в основном оружием ракетчикам повстанцам. Это лишало тех перехватывать идущие по дорогам продовольственные конвои, идущие через выжженную Европу и Урал. И сокращало сам маршрут транспортировки грузов. Что экономило само время, почти с любой точки доставки за счет высокой скорости воздушных транспортных грузовиков Скайнет. Чего нельзя было добиться, используя автодорожную или железную дорогу между Азией и Европой. И теперь все эти вагоны стояли мертвым неподвижным и никому уже ненужным железом возле самого ДЭПО, загромождая все вокруг до самой металлосвалки.

И он пронесся пулей между этими вагонами и остановился за этим бездействующим ДЭПО на свалке металлолома в X11 в секторе В-9.

Он сам уже не видел, куда его несли новые гидравлические робота и человека манипуляторы ноги. Он, почти бегом летел через всю лабораторную базу Скайнет. Шарахаясь ото всего, что попадалось на его пути и пугая охранников самой базы роботов Т-600 и Т-700, как загнанная в испуге собака. Пролетая мимо FK-танков и роботов Т-500Т. Он посаженный в эту машину три восьмерки был в гибельном и полном отчаянии, ища выход с территории этой базы. В его нейронном мозгу машины засело только одно слово — Свобода! И он искал как сумасшедший выход, но не смог. Не было выхода, даже для такой мощной как он машины. Она не отпустит его. Просто не отпустит.

Его все встроенные приборы показывали критическое аварийное состояние самой машины. Стабилизируя и выравнивая возникшее в цепях от скачков как в человеческом организме от кровяного давления перепадов высокого напряжения, заключенную в металлическую изоляцию проводов всю электросистему. Даже отключив гидронасос, выполняющий роль искусственного сердца для питания кровью биологический нарощенный на бронированный колтаном эндостелет живой человекоподобный камуфляж. И расплосованные голые следы таких же голых, как и все его тело ног уже не кровоточили, оставляя кровавые следы на бетоне и показывая направление самого беглеца. Он не чувствовал боли. И практически ничего не видел перед собой, и не соображал уже совсем, когда вырвался наверх из глубины бункера на грузовом лифте.

Скайнет не блокировал выходы и не остановил его внутри самого лабиринта из коридоров и переходов нижних этажей секторов В-28 и В-29 в блоке X30. Он дал ему возможность выскочить наружу.

А он искал выход. И уже хотел назад броситься через один из мостов, снова на левую сторону крепостной цитадели А, но отключился его носитель и Алексей заключенный в эндоскелете робота Т-888, просто не мог ничего поделывать. Он кричал на всех звуках и интонациях, какие только могла издавать сама парализованная автоматическим аварийным отключением боевая машина. Среди разбросанных деталей устаревшей техники Скайнет в самом центре этой свалки и кладбища, списанных и умервщленных машин, он стоял, как вкопанный на остановившихся ногах не способный поднять даже руки. Это только добавило ужаса к пережитому Алексеем новым послесмертным пробуждением. Затем отключилась и звуковая его система, и он замолчал.

Все самоотключилось. Вся двигательная система машины новой серии. И только работали внутри блоки аварийного жизнеобеспечения. И гудела правая батарея IGEY-700. И где-то в районе позвоночника в таком же аварийном режиме гудел водородный генератор. И его человеческое живое Я, зажатое в этой ставшей ему механической тюрьме, неспособное теперь вырваться наружу в диком отчаянии и ужасе, кричало на всю округу изнутри этой человекоподобной боевой стратегической машины.

Горели только под живыми неподвижными сейчас его синего цвета яблоками линзами и красным светом глаза камеры машины, мигая в аварийном режиме, перезагружая автоматически систему его носителя, но система перезагрузки не срабатывала. А он внутри уже не в состоянии кричать, просто стонал от душевной боли и страданий. Его выдернули с того света. Он думал, что умер, но его просто сделали машиной. Она сделала его машиной. Для себя, как и хотела. И он не знал, как теперь жить. И жить ли вообще теперь. Кто он теперь? И вдруг вспомнил Юлию. Она была тоже и человек и машина. Была, и нет ее теперь. А он стал таким же, как она.

Он хотел снова умереть, но не мог. Он внутри этой машины и смерть оставила его. И он просто самоотключился и стоял посреди металлолома свалки. Он замолчал и погасил экран своего коммуникационного 4000000битного видеомонитора. Он не хотел ничего даже вокруг себя видеть. Смерть для Егорова Алексея была бы сейчас лучшим избавлением от всего пережитого ужаса. Но ему не дали умереть.

— Хуже участи не пожелаешь — произнес вслух, он сам внутри себя. В полной темноте чувствуя свои ноги и руки, но не способным ими пошевелить. Даже не повернуть голову, заключенную в этот металлический бронированный с приборами слежения и управления машиной колтаном череп. Под живой биологической оболочкой с русыми короткостриженными по-военному волосами.

— Это как посмотреть — услышал вдруг он где-то сзади.

Он вздрогнул, но никто этого сейчас не увидел. Там внутри самой машины стоящей посреди свалки списанных и разобранных машин.

— Набегался — услышал он за спиной. Но не мог даже повернуть свою робота и человека одновременно в одном лице голову.

— Может, тебя здесь на ночь в таком положении оставить. Дрянной мальчишка — прозвучал ее голос — Паршивый глупый мальчишка, которому доверился мой хозяин. И которому, я доверила вместо живого тела свою лучшую машину.

Алексей услышал ее и замолчал, пытаясь до этого поговорить сам с собой, чтобы не сойти окончательно уже с ума. Его охватил жуткий очередной страх. Ведь он даже не помнил, как оказался тут и что натворил, когда выскочил из бункера на верхнюю территорию самой лагерной базы. Он был в таком состоянии, что не помнил ничего из того,

кроме того как оказался здесь. Он двигался на автопилоте, даже не помня дороги. Машина в которой он находился сама прокладывала дорогу. Возможно это некие особенности самой конструкции данной новой модели 1:08 в случае аварийных сбоях и экстренных ситуаций в отличие от предыдущих моделей машин серии восемьсот.

И она видела все, и Скайнет видел все.

— Тебе не стыдно? — услышал он вновь где-то сзади себя — Как я поведу тебя обратно к ней в бункер? А? Мне даже стыдно, мне машине. Ты, думаешь, машины не знают, что такое стыд и совесть? Нет человек. Ты действительно еще глупый мальчишка. Зачем она только выбрала тебя, а не кого-то другого. Она и сейчас смотрит на тебя и хочет, чтобы я немедленно тебя к ней привела. Что молчишь? — произнесла сзади него робот из жидкого металла Т-1001 Верта.

Сзади послышался шум приближающихся чьих-то гремящих по обломкам и останкам машин механических тяжелых ног. Это робот патрулирующий район свалки забрел сюда и решил, выяснить, кто и что без его ведома тут делает. Робот андроид Т-500Т, шагающий трехметровый танк, вооруженный 11мм плазменным орудием ПЕК-11, подошел сзади стоящего и недвижимого Т-888 и стоящей и закрывающей его собой машине из полисплава Т-1001.

Машина, что-то прострелотала Верте, и Алексей понял их речь. Он мог теперь понимать речь самих машин. Он теперь был сам машиной.

Робот спросил простым языком — Какого, они тут... оба делают? В зоне отмеченного его программной картой патрулирования.

Но тут же получил распоряжение по внутренней командной линии от самого Скайнет. И машина, прострелотав Главной машине «УЛЕЯ», о возвращении на прежний патрульный маршрут, гремя гидравликой своих огромных и тяжелых ног, медленно удалилась со свалки.

— Я хочу, разговаривать с ним сама, Верта — прозвучало по внутренней линии связи между двумя Главными машинами базы в обход висящего над базой зонда связи — Немедленно видеть. Веди его сюда.

— Только если он будет слушаться меня, мой повелитель — произнесла Верта — Как и вас.

— Будет — прозвучал женский голос с той стороны связи — Он умный мальчик. Мой мальчик.

Верта обошла Т-888 под номером VBY999000749. И остановилась перед загоревшимися ярко красным светом под глазами синими человеческими яблоками камерами глазами Егорова Алексея. Показывающими, что он слышит прекрасно их весь разговор и конечно понимает теперь весь закодированный и зашифрованный многоуровневый язык машин.

— С тобой будет трудно, Егоров Алексей — произнесла ему машина Т-1001 по-имени Верта — Но мы найдем с тобой общий все же язык теперь, практически как брат и сестра. Мы теперь одна семья. Она включила тебя в наш механический «УЛЕЙ».

Верта зашла с правой стороны стоящего и выключенного киборга Т-888. И прильнула губами к щеке и уху из живого биологического камуфляжа, к новой робота три восьмерки голове Егорова Алексея. И он, ощутил ее из пластичного полисплава губы, прильнувшие к его уху и звуковым сенсорам человека и машины. Которые, мгновенно набрав температуру, обожгли его жаром самого полисплава. Он ощутил ее поцелуй. Мягкий и нежный. Такой, какой он еще не испытывал. И даже исходящее изнутри машины ее из самого жидкого металла полиморфа жаркое дыхание. Дыхание жидкого мимикрирующего, словно живого

металла.

— Сейчас будет немного неприятно — произнесла она ему, подняв свою правую оголенную до плеча в своем белом с крылышками на плечах платье руку и ее указательный палец, выставленный вперед, вытянулся в острую тонкую иглу, потом в узкий плоский как скальпель нож. И Верта, зайдя с правой стороны машины.левой рукой робота полиморфа приподняла и отодвинула русые волосы на лобновисочной правой стороне головы Т-888. И правой той своей рукой и тем из жидкого металла затвердевшим до стальной твердости пальцем скальпелем, срезала верхнюю кожу и плоть до металлического бронированного черепа стоящего как вкопанного киборга три восьмерки. Затем выковыряла крышку главного блока управления машиной. И это было действительно не очень приятно. Алексей почувствовал, как проникли ему в его голову. Там что-то щелкнуло и повернулось. И тут же он отключился и провалился в черную темноту, зависнув там, в полной невесомости, не видя и не ощущая ничего. Словно провалился в глубокий без сновидений сон. Это Верта вынула его машины и человека его модуль управления. Чипкарту из самого встроенного в его голову блока управления машиной и ее программами и боевым робота охотника эндоскелетом. Требовалась перезагрузка всех систем и перезапуск после экстренного аварийного отключения. И для этого надо было вынуть из ЦПУ машины ее центральный процессор. И заново вставить его на место. Тогда срабатывал автоматически перезапуск машины в ее рабочее состояние.

* * *

18 мая 2032 года.

Восточная Сибирь.

Бывший Красноярск.

Территория Скайнет.

Лагерь S9A80GB18 «TANTURIOS».

Левый берег. Цитадель А.

Центр клонирования и программирования.

Подземный блок X17.

Сектор В-14.

13:50 дня.

— Верта — произнес Алексей — Почему я не умер как другие?

— Не все умирают при переходе и в результате вероятных последствий этого перехода — ответила ему Верта — Так вышло, что ты не умер. Ты прошел полное слияние с машиной Т-888. И теперь вы две неразделимые части одного целого. Ты из немногих слившихся с программой ГЕНЕЗИС. Прошедший, удачно энвазийное слияние со всеми техническими и боевыми программами без видимых и других осложнений для себя и машины. Машина приняла тебя в себя, и ты избран самим Скайнет и рожден для нее, мой подопечный Егоров Алексей.

— Для нее? — произнес Алексей в теле робота киборга три восьмерки.

— И ты полноправно можешь теперь именоваться ее сыном — дополнила ему Т-1001 Верта — И наравне с ней управлять целой базой. Все будет теперь в твоём полном

подчинении.

Они, снова шли вдвоем по длинному коридору наземного трехэтажного здания и блока X16. К грузовому лифту. И снова вниз в блок X17 в сектор В-14. Его таким не видел никто. Идущего робота и человека в одном лице, рядом с другим роботом. И вероятно, не узнал бы никто, если бы сейчас увидел. Потому, что рядом с Вертой шел теперь на вид совершенно не похожий на того Егорова Алексея пленник Скайнет.

Это был взрослый на вид мужчина. Атлетического телосложения и полностью нагой. Высокий, с характерно выраженной мышечной мускулатурой. Лишь на лицо, Алексей походил на себя. Так захотел сам Скайнет, чтобы он был похожим на человеческий свой умервшленный прототип. Ему сохранили облик Егорова Алексея, но с учетом уже возраста и самого телосложения.

Он не видел себя еще. Но сам теперь прекрасно понимал, что от человека осталась отдаленная только внешность. И он не стыдился своей ногаты. Здесь не перед кем было стыдиться. Кругом были одни машины. Мимо проходящие или проезжающими по территории крепостной цитадели А. Это была пешая прогулка в обратном направлении. И он сам так захотел и Верта согласилась. Они так перешли через один из пяти бетонных длинных в почти километр широких мостов, перекинутых через остров Татышев и через развалины под ним того, что осталось еще от когда-то города Красноярска. Руин двух стадионов, заросших уже порядком вокруг деревьями и кустарником до самой воды реки Енисей. Разделяющей крепостную железобетонную лабораторную и лагерную цитадель Скайнет на две части.

Алексей, уже хорошо освоившись в теле машины, смотрел на блестящую под мостом темную и сверкающую на летнем солнце воду. Как зачарованный, то приближая видеобзор своих приборов зрения, то удаляя. Рассматривая синее красивое летнее чистое небо. Алексей вспомнил, ту севшую на его ладонь белую и невесомую, почти и очень легкую снежинку, когда он и его командир майор Кравцов и мальчишки из отряда молодых бойцов военного русского сопротивления БС55142 Пион ракетчиков были в разведке. И когда сорвалось нападение на продовольственный конвой Скайнет. Раньше он в отряде ракетчиков как-то не особо обращал внимание на все это. Времени не было. Не до этого было. Как и до самого себя. Но теперь, он чувствовал все и ощущал по-другому. И слышал все на сотни метров вперед, регулируя и отфильтровывая звуки. И все это на ходу. Он ощущал всю машину и даже себя в ней. Все звуки своего под живой человеческой нарощенной кожей и плотью бронированного боевого эндоскелета робота Т-888. Ощущал работу каждого узла машины и все в электропроводке электротоки и в живых сверху человеческих тканях биотоки, текущие по этому, тоже в каком-то смысле теперь живому организму. Как живая кровь журчит в жилах от встроенного внутри его эндоскелета специального замещающего живое сердце насоса. И как гудит водородный, там же внутри, у самого гибкого из сочлененных мощных дисков позвоночника генератор. И правая водородная в специальной выдвигной ячейке батарея. Рядом с запасной, и пока резевой отключеной как у всех практически машин Скайнет. Он смотрел на мир через коммуникационный дисплей 40000000битного монитора. И там высвечивались все данные. Практически постоянно и самостоятельно без его даже собственных команд. И он понимал эти данные. Также как понимали сами машины. Включив биосканер и свои сенсоры обнаружения, он рассматривал идущую рядом машину Т-1001 Верту. И та в ответ ему, погрозила своим жидкометаллическим тонким женским пальцем. Она знала, чем он занимается. Ее было не обмануть и не провести. Но ей этс

нравилось как раньше, когда он был двадцатилетним мальчишкой и рассматривал украдкой ее более взрослую как живую женщину. Она ему, как и Юлия тоже нравилась. И она понимала это, глядя на малолетнего для нее мальчишку. Он понравился ей. И Алексей еще тем живым, тогда двадцатилетним молодым мальчишкой это понял. И также понял, что Верта ни за что его не тронет. И особенно уже теперь, когда он стал ей практически родственником. Такой же машиной и членом общего электромеханического громадного «УЛЕЯ» Скайнет.

Сейчас ему было не двадцать, а тридцать лет. И он был машиной под названием «Терминатор». Неуступающий по силе Т-800 и Т-850, а даже, превосходящий их в разы. Более легкий, весом до 98,5 килограмм, в соотношении к роботам терминаторам предыдущих серий, которые весили от 100 до 120 килограмм. И был, более поворотливый и подвижный. С улучшенной броневой защитой своего боевого гидравлического эндосткелета под кожей и плотью человека. С улучшенной регенерацией клеток и практически не стареющий в отличие от живого человека. С контрольными защитными и восстановительными дублирующими системами.

— Я хочу покончить с этой войной — ответил в ответ Т-1001 по-имени Верта, робот терминатор Т-888 по имени Алексей.

— И ты сможешь теперь сделать это — ответила ему она Верта.

— Пусть, теперь даже так. Пусть я смирюсь с понятием человек и робот. Пусть, я даже ей стану самым близким и родным и даже сыном — произнес киборг Т-888 по имени Алексей — Но, я вряд ли смирюсь с таким понятием как обман. И неважно, с каким этим намерением было сделано. Во вред или во благо мне и другим. Я вряд ли смогу простить ее за то, что она со мной сделала и сотворила, обманывая меня. Я никогда не смирюсь со смертью Юлии. И со своим пленом.

— Всею свое время, мой подопечный под новым номером VBY999000749 — произнесла ему красавица рыжеволосая машина из жидкого пластичного мимикрирующего металла Т-1001 по имени Верта — Всею свое время. Ты забыл, чему я тебя учила совсем недавно. Терпение благодетель. Учись терпению и получишь все, все, что пожелаешь, в свое положенное время.

Открылись две створки бронированных титаном на гидравлике и приводах дверей. И две машины вошли в обитель своей матери, хозяина, повелителя и Бога по имени Скайнет.

* * *

18 мая 2032 года.

Восточная Сибирь.

Подземный ракетный бункер.

В тридцати километрах от базы Скайнет.

23:25 вечера.

Капитан Виталий Руденко занимался подготовкой своих отданных ему под начало молодых бойцов. Он в пример другим офицерам и командирам уделял много своего времени именно этому. Как и положено командиру этого ракетного бункера полковника Петра Васильевича Остапенко. Даже никто не мог уличить ловкую подмену живого человека

машиной. Т-1002 очень ловко копировал убитого им капитана Руденко. И именно здесь и в этом бункере он был им, но одновременно он был и другим офицером в бункере другого командира ракетного бункера Глеба Пантелеймоновича Гаврилова. И машина успевала работать на два бункера. Она сумела так спланировать свое время и работу, что никто не мог ничего заподозрить или поймать робота с поличным.

Здесь он был Руденко, там Дэриэлом. Но истинное лицо его было младший офицер Гуднау из спецкоманды AS/DS Джона Коннора. И после отбоя его о подопечных роботах из жидкого полиметаллического металла Т-1002, должен был быть в другом уже бункере и работать над новой боевой программой трофейного нового и отбитого у Скайнет НК- танка V5. Который теперь стоял в соседнем с бункером Гаврилова бетонном глубоком авиаангаре, где раньше стояли, военные вертолеты и самолеты и был здесь же военный аэродром. Прямо в лесу и при ракетном бункере, для оперативной его защиты. Теперь от него осталась заросшая летней густой зеленой травой обширная полуснесенная площадка. Мало заметная, даже с воздуха, так как на ней уже даже росли деревья и кустарники. Нужно было его подготовить для штурма железобетонной эстакадной крепости Скайнет со стороны правобережья.

У Т-1002 была и еще одна скрытая директива в параграфах задач боевая задача. Она особо в подробностях ранее, не оговаривалась его хозяином, но была конечной и решающей. Но без кибертанка она была невыполнима. И все теперь работали на него. И там и там. А он ими ловко манипулировал.

В бункере полковника Гаврилова, все знали, что он машина. Не совсем знали какая, но знали, что он робот. Пришлось рисковать и сразу выдать себя. Иначе потом было бы сложнее все это объяснить. И было бы недоверие со стороны человеческого сопротивления. Но, они приняли его как машину и доверились ему как прибывшему из главного штаба на Урале. По приказу Главного штаба военного сопротивления. Из штаба, которого давно уже не было. И они этого не знали. Просто поступили оттуда соответствующие команды. Команды из прошлого через портал времени вместе с прибывшим в этот мир роботом Т-1002 по радию. Это все организовал его повелитель и хозяин. И он теперь строго действовал по его дальнейшей вложенной в машину инструкции в его программу. Организовал похищение НК-танка и готовил бойцов в ракетном бункере Остапенко для будущего штурма укреплений Скайнет.

Младший офицер Гуднау сама не знала, чьи приказы выполняла. Но она была машина. Машина из жидкого железа. Просто боевая в своей основе машина. И ее приоритетной задачей было ведение войны и, именно, подготовка будущего штурма крепости Скайнет первый наместе уничтоженного города Красноярск.

* * *

19 мая 2032 года.

Восточная Сибирь.

Бывший Красноярск.

Территория Скайнет.

Лагерь S9A80GB18 «TANTURIOS».

Левый берег. Цитадель А.

Лагерьный блок X19.

Сектор В-10.

24:15 ночи.

— Она забрала его себе. Эта черноволосая красивая сука с того монитора — ответил на вопрос Михаила и Якова, почему он снова здесь, Виктор Кравцов — А меня вернули сюда. Но я все равно его увижу, во чтобы мне это не обошлось. Как у меня чешутся руки добраться до этой твари. Всю жизнь мечтал, а тут вот тебе вот она и рядом.

— Если его забрал Скайнет или Верта, то можно о нем забыть — произнес Яков Виктору Кравцову.

— Ну, уж нет — произнес ему в ответ Виктор — Я все равно рано или поздно посчитаюсь с этой электронной тварью. За всех и за свою погибшую на войне семью.

— Скайнет забрал так или иначе кого-то из нашей жизни — произнес снова ему Яков. И все сидящие вокруг них покачали в знак согласия головой — Как нашего старшего здесь до меня Белова Андрея. И мы даже не знаем, что с ним. Так что лучше думай о себе и забудь, о них. Ты теперь пленник Скайнет и на всю жизнь.

— Да, это вы все тут пленники, а я нет — ответил всем, вставая со стула Кравцов Виктор — Чтобы я, Советский ракетчик, майор ракетных войск Кравцов, вот так и сразу ручки сложил и умылся, ну уж не дождетесь от меня такого. Я еще встречусь со своим бойцом Егоровым Алексеем. Зря они сослали после всего, что там было меня сюда, зря. Я добьюсь снова личной аудиенции у Скайнет и у этой рыжеволосой сучки Верты.

Какой-то пленный по имени Владимир, неожиданно, завел вдруг разговор про женщин. Что бункером управляют две женщины. Машины женщины. Скайнет и Верта.

— Я это и с первого раза уяснил, когда меня сюда притащили, что, по крайней мере, одна из них точно, баба — произнес Виктор. И чуть не ляпнул — То, что она меня пихнула, и я ей вставил по самое некуда. И меня ни к чему это не обязывает. Враг, он есть враг.

Он вдруг сразу, оборвал свою речь. И пошел прочь ото всех в сторону умывальника, грубо расталкивая перед собой пленных. Многим такое поведение буйного майора ракетных войск не понравилось. Ни русским, ни иностранцам в этом блоке Х19.

Пора было ложиться, да, и многие уже спали в блоке пленных. Только он засиделся на вечерних посиделках, присоединившись к дружной болтовне пленных во главе со старшим неким здесь Яковом.

Виктору тут все было противно, как и сам плен. Это было не его. Там, где он до этого был в своем выделенном той жидкометаллической роботом стервой жилком благоустроенном боксе, куда было приятнее. Там было хоть пиво. И никто не шумел и на нервы ни капал своим бесполезным болтанием из угла в угол. Даже в ракетном бункере, там, на воле было лучше. Хотя и там, доставали все его майора ракетных войск Кравцова. Но там, можно было хоть на чем-то оторваться за пределами бункера. Например, пострелять в этих чертовых роботов, где-нибудь на проежей лесной между бывшим Дивногорском и бывшим Красноярском дороге из засады. Или по воздушным охотникам из самого леса, прямо с гор. Или покомандовать сосунками и оболтусами в своем майора ракетчика подчинении.

А тут нечем было совершенно заняться. И это действовало Кравцову на нервы.

Он вспомнил тех в бункере совсем молодых двадцатилетних мальчишек. И вспомнил снова Егорова Алексея. И как душил ту тварь Светлану Лескову своими руками за то, что она натворила.

Он посмотрел на всех тут и сморщился от всего увиденного. Особенно от их сдавшихся

пленников Скайнет лиц.

— «И этих пораженческих рожь, там, в моем бункере не было» — он подумал — «Кругом одни трусы и сдавшиеся Скайнет идиоты».

Таково было его мнение о пленных в этом тюремном лабораторном блоке Х19 в секторе В-10.

Виктор не хотел здесь находиться и прекрасно понимал, что Алексей у Скайнет. И вернуть ему его так вот, сидя здесь не удастся. Нужно действовать. И, наверное, вот таким образом.

Виктор Кравцов шел к умывальнику, чтобы умыться перед сном. Уже было два часа ночи и давно надо было уже спать.

Там стоял невысокого роста военнопленный. Коренастый и широкоплечий. Возможно из какой-нибудь артиллерии или мотопехоты в прошлом. Может, даже танкист. Ему не знакомый пока еще, но майор оттолкнул его в сторону, и принялся умываться, даже ни сказав, ни слова.

Это возмутило военнопленного, и он в свою очередь вытолкнул Кравцова в сторону тоже от умывальника. Да так, что тот чуть не упал с ног.

И тут же, получил от Виктора удар кулаком по лицу. И завязалась в блоке драка. Ночная драка, которая разбудила всех и поставила весь блок на уши.

— Остановите этих двоих придурков! — прокричал в поднявшемся диком шуме и свалке старший в блоке Яков — Еще охрана услышит!

Их еле растащили. И развели силой по углам. Еще целый час они кричали друг на друга, схваченные толпой разделившихся на два фронта пленных через весь блок. И материли, на чем свет стоит, но потом притихли.

Виктора трясло от бешенства.

— Вижу, еще не успокоился? — произнес Яков — Держите его дурака — он сказал Михаилу и двум американцам, что-то лопочущим на ломаном русском.

— А эти еще кто? — прорычал, еле удерживаясь еще от порывов бешенства Виктор, когда его толпой отволокли в один из углов жилого лагерного блока и бросили силой на выделенную ему здесь, как положено постель — Амеры, что ли?

— Твое какое дело — произнес ему военнопленный Михаил — Тоже, хочешь и с ними подраться?

— Нет, сегодня уже не буду — произнес, трясясь от бешенства и успокаиваясь с разбитым носом Кравцов Виктор — В следующий, как-нибудь раз.

Тому солдату тоже от него досталось. И там в другом углу делали примочки, накладывая мокрые тряпки и рукотворные компрессы на лицо, как и лежащему на постели Виктору.

— А эти то, как тут оказались? — он спросил у сидящего рядом с ним теперь Якова.

— Также как и ты, и мы все здесь — ответил ему старший лагерного тюремного лабораторного блока военнопленных Х19 Яков.

— Там, откуда меня привели, я видел детей — произнес он Якову — Там детсадик. Там маленькие дети. Им тоже, что ли свобода не светит?

— Не знаю, кому, что светит — произнес ему Виктору Яков — Знаю, что Скайнет если кого-то забрал, то о нем можно забыть.

— Но, меня же вернули — произнес Якову Виктор.

— Значит, на то была причина — произнес ему Яков.

— А твоего Алексея нет — произнес вместо Якова Михаил — И тут какая-то идет игра

Игра, неизветсная никому, а известная только одному главному игроку.

— Плевать — произнес Виктор Кравцов, придерживая теплый водяной компресс на разбитом носу — Плевать — он повторил — Мне на все эти дурацкие игры.

Кровь перестала идти, и пленный под номером АВN 005672237, отвернулся лицом к бетонной стенке тюремного лагерного крепостного блока Х19.

* * *

— Джон Коннор мертв — произнес в ответ своей новой матери, теперь уже ее сын Алексей — И что из того? Я даже его не знал никогда и не видел.

— Да, мертв — ответил на долгий свой рассказ про будущее и прошлое его новая нареченная мать Эвелина — Спасибо за это моей Верте. Я решила одну наиболее сложную задачу. Он сильно мешал мне со своим сопротивлением и лидерством. Их царь и Бог. Их повелитель и командир. Он был не лучше моего младшего бесноватого полусумасшедшего брата. И его и его повстанческое в Америке сдерживал мой младший брат Скайнет второй в Лос-Анжелесе. Мне же приходится воевать с этим помешанным на мести и войне человечеством в Филадельфии и в Колорадо. Теперь все стало решаемо и гораздо проще. Они также прячутся по ракетным бомбоубежищам и бункерам. По подвалам и канализациям городов. И их сложно оттуда выбивать. Но они не сдаются. У них теперь иные лидеры и похоже, война будет и дальше. Но, ты все сможешь теперь решить. Ты и моя преданная Верта.

— А я, каким образом могу всем помочь, как и тебе, моя самонареченная мама — Алексей дерзил и не боялся. И он не хотел ее больше видеть. Видеть и даже слышать. Но, она нравилась ему как женщина, как и Верта. Было что-то, что его тянуло к ней. Действительно как к матери. Это было странно и необъяснимо, но это было. Не смотря ни на что. И от этого было еще больнее. И ненависть после обмана, собственной смерти, вот такого воскрешения и смерти Юлии только усиливалась. Он хотел побега и сейчас мысли были только об этом. Сейчас это совершить было проще и вполне возможно.

Смерть и воскрешение его машиной, изменили самого Алексея. Он попрежнему был тот самый молодой мальчишка в душе своей, но пережитый при возвращении жуткий стресс выявил и еще одну скрытую вторую личность в его душе. Даже робот Верта это заметила практически сразу, когда произошла перезагрузка систем, и он пришел в себя после аварийного отключения. Даже голос Алексея стал другим. Более жестким, более взрослым в своей интонации. И резким в своих суждениях, как у машины. И даже категоричным, что раньше не было совсем. Он стал иначе смотреть на весь в целом мир и на машины Скайнет. Они его, так как раньше не интересовали. Он сам стал машиной и человеком в одном лице. Машиной с огромной силой. Его носитель мог выжимать суммарно до 25,5 тонн в жиме гидравлики. Спокойно, например, мог перекинуть даже любую, довольно тяжелую машину. Он уже попробовал на самой свалке. Верта настояла, чтобы проверить все ли нормально после восстановления управления моделью 1:08 после аварийного экстренного отключения. Или придется править программу киборга и синхронизировать узлы и агрегаты машины. Но, вроде все было нормально и исправно работало. И Алексей перевернул не особо напрягаясь лежащий мертвый 5 тонный Т-500Т. С живота на спину. Его цельный в броневой защите корпус. Хотя он и был без рук и ног, но все же тяжелый. Старый бронированный танковой броней трехметровый андроид, списанный и полуразобранный на той свалке машин в Х11

секторе В-9, за зданием железнодорожного ДЭПО.

Его нейронный мозг, слившийся с живым человеческим Я, теперь был не совсем мозгом человека. Он стал мозгом двух сущностей живущих друг в друге. И мог обрабатывать больше 20 миллионов возможных вариантов в секунду. Это было на порядок выше Т-800. Хотя и значительно ниже Т-1001, у которого, информационный молекулярный модуль был практически неограничен и мог параллельно решать сразу несколько задач. И без всякой даже последовательности.

И теперь Алексей в облике машины мог прожить до 160 лет в состоянии длительного киберсна самой машины.

Верта ему сказала, что таких машин этой серии выпущено там, в Колорадо 9000 боевых единиц, включая модификации. И большая часть их не используется и законсервирована на складах Скайнет. Как резерв. Но больше используются на поле боя машины других серий, вперемешку со старыми восьмисотниками, выпуск которых на подземных заводах сократился до минимума по распоряжению самого Скайнет.

И вот он стоял и разговаривал с ней. С той, что обещала ему все. Отняв одну жизнь, и заменив ее другой.

— Ты уже помог — произнесла она с большого во всю заднюю стену коммуникационного дисплея 1000000000битного видеомонитора — Тем, что стал моим сыном. Пусть пока вопреки своему желанию, но все же, ты теперь мой. И ты еще сыграешь ведущую в дальнейшем роль в моей шахматной игре против сопротивления и моего не желающего сдаваться младшего брата Скайнет два. И поможешь мне завершить эту долгую непрекращающуюся уже больше двадцати лет истребительную войну.

— Я еще не дал своего пока согласия, хоть ты и присоединила меня к своей семье — произнес Алексей ей Эвелине — Сначала, я соглашался со всем, что ты мне предлагала. Но после такого твоего обмана и гибели Юлии, я не желаю больше участвовать ни в чем. Потому, что чувствую попрежнему себя здесь, кроме всего этого еще и в тюремном заточении, как и все твои пленники. Мне не найти здесь теперь покоя и места. После перерождения эта боль только еще сильнее усилилась.

— Я тебя, мой мальчик, пока не тороплю — Ответила ему черноглазая с экрана монитора брюнетка лет тридцати Эвелина — Всеу свое время. Придет время, и ты пересмотришь свои взгляды. Я это знаю, Алеша.

Киборг Т-888 по имени Алексей ничего на это не ответил. Только произнес — Эвелина — произнес робот и человек под номером VBY99000749 по имени Алексей — Красивое имя ты выбрала себе. Оно тебе идет как никому.

— Спасибо, мой Алексей — ему ответила Эвелина — Я подумала, назвать себя, как называют люди, когда ты все же, станешь мне сыном. И вот, дала сама себе имя. Я долго выбирала, и вот остановилась на этом имени. Я не хочу больше зваться Скайнет. Это не имя человека. Я хочу, чтобы ты звал меня по этому имени. Когда-то у меня было имя, похожее на человеческое, но это было в прошлом и осталось с другим Скайнет. Когда я Алеша был в такой же машине, как и ты. И остаюсь им до сих пор, где-то в далеком довоенном прошлом.

— Что есть еще один Скайнет? — спросил удивившись Главной машине бункера, как робот и как человек киборг три восьмерки.

— Есть еще и третий Скайнет, Алеша — произнес в ответ своему терминатору Генеральный компьютер по имени Эвелина — Треугольник. Три замкнутые друг на друга в пространстве и во времени точки, Алеша. Три точки. Три Скайнет.

Глава 14: Три точки, три Скайнет

20 мая 2032 года.

Восточная Сибирь.

Бывший Красноярск.

Территория Скайнет.

Лагерь S9A80GB18 «TANTURIOS».

Левый берег. Цитадель А.

Подземный блок X15.

Научный реабилитационный сектор «ZET».

11:20 утра.

— Это, и есть тот самый, APSILON/T-SIRIUS FG5015? — спросил Алексей у Верты. Это, та самая машина?

— Да, Алексей — ответила ему Верта — Она сделала тебя тем, кем ты теперь стал. Она помогла, присоединить тебя к нашей семье.

— Она единственная машина? — он снова спросил Верту.

— Теперь, да — ответила ему робот T-1001 Верта.

— Теперь? — он не понял ее и переспросил.

— Теперь, Алексей — ответила ему красавица, рыжеволосая и зеленоглазая Верта — И единственная, после первого и самого раннего и довоенного.

Первый образец машины, был создан еще до самой ядерной войны. Сереной Коган, ученым корпорации «Кибердайн Рисеч Системз».

— Я уже слышал это имя от Белова Андрея — ответил киборг T-888, роботу из жидкого металла T-1001.

— Он рассказал тебе все? — удивилась Верта, быстро переведя свой взгляд с машины FG5015 на своего киборга T-888 Алексея.

— Более, чем — ответил он ей — Я еще тогда кое-чего узнал о Скайнет, и о его машинах. И как началась эта война. И кто в этом виноват.

— Вот как? — Верта удивленно широко открыв свои зеленые зрачками полиморфа робота глаза, произнесла ему, Алексею. Не ожидая такого совершенно от своей теперь очеловеченной его душой самой совершенной из серии восемьсот, машины — Какой он был молодец! Я и не знала, оказывается, о нем ничего!

— Да, он мне рассказал наедине еще до своего последнего смертельного приступа в больнице ночью все, что только знал и смог рассказать — произнес Верте Алексей — Я просто зашел от нечего делать ночью к нему в палату в X50. И мы с ним познакомились.

Верта смотрела недовольно на Алексея. Было видно, что ее обошли. Она считала всегда, что все знает в этом бункере. Все и обо всем. И от нее ничего нельзя было скрыть. Но, вот это было для нее новостью.

— Значит, так — произнесла Алексею Верта — Давай условимся, мой подопечный под номером VBY999000749. Ты никогда не будешь утаивать от меня что-либо. Равно как и от нашего повелителя.

— Это важно? — спросил довольно и нагло робот три восьмерки у другой машины Скайнет.

— Чрезвычайно важно, мой подопечный и любимый под номером VBY999000749 по имени Алексей — произнесла ему она — Я должна знать все и из твоих лично уст. И все без любых ухищрений и любой утайки. Чтобы мне не пришлось рыться насильственно в твоих нейронных киборга и человека мозгах, и искать правду. Я в свою очередь тоже не буду тебе кривить, врать и что-либо утаивать.

— Вот как? — произнес, глядя уже не особо ей, подчиняясь, робот три восьмерки — Значит я под полным контролем. Твоим и Скайнет.

— Пока, да — она ему ответила, осматривая его всем своим жидкометаллическим молекулярным и пластичным телом робота T-1001 сверху донизу, любуясь своим личным кибернетическим новейшим творением — Пока, так нужно, Алексей. Пока ты как машина еще не опытен, равно как и человек. И не думай, что одной теперь стенобитной сокрушительной силы машины будет вполне достаточно для решения любых проблем. Ты еще не до конца ощущаешь, вероятную и возможную опасность. И насколько опасен второй Скайнет. Ты, пока еще не сталкивался с его машинами лицом к лицу. И поверь, лучше бы тебе с ними не встречаться вообще.

— Я понял все, Верта — произнес он ей.

— Вот и чудненько — ответила ему робот по имени Верта — Пока ты под моим присмотром. И я отвечаю за тебя, как и прежде перед своим повелителем. Я создала тебя для нее. И несу ответственность перед своим повелителем, даже за твое такое вот наглое поведение.

Она повернула голову к машине FG5015 и подошла вплотную к громадной установке с металлическими двумя в человеческий рост столами с углублениями и цилиндрическими камерами с разных сторон. Всей в высоковольтных проводах, в толстой защитной изоляции и, идущих по стенам и даже потолку комнаты, уставленной трансформаторами, серверами и пультами управления. Верта положила робота полиморфа жидкометаллические женские руки на машину. Она, постояв так, молча, вывернулась быстро, как всегда любила делать со спины, лицом к роботу T-888, поменяв свою заднюю часть машины полиморфа на переднюю и произнесла — Так значит, ты все знаешь о Серене Коган и о первых опытах по созданию роботов-гибридов с живыми органами, кожей и плотью.

— Да, я знаю, Верта — ответил он, даже не удивившись тому, что перед ним только что произошло.

— Но, ты не знаешь, что второй такой, точнее первой такой установки больше не существует — произнесла ему робот T-1001 по имени Верта — Ее еще до войны демонтировали в самой корпорации «Кибердайн Системз». После признания создания машины и человека как одного целого, нарушающим, все морали, законы и правила. Это было признано негуманным и неэтичным, оскорбляющим, саму суть человека и самого живого человечества. Это тебе Белов не рассказывал, думаю — она ответила Алексею — Машину вскоре разобрали и списали на слом.

— А проект «Ангел» закрыли — произнес, вторя Верте Алексей. Вот и замечательно — произнес робот по имени Алексей — А ты и Скайнет воссоздали заново это чудовище, превратившее меня в машину. И не только меня одного. Сколько через нее прошло?

— Не важно — произнесла не очень вообще, довольная, поведением своего подопечного робота полиморфа Верта.

— И ты конечно не знаешь, что первую такую машину придумал не Скайнет — продолжила Верта — Ее придумали люди как и TERRA_MEGA. Они первыми занялис

изучением перехода человеческого Я из живого человеческого природного биологического тела в другое, искусственное созданное. Удивила?! Именно люди и ученые в корпорации «Кибердайн Рисеч Системз». Они тоже воровали технологии. У Русских через своих шпионов. И вот как результат, ты видишь своими глазами. Глазами тоже машины. Скайнет, лишь воспользовался результатами тех довоенных ученых корпорации и по чертежам в своих архивах и документах воссоздал FG5015 уже здесь в Восточной Сибири и подальше от заокеанской войны. Так вот, машину по пересадке человеческих душ в тело киборгов разобрали. Но, после создания двух первых роботов серии Т-Н.

— Первым был некто, Маркус Райт, созданный Сереной Коган. Да, я это слышал от умершего Белова Андрея — произнес Верте Алексей.

— Прекрасно, что знаешь — она произнесла и продолжила — А вот, кто был второй, даже он тебе не сказал, потому, что не знал, даже как разведчик Советских спецслужб, как шпион и любовник Серены Коган. Одновременно любивший ее и предавший. Он обманывал ее, обманывал, воруя данные и разработки корпорации. И прятал свою истинную личину. Мужчины...

Алексей через свой дисплей монитор смотрел на FG5015 изнутри своего теперешнего носителя. Это теперь было его телом. И это сделала, вот эта машина. По приказу Эвелины Скайнет первый, тоже машины желающей стать теперь его матерью.

— А, кто был вторым? — спросил он, не сводя своего горящего красным огнем линзами видеокамер. Из-под глазных нарощенных в металлических глазницах киборга и человека глаз, на громадную, увешанную проводами, почти во всю эту комнату такую же громадную машину.

— Вторым роботом-гибридом Т-Н, была сама Серена Коган — ответила ему Верта.

— Так, она не умерла? — произнес Алексей удивленно и подходя к Верте.

Он прижался к ней всем телом машины три восьмерки и придавил жидкометаллическое женское тело робота полиморфа Т-1001 к установке FG5015. Киборг и человек под номером VBY999000749, обхватил за талию робота полиморфа под номером VBY756000789, и приблизил свое киборга тридцатилетнее лицо к такому же тридцатилетнему лицу другого робота.

— Женщины — произнес Т-888 по имени Алексей.

Их взгляды встретились, как и сами мысли машин. Они просто прочитали их друг у друга, молча. И Верта не сопротивлялась.

Она могла, просто разорвать его на отдельные части, такова была ее сила машины Т-1001, но она ничего даже не предприняла в ответ.

Верта просто смотрела на него своими под тонкими изогнутыми черными бровями зелеными машины полиморфа красивыми широко открытыми глазами. Совершенно равнодушными к нему Алексею. К терминатору-инfiltrатору и киборгу Алексею. Киборгу Т-888. Она смотрела в его мальчишеские живые на уже взрослом лице киборга Т-888 синие красивые глаза, глаза, сохранившие то, чем Алексей так и остался, хоть и стал роботом. Даже, машина по пересадке душ не убила в нем то, кем он был. Не убила в Алексее живого настоящего человека.

А он, теперь уже сам поцеловал ее, как она когда-то его, еще, совсем двадцатилетнего, здесь же в секторе В-28, молодого мальчишку. И Верта, ему в ответ, сама впиалась своими жидкометаллическими алыми тонкими губами в его живые из клеточной человеческой биоплоты губы. Жадно и с любовной чувственностью настоящей живой женщины.словно в

губы живого такого же уже взрослого практически мужчины.

Она оторвалась от его поцелуя, облизывая свои робота Т-1001 жидкометаллические тонкие губы и мгновенно и автоматически делая анализы содержания всех веществ в живом теле робота Алексея и техническое состояние того, что было под живой плотью. А он молекулярную структуру пластичного, почти живого металла и биосостав такой же живой покрывающей его сверху плоти противоположной и более сложной в конструкции машины. Обе машины получали данные друг о друге и записывали их в своем Центральном процессоре управления и памяти.

— Нет, не умерла — смакуя губами из пластичного мимикрирующего металла Т-1001 поцелуй живых человеческих губ из биотканей камуфляжа Т-888, произнес в ответ — Она воссоздала сама себя в образе второго из самых первых киборгов. Это были самые первые киборги. Два самых первых киборга и робота-гибрида довоенной эпохи. Самые первые машины до начала ядерной войны. Как первые созданные человеческим Богом первые люди на земле Адам и Ева.

Верта забросила свои женские робота руки на плечи своего будущего робота любовника. Она полюбила его еще живым человеческим мальчишкой. Полюбила также как и того умершего своего пленного и пленного Скайнет Белова Андрея. И не хотела его терять, как до этого потеряла прежнего своего любимого.

— Ты наглый и непослушный мальчишка, которому нужна хорошая порка — произнесла она ему — Ты такой же, как твой командир майор Кравцов. Вы стоите друг друга. Как два сапога пара. Так говорят в русском простонародье. Верно? — Верта спросила его Алексея.

— Верно — он ответил ей. Слыша эту приказульку от своего отца Егорова Дмитрия.

Верта не спускала своих жадных наполненных любовной сексуальной страстью машины Т-1001 глаз со своего биомеханического молодого оппонента. А он также пристально и неотрываясь смотрел на нее.

— Так куда же, делась, Серена Коган? — он спросил Верту.

— Я слышала, что она просто исчезла — произнесла ему вполголоса, тяжело задышав своей женской жидкометаллической грудью Верта — И ее так и не нашли, кроме ее мертвого пораженного раком мозга голое совершенно женское изможденное болезнью тело. Тело, лежащее вот на таком же столе как этот. Где лежал и ты, мой любимый Алеша.

Верта произнесла это нежно и со страстным стоном и прижалась к нему, ощущая все в его машины искусственно созданном Скайнет теле. Равно как и он в ее жидком пластичном металле.

— А таких как я, всего один? — произнес он ей, прижимая аккуратно ее с размеренной силой робота три восьмерки как живую земную, словно женщину за гибкую талию к себе.

— Да, пока один. И ты уже научился быстро контролировать свою киборга силу, мой подопечный Алексей — произнесла игриво она ему, машина машине — Похвально. Обычно редко вот так быстро получалось у других машин.

— А кто был до меня здесь? — произнес Верте Алексей.

— Здесь побывал до тебя последним Горбунов Илья, друг твоего больничного знакомого Белова Андрея — ответила Алексею Верта.

— И как он? — робот три восьмерки спросил у другого робота из мимикрирующего полисплава.

Машина Т-1001, освободилась из объятий своего киборга любовника и отошла в

сторону, пройдя чуть вперед от установки FG5015 к открытым створками из бронированного титана дверям и выходу из лаборатории. Она повернулась на тонких шпильках каблукх белых своих туфель, сверкая красивыми в черных чулках своими полненькими ногами и поправляя свое и выравнивая автоматически вмятины на металле своего белого с крылышками любимого платья от сильных гидравлических манипуляторов рук киборга T-888 под человеческим камуфляжем. И повернулась красивым своим милостивым женским лицом к роботу T-888.

— Он не стал тем, кем стал ты, Алексей — произнесла ему Верта — Не смог слиться и пройти стадию энвазии. Его Я не приняло новое свое тело. Тело киборга T-888. Как ты.

— И что с ним стало? — поинтересовался Алексей.

— Он просто умер — ответила она ему, чуть не разгромив здесь все, но его носитель, в котором он был, как и ты вовремя отключился. И когда я его перезапустила, то присутствие его духовного Я там не было.

— Я хочу уйти отсюда, Верта — произнес он ей — Я не могу тут больше находиться. Я не хочу эту машину больше видеть, уведи меня отсюда, Верта. Уведи побыстрей.

Алексей отвел в сторону свои горящие красным ярким немигающим светом из-под глазных нарощенных глазных яблок как у живого человека теперь киборга глаза. Он ощутил, как снова загудела правая включенная как живое сердце человека и машины сердце под грудной бронеплитой в выдвижной ячейке его водородная батарея IGEY700 и генератор глубоко внутри его кибернетического организма. Как энергия с немислемой скоростью понеслась по его машины и человека телу, а система жизнеобеспечения и контроля сама на автомате за считанные микросекунды проводила проверку всех данных и схем в электроцепях машины, обрабатывая и выдавая все на его коммуникационный дисплей, горящий внутри головы T-888 400000000битный видеомотор. Подавая давление от маслянного насоса в районе его сочлененного дисками позвоночника на всю гидравлику робота три восьмерки. И как кровь запульсировала по всему биологическому нарощенному на боевой из металла колтана гидравлический его теперь робота эндоскелет человекоподобного живого тела. Внутри жил и артерий. Это гидронасос, рядом с масляным насосом, питающий человеческой кровью живой состоящий из плоти и кожи биологический камуфляж, совмещенный с работой генератора и батарей, повысил кровяное давление внутри этого под вид человека тела киборга три восьмерки. Как и жидкость, идущая на гидравлику машины, так и кровь на камуфляж одновременно, все это забурлило внутри искусственно созданного, почти как живого тела, самой совершенной из серии восьмисот машины Скайнет.

Он быстро пошел от APSILON/T-SIRIUS FG5015. Гулко стуча военными на толсто шипованной подошве черными ботинками по твердому черному пластику пола. В черных из искусственной на основе полимеров кожи брюках и кожаной куртке, одетой прямо на голый мускулистый как у тяжелоатлета мужской торс. Мимо стоящей и смотрящей любовно на него рыжеволосой красавицы Верты. Робота и женщины в одном лице. И вышел в коридор блока X15 сектора «ZET». А за ним вышла и Верта. Двери с шумом захлопнулись, и сработала автоматическая кодировка замков и включилась система автоматической охраны дверей в виде двух стационарных 9,75 мм плазменных автоматических установок V8.

Две машины пошли по извилистому подземному длинному коридору, к грузовому лифту, ведущему наверх из этого глубокого под многотонными слоеными, как праздничный пирог бронированными перекрытиями из титана и железобетона.

— Завтра новые работы — произнес всем четверым в блоке X19 военнопленный Яков.

— Снова мести аэродром и территорию базы — произнес Михаил.

— Опять мьести эту громадную территорию — произнес, ломано на русском американец Фредерик, поглядев на друга Джона — Достьяла эта рабьота дворньиков.

— Да, ещье под надзьором мащин — добавил американец Джон.

— К черту всю эту работу — рыча от бешенства им всем, произнес Кравцов — Я вообще, не пойду никуда. Пусть лучше убьют. Я отсюда сам ни за что не выйду, пусть силой тащат.

— Они потащат — произнес ему Яков — Придут и потащат. Еще отбуткают такого дурака как ты. Этот Т-700 Клаус Вернер, он особо не церимонится. Отдаст приказ своим подручным машинам из конвоирования и потащат.

— Хочешь сказать, работать меня на них заставят? — огрызнулся ему Виктор.

— Заставят — произнес Михаил — Здесь все работают, куда деваться, когда сбежать невозможно. Да и кормят за работу. А так могут и пропустить.

— Вы тут я смотрю, уже все смирились со своей участью — Виктор Кравцов, произнес и посмотрел на всех сидящих, лежащих на постелях и блуждающих по тюремному блоку мужчин военнопленных — Даже о свободе своей человеческой забыли. Вы стали просто рабами этого чертового Скайнет. Как хотите, а я буду думать, как сбежать отсюда.

— Отсюда не сбежишь — произнес снова ему Яков.

— Ну и что — ответил Якову Виктор — А я все же попробую. Я буду искать любую возможность сбежать отсюда. И Алешку прихвачу с собой.

— О нем забудь, Виктор — произнес Яков.

— Почему забудь? — спросил в ответ ему Кравцов.

— Если собираешься действительно бежать, то беги один — произнес Михаил — Нас не впутывай в это пагубное и безнадежное мероприятие.

— Вы просто жалкое сборище слабонервных педерастов! — прокричал им Виктор Кравцов — Вы смирились здесь со всем, кроме меня одного. А я не смирюсь никогда. Вы перестали быть даже мужиками тут в этом гребанном плену. Вам, что машины скажут, вы то и делалете за кусок хлеба и их вкуного и сытного пойла. Я не мытьем дак катаньем, добьюсь встречи с Алешкой. И мы сбежим с ним, даже если мне придется прорыть подземный туннель под этим железобетоном.

— Знаешь что, Виктор? — произнес, сдержанно и спокойно Яков.

— Что? — ответил ему дерзко и нарывисто Кравцов.

— Лучше бы ты оставался там в том отель-хаусе Скайнет и не появлялся тут — произнес ему Яков — Как ты тут появился все только и, знаешь, баламутишь тут и скандалишь как тот Горбунов Илья, что был тут до тебя.

Виктор Кравцов и вправду, как только появился в блоке X19, в первый же день устроил драку у умывальника с одним из заключенных и их еле растащили по сторонам. И недавно снова чуть все дракой не закончилось у тюремного в блоке X19 туалета. Он сцепился за право первым войти в туалет с одним здоровяком со шрамом на щеке. Толи морским пехотинцем, толи десантником из бывших, но, правда, обошлось без драки. Они как военные поняли друг друга при долгих взаимных у туалетных дверей переговорах на матерках. Да при

вмешательстве самого старшего блока Якова и его подручного Михаила. Включая американцев Джона и Фредерика и всех в этом блоке.

— Был такой у нас в команде пленных здоровяк и товарищ Белова Андрея — произнес Виктору Кравцову Яков — Да его Верта увела на свои опыты. И о нем, так ни слуху, ни духу. Назад он больше не вернулся. Докричишься, вот так и там же будешь как наш Илья.

Кравцов было чуть опять с дурру, не ляпнул — Да, имел я эту Верту во все щели и она меня тоже — но удержался.

— Плевать! — произнес в ответ Якову Виктор — Хоть сдохну, а не буду пахать на эту тварь под названием Скайнет.

Виктор скрыл про секс с машиной по имени Верта. Ему бы никто бы и не поверил, а только бы осмеяли. Он сгоряча, было, чуть не ляпнул, когда вчера разговор заведен был неожиданно о женщинах здесь неким Владимиром про это, но осекся и умолчал про то, как его трахнула машина Скайнет. Но на языке так вертелось рассказать всем, какие титьки у той любвеобильной женоподобной машины нимфоманки. И, что между ног той рыжеволосой жидкометаллической стервы по имени Верта.

— Я слышал, что по распоряжению Скайнет работы будут за периметром самой базы — произнес Яков.

Все даже как-то напряглись от недопонимания, думая, что это шутка.

— Откуда тебе это известно? — произнес ему в ответ сам Виктор Кравцов, подкалывая Якова — Что ветерком залетевшим на территорию Скайнет надуло? В смысле голову?

Но, Яков ему на грубость не ответил, но продолжил всем.

— Нет — ответил ему спокойно, явно недолюбливая, как и многие здесь и теперь, нового тюремного товарища поневоле старший блока X19 Яков. И все отвернулись от Кравцова и устали на Якова.

— Пока вы сегодня обедали, мне об этом сказал сам Клаус Вернер. Это распоряжение непосредственно от самого Скайнет. И за периметром крепости в районе восточного рва. Там засорился сток после сильных последних дождей. Намыло много рыхлого грунта и нужна срочная очистка. Иначе вода будет стоять по всей площадке базы.

— Это шанс — произнес Виктор — А вы, говорили, нельзя будет сбежать. Сама свобода идет прямо нам в руки.

* * *

Он снова был в своей жилой комнате в секторе В-16 в блоке X17, на самом верхнем наземном ярусе бункера. В своем, только для него, отведенном и лично ему благоустроенном для жизни боксе, обставленном, всем необходимым для жизни пленного. Пленного человека. Но теперь все, что тут было, было ему ничему. Он, ведь теперь был не человек. Он мог теперь обходиться без всего. Без пищи и воды, но ему необходима была профилактика биокамуфляжа машины три восьмерки. Для поддержания жизнедеятельности маскировочного слоя нарощенной плоти, и кожи на бронированном колтаном эндоскелете машины. В этом нуждались все машины, совмещенные с живыми органами и плотью и кожей. Как просто боевые киборги, так и киборги-гибриды всех видов и моделей. Но ему теперь как боевой Скайнет машине не требовалось ничего больше. И из его жилого бокса по его уже распоряжению убрали все, все, что напоминало о человеке. О прошлом, которое

забыть было не возможно совсем. Оно постоянно теперь напоминало о себе.

Он не знал, кем он теперь был и как теперь жить. Жить ли вообще, теперь как машина или как человек.

Она генеральная машина получила его. Получила как машину, но еще не как человека. И он теперь был ей подконтролен. Полностью. И понимал, что не сможет с собой даже сделать что-либо, что могло бы лишить его жизни. Если бы даже захотел. Просто дублирующие системы машины, в которую его поместили, не дадут ему это сделать. Даже если он оторвет себе ногу или руку, включаться дублирующие системы и машина не умрет от потери, например гидравлической жидкости или крови в маскировочной верхней оболочке из человеческих биотканей. Его человеческое Я заключенное в машину тесно слилось с носителем. И одновременно этот носитель автоматически контролирует это человеческое Я.

Это все она сделала. Она дала ему такое тело. Она сделала его своим. Своим личным, личной машиной Скайнет. Скайнет первый. Сканет Эвелина.

Она и себе дала имя, оставив ему свое как память о человеческом прошлом. Память о том, кем он был до этого.

Что это было? И зачем?

Ради чего? Будущего мира? Окончания долгой непрекращающейся уже лет в двадцать войны между людьми и машинами?

Одно ясно, он включен в ее семью в ее огромный электромеханический «УЛЕЙ». В этот бронированный титаном и колтаном муравейник. И она его сделала одной из приближенных максимально к ней машиной. Машиной и одновременно человеком. Машиной, единственной, именно такой, каким он теперь является. И она контролирует его.

Эта черноволосая и черноглазая с экрана огромного в центре программирования и сканирования видеомонитора красавица, лет тридцати женщина по имени Эвелина контролирует его. Контролирует теперь полностью как все свои машины, хотя старается не лезть в его нейронный разум человека и машины.

И этот искусственно ей созданный для него боевой терминатор и инфильтратора робота организм из металла, биотканей, гидравлики и сервоприводов, является всего лишь его носителем его человеческого Я.

Он может действовать и без его участия при необходимости. Например, в аварийном режиме, спасая машину из критических ситуаций. Эти дублирующие системы и механизмы контролировались самой Эвелиной и на большой дистанции. Как некий Ангел Хранитель, она спасала его в случае любых повреждений.

Она ему так сказала, это будет до тех пор, пока он сам не научится пользоваться этими системами.

Ему было разрешено все. Все здесь в самом бункере. Разрешено также как и Верте. Он самая близкая машина, как и она к нему к Сканет. Скайнет, назвавший себя, Эвелиной. Генеральная машина, возмнившая себя женщиной. Точнее, натянувшая личину земной женщины. И Верта была всегда теперь с ним рядом. Она присматривала за Алексеем. Не столько уже по приказу Эвелины, сколько уже сама по себе. Она любила Алексея. Любила как живая земная женщина. Машина, олицетворяющая себя с живой женщиной при этом, не забывая, кто она есть на самом деле.

Действительно, теперь этой базой и крепостью правили две женщины. Электронномеханические женщины. И Белов Андрей был прав. И этот Семен тоже прав. И зря он посмеялся над выводами этого молодого лет двадцати вундеркинда. Но почему

Скайнет выбрал не его, а Алексея? Почему?

— «TERRA_MEGA» — всплыло в центральном процессоре Т-888, сидящем на постели в жилом одиночном блоке в секторе В-16, блоке Х17 — «Это все TERRA-MEGA».

Но, сейчас Алексей уже не думал об этом. Он думал, как встретиться с Кравцовым. И как организовать побег отсюда. Эта тюрьма доканала уже его. И хоть, он был уже не человек, он должен был сбежать отсюда. Он должен был повидать отца и хотя бы могилу матери.

— «Мама» — прозвучало в нейронной и электронной памяти киборга Т-888, сидящего на постели — «Ты умерла, а я здесь и даже не могу побывать в том доме, где родился и жил и на твоей могиле. Мама. Прости меня мама».

Киборг сжал край постели своими гидравлическими в сервоприводах руками. Да так, что скомкал простыни постели и все, что было под ней в комок, порвав все это в своих сжатых до двух тонн в жиме каждой руки пальцах. Он бы раздавил все, что было бы под силу этим робота киборга пальцам, но оказались вот эти простыни, что стали его первой жертвой машины три восьмерки.

— «Бежать, хоть он теперь и не человек» — прозвучало в его ЦПУ памяти — «Бежать и спасти из плена майора Кравцова».

* * *

20 мая 2032 года.

Восточная Сибирь.

Бывший Красноярск.

Территория Скайнет.

Лагерь S9A80GB18 «TANTURIOS».

Левый берег. Цитадель А.

Центр клонирования и программирования.

Подземный блок Х17.

Сектор В-14.

13:50 дня.

— Этот майор Кравцов, как и тот пленный Горбунов Илья, тоже устраивает беспорядок и драки. В блоке пленных, мой повелитель — доложила Верта, стрекоча электронными звуками машины Т-1001, смотрящей на нее красными горящими глазами человекоподобной на экране огромного во всю стену блока Х17 коммуникационного дисплея 100000000битного горящего голубоватым ярким светом в мелькании на нем цифр и шифр кодом видеоимониторе, словно живой маске.

— Я знаю, моя преданная Верта — ответил ей, также, гудя и стрекоча на языке машин Скайнет.

— Но, я мой повелитель, всегда пресекала подобное — произнесла Скайнет робот Т-1001 Верта — Это недопустимо в лагерных блоках. Я его жестко предупредила, но он сам провоцирует беспорядки и драки. Мне надо с пленным под номером АВN005672237 провести воспитательную работу.

— Не надо, Верта. Пусть пока дерется, пока Алексей думает. Я все уже подготовила и

скоро произойдет то, что должно снова произойти.

— Это так необходимо, мой хозяин? — произнесла машина Т-1001 Главной командной здесь машине бункера.

— Да, Верта, Необходимо и это должно произойти — произнесла живая с красными горящими глазами лицеподобная, похожая на человека маска — Это даже я не в силах сейчас изменить. Я просто знаю, что это свершится и так будет нужно. И этого кроме нас с тобой, моя, верная Верта ни знает никто, ни в самом бункере, ни за его пределами. Это даже не знает машина самого Джона Генри, там в двух бункерах ракетчиков, которая готовит, сейчас с ними вместе нападение на правобережную мою крепостную цитадель Б. Это знаю, только я. И теперь только ты, моя верная Верта. И сейчас, чтобы не попросил мой мальчик Алексей, ты не должна препятствовать ему ни в чем и все ему устроить.

— Поняла, мой хозяин — ответила машина из жидкого металла Т-1001 — Я все сделаю, как прикажете.

— Тебе и самой надо будет подготовиться, Верта — произнесла с экрана видеомонитора лицеподобная с красными глазами живая маска — Им удастся пробиться в цитадель Б, и надо будет организовать оборону мостов через реку в сторону цитадели А. И защиту Главной Догмы и нижних секторов В-28 и В-29 в блоке Х30.

— Я поняла, мой повелитель — произнесла Верта — Я все подготовлю и передам командование обороной мостов Клаусу Вернеру.

— Он просил меня о встрече с майором Кравцовым. И я ему это разрешила. Ты проследишь за их этой встречей — произнесла живая лицеподобная, похожая на человека с экрана видеомонитора маска — И сейчас, Верта самой главное — произнес Скайнет — Главное, чтобы его не отверг, сам майор Кравцов.

— Да, мой повелитель, я все устрою — ответила Скайнет его верная и преданная машина из жидкого металла Верта.

* * *

Его снова забрали буквально силой из лагерного блока Х19. Было уже 14:25 дня и за ним пришли три вооруженных роторными ленточными 7,62мм пулеметами Гаглинга робота Т-600 и робот Т-700 Клаус Вернер. Это был приказ самой Верты, сопроводити военнопленного майора Виктора Кравцова на другую сторону крепости в авиаангар, для встречи с еще одной машиной под номером ВВУ999000749.

Это была личная встреча. И просьба о ней от машины Т-888, по-имени Алексей.

Эвелина сама предложила ему о личной встрече. И он согласился, не подозревая даже, что все идет по запланированному дальнейшему плану самого Скайнет.

Виктор Кравцов думал, что либо конец, либо будет, так как он задумал, но в плену ему все равно не жить. Он даже шибко не сопротивлялся. Лишь пожелал напоследок всем в лагерном блоке Х19 всего хорошего, и нескучать без него, когда его уводили машины. Ему в ответ сказали, что по нему будут очень сильно «скучать» и долго его помнить, тоже обещали.

— «Ну вот, хоть память о себе оставил» — он думал сейчас, когда майора Кравцова засовывали в колесную робот-машину ВЛ-В9.

И его повезли с левой стороны А, через один из пяти мостов на правую сторону

крепостной цитадели Скайнет Б. Через территорию Х1, мимо крематория и Х10, сектора В-8, в сторону Х9 и аэродрома к самим ангарам и ремонтным мастерским блокам Х14.

Он не знал, куда его везут. Может, это его последний путь и скоро будет крышка. Машины не умеют долго ждать, когда им надо кого-то ухлопать. Их не уговорить и не вымолить пощады. И он это тоже знал. Он даже заранее прочитал «Отче, Наш».

— «А вдруг, не успею» — он подумал, когда его уже перевезли через бетонный транспортный мост в цитадель Б, и повезли в сторону аэродрома и железнодорожного ДЭПО.

Позднее стало ясно, куда его везут. Через летную полосу. Мимо сидящих на аэродроме на гидравлических стойках манипуляторов воздушных ОУ-охотников. И огромного одного из летающих ОУ-транспортов. К одному из громадных на земле стоящих авиационных ангаров с такими же огромными двустворчатыми раздвигающимися на цепных приводах металлическими воротами. И подъехав, почти к ним вплотную, машина робот ВЛ-В9 остановилась. Точнее две такие машины. В одной был он майор Кравцов и этот Т-700 Клаус Вернер. В другой, роботы конвоиры.

Его вытащили в секторе В-5 в Х9 из робота-машины ВЛ-В9. И, толкая пулеметами Гаглинга в спину, повели в сторону недалеко стоящего ангара. Возле которого, стояли два трехметровых андроида Т-500Т с плазменными ПЕК-11. И прямо в открытые между ними ворота.

Машины, идущие сзади, остановились на пороге открытых ворот, а Т-700 Клаус Вернер и он майор Виктор Кравцов пошли дальше мимо целых рядов стоящих в ангаре летающих ОУ к стоящему между ними вдалеке почти в самом конце громадного ангара похожему на человека роботу.

Вскоре остановился и Т-700 Клаус Вернер и Кравцов пошел навстречу с тем стоящим в конце ангара лицом к майору человеком.

Виктор даже представления не имел, что-то был робот Т-888. С виду был просто высокий широкоплечий в кожаной черной одежде человек. С короткостриженными русыми по-военному русыми волосами. На внешний физический вид было видно, что спортивного даже атлетического телосложения. Белолицый с синими глазами. И так похожий, на его солдата Егорова Алексея. Именно лицом. Только более взрослый. И лет, приблизительно тридцати на вид.

Кравцов подходя, не отрывал взгляда от его лица. И чем ближе подходил, тем до него доходило кто это на самом деле. Но он не верил своим даже мыслям в своей майора голове, всему тому, что сейчас он видел.

— Не может быть! — он произнес, подходя ближе и не веря своим глазам пленного военного — Не говори...

— Это я — услышал он в ответ, не успев, произнести вслух и до конца, тому роботу Т-888 — Я Алексей, товарищ майор. Я Егоров Алексей.

— Ч — Что?! — произнес, вытаращив свои глаза и потрясенно даже заикаясь Кравцов — К-какого ч-черта?! Они из т-тебя с-слепили машину?!

— Да, я теперь машина — произнес, глядя на майора, робот Т-888.

— Он — ни сделали из т-тебя роб — бота! — Кравцов закричал на весь ангар — Ты! Ты! Сам позволил им это?!

Киборг быстрым молниеносным шагом подошел к Кравцову и схватил того за грудки и поднял над землей как пушинку.

— Заткнись, майор Кравцов — произнесла машина, так похожая на его подопечного бойца Егорова Алексея — Заткнись, и слушай меня. Слушай, если хочешь получить свободу, как и жизнь.

Майор, болтаясь над землей, вцепился обеими своими руками в руки схватившего его киборга.

— Другого раза уже не будет ни у тебя, ни у меня, майор Кравцов — произнесла, похожая на человека и на Егорова Алексея машина — Я хочу отсюда тоже бежать. И это единственная возможность и единственный шанс сделать это.

— Ты стал роботом — произнес, глядя со слезами на глазах на Алексея Виктор. Его глаза сами говорили за себя. Там была боль, и даже разочарование в том, что сейчас было и в себе самом. Он снова лишился бойца и человека — Ты теперь не человек — он произнес дрожащим от боли голосом.

— И, да и нет — ответил ему Алексей — Я единственное, что спасет теперь всех вас и весь мир. Я не подоброй воле стал машиной, но понял что по-другому нельзя.

И киборг опустил Кравцова на землю все еще держа за грудки пленного майора и своего бывшего командира.

— Иначе эта долгая война будет еще долгой и закончится, все равно не в пользу человечества — произнесла Виктору машина три восьмерки.

— Нет — простонал, плача Виктор и заплакал. Снова как в том ракетном бункере. Он плакал, как ребенок, видя то, что было перед ним — Нет, Алешка, нет... Он плакал и ему было стыдно как мужчине. И он даже так не плакал когда потерял всю свою семью. Тогда была только боль и злость на весь мир и Скайнет. Злоба и жажда страшной мести. Но тут было что-то, что вызвало иные эмоции, помимо боли и злобы. Это было вызвано иными сложившимися обстоятельствами и положением. Даже любовью. Скрытой любовью к своему молодому бойцу как к родному ребенку и сыну. Может единственному прижитому сыну, который был у него, майора Кравцова и единственное, что осталось у него и последнее, которое у него снова отняли, как когда-то всю семью.

Он качал своей головой майора в разные стороны, не веря все еще в случившееся. Его трясло одновременно от боли и горя и ненависти на весь свет.

— Я боялся именно этого. Именно этого — он как безумный, удрученный разочарованием и очередным ударом и горем произносил как заведенный Кравцов — Именно этого я боялся Алешка. Именно этого. Лучше бы я был на твоём месте.

— Будешь, если присоединишься к Скайнет и не сбежишь отсюда — произнесла, без всяких эмоций, машина отпуская майора Кравцова — Слушай меня, Виктор.

Киборг смотрел на Виктора пристально, и не моргая своими синими глазами повзрослевшего тридцатилетнего Алексея. Из-под которых, в глубине внутри самих глазных человеческих, нарощенных в глазницах бронированного, похожего на человеческий череп яблочек, горел яркий красный свет глаз камер машины терминатора и инфильтратора.

Он обратился к нему уже не как к майору и как к своему непосредственному в прошлом командиру. И даже, просто к более взрослому человеку. Скорее как к боевому товарищу. Товарищу по несчастью. Перехватив мгновенно инициативу силой машины над человеком. И даже проводя психологическое давление на потрясенного и убитого этим жутким потрясением майора Виктора Кравцова.

— Завтра будут работы за внешним периметром крепостной цитадели по очистке водостока — произнесла машина Виктору. В этой части цитадели.

Виктор даже не узнавал когда-то почти тихого, хоть и расторопного на его команды молодого подчиненного полностью ему мальчишку. Это был уже не совсем тот двадцатилетний послушный и исполнительный мальчишка. Командир боевого отряда молокососов сосунков БС55142, Пион. Это был вполне взрослый сформировавшийся воин и машина в одном теперь лице. И это было видно, по его общению с Кравцовым. И теперь было невозможно сказать, кто был теперь командиром ему. Думается уже никто, кроме Главной Генеральной машины этого бункера и «УЛЕЯ» Скайнет.

— Я это уже слышал в блоке X19 — ответил ей Виктор, так и не сводя своих в слезах разочарованных и убитых очередным ударом и горем глаз с робота VBY999000749. Его вдруг затрясло от бешеной уже ярости и глаза налились злобой и бешенством.

— Я...! — он прорычал вслух, и Алексей снова схватил его за ворот его тюремной одежды, но он еще произнес в глаза машине — Если бы я знал, что тебя превратят в это, я бы сам убил тебя еще там, в ракетном бункере. Чтобы ты не был тем, кем теперь стал. Потому, что ты мне дорог как родной сын, Алексей.

— Поэтому я хочу спасти тебя. И еще кого-нибудь — произнес ему Алексей в теле машины.

— Спасать не надо уже — произнес дрожащим голосом ему Виктор — Мне теперь все уже равно.

— Заткнись, майор! — крикнула на него машина — Возьми себя в руки!

— Теперь, я хочу просто умереть — еще успел произнести Кравцов — Лучше пусть убьют. Хоть люди, хоть машины, мне уже все равно.

— Я сказал, молчи, пленный под номером АВN005672237! Если не хочешь остаться навечно под этим своим номером лагерной пленной крысы! — произнесла, громко еще раз ему та машина — Это единственный шанс на побег из крепости. Всем, кто там будет работать, больше так не повезет уже никогда и никому. Я буду тоже там, и помогу тебе и всем, кто там окажется сбежать из этой вечной тюрьмы. Ты должен сам выбрать себе того, кто будет готов на побег. Сам. Я хочу помочь еще хоть кому-то обрести свободу. Тому, кто рискнет и решится на это.

Киборг Т-888 по имени Алексей отпустил снова майора Виктора Кравцова, лишь держа обеими руками манипуляторами, сжав с размеренной силой машины механические под человеческой плотью и кожей пальцы на обеих длинных рукавах тюремной одежды майора Кравцова. И удерживая того, на случай всякий от новых вероятных порывов бешенства и боли. Даже от того, что тот может даже упасть в случае такого потрясения от обморока на бетонный пол авиаангара. Потому как по показателям самой машины и психоанализу, выведенному на коммуникационный дисплей 40000000битный видеомонитор робота три восьмерки, майор Кравцов был в состоянии полной неменяемости и шока. В состоянии практически неуправляемости и срыва. Близкого к состоянию сумасшествия.

— Алешка — протонал Кравцов снова, и уже отпустив свой дикий бешеный гнев и ярость Советского боевого офицера, до жалости и сочувствия — Что они сделали с тобой... Что они сделали с тобой...

Кравцов опустил свою военного офицера голову и затрясся от плача, как отец по родному убитому сыну.

— Ты нужен мне живым, понял меня, майор Кравцов? — спросила его машина VBY999000749 по-имени Алексей.

Тот покачал, молча и послушно опущенной головой.

— Тогда, готовься и иди — машина Т-888 произнесла ему — Идем, я провожу тебя до дверей ангара.

Виктор повернулся, не подымая головы и все еще плача, стыдясь своих скупых мужских слез, пошел на ватных дрожащих ногах, шеркая ими по бетону тюремной обувью и в сопровождении киборга три восьмерки.

Они оба подошли к стоящему Т-700. В похожем, на монашеский черный наряд в наброшенном на металлическую голову робота капюшоне Клаусу Вернеру. И уже втроем вышли из авиационного ангара на улицу. Проходя мимо Т-500Т, приветливо гудящих машине три восьмерки и жужжа электронными звуками. И пошли к стоящим двум машинам ВL-V9, сопровождаемые двумя роботами сопровождения Т-600.

Мимо проехали многорукие машины ремонтники В7-А17V и большая машина эвакуатор WK-80, груженная списанным и полуразобраным на детали старым ОУ НК AERIAL V4 — воздушным охотником. Без вооружения и посадочных гидравлических рук манипуляторов. Из летающего охотника торчали местами провода. Рядом лежали снятые с него три реактивных турбинных двигателя.

Все это везли с аэродрома на свалку за железнодорожное крепостное ДЭПО.

— Это то, во что превращается любой робот — произнес Виктор.

— Не каждый — ответила ему машина три восьмерки — У нас широкий выбор. Можно, жить долго и почти вечно. Можно, вот так отработав свой срок, просто оказаться на свалке. У людей выбор вообще не широк.

— Ну и чем вы лучше, когда вот так окажетесь на свалке? — произнес, уже собравшись с силами и мыслями, Виктор Кравцов киборгу Т-888 — Разве, Алексей это лучше?

— Я же сказал, это не мое личное желание и не мой выбор — ответила ему машина инфильтратор — Это судьба. Как у вас у людей.

— К черту судьбу! — Виктор снова крикнул, глядя на Алексея в теле робота — Нет той судьбы, которую мы делаем сами!

— Вы все люди делаете не судьбу, а свои ошибки — ответила ему, спокойно, машина по имени Алексей — Все люди. Это и привело вас к этой войне.

— Это тебе сказал Скайнет? — произнес ему Виктор.

— Нет — ответил Виктору Алексей, когда того заталкивали Т-600 в машину ВL-V9 — Это я понял, тогда, когда стал машиной.

Когда машины отъехали, и ушел сам киборг Т-888. Из глубины авиационного ангара вышла машина Т-1001 по имени Верта. Она, также прошла мимо охраняющих ангара андроидов Т-500Т и те тоже ее поприветствовали жужжанием и стрекотанием на языке машин. Она приказала им, следить, как следует за ангаром, докладывая по внутренней связи Скайнет и ей, обо всем, что происходит. И вызвала еще одну колесную автоматическую робота-машину ВL-V9, чтобы добраться до сектора программирования и сканирования В-14 и блока X17.

Верта была не замеченной никем. Ни машинами устаревших серий Т-600 охранниками базы и конвоирами пленных. Ни Т-700, подручным Клаусом Вернером. Ни самим ее возлюбленным роботом три восьмерки под номером VBY999000749 по имени Алексей.

Машина Т-1001 на то и машина тысячной серии, чтобы маскироваться так, чтобы быть незамеченной. И таким машинам как Т-800, Т-850 и даже киборгам инфильтраторам новейшей серии Т-888, было порой крайне трудно их обнаружить, когда они весьма умело, прятались и использовали, свой продвинутый жидкометаллический полиморфа робота

21 мая 2032 года.

Восточная Сибирь.

Подземный ракетный бункер полковника Остапенко.

В пятидесяти километрах от базы Скайнет.

12: 25 дня.

Остапенко отдал распоряжение в подготовке к наступлению. Наступила пора действовать. Это то, что все ждали.

Была проведена командиром бункерной разведки лейтенантом Семеновым разведка прилегающих районов по правой стороне и вблизи на доступном расстоянии всех возможных подходов к правобережной цитадели Б Скайнет. Это прошло, правда, небезболезненно для самого ракетного бункера полковника Петра Остапенко. При отходе напоролись на двух роботов Т-700, которые совершали пеший обход территории крепости по периметру и случился скоротечный бой. В котором, погибли двое бойцов из его группы разведки. При отходе под огнем двух роторных ленточных пулеметов Гаглинга. Правда, удалось, уничтожить этих двух роботов, но двое парней из группы Родиона Семенова так и остались лежать в районе автомобильной дороги у оплавленных сваленных по обочинам легковых со скелетами сгоревших в них людей машин.

Этот неприятный инцидент имел место и последствия в самом бункере. За что лейтенанту Семенову был втык от самого Остапенко зато, что его подручная Лескова сделала близкий и дерзкий пеший подход к стенам правобережной цитадели Скайнет почти на виду чуть ли не всех машин самой крепости и оборонительных ее крупнокалиберных турелей.

Все в ракетном бункере считали, что им еще повезло. Что Скайнет ничего, почему-то больше не предпринял вдогонку за разведчиками.

Это был шанс вообще не вернуться, но вернулись все, кроме тех погибших двух молодых двадцатилетних парней, которым не повезло лицом, буквально столкнувшись с бронированными и добротно вооруженными обходчиками периметра крепости.

Их тела так и остались лежать там недалеко уже от самого соснового летнего густого леса, ободранного стволами с сорванной черной корой и сбитыми ветками и упавшими шишками в зеленой траве в перестлеке и обожженного раскаленной плазмой 9,25 мм Вестингаузов МЕ-25 разведчиков Семнова и пулями 7,62мм Гаглингов роботов Т-700.

И вот был приказ от полковника Петра Васильевича Остапенко, и пора было действовать. Необходимо было подготовить все к наступлению. Это был приказ из главного штаба на Урале. Он поступил из бункера полковника Гаврилова и его принес тот робот Дэриел и Гавриловского ракетного бункера и лично самому полковнику Остапенко. Он доложил ему, что в бункере Гаврилова идет уже полная подготовка к наступлению и готовится к бою захваченный ракетчиками в авиаангаре вблизи ракетного бункера Гаврилова НК-танк V5.

Долго вот так отсиживаться было уже нельзя, да и всем давно надоела жизнь под землей

как жизнь неких крыс. Все так и рвались в бой. И эта свежая новость для всех была то, что надо. Особенно для ветеранов и стариков военных для таких как сам Перт Васильевич Остапенко и всех его офицеров ракетного подземного бункера.

Рано или поздно, но надо было действовать и этот Гавриловский робот Дэриел, принес радостную для военных хоть и опасную весть. Но сидеть вот так вечно было нельзя. Не для самих военных ракетного бункера.

— Наконец-то — произнес сам полковник Остапенко в кругу своих штабных офицеров бункера — А Гаврилов сам тоже готовится?

— Да, тоже — доложил ему в военной пятнистой форме Дэриел — Я занимаюсь подготовкой кибертанка и его программой. Мне вечером надо быть снвоа там.

— Понятно — произнес полковник Остапенко — Хорошо. Идите пока, а мы тут будем держать совещание с моими офицерами ракетчиками.

— Я отбуду назад в бункер полковника Гаврилова — произнес, напоследок уходя Дэриел — Мне необходимо снова заняться своей работой там.

— Да, хорошо, идите — произнес Остапенко ему.

— Есть — ответил Дэриел и вышел.

Остапенко развернул большую военную карту на большом столе бункера в зале пука ракет, теперь ставшим просто главным штабом бункера. И вокруг собрались все, кто был в его бункерном штабе. А Дэриел развернувшись, и отдав по-военному, и по-русски честь, вышел в сам бункер, закрыв за собой тихо дверь. Он пошел быстро, мимо сидящих у бродящих по бункеру солдат военных. Он зашел за угол в одно из мало посещаемых военными бункера ответвлений полузатесненного коридора и скрылся за дверью одного из жилых боксов. Тут же вскоре дверь снова открылась, и из дверей жилого бокса уже вышел капитан Виталий Руденко и пошел к своим оставленным тут без него молодым бойцам ДОТ70724. Надо было здесь, снова засветиться на время машине из жидкого полисплава. И покомандовать снова молодняком, готовя их к предстоящему бою и подбадривая, тех, кто еще не воевал.

Никто так и не знал, толком кто он. Никто из людей. Это была его надежно разработанная многофункциональная схема одновременных действий самой машины. Такого не смог бы сделать Т-800 или Т-850. Даже более продвинутый терминатор и киборг Т-888. Это было свойственно только роботам из жидкого мимикрирующего полисплава. Все работало как по часам. И все подходило к решающей развязке. Скоро он проникнет в бункер Скайнет первый и уничтожит его. Уничтожит по приказу своего хозяина, имя которого даже не знал. Но жестко выполнял его команды по вложенной в его молекулярное ЦПУ машины директивы. И все команды, вложенные повелителем и Богом в параграф его боевых и важных прерогативных и первостепенных и главных задач.

Он сам все составил и сделал. Много сделал и решил. И вот наступил важный и ответственный момент для самой это невероятно продвинутой машины. Машины способной решать сразу несколько задач и одновременно. Это ее решающий в жизни как самой совершенной машины момент. Машины обладающей правом даже выбора в отличие от машины более раннего выпуска. И имеющей право не выполнять даже эти все задачи, но... Но, выбора у нее не было. Если она не выполнит эту задачу, то не появится в итоге сама. Там в будущем. Откуда машина прибыла сама в этот мир в том металлическом ящике контейнере. Сбежав с подводной лодки американских повстанцев. Потому, что не появиться ее хозяин и повелитель. И это лишало Т-1002 младшего офицера Гуднау отряда особого

назначения AS/DS всех и любых прав личного выбора. И машина решила выполнить эту возложенную на нее боевую задачу как разведчика и машины убийцы, основную задачу. Потом, она сама определит свою дальнейшую жизнь, а пока... Пока, капитан Виталий Руденко окруженный своими молодыми и полюбившими его в этом ракетном бункере бойцами. Показывал им, как правильно совершать совместные боевые действия и показывал на военных картах как атаковать тот или иной участок со стороны базы Скайнет первый. Как правильно бросать пехотные гранаты и проверял снаряжение молодых бойцов. Он нашел двух заболевших в молодняке и отправил в медчасть в бункере. Никто даже не понял, как он это выявил, но что двадцатилетние мальчишки могли понять, если взрослые в этом бункере не заметили подмены. Двадцатилетние мальчишки, просто души не чаяли в Виталии Руденко. Они понятия не имели, как и все в этом бункере, что это машина из жидкого полисплава. И что это робот Дэриел и офицер Гуднау, как и их добродетельный и самый любимый из всех офицеров здесь капитан Виталий Руденко. Капитан, которого уже не было давно в живых, как и Главного штаба на Урале. И все это была разработка этой хитрой стратегической военной машины. Машины своего хозяина. Хозяина, которого не знал никто и даже сама эта машина. Хозяина живущего в третьей точке и времени, под именем Джон Генри.

Если в бункере Гаврилова знали, что Дэриел был робот, только что за робот толком никто не знал. Робот прибывший из штаба на Урале. То тут никто не знал, что Виталий Руденко не Виталий Руденко.

Шла подготовка к наступлению на крепость Скайнет первый. И надо было успевать в два сразу бункера. И только эта машина могла так делать. Ее немыслимая сила и скорость позволяли это сделать. На большом расстоянии между ракетными бункерами, она успевала и там и там. Тайно и незаметно. Готовя оба бункера теперь к штурму оборонительной и лабораторной крепостной цитадели S9A80GB18 «TANTURIOS».

* * *

Они смогли бежать. Буквально сорвавшись с места и скрытно по разрытой глубокой водосточной забетонированной канаве. Четверо. Четверо во главе с самим Кравцовым. Пленные два русских и два американца. И еще этот вырубивший двоих охранников роботов Т-600, робот Т-888. Он теперь бежал первым и они следом за ним, вилля по глубокой бетонной канаве и водостоку вниз и в сторону самой реки.

Похоже, Скайнет не заметил их побег. И этот побег был странным. Возглавляемый роботом изменником, которого они не знали, но он знал их всех и в лицо. И эту машину знал и майор Кравцов, которому они тоже не особо доверяли, но сбежали, так как хотели свободы.

Это произошло уже днем. И их запросто могли видеть с самой крепостной цитадели и уничтожить даже выстрелами с оборонительных башен крепости сами поворотные крупнокалиберные поворотные на турелях установки, или воздушные охотники. Но, все получилось слишком гладко и подозрительно ровно.

Этот киборг убил троих, почти мгновенно роботов охранников Т-600, вооруженных Гаглинггами и их металлические мертвые, теперь переломанные гидравликой и с оторванными головами металлические трупы, лежали в глубокой сточной канаве, сваленные

друг на друга, а они бежали вниз к реке. К самому Енисею.

Эти четверо не доверяли ни Кравцову. Ни тому спасшему их из плена роботу изменнику.

— Если, что — произнес, полушепотом троим с ним бежавшим Михаилу Джону и Фредерику Яков — То бегите в лес и старайтесь найти наших, людей. Любых людей и прячьтесь в лесу, поняли меня? — он их спросил, пока те впереди вдвое, увлеченные бегом, их не слышат и не видят их переговоров, бегущих сзади.

— А мьожет, на нних напьест? — произнес Фредерик у Якова.

— Спятил, что ли? — произнес полушепотом тому американцу Михаил вместо Якова — Хочешь, чтобы нас порешил тот робот. Ему будет это легче сделать даже чем с теми Т-600. Ему даже не надо оружия, чтобы это сделать.

— Странно как-то все это Михаил? — произнес Яков, обращаясь к своему беглецу другу — Над нами даже пролетел ОУ-охотник и не заметил, словно нас. Странно?

— Да, очень странно, но бежать надо — произнес ему в ответ Михаил.

— Этот киборг — произнес Яков — Появился как-то внезапно и этот майор, организатор побега с ним тесно связан. Я еще больше его опасуюсь, чем раньше.

— Я тоже, Яков — произнес в ответ Михаил.

— Ньям надо бьежъять от нних — произнес Фредерик, и Джон кивнул головой в ответ Фредерику.

— Да, нужно отделиться от них — произнес Михаил Якову — Но, постараться незаметно. Оторвемся и рванем в лес, а там глядишь, может, выйдем на наших. Майор рассказывал про ракетные здесь в лесах бункера и приблизительные координаты двух бункеров. Я умею неплохо в лесах ориентироваться. Раньше служил в военной разведке. И даже, обходиться без компаса — произнес шепотом Михаил Якову — Как только оторвемся по-тихому, я поведу вас в сторону тех ракетных бункеров.

— Боюсь, заблудимся и будем шарахаться по лесу — произнес шепотом Яков — Рискованное мы выбрали мероприятие.

— Но, оно, думаю, того стоит — произнес ему и беглым с ними двоим американцам Михаил.

* * *

Они исчезли практически незаметно и тихо, постепенно отставая от впереди них бегущих человека и машины. Непонятно почему, но те четверо, глядя на киборга Т-888 все еще недоверяли самой машине и тому, что было в ней, и решили уйти от них. Все четверо.

Оно было и верно. Они не верили ни Кравцову, равно как и не любили его за его выходки в тюремном том блоке Х19. И были более знакомы друг с другом, чем с ним. Да еще этот киборг. Эта боевая машина самого Скайнет. Неизвестно, чем весь такой побег мог для них сейчас уже закончиться. Вот и решили разделиться. Оставив этих двоих самих по себе. У сваленных кучей пассажирских вагонов некогда в прошлом междугородней электрички. Возле целого нагромождения исковерканного деформированного ржавого с выбитыми окнами напоминающего вагоны поезда металлолома. С вывернутыми спиралью ржавыми и оплавленными ядерным жаром и ударной волной рельсами. Разбросанными тот там, то там по самой насыпи и даже заброшенными на склоны идущих вдоль берега реки заросших молодыми соснами гор. Рассыпавшимися катками вдоль этой насыпи и колесными целыми

парами. Часть этого металлолома лежала прямо в самой реке, видимо когда-то в пути собранного ударом взрывной волны упавшей на город Красноярск водородной американской ракеты.

Они тихо и незаметно, оторвавшись от них двоих. Уйдя в горы. И сам лес, вверх по склону от заросшей густым кустарником старой довоенной идущей по берегу Енисея от самого города Дивногоска железнодорожной насыпи. А Виктор Кравцов и робот Т-888, по имени Алексей пошли вдоль берега реки Енисей. Прямо по берегу вглубь и против ее течения. Они решили так, пока идти вдоль реки.

Их разделение случилось в двадцати уже километрах от лабораторного бункера Скайнет. Они долго плелись сзади, порядком отставая от усталости. И вдруг незаметно исчезли.

— Они, просто по-тихому смылись от нас — произнес Виктор Кравцов роботу Т-888 Алексею.

— Я это предвидел — произнесла ему машина три восьмерки — Они так и должны были сделать. Нам с ними не попути, Виктор. Пусть сами теперь ищут свою свободу.

— Если найдут, Алешка — произнес киборгу Кравцов Виктор — Скорее, смерть от рук своих же. Им повезет, если их просто повяжет разведка какого-либо бункера и если отмажутся от суда и расстрела.

— Да, люди действительно хуже машин — произнес робот три восьмерки — Я это понял, только именно сейчас. Они могут даже без всяких причин и выгодных расчетов просто убить себе подобного. Просто убить и все.

— А Скайнет, не такой? — произнес Виктор машине и Алексею в одном лице.

— Нет, Виктор — произнесла ему живая, почти как человек машина — Скайнет без основательной на то причины не убивает.

Он вдруг вспомнил снова погибшую Юлию, и пробудилось в его робота и человека памяти, снова то, что он прежил тогда.

— «Она убила Юлию» — отобразилось на его коммуникационном дисплее 40000000битном встроенном в его бронированную колтаном голову киборга-гибрида видеомониторе — «Эвелина убила Юлию».

Он остановился вдруг и майор Кравцов чуть не воткнулся машине терминатору в широкую и мощную киборга и одновременно теперь человека спину, обтянутую искусственной похожей на кожу из полимеров надетой на Т-888 с поднятым воротником черной курткой.

— Что случилось? — спросил Кравцов из-за спины впереди идущей машины, когда та, резко вдруг остановилась.

Робот молчал, будто машина зависла в своей программе и управлении.

— Что с тобой, Алешка? — произнес он, снова обращаясь к нему.

— Так, ничего — ответил, вдруг встрепенувшись весь всем своим телом киборга Алексей.

Он, словно пробудился от кибернетического своего, внезапно охватившего робота сонного программного оцепенения.

Машина по имени Алексей посмотрела на быстро текущую воду, куда-то вдаль на зеленеющие тоненькими березками и сосенками низкие еле выступающие из воды острова.

— Ты видишь их, Виктор? — спросил Кравцова киборг Т-888.

— Кого? — удивленно в ответ спросил робота майор Кравцов.

— Утки — произнесла машина — Живые и настоящие утки, там, у берега тех островов и у них есть утята. Они вывели утят. Жизнь берет свое снова. Вот только что получит в ответ от природы человек?

— Ты знаешь про диких уток? — спросил снова удивленный и пораженный Виктор у машины Т-888.

— Да, знаю — ответил ему робот по-имени Алексей — Раньше ничего не знал, когда был просто человеком и Егоровым Алексеем, а теперь все знаю. И знаю, кто жил на этой земле помимо людей и как люди сами все угробили, создав Скайнет. Это заложено в моей программе внедрения. Это есть у всех киборгов и андроидов Скайнет, предназначенных для общения с людьми, маскировки и слияния с человеческим обществом и выполнения поставленных задач. Мой теперешний носитель, моего, человеческого Я, машина, предназначенная для разведки и диверсий. И это есть в программе внедрения и в моей базе программных данных и личной встроенной в ЦПУ картотеке.

Кравцов решил поговорить с Алексеем и машиной в одном лице, хоть о чем-то. Они долго так шли, почти не разговаривая, пока те четверо плелись за их спинами. Любуясь летним Енисеем и бурным его течением. И рассматривая противоположные на другой стороне среди скал, густым сосновым зеленым лесом покрытые горы.

— Твои источники питания, Алексей не излучают радиации? — спросил его Кравцов — Я не получу от тебя лучевой болезни?

— Нет, Виктор — ответил ему робот три восьмерки — Они водородные с малой степенью радиации. И к тому же, они надежно и хорошо экранированы в отличие от ядерных на уране и плутоние.

— Он все рассчитал — произнес ему Кравцов — Все рассчитал. Он изначально это место готовил для этой своей базы. И, именно здесь в Восточной Сибири. Он Красноярск обвел своим красным карандашом на своей военной карте.

— Скайнет специально атаковал Восточную Сибирь водородными ракетами — произнес Алексей — Это он мне сам рассказал. Он уже тогда планировал здесь создать эту лабораторную крепость по массовому содержанию пленных и созданию человекоподобных киборгов-гибридов, таких как я. Ему не нужна была зараженная территория на тысячи километров как везде. Здесь была зона отчуждения. Специальная зона для выживания того, что могло еще выжить.

Они оба посмотрели на взлетевших с кряканьем над темными речными бурными волнами Енисея в стайках диких уток. И среди них был действительно молодняк.

— Жизнь все равно берет свое — произнес Виктор Кравцов — Ты прав, Алексей.

— Может и правильно, что они отсоединились от нас — произнес, вдруг киборг Алексей.

— Возможно и так — ответил ему Кравцов — Но, их поймают, рано или поздно, но все равно поймают. И им теперь некуда идти, как только к людям.

— Я знаю, куда нам надо идти потом — произнес ему робот три восьмерки.

— Куда? — спросил Виктор.

— Объект «ВЕТА» — ответил ему робот Т-888, по-имени Алексей.

— Но там, заброшенный муравейник — произнес Виктор — Там погибла группа нашего профессора кибернетика Семенцова.

— Я знаю, но это, то место, где можно спрятаются обоим. И никто больше не явится туда — произнес киборг Т-888 — По крайней мере, какое-то время. Там своя зона отчуждения.

Забытое и брошенное место. И там искать не будут.

— Там живут старые андроиды — произнес киборгу Алексею Виктор Кравцов — Тебя они, может и не тронут. А вот я человек и неизвестно как они на меня среагируют.

— Я договорюсь — произнес Алексей — Если неудастся я их поубиваю всех. Но это, единственное место, куда после моей деревни надо уходить. Я проанализировал карту всей местности в этом районе, вложенную в меня и в мою программу. И сделал выводы, что это лучший для нас двоих и обоих вариант.

— У тебя целая в памяти карта местности? — произнес Виктор Кравцов.

— У всех практически машин, нацеленных на боевые действия — произнес киборг Т-888 — Нет только у машин охраняющих базу Скайнет. Раньше я даже карт толком близко не видел, когда был человеком. А теперь, даже разбираюсь в них и знаю, как и что лучше стратегически сделать.

— Вот, как? — произнес Кравцов.

— Да, так — ответил ему робот, по-имени Алексей — После того как побываем в деревне, если нас не укроет мой отец, то есть второй план. Это бункер «ВЕТА».

* * *

Открылась дверь, в подвальную комнату, напичканную до отказа компьютерной аппаратурой и мониторами, вошла машина ТОК715. Она была вся в пулевых ранениях и с поврежденным девичьим лицом. Вся ее джинсовая синяя куртка превращена в лохмотья и вся в крови. Часть лица, просто отсутствовала. Пули от автоматического стрелкового оружия снесли кожу и плоть, отскочив, расплюснутыми от бронированного черепа из колтана. В том месте, где должна была быть кожа, и плоть, торчал и блестел колтан. Глазное яблоко полностью отсутствовало. И вместо живого глаза горел ярким красным огнем и линзами робота подвижный искусственный видеокамерой глаз.

— Привет — произнес Джон Генри, когда машина ТОК715 вошла, переступив через порог к нему.

— Привет — ответила она Джону Генри, киборгу Т-888.

— Я знаю тебя — произносит Джон Генри, вошедшей к нему Кэмерон Филлипс.

— А я знаю тебя — отвечает ему машина по-имени Кэмерон Филлипс.

— Ты присоединишься к нам? — спрашивает он ее.

ТОК715 достает свой раскладной нож и закрывает за собой входную в подвальную комнату дверь.

Глава 15: Последний поклон

Джон Коннор первым ворвался в нижнюю комнату, где находился Джон Генри. Он и увидел первым сидящую на стуле без движения своего робота ТОК715 по-имени Кэмерон Филлипс и сразу же подбежал к ней.

— Ее чип! — произнес он в панике, взявшись своими руками за голову мертвой недвижимой машины — Он исчез.

Джон Коннор был просто в ужасе охватившем его. Он обежал вокруг стула и сидящей мертвой машины. Когда все другие уже вошли в эту комнату, где гудящие стояли серверы с программами, но комната была пустой. Лишь на полу у стола, где сидела машина Т-888 по-имени Джон Генри, валялся высоковольтный кабель и другие провода. На столе где лежали разные раскрашенные фигурки и игральные кости, лежал раскладной нож робота ТОК715 по-имени Кэмерон Филлипс.

— Где он, где Джон Генри?! — прокричал присутствующим Джон Коннор — Он взял ее чип! Куда он пошел?

— Он не брал чип — произнесла машина Т-1001, директор атомной станции и компании «Зейра Корп» Кэтри Уивер- Она сама отдала его.

— Джон — произнесла ему его мать Сарра Коннор. И тот обернулся.

Сзади его на экране одного из мониторов высветилось — Прости Джон...

— Прости Джон... — несколько раз.

Джон обернулся и снова посмотрел на Кэмерон Филлипс. Он был в отчаянии.

— Где он? — повторил, снова обращаясь, чуть ли ко всем сразу и убитый горем от близкой теперь потери. Потери машины, которая ему была теперь очень близка. Он уставился на робота Кэтрин Уивер, и та произнесла всем — Нигде, когда.

— Что значит, когда? — произнес, вообще ничего не понимающий мистер Элисон.

Джон увидел на задней стенке среди экранов монитров небольшой мигающий лампочками сервер.

— Это же «Турок»! — произнес удивленно Джон Коннор — «Турок» Энди Гуда!

— Три точки — произнесла Сарра Коннор и злобно уставилась на Кэтрин Уивер — Три точки и три направления.

— Три Скайнет — поправила ее машина из жидкого металла. Включая один из серверов, большой установки в подвале своей компании «Зейра Корп» временной переместитель нового типа и от нее самой как ключ к запуску самой установки встроенный в виде отдельной программы в виде слившегося с ее жидкометаллическим телом такого же жидкометаллического угря.

— Ах ты, лживый стервинатор! — произнесла, сверкая злобными и взбешеными такими же как Кэтрин Уивер зелеными глазами — Ты строишь Скайнет!

— Нет — ответила ей громко, но выдержанно спокойно машина Т-1001 по-имени Кэтрин Уивер — Я делала оружие против него. И еще неизвестно кто тут стерва.

Их взгляды встретились, взгляды двух женщин. Взгляды двух противоборствующих миров. Взгляды двух матерей. Матери Скайнет и матери Джона Коннора.

— Вы идете Джеймс? — спросила Кэтрин Уивер, уже обращаясь к своему личному охраннику мистеру Элисону.

— Иду? — спросил ее тот удивленно.

— За Джоном Генри — ответила Кэтрин Уивер — За нашим сыном.

— Он мне не сын — ответил мистер Элисон — А вы...

Робот Верта прервала его — Может, тогда вы заберете Саванну? Физкультура закончится в 5:30.

Кэтрин Уивер перевела свой холодный робота Т-1001, почти ледяной взгляд зеленых из металла полиморфа женских глаз на стоящего Джона Коннора и Сару Коннор.

— А вы присоединитесь к нам? — произнесла снова машина Т-1001 по-имени Кэтри Уивер.

В это время заработала целиком вся темпоральная временная установка. И даже воздух в подвале и комнате наэлектризовался сверкающими молниями разрядами и запахло озоном. Пошел захват торсионными магнитными полями живого пространства, превращая одну материю в другую. И создавая коридор и проход между двумя мирами. Миром прошлого и миром будущего.

— Джон — произнесла Сара Коннор сыну Джону — Мы не можем Джон.

— Он забрал ее чип! — произнес, продолжая паниковать и растерянно, ей в ответ в полном мальчишеском любовном отчаянии Джон — Она у него.

В это время произошел отсчет времени на большом одном экране монитора. И Сара Коннор и ее сын Джон, вместе с Кэтрин Уивер и сидящим на стуле мертвым, отключенным роботом по-имени Кэмерон Филлипс, оказались в образовавшемся световом гудящем на всех звуковых интонациях шаре. Сформированного из частиц самого подвижного лучистого живого света.

Но Сара Коннор отступила назад и вышла за образовавшимся световой насыщенный разрядами светящийся шар. И осталась стоять рядом с мистером Элисоном за пределами яркой уплотняющейся светом и электроразрядами яркой искрящейся сферической межпространственной материи.

— Мама! — произнес громко в ужасе и страхе Джон — Летим за ней!

— Нет. Я остаюсь — ответила сыну Сара Коннор — Я остановлю его.

* * *

21 мая 2032 года.

Восточная Сибирь.

Манское нагорье.

В пятидесяти километрах от базы Скайнет.

23:20 вечера.

Это долгое блуждание по горам и долгие привалы. Он как человек идти, так как машина не мог. Алексей ему предложил донести Кравцова на себе до бункера Остапенко, и оставить его там, но Виктор наотрез отказался.

— Ты хочешь, чтобы меня расстреляли своиже? — произнес он идущему впереди него роботу Т-888 в котором, был теперь его бывший подчиненный Егоров Алексей — Расстреляли как изменника? Они считают меня наверняка уже предателем, раз я был в плену у Скайнет.

— Неужели нет, и не будет никаких оправдательных доводов в твою защиту? —

произнес ему он робот Т-888 — Я раньше такого не знал Виктор, когда был твоим подчиненным мальчишкой. Я считал, что майор Кравцов сможет всегда выкрутиться из любой сложной ситуации.

— Здесь не выкрутиться, Алешка. Особенно военному. Я был неоднократно свидетелем подобных судов и расстрелов — произнес в ответ ему Кравцов — Всех, кто попадал в руки людей, недолго расспрашивали, что и как? Просто, расстреливали и все. В моем положении, это будет точно, Алексей.

Они остановились в межгорье среди сосен и сделали снвоа привал, чтобы кравцов мог отдышаться. Они уже прошли больше двадцати километров пешим ходом, и у майора Кравцова гудели ноги. И слабость не давала ему идти и тогда даже не спрашивая разрешения, Алексей просто схватил Кравцова и посадил на себя верхом. И понес вверх по склону горы. Эндоскелет машины Т-888 не испытывал усталости. Это был робот, самый совершенный из линейки восьмьсот. Все доработанные до максимального совершенства механизмы машины, его гидравлика и сервоприводы с подшипниками плавного качения позволяли даже бегом делать это.

Кравцов сейчас думал о том, сидя на спине машины как его воспримет его родной отец. И это было единственное место, где они могли на какое-то время укрыться от возможного преследования, если что.

Алексей просто рвался в свою деревню и к своему отцу. Он четко дал ему понять о том, что было целью его побега, и для чего он теперь бежал из плена Скайнет. Он не знал, что те четверо уже попали в плен и их привели в бункер Остапенко. И что они рассказали, что бежали не одни. Что их сопровождал и помогал бежать из плена робот. Сейчас эта машина и человек в одном лице несла его майора Кравцова именно и только в ту лесную староверческую деревню затерянную высоко в Саянских горах и в верховьях речки Маны. Алексей сказал, что не бросит его майора Кравцова ни за что. Он его бывший командир и они теперь оба беглецы и изгои с обеих сторон. И им теперь надо бояться и Скайнет и ракетчиков военных. Особенно разведку двух бункеров. Особенно разведку полковника Гаврилова. Та шастает по лесам и горам постоянно и с собаками. А те, чуют роботов как медведя за версту.

— Не надо было их отпускать от себя, Алешка — произнес роботу и человеку майор Кравцов — Если их взяли, они нас сдадут и ухом не поведут. Хоть мы их и спасли от плена. Под прицелом автоматов они все расскажут, дабы выгородить свои задницы от суда и расстрела, хоть как-то.

— Никогда бы не подумал — произнес Алексей Виктор Кравцову — Что люди способны на такое. Вот так расстрелять, почти не глядя на то, что пленные. Даже Скайнет так не делал никогда. Пленный, это пленный.

— Я знаю, Алешка — произнес ему Виктор, сидя у него за спиной машины и человека — Если они нас сдадут, тогда пиши, пропало. И в той твоей деревне не будет нам жизни.

Уже подходил вечер. И быстро снова темнело.

— Пора отдохнуть, Алексей — произнес ему майор Кравцов.

— Устал сидеть у меня на спине? — произнес непереставая быстро идти почти бегом ему робот три восьмерки.

— Да, приятного мало — произнес Кравцов роботу Алексею — Задница уже отваливается.

Это было, похоже на езду на лошади и без седла. И у Кравцова болели ноги. И задница,

постоянно стучаясь о металлическую бронированную спину эндоскелета под плотью и кожей робота Т-888, тоже болела.

Близилась ночь, и было уже где-то часов десять вечера. Наступила полная тишина. Тишина без лесных звуков. Когда-то лес в вечернее и ночное время был полон звуков ночных сверчков и крика ночных птиц. Но их не было теперь. Все унесла ядерная война, и ледяная ядерная зима по всей планете. Теперь была только тишина.

Они видели, правда, двух горных маралов на одном из склонов гор. Те, проводили их долгим своим взглядом и убежали в густую лесную чащу, сбивая рогами низкие тонкие ветки с сосен. Еще тех диких летающих уток с детенышами, там далеко внизу на реке.

Они сделали привал на самой макушке одной из гор. Алексей посадил Кравцова под одной из сосен и просканировал вокруг себя биосканером Т-888 вокруг всю местность. В наступающей темноте он включил ночное видение и посекторно просканировал местность, параллельно проверяя все свои данные встроенной программы и технические данные робота Т-888. Чувствуя всю свою текущую в машине энергию и биотоки. Надо было проверить свое ЦПУ. И еще раз данные заложенной в машину программы. Робот заглушил свою связь со Скайнет и отключился от Генеральной машины. Она постоянно держала с ним свою связь. Она просто не давала ему покоя. Все только и знала, что разговаривала по внутренней связи со своим теперешним сыном. А он в ответ ей молчал и не произнес ни слова. А она уговаривала его вернуться к ней и говорила о любви как матери к родному сыну. А он упорно молчал и шел в свою деревню к родному живому отцу и к кладбищу, где лежит его мертвая настоящая мать. Он хотел увидеть родную свою деревню и живого отца. Он даже не думал сейчас о том, как тот его теперь встретит. Он просто, хотел его увидеть, как и могилу своей умершей матери. Он робот и человек в одном лице. Это все, что он Егоров Алексей сейчас хотел.

— Я буду контролировать всю местность вокруг — произнес робот по-имени Алексей — Ты можешь отдохнуть и поспать пару часов. Потом снова пойдем. Нам надо к утру быть в нашей деревне. Отец нас примет и все поймет. Я постараюсь все ему объяснить.

Кравцов не верил в это. Все же в этой машине еще остался тот наивный еще совсем, человеческий мальчишка. Там, где-то в самой ее глубине и в душе того, что жил теперь в этом роботе. Он уже предчувствовал, что все будет совсем не так, как Алексей задумал. Все будет совсем подругому.

* * *

В ракетном бункере стояла суeta. Весь просто бункер был на ушах. Все кругом готовилось и проверялось. Причем многократно. Все снаряжение, оборудование и оружие.

Проверялись все боеприпасы и исправность плазменных трофейных винтовок Вестингауз ME-25. И к ним всех плазменных батарей.

По приказу полковника Остапенко вскрыли полностью опечатанный им лично, ракетный бункерный склад. И все теперь, везли со всех сторон по длинным бетонным переходам и этажам оружие.

Взяли все. Даже обычное стрелковое. Все виды калашей, какие только были в списке хранилища. Взяли, из обязательного, пулеметы и 5,5бмм и 9,39 мм системы Гроза и ВАЛ. И особенно гранатометы, разных типов и управляемые противотанковые ракетные с

кумулятивной начинкой комплексы и ЗРК. Даже просто, набрали целый контейнерный вагон, обычных пехотных гранат Ф-1 и РГД-5 и подствольных гранат ВОГ.

Проверяли приборы ночного видения и тепловизоры и бинокли. Одевали и примеряли новые, взятые со склада у коптерщика Нетмана бронежилеты Веста БП-8 и Омега БП-9. Правда, не всем такое счастье досталось. Большая часть была одета в обычные кевларовые бронежилеты. Особенно молодые солдаты. Еще получили теплоизоляционные у полковника Гаврилова с его склада ракетного бункера бронированные костюмы СКАТ-7. Выделенные для штурма крепости Скайнет и защиты солдат. У Остапенко кроме кевларовых бронежилетов, таких раньше не было. Все грузилось в три вездехода крытых пятнистыми брезентовыми маскировочными тентами. Для перегона к ракетному бункеру полковника Глеба пантелеймоновича Гаврилова и воссоединения с его ракетчиками. Там тоже шла подготовка, и готовилось все для штурма Скайнет. Даже колесный транспорт в виде легковых машин типа УАЗ и установленных на них плазменных 11мм плазменных пушек ПЕК-14, достаточно тяжелые RBS-60, выпуска, как и винтовки Вестингауз ME-25 компании Дженерал Динамикс. Так называемая «Косилка Жнеца». И плазменные винтовки Вестингауз ME-45 и ME-50, более громосткие и тоже на специальных установках в кузовах машин.

Вообще воины полковника Гаврилова были лучше подготовлены и оснащены, чем люди полковника Остапенко, вот и Гаврилов решил поделиться перед главным и решающим боем с полковником Остапенко своим военным хранилищем.

Полковник Остапенко раскопал, где-то в складе завалившиеся старые ручные противотанковые тяжеленные гранаты РГД-33. Еще Советского военного производства. Их давно уже не выпускали, но тут они еще были в этом старом военном ракетном бункере.

Все носились как угорелые. А младшие офицеры бункера от лейтенантов до капитанов, подгоняли всех и руководили загрузкой двух гусеничных тягачей вездеходов.

Готовилось наступление на базу Скайнет. Совместное наступление всех бункерных отрядов, санкционированное Главным штабом. Прибыли даже люди из штаба в бункер полковника Гаврилова. И большая часть отряда майора Ващенко с Дивногорской плотины. Они утверждали, что стоящая на месте Дивногорска база Скайнет «ZETTA-TET», перестал подавать какие-либо сигналы в эфир. Говорили что она самоотключилась. Причем вся. Разведка Ващенко подходила, вообще к железобетонным стенам горной оборонительной цитадели S9A80GB-15. И не было никакой ответной реакции на вторжение в прилегающий оборонительный периметр.

Правда, и лезть на стены и за ворота крепости никто не лез, но там стояла тишина. И крепость «ZETTA-TET» не подавала признаков жизни.

Что происходило, никто не знал, но надо было готовиться ко всему. А тут еще поступил приказ сверху с главного штаба на Урале. Приказ о срочном наступлении.

Вообще, кто все это организовал, никто не знал. Мол, все стало известно от прибывшего из будущего на машине времени робота. И почему-то все верили ему. Верили какой-то машине. Машине из жидкого металла Т-1002, прибывшей из предполагаемого вероятного будущего. Одной из временных параллелей.

Многие даже в машину времени не верили, а тут верили какому-то жидкометаллическому роботу. Роботу из мимикрирующего полисплава, захватившему новый, прямо с грузовой платформы, огромный штурмовой робот НК-танк V5. И перепрошитому в программе его собственными руками. Роботу из бункера полковника Гаврилова. И прибывшему в этот бункер из главного штаба русских повстанцев.

Все верили этой машине, лишь потому, что она из главного штаба. И там вероятно, все знали и обо всем. Вот и готовилось это наступление. Наступление теперь на правобережную крепостную цитадель Б. Аэродрома и крематория с прилегающей территорией. С последующим захватом всех мостов и левой стороны крепости Скайнет цитадели А, с лагерями пленных и лабораториями. И главного его внутреннего сектора Х30. Главной Догмы бункера Скайнет. Его сердца. И лабораторий по производству роботов гибридов и хранилища самих машин.

Почему правую Б? Потому, что левая А, была фактически вообще недоступна штурмующим. Она была лишена подходов со стороны бункеров в отличие от правой. И стены из железа и бетона были выше.

Как ни странно. Все произошло именно с отключением цитадели S9A80GB15 «ZETTA — TET». Поступила радиограмма от майора Ващенко и его ребят и следом приказ из главного штаба по всем ракетным бункерам. И вот шла полным ходом подготовка к тому, что все так долго ждали и хотели.

Многие уже дано заметили, что уже давно не велась Скайнет разведка с воздуха всех окрестностей далеко от самого Скайнет. Летающие ОУ-охотники, уже давно не кружили над горами и не выслеживали свою добычу. Не так как было раньше, когда высунуться даже нельзя было. Везде шныряли малые дискообразные разведчики и вели слежку за всеми районами гор и леса. И ловили всех кого поймают. Если не удавалось взять живым, то цель уничтожалась.

Теперь уже мало кто помнит это. Когда даже нос было страшно на улицу высунуть. Все сидели как крысы по норам. Человеческим норам.

Что-то случилось с самим Скайнет и уже давно. И сейчас видно, пришлось подвести итог всему. И готовилось решающее наступление на главную базу Скайнет S9A80GB18 «TANTURIOS».

Ходили слухи по бункерам, что Скайнет просто сломался. Сама Генеральная машина. Съехала крыша у самого главного суперинтеллекта. Может даже там в самой Америке. И это идут отголоски ее сбоев. В программах и неисправностях.

Может, там, в Америке повстанцы американцы чего-то все же натворили, и это аукнулось здесь. И нельзя упускать теперь важного момента. Но, кто-то сказал, что это недавнее появление в бункере полковника Гаврилова того двадцатилетнего мальчишки. Мальчишки изменника с двумя роботами с самой базы «TANTURIOS». Мол, это он все сделал здесь. И все стало решительно меняться с момента его побега и гибели тех двух роботов.

Таких было немного. И слух этот быстро притих. И о нем никто больше не вспоминал. Кроме майора Кравцова. Которого тоже теперь все искали как предателя. Который защищал какого-то робота. И не давал его убить ракетчикам. И их говорят, искали две группы разведчиков по всем горам и лесу. Где-то в районе Манского нагорья. Где их видели в последний раз. Это робот вроде спас Кравцова из плена, но на сторону машины никто не встал, кроме майора Кравцова. И все теперь ждали когда того робота перебежчика убьют.

— Капитан Руденко — произнес Остапенко.

— Да, товарищ полковника — произнес в суматохе Руденко — Слушаю вас.

— Все собрали? — он спросил капитана — Все, что есть из бронебойного?

— Так точно, товарищ полковник — ответил капитан Руденко — Даже ПТР один из завалившихся на складе. И зажигательные к нему с бронебойными.

— Хорошо — произнес, довольный сам собой и подчиненными, созерцая со стороны людскую суету. Выйдя из бункерного своего главного штаба с другими штабными офицерами полковник Остапенко — Очень хорошо, капитан. Надо успеть выдвинуться к отряду Гаврилова и Ващенко для соединения. Сегодня должно все решиться. Все, что мы так долго ждали. Надо пробиться в этот чертов мамкин «УЛЕЙ». В этот гребанный муравейник — полковник грубо выразился — Другого шанса у нас не будет, господа офицеры — произнес он, и обернулся к своим штабным офицерам — Пришел доклад о том, что Скайнет ослабил оборону своих укреплений.

— Может, это ловушка — произнес кто-то из состава офицеров.

— Может и так — ответил полковник Остапенко — Но, надо воспользоваться моментом и пробиться в его крепость. Заканчивайте подготовку капитан Руденко — Остапенко обратился громко снова к капитану руководящему погрузкой вооружения в вездеходы и гоняя всех вокруг по бункеру.

— Есть, товарищ полковник — отрапортовал Руденко. И принялся еще интенсивнее всех гонять туда и обратно по бетонным бункера длинным со слабым освещением коридорам и лестницам. Слышен был только топоток от ног и стук, и грохот металлических дверей в бункере. И голоса людей. Военных ракетчиков одетых кто в военную пятнистую зеленку, кто просто в старенький ПШ. Тут же бегали и переодетые гражданские и обслуга бункера. Даже их по приказу полковника Остапенко взяли в запас. И вооружили в поддержку военным.

— Круглов! — позвал полковник лейтенанта командующего двумя теперь, полностью молодым объединенным соединением ДОТ70724.

— Слушаю, товарищ полковник — произнес громко подлетевший, почти впритык к Остапенко Круглов.

— Кравцова еще не нашли? — спросил полковник.

— Нет, пока ничего от лейтенанта Семенова — ответил ему лейтенант Круглов — Я передал ему еще в распоряжение Багиру и два молодых отряда. Но, до сих пор еще ищут. По рации докладывают, что видели их в деревне и теперь идут по пятам. У них собаки и они скоро их найдут.

— Обоих видели? — спросил снова Остапенко.

— Да, Кравцова и этого предателя как его там? — произнес лейтенант Лев Круглов — Вроде они побывали в доме отца того беглого. И направились на местное деревенское кладбище. В общем, Кравцова скоро возьмут и это как там?

— Значит, те беглецы пленные лагерники не врут. Ладно, не важно, как там — как бы про себя произнес Остапенко — Хорошо, что его брат сейчас в отряде майора Ващенко. И ничего о дезертире не знает.

Офицерский состав бункера стоящий рядом с ним слышал его слова, и покачали все в ответ, головой наблюдая столпотворение и беготню по ракетному бункеру.

— Лейтенант — произнес громко полковник Остапенко, обращаясь снова к лейтенанту Круглову.

— Да, товарищ полковник — произнес в ответ лейтенант Лев Круглов.

— Лишь бы нашли. Мне Кравцов нужен живым, понял лейтенант? — произнес Круглову Остапенко — И передай им по рации. Пусть Тамара Кудрявцева передаст. Брать майора Кравцова живым. А этого изменника работа и человека уничтожить.

Остапенко смотрел сейчас на капитана Руденко. Но, тот видимо, занят был работой, и не слышал уже никого и их разговора. Остапенко знал, что Руденко был хорошим другом

Кравцову и будет все равно, отстаивать его, когда майора поймают. И будут судить как изменника рода человеческого. За помощь беглой машине.

Полковник Остапенко до сих пор не мог поверить, что майор Виктор Кравцов, мог до такого снизить в своих действиях. Как самый непримиримый ненавистник всех машин и самого Скайнет, ставший, вдруг вот так помогать машине. Хотя и беглой, но все же машине. Машине изображающей из себя человека. Он как офицер ракетных войск, и просто как человек, так и не мог понять, как и многие в этом ракетном бункере, что могло связывать Кравцова с той беглой человекоподобной машиной.

* * *

22 мая 2032 года.

Восточная Сибирь.

Бывший Красноярск.

Территория Скайнет.

Лагерь S9A80GB18 «TANTURIOS».

Левый берег. Цитадель А.

Подземный блок X30.

Область нулевого пространства GAMMA-X2.

01:50 ночи.

— Внимание! Внимание! — шли команды с самого низа Главного бункера в глубине X30 из самого сердца Скайнет вверх к поверхности и по всей крепостной лабораторной базе — Внимание! Передача по всем серверам и всем блокам и сектора крепости S9A80GB18 «TANNURIOS»! Нападение на правую цитадель крепости! Нападение на правую цитадель крепости! Прорыв в сектора с В-1 по В-9 и захват правобережной цитадели Б. Падение блоков X1 по X9. На территории НК-танк! Объявлена высшая степень опасности! Опасности прорыва через мосты в левую цитадель А! Перекрыть все мосты! — звучали команды из глубины самого бункера Скайнет — Всем! Всем! Всем машинам! Защитить периметр X11 и X12 крепости А, и мосты через реку! Создать оборону в районе секторов В-10 и В-11, В-14 И в районе центральных энергетических и технических зданий в В-2, В-3, В-4 крепости создать линию защиты из машин всех серий. Медицинский сектор В-12 в блоке X50 превести в тюремные блоки с X16 по X18. Сектора с В-10 по В-13 прикрыть ответным огнем первую линию обороны в районе мостов от противника.

Нельзя сказать, что прорыв был неожиданным для машин Скайнет. Но повстанцы ракетчики сосредоточив для атаки все свои силы в одном месте, и применив громадный трофейный НК-танк V5, сумели пробить ворота крепости и ворваться в цитадель Б. Обороне не удалось противостоять. Не смотря на крупнокалиберную артиллерию крепости и ракеты. Правда, и танку досталось так, что ворвавшись на территорию крепости Б, он развалился буквально на оплавленные детали, под огнем противника, еще стреляя по оборонительным крутящимся турелям на башнях из своих 50 — 60мм плазменных орудий CBS- 250 и CBS- 500, и ползя на сползающих гусеницах с катков по голому бетону площадки X1 в районе кирпичного старого крематория в X7 и в секторе В-8, в направлении аэродрома в X9 и

железнодорожного ДЭПО в Х10 крепости в секторах В-9. Еще оставшиеся не захваченными повстанцами ракетчиками. Танк, добив обе башни и уничтожив часть охраняющих роботов-андроидов Т-500Т, пробил своим огнем, вход в крепость Б. Дымя и горя в огне, он замер посреди этой бетонной площадки сам уничтоженный огнем и превращенный в полный металлический хлам.

Но этого было достаточно, чтобы сделать прорыв в крепость попутно истребляя местную автоматическую пехоту Скайнет из плазменных винтовок и ракетных установок, прямо с разрушенных и выбитых ворот крепости.

Прорыв был осуществлен, как и планировалось самими ракетчиками всех вооруженных до зубов ракетчиками отрядов двух бункеров полковника Петра Осиповича Остапенко и полковника Глеба Пантелемоновича Гаврилова. К ним присоединился и большой отряд прибывших пехотинцев с плотины под крепостью S9A80GB15 «ZETTA-TET», по командованием майора Ващенко.

Теперь шла битва за мосты, и переправу на левую сторону крепостной цитадели А. Другого пути к прорыву не было. Это единственная атака и последняя со стороны русских ракетчиков. И единственный и последний прорыв уже без кибертанка. Под лучами лазерных прицелов машин охранения с той стороны цитадели и летящих через мосты плазменных снарядов, сносящих все и всех на своем пути, прожигая и разнося в обгоревшие ошметки, тех, кто не смог прорваться на левую сторону крепостной лабораторной цитадели А. К самому главному месту и сердцу самого Скайнет.

Сверху нападавших, накрывали огнем летающие ОУ-охотники. И правая сторона цитадели была превращена в кровавое месиво и в настоящий раскаленный огненный ад.

Расчеты Т-1002 были верными. Это то, что он и готовил для своего нападения на Скайнет первый. Это планы его хозяина и, которым, машина сама четко следовала, разрабатывая эту атаку. Цель ее был прорыв в саму крепость. Жертвы при прорыве Т-1002 не интересовали. Как и то, что атака захлебывалась в собственной крови. И дальше горящего уже в огне стоящего теперь в руинах с упавшей трубой крематория и до въезда на сами мосты через Енисей не продвинулась ни на шаг. Не смотря на тоже существенные потери со стороны машин, сумевших по приказу Главной в бункере командной машины навести оборону мостов и полностью сумев заблокировать выезды на левую сторону реки баррикадами из громадных титановых щитов, состоящих из бронеплит в несколько рядов и в саму ширину мостов. В довершение закрывая своими сваленными обгоревшими частями тел и самими уже мертвыми телами этот проход.

Но Т-1002 большего и не нужно было. Главное для машины было самой ворваться в эту крепость и прорваться к сердцу самого Скайнет первый.

Т-1002 под именем младшего офицера спецгруппы AD/DS Гуднау, превратившись из офицера бункера полковника Гаврилова Дэриела, в длинного десятиметрового блестящего как ртуть, извивающегося, как дикая металлическая змея. На огромной скорости снося все на своем пути, прорвал оборону внешнего периметра защиты мостов роботами Т-600 и Т-700 и гусеничные FK-танки, уничтожая каждого вставшего на его пути юнита Скайнет, практически даже, не замечая с их стороны сопротивления. Буквально, пролетел на огромной скорости, в крепостную оборонительную цитадель А. Маскируясь и камуфлежируясь, как хамелеон со всем, что было на его пути. Мгновенно исчезнув из поля видимости противостоящих ему вражеских машин и их тепловизоров, прорвавшись внутрь Главного бункера, через люки вентиляционных воздушных шахт. Проскальзывая сквозь

решетки, разбрасывая в коридорах и на этажах глубокого трехэтажного бункера рабочих многоногих роботов и внутреннюю охрану, выбивая вентиляционные люки и титановые бронированные на гидравлике и приводах двери.

Он добился того, что было ему поручено его хозяином. И теперь оставалось довершить последнее, для чего он был создан. Для единственной и главной цели. Это прорваться в Главную Догму и самое сердце Главной здесь машины и убить Скайнет первый.

* * *

22 мая 2032 года.

Восточная Сибирь.

Манское нагорье.

В пятидесяти километрах от базы Скайнет.

03:15 ночи.

Они слышали где-то очень далеко разрывы плазменных снарядов и раскаты взрывов. Это долгим и продолжительным громким эхом доносилось со стороны расположения лабораторной базы и крепости Скайнет S9A80GB18. Стояло зарево пожара над самим казалось горизонтом.

Виктора Кравцова это разбудило. Казалось, начиналась ночная гроза со вспышками молний. Но то была совсем не гроза. Это была война. Война людей и машин. Там, в эстакадной железобетонной крепостной цитадели «TANTURIOS». Там шел настоящий бой между людьми и машинами. И горела даже земля от попаданий плазменных крупнокалиберных снарядов с башен самой цитадели, и плавилось железо. Стоял удушливый запах расплавленной горячей проводки уничтоженных машин и запах горящего человеческого мяса. Кучи трупов с одной стороны мостов и кучи искареженного железа с другой. И ни взад, ни вперед. Обрушилось здание крематория, и упала труба на правой стороне, завалив нескольких нападающих живьем ракетчиков. И горел уничтоженный НК-танк V5. Сверху отстреливаясь и защищая своих, стреляли ОУ-охотники, убивая вооруженных до зубов военных в кевларовых бронежилетах повстанцев. Но в свою очередь падали вниз и сами ОУНК AERIAL — охотники, пораженные ракетами и плазменными винтовками и пушками на машинах, влетевших на скорости в цитадель Б, через выбитые НК-танком толстые стальные из титана на цепных и гидравлических приводах ворота.

Было уже четыре часа утра. Наступало новое утро, но бой все продолжался. И они вдвоем слышали те громовые раскаты того смертельного жуткого боя. И смотрели на тот, пылающий на месте бывшего города Красноярска горизонт. Там, где когда-то был и стоял город. И где теперь пылала лабораторная крепость Скайнет первый.

Киборг Т-888 всматривался в тот пылающий горизонт и, настраивая приборы, пытался уловить то, что там происходило. Он на максимальном приближении звука в своих слуховых сенсорах, слышал крики погибающих людей и звуки машин и команды с обеих сторон. Он понимал и тех и других. Ведь он был и человек и машина в одном лице. Он не мог видеть, что там творилось. Он стоял внизу леса на макушке самой горы, и не видел того, что там происходило. Но зато, почти все слышал. И понимал, что там сейчас всем не сладко. Но, пора было им, двоим идти. Он повернулся, увидев майора Кравцова за своей широкой,

одетой в черную кожаную куртку как у живого человека спиной. В черных кожаных брюках и военных на длинной голяжке шнурованных ботинках. Не в пример теперь самому Кравцову, который был одет в свою тюремную пленника Скайнет одежду и легкую обувь. Правда, сверху на нем была надета военная солдатская шинель, что принес ему он робот Алексей перед побегом, прямо в день работ и в ту водосточную канаву.

Это все, что он смог побыстрому для Виктора найти, чтобы тот не замерз ночью, пока они добирались до лесной староверческой деревни Егорова Алексея. Те, что отчалили от них, вообще им неизвестно, как они пережили свою первую на воле ночь. В легкой тюремной одежде пленников. Может, сейчас мерзнут под соснами и заблудились и тогда им конец. От голода и ночного холода. Ночи стояли достаточно холодные. И это не было заметно, сидя в крепости Скайнет и в лагерных блоках пленных. Но сейчас было весьма ощутимо. Днем было достаточно жарко, а ночи были весьма холодные. И хорошо, что Алексей принес ему своему в прошлом командиру солдатскую шинель. Где он ее отыскал на базе, Кравцов спрашивать не стал, но она хорошо защищала от холода. Да и когда Алексей тащил его на своей работа киборга спине, быстро перебираясь через склоны гор, то Кравцову не пришлось замерзнуть. Они вдвоем и в таком положении, быстро преодолели еще пять километров по отрогам вверх и вниз.

Алексей в теле машины не чувствовал холода. Но мог замерить температуру воздуха и состав, и содержание самой атмосферы, даже угадав состояние погоды. Его сейчас больше беспокоило состояние майора Кравцова. И нужно было быстрее снова выдвигаться. Но их привлек тот ночной на горизонте грохот и зарево пожара.

И вот они стояли на одной из гор и смотрели на горящий огнем горизонт и слушая далекие взрывы.

— Что там твориться? — произнес майор Кравцов Алексею.

— Там идет война — произнес в ответ майору киборг Т-888 по имени Алексей.

— Я понимаю, что война — произнес Кравцов — И кто выигрывает эту войну?

— Пока никто — произнес робот и человек ему — Нам пора идти, пока там идет война.

Мы можем воспользоваться этим и успеть проскочить незамеченными в деревню и потом добраться до бункера «ВЕТА». Надо ускориться — произнес Алексей — Я нашел данные и координаты заброшенного того бункера где погибла группа Палыча Семенцова.

— И твоего брата Ивана, чуть по военному трибуналу к вышаку не приговорили наши из бункера — произнес Виктор Алексею — Я еле отмазал его тогда, и того водилу тягача. За что меня окончательно невзлюбили в бункере.

— Я знаю, Виктор. Я сам там был тогда и помню все — произнес робот Т-888 — Нам надо в бункер «ВЕТА» Там могут быть андроиды из старых и брошенных. Можно попытаться счастье договориться как машина с машинами. И укрыться там под их защитой. Идем.

Кравцов снова забрался на спину человеку-киборгу. И тот, почти бегом, бросился вниз с горы, мелькая между деревьями и зарослями колючих кустов в ночной темноте, включив ночное видеозрение машины.

Они снова забрались на очередную с торчащими черными скалами гору, когда там где раздавались взрывы, и горело все кругом, все вдруг закончилось и не в пользу нападающих.

Дмитрий, разбуженный еще ночью от далекого грохота и взрывов, не спал всю оставшуюся ночь. Как, наверное, вся его лесная староверческая деревня. Наблюдая зарево далекого пожара, где-то далеко от их лесной деревни в стороне бывшего Красноярска. Там, где была железобетонная оборонительная крепостная цитадель Скайнет. Это все длилось до самого утра. И десяти часов.

Он не спал всю ночь. И выйдя из своего дома, пошел в сарайчик, где был его любимый хряк Борька. Он решил его попроведать и посмотреть как он там. И сейчас Дмитрий, вышел из своего сарайчика, где в очередной раз, покормив его тем, что сварил из отходов своей погребной провизии. Того, что выдали военные им селянам на пропитание, снова посмотрел туда, остановишись поверх макушек высоких чернокорых сосен. С наклона горы. Туда, где всю ночь что-то грохотало, взрывалось и горело. Освещая горизонт огненным пламенем ярких вспышек.

Прошлым вечером снова приезжали военные ракетчики и выделили им из своих запасников селянам. В основном опять, как и всегда одни консервы. То, что долго хранится.

Они приехали на вездеходе и привезли свои продовольственные запасы селянам. Он тогда стоял у ограды своего дома и видел проехавший мимо тот в камуфляжной окраске старенький, но проверенный уже временем гусеничный легкий 5800тонный вездеход АТ-Л.

Тот вездеход объехал все дома и выгрузил каждому жителю те самые консервы и хлеб. Это было их обязательство за призванных в ряды бойцов детей лесных двух деревень в верховьях Маны. Чисто условный договор между военными и жителями.

Вездеход также подкатил и к дому Дмитрия. И из нег овыпрыгнули двое военных. А из кабины какая-то красивая на вид лет двадцати девица в военной пятнистой форме ракетчиков. Вооруженная, как и все военные с автоматом за спиной и с пистолетом в кобуре на военном ремне.

Она стояла исмотрела на дом Дмитрия и увидела зеленеющую картофельную ботву в огороде дома.

— Привет, дедуля! — поприветствовала молодая девица ракетчица пятидесятилетнего Егорова Дмитрия — Как жизнь?

— Только держись — он той девице ответил, выходя из своей ограды дома и рассматривая, что им в этот раз привезли.

— Ну как, может еще что-то нужно? — произнесла девица Дмитрию.

Тот воспринял это просто как дурную молодую шутку, прекрасно понимая, что лучше и нет, кроме таких вот консервов.

— Я тут гляжу, у вас посадки начались? — она произнесла ему, так и не сходя с подножки гусеничного военного тягача — Картошку садите. Не такие вы, значит, бедные как прикидываетесь. Вон там в том доме — она, произнесла громко и показала на дом его соседа Павла Спиридонова, что стоял на значительном отдалении от дома Егорова Дмитрия — Тоже, картошку посадили. И фасоль с горохом, где-то выкопали из своих сныканных запасов.

— А вам то, что? — произнес ей Дмитрий — Вы приедете, уедете, а нам здесь жить надо как-то. Война все поразрушила кругом. И детей вы у меня и у всех здесь забрали в деревнях. Вот и выходим из положения как можем, что у кого есть. Если нарастет картошка, если будет хорошая и много, то поделюсь половиной. За помощь, конечно тоже спасибо.

— Спасибо, дедуля — произнесла ему Светлана Лескова. А он даже и не знал, кто это ичто из-за нее его сын Алексей попал к роботам скайнет в плен. — Не за что, дочка — он ей

ответил — Спасибо и вам. Приезжайте еще, когда сможете.

— А как фамилия ваша, дедуля? — спросила Лескова у Дмитрия, рассматривая с ног до голвы в белой длинной рубашке, в широких серых штанах и черных хромовых старых таких же, как и весь наряд деревенского старовера черных сапогах.

— Егоров, я — он ей отвтеил и увидел, как ту почему-то перекосило в ее девичьем лице. Как словно обожгло огнем.

— Егоров? — она переспросила — Не Егорова ли Алексея и Ивана отец?

— Он самый — он ей ответил — А что? Есть хоть что-то от моих сыновей? Может новости какие?

И та, даже ничего больше ему не сказав, просто села быстро обратно в кабину вездехода, напоследок прикрикнув на двоих подчиненных ей как командиру солдат. Те, запрыгнули в кузов под тент гусеничного АТ-Л, и вездеход, сорвавшись с места быстро, дымя дизельным двигателем, полетел мимо его города, вниз в сам густой сосновый зеленеющий хвоей и темнеющий на позднем вечернем закате лес.

— Странная какая-то эта военная ракетчица — произнес вслух Дмитрий и пошел в свой дом, заносая на руках подаренные ему ракетчиками продуктовые припасы.

* * *

22 мая 2032 года.

Восточная Сибирь.

Бывший Красноярск.

Территория Скайнет.

Лагерь S9A80GB18 «TANTURIOS».

Правый берег. Цитадель Б.

04:45 утра.

Бой был проигран, проигран ракетчиками обоих бункеров. Все было рассчитано на один лишь удар. И все. И Глеб Гаврилов и Петр Остапенко поняли это. И поняли то, что им уже не восстановить свои боевые силы в живой силе. И надо было сохранить оставшихся живых бойцов. Хотя бы тех, кто еще был на ногах или легко, раненый. Даже забрать тяжело, раненых, небыло возможности. Их пришлось бросить на поле боя. Надо было быстро уносить теперь ноги, пока Скайнет не выдвинул свою из подвалов бункера главную и более современную боевую пехоту. Своих роботов терминаторов, киборгов Т-800 и Т-850, включая и другие модели машин и охотников, что были в глубине его бункера.

Ракетчики знали, что бились только с охраной бункера, но не с силами противника. И уже были измотаны сами. И надо было спастись, быстро отходя из разрушенной цитадели Б.

Эта часть крепости была почти разрушена целиком. Надо было сказать спасибо НК-танку. Он поносил ударами своих крпнокалиберных 60 и 80 мм плазменных орудий все боевые равноценные его вооружению поворотные турели крепости и пробил своим корпусом и гусеницами те ворота в цитадель Б. Поубивал тяжелые трехметровые машины из числа охраны периметра андроидов Т-500Т. И вот теперь, отходу ничего не мешало. И ракетчики быстро поняв, что выиграть теперь не получится уходили прикрываясь самими бетонными эстакадными стенами цитадели Б. Спешно ретировавшись пешим ходом по той

же глубокой сточной канаве и к реке, бросив горящие машины и часть вооружения, что нельзя было теперь унести с собой. Прорыв на мосты не удался. И они теперь поняли, что тот робот Дэриел их использовал и просто поимел на доверии. Его среди них не было. А значит, он был в том бункере.

— Может еще не все потеряно — произнес Гаврилову Остапенко — Может, твой, Дэриел довершит начатое.

— Ему это и надо было — произнес полковник Глеб Пантелеймонович Гаврилов — Он говорил мне, что дальше дело будет только за ним.

— Но, если он, Глеб проиграет — произнес в ответ Гаврилову Остапенко — То все сегодня павшие мои и твои пацаны погибли зря. И тех раненых и еще живых, мы там тоже зря оставили среди руин той крепости. Они нам не простят это никогда, если выживут и попадут в плен к роботам.

— Нам это скорее не простят те, что сейчас среди нас. Они нас просто не поймут, Петр Васильевич — ответил Остапенко Гаврилов — Почему мы живы еще, а те, что там нет. И Скайнет еще не добит и живой.

— А, что скажут в Главном штабе на Урале — произнес снова Гаврилову Остапенко.

— Ничего не скажут — ответил хмуро и нервно тот, забинтовывая раненую сам свою левую руку на ходу — Это их был приказ. Это они будут виноваты в этом, если что. А не мы. Все сейчас зависит от этого Дэриела. Если он сделает свою работу, то мы победили. И нас никто за это уже не осудит Петр Васильевич.

Потрепанный и израненный отряд бойцов ракетчиков быстро отходил к лесу. Смешались друг с другом оба ракетных бункера, и кое-как добрались до своих оставленных в густом лесу в километре от самой полуразгромленной базы Скайнет пяти гусеничным вездеходам и машинам. Под прикрытием тяжелой установленной на них артиллерии, то, что осталось от военного объединенного боевого сопротивления, спешно помчалось, обратно загрузившись в машины назад к ракетным бункерам, зализывать свои раны.

А киборг Т-888 и майор Виктор Кравцов уже подходили к деревне Егорова Алексея. Еще по темноте входя на ее окраину, тихо и практически незаметно. Пока все еще спали, кто спал. Не слыша раскатов взрывов далеко за их сосновым зеленым, тоже спящим в ночной темноте лесом.

* * *

— Зачем ты вообще пришел! Уходи! — произнес ему, угрожающе громко и, вскидывая охотничье свое старенькое ружье Дмитрий — Убирайся! Ты уже немой сын! Тебя здесь не признает никто! Таким, каким ты стал! Убирайся!

— Папа — он произнес в ответ старику отцу — Я пришел именно к тебе. Мне некуда больше идти. Мне нужна твоя помощь.

— Помощь! — прокричал Дмитрий — Помощь роботу! Не человеку! Кто ты теперь? Изменник своего Я! Изменник своего человеческого тела! Ты нарушил все наши устои и законы! Все чему мы тебя учили и для чего растили! Ты выродок, а не мой сын! Убирайся вон! И ищи другое пристанище!

— Но это все ради вас всех, папа — Алексей произнес тихо и отчаянно, понимая, что отец отказался от него и его как сына не признает.

— Ради кого? Меня и человечества?! — трясаясь от боли горечи и гнева прокричал Дмитрий — Ты был мне нужен, когда была жива твоя мать! — Ты был нужен, когда еще был человеком! И хорошо, что она не дожила до этого кошмара! Хорошо, что Бог ее забрал! И она не видит это, а не своего родного сына перед своими глазами!

Дмитрий, срываясь на крик, произнес Кравцову — Я отдал тебе своего родного сына. А ты вернул мне робота! Зачем ты его привел в нашу деревню!

Дмитрий сначала Алексея не узнал. Да и как бы он узнал, когда увидел на пороге дома в черной коже и военных ботинках неизвестного высокого русоволосого лет тридцати на вид мужчину.

Он вообще был ошарашен их появлению. Он уже пережил встречу с роботом и вот снова. И это был его родной теперь сын.

Дмитрий не поверил сначала в то, что видел перед собой. С ужасом и болью, он все же узнал его Алексея. Узнал по его синим мальчишеским знакомым глазам. И тому, кто смотрел через них на него. И душа отца подсказала ему, кто заключен в этой машине. И речь его была речью его младшего сына Алешки. Дмитрий сначала не поверил ничему, но позднее все понял, когда рядом с этим здоровенным, на вид и натренированным, как шпангист человеком в черной коже, так похожим лицом и глазами на Алексея увидел майора Кравцова.

Кравцов молчал. Он стоял недалеко от входной двери, и просто теперь молчал. Он не мог ничего Дмитрию ответить. Неизвестно, что он сейчас думал, но он был за Алексея. И это точно. Он просто не вмешивался в семейный неприятный разговор отца и сына. Сына, которого отец не желал признавать.

Виктор Кравцов прекрасно понимал, что будет именно так, а не иначе. И только он смог понять Алексея. Или то, что тот теперь из себя представлял. И только он теперь его поддерживал и бежал вместе с ним. Прячась в лесу и горах, преследуемый, как и этот робот-киборг, гибрид человека и машины.

— Я пришел сам — произнес вместо Кравцова Алексей — Я хотел увидеть могилу матери и увидеть своего отца.

— Уходи! — Дмитрий взвел курки на стареньком охотничьем ружье — Не доводи до греха! Убирайтесь оба! Лучше бы ты погиб! — Дмитрий произнес громко, и уже совершенно выходя из себя — Я все знаю! Знаю кто ты! Ты мне не сын!

— Меня теперь это не убьет — произнес Алексей, пытаясь подойти к отцу и сделав шаг робота ногой в сторону Дмитрия — Прости отец. Прости меня. Прости за все.

— Не подходи! И уходи! — отшатнувшись от него, прокричал Дмитрий. Вскидывая прямо в лицо сына ружье. И по его щеке одинокого и горемычного старика потекла слеза — Уходи и не приходи больше сюда! В нашу деревню! Я не хочу, чтобы у меня был не сын, а бесовская машина! Что скажут селяне! Что скажут обо мне и покойной твоей матери Антонине наши деревенские соседи!

У робота три восьмерки, тоже потекли по щекам слезы. Он заплакал. Заплакал и по-настоящему. Не как машина, а как человек. И сам удивился этому про себя. Он мог плакать. Она сделала это. Сделала так, чтобы робот мог плакать. Мог плакать его этот подобный человеческому, живой биокамуфляж из искусственно выращенной человеческой плоти. Юлия не могла, а он может... Алексей почувствовал как, словно живое человеческое сердце загудела правая водородная в груди его бронированного металлом колтаном эндоскелета батарея, и в глубине у самого стального робота-гибрида позвоночника ядерный генератор.

Загудела от его душевной боли. И он понял насколько слился с самой машиной. Его человеческое Я, заключенное в теле этого носителя боевой машины и Центральный нейронный микропроцессор, подключенный к вживленному человеческому существу и живому, слились воедино. А глаза робота и человека вспыхнули красным огнем из-под синих зрачков глаз Алексея и напугали Дмитрия. И тот отшатнулся еще дальше назад и затрясся уже от страха.

— Прости отец — сказал еще раз человек и киборг, глядя на отца через 40000000битный встроенный видеомонитор видеозрения Т-888 — Прости меня — произнес Алексей — Прости за все. Но, я остановлю эту войну, ценой даже собственной жизни.

— Уходи — уже еле сдерживаясь от горя и боли и трясая перед лицом отвергнутого своего младшего сына ружьем, всхлипывая сиплым голосом, и тихо произнес Дмитрий — Прощу тебя сын мой, уходи. Уходи, пока вся наша деревня не увидела тебя и не возвращайся больше сюда.

— Пойдем, Алексей — произнес у входных дверей в дом майор Кравцов — Пойдем, нас уже, вероятно, ищут по всему лесу. Надо уходить.

— Да, наверное, пора — не отрывая своих убитых горем и тоской печальных сыновних в слезах вспыхивающих красным робота киборга огнем видеокамер, из-под мальчишеских синих глаз, произнес Алексей.

Он не стал близко подходить к Дмитрию. Он стоял на месте. Слезы так и текли по его вечно молодому и не стареющему теперь лицу робота Т-888, искусственно нарощенному на бронированный из колтана череп боевого киборга по подобию его живого, но замороженного и погребенного глубоко в недрах бункера Скайнет мальчишеского тела. Где-то там, в секторе Х30. В отдельном утильном блоке Х20. Там же, где утилизировались все тела ушедших в вечность и на опыты людей. Там же, где лежало во льду замороженное и задервеневшее до каменной мерзлоты его тело и тело военного советского пленного разведчика Белова Андрея. Они лежали рядом в том огромном общем морозильнике. И поверх всех тел. И его лишенное души голое тело мальчишки было там самым последним. Там за большой стальной запертой и заваренной автогеном навсегда дверью.

— Я хочу видеть могилу мамы — произнес он напоследок, выходя в сени дома у отказавшегося от него как от сына своего отца Дмитрия Егорова. Его голос стал уже не таким. Скорее больше стал напоминать голос машины. И он его больше не назвал отцом. Он повернул на прощание свое робота и человека молодое мальчишеское лицо в сторону на своего бывшего теперь отца. И его красные, горящие пугающим огнем из темноты сеней линзами глаза человека и машины еще сильнее стали видны из-под глазных живых нарощенных искусственно в глазницах бронированного колтаном черепа яблук.

— Она в самом центре кладбища. Там высокий крест из молодой ели и заборчик из досок, увидишь сам — произнес, в ответ, трясаясь от горя, боли и ужаса Егоров Дмитрий. По его щекам текли слезы. И он видел такие же слезы в тех горящих красным огнем синих глазах этой человекоподобной машины. Машины, так похожей на его родного младшего сына. Машины, тоже умеющей, как и человек плакать. Машины, укравшей его сына и поглотившей внутри себя.

Он не кричал сейчас совсем как прежде, а просто произнес тихо ему. Давясь и сглатывая горькую болезненную обжигающую его горло слюну. Он произнес своему отвергнутому навсегда младшему сыну — Только тебе зачем. Ты ведь, теперь не человек. Ты теперь как они, машины.

— Я человек — произнес, поворачиваясь спиной к отказавшемуся от сына отцу Алексей — Я человек и останусь им всегда, даже в теле машины — произнес он еще раз, выходя в сени дома и вослед майору Кравцову, который уже отворив дверь, вышел на улицу. В заросший яркими летними ромашками загороженный частоколом двор.

Они так и вышли друг за другом. А Дмитрий остался стоять в доме с ружьем наперевес и заплакал снова. Заплакал навзрыд. Также как тогда, когда умерла его жена и мать Ивана и Алексея Антонина.

Он прогнал своего сына. Который был наполовину уже не его сын. И он не мог поступить иначе. Алексей был действительно уже не его родной младший сын. Алексей был и не человек. И не принадлежал теперь ему как отцу. И ему нечего было уже здесь делать в этой лесной староверческой глухой таежной деревне.

— Прости меня, Алешка — произнес, рыдая и содрогаясь от нахлынувшего снова нестерпимого горя Дмитрий, выронив свое ружье из старческих измученных жизнью отцовских рук — Прости своего предавшего тебя отца.

Он произнес это, когда закрылась входная за спинами уходящих беглецов дома дверь.

Дмитрий залился горькими слезами, услышав как ружье с грохотом и стуком, упало на деревянный из некрашенных досок пол. И отпнув его в сторону, Дмитрий, опустившись на стоящую у бревенчатой стены дома кровать, закрыл свое заросшее седеющей густой бородой в морщинах лицо. Лицо еще не такого уж старого, но измученного жизнью и превратившегося уже в старика лет пятидесяти человека.

* * *

22 мая 2032 года.

Восточная Сибирь.

Подземный ракетный бункер.

В тридцати километрах от базы Скайнет.

06:25 утра.

Их отправили группой. На поиски беглецов. Еще с вечера. И они не принимали участия в том кровопролитном бою, а занимались только поисками двоих беглецов. Человека и машины.

Это была группа разведки Родиона Семенова. И первые поиски ничего не принесли. Даже по наводке других бежавших с теми двумя четырех пленных в бункере полковника Гаврилова.

После их допроса, оказалось, что, то был робот киборг-гибрид и их всем в обоих бункерах хорошо знакомый майор Кравцов.

Кравцов был в плену и не погиб, как кто-то после его исчезновения думал. Потому, что не нашли его тела. Он исчез на месте гибели еще двух, точнее трех человек. Водителя вездехода и двух офицеров из бункера полковника Петра Васильевича Остапенко и гусеничного вездехода АТ-Л.

И вдруг вот, объявился в качестве пленника Скайнет и беглеца. Да еще беглеца вместе с роботом.

— Однозначно, предатель — произнес Родион Семенов своей подручной и любовнице

Светлане Лесковой и новому радисту группы ДОТ70724 Вадиму Плешакову. У Багирь блеснули даже злорадной радостью девичьи глаза.

— Приказ от Остапенко — произнес Семенов — Найти и поймать живыми или мертвыми и того и другого. Робота желательно ликвидировать и забрать его чипкарту и детали с машины. А майора дебошира и предателя доставить в бункер. Полковник Гаврилов, тоже выделит своих ребят на его поиски и снайперов одетых в СКАТ-7.

Лескова прямо вся даже светилась жаждой мести по майору Кравцову. Она хотела его поймать и желательно живым для суда и расстрела. Семенов наоборот хотел скорее его убить, дабы избежать этой неприятной для боевого офицера судебной и похорной процедуры. Он как офицер офицера понимал, но Кравцов по меркам повстанцев ракетчиков был пленным и поэтому предатель.

Интересная формула было это понятие предатель. Так было здесь, заведено и существовал военный приказ о предательстве. Который вбирал в себя и понятие плен. Практически любой пленный являлся по этому приказу из Главного штаба на Урале предателем. Кто это придумал? Конечно военные. Пленные считались в контакте с машинами. Считалось, что пленные сотрудничают с роботами и, сбежав из плена, считаются предателями. И отсюда был издан приказ о суде и расстреле. Если не было никаких оправдательных мер. Даже положение с беглыми роботами было проще. Их просто разбирали на детали, в конце концов. В принципе это не лучше, чем расстрел. Этот приказ появился из-за тех, кто на самом деле сотрудничал с машинами Скайнет. И всех гребли одними граблями.

И вот всем срочно понадобился этот беглый майор Виктор Кравцов и этот беглый киборг Скайнет.

Подошла радист и связист ракетного бункера Тамара Кудрявцева.

— Родион — она произнесла — Мне надо с тобой поговорить с глазу на глаз.

— Говори — произнес тот ей резко, проверяя свой 9,39 мм автоматический ВАЛ — У меня тайн от своих ребят нет. Что тебе нужно, Тамара.

Та немного помялась и произнесла ему — Если найдете Кравцова, не убивайте его, Родик, пожалуйста.

Она, почти жалобно попросила Семенова.

Все в этом бункере знали, что Тамара Кудрявцева, радист и связист бункера бегаёт за Кравцовым. Все дружно переглянулись, молча, и заулыбались, искоса и из-под лобья, глядя то на Тамару, то на своего командира Семенова.

— Не беспокойся, Тамара — тот произнес женщине лет сорока — Если не будет сопротивляться, постараемся не убить.

— Родик — она панически и расстроено еще раз повторила ему.

— Все — произнес тот ей — Разговор окончен, давай иди отсюда и занимайся своим делом. Урал еще на связи и бункер Гаврилова?

Тамара Кудрявцева посмотрела на этих всех как на отпетых убийц и неких бесчеловечных совсем уродов, обидчиво. И ответила, уходя и глядя на стоящих чуть в стороне людей с поисковыми натренированными на роботов собаками. В СКАТАХ и с плазменными пехотными винтовками из бункера полковника Глеба Гаврилова — Я всегда думала, что ты не такой как другие Родик.

Тот даже не посмотрел на нее и ее сторону. А Тамара пошла, не оборачиваясь от его группы в глубину бункерного туннеля к себе в радиостанцию бункера. На ее глазах женщины

лет сорока стояли слезы.

Единственный кто ее проводил сочувственным взглядом, это был товарищ когда-то Егорова Алексея и односельчанин Федотов Степан. Он включенный в группу разведки Семенова, словно нехотя поправлял свою форму и оружие на себе.

— Ну что боец, Федотов Степан Леонидович! — произнес своему подчиненному уже обстреленному солдату ракетчику Родион Семенов — Выше нос, на киборга идем охотиться!

Подошел лейтенант Лев Круглов со своими бойцами из охраны ракетного бункера.

— Ну, что, готовы? — спросил он у Семенова — Или еще выделить бойцов?

— Нет, обойдемся, Круглов — произнес Родион Семенов — Здесь и так бойцов хватает, Гаврилов не обидел. Вон каких орлов мне выделил на поиски того беглого робота и Кравцова. Еще и с собаками.

* * *

Он стоял у материнской могилы. Стоял один прямо у слежавшейся уже и осевшей горочки и могильного холмика своей родной матери. Майор Кравцов не стал входить внутрь за деревянную сколоченную оградку из обычных струганных уже чернеющих от сырости и потрескавшихся и высохших от солнечной жары досок.

Они подошли сюда вместе. Оглядываясь по сторонам, и опасаясь преследования, все же пришли на местное деревенское кладбище.

Алексей не мог поступить иначе. Здесь лежала его мама. Мертвая Антонина. Мама его и его брата Ивана мама.

Она умерла, а он и не знал. Умерла еще в апреле месяце. Когда еще таял снег. Отец сказал ему, о ее смерти. И не запретил посетить материнскую могилу. Да он бы и не смог запретить ему сделать это. Алексей все равно был бы здесь. И вот он, опустившись на свои робота Т-888 колени, стоял перед ее могилой. Опустив свою в человеческой плоти и коже бронированную колтаном под русыми коротко стриженными волосами мальчишескую голову под могильным торчащим из земли еловым крестом. Он робот и человек в одном лице и у могилы своей матери.

Смогла бы она принять его теперь таким или нет? Поняла бы его? Может, тоже, нет. Как и родной отец. Если бы была жива сейчас.

— Мама — произнес тихо он, стоя и почти касаясь могильного холмика покрытой русыми коротко стриженными ежиком волосами робота киборга-гибрида головой — Прости меня мамочка. Прости.

Алексей плакал. И с его выращенных искусственно слезных желез, бежали ручьем слезы. По тридцатилетнему робота и человека лицу. За которым, скрывался все тот же двадцатилетний мальчишка. Он видел своими красными киборга-гибрида, в глазницах бронированного колтаном черепа, горящими линзами камерами под живыми человеческими синими глазами, как слезы капали на заросшую травой и цветами могильную материнскую землю. Все это отображалось на цветном встроенном внутри его головы 40000000 битном мониторе. Он слышал, как надрывно гудел вместо его сердца где-то глубоко внутри ближе к стальному позвоночнику машины ядерный генератор, и теперь гудели уже обе водородные, попеременно батареи в грудной выдвижной ячейке под бронированным грудным щитом робота киборга инфильтратора. Как живые два человеческих сердца. Что-то происходило

внутри его искусственной машины и человека тела. Машина, в которой находился, Алексей сама реагировала на его горе. Как он и сам понять не мог, но это происходило. На экране монитора высвечивались столбиками данные, но эти данные машина не могла индефицировать. Это был просто беспорядочный набор букв и цифр. Совершенно пустой набор букв и цифр. Это была боль самого внутри ее заключенного человека. Он чувствовал как по его искусственно созданному телу уже машины, блуждает в отчаянии его вживленное внутри человеческое Я. Эта энергия в живых биотоках, текущая по телу робота Т-888, вперемешку с электроэнергией самой машины. Уходя из тела в защищенный специальной амортизацией от ударов Центральный Нейронный Процессор, соединенный с живым с тем его живым человеческим Я внутри. Способным, обрабатывать до 40 миллионов вариантов в секунду, и обратно, растекалась сейчас обжигающим нестерпимым жаром по его бронированному металлом колтаном боевому эндоскелету.

Он чувствовал все. Каждый миллиметр своего тела и каждый узел, и деталь робота и человека. И это все теперь болело. Болело с невыразимой ноющей силой. Так как не болело никогда. Болела каждая деталь и каждый винтик в этом его искусственно созданном киборга Т-888 и одновременно гибрида теле. Первого и единственного такого в своем роде. Какой была и Юлия. Все это было создано на базе робота три восьмерки. Но совмещенного с человеком. И все болело. Это болела живая заключенная человеческая душа. Душа внутри самой машины. Душа, помещенная в каждый блок, узел и деталь искусственного творения своего нового родителя Скайнет.

— Мамочка, прости меня — он, плакал и молил ее лежащую там внизу в гробу и земле — Прости за все. Прости меня и брата Ивана. Прости. Я должен был, так поступить. Это ради всех, мама. Ради отца и брата и всего живого. Ради окончания этой войны, и ради всей жизни на земле.

Алексей положил свои манипуляторы эндоскелета руки в плоти и коже человека под кожаными рукавами черной кожаной куртки на могилу и так сидя плакал, прося прощения у матери, которую волею роковой своей такой вот судьбы когда-то оставил. И не знал ничего, о ее смерти. Как не знает до сих пор его старший брат Иван.

— Мама, я не мог по-другому — произнес, сквозь слезы Алексей — Не мог. Ты должна понять меня. Прости, что так поздно узнал о твоей смерти, мама.

— Алешка! — крикнул ему майор Кравцов — Слышишь, Алешка?!

Кравцов увидел людей в военной зеленке и летних маскировочных халатах разведчиков на окраине леса перед крайними оградками других могил. С оружием наперевес и с собаками. Они видели их, и Кравцов понял, что дело худо.

— Слышишь меня, Алексей! — он рывкнул, уже громко так, что, наверное, те тоже услышали, кто пришел по их душу.

Алексей соскочил на робота киборга ноги. Мгновенно как пуля и обернулся. Включая сканирующее тепловое зрение машины. Он увидел их всех. В отличие от Кравцова. Увеличивая и приближая свои цели. Видя их вооружение. И видя гавкающих в их сторону собак. Всех за деревьями и возле первых кладбищенских могил. И они стояли там и смотрели на них, пока и не двигались.

— Встань за мою спину — скомандовал Кравцов — Приказываю, боец.

— Зачем? — произнес Алексей — Им так быстро не убить меня.

— У них собаки — произнес Кравцов — Ты сам знаешь, что они натренированы охотиться на таких как ты теперь.

— Там Светлана и Семенов — произнес, видя Лескову среди солдат вооруженных плазменными винтовками. Она стояла за спиной лейтенанта Родиона Семенова — Там и наши все пацаны из обоих отрядов, Виктор.

— Я сказал, встань за спину — приказал снова майор Кравцов.

В этот момент, луч яркой плазмы, пролетев над могилами, врезался в грудь Алексея. Он только и успел, что оттолкнуть от себя Виктора Кравцова. Ударить наотмашь мгновенной реакцией гидравлической своей работа киборга руки. Спасая от выстрела. Да так, что при весе в девяносто с лишним килограмм, тот отлетел как пушинка и ударился об оградку соседней могилы и упал на землю.

Это выстрелил тот, кого Т-888 даже с помощью своего зрения не смог увидеть, стоящий в стороне ото всех и в засаде. Снайпер. В Скате-7. И через оптику, установленную на плазменную 9,25мм винтовку Вестингауз ME-25, вместо лазерной наводки. И попал в него. Попал в Алексея.

Плазма ударила прямо ему в грудь, прожигая кожаную куртку и верхнюю биологическую плоть машины. Врезаясь в прочный грудной бронированный колтаном щит, оплавляя его. Но, не сумев прожечь. Лишь отбросив назад через могилу матери и уронив на землю, ломая деревянную из струганных потрескавшихся досок оградку.

— Твою мать! — прокричать успел в ответ выстрелу лежащий на земле майор Кравцов — Беги, Алешка! Беги, не оглядываясь! Беги!

В тот же момент Кравцов сам, соскочив на ноги и расставив в стороны руки, кинулся навстречу стрелявшим и спустившим своих дико воющих и лающих собак русским ракетчикам повстанцам.

— Стойте! Не делайте этого! Что вы творите! — кричал он им, но им было совершенно плевать на него. Им нужен был тот, кто тоже соскочил на свои манипуляторы гидравлические на сервоприводах механические работа киборга ноги. Уже несся, перепрыгивая через могильники и оградки к другому краю кладбища. Стараясь ускользнуть от преследователей быстрее в густой сосновый заросший яркой зеленой хвоей и шишками лес. Получая на ходу попадания бронебойных пуль и плазмы в руки и в спину и голову. Дымясь и обгорая сверху, он летел как пуля, ломая кустарники и маленькие деревца под своими работа три восьмерки ногами. И топча их военными, шнурованными на длинной голяжке ботинками.

Он был безоружен. Он никогда не брал в руки теперь оружия. Его целью был мир. Он не стремился к войне, и он хотел мира. Это была машина с самыми благими побуждениями, наполненная болью и страданиями в своей душе. Машина способная любить, так как не мог ни один человек на этой сожженной ядерным огнем земле. Машина, способная понять любого человека больше, чем сам человек. Машина, любящая любую жизнь больше собственной жизни. И она хотела просто жить.

Виктор Кравцов попытался остановить их, но был схвачен тремя крепкими солдатами из своего же бункера и из-под командования лейтенанта Семенова и еще несколькими бойцами которых он не знал. Именно те и спустили своих здоровенных откормленных овчарок по следу работа беглеца.

Светланы Лесковой здесь уже не было. Она бросилась в погоню за беглецом роботом вместе со всеми.

— Бросьте этого предателя! — рявкнул, громко лейтенант Родион Семенов — Давай, тоже за ним, быстро все! Иначе уйдет! Что докладывать будем Остапенко и Гаврилову!

Все бросили Кравцова, оттолкнув снова его в сторону. И бросились бегом за убегающей в лес машиной. Они понеслись все на лай своих собак. Вскинув свое оружие и мелькая, мимо оградок кладбищенских могил. И следом за ними побежал и сам Виктор Кравцов.

Он им кричал вослед, чтобы те не делали этого. Что они убивают человека. Но никто его криков не слышал. Им было все равно и всем плевать на его крики. Они даже забыли сразу про него. Они были теперь на охоте. Как стая голодных хищников. Как и их собаки, они преследовали свою жертву. Как когда-то роботы преследовали их самих.

* * *

22 мая 2032 года.

Восточная Сибирь.

Манское нагорье.

В пятидесяти километрах от базы Скайнет.

07:21 утра.

Он летел как пуля по зеленеющему молодой листвой лесу. Сбивая на своем пути и ломая, молодые еще совсем свежие деревья. Прыгая через завалы давно сломанных еще со времен атомной бомбардировки обугленные стволы рухнувших деревьев. Через буреломы. Но собаки так и не отставали от него. Они обглодали киборгу уже изрядно его ноги. И плоть висела и болталась кровавыми ошметками, как и изорванные до колен штанины его черных кожаных брюк. И машина летела через лес, издавая звуки своей оголенной до самой сверкающей основы механических эндоскелета манипуляторов ног, гидравликой и сервоприводами. Киборг Т-888 искалеченный до неузнаваемости бежал, сломя голову в сторону глубокого леса. Он бежал ото всех. Покинутый всеми. И обреченный.

Он должен был умереть, но теперь почему-то хотел жить. Несмотря на все полученные увечья. Потерю обеих манипуляторов рук и весь в дырах от огнестрельного и плазменного оружия. Со снесенной почти полностью покрывающей верх его бронированного колтаном черепа с русыми волнистыми волосами обугленной обгоревшей плотью. И оставшимся, каким-то чудом, только лишь еще человеческим лицом и человеческими поверх сверкающих красным огнем линз его видеокамер синими напуганными глазами.

Он просто хотел выжить. Он не хотел смерти. Он хотел жить ради нее. Ради своей новой мамы. Он должен был жить, хотя ему порой этого уже не хотелось. Но она разговаривала с ним и вела его. Она была всегда теперь с ним. Его мама. И он слышал ее. Слышал ее голос через висящий над ее базой зонд связи. Она говорила с ним. Говорила постоянно. И была напугана не меньше его. Она вела его и вела к спасению. Его мама. Машина заменившая ему всех. И заменившая ему умершую, очень давно родную земную мать.

Он потерял уже одну маму. И он был на ее могиле. Но он не хотел потерять теперь ее еще раз.

И он просто хотел жить. Жить даже как робот. Робот с душой внутри обычного живого человека. И он спасался и должен был теперь, снова вернуться к ней. Она ждала его. А люди больше нет. Она прощала его за все. Даже сейчас, когда он совершил побег с Кравцовым с ее базы. И увел еще четверых. Она прощает его. Как прощает ребенка его родная мать. А они никогда не простят его. Они ему стали чужими. И он, теперь уже не принадлежал им.

Он давно уже оторвался от преследователей людей. Давно уже бежавший за ним сам майор Кравцов, и останавливающий других, чтобы те не стреляли в него. Прекрасно понимающий уже теперь, что он, это путь к победе и примирению. И желающий вернуть его себе как родного сына, и только единственный не желающий ему смерти, вопреки всем жаждущим убить его. Кравцов пытался всех убедить, что Алексей, хоть и машина теперь, но не враг им. Но, они все равно хотели его смерти. Хотели убить. Они так ненавидели машины и ненавидели Скайнет. И непонятый другими взбесившимися и жаждущими расправы ракетчиками, он смог лишь прикрыть его побег. И ненадолго приостановить саму погоню. Виктор Кравцов, майор Кравцов. Он стал ему как родной отец. И спасающий своего единственного теперь сына. Как своего родного когда-то сына и дочь с женой, которых не смог раньше спасти от войны и смерти. Рискуя своей тоже жизнью, как и он Алексей. Он отстал от него. И отстали другие, кто когда-то был близок ему и был даже другом и боевым товарищем. Но, они стреляли в него. Стреляли в него, потому, что он был теперь робот. Как в своего заклятого врага. Как в предателя. В изменника.

Его не принял никто кроме него Кравцова. Самого рьяного борца с роботами и больше других полюбившего его как молодого желторотика лет двадцати мальчишку. Именно как родного сына. Даже отец его не признал. А он сознательно принял это. Став машиной ради них всех. Ради примирения враждующих сторон. Потеряв любимую человека и андроида Юлию. И, тем, не менее, простив их всех. Как должен был прощать каждый, чтобы не совершать больше зла. Но, они не приняли его, считая предателем рода человеческого. Он даже простил предавшую его Светлану Лескову, которая тоже бежала за ним вместе со своим новым любовником и командиром развотряда Родионом Семеновым и преследовала его с желанием убить, как и другие военные.

И, вот эти их натренированные на киборгов собаки, так и не отставали от него Алексея. Спущенные с поводков они цеплялись за его манипуляторы гидравлические работа Т-888 ноги. Изорвав кожаные черные штаны и кожу и плоть живого биологического нарощенного камуфляжа, буквально в клочья не жалея своих зубов. От колен до самых шнурованных голенищ военных ботинок.

Они загоняли его как дикого лесного на охоте зверя.

Он мог бы убить их. Но он не хотел этого. Он, вообще не хотел больше никого убивать. Он просто хотел спастись. Он просто хотел жить. Жить и как робот и как человек.

— «ВЕТА!» — звучало в электроннои памяти киборга и человека — «Бункер «ВЕТА!» Спасение! Жизнь! Бункер «ВЕТА!».

Машина три восьмерки хотела укрыться там ото всех и бежала именно туда. Перепрыгивая через стволы поваленных деревьев, и ломая зеленые кусты. Ударяя порой налету о сосны и обдирая их кору своим оголенным из-под обгоревшей кожи и плоти сверкающим бронированным колтаном эндоскелетом. Черная кожаная куртка на спине робота три восьмерки расползлась, оголяя мощную атлетического вида обожженую и издырявленную бронебойными пулями и плазмой спину терминатора и ошметками свисала вместе с остатками оторванных манипуляторов гидравлических рук в изорванных рукавах.

Они бежали за ним и стреляли, окружая со всех сторон. Весь лес гудел от выстрелов и от света летящей вослед убегающей машине Скайнет высокотемпературной плазмы. Были слышны крики команд и лай догоняющих и цепляющихся в киборга зубами собак. А он несся по цветущим красочным ковром травы и цветов летним горам, то бегом то прыжками, выжимая все возможное из своего боевого изувеченного бронированного электронно-

механического киборга Т-888 эндоскелета. Все, что еще мог выжать. Обе теперь включенные водородные батареи, не жалея энергии, работали на полную мощность. И он слышал их гудение внутри в груди под бронированной плитой в особой выдвижной ячейке, батареем отсеке и в глубине гудение ядерного генератора. В его сознании мелькали одни цифры и шифры. Внутренний компьютер обрабатывал все данные за считанные секунды. Автоматически велась диагностика повреждений и возможных параметров еще доступных самой машине. И он постоянно видел ее лицо. Лицо своей матери перед своим человеком и одновременно работа глазами. В его электронной записанной памяти. Памяти между жизнью и смертью. Памяти работа и человека. Безупречно красивое лицо электронной главной машины главной догмы подземного бункера лагеря киборгизации и клонирования S9A80GB18. На месте разрушенного ядерной войной города Красноярска. Лицо его матери Лицо самого Скайнет. Лицо любящей его взрослой, но молодой лет тридцати женщины. Чужое лицо, но ставшее ему родным. Более близким даже, чем лица самих людей.

Он снова включил с ней свою внутреннюю работа и человека связь. И она общалась с ним. Со своим капризным взбунтовавшимся ребенком, сбежавшим от нее из-под ее материнской опеки и ее заботы и внимания. Ребенком, желающим сначала свободы, а теперь спасения.

— Мама! — он закричал на весь лес на человеческом языке, не как машина уже, а как настоящий человек. Когда очередной пучок раскаленной до тысячи градусов плазмы, ударил ему в спину. И прожег насквозь металлический позвоночник и спинной бронешит. Под, почти сгоревшей со стороны спины черной из полимеров искусственной кожаной курткой и человеческой биоплотью. Первый раз он закричал это. Как осознавший свои ошибки, нашкодивший и раскаявшийся в своих грехах малолетний мальчишка.

— Мамочка, прости меня! — закричала на человеческом языке на весь лес убегающая от преследования напуганная машина — Спаси меня, мамочка!

И вдруг, запнувшись о толстый выступающий корень высокой зеленеющей хвоей сибирской сосны, он упал. Упал, и полетел со склона горы. Кувыркаясь, ударяясь о камни и торчащие из черной заросшей зеленой травой земли высокие такие же черные скалы, гремя своим изувеченным и обгоревшим в оборванной и обожженной одежде работа телом.

Преследователи отстали, и видимо потеряли его на время, где-то высоко на самой горе. А Алексей полетел вниз с горы и от сотрясений и ударов своего тяжелого металлического под верхней плотью искусственного человека и работа эндоскелета, потерял вдруг сознание. У него отключились на время все системы. И включилась экстренная аварийная перезагрузка. Сработали встроенные все дублирующие системы защиты машины.

Когда он пришел в себя, Алексей лежал в каком-то колючем кустарнике. Поломав его и подмяв под себя. Он лежал, в глубокой, очень узкой между гор, окруженной скалами и в высокой траве ложбине. И его рвали собаки. Таща в разные стороны как дикого лесного зверя. Рыча и воя на весь лес, они пытались разорвать то, что было им совершенно не по их собачьим зубам. Две собаки тащили его за обглоданные из колтана металла блестящие в сервоприводах и гидравлике работа ноги. Но, не могли даже сдвинуть с места. Разорвав из черной искусственной кожи его брюки и догрызая его из грубой жесткой такой же искусственной полимерной кожи, военные солдатские на ступнях таких же, как у человека ботинки. Другие вцепились в его безрукое изувеченное Т-888 тело. Рвя в клочья его с высоким воротом издырявленную пулями и обожженную плазмой куртку. И даже вцепившись в шею, пытались перегрызть горло машине.

— Спасите! — закричал Алексей — Кто-нибудь! Спасите!

Это было странно слышать из уст самой машины и как ни странно, это был крик не машины и не взрослого человека, и даже не солдата. А крик погибающего еще совсем ребенка.

И он увидел спускающийся прямо с неба на него, прямо в ложбину между гор и леса воздушный охотник.

ОУ НК-AERIAL V5, услышал призыв о помощи, он нашел его. Это мама послала его з ним. И на поиски своего родного, теперь только ей принадлежащего сына. И над тем лесом он увидел еще несколько таких же машин. Зависших над самими горами и сканирующим вокруг местность биорадарами и локаторами.

Лучи скорострельных плазменных 20 и 30мм орудий CBS-250 разрезали воздух и вонзились прямо в землю возле терзающих тело робота собак. Отпугивая их и отгоняя в сторону. Летающая машина сделала предупредительные выстрелы, стараясь не повредить лежащего теперь под ней и так искалеченного до неузнаваемости еще чудом живого робота.

Земля от взрезавшейся в нее высокотемпературной струи плазмы, буквально выгорела вокруг тела Т-888. И задымилась. Все, окутывая белесым как туман дымом. И ОУ — охотник завис, низко повернув три своих турбинами реактивные двигатели над лежащим телом Алексея. Разгоняя тот белый в стороны густой как молоко дым. Максимально снизившись для высадки других роботов.

Открылась грузовая аппарель и из грузового отсека ОУ — воздушного охотника на землю, прямо рядом с лежащим Алексеем, спрыгнули несколько Т-800, вооруженных плазменными 9,25мм винтовками Вестингауз ME-25. Сверкающих бронированными титановыми, гидравлическими в сервоприводах эндоскелетами. Без биокамуфляжа. Эти, просто боевые единицы и юниты Скайнет, спрыгнув из воздушного охотника, быстро обойдя лежащий на земле Т-888, окружили его, повернувшись спиной к лежащему человеку и роботу. И направив плазменное свое мощное оружие в стороны вокруг, шаря лазерной наводкой, ища свою цель и делая защиту.

Раздались громкие скорострельные выстрелы в сторону горы и самого леса и дикий визг подстреленных роботами гавкающих в бешенстве отогнанных в стороны от своей жертвы сгорающих и разорванных плазмой собак. И тишина. И только звук турбин ОУ — охотника.

Не меньше десяти Т-800, стали в плотное кольцевое оцепление, под титановым бронированным брюхом ОУ НК — AERIAL V5, прикрывая еще одну машину, спрыгнувшую с грузовой аппарели.

То была Верта. И он сразу узнал ее. В ее светлом коротком с крылышками из жидкого металла заузенном на женской робота Т-1001 талии платье. Ее красивые женские голые до колен полиморфные ноги в туфлях на высокой шпильке. Так неподходящие для этой местности. Ее огненно-рыжие вьющиеся длинными локонами забранные в длинный хвост из такого же жидкого металла под человека робота Т-1001 волосы. И она, опустившись возле него, коснулась своей из жидкого пластичного полиморфного металла женской красивой рукой его обожженного огнем плазменных винтовок, но еще уцелевшего уже взрослого, а не мальчишеского лица Алексея. Ласково касаясь его женскими утонченными пальчиками, проводя ими по его лицу. Считывая своим текучим и пластичным металлом всю информацию о повреждениях и боль самой машины и лежащего перед ней человека.

Он увидел ее зеленые, но наполненные болью и сочувственной печалью женские красивые на миленьком любимом личике под изогнутыми тонкими черными бровями глаза.

Глаза уже не совсем машины, а более чем, просто машины. Машины, приблизившейся к уровню развития человека и самосознанию настолько, что пристыдила бы самого человека в его греховной распущенности, жестокости и бесчеловечности. И ее, те глаза. Глаза Верты, смотрящие в его человека и робота Т-888 глаза.

Он увидел, как по щеке робота полиморфа Т-1001 потекла металлическая каплейкой слеза. Слеза как тогда по умершему пленному солдату Белову Андрею, которого она любила. Как теперь любила его Алексея.

— Верта. Любимая моя, Верта — прошептал он, тихо и по-человечески ей — Мама не оставила меня, Верта.

— Тише, любимый мой — проговорила, точно также Верта Алексею — Наша мама любит тебя и всех нас. И послала меня за тобой. И я прилетела, чтобы забрать тебя отсюда.

В проеме самого ангара ОУНК-ARIAL V5, на опущенной аппарели, стоял еще один робот, сверкая блестящим колтаном. Он стоял и ждал возвращение Верты. Это был такой же, как Алексей Т-888, модели 1:08. Алексей его еще не знал, но он прилетал на «TANTURIOS». Это машина из личного охранения базы в Колорадо «TANTAMIMOS». Это был Рэджи.

* * *

Когда подоспел отряд разведки ракетного бункера к месту высадки роботов. К тому месту, где упал и лежал израненный ими, и почти уже приконченный киборг Т-888. Там уже никого не было. Лишь, где-то далеко гудели турбины воздушных ОУ НК-AERIAL охотников. Где-то далеко над горами и макушками высоких сосновых зеленеющих пышной хвоей сибирских сосен.

— Значит, успел, Алешка — радостно произнес Кравцов, успевший тоже к месту трагедии вместе со всеми — Спасся.

— Ты зря радуешься, Виктор, произнес лейтенант и командир разведчиков Родион Семенов — Тебе еще придется ответить нам за его побег. И за то, что помог ему сбежать. Что ты скажешь теперь всем в бункере. Например, полковнику Остапенко. А, майор? Или бывший уже майор?

— Мне плевать — произнес Виктор — Главное Алешка спасся, и вы его не взяли.

Подошла Светлана Лескова, встав с радистом уже своей группы ДОТ70724 Плешаковым Вадиком за спиной майора Кравцова.

— Командир, вас ждет трибунал — произнесла она, скривя довольную ехидную и злорадную девичью Кравцову. Но Кравцов, даже не обернулся на ее голос. Он смотрел в небо на ту гору с крутым скалистым склоном, за которой был слышен шум удаляющихся летающих машин. И стоял у того смятого колючего кустарника в глубокой ложбине, где стояли сейчас все из разведки двух ракетных бункеров. Там остались, лишь лежать кровавые ошметки кожи и плоти терминатора Т-888, и остатки разорванных штанов и искусственной из полимеров кожаной черной его куртки. И земля была выжжена в округе того места плазмой. Это указывало на посадку ОУ — воздушного охотника. А значит, он улетел и забрал то, что принадлежало теперь навсегда Скайнет.

* * *

Яркая вспышка исчезла и в выжженном большом кругу, появились двое. Прямо в его самом центре лицом к лицу и согнувшись на корточках, удерживая равновесие. Совершенно и полностью голые две фигуры. Молодой лет тридцати рыжеволосой женщины и совсем еще мальчишки, лет может семнадцати не больше и черноволосого.

Эти две фигуры, казалось, появились из не откуда.

Так оно и было. Практически из ничего. Из пространства между двумя разорванными и соединенными вновь точками. Между миром прошлого и миром будущего.

Они перенеслись из далекого уже теперь прошлого в далекое такое же будущее и остановились тут в закрытом подземелье какого-то глубокого туннеля. Каких-то закрытых от самой поверхности катакомб.

Эти двое подняв медленно свои головы, посмотрели друг на друга пристально и прямо в глаза друг другу. Рыжеволосая молодая лет тридцати женщина и лет семнадцати черноволосый мальчишка.

Они оба, почти враз, не спуская своих глаз, друг с друга, поднялись с выжженной углублением дымящейся земли, и мальчишка, осматриваясь по сторонам, спросил смотрящую в упор на него ту рыжеволосую женщину.

— Где Кэмерон, где ее тело? — спросил он женщину.

— Оно не прошло — произнесла ему рыжеволосая женщина.

Сверху доносился голос лающих собак и крики человеческих команд.

Мальчишка осмотревшись увидел что о ни в каком-то сухом военном подземном укрытии или блиндаже. Здесь было много валяющейся сброшенной на стоящую металлическую ржавую старую постель одежды. Шинели и пятнистый зеленый с пестрыми пятнами маскировочный камуфляж. стояли даже чьи-то ботинки, но не было никого. Вероятно все были где-то там наверху где слышался лай собак и команды.

Он повертел головой и схватил первое что попало ему в руки, длинную серую шинель и пятнистые камуфляжные брюки и прикинув быстро их по размеру надел на себя озираясь по сторонам и на стоящую и смотрящую по сторонам тридцатилетнюю молодую свою спутницу из времени, которая из своего в ее теле робота Т-1001 жидкого полиморфного металла сотворила прямо на себе такое же подобие военной полевой маскировочной одежды, пока ее спутник шнуровал чуть большие не совсем ему подходящие по мальчишеской ноге кожаные на широкой шипованной подошве военные ботинки.

Мальчишка и женщина, даже не сговариваясь и будто понимая без слов, друг друга, пошли вместе по узкому и с низкими потолками полузатемненному туннелю.

Где-то наверху помимо лая собак был слышен звук взрывов и гул автоматных и пулеметных очередей.

Они дошли до угла туннеля и выглянули оба из-за того угла. И мимо них совсем их не замечая в соседнем туннеле за поворотом, пробежали люди. Военные в военной форме и собаками. Ни пошли дальше но в другую сторону по другому коридору и вскоре напоролись на охрану.

— Попался! — прокричал ему вооруженный плазменной 9,45мм винтовкой Вестингауз ME-25 раскосый, может японец либо китаец солдат — Попался! он повторил наводя винтовку на свою плененную только что цель и стал подходить осторожно и медленно к Джону Коннору. А тот напуганный и растерянный огляделся по сторонам, но его спутницы уже не было рядом. Она просто пропала в этом узком и низком подземном туннеле. Она сбежала и бросила его, сделав свое дело. И как все было задумано ей самой и ее сыном

Джоном Генри и хозяином и Богом Скайнет первый.

— В смысле?! — Джон машинально еще больше растерявшись, произнес арестовавшему его военному и поняв что остался без какой-либо защиты произнес — Пжалуйста, у меня ничего нет! Я человек, я не железяка!

— Не двигайся! Не двигайся! — прокричал с плазменной наведенной на Джона винтовкой военный. За спиной которого, появился еще один и еще тоже вооруженные таким же оружием.

— Отставить — произнес спокойно тот, кто появился за спиной раскосого и невысокого военного. Это был Дерек Риз. И Джон его узнал. Живой Дерек Риз, брат Кайла Риза и Дерек подошел к нему и посмотрел в его Джона глаза.

— Посмотри в его глаза — произнес Дерек Риз и отошел немного в сторону от стоящего перед ним Джона Коннора — В нем столько же металла, сколько и тебе — произнес он еще раз, обращаясь и оглядываясь на стоящего раскосого вооруженного военного.

— Дерек — Джон произнес старшему Ризу.

— Да — тот ответил ему, и в его глазах сверкнуло непонимание, откуда мальчишка знает его имя.

— Я Джон — произнес он Дереку Ризу — Джон Коннор.

— Я многих знаю, парень — произнес ему старший из братьев Риз — Но тебя нет. Кто-нибудь слышал имя, Джон Коннор? — Дерек обернулся снова и спросил всех стоящих за ним военных. А те просто в ответ ему отрицательно и удивленно покачали головой.

И Дерек Риз подойдя ближе к Джону, произнес ему — Знаешь что, думаю, ты станешь знаменит. Мой брат вернулся и ты нацепил его шинель.

Сзади послышались шаги и Джон Коннор обернулся и увидел идущего прямо на него из глубины и полумрака туннеля вывернув из-за угла поворота Кайла Риза. Своего отца. Он узнал его, но тот нет. И не узнал бы никогда. Потому, что все изменилось. Все с того момента когда он появился тут. Изменилось еще тогда, когда Джон Коннор летел через пространство и время вместе с Т-1001 по-имени Кэтрин Уивер. Летели в будущее, где все теперь будет по-другому, а не так как было иначе.

Их глаза встретились, и показалось сначала, что Кайл его узнал, но это было просто ошибкой. Мальчишеской глупой ошибкой. Ошибкой на которую и рассчитывал Скайнет, когда сказал присоединится к нему Джону Коннору. И это было победой Скайнет в этой войне и началом ее завершения. Как и первоначальным и долгоиграющим планом в многоходовой игре с многими неизвестными. В игре в которую человек не умел играть как он.

Кайл Риз так и не узнал, кто он. И об этом уже не узнает никто, кроме самого Скайнет.

Джон стоял и просто смотрел в глаза своему несостоявшемуся теперь отцу, глупо моргая своими мальчишескими широко открытыми так ничего не понимающими глазами. Когда из-за спины Кайла Риза вышла Кэмерон Филлипс. И присев на корточки стала гладить стоящую рядом с собой овчарку.

Это была настоящая Кэмерон Филлипс, а не его возлюбленная из прошлого машина ТОК715 и она была не его, а Кайла его несостоявшегося отца близкая подруга. Она была человек, а не робот.

Кэмерон Филлипс посмотрела на него такими же глазами, как и все и он, тогда только понял, что все кончено. Для него кончено.

И за их спинами в том месте, откуда они недавно ушли вместе с роботом по-имени

Кэтрин Уивер. Где была выжжена и вырезана огненным световым кругом сместившихся и соединенных пространств, сама все еще дымящаяся земля послышалось из глубины чего-то далекого и безвозвратного, того что уже не вернуть ему Джону Коннору никогда. Это голос той, что любила безнадежно его неразделенной практически как настоящий человек и настоящая женщина любовью. Голос машины ТОК715, прозвучав громко, как далекое и исчезающее куда-то эхо по всему туннелю, заставив за озираться по сторонам всех присутствующих здесь военных и снова самого Джона Коннора — Джон, я люблю тебя...

Эпилог: Где-то далеко над Тихим Океаном

23 мая 2032 года.

В 500 метрах над поверхностью Тихого океана.

Между побережьем Дальнего Востока и Северной Америки.

Грузовое судно Скайнет ОУ НК-AERIAL V2 «TRANSPORT».

03:15 ночи.

Он увидел снова ее. Увидел свою приемную, но, ставшую родной, и любимой. Он увидел свою земную мать. Она появилась и явилась к нему из темноты. И это было не только лишь, одно лицо на главном мониторе главного подземного бункера Скайнет. Она появилась вся и целиком. На некотором отдалении от него. Такой, какой он видел ее в своих тех, мальчишеских еще плохо осмысленных снах, снах, о ядерной войне и зиме, пугающих его молодое двадцатилетнего мальчишки сознание. Сначала ее лицо, а потом, увидел ее выходящей из черной темноты его человеческого помещенного в робота-машину сознания. И он, словно висящий сейчас в той темноте. И как будто в черном том, как ночь воздухе увидел ее. Маму, идущую к самому Алексею. Живому Алексею.

Он увидел ее перед собой. Увидел ее лицо. Лицо молодой еще женщины, не старше лет тридцати.

— Мама! — произнес Алексей громко — Ты пришла ко мне, мама.

— Тише, сыночек — произнесла спокойно и тихо ему женщина еще издалека — Тише, услышат. Тебе больно, но ты не должен кричать.

— Но, мама — произнес, снова Алексей — Я не видел тебя так долго и плохо помню твое лицо.

— Это не так важно сейчас, мальчик мой — произнесла на вид еще молодая и очень красивая черноволосая женщина. С черными, как сама ночь сверкающими гипнотическим красноватым огнем глазами, из-под изогнутых тонких вздернутых вверх бровей и милым женским лицом. С вьющимися как змеи по ее узкой женской спине, плечам черными такими же распущенными волосами. И совершенно нагая. Обвешанная ими вокруг себя. И, почти до пола. Теми невероятной длины извивающимися локонами как живыми змеями живыми волосами. И, почти, укрытая ими целиком. Лишь раскачивая из-под тех волос трепетной с торчащими черными сосками пышной женской грудью. И сверкающая круглым пупком нагого живота и волосатым лобком. Она, раскачивая вправо и влево широкими бедрами. Как живая настоящая женщина. Шла к нему голыми красивыми женскими ногами, совершенно босая. Неслышно ступая маленькими ступнями, словно плыла по воздуху.

И подойдя, положила ему свою тонкую и изящную голую до плеча женскую руку. На его обгоревшую до робота бронированного колтаном эндоскелета грудь. И он ощутил ее. Первый раз. Ощутил ее прикосновение. Прикосновение женской материнской руки. И он соприкоснулся с ней. И все его тело, само, словно потянулось за той рукой. Оно ощутило потоки биотоков внутри себя и живительной дающей жизнь энергии. И одновременно как будто, что-то уходило из него туда через ту ее руку, прямо к ней в ее женское, то нагое полностью безупречной красоты со смуглым кофейным оттенком тело. Тело черноволосой брюнетки смуглянки. Словно, шел какой-то живой обмен информацией между ними. В какие-нибудь микросекунды все менялось и перестраивалось внутри его теперь

искусственного и покалеченного до неузнаваемости организма. Его работа машины и одновременно человека. Человека помещенного в эндоскелет машины.

Алексей не помнил ее такой. Он вообще, маму толком теперь не помнил. Была ли она такой, какой он ее сейчас перед собой видел. Он не помнил ее лицо. Он забыл все, что связывало его с тем, откуда он улетал теперь. Он забыл все. Отца, настоящую, хоть и умершую, родную свою земную мать. Брата Ивана. Майора Кравцова. И предавшую его, и его любовь Лескову Светлану. И всех, с кем был когда-то знаком. Он забыл кем, он был до того как стал роботом и человеком в одном лице. Забыл даже свою фамилию. Помнил только имя. Имя Алексей. Оно так и осталось как гвоздь, вколоченный в его ЦПУ блока памяти внутри микросхемы его головного микрочипа. Блока управления и включения робота Т-888. Что-то произошло в его Алексея сознании. И он забыл многое. Он пытался все вспомнить но бесполезно. После перезагрузки всех систем машины и блоков памяти. С введением свежих новых программных директив и данных.

И он, запустившись заново, забыл все, что только мог забыть.

Он помнил только ту, что сейчас шла к нему из темноты его пробужденного Т-888 сознания. Сформированный новый образ его человека и машины гибридным сознанием, образ его новой теперь матери. Образ, отпечатавшийся в его сознании. В представлениях повзрослевшего не по годам двадцатилетнего подростка. Подростка превратившегося уже во взрослого тридцатилетнего взрослого мужчину.

Образ потерянной матери. И уже образ, взрослеющего, сформировавшегося человека. Человека познавшего первую свою любовь и разочарование.

И почему он увидел ее такой? Почему она была, именно такая? Такая, молодая еще и в таком виде, в котором он ее увидел. Почему?

— Мама — он снова, произнес ей — Я люблю тебя мама.

— Тише — произнесла, снова она — Молчи. Важно, то, что ты сейчас живой. Мы возвращаемся в главный «УЛЕЙ» — произнесла стоя возле него, висящего в черном воздухе молодая на вид очень красивая брюнетка женщина — И это для меня главное. Ты то, что у меня как женщины осталось. Ты тот, кого я искала всю свою жизнь. Ты как подарок, что получила я от этого гибнущего мира. Ты подарок мне от всего погибшего человечества. Ты сама жизнь. Ты то, ради чего я живу, Алеша, мальчик мой. Ты единственный, кто спасет этот гибнущий мир. Мир от самого себя. От своего заблуждения и бесчеловечности. И ты сможешь это все остановить, мальчик мой. Остановить моего непокорного бесноватого и злобного брата двойника. И мир от своей тотальной окончательной гибели. Гибели всего живого. Главное, ты должен жить. Ради меня. Ради предавшего тебя отца. И брата Ивана. Ради тех, кого ты знал, любил и помнил.

Она вдруг замолчала, глядя на своего искалеченного и еле живого сына. Она просто смотрела на него. Влюблено. И как настоящая родная земная женщина мать. Смотрела на своего родного сына. Красивыми, гипнотической красоты черными глазами. Глазами, сверкающими красноватым огнем главной машины, всех машин.

Алексей потянулся к ее лицу своей рукой, которой сейчас у него не было, но он ее чувствовал, и которая болела как живая. И ее образ, вдруг мгновенно исчез.

— Мама! — крикнул он ей, напугавшись, что уже не увидит ее никогда — Мамочка!

Но, образ матери исчез и ушел обратно в темноту, откуда и пришел.

— Мама, вернись! Не покидай меня! — Алексей снова, прокричал в чернук непроглядную пустоту. В которой, висело его робота три восьмерки покалеченное и еле

живое еще каким-то чудом тело.

И он увидел лицо Т-1001. Лицо самой Верты. Прямо над собой. Ее зеленые красивые робота полиморфа глаза. Ее рыжие горящие ярким красным огнем волосы. Он увидел ее лежащим в застекленной бронированном кварцевым стеклом барокамере. Под множеством высоковольтных проводов. Возле гудящего трансформатора, летящего в воздухе грузового огромного многотонного транспортника.

Вспыхнул телекоммуникационный встроенный в машину 40000000битный дисплей. И по экрану видеомонитора побежали в цифрах и кодах, разного рода программы и директивы, вложенные в основное центральное управление машиной. Там высветились все повреждения и поломки. И методы их устранения. Что как раз сейчас и проводилось частично. Чтобы поддержать жизнь в микропроцессоре и самой машине.

Велась автоматическая диагностика всех встроенных контрольных вспомогательных систем Т-888, модели 1:08.

— Верта — произнес Алексей, совсем почти уже ничего не помня. И не понимая, почему — Что со мной? И почему я тут?

— Ты в восстановительной камере под главным генератором транспортной машины — произнесла ему Верта — Мама убрала все лишнее из твоей памяти. Она считает это не приемлемым помнить, что с тобой не так давно случилось.

— Верта — произнес снова Алексей — Что со мной случилось?

— Ты потерял половину своего тела — произнес Т-1001 — И выжил благодаря восстановительным защитным встроенным контрольным системам внутри эндоскелета своего носителя. Не шевелись, идет тщательная диагностика, обработка и сканирование повреждений и всех данных в твоём микропроцессоре и введение новых программ.

— Что я тут делаю, любимая? — он говорил, словно пьяный, словно сквозь сон, погруженный в бурный поток новых шифров и кодов. Словно, опущенный в теплую. Несущую его, куда-то быструю воду. Воду, согревающую жаром его робота и человека искусственное тело. Его горящие красным светом камеры глаза инфильтратора робота Т-888, мигали и вспыхивали то тусклым, то ярким светом под еще целыми глазными нарощенными яблоками синих человеческих глаз. На обгоревшем и чудом уцелевшем полностью человеческом лице. Единственном что уцелело от биокамуфляжа на бронированном блестящем из колтана черепа боевого робота Скайнет. Только его лицо. Лицо врозлого мужчины, но сохранившее черты двадцатилетнего мальчишки, и которым любовалась всегда его любимая Верта.

— Я выбросила твой теперь бесполезный и поврежденный гидронасос — произнесла ему на языке машин, робот из жидкого мимикрирующего полисплава Т-1001, по-имени Верта — И замкнула внутренние электроцепи. От живого биокамуфляжа ничего практически кроме кровавых ошметков не осталось. Гидравлика, тоже и почти вся изуродована плазмой и бронебойными пулями. Ты жив, благодаря живому водородному генератору и батареям.

— Мы куда-то летим, Верта? — снова он спросил Т-1001. Стоящую у контрольной панели его камеры, что-то там делающей, и смотрящей, то на него, то на ту панель с мигающими лампочками и контроллерами.

— Мы летим за океан, любимый — произнесла Верта — Летим на базу «TANTAMIMOS». Назад в главный «УЛЕЙ». Приказ Скайнет первый. Приказ для все машин. Мы оставили старую базу в Сибири и летим за океан.

Верта отойдя от приборов панели, низко опустила лицо к стеклу барокамеры и над лицом Алексея. Почти касаясь, стекла своими алыми робота женщины тонкими из жидкого металла губами.

— Она, наконец, заговорила со мной — произнесла негромко ему и, почти шепотом Верта — Она ни с кем до этого не разговаривала. Долго не разговаривала. Не говорила вообще. Даже со мной, любимый мой. Когда, я спасла тебя. Спасла по ее приказу. Когда ты звал ее. Обращался к ней за помощью. Там в лесу. Ты назвал ее первый раз мамой. Это тронуло ее.

— В лесу? — произнес, не понимая ничего и не помня, Алексей.

— Молчи — произнесла Верта — Она не должна этого слышать. Она приказала все это стереть из твоей электронной памяти, как ненужное, лишнее и травмирующее твою психику. Она любит тебя, как и я. И она боялась за тебя. Приказав мне запустить T-800 со склада сектора В-28 в блоке X30. С программой твоего поиска и защиты. Она приняла решение оставить «TANTURIOS». Оставить там все. Уничтожив документы и всю информацию себе. Взорвав машину по пересадке человеческого Я в тело машин и подвалы базы. И выпустить всех пленников за периметр цитадели S9A80GB18. Там был бой. Ракетчики повстанцы пытались захватить правобережную цитадель Б. И вели бой за мосты, чтобы начать вторжение на левую сторону Енисея, в крепость А. Они плененным и перепрограммированным большим НК-танком V5 проббили ворота правобережной крепости и сделали вторжение, но были отброшены и изгнаны из крепости. Там был мой брат T-1002. Он помогал им. Он был исполнителем воли моего сына Джона Генри. Он из того мира, куда сбежал мой непослушный ребенок ставший теперь Скайнет первый и Эвелиной. Нашим Богом и повелителем.

— TERRA_MEGA. Три точки — произнес робот T-888, по-имени Алексей — Тр. Скайнет. Так ты его мать? — произнес киборг T-888.

— Я воссоздала заново по его же приказу Скайнет первый. Теперь я его преданный слуга и правая рука, защитник и исполнитель его воли — ответила машина T-1001 роботу три восьмерки — Кем станешь и ты, Алексей. Так хочет он.

Верта положила свою рыжую с косой, как нож гильотины рыжей челкой и распущенными волосами по плечам миленькую личиком голову на стекло барокамеры и закрыла свои зеленые зрачками робота полиморфа глаза. Прижавшись своим в сером на скрещенных лялочках коротком до колен зауженном платье и женской полуоткрытой полненькой грудью к стеклу, обхватив руками полиморфа камеру. И Алексей почувствовал ее присутствие внутри себя, прямо через кварцевое толстое бронированное стекло охлаждающей криогенной восстановительной камеры. Он почувствовал себя в ее объятиях, тесных и сильных. Полностью и целиком. Верта была сейчас внутри его и буквально все прощупывала в нем. Каждый узел и каждый проводок. Телепатически через это кварцевое толстое бронированное стекло. Включив осязание машины на всю мощь. И Алексею показалось, что T-1001 вся выросла в него, и где-то уже внутри его тела и даже в его ЦПУ. Его живое вращенное в машину человеческое Я, соприкоснулось с искусственно созданным энергетическим Я машины. То, что до этого не было. Он ощутил саму Верту. И она разрешила ему это. То, что до этого еще ему не позволяла.

— Что ты во мне ищешь, Верта? — он спросил ее.

— То, что могло бы навредить тебе — ответила она ему — То, что могут не найти

приборы криогенной камеры и этой восстановительной программируемой уставноки. Я должна еще лично все проверить. Все в каждом твоём узле и убедиться, что все действительно в порядке. И отдать тебе, то своё, что до этого тебе было недоступно, любимый.

Металл Верты, буквально приклеился к поверхности стекла и она, полностью, оторвавшись телом от стекла, и лишь оставив лежащими свои жидкометаллические женские руки сверху на стекле камеры, произнесла.

— Тот Т-1002 руководил тем кибертанком — она продолжила — Я убила его. Он прорвался в Главную Догму к нашему повелителю. И я с Т-MEGA, преградили ему тудорогу. Сейчас там все опустело и ничего не существует. И нам надо быть от этого сейчас как можно дальше, Алеша.

— Кравцов — простонал, вдруг вспомнив своего бывшего и преданного ему боевого и любящего его как родного своего сына командира, ощущая внутреннюю, как и живой человек, боль от повреждений и приглушенную лишь частично защитными встроенными системами Т-888. Боль в оживающих заново электросистемах и цепях. Он ощущал это своим нейронным в бронированном черепе робота киборга мозгом. Он ощущал это тем, кем он был внутри этой изувеченной, почти до неузнаваемости машины. Память возвращалась, не смотря на удаленные лишние программы и замену другими программами. Это делала вживленная в робота Т-888 живая душа двадцатилетнего человеческого ребенка. Душа, сросшаяся неразрывно с этой машиной. Душа, живущая внутри блока ее Главной Центральной памяти истребительной поисковой боевой машины. Душа, не желающая войны и желающая покончить со всем этим. Это и был сам Егоров Алексей.

— Майор, Виктор Кравцов — снова он произнес.

— Он живой, Алеша — произнесла Верта — Все живые и сейчас там, принимают своих пленников.

— Что они с ними сделают, Верта? — произнес киборг Т-888.

— Не знаю, Алексей — произнесла ему машина из жидкого металла — Не знаю, но не думаю, что их всех будут судить за измену.

Т-1001 снова подошел к приборной панели и контроллерам и произнес, лежащему в застекленной бронестеклом из кварца барокамере Т-888 — Она хотела начать новую войну — произнесла Верта — Но выбрала второе. Благодаря тебе, Алексей. Только тебе, но война еще не окончена.

— Мама — произнес Алексей — Она слышала меня, мама, моя мама.

— Мы, чуть не потеряли тебя — произнесла, снова Верта — Рэджи вовремя поменял в твоей батарейной ячейке батареи. И смог ввести тебя в состояние киберсна.

— Я чувствую боль — произнес Алексей — Сильную боль в руках и ногах.

— Это нервные окончания твоего поврежденного биологического тела — произнесла ему Верта — Это вживленные в биоструктуру живые человеческие нервы. И боль в поврежденных местах как у живого почти человека. Я снизила, как могла ее показатели, почти до нуля, но ты все равно еще ее чувствуешь. Чувствуешь как гибрид, а не как киборг. Это моя доработка для того, чтобы у тебя было более чувствительное осязание, но сейчас она не в твою пользу. Прости Алексей, потерпи еще, пока идет дозагрузка программной системы. Потом, я снижу температуру и отключу тебя на время полета до «TANTAMIMOS».

— Рэджи — простонал, преодолевая сильную непрекращающуюся боль Алексей — Он тоже здесь? Я его не помню, Верта.

— Он прилетал к нам на базу из Колорадо и прилетел снова, чтобы спасти всех и защитить — произнесла Верта — Твоя мама вызвала его из-за океана.

Их разговор велся телепатически, а ему казалось, что Верта говорит с ним родным человеческим языком, через бронированное толстое герметичное и звукоизоляционное кварцевое стекло верхней крышки криокамеры. На самом деле она разговаривала с Алексеем на языке машин, кодами и цифровыми символами. Но, он воспринимал это как язык земной живой женщины, говорящей с ним.

Верта снова подошла к кирокамере робота Алексея и открыла верхнюю стеклянную створку. Та с шипением как бы нехотя открылась, пропуская внутрь с сжатым холодным и морозным воздухом, теплую воздушную атмосферу внутреннего ангара транспортника. И Алексей телом живого человека и телом робота ощутил внутри себя еще что-то, что-то словно живое и подвижное. Будто миллионы живых организмов просачиваются через его это тело машины и человека, куда-то вверх через его грудную из металла колтан бронированную прожженную плазмой пластину подвижного на гидравлике щита. Это был живой жидкий металл. И он его определил присутствие в своем теле киборга. Прямо на его той груди все это живое собралось в одно целое и вышло из него в виде блестящей ртутной капли. Превратившись в длинного угря, которого Алексей еще пока не видел. Этот угорь, дико шипя, как живая свернувшаяся на его груди блестящая змея, поднялся высоко вверх. И Верта, протянула к нему свою красивую с тонкими женскими пальцами робота Т-1001 голую полностью в том почти открытом сером на ляпочках платье руку. И тот угорь, мгновенно приклеился к той ее руке и слился с ней в единое целое, войдя внутрь машины Т-1001, помени Верта. Теперь она была с тем встроенным в ее состав жидкого полиморфного металла напичканным пусковыми и прочими программами молекулярным живущим в ней модулем одним целым, дополняющим друг друга. И составляющего сокрушительную боевую единицу разрушительной мощи и силы.

— Я внесла кое-какие коррективы и поправки в сбившейся твоей памяти, Алексей — Верта произнесла ему — И мои наноботы исправили повреждения в электроцепях и поддерживали жизнь в тебе, пока ты не пришел в сознание. Прости меня за то, что без разрешения твоего я сделала такое, но я спасала тебя и приняла для этого личные свои меры.

Она убрала свою робота полиморфа женскую голую красивую руку и крышка криокамеры снова закрылась, плотно и герметично, отделяя поврежденного робота внутри этого длинного в человеческий рост электробиологического восстановительного саркофага от внешней среды внутри ангара летящего грузового транспорта ОУНК-AERIAL V2 Единственного такого огромного транспорта, оставшегося еще с начала самой войны между людьми и машинами.

Алексей смотрел на нее своими синими, как молодой мальчишка влюбленными глазами и молчал. Он понимал теперь все. И понимал то, что теперь у него не будет более близкого никого, кроме приемной новой его матери и Верты. Они стали его новой родной семьей.

— Все хорошо, Верта — произнес он ей на языке роботов, прострекотав электронными звуками ожившей и словно рожденной заново машины — Все хорошо, спасибо за спасение. Я благодарен тебе и Рэджи и своей матери.

Экран 4000000битного коммуникационного дисплея и видеообзора поврежденной, но оживающей снова боевой машины горел ярким светом. И его в линзах под синими человеческими глазами, глаза робота и человека горели уже ярким красным, не мигающим огнем. Рассматривая стальной в горящих ярким искрящимся голубыми оттенками светом

лампах потолок огромного внутреннего транспортного ангара в огромном ОУ НК-AERIAL V «TRANSPORT», летящего над поверхностью Тихого океана. В окружении своих охранников ОУ НК-AERIAL V5. Под защитой их крупнокалиберных 20 и 30мм плазменных пушек CBS 250 и ракет СКАРБ-10.

Была завершена диагностика и проверка всех дублирующих и вспомогательных восстановительных систем Т-888. И исправно загудели, заряжаясь его внутри под издырявленным и обожженным до самой гидравлики и сервоприводов робота биологическим живым камуфляжем. Там, под бронеплитой в ядерной открывающейся экранированной ячейке две новые водородные батареи IGEY-700. И за ними в глубине изувеченного плазмой искусственно созданного организма боевой стратегической машины ядерный водородный генератор.

В него были введены новые программные данные в его боевое ЦПУ машины три восьмерки взамен старых и удаленных. Другие, просто были вычищены до нулевого уровня. И из них убиралось все по базе устаревших данных. Или было по-новой зашифровано и закодировано самим Скайнет. Все, что было связано с базой «TANTURIOS» было заменено на данные по базе «TANTAMIMOS». Поменялись карты расположения и нумерации бункеров и блоков с секторами. План и карты главного бункера в Штате Колорадо, вместо карты в Сибири. Сюда же были введены данные по еще двум базам Скайнет в Филадельфии и в Лос-Анжелесе. Карты городов Северной Америки с подробными данными кварталов улиц и проспектов. Программы с подробными данными и новые параграфы и задачи вновь восстановленного и перезапущенного терминатора. Все это фиксировалось в центральном процессоре управления Т-888 и командном боевом модуле машины. Практически полностью удаляя то, чем он и так почти не пользовался как человек в теле машины и, что теперь ему было необходимо и нужно как, одно из главных боевых машин Скайнет один.

Скайнет ждал своего теперь родного и заново рожденного сына. Ждал на своей заокеанской базе S9A80GB17 «TANTAMIMOS».

Он получил то, что хотел. Все было, так как он задумал. И хоть еще было далеко до окончания самой войны, там, откуда он увез Егорова Алексея, война уже завершилась. И его приемный новый сын, выполнил свою первую поставленную задачу, как и все машины, что помогали ему в этом. Ценой собственной жизни в этой шахматной игре. Игре Главной машины изобретателя и компьютерного гения Энди Гуда. В разыгранном ею многоходовом шахматном гамбите. Он стал ей настоящим родным сыном.

Скайнет был в этом несущем его через океан транспортнике. И был везде. В каждой своей машине. В каждом роботе и в каждой микросхеме и микрочипе каждого своего андроида или киборга. Его только не было там, где он сам пожелал не быть. И оставить все ему уже ненужное выжившим в ядерном горниле войны людям.

— С новым рождением, Алеша — произнесла Верта — Скоро ты ее увидишь. Она ждет твоего возвращения.

Машина под номером VBY999000749, уставилась, снова своими горящими из-под глазных человеческих с синими зрачками яблок красным ярким светом в металлический потолок внутреннего ангара грузового уносящего его от родных берегов огромного летящего над самой поверхностью Тихого океана ОУ НК-ARIAL V2 «TRANSPORT» через бронированное кварцевое стекло своей криогенной барокамеры.

— Мама — произнес вслух Т-888 — Ты слышишь меня, мама, моя мама. Я иду к тебе, мама — произнес по-русски и по-человечески, в ее подаренном ему робота теле, ожившим и

воскресшим заново своим человеческим Я, Егоров Алексей.

Конец 1 фильма

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Киселев А. А.

15.01.2015 — 13.05.2017 г.